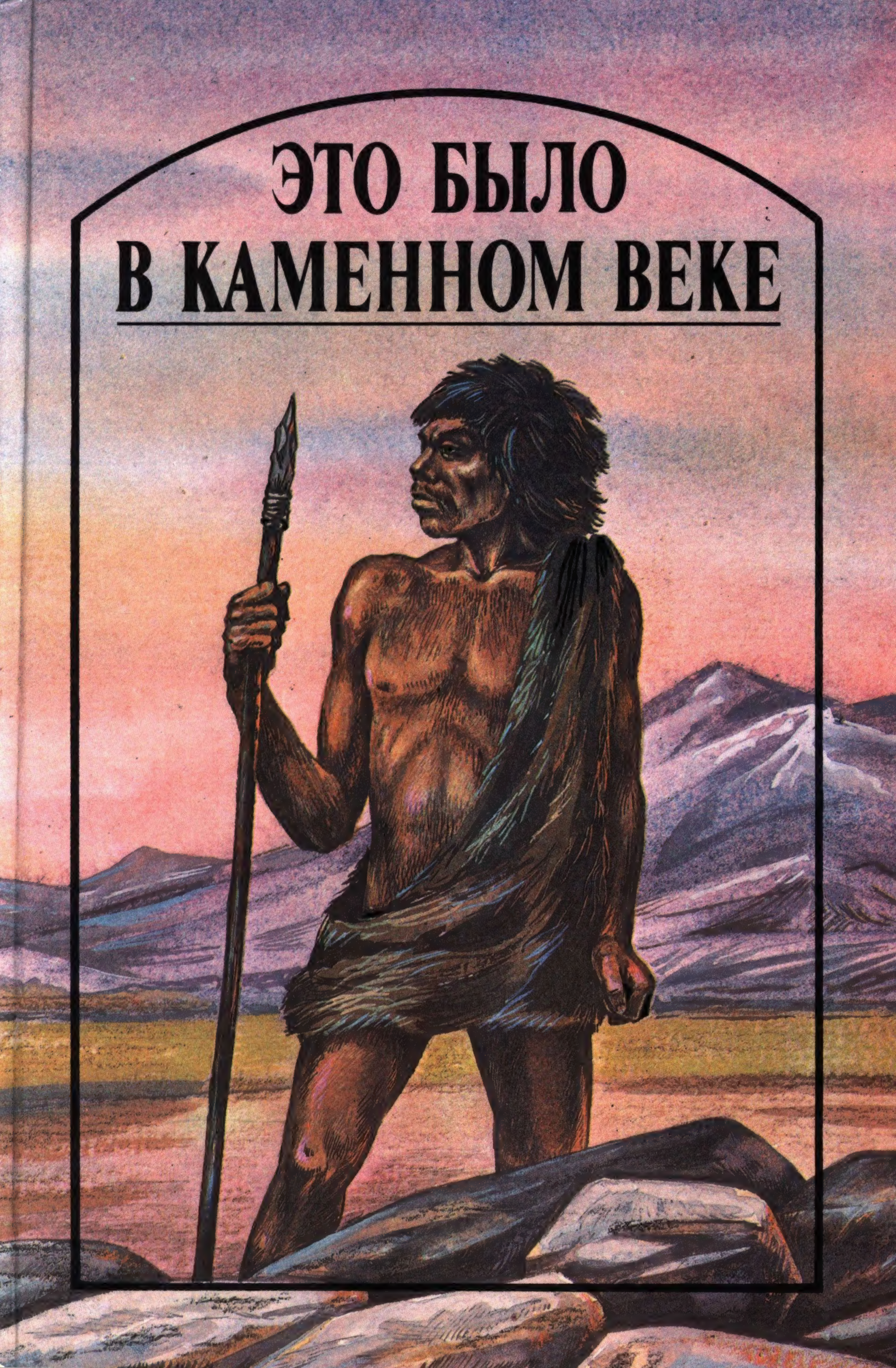
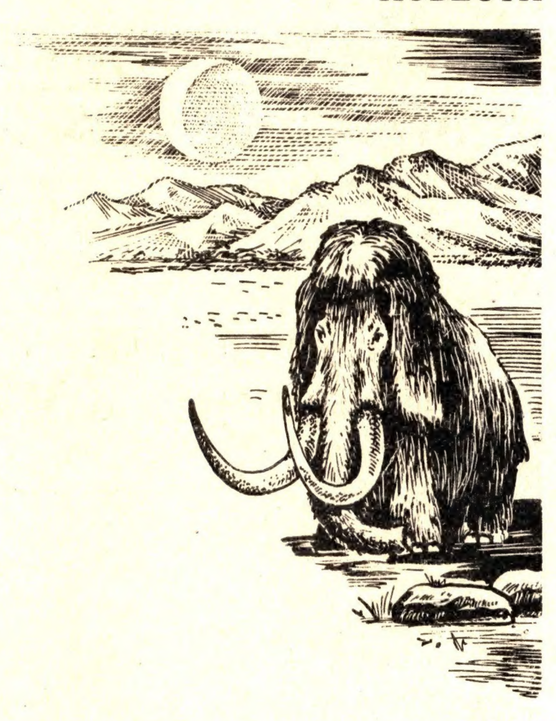

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ

ЭТО БЫЛО
В КАМЕННОМ ВЕКЕ

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ

ПОВЕСТИ

Джек Лондон

ДО АДАМА

Герберт Уэллс

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Рони Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ

ВАМИРЭХ

Д'Эрвильи

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

Минск
«Юнацтва»
1989

ББК 84(0)
Э 92

Переводы с английского и французского

Составитель Г. Г. ЧЕРНУЩЕНКО

Художник Ю. ТЕРЕЩЕНКО

Печатается по изданиям: Лондон Дж. Собр. соч.: В 14 т. Т. 5 — М.: Правда, 1961.— С. 149—261. Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5.— М.: Правда, 1964.— С. 417—478. Рони Старший. Борьба за огонь. Пещерный лев. Вамирэх.— Мн.: Юнацтва, 1987.— 348 с. Д'Эрвильи. Приключения доисторического мальчика.— М.: Дет. лит., 1969.— 94 с.

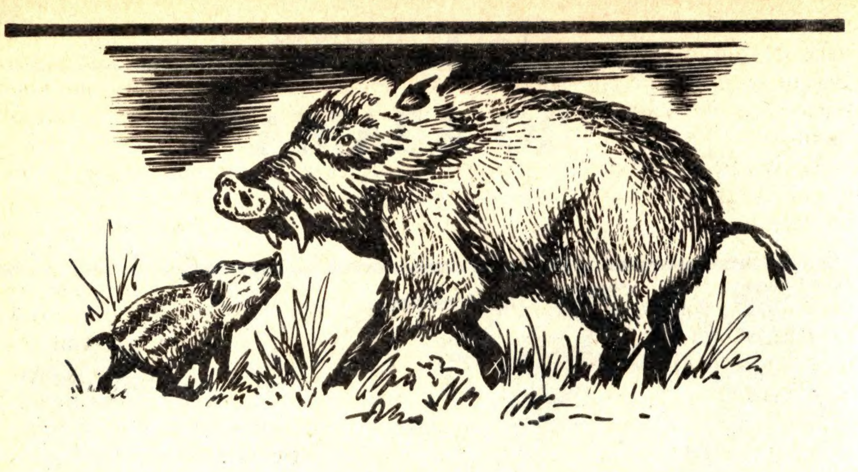
Э $\frac{4703000000—028}{М\ 307(03)—89}$ БЗ 2—89

ISBN 5-7880-0124-2

Джек Лондон

ДО АДАМА

ГЛАВА I

Видения! Видения! Видения! Пока я не понял, в чем дело, как часто я спрашивал себя, откуда идет эта бесконечная вереница видений, которые тревожат мой сон,— ведь в них не было ничего такого, что напоминало бы нашу реальную, повседневную жизнь. Они омрачали мое детство, превращая сон в страшные кошмары, а немного позднее внушив мне уверенность, что я не похож на других людей, что я какой-то урод, отмеченный проклятием.

Только днем я чувствовал себя в какой-то мере счастливым. Ночью же я оказывался в царстве страха — и какого страха! Я отважился бы сказать, что ни один живущий ныне человек не испытывал такого жгучего, такого глубокого страха. Ибо мой страх — это страх, который царил в давно минувшие времена, страх, который свободно разгуливал в Юном Мире и гнездился в душе юноши Юного Мира. Короче говоря, тот страх, что был непререкаемым владыкой в те века, которые носят название среднего плейстоцена.

Что я имею в виду? По-видимому, мне необходимо объяснить это, прежде чем я перейду к рассказу о своих сновидениях. Ведь о том, что прекрасно знаю я, вам известно так мало! В то время, как я пишу эту страницу, передо мною встают причудливые картины того, другого мира, проходит череда живых существ и событий — все это, я знаю, покажется вам бессмысленным и бессвязным.

Что значит для вас дружба с Вислоухим, обаяние и прелесть Быстроногой, разнузданная похоть и дикость Красного Глаза? Несуразные, пустые звуки, не более. Столь же пустыми звуками вам покажутся и рассказы о Людях Огня и Лесной Орде, о шумных, ло-

почущих сборищах Племени. Ибо вам неведом ни покой прохладных пещер в утесе, ни очарование тропы у водопоя по вечерам. Вы никогда не испытывали, как хлещет утренний ветер на вершинах дерев, как сладка молодая кора, когда ее разжуешь хорошенько.

Быть может, вам будет легче вникнуть в суть дела, если я начну с описания своего детства — собственно, ведь именно детство и поставило лицом к лицу со всем этим меня самого. Мальчишкой я был, как все другие мальчишки,— если речь идет, конечно, о дне. Другим, не похожим на них, я был по ночам. С тех самых пор, как я помню себя, время ночного сна всегда было для меня временем страха. Редко-редко в мои сновидения прокрадывалось что-нибудь радостное. Как правило, они были полны страха, страха столь необычного, дикого, небывалого, что осмыслить этот страх было невозможно. Ни разу в моей дневной жизни не ощущал я такого страха, который бы хоть чем-то походил на страх, владевший мною во время сна по ночам. Это был совсем особый, таинственный страх, выходящий за пределы моего жизненного опыта.

Скажу к примеру, что я родился в городе,— более того, я был истинным дитятей города, деревня была для меня неведомым царством. Но мне никогда не снились города, ни разу не приснился даже простой дом. Мало этого,— в круг моих ночных видений никогда не вторгалось ни одно существо, подобное мне, ни один человек. С деревьями я сталкивался в жизни только в парках да в иллюстрированных книжках, а во сне я странствовал среди бесконечных девственных лесов. И я видел эти леса совершенно живыми. Остро и отчетливо представало передо мной каждое дерево. У меня было такое ощущение, что с этими деревьями я знаком давным-давно и сроднился с ними. Я видел каждую ветку, каждый сучок, примечал и знал каждый зеленый листик.

Хорошо помню, как я впервые в дневной жизни столкнулся с настоящим дубом. Глядя на узловатые ветви и резную листву, я с мучительной ясностью почувствовал, что точно такие же деревья я несчетное число раз видел во сне. Поэтому позже я уже не удивлялся, когда с первого взгляда узнавал и ель, и тис, и березу, и лавр, хотя до тех пор мне не доводилось их видеть. Ведь я видел их когда-то раньше, я видел их каждую ночь, как только погружался в свои сновидения.

Все это, как вы заметили, противоречит первейшей закономерности сновидений, которая гласит, что человеку снится лишь то, что он видел в этой жизни. Мои сновидения такой закономерности не подчинялись. В своих снах я ни разу не видел ничего такого, что имело бы касательство к моей дневной жизни. Моя жизнь во сне и моя жизнь, когда я бодрствовал, шли абсолютно раздельно, не имея между собой ничего общего, кроме разве того, что тут и там действовал тот же самый я. Я был связующим звеном, я как бы жил и в той и в другой жизни.

С малых лет я усвоил, что орехи добывают в бакалейной лавке, ягоды у торговца фруктами, но, прежде чем это стало мне извест-

ным, во сне я уже срывал орехи с веток или подбирал их на земле под деревьями и тут же ел; таким же образом я добывал ягоды и виноград с кустов и лоз. Все это было за пределами моего жизненного опыта.

Мне никогда не забыть, когда в первый раз на моих глазах подали на стол чернику. Черники я до тех пор не видел, однако при первом же взгляде на нее я живо вспомнил, что в моих сновидениях я не раз бродил по болотистым урочищам и вволю ел эти ягоды. Мать поставила передо мной тарелку с черникой. Я зачерпнул ягод ложкой и еще не успел поднести ее ко рту, как уже знал, какова черника на вкус. Съев ягоды, я понял, что не ошибся. Вкус у черники был точно такой, к какому я привык, поедая в своих сновидениях эту ягоду на болотах.

Змеи? Задолго до того, как я вообще услышал о змеях, они мучали меня в ночных кошмарах. Они подстерегали меня на лесных полянах, неожиданно взвивались из-под ног, ползали в сухой траве, пересекали голые каменистые участки или преследовали меня на деревьях, обвивая своими огромными блестящими телами стволы и заставляя меня взбираться все выше и все дальше по качающейся, трещавшей ветви — при взгляде с нее на далекую землю у меня кружилась голова. Змеи! — эти раздвоенные языки, стеклянные глазки, сверкающая чешуя, это шипение и треск — разве я не знал все это задолго до того дня, когда меня впервые повели в цирк и на арене появился заклинатель со змеями? Это были мои старые друзья, или, вернее, враги, из-за которых я терзался ночами от страха.

О, эти бесконечные леса и дебри, этот ужасающий лесной сумрак! Я блуждал по лесам целую вечность,— робкое, гонимое существо, вздрагивающее при малейшем звуке, пугающееся собственной тени, всегда настороженное и бдительное, готовое мгновенно кинуться прочь в смертельном страхе. Ведь я был легкой добычей любого кровожадного зверя, какой только обитал в лесах — и ужас, безумный ужас гнал меня вперед, бросая за мной по пятам неслыханных чудовищ.

Когда мне исполнилось пять лет, я впервые попал в цирк. Домой я вернулся больным — и отнюдь не от розового лимонада и орехов. Сейчас я расскажу все по порядку. Как только мы вошли под тент, где находились животные, раздалось громкое ржание лошади. Я вырвал свою руку из руки отца и стремглав бросился назад к выходу. Я натыкался на людей, и, наконец, упал наземь, и все время ревел от ужаса. Отец поднял меня и успокоил. Он показывал на толпу, которая не боится конского ржания и уверял, что в цирке совершенно безопасно.

Тем не менее лишь со страхом и трепетом и под ободряющей рукой отца приблизился я к клетке, в которой сидел лев. О, я тотчас узнал его! Грозный, ужасный зверь! И в моем сознании вдруг вспыхнула картина из ночных видений — полуденное солнце сверкает на высокой траве, мирно пасется дикий буйвол, внезапно трава расступается под стремительным рывком какого-то темно-рыжего зверя, зверь этот прыгает на спину буйволу, тот, мыча, падает, потом

слышится хруст костей. Или другое: спокойное прохладное озерцо, дикая лошадь, стоя по колена в воде, неторопливо пьет, и тут снова темно-рыжий — опять этот темно-рыжий зверь! — прыжок, ужасающий визг лошади, плеск воды и хруст, хруст костей. Или еще: мягкий сумрак, грустная тишина летнего вечера, и среди этой тишины могучее, гулкое рычание, внезапное, как трубный глас судьбы, и сразу же вслед за ним пронзительные, душераздирающие крики и лопотание в лесу, и я — я тоже пронзительно кричу и лопочу вместе с другими в этом сумраке леса.

Глядя на него, бессильного за толстыми прутьями клетки, я пришел в ярость. Я скалил на него зубы, дико плясал, выкрикивал бессвязные, никому не понятные унизительные эпитеты и строил дурацкие рожи. В ответ он бросался на прутья и рычал на меня в тщетном гневе. Да, он тоже узнал меня, и язык, на котором я разговаривал с ним, был знакомым ему языком древних, седых времен.

Мои родители страшно перепугались. «Ребенок заболел»,— сказала мать. «У него истерика»,— сказал отец. Ведь я никогда ничего не рассказывал им, и они ничего не знали. Я уже давно решил тщательно скрывать ото всех это мое свойство, которое, полагаю, я вправе назвать раздвоением личности.

Я посмотрел еще заклинателя змей, и больше на этот раз в цирке я ничего не видел. Меня увели домой, утомленного, в сильном нервном расстройстве: от этого вторжения в мою реальную, дневную жизнь другого мира, мира моих ночных сновидений, я был по-настоящему болен.

Я уже упоминал о своей скрытности. Только однажды я доверился и рассказал о своих необыкновенных снах. Я рассказал об этом мальчику — своему приятелю; нам обоим было по восемь лет. Из своих сновидений я создал для него картину исчезнувшего мира, в котором, как я уверен, я когда-то жил. Я рассказал ему о страхе, царившем в те незапамятные времена, поведал о Вислоухом и обо всех проделках, на которые мы с ним пускались, о безалаберных и шумных сборищах Племени, о Людях Огня и о захваченных ими землях.

Приятель смеялся и глумился надо мной. Он рассказал мне о привидениях и мертвецах, которые являются по ночам. Но больше всего он издевался над тем, что у меня будто бы слабая фантазия. Я рассказывал ему еще и еще, он хохотал надо мной все сильнее. Я самым серьезным образом поклялся ему, что все это так и было, и после этого он стал смотреть на меня с подозрением. Всячески перевирая, чтобы только позабавиться, он передал мои рассказы другим товарищам, и те тоже начали относиться ко мне с подозрением.

Это был горький урок, но я усвоил его крепко. Я иной, чем все другие. Я ненормален, ненормален в чем-то таком, чего они не могут понять, о чем бесполезно рассказывать — ведь это вызывает только недоразумения. Когда при мне говорили о привидениях и домовых, я был совершенно спокоен. Я лишь хмуро про себя улы-

бался. Я думал о своих страшных снах, и я знал, что мои видения — это отнюдь не какой-то туман, тающий в воздухе, не призрачные тени, а реальность, такая же реальность, как сама жизнь.

Я и в мыслях не боялся каких-либо злых людоедов или страшных чертей. Падение сквозь покрытые зеленью ветви с головокружительной высоты, змеи, бросавшиеся за мной по пятам, когда я увертывался и, лопоча, удирал от них, дикие собаки, гнавшие меня через открытое поле к лесу,— лишь эти страхи и ужасы были для меня реальными, лишь это — подлинной жизнью, а не выдумкой, лишь тут трепетала живая плоть, струились кровь и пот. Людоеды и черти — да они были бы мне просто добрыми друзьями, если сравнить их с теми страхами и ужасами, которые посещали меня по ночам во времена моего детства и которые доселе тревожат мой сон, тревожат и ныне, когда я, уже зрелый мужчина, пишу эти строки.

ГЛАВА II

Я уже говорил, что никогда в моих снах не появлялось ни одно человеческое существо. Я осознал этот факт очень рано и мучительно страдал от этого. Еще малым ребенком, погружаясь в свои страшные сновидения, я чувствовал, что если бы рядом со мной оказался хоть один человек, хоть одно существо, подобное мне, я был бы спасен, меня не преследовали бы больше эти ужасы. Многие годы я думал каждую ночь об одном и том же — если бы найти этого человека, и тогда я буду спасен!

Я повторяю — я думал об этом во сне, среди кошмаров и сновидений,— этот факт означает для меня, что во мне одновременно живут два существа, две личности и что в такие минуты эти два существа, две моих части соприкасались и сближались друг с другом. То мое «я», которое принадлежало ночным сновидениям, жило давным-давно, в ту далекую эпоху, когда еще не появился и человек, каким мы его знаем; вторая моя личность, мое дневное «я», проникало в эти сновидения, в самую их сердцевину, и давало почувствовать, что на свете существуют люди.

Возможно, ученые психологи найдут, что, употребляя выражение «раздвоение личности», я допускаю ошибку. Я знаю, в каком смысле употребляют этот термин они, но я вынужден прибегнуть к нему и применить его на свой собственный лад за отсутствием другого подходящего термина. Могу только сослаться в этом случае на неприспособленность английского языка. А теперь поясню, в каком именно смысле я употребляю это выражение — или злоупотребляю им.

Ключ к пониманию своих снов, к осознанию их причины я обрел лишь тогда, когда превратился в юношу и начал учиться в колледже. До тех же пор никакого смысла в своих сновидениях я не улавливал, я не видел для них никакой почвы. Но в колледже я познакомился с психологией и с учением об эволюции и узнал, как объясняются различные состояния психики и душевные переживания, какими бы странными они ни казались с первого взгляда. На-

пример, такой сон, когда человек падает с огромной высоты,— очень распространенное явление, известное по собственному опыту фактически всем.

Профессор сказал мне, что подобный сон является проявлением нашей расовой, родовой памяти. Корни его уходят в отдаленные, седые времена, когда наши предки жили на деревьях. Падение с дерева было для них опасностью, угрожавшей постоянно. Много людей гибло таким образом; всем нашим предкам без исключения не раз приходилось падать, их спасало лишь то, что они хватались за ветки, не долетев до земли.

Такое ужасное падение, когда гибель казалась неотвратимой, оставляло в людях шок. Шок этот порождал молекулярные изменения в клетках мозга. Эти молекулярные изменения передавались мозговым клеткам потомков, становясь, таким образом, родовой памятью. Поэтому, когда мы, засыпая или уже во сне, падаем с огромной высоты и просыпаемся с неприятным чувством, что вот-вот должны были упасть и удариться, мы лишь вспоминаем, что происходило с нашими предками, жившими на деревьях, и что врезалось путем изменений в мозговых клетках в память человеческого рода.

Во всем этом нет ничего странного, как нет ничего странного и в инстинкте. Инстинкт — это не более как привычка, вошедшая в плоть и кровь и передаваемая по наследству. Кстати заметим, что в этих хорошо знакомых и вам, и мне, и всем нам сновидениях, когда мы летим с высоты, мы никогда не падаем и не ударяемся оземь. Такое падение означало бы гибель. Те из наших предков, которые падали и ударялись оземь, как правило, умирали. Шок от их падения, конечно, передавался мозговым клеткам, но они умирали тут же, не оставляя после себя потомства. И вы и я — мы происходим от тех предков, которые, падая, не долетали до земли; вот почему в наших снах ни вы, ни я никогда не ударялись оземь.

А теперь мы коснемся вопроса о раздвоении личности. Мы никогда не испытываем чувства падения с высоты, пока мы не спим, а бодрствуем. Наша дневная личность таким опытом не обладает. Значит — и этот довод неопровержим — должна быть какая-то другая и вполне определенная личность, которая падает, когда мы спим, и которая должна обладать опытом падения с высоты — обладать памятью опыта далеких предков, подобно тому, как наша дневная личность обладает своим, дневным опытом.

Когда я понял это, предо мною забрезжил наконец свет. И скоро этот свет, ослепительный и яркий, хлынул на меня и сделал ясным все то, что было таинственным, жутким и сверхъестественным в моих ночных сновидениях. Во сне я представлял собою отнюдь не того человека, каким был днем,— нет, я был другою личностью, обладающею не нашим обычным, а совсем иным опытом, или, в применении ко сну, памятью об этом совершенно ином опыте.

Но что же это за личность, этот некто? Когда он жил на этой планете обычной дневной жизнью и накопил столь неведомый для

нас опыт? Вот вопросы, которые вставали передо мной и на которые дали ответ сами сновидения. Он жил давным-давно, когда мир был еще юн, в тот период, который мы называем средним плейстоценом. Он падал с деревьев, но не долетал до земли и не разбивался. Он трепетал от страха, услышав рычание львов. Его преследовали хищные звери, на него нападали смертоносные змеи. Он лопотал и тараторил на сборищах вместе с себе подобными, и он воочию видел всю жестокость Людей Огня, когда в смятении убегал от них.

Но вы уже возражаете мне: почему же эти родовые воспоминания не являются и вашими, тем более, что и в вас гнездится эта смутная вторая личность, которая падает с высоты, когда вы спите?

Я отвечу вам на это, задав другой вопрос. Почему бывает двухголовый теленок? Сам я сказал бы в ответ, что этот теленок — уродство. И таким образом я отвечаю на ваш вопрос. Во мне живет эта вторая личность и эти родовые воспоминания во всей их полноте и яркости, потому что я урод.

Позвольте мне объяснить это подробнее. Самым распространенным проявлением родовой памяти, которой мы, несомненно, обладаем, являются сновидения, когда мы падаем с высоты. В этом случае наша вторая личность чувствуется очень смутно. Она несет с собой лишь память о падении. Но во многих из нас эта вторая личность дает себя знать гораздо определеннее и острее. Многие видят сны, как они панически удирают от преследующих их чудовищ, многим снится, как их душат, у многих в сновидениях являются змеи и гады. Короче говоря, вторая личность присутствует во всех из нас, но в некоторых она проявляет себя еле уловимо, а в других более явственно. Есть люди, у которых родовая память гораздо сильнее и полнее, чем у остальных.

Значит, весь вопрос заключается только в том, в какой мере дает себя знать существующая в нас вторая личность. Что касается меня, то во мне она проявляет себя необычайно сильно. Мое второе «я» действует во мне почти с такой же энергией, что и моя собственная, дневная личность. С этой точки зрения я, как уже говорилось выше, настоящий урод — каприз природы.

Я прекрасно понимаю, что существование этого второго «я» — хотя бы оно проявлялось и не в такой сильной степени, как у меня,— породило кое у кого веру в перевоплощение душ. Такой взгляд на вещи кажется этим людям весьма правдоподобным и убедительным. Когда им снятся сцены, которых они никогда не видели в действительности, когда они вспоминают во сне о событиях, имеющих отношение к отдаленным временам прошлого, легче всего им объяснить это тем, что они жили когда-то прежде.

Однако они делают ошибку, игнорируя свою дуалистичность. Они не хотят признать в себе второе «я». Они считают, что их личность, их существо едино и целостно; исходя из такой посылки, они приходят к выводу, что они жили, кроме нынешней жизни, еще и в прошлом.

Они заблуждаются. Это не перевоплощение. Во сне мне не раз виделось, как я странствовал по лесам Юного Мира, но это видел

не я, а кто-то другой, лишь некая далекая часть меня, ибо ведь и мой дед и отец являются частью меня, хотя и менее отдаленной. Это другое «я» во мне — мой предок, пращур моих пращуров в начальную пору развития моего рода, являющийся сам потомком многих поколений, которые задолго до его жизни развили пальцы своих рук и ног и влезли на деревья.

Рискую наскучить, я должен вновь повторить, что в известном смысле меня надо считать уродом. Я не только с необыкновенной силой нес в себе родовую память, но я наследовал память какого-то определенного, весьма отдаленного своего предка. И хотя это явление чрезвычайно редкое, ничего сверхъестественного в нем нет.

Проследите всю цепь моих доводов. Инстинкт — это родовая память. Прекрасно. Выходит, и вы, и я, и все мы наследуем эту память от наших отцов и матерей, а те, в свою очередь, наследуют ее от своих отцов и матерей. Это значит, что должен существовать какой-то посредник, который передавал бы эту память от поколения к поколению. Этим посредником выступает то, что Вейсман определил термином «гермоплазмы». Она хранит память человеческого рода на протяжении всех веков его эволюции. Память эта смутна, запутана, во многом утрачена. Но случается, что какой-то сорт гермоплазмы несет в себе исключительно сильный заряд памяти или, выражаясь научнее, является более атавистическим; так именно и произошло в моем случае. Я урод наследственности, я атавистическое, страшное чудо — называйте меня как угодно; но я существую, я реальный, я живой, я с аппетитом ем три раза в день — и с этим вам ничего не поделать.

Теперь, прежде чем снова приняться за свой рассказ, я хотел бы заранее возразить любому Фоме Неверующему от психологии, который при своей склонности к издевательским насмешкам, конечно, скажет, что относительная ясность и последовательность моих сновидений является следствием моей учености, что знания об эволюции так или иначе прокрадывались в мои сны и влияли на них. Прежде всего отмечу, что я никогда не был усердным студентом. Я окончил курс последним среди моих товарищей. Гораздо больше, чем наукой, я занимался атлетикой и — здесь нет причин, которые мне помешали бы признаться в этом,— бильярдом.

Пойдем далее. Пока я не поступил в колледж, я ничего не знал об эволюционном учении, а ведь в детстве и отрочестве я уже жил в мире снов, в древнем, давнем мире. Должен сказать, однако, что до знакомства с эволюционным учением сны эти казались мне запутанными, бессвязными. Учение об эволюции оказалось надежным ключом. Оно дало понимание, дало здравое объяснение всем причудам атавистического мозга, который, будучи современным и нормальным, уносился в прошлое, вспять к первобытным временам, когда человечество только делало свои начальные шаги.

Мне известно, что в ту отдаленную эпоху человека, каким мы его знаем, не существовало. Значит, я жил и действовал в те дни, когда он лишь становился человеком.

ГЛАВА III

Чаще всего в раннем детстве мне снилась примерно такая картина: совсем маленький, я лежу, свернувшись клубочком, на ветвях и сучьях, образующих подобие гнезда. Порой я переветрываюсь на спину. В таком положении я провожу целые часы, любуясь игрой солнца на зелени, колыхающейся над моей головой, и прислушиваясь к шороху листвы, когда ее шевелит ветер. Временами, если ветер усиливался, мое гнездышко раскачивалось взад и вперед.

И всегда, находясь в этом гнезде, я остро чувствовал, что я лежу высоко-высоко над землей, что меня отделяет от нее громадное пространство. Я никогда не выглядывал из своего гнезда и не смотрел вниз, я не видел этого пространства, но я знал, что оно существует, что оно начинается сразу подо мною и постоянно грозит мне, словно пустая утроба кровожадного чудовища.

Этот сон, безмятежный и спокойный, не перемежаемый никакими событиями, снился мне в раннем детстве очень часто. Но иногда в него внезапно врывались странные и ужасающие события — слышались раскаты грома, разражалась страшная гроза, перед глазами проносились пейзажи, каких я никогда не видел в своей дневной жизни. Меня обступали кошмары, все мешалось в моей голове. Я ничего не понимал. В этих снах не было никакой логики, никакой связи.

Как вы убедились, картины, снившиеся мне, были лишены какой-либо последовательности. Сначала я видел себя беспомощным младенцем Юного Мира, лежавшим в гнезде из сучьев и веток, в следующую минуту я был уже взрослый мужчина Юного Мира, сражающийся с отвратительным Красным Глазом, еще через минуту я, томимый полдневным зноем, осторожно крался к холодному озерцу. События и случаи, отделенные друг от друга в Юном Мире целыми годами, чудовищно сжимаясь в моих снах, протекали в несколько минут или даже секунд.

Это был настоящий хаос, но обрушивать весь этот хаос на читателя я не считаю нужным. Все встало на свое место, все разъяснилось лишь тогда, когда я вырос, превратясь в юношу, когда я перевидел подобных снов не одну тысячу. Лишь тогда я обрел путеводную нить, с помощью которой прошел по лабиринту веков, лишь тогда я смог расставить события в нужном порядке. И тогда же я получил возможность восстановить умственным взором исчезнувший Юный Мир, увидеть его таким, каким он был, когда в нем жил я или мое второе «я». Различие между мной и моим вторым«я» в данном случае не имеет значения, ибо я, человек нашего времени, жил в те минуты первобытной жизнью вместе с той, второй моей личностью.

Зная, что надо поменьше пускаться в социологические рассуждения, и имея в виду прежде всего интересы читателя, я постараюсь изложить множество разнообразных событий в виде ясного и последовательного рассказа. Ведь в моих снах все же была какая-то общая связь, их пронизывала одна некая общая нить. Например,

моя дружба с Вислоухим, или вражда с Красным Глазом, или любовь к Быстроногой. Согласитесь, что из всего этого вполне мыслимо создать связную и достаточно интересную повесть.

Мать свою я помню очень плохо. Самое раннее воспоминание о ней — и, без сомнения, самое ясное — связано с тем, что я лежал на земле. Я был уже постарше, чем в те дни, когдя я находился в гнезде на дереве, но оставался все таким же беспомощным. Я валялся в сухих листьях, играя ими и издавая однообразные горловые звуки. Светило теплое солнышко, мне было очень удобно, я был счастлив. Лежал я на какой-то небольшой поляне. Со всех сторон поляну обступали кусты и папоротники, за ними высились сплошные стволы и ветви густого леса.

Вдруг я услышал какой-то звук. Я приподнялся, сел и стал вслушиваться. Я сидел недвижно, ни разу не пошевелившись. В горле у меня все стихло, весь я словно превратился в камень. Звук был слышен все ближе и ближе. Было похоже, что где-то хрюкает свинья. Затем я уловил шум кустов, раздвигаемых каким-то живым существом. Вслед за этим я увидел, как закачались потревоженные этим существом папоротники. Потом папоротники раздвинулись, и я увидел поблескивающие глазки, длинное рыло и белые клыки.

Это был дикий вепрь. Он с любопытством уставился на меня. Он несколько раз хрюкнул, переступил, переваливая тяжесть своего тела с одной ноги на другую и одновременно поводя рылом из стороны в сторону и раздвигая папоротники. Я сидел, будто каменное изваяние, и не мигая смотрел на него, сердце мое сжимал страх.

Вполне возможно, что эта неподвижность и полное молчание было как раз то, что и требовалось от меня. Мне нельзя было кричать, если меня что-то страшило. Так диктовал мне инстинкт. И вот я сидел, не шевелясь, и ждал, сам не зная чего. Вепрь раздвинул папоротники и вышел на поляну. В глазах его уже не чувствовалось никакого любопытства, в них сверкала одна жестокость. Он встряхнул головой, с угрозой глядя на меня, и сделал по направлению ко мне маленький прыжок. Он повторил это снова и снова.

Тогда я завопил... или завизжал — я не могу подобрать точного слова, но это был вопль, крик ужаса. И, как мне кажется, завопив, я поступил тоже правильно, сделал то, что от меня требовалось. Ибо неподалеку от меня я услышал ответный крик. Мои вопли на какое-то время смутили вепря, и пока он в нерешительности переминался с ноги на ногу, на поляну выскочило еще одно существо.

Она была похожа на большого орангутанга, моя мать, или на шимпанзе, и в то же время резко отличалась от них. Она была плотнее, кряжистее этих обезьян и не так волосата. Руки ее были не так длинны, а ноги крепче и сильнее. На ней не было никакой одежды — только ее собственный волосяной покров. И могу вас заверить, что в те минуты, когда она от ярости выходила из себя, это была настоящая фурия.

И как фурия, она выскочила на поляну. Она скрежетала зу-

бами, делала страшные гримасы, фыркала и кричала пронзительным, долгим криком, который можно передать приблизительно так: «кх-ах! кх-ах!» Ее появление было столь неожиданно и устрашающе, что вепрь, щетина которого встала дыбом, невольно принял оборонительную позу. Мать кинулась сначала прямо к нему, потом ко мне. Ошеломленный вепрь, казалось, на секунду замер. Как только мать коснулась меня, я уже прекрасно знал, что мне делать. Я приник к ней всем телом, прижимаясь к пояснице и цепляясь за нее руками и ногами — да, ногами; я был способен держаться за нее ногами так же прочно и надежно, как и руками. Крепко вцепившись в шерстистую талию матери, я ощущал, как ходит ее кожа, как двигаются в напряженном усилии ее мускулы.

Я уже сказал, что я приник к ней, и в это же мгновение она подпрыгнула вверх и ухватилась руками за свисавшую ветвь. В следующий миг, стуча клыками, вслед за ней метнулся вепрь, но проскочил под веткой и не задел матери. Удивленный своей неудачей, он прыгнул вперед снова и завизжал, или, вернее сказать, затрубил. Так или иначе, это был настоящий зов, призыв, ибо скоро со всех сторон сквозь кусты и папоротники стремительно ринулись свиньи.

Со всех сторон бежали на поляну дикие свиньи — целое стадо свиней. Но моя мать раскачивалась на конце толстой древесной ветви, в двенадцати футах над землей, я по-прежнему крепко держался за ее поясницу, и мы были в полной безопасности. Мать была страшно разгневана. Она лопотала и визжала, осыпая бранью щетинистое, клыкастое стадо, сгрудившееся под нами. Трепеща от страха, я тоже вглядывался в разъяренных животных и, стараясь изо всех сил, подражал визгу и крикам матери.

Откуда-то издалека к нам донеслись такие же крики, только более глубокие, переходящие в рычащий бас. Вот они стали гораздо громче, и вскоре я увидел его, моего отца — по всем тогдашним обстоятельствам я склонен думать, что это был мой отец.

Это был отнюдь не тот располагающий к себе папаша, какими бывают в большинстве своем отцы. Он выглядел наполовину человеком, наполовину обезьяной — не обезьяна и не человек. Мне трудно описать его. Ныне нет ничего похожего ни на земле, ни под землей, ни в земле. По понятиям тех времен, он был крупным мужчиной, весил он, должно быть, не меньше ста тридцати фунтов. У него было широкое плоское лицо, его надбровные дуги нависали над глазами. Глаза сами по себе были малы, они глубоко сидели в глазницах, расстояние между глаз было узкое. Носа у него практически не было. То, что можно назвать носом, было плоско, широко, без выступающих хрящей, а ноздри зияли на лице словно дырки и были обращены прямо на вас, вместо того, чтобы глядеть вниз.

Лоб был откинут круто назад, а волосы начинали расти прямо у глаз и покрывали собою всю голову. Сама голова была непропорционально мала и покоилась тоже на непропорционально толстой, короткой шее.

Во всем его теле чувствовалась некая примитивная экономия —

столь же экономно было скроено тело и у всех нас. Правда, у него была глубокая грудь, глубокая, как пещера, но не было и признака развитых, надувшихся мускулов, не было широких раздавшихся плеч, не было отчеканенной прямоты членов, не было благородной симметрии в общем телесном облике. Тело моего отца являло собой силу, силу, лишенную красоты; свирепую, первобытную силу, предназначенную для того, чтобы хватать, сжимать, раздирать, уничтожать.

Его бедра были тонки, а голени, худощавые и волосатые, кривоваты, и мускулы на них были тонкие, вытянутые. Да, ноги моего отца были похожи скорее на руки. Они были жилистые, неровные, шишковатые, почти ничем не напоминающие те красивые ноги с мясистыми икрами, которыми одарены и вы и я. Мне помнится, что отец при ходьбе не мог ставить ступню на всю ее плоскость. Причина этого кроется в том, что у него была хватающая ступня — скорее рука, чем нога. Большой палец ноги, вместо того, чтобы идти по одной линии с другими пальцами, противостоял им, как противостоит большой палец руки,— и такое положение большого пальца на ноге позволяло отцу схватывать и удерживать предметы ногами, словно это были его вторые руки. Поэтому-то он не мог при ходьбе ставить ступню на всю ее плоскость.

Необычайна была внешность моего отца, но не менее необычайно было и то, как он явился к нам, когда мы сидели на ветке, глядя на беснующееся внизу стадо свиней. Он мчался к нам по деревьям, прыгая с ветки на ветку, с дерева на дерево, и двигался он очень быстро. Я вижу его даже сейчас, когда,бодрствуя, при свете дня пишу эти строки: он раскачивается на ветках, четырехрукое, волосатое существо, завывающее от ярости; на секунду он замирает на месте, колотя себя стиснутыми кулаками в грудь, потом прыгает, покрывая десять — пятнадцать футов пространства, цепляется одной рукой за ветку и вновь раскачивается, чтобы снова, пролетев по воздуху, схватить другой рукой новую ветку — и так все дальше, все дальше — никогда не колеблясь, никогда не становясь в тупик перед тем, как проложить себе этот путь по деревьям.

Глядя на него, я ощущал и в самом себе, в своих собственных мускулах некий порыв, некое желание вот так же взлететь на деревья, прыгая с ветки на ветку; и я уже чувствовал, что во мне, в моих мускулах скрыта энергия, которая может одолеть все это. Тут нет ничего странного. Наблюдая, как их отцы взмахивают топорами и валят деревья, мальчишки чувствуют всем своим существом, что придет время, когда и они будут взмахивать топорами и валить деревья. Именно такое чувство жило и во мне. Жизнь, которая билась во мне, предназначала меня делать то, что делал мой отец, она нашептывала мне тайные, честолюбивые мечтания об этих прыжках в воздухе, об этих лесных полетах.

Но вот отец уже с нами. Ярости его нет границ. Я живо помню, как гневно выпятилась его нижняя губа, когда он взглянул вниз на стадо свиней. Он зарычал, словно собака; мне бросились в глаза его большие, как клыки, зубы; увидев их, я был потрясен.

Все, что делал теперь отец, еще больше злило свиней. Он отламывал сучья и ветки и кидал их вниз на наших врагов. Вися на одной руке, он подпрыгивал в воздухе над самыми свиными рылами, не давая, однако, тронуть себя. Он мучил врага, издевался над ним, а свиньи стучали клыками, взвизгивая в бессильной злобе. Не удовлетворившись этим, отец выломал увесистую дубинку и, повиснув на одной руке и одной ноге, стал тыкать разъяренных животных дубинкой в бока и колотить их по мордам. Надо ли говорить, как потешались этим зрелищем мы с матерью?

Но любая приятная вещь в конце концов надоедает, и мой отец, злобно смеясь, вновь пустился в путь по деревьям. Теперь мои честолюбивые мечты о воздушных полетах вмиг схлынули начисто. Я пугливо прижимался к матери, вздрагивая всякий раз, когда она прыгала с ветки на ветку. Помню, как однажды ветка обломилась под ее тяжестью. Мать сделала отчаянное, яростное движение, устремляясь в полет, послышался треск сучьев, и я был захлестнут болезненным ощущением падения, летя в пустом пространстве вместе с матерью. Лес, сияние солнца на шелестящих листьях — все потемнело и исчезло из моих глаз. Последнее, что я видел, это отец, остановившийся на секунду, чтобы оглянуться на нас. Затем меня поглотила черная пустота.

В следующее мгновение я проснулся, лежа в своей кровати, на простынях, проснулся весь в поту, дрожащий, с ощущением тошноты. Окно было открыто, и в комнату вливалась струя прохладного воздуха. Спокойно горел ночник. И, глядя на все это, я заключил, что мы удачно скрылись от диких свиней и что мы не упали на землю — иначе как бы я, тысячу веков спустя, оказался тут, в этой спальне, чтобы вдруг все это припомнить?

А теперь поставьте на минуту себя на мое место. Перенеситесь воображением в мои безоблачные младенческие годы, поспите со мной в одной спальне и представьте себе, что это вам снятся такие кошмарные сны. Не забывайте, что я был неопытный ребенок. За всю мою жизнь я никогда не видел дикого вепря. Скажу больше, я никогда не видел и домашней свиньи. Самое близкое мое знакомство со свиньей заключалось в том, что я глядел на шипящую в жире жареную ветчину, поданную к завтраку. И однако дикие вепри, реальные, как сама жизнь, обступали меня в моих сновидениях, и я вместе со своими чудовищными родителями летел и прыгал по ветвям величественных древних лесов.

Станете ли вы удивляться, если я скажу, что был напуган, подавлен этими ночными кошмарами? Я был поистине проклят. И что хуже всего, я боялся кому-либо признаться в этом. Боялся неведомо почему — из всех возможных причин такой скрытности я могу назвать лишь постоянно испытываемое мною чувство вины. Но какая вина, в чем она именно заключалась,— на это я не в силах был ответить. Так и случилось, что я молча страдал долгие годы, пока не стал взрослым и не разобрался, откуда идут мои сны, в чем их истинный корень.

ГЛАВА IV

Есть одна загадочная вещь во всех моих доисторических воспоминаниях. Речь идет о неопределенности, расплывчатости понятия времени. Я далеко не всегда знаю последовательность событий, часто я не могу сказать, сколько времени отделяет какие-нибудь события друг от друга — год, два, четыре или пять. Я могу приблизительно судить о том, как шло время, лишь по изменениям во внешности и занятиях моих близких.

Я могу также отыскать известную логику событий, перебирая все, что случилось. Например, нет никакого сомнения в том, что наш прыжок на деревья, когда мы спасались от диких свиней, и наше бегство, и наше падение имели место раньше, чем я познакомился с Вислоухим, который стал мне, можно сказать, закадычным другом. Я уверен также, что именно между этими двумя событиями я потерял мать.

У меня нет иных воспоминаний об отце, кроме тех, которыми я уже поделился. В последующие годы жизни он ни разу не появлялся на моих глазах. И, насколько я знаю ход событий, единственное объяснение такого обстоятельства заключается в том, что отец погиб вскоре после приключения с дикими свиньями. А что отец погиб безвременно, в этом нет никаких сомнений. Он был полон сил, и только внезапная и насильственная смерть могла унести его. Но я не знаю, каким образом он погиб: утонул ли он в реке, пожрала ли его змея, или он попал в желудок Саблезубого, старого тигра. Обо всем этом у меня нет ни малейшего представления.

Следует учесть, что я вспоминаю из доисторических дней только то, что видел сам, собственными глазами. Если моя мать и знала, как именно погиб отец, она никогда не говорила мне об этом. Я даже сомневаюсь, была ли она способна рассказать все то, что знала: так скуден был ее словарь. В те дни весь словарь Племени состоял, может быть, из тридцати или сорока звуков.

Я называю их именно звуками, а не словами, ибо они были ближе все-таки к звукам. У них не было постоянного значения, им нельзя было придать новый смысл посредством прилагательных или наречий. Эти изощренные приемы речи еще не были изобретены. Вместо того, чтобы оттенять всякий раз по-новому какое-либо существительное или глагол прилагательным или наречием, мы окрашивали, определяли свои звуки-слова интонацией, изменениями в долготе и высоте, убыстрением или замедлением. Значение какого-либо звука изменялось, оттенялось в зависимости от того, быстро или медленно он произносился.

Мы не знали спряжений. О грамматическом времени мы судили только по контексту. Мы говорили только о конкретных вещах, ибо мы и думали лишь о конкретных вещах. В огромной мере мы прибегали к пантомиме. Какая-либо даже элементарная абстракция фактически была за пределами нашего мышления; и когда кому-либо приходило в голову что-либо отвлеченное, ему было невероятно трудно передать свою мысль своим ближним. Для этого не было

звуков. Он должен был выходить за пределы своего словаря. В том случае, когда он изобретал новый звук, никто из окружающих этого звука не понимал. Изобретателю ничего не оставалось, как прибегнуть все к той же пантомиме, жестом поясняя свою мысль, где это возможно, и все время повторяя найденный им новый звук.

Так разрастался наш язык. Располагая ничтожным количеством звуков, мы были как бы связаны и в своем мышлении; при появлении новых мыслей всякий раз возникала необходимость и в новых звуках. Бывало порой, что нам явно не хватало звуков, чтобы выразить какую-нибудь абстракцию (смею вас заверить, достаточно смутную), и растолковать ее окружающим мы были бессильны. В общем, язык в те дни развивался очень и очень медленно.

О, мы были удивительные простаки! Но мы знали уйму всяких вещей, которые никому не ведомы сегодня. Мы умели двигать ушами, настораживать их и прижимать по своей воле.
Мы с легкостью могли почесать себя между лопаток. Мы могли кидать камни ногами. Я сам это делал множество раз. Я мог даже, не сгибая коленей, наклониться так, что касался земли не пальцами, а локтями. Ну, а что касается лазания за птичьими гнездами — тут нам позавидовал бы любой мальчишка двадцатого века. Но мы не собирали коллекций птичьих яиц. Мы ели их.

Я помню... но стойте, я забегаю вперед. Позвольте мне прежде рассказать о Вислоухом и о нашей дружбе с ним. Я начал жить самостоятельно, отдельно от матери, очень рано. Может быть, это случилось оттого, что после смерти отца мать взяла себе второго мужа. Я плохо помню его, а те воспоминания, какие я сохранил, не относятся к числу счастливых моих воспоминаний. Это был пустой, легкомысленный малый. В нем не было никакой солидности. И он был ужасно болтлив. Даже сейчас, когда я пишу о нем, его трескотня отзывается у меня в печенках. У него была такая глупая, легкомысленная голова, что он никогда не мог бы ни на чем сосредоточиться, чего-то добиваться. Глядя на обезьян в клетке, я неизбежно вспоминаю о нем. Он походил на обезьяну. Вот лучшее его описание, какое я могу только сделать.

Он возненавидел меня с первого взгляда. А я сразу понял, что надо остерегаться его и следить за всеми его коварными выходками. При каждом его появлении я крепче цеплялся за мать и прижимался к ней. Но я рос, становясь взрослее с каждым днем, и, естественно, начал отлучаться от матери, уходя от нее все дальше и дальше. Болтун этого-то только и дожидался. (Должен сказать, что в те времена никаких имен у нас не было и никто ни к кому по имени не обращался. Лишь для удобства читателей я даю имена всем тем, с кем я близко тогда сталкивался, и более подходящего имени, чем Болтун, своему драгоценному отчиму я придумать не в силах. Себя же я называю Большим Зубом. У меня были очень большие передние зубы.)

Но возвратимся к Болтуну. Он упорно преследовал меня. Он щипал, колотил меня, а при случае даже кусался. Нередко мать заступалась за меня, и было любо-дорого поглядеть, какую взбуч-

ку она ему задавала. В результате возникали бесконечные семейные ссоры, причиной которых был только я.

Да, моя домашняя жизнь складывалась не очень счастливо. Написав эту фразу, я улыбнулся. Домашняя жизнь! Дом! У меня не было никакого дома в современном смысле этого слова. Мой дом — это окружавшие меня мне подобные, а не жилище, не убежище. Я жил под опекой матери, а не под крышей дома. А моя мать жила где придется, хотя с наступлением ночи непременно взбиралась на деревья.

Мать была старомодна. Она все тянулась к своим деревьям. Ведь более передовые члены нашего Племени жили в пещерах у реки. Но мать была подозрительна и держалась отсталых привычек. Деревья ее вполне устраивали. Разумеется, у нас было одно излюбленное дерево, на котором мы обычно ночевали, но нередко мы проводили ночь и на других деревьях, если там заставала нас темнота. На удобном развилке дерева мы устраивали подобие площадки, применяя ветки, хворост, ползучие растения и листву. Больше всего это походило на громадное птичье гнездо, но птицы вьют свои гнезда, конечно, во сто раз аккуратнее и искуснее. Однако у нашего гнезда была такая особенность, которой я ни разу не видел ни у одного птичьего гнезда, а именно — крыша.

О, конечно, не такая крыша, какую строит современный человек. И не такая, какие сооружают самые отсталые туземцы двадцатого века. Наша крыша была бесконечно грубее и неуклюжее самого примитивного произведения рук человека — того человека, какого знаем мы. Она была сложена как попало, самым беспорядочным образом. Над развилком дерева, где мы гнездились, просто клали кучу сухих веток и сучьев. Полдесятка соседних веток держали на себе то, что я мог бы назвать сводами. Это были просто крепкие палки в дюйм толщиной. На них-то и лежала упомянутая куча веток и сучьев. Они были накиданы почти без всякого расчета. Не чувствовалось даже попытки сделать крышу непроницаемой. И, должен сознаться, при сильном дожде она чудовищно протекала.

Но мне хочется еще раз вернуться к Болтуну. Из-за него домашняя жизнь была истинным бременем как для матери, так и для меня — я говорю о домашней жизни, имея в виду не наши ночевки в гнезде на деревьях, а наше совместное существование, жизнь втроем. Преследуя меня, Болтун проявлял дьявольскую злобу и изобретательность. Только на этом и сосредоточивал он весь свой ум, размышлять о чем-либо другом больше пяти минут он не умел вообще. Время шло, и по мере того, как я становился взрослее, мать уже не так ревностно защищала меня. Мне кажется, что из-за постоянных скандалов, которые устраивал ей Болтун, мать уже тяготилась мной. Во всяком случае, мое положение с каждым днем становилось все хуже и хуже, и волей-неволей мне надо было думать об уходе из семьи. Но судьба не дала мне совершить столь решительный поступок. Прежде чем я собрался уйти, меня сбросили. Я говорю это в самом буквальном смысле слова.

Болтун воспользовался для этого случаем, когда я остался один в гнезде. И мать и сам Болтун ушли вместе на болота, где росла черника. Видимо, Болтун заранее выработал план действий, так как скоро я услышал, что он возвращается лесом и яростно рычит, подогревая свой гнев. Подобно всем мужчинам нашего Племени, когда они гневались или желали разгневаться, он останавливался и бил себя в грудь кулаком.

Сознавая свое безвыходное положение, я, дрожа, скорчился в гнезде. Болтун направился прямо к нашему дереву — я хорошо помню, что это был дуб,— и начал взбираться вверх. И он ни на мгновение не прекращал дьявольски рычать и что-то выговаривать мне. Как я уже упоминал, язык наш был невероятно скуден, и мой отчим должен был всячески изощряться, чтобы дать понять мне, что он смертельно ненавидит меня и намерен сейчас же свести со мной все счеты.

Едва он поднялся до уровня гнезда, как я кинулся бежать по огромной горизонтальной ветке. Он погнался за мною, и мне пришлось продвигаться дальше и дальше, к самому концу ветви. Я цеплялся теперь за мелкие сучья, укрываясь среди листвы. Болту́н всегда был трусом и, как бы он ни горячил себя и не гневался, чувство осторожности в нем было сильнее всякого гнева. Он боялся приблизиться ко мне, ступив на мелкие, ненадежные сучья и ветки. Ведь он был куда тяжелее меня и, подломив эти ветки и сучья, сорвался бы прежде, чем меня поймал.

Но Болтуну не было нужды приближаться ко мне — и подлец прекрасно знал это. Скорчив злорадную рожу, поблескивая своими маленькими глазками, он принялся трясти и раскачивать ветви. Раскачивать! А ведь я сидел на самом кончике ветки, цепляясь за сучья, которые все время трещали и обламывались подо мной. И до земли было целых двадцать футов!

Он тряс и раскачивал ветви все яростнее, оскалив зубы в злобной усмешке. Затем наступил конец. Моя опора вдруг рухнула, и я полетел спиной вниз, глядя на отчима и сжимая руками и ногами обломившуюся ветку. К счастью, под деревом не оказалось диких свиней, и удар был смягчен упругими прутьями кустов, на которые я свалился.

Падение, как правило, прерывает мои сны, и нервная встряска мгновенно переносит меня через тысячу веков, швыряя в мою маленькую кроватку, где я лежу с широко открытыми глазами, дрожа и обливаясь потом, и слушаю, как в зале кукушка отсчитывает часы. Однако этот сон об изгнании меня из дома снился мне много раз и никогда не кончался внезапным пробуждением. Всякий раз я летел сквозь трещавшие ветки, пронзительно кричал и с глухим стуком ударялся о землю.

Весь исцарапанный, в синяках, я лежал и жалобно хныкал. Сквозь кусты мне был виден Болтун. Он пел какую-то дьявольскую песнь радости и в такт своей песне все еще раскачивал дерево. Я быстро прекратил свое хныканье. Ведь я был теперь не на дереве, которое спасало меня от опасностей; я знал, что если я буду, выра-

жая свое горе, громко рыдать, то я привлеку к себе внимание диких зверей.

Помню, что я, подавив рыдания, с интересом смотрел, как играет свет на моих полузакрытых, залитых слезами веках. Потом я оглядел себя и увидел, что от падения я пострадал не так уж сильно. Кое-где были ободраны волосы и кожа; острый зазубренный конец ветки, с которой я летел на землю, вонзился на целый дюйм мне в руку выше локтя; невыносимо ныло правое бедро, на которое пришелся главный удар при падении. Но в конце концов все эти повреждения можно было считать пустяками. Ведь кости остались целы, а мускулы и ткани человека тех времен заживали гораздо лучше, чем в наши дни. И все же это было тяжелое падение: я прихрамывал на правую ногу целую неделю.

Пока я лежал в кустах, меня охватило чувство тоскливого одиночества. Я ощущал себя совершенно бездомным. Я решил никогда больше не возвращаться к матери и Болтуну. Я уйду куда-нибудь подальше, в эти страшные леса, выберу себе дерево и устрою на нем гнездо. Что касается пищи, то я уже знал, где искать ее. Ведь уже минул по меньшей мере год, как мать перестала заботиться о моем пропитании. Она лишь защищала меня от всяких напастей и была мне учителем.

Я осторожно выбрался из кустов. Оглянувшись назад, я увидел, что Болтун все еще распевает свою радостную песню и раскачивает дерево. Такая картина, разумеется, мне не доставила удовольствия. Я уже умел соблюдать осторожность и, пускаясь в свое первое путешествие, был чрезвычайно бдителен.

Я не задумывался, куда я иду. У меня была единственная цель — уйти от Болтуна туда, где он не нашел бы меня. Я взобрался на дерево и в течение нескольких часов шел по деревьям, прыгая с одного на другое, ни разу не спустившись на землю. Я не выбирал определенного направления, не придерживался прямого пути. Всякая последовательность была чужда моей натуре, как она была чужда и всему моему Племени. Помимо того, я был ребенком: я не раз подолгу задерживался на месте, увлекшись игрой.

Все, что произошло после моего бегства из дома, я помню весьма туманно. События этого времени мне не снились. Моя вторая личность многое забыла, и больше всего забыто именно из этого периода. Вспоминая различные картины сновидений, я не в силах себе представить, что именно происходило в те дни, когда я покинул родное дерево и еще не пришел в пещеры.

Помнится только, что несколько раз я выходил на открытые поляны. Трепеща от страха, я спускался с деревьев и пересекал эти поляны, несясь по ним во всю прыть. Помню, что были дождливые дни, и были ясные, солнечные,— должно быть, я блуждал в одиночестве немало времени. Особенно памятны мне дождливые дни, когда приходилось терпеть всякие невзгоды; хорошо помню, как я голодал и как ухитрялся утолить свой голод. Ярко встает в памяти картина охоты на маленьких ящериц, обитавших на каменистой вершине открытого холма. Они шныряли в расщелинах, поймать их было почти

невозможно, но однажды я случайно перевернул камень и изловил-таки под ним ящерицу. Однако меня напугали там змеи, и я покинул этот холм. Нет, змеи не гнались, не нападали на меня. Они просто лежали средь камней и грелись на солнышке. Но у меня был врожденный страх перед змеями, и я опрометью бежал от них, словно они преследовали меня по пятам.

Потом я глодал горькую кору молодых деревьев. Смутно помню, что я ел множество зеленых орехов — у них была мягкая кожура и молочная сердцевина. И снова яркое, отчетливое воспоминание: у меня сильно болит живот. Возможно, боль была вызвана зелеными, несозревшими орехами, а может быть, ящерицами. Я этого не знаю. Но я прекрасно знаю, что мне необычайно повезло: меня не сожрал ни один хищник, пока я в течение нескольких часов корчился от боли, сидя на земле.

ГЛАВА V

В памяти ярко и резко вспыхивает картина того, как я вышел из леса. Я вижу себя на краю большого открытого поля. По одну сторону этого поля поднимались высокие утесы, по другую — протекала река. Берег круто сбегал к воде, повсюду, где склон шел положе, берег был иссечен тропинками. По этим тропинкам ходило на водопой Племя, жившее в пещерах.

Случайно я вышел к главному стойбищу Племени. С натяжкой можно даже сказать, что это был поселок. И моя мать, и я, и Болтун, и еще несколько обитателей лесов, которых я знал,— все это были, по существу, жители окраин. Мы входили в Племя, хотя и жили от него на отшибе. От наших мест до главного стойбища Племени было не так уж и далеко, хотя я в своих блужданиях шел к нему целую неделю. Если бы я держался прямого пути, я покрыл бы это расстояние за час.

Но вернемся к повествованию. Выйдя на окраину леса, я увидел темневшие в высоком утесе пещеры, открытое поле и тропинки, сбегавшие к реке. И на берегу, на чистом месте, я увидел множество своих соплеменников. Я был ребенок, неделю я блуждал в полном одиночестве. За все это время я не видел ни одного существа, подобного мне. Я жил в постоянном страхе, будто затравленный. И теперь, увидя Племя, я преисполнился радости и со всех ног бросился навстречу ему.

И тогда произошло нечто странное. Кое-кто из Племени заметил меня и предостерегающе крикнул. И мгновенно все Племя, вопя от страха, в панике кинулось бежать прочь. Прыгая и цепляясь за скалы, все — взрослые и дети — тотчас же укрылись в пещеры... оставив снаружи лишь одного маленького дитятю, которого бросили в суматохе у подножия утеса. Ребенок горько плакал. Его мать выскочила из пещеры; ребенок бросился к ней и крепко прижался к ее груди, и она утащила его к себе в пещеру.

Я остался совершенно один. Берег, минуту назад столь оживленный, внезапно опустел. С тоскою в сердце я сел на землю и разры-

дался. Я ничего не понимал. Почему Племя убежало от меня? Позднее, когда я узнал его нравы поближе, мне все стало ясно. Увидя, как я со всех ног выбежал из леса, они решили, что за мной гонится хищный зверь. Своим неожиданным вторжением я испугал их насмерть.

Сидя на земле и следя за входами в пещеры, я сообразил, что и Племя следит за мною. Вскоре мои перепуганные соплеменники начали высовываться из пещер. Через минуту они уже перекликались и переговаривались друг с другом. Оказалось, что в спешке и смятении многие из них перепутали пещеры и забрались в чужие. В чужие пещеры попали и некоторые малыши. Матери не могли их кликнуть по имени, так как имена еще не были изобретены. Все члены Племени были безымянны. Матери издавали резкие тревожные звуки, по которым малыши узнавали их. Таким же образом окликала меня моя мать, и я узнал бы ее голос среди голосов тысячи других матерей, а она тоже различила бы мой голос среди голосов тысячи других детей.

Долго еще перекликалось Племя, не смея выйти из пещер и спуститься на землю. Наконец, один из соплеменников решился и вылез. Ему было суждено сыграть большую роль в моей жизни, немалую роль играл он и в жизни всего Племени. На страницах этой повести я буду называть его Красным Глазом, так как у него были воспаленные глаза и вечно красные, словно бы говорившие о его кровожадной свирепости веки. Да и все его существо, сама его душа была как бы окрашена кровью.

Он был поистине чудовищем во всех отношениях. Физически он выглядел настоящим гигантом. Вес его, должно быть, достигал ста семидесяти фунтов. Крупнее его я не встречал никого во всей нашей породе. Среди Людей Огня и среди Лесной Орды мне тоже не доводилось видеть таких великанов. Иногда, наткнувшись в газетах на описание наших боксеров и борцов, я размышляю, какие шансы были бы у самого сильного из них, если бы он вышел схватиться с Красным Глазом.

Боюсь, что у нашего атлета не оказалось бы ни одного шанса. Своими железными пальцами Красный Глаз мог бы с корнем вырвать у него из тела бицепс или любой другой мускул. Ударом кулака наотмашь он раздробил бы ему череп, как яичную скорлупу. Резким выпадом своей дьявольской ноги (или задней руки) он выпустил бы ему наружу внутренности. Обхватив его шею, он мгновенно сломал бы ее, и, я готов поклясться, если бы он вцепился в шею зубами, он сразу перегрыз бы и сонную артерию и позвоночник.

Он был способен прыгнуть на двадцать футов в длину прямо из сидячего положения. И он был ужасно волосат. Мы гордились, если были не очень волосаты. Но он был сплошь покрыт густыми волосами, волосы в равной мере росли у него на внутренней и на внешней стороне рук, выше и ниже локтя, даже уши у него густо заросли волосами. Только ладони рук и подошвы ступней были голыми, да еще отсутствовали волосы под глазами. Он был до ужаса безо-

бразен, рот его, с огромной отвисшей нижней губой, кривился в жестокой усмешке, крохотные глазки смотрели свирепо.

Это и был Красный Глаз. Он осторожно вылез из пещеры и спустился на землю. Не обращая на меня внимания,он стал осматривать местность. Ходил он, круто сгибаясь в пояснице; он наклонялся так сильно, а его руки были столь длинны, что, делая шаг вперед, он касался земли суставами пальцев руки. Такая полусогнутая поза при ходьбе была очень неудобна, и он касался земли пальцами обеих рук, по существу, для опоры. Но посмотрели бы вы, с каким проворством он на своих четырех конечностях бегал! А именно на четырех конечностях все мы были неуклюжи и чувствовали себя очень неловко. Только редкие из нас опирались на суставы пальцев при ходьбе,— это было уже атавизмом, и у Красного Глаза он проявлялся сильнее, чем у кого-либо в Племени.

Красный Глаз был воплощением атавизма. Все мы тогда находились на переходной ступени, отказываясь от жизни на деревьях и начиная жить на земле. В этот процесс было втянуто уже несколько поколений, и наше тело и наши привычки успели за это время измениться. Но Красный Глаз принадлежал к исчезнувшему типу тех, кто жил на деревьях. Поскольку он родился в нашем Племени, он поневоле оставался с нами, но его атавизм делал его, по существу, чуждым нам: он вполне мог бы жить где угодно, вне Племени.

Соблюдая величайшую предосторожность, он расхаживал по полю и пристально вглядывался сквозь деревья леса, стараясь увидеть того хищного зверя, который, как все считали, гнался за мной. На меня он по-прежнему не обращал внимания, а Племя, выбравшись из пещер, не отходило от них и ждало, чем кончится разведка Красного Глаза.

В конце концов Красный Глаз убедился, что лес не таит никакой опасности. Он окинул взглядом береговую тропинку, ведущую к водопою, и заковылял по направлению ко мне. Но он все еще делал вид, словно и не замечает меня. Потом, будто случайно оказавшись рядом со мной, он безо всякого предупреждения молниеносно размахнулся и ударил меня по голове. Я отлетел от него футов на двенадцать, прежде чем вновь ощутил под собой твердую землю, и тут же до меня донесся дикий хохот — это, визжа и кудахтая, смеялось надо мной столпившееся у пещер Племя. Лучшего посмешища для них нельзя было и придумать — по крайней мере в тот день,— и они веселились от всего сердца.

Так я был принят в Племя. Красный Глаз удалился, даже не взглянув на меня, и я мог без помех хныкать и рыдать сколько мне было угодно. Подошли несколько женщин и стали кружком около меня, я узнал их всех. Я встречал их в прошлом году в далеких ущельях, собирая вместе с матерью орехи.

Но женщины быстро покинули меня, и я оказался окруженным десятком любопытных мальчишек. Они показывали на меня пальцами, строили рожи, толкали и щипали меня. Я оробел и какое-то время сносил эти пытки, затем гнев охватил мое сердце, и я бро-

сился кусать и царапать самого смелого из всей этой ватаги — это был не кто иной, как Вислоухий. Я назвал его таким именем, потому что он мог двигать и настораживать лишь одно ухо, другое у него висело без движения. В результате какого-то несчастного случая у него был поврежден соответствующий мускул.

Вислоухий сцепился со мной, и мы принялись драться, как все мальчишки на свете. Мы царапались и кусались, таскали друг друга за волосы, душили друг друга и валили наземь. Помню, что я одолел своего противника, прибегнув к приему, который, как мне стало известно в колледже, называется «полунелсоном». Прием этот дал мне тогда решающее преимущество. Но торжествовал я совсем недолго. Изловчившись, Вислоухий двинул мне ногой (или задней рукой) в живот с такой силой, что, казалось, из меня вылезут кишки. Мне ничего не оставалось, как разжать руки и отпустить его, затем мы сцепились снова.

Вислоухий был на год старше меня, но я во много раз был злее, и в конце концов он пустился наутек. Я кинулся вслед за ним, мы пересекли поле и спустились по тропинке к реке. Однако он прекрасно знал местность и увернулся от меня, взбежав на берег по другой тропинке. Потом он по диагонали снова пересек поле и скрылся в пещере с широким входом.

Прежде чем я сообразил, что мне делать, я уже нырнул в эту пещеру сам. Оказавшись в полной темноте, я сильно испугался. Ведь быть в пещере мне никогда раньше не доводилось. Я расплакался и громко закричал. Вислоухий в ответ на это пролопотал мне что-то издевательское, кинулся на меня, пользуясь темнотой, и сбил меня с ног. Однако он не отважился сцепиться со мною вновь и тут же отскочил в сторону. Выход из пещеры был позади меня, и Вислоухий не проходил туда, тем не менее он исчез, словно провалился. Я стал прислушиваться, но никак не мог понять, куда он скрылся. Это сильно озадачило меня, я выбрался к выходу, сел там и стал ждать, что будет дальше.

Он не выходил из пещеры, в этом я был уверен, но через несколько минут он хихикнул прямо у меня над ухом. Я снова погнался за ним, и снова он нырнул в пещеру, но на этот раз дальше входа я не двинулся. Отступив еще на несколько шагов, я стал снова выжидать. И опять мой противник не выходил из пещеры, и опять, как и раньше, он захихикал прямо у меня над ухом и увлек меня за собой в пещеру в третий раз.

Эта сцена повторялась до бесконечности. Наконец, я зашел в глубь пещеры и стал искать Вислоухого. Во мне заговорило любопытство. Я не мог понять, каким образом он ускользал от меня. Ведь всякий раз он входил в пещеру, но никогда не выходил из нее и всегда оказывался у меня за плечом, насмешливо хихикая. Так наша драка незаметно превратилась в игру в прятки.

С небольшими перерывами мы играли с Вислоухим до вечера, и скоро между нами установились непринужденные, дружественные отношения. В конце концов он уже не убегал от меня, и мы сидели рядом, обняв друг друга. А немного позднее он открыл мне тайну

загадочной пещеры. Взяв за руку, он провел меня в самые ее глубины. Оказалось, что она соединяется узкой расщелиной с другой пещерой, и по этой-то расщелине мы вышли на воздух.

Теперь мы стали добрыми друзьями. Когда один раз на меня напали другие мальчишки, он встал на мою защиту, и мы вместе дали неприятелю такую взбучку, что скоро ко мне уже никто не приставал. Вислоухий познакомил меня с поселком. Он почти ничего не мог мне рассказать о нравах и обычаях Племени — для этого у него недоставало слов, но я многому научился, следя за его действиями, и он показал мне все интересные места в окружности.

Он водил меня по полю, раскинувшемуся между пещерами и рекой, потом мы углубились в лес, где на зеленых полянах вволю полакомились морковью. После этого мы пошли к реке и напились, а затем стали подниматься по тропинке к пещерам.

На этой-то тропинке мы и столкнулись вновь с Красным Глазом. Едва я успел сообразить, в чем дело, Вислоухий уже отскочил в сторону и спрятался за песчаным бугром. Само собой разумеется, что я, недолго думая, кинулся вслед за ним. Только потом я оглянулся и понял, чем был так напуган Вислоухий. По середине тропинки чванливо ковылял Красный Глаз, его воспаленные глазки грозно сверкали. Я заметил, что малыши и подростки врассыпную бежали от него прочь, как это сделали и мы, а взрослые, следя за ним внимательным взглядом, отступали в сторону и давали ему дорогу.

Когда спустились сумерки, поле опустело. Племя укрылось в пещеры. Вислоухий повел меня на ночлег. Мы вскарабкались вверх по утесу и, оказавшись надо всеми остальными пещерами, попали в узкую расщелину, совсем незаметную с земли. В нее-то и влез Вислоухий. Я последовал за ним, и мне с трудом удалось протиснуться — так узка была щель, служившая входом в жилище Вислоухого. Мы оказались в маленькой каменной келье. Она была не больше двух футов в высоту, фута три в ширину и фута четыре в длину. Здесь-то, прижавшись друг к другу, мы в обнимку и проспали эту ночь.

ГЛАВА VI

Играя с наиболее смелыми подростками около пещер с широким входом, я скоро понял, что эти пещеры необитаемы. В них никто не спал по ночам. Заняты были только пещеры с узким входом, и чем уже был вход, тем пещера считалась удобней. Все это проистекало из страха перед хищными животными, которые были для нас в те времена сущим проклятием и днем и ночью.

В первое же утро после ночевки с Вислоухим я убедился, насколько полезнее пещеры с узким входом. Едва-едва рассветало, когда на нашем поле появился старина Саблезубый, тигр. Двое из Племени к тому часу уже бродили по полю. Увидев тигра, они бросились наутек. То ли они чересчур перепугались и лишились рассудка, то ли тигр был от них слишком близко, я не знаю, но они даже не пытались влезть на утес и укрыться в безопасных пещерах,

а забежали в ту самую пещеру с широким входом, в которой мы играли с Вислоухим накануне.

Что именно происходило внутри пещеры, трудно судить, но, скорее всего, двое беглецов пробрались через расщелину во вторую пещеру. Расщелина оказалась для Саблезубого слишком узкой, и он, разозленный неудачей, повернулся и вышел из пещеры тем же входом, каким вошел. Было очевидно, что тигру не повезло ночью на охоте и он рассчитывал задрать себе на завтрак кого-нибудь из нас. Вдруг он заметил беглецов у входа во вторую пещеру и прыжком ринулся к ним. Разумеется, они юркнули назад и перебежали узким проходом в первую пещеру. Саблезубый вышел из второй пещеры еще более взбешенный и громко зарычал.

Тут уже засуетилось и заметалось все Племя. Прыгая по огромному утесу, мы толпились у всех расщелин, на всех выступах, лопотали и визжали на все лады. Мы ужасно гримасничали, скаля при этом зубы,— такова была наша неистребимая привычка. Мы злобствовали не меньше Саблезубого, хотя к нашей злобе и примешивался страх. Помнится, я вопил и гримасничал так же, как самые рьяные из Племени. И не только потому, что они служили мне примером, нет, я чувствовал внутреннюю потребность делать то же самое, что делали они. Волосы у меня ощетинились, весь я извивался и корчился в приступе необъяснимой злобы и ярости.

Несколько минут Саблезубый метался от одной пещеры к другой, забегал в них и снова выскакивал. А те двое беглецов быстро лазали по расщелине туда и сюда и таким образом избегали тигриных лап. Тем временем Племя, облепившее утес, начало действовать. Как только тигр выскакивал из пещеры наружу, в него летели камни. Сначала мы только обрушивали их на зверя, а потом стали кидать с силой, придавая камням большую стремительность.

Эта бомбардировка привлекла внимание Саблезубого уже к нам, и он рассвирепел еще больше. Он перестал гоняться за беглецами и прыгнул вверх, стремясь взобраться на утес. Камень крошился под его когтями, он рычал и лез все выше. При виде этого ужасного зрелища все мы до последнего кинулись внутрь пещер. Я это твердо знаю, ибо я выглянул из своей пещеры и увидел, что на утесе не было ни души, а Саблезубый сорвался с него и скользил в это мгновение вниз, на землю.

Я разразился торжествующим криком, и снова Племя выскочило наружу и облепило утес; опять все пронзительно визжали и завывали, и камни полетели с утеса пуще прежнего. Саблезубый теперь словно взбесился. Невзирая на неудачи, вновь и вновь он пытался взобраться на утес. Однажды он уже был у входа нижней пещеры, но снова сорвался, так и не проникнув в нее. При каждом его прыжке нас охватывал невообразимый ужас. Сначала большинство из нас, как только Саблезубый оказывался на утесе, кидалось в пещеры, но кое-кто все-таки оставался снаружи и продолжал швырять в него камни; скоро положение изменилось: теперь уже не убегал никто, и все дружно вели обстрел неприятеля.

Никогда еще Саблезубый не терпел такого явного поражения.

Его гордость была уязвлена страшным образом: ведь его перехитрило столь малорослое, слабосильное Племя. Он стоял внизу на земле и, глядя на нас, рычал, бил хвостом и огрызался на каждый летевший камень. Однажды я метнул в него камнем в тот момент, когда он поднял вверх морду. Камень попал ему в кончик носа, и тигр подпрыгнул в воздух, взметнув все свои четыре лапы. От неожиданности и боли он зарычал и замяукал, как кошка.

Он был побежден, и он знал это. Спасая свое достоинство, он под градом камней важно зашагал прочь. Посреди поля он остановился на минуту и бросил на нас тоскливый голодный взгляд. Отказывать себе в еде Саблезубому очень не хотелось, а тут, всего лишь в нескольких шагах от него, было столько мяса! Казалось, мы сидели в ловушке и тем не менее были недоступны. Глядя на тигра, мы принялись хохотать. Хохот наш звучал издевательски, мы хохотали во все горло, все до единого. А ведь ни одно животное не любит насмешки. Оно злится, если над ним смеются. Именно такое действие возымел наш хохот на Саблезубого. Он зарычал повернул назад и снова бросился на утес. Мы только этого и ждали. Сражение с тигром уже стало для нас игрой, и мы с наслаждением швыряли в него камень за камнем.

На этот раз Саблезубый выдержал недолго. Обретя благоразумие, он быстро остыл, и, кроме того, мы сражались с ним все хитрей и искусней. Я хорошо помню, как вздулся у него глаз от метко брошенного камня,— тигр уже почти не видел этим глазом. И живо встает в моей памяти, как он, уже окончательно отступив к опушке леса, вновь остановился и поглядел на нас. Он раскрыл всю свою трепещущую пасть и показал нам свои громадные клыки до самых корней, шерсть у него встала дыбом, хвост колотил землю. Он рыкнул на нас в последний раз и скрылся из виду за деревьями.

Как мы после этого залопотали и зашумели! Мы толпою кинулись из своих убежищ вниз, осматривая следы когтей Саблезубого на камнях утеса, и тараторили, перебивая друг друга. Один из тех, кто на рассвете бежал от тигра и прятался в двойной пещере, был долговязым подростком, почти юношей. Когда оба беглеца горделиво вышли из своей пещеры, мы встретили их с восторгом и стали вокруг них плотным кольцом. Вдруг мать долговязого подростка, растолкав толпу, подскочила к своему сыну. Вне себя от ярости, она начала бить его по щекам, таскать за волосы и при этом кричала, как ведьма. Это была очень рослая, коренастая женщина, вся в густых волосах; трепка, которую она задала своему сыну, сильно позабавила Племя. Мы надрывались от хохота, мы изнемогали от него и хватались для поддержки друг за друга; кое-кто из самых смешливых катался по земле.

Несмотря на вечный страх, тяготевший над Племенем, мы были большие охотники посмеяться. У нас было чувство юмора. Мы веселились от всего сердца, как веселился Гаргантюа. Мы хохотали самозабвенно, о какой-либо сдержанности мы не имели понятия. Что-нибудь самое простое, самое грубое могло показаться нам ужас-

но смешным, и мы хохотали до корчей, до колик в животе. О, мы умели посмеяться, уверяю вас!

Тот отпор, который встретил у нас Саблезубый, получал и каждый зверь, забравшийся в поселок. Мы бдительно охраняли наши тропинки и водопои, не давая подойти к ним ни одному зверю, если он забрел на нашу землю и случайно. Даже самые свирепые хищники были достаточно проучены и избегали приближаться к нашему стойбищу. Мы не могли похвастаться такой же силой, как они; мы были хитры и трусливы, и только наша хитрость и трусость, наша необыкновенная осторожность позволяла нам выжить среди ужасных врагов, которые окружали нас в Юном Мире.

Вислоухий, я полагаю, был старше меня на год. О своей прошлой жизни он мне рассказать ничего не мог по скудости языка, но я никогда не видел его матери и считал его сиротой. Ведь если говорить об отцах, то они в нашем Племени в счет не шли. Брак был еще на самой примитивной ступени, супружеские пары постоянно ссорились и расходились. Современный человек, идя на узаконенный развод, делает то же самое. Но у нас не было никаких законов. Все у нас шло по обычаю, а обычай допускал в этой области полный беспорядок.

И тем не менее, как это будет видно из дальнейшего рассказа, у нас уже слегка чувствовались признаки моногамии, которая возобладала в будущем, значительно укрепив придерживавшиеся ее племена. Даже в те дни, когда я был младенцем и еще не расставался с матерью, на деревьях близ нас жили устойчивые и верные друг другу пары. Жизнь в гуще Племени не располагала к единобрачию. Нет сомнения, что именно поэтому верные супружеские пары уходили из стойбища и обосновывались поодаль. Супруги жили вместе целые годы, хотя если кто-нибудь из них умирал или становился жертвой хищных зверей, оставшийся в живых непременно находил себе новую жену или нового мужа.

Одно обстоятельство сильно озадачивало меня с первых же дней, как я начал жить в Племени. Я замечал, что все испытывали какой-то безотчетный, смутный страх перед северо-востоком. Племя постоянно чего-то опасалось, ждало оттуда какой-то беды. Все с мрачной тревогой нет-нет да и поглядывали на северо-восток.

Когда мы с Вислоухим пошли однажды в северо-восточном направлении искать морковь, для которой наступил тогда лучший сезон, то он выказывал необычайную робость. Он был готов есть ботву, перезрелую, дряблую или совсем мелкую, жиденькую морковь, но не хотел пройти дальше, где росли еще никем не тронутые мясистые корни. Когда я двинулся туда, он разбранил меня, учинив настоящий скандал. Он заявил мне, что в том направлении таится грозная опасность, но какая именно — этого Вислоухий никак не мог мне разъяснить по бедности своего словаря.

Пока он бранился и отчитывал меня, я отыскивал все новые и новые места с морковью и досыта набивал себе живот. Я не мог понять, что именно имеет в виду Вислоухий. Я соблюдал всяческие предосторожности, но никакой опасности не видел. Я постоянно

прикидывал, на какое расстояние я удалился от ближайшего дерева, чтобы успеть добежать и взобраться на него, если вдруг выскочит старина Саблезубый, Темно-рыжий или какой иной хищник.

Однажды вечером в поселке начался истинный переполох. Племя было в смятении, всех охватил глубокий страх. Столпившись на утесе, мужчины и женщины смотрели на северо-восток и показывали туда пальцами. Я не знал, что именно происходит, но живо полез кверху, в свою крошечную пещеру, и только потом огляделся по сторонам.

И тогда, вдали за рекою, на северо-востоке, я впервые в жизни увидел дым. Своими размерами этот таинственный дым превосходил всех животных каких я только знал. Я подумал было, что это некая чудовищная змея, поднявшая свою голову высоко над деревьями и раскачивающаяся взад и вперед. Но потом, наблюдая за поведением Племени, я сообразил, что сам по себе дым не опасен. Племя испытывало страх перед дымом потому, что за ним скрывалось что-то другое, поистине грозное. Но что именно было это другое, я не мог догадаться. И никто не мог мне объяснить, в чем дело. Однако скоро я узнал, что это такая страшная опасность, перед которой не шли в счет уже ни Темно-рыжий, ни старина Саблезубый и никакие змеи,— опасность столь грозная, что грозней ее не могло и быть.

ГЛАВА VII

Сломанный Зуб был другой юнец, который тоже жил самостоятельно. Мать его занимала просторную пещеру, но у нее после Сломанного Зуба народилось еще двое детей, и в результате старший брат был изгнан. В течение нескольких дней мы смотрели, как его выгоняли, и от души потешались над этим. Сломанный Зуб упорно не желал уходить из дома и всякий раз, как мать по делам покидала пещеру, вновь забирался в нее. Когда мать возвращалась и обнаруживала там сына, гнев ее был великолепен. Почти половина Племени собиралась полюбоваться разъяренной мамашей. Сначала из пещеры доносились ругань и визг. Затем можно было расслышать звук затрещин и ударов и вопли Сломанного Зуба. Тогда же к рыданиям Сломанного Зуба присоединялся плач двух малышей. В заключение Сломанный Зуб кубарем вылетал из пещеры — это было словно извержение небольшого вулкана.

Но прошло несколько дней, и Сломанный Зуб был выброшен из дома окончательно. Он выплакал свое горе, сидя посреди поля один-одинешенек, и через полчаса пришел жить к нам с Вислоухим. Наша пещера была очень мала, но, потеснившись, мы нашли место и для Сломанного Зуба. Насколько я помню, он ночевал с нами лишь одну ночь, значит, событие, о котором я сейчас расскажу, произошло в это же время.

Это случилось в полдень. Утром мы досыта наелись моркови, тут же в лесу стали играть и, позабыв всякую осторожность, забрались на высокие деревья. Не могу понять, почему проявил такую

беспечность всегда бдительный Вислоухий, должно быть, он тоже заигрался. Мы играли на этих деревьях в салки. Замечательная была игра! Мы прыгали на десять — пятнадцать футов, даже не прилагая особых усилий. А прыгнуть с дерева на землю, пролетев двадцать или двадцать пять футов, было для нас сущей безделицей. Право, я даже боюсь сказать, на какие прыжки мы тогда отваживались. Потом, когда мы стали старше и грузнее, нам приходилось прыгать уже гораздо осторожней, но в те юные дни у нас были не мускулы, а настоящие пружины, и мы могли себе позволить все что угодно.

Сломанный Зуб играл с необыкновенной ловкостью. Поймать его было почти невозможно, и, ускользая от нас, он всякий раз выкидывал такой трюк, изобретенный им самим, повторить который не мог ни Вислоухий, ни я. Сказать по правде, мы даже не решались на это.

Когда мы гнались за ним, Сломанный Зуб обычно взбегал на конец высокого сука. До земли от этого сука было не меньше семидесяти футов, и если с него сорвешься, то зацепиться внизу было уже не за что. Но футов на двенадцать вниз и не меньше пятнадцати футов в сторону торчала ветка другого дерева.

Преследуя смельчака, мы тоже хотели взбежать на конец сука, но Сломанный Зуб начинал трясти его и тем мешал нам продвигаться. Мало этого, Сломанный Зуб ложился на этот сук спиной и раскачивал его. Как только мы приближались, Сломанный Зуб прекращал раскачиваться. Сук, как натянутая тетива, вскидывал его, и Сломанный Зуб летел, спиной вперед, в воздух. Падая вниз, он успевал перевернуться и вспрыгивал прямо на толстую ветку соседнего дерева. От такого толчка ветка сильно подавалась вниз и иногда зловеще потрескивала, но все же не ломалась; после каждого такого прыжка Сломанный Зуб, высунув голову из листвы, поглядывал на нас и торжествующе улыбался.

Вот я снова догоняю Сломанный Зуб на дереве. Он добежал до конца сука и опять принялся его трясти и раскачивать, мешая мне приблизиться. И вдруг Вислоухий издал негромкий предупреждающий крик. Я посмотрел вниз и увидел, что он сидит в развилке дерева, крепко прижавшись к стволу. Я инстинктивно тоже прижался к толстой ветке и замер. Сломанный Зуб перестал трясти свой сук, но сук все еще раскачивался вниз и вверх и шелестел листвою.

Внизу на земле хрустнула сухая ветка, и, посмотрев туда, я впервые увидел Человека Огня. Он осторожно крался меж деревьев, устремив свой взгляд вверх, прямо на нас. Сначала я подумал, что вижу дикое животное, ибо на плечах и пояснице у него болталась обтрепанная медвежья шкура. Потом я разглядел его руки и ноги и черты его лица. Он был очень похож на нас, только не так волосат, и ноги у него не столь напоминали руки, как наши ноги. Позднее я узнал, что все его племя было менее волосато, чем наше, а мы, в свою очередь, были не так волосаты, как Лесная Орда.

Меня осенило мгновенно, едва я разглядел его: да, это был он — тот самый ужас северо-востока, который мерещился за таинствен-

ным дымом. И в то же время я недоумевал: в нем не было ничего страшного. Красный Глаз или другие сильные наши мужчины выглядели гораздо страшнее его. Он был уже стар, весь в морщинах, волосы на его лице поседели. И он сильно прихрамывал на одну ногу. Можно было не сомневаться, что мы обогнали бы его и на земле и на деревьях. Нас ему не поймать ни за что, это было ясно с первого взгляда.

Однако в руках у него был какой-то предмет, которого я никогда не видел. Как оказалось, это был лук и стрела. Но в то время эти слова — лук и стрела — для меня ничего не значили. Откуда мог я знать, что в этой согнутой древесной ветке таится смерть? А Вислоухому это было известно. Он уже сталкивался с Людьми Огня раньше и немного знал их обычаи. Человек Огня устремил свой взгляд на Вислоухого и, не торопясь, стал огибать наше дерево. Не дремал и Вислоухий — он тоже двигался вокруг ствола, держась все время так, чтобы ствол заграждал его от пришельца.

Вдруг Человек Огня резко повернулся и шагнул вокруг дерева в обратном направлении. Вислоухий, застигнутый врасплох, тоже двинулся в обратном направлении, но не успел вовремя укрыться за ствол, и Человек Огня, спустив тетиву, выстрелил. Я видел, как взметнулась стрела, но, не попав в Вислоухого, мелькнула у самой ветки и упала на землю. Укрываясь на высоком суке, я прямо-таки заплясал от восторга. Вот это была игра! Человек Огня кидал в Вислоухого какой-то предмет, как нередко кидали разные предметы друг в друга и мы.

Игра еще не кончилась, но Вислоухий больше из-за дерева не показывался. Человек Огня спокойно стоял на месте. Сидя на крепкой прямой ветке, я высунул голову наружу и залопотал, обращаясь к пришельцу. Я хотел, чтобы игра продолжалась. Я хотел, чтобы он кинул этот тонкий прут и в меня. Пришелец, будто не замечая моего присутствия, смотрел теперь на Сломанный Зуб, который все еще поневоле раскачивался на своем суку.

Вот снова взметнулась стрела. Сломанный Зуб завизжал от боли и испуга. Стрела попала в цель. Теперь дело приняло совсем другой оборот. Я уже не думал ни о какой игре и, дрожа, прижимался к ветке. Просвистели вторая и третья стрела; не попав в Сломанного Зуба, они пропарывали шуршавшую листву, поднимались вверх и, описав дугу, падали наземь.

Человек Огня снова натянул свой лук. Отступив на несколько шагов, он переменил место, затем сменил его еще раз. Зазвенела тетива, стрела взметнулась вверх, и Сломанный Зуб с ужасающим криком полетел на землю. Я видел, как он, разметав руки и ноги, будто весь состоял лишь из рук и ног, несколько раз перевернулся в воздухе; торчавшая в его груди стрела при каждом повороте тела то исчезала, то появлялась вновь.

Пронзительно крича, он летел с высоты семидесяти футов; было слышно, как он ударился о землю и как хрустнули его кости; сначала он слегка выгнулся всем телом вверх, а потом распрямился. И он был еще жив, он кричал и шевелился, царапая землю руками

и ногами. Я помню, что Человек Огня с камнем в руке кинулся к нему и размозжил ему голову... и больше я не помню ничего.

Каждый раз в течение всех моих детских лет я просыпался, увидя эту сцену,— я дрожал, я кричал от страха, а рядом с моей кроваткой нередко сидела мать или няня; они с тревогой смотрели на меня, нежно гладили по голове и говорили, что они здесь и что бояться совсем нечего.

Другой мой сон, в порядке последовательности, всегда начинался с того, как мы с Вислоухим бежали по лесу. Трагедия, разыгравшаяся со Сломанным Зубом, и страшный Человек Огня были уже позади. Напуганные, зорко озираясь, мы с Вислоухим мчимся по деревьям. У меня мучительно болит правая нога: в нее вонзилась стрела Человека Огня; стрела торчит с обеих сторон, пронзив ногу насквозь. Она не только причиняет мне невыносимую боль, но мешает двигаться: я никак не поспеваю за Вислоухим.

Наконец я не выдерживаю и сажусь на удобный сук. Вислоухий продолжает идти вперед, прыгая с одной ветки на другую. Я окликаю его — насколько помню, я окликнул его самым жалобным тоном. Вислоухий остановился и поглядел на меня. Затем он повернулся, прыгнул ко мне и осмотрел пронзенную стрелой ногу. Он попытался вытащить стрелу, но зазубренный наконечник с одной стороны и хвостовое оперение — с другой помешали это сделать. Вмешательство Вислоухого лишь усилило боль, и я попросил его больше к моей ноге не прикасаться.

Какое-то время мы сидели на этом дереве, хотя Вислоухий нервничал и все время порывался идти; он беспокойно осматривался по сторонам, а я жалобно хныкал и стонал от боли. Вислоухий явно трусил, но его решение не покидать меня в беде, несмотря на объявший его страх, я считаю признаком альтруизма и чувства товарищества, которые впоследствии способствовали тому, что человек стал самым могущественным среди животных.

Вислоухий вновь попытался вытащить стрелу, но я сердито остановил его. Тогда он приник к моей ноге и стал перегрызать стрелу с заднего конца у оперения. Он грыз стрелу, придерживая ее обеими руками, чтобы она не шевелилась в ране, а я цеплялся за его плечо. Я часто размышляю над этой сценой — вот два юнца, совсем еще мальчишки, на самой заре человечества, и один из них, превозмогая свой страх, подавляя эгоистическое желание бежать, остается на месте, чтобы помочь другому. И перед моим взором проходит все, что предвещала эта сцена: я вижу Дамона и Пифия, вижу спасательные команды, вижу сестер милосердия, вижу и вождей, обреченных на гибель, вижу святого Дамиана и самого Христа, вижу всех сильных людей Земли — их сила берет свое начало в грубых чреслах Вислоухого, Большого Зуба и других обитателей Юного Мира.

Когда Вислоухий перегрыз хвост стрелы, ее легко было вытащить из ноги. Я поднялся, собираясь идти, но сейчас остановил меня уже Вислоухий. Рана моя сильно кровоточила. Очевидно, в ноге было повреждено несколько мелких вен. Дотянувшись до

зеленой ветки, Вислоухий нарвал охапку листьев и заткнул мне рану. Это помогло, кровь скоро перестала течь. И тогда мы оба двинулись в путь, спеша под защиту пещер.

ГЛАВА VIII

Я прекрасно помню первую зиму после того, как я покинул дом. Мне часто снится, будто я сижу, скорчась, и дрожу от холода. Рядом со мной сидит Вислоухий, мы прижимаемся друг к другу, лица у нас посинели, зубы стучат. Чаще всего это бывало утром, перед рассветом. В эти холодные часы мы почти не спали; коченея, мы сжимались в жалкий комок и ждали восхода солнца, чтобы хоть немного согреться.

Когда мы выходили из пещеры, покрытая инеем земля похрустывала под ногами. Однажды утром мы увидели, что воду в тех местах, где был расположен наш водопой, затянуло льдом. По этому поводу мы держали великий совет. Даже старик Мозговитый — старше его в Племени не было никого,— даже и он не видел ничего подобного в жизни. Помню, какое тревожное и жалобное выражение приняли его глаза, когда он осматривал лед. (Это жалобное выражение появлялось в наших глазах всякий раз, когда мы сталкивались с чем-то непонятным или когда испытывали какое-нибудь смутное желание, которое не могли выразить ни звуком, ни жестом.) Красный Глаз тоже осмотрел лед и тоже казался необыкновенно мрачным и подавленным: он уставил свой взгляд за реку, на северо-восток, словно бы появление льда было связано с Людьми Огня.

Но лед мы видели только однажды, в то утро — такой холодной зимы больше никогда не выдавалось. Во всяком случае, я не помню ни одной другой зимы, когда бы стояла такая стужа. И нередко я думаю, что эта зима была предвестником тех бесконечных холодов, которые пришли к нам с крайнего севера вместе с ледниками, проползшими по всей земле. Но этих ледников мы не видали. Еще много поколений должно было пройти и исчезнуть, прежде чем потомки нашего Племени или переселились на юг, или, оставшись на старых местах, приспособились к изменившемуся климату.

Жизнь то щадила нас, то жестоко расправлялась с нами — все зависело от удачи. Мы почти не строили никаких планов и тем более не добивались их осуществления. Мы ели, когда чувствовали голод, пили, когда ощущали жажду, избегали встреч с хищными зверями, укрывались на ночь в пещерах, а остальное время забавлялись чем придется. Мы были очень любопытны, простодушны и вместе с тем изобретательны на разные шутки и проказы. Серьезными мы были только в минуту опасности или гнева — но опасность быстро забывалась, а гнев столь же быстро проходил.

Мы были непоследовательны и нелогичны. Мы не знали, что такое упорство в достижении цели — Люди Огня в этом отношении ушли от нас далеко вперед. У них были все эти свойства, которых так недоставало нам. Случалось, однако, особенно если дело касает-

ся чувств, когда мы могли долго лелеять какую-то одну мысль или стремиться к одной цели. Верность единобрачных пар, о которых я говорил, можно, конечно, объяснить привычкой, но нельзя объяснить привычкой мое длительное и горячее стремление к Быстроногой, так же как неистребимую вражду, которая существовала между мною и Красным Глазом.

Когда я оглядываюсь в то далекое прошлое, в ту давнюю жизнь, меня больше всего удручает наша нелогичность и недогадливость. Однажды я нашел разбитую тыкву, наполненную дождевой водой. Вода оказалась очень вкусной, и я выпил ее, потом я потащил пустую тыкву к ручью и зачерпнул ею воды, которую частью опять выпил, а частью вылил на Вислоухого. А затем я бросил тыкву, позабыв о ней. У меня не мелькнуло и мысли, что можно наполнить эту тыкву водой и отнести ее к нам в пещеру. А ведь часто по ночам меня мучила жажда, в особенности после того, как поешь дикого лука или щавеля, и никто у нас никогда не отваживался встать и выйти ночью из пещеры, чтобы напиться.

В другой раз я нашел сухую тыкву, внутри ее гремели семечки. Я долго забавлялся, играя тыквой. Дальше игры дело у меня не пошло. Однако всего через несколько лет мы начали широко применять тыквы для хранения воды. Честь этого открытия принадлежит не мне, а старику Мозговитому: я думаю, что я буду прав, если скажу, что его толкнула на это нововведение старческая немощь.

Так или иначе, но первым во всем Племени стал применять тыквы Мозговитый. Он держал запас питьевой воды в своей пещере, вернее, в пещере своего сына, Безволосого, который отвел ему в пещере угол. Мы не раз наблюдали, как Мозговитый наполнял тыкву у водопоя и бережно нес ее в свою пещеру. Чувство подражания у нас было развито очень сильно: сначала один, а потом и другой стали запасаться тыквами и применять их для хранения воды — скоро это стало всеобщим обычаем.

Порою старик Мозговитый хворал и не мог выходить из пещеры. Тогда воду в тыквах приносил ему Безволосый. Спустя какое-то время Безволосый поручил это дело своему сыну, Длинной Губе. И потом, когда Мозговитый был уже снова здоров, Длинная Губа по-прежнему носил ему воду. Постепенно и все взрослые мужчины, за исключением разве редких случаев, перестали носить себе воду, свалив это на женщин и подростков. Мы с Вислоухим жили одни. Мы таскали воду только сами себе и нередко подсмеивались над юными водоносами, когда их отрывали от игры, чтобы послать с тыквой к водопою.

Прогресс у нас шел очень и очень медленно. С детских лет и до конца своих дней, уже став взрослыми, мы постоянно играли, и игры взрослых мало чем отличались от игр детей — подобной страсти к игре не проявляло ни одно животное на свете. Все наши познания, как бы ни были они ничтожны, мы приобретали в процессе игры, многим мы были обязаны своему любопытству и проницательности. Так, за время, пока я жил в Племени, было сделано великое изоб-

ретение — применена тыква. На первых порах мы, подражая старику Мозговитому, хранили в тыкве одну только воду.

Но вот однажды какая-то женщина — я не знаю, какая именно, — набрала в тыкву черники и принесла ее домой в пещеру. И скоро уже все женщины носили в тыквах и ягоды, и орехи, и коренья. Мысль была посеяна, и она давала всходы. Через недолгое время нововведение было развито, и развито теми же женщинами. У кого-то из них, вероятно, оказалась слишком маленькая тыква, а может, женщина, выйдя на болото, спохватилась, что забыла тыкву в пещере, но так или иначе она сложила вместе два больших листа, скрепила их прутьями и принесла черники больше, чем могло бы поместиться в самой крупной тыкве.

Прогресс в усовершенствовании средств переноски съестных припасов за то время, пока я жил в Племени, на этом и остановился. Никому не пришло в голову взять ивовые прутья и сплести корзину. Правда, порой мужчины и женщины вязали в охапки папоротник и ветви, перетягивая их гибкой лозой, и несли эти охапки в пещеры, чтобы устроить себе помягче ночное ложе. Вполне возможно, что через десять — двенадцать поколений наше Племя научилось бы и плести корзины. И совершенно ясно, что, обучившись плести из прутьев корзины, мы неизбежно сделали бы и следующий шаг — начали бы ткать одежду. Вместе с одеждой, которой мы прикрывали бы свою наготу, у нас появилось бы и чувство стыда.

Юный Мир всего этого к тому времени уже достиг. Но мы далеко отстали. Мы пока лишь тронулись в путь, и быстро покрыть такое расстояние мы не могли. Мы не знали еще ни оружия, ни огня, у нас были лишь грубые начатки речи. Изобретение письма таилось еще в таком отдаленном будущем, что, когда думаешь об этом, сердце холодеет от ужаса.

Однажды я сам едва не совершил великое открытие. Чтобы вы поняли, от каких вздорных случайностей зависел прогресс в те дни, я вам скажу, что лишь прожорливость Вислоухого помешала мне приручить собаку. Учтите, что в то время домашних собак еще не было даже у Людей Огня, живших на северо-востоке. Да, они еще не сумели приручить собаку, я это знал по своим собственным наблюдениям. А теперь позвольте рассказать, как обжорство Вислоухого отбросило наше социальное развитие, может быть, на несколько поколений назад.

Довольно далеко на запад от наших пещер были огромные болота, а с южной стороны тянулась гряда невысоких, каменистых холмов. К этим холмам мы почти никогда не ходили. Тому было две причины: во-первых, там ни росло ничего такого, что годилось бы нам в пищу, во-вторых, на этих каменистых холмах укрывалось множество хищных зверей.

Однако мы с Вислоухим почти случайно однажды туда забрели. И забрели не только потому, что дразнили тигра. Пожалуйста, не улыбайтесь. Это был сам старина Саблезубый. И мы не подвергали себя никакой опасности. Мы наткнулись на Саблезубого ранним утром в лесу и, сидя высоко на дереве, принялись улюлюкать и орать,

всячески оскорбляя тигра и выражая к нему всю свою ненависть. Прыгая с дерева на дерево, мы неотступно гнались за Саблезубым и поднимали адский шум, чтобы известить о приближении Саблезубого всех обитателей леса.

Разумеется, мы испортили ему всю охоту. И мы здорово его разозлили. Он свирепо рычал, колотил хвостом, а порой замирал на месте и подолгу глядел на нас, словно бы прикидывая, каким образом добраться до нас и сцапать. Но мы только смеялись и швыряли в него сучья и ветки.

Такая травля тигров была у нас популярнейшим спортом. За тигром или львом, который осмеливался показаться близ наших пещер в дневное время, иногда гналась, прыгая по деревьям, половина Племени. Это была наша месть: ведь немало мужчин и женщин, застигнутых врасплох, попадало в желудок тигра или льва. Кроме того, подвергая хищников такой пытке и посрамлению, мы учили их уважать наши земли и держаться подальше от них. И, помимо всего прочего, это была истинная забава. Это была великая игра.

Мы с Вислоухим гнались за Саблезубым не меньше трех миль. Измученный издевательскими криками, он поджал наконец хвост и стал улепетывать от нас во всю прыть, как побитая собачонка. Мы тоже прилагали все усилия, чтобы не отстать от него, но когда мы достигли опушки леса, тигр был уже далеко.

Я не знаю, что именно подстрекало нас в ту минуту, скорей всего, просто любопытство, но, поиграв немного на опушке леса, мы с Вислоухим направились через поляну к каменистым холмам. Ушли мы совсем недалеко, не больше сотни ярдов от леса. Огибая высокую угловатую скалу (шли мы очень осторожно, так как не знали, с чем нам придется встретиться), мы увидели трех щенков, игравших на солнышке.

Щенки не замечали нас, и мы разглядывали их довольно долго. Разумеется, это были дикие щенки. В скале виднелась продольная расщелина — вероятно, там и было логово, где мать оставила этих щенков и где они и должны были бы сидеть, если бы проявили послушание. Но та ребяческая резвость, которая подтолкнула нас покинуть лес и выйти к холмам, заставила выбраться из логова и щенков. Мне было ясно, как сурово наказала бы расшалившихся щенков мать, если бы она поймала их на месте преступления.

Но поймали их мы, я и Вислоухий. Вислоухий выразительно взглянул на меня, и мы враз бросились к щенкам. Щенки знали лишь один путь отступления — к своему логову, но мы преградили им дорогу. Наиболее шустрый из них юркнул у меня промеж ног. Я наклонился и схватил его. Он вонзил свои маленькие острые зубки мне в руку, я растерялся и бросил щенка на землю. В следующее мгновение он уже был в расщелине скалы.

Вислоухий, не выпуская из рук своего щенка, метнул на меня сердитый взгляд и залопотал на все лады, давая мне понять, какой я безнадежный болван и растяпа. Мне стало очень стыдно, и я решил показать свою доблесть. Не теряя ни секунды, я схватил третьего щенка за хвост. Он извернулся и цапнул меня зубами, но я усмирил

его, сдавив ему шею. Разглядывая своих щенков, мы с Вислоухим уселись рядышком наземь и, очень довольные, громко хохотали.

Щенки урчали, скулили и тявкали. Вдруг Вислоухий вздрогнул и насторожился. Ему показалось, что он что-то слышит. Мы в страхе посмотрели друг на друга, осознав всю опасность своего положения. Нет более верного средства привести животное в бешенство, чем покуситься на его детенышей. А эти щенята, поднимавшие такой шум, были из породы диких собак. Диких собак мы хорошо знали — они бегали стаями, наводя ужас на всех травоядных. Мы видели, как они подкрадывались к стадам быков и бизонов и утаскивали маленьких телят, а также старых и больных животных. Не раз они гнались и за нами. Однажды мне довелось видеть, как они гнали через поле женщину и настигли ее у самой опушки леса. Не будь женщина так измучена погоней, она нашла бы силы проворно влезть на дерево. Но она сразу сорвалась и упала, и собаки тут же покончили с нею.

Мы смотрели друг на друга не больше мгновения. Крепко придерживая щенят, мы вскочили и бросились бежать к лесу. Потом, уже взобравшись на надежное, высокое дерево и не выпуская из рук добычи, мы весело расхохотались. Как видите, нам непременно надо было посмеяться, что бы с нами ни случилось.

А затем началось одно из самых трудных дел, на какие я когда-либо решался. Мы понесли своих щенят к пещерам. Щенята все время вырывались, руки у нас оказались занятыми, и мы уже не могли свободно цепляться за ветви. Мы попробовали идти по земле, но презренная гиена загнала нас обратно на деревья и шла внизу вслед за нами. Как выяснилось потом, она поступала мудро.

Вислоухого осенила мысль. Он вспомнил, как мы связывали в охапку листья и ветви и таскали их в пещеру на подстилку для ложа. Оторвав крепкий, упругий побег ползучего растения, он опутал им щенку лапы, а с помощью другого обрывка, повязав его себе на шею, закинул щенка за плечо. Руки и ноги Вислоухого были теперь свободны. Он торжествовал и, не дожидаясь, пока я свяжу ноги своему щенку, двинулся в путь. Но тут Вислоухий сразу же столкнулся с непредвиденным затруднением. Щенок за его спиной никак не хотел успокоиться. Он всячески извивался и бился, оказавшись в конце концов не на спине Вислоухого, а где-то спереди. Морда у щенка была не перевязана, и он запустил свои зубы в мягкий, ничем не защищенный живот Вислоухого. Вислоухий вскрикнул и, пошатнувшись, чуть не упал с дерева, но спасся тем, что судорожно уцепился обеими руками за ветку. Импровизированный шнур вокруг его шеи развязался, и щенок, все еще со связанными лапами, полетел на землю. Его тут же схватила себе на обед гиена.

Вислоухий был вне себя от злости и возмущения. Он проклял гиену и двинулся по деревьям вперед, не дожидаясь меня. Я не отдавал себе отчета, зачем мне надо было тащить щенка домой, но мне так *хотелось*, и я упорно добивался своего. Воспользовавшись выдумкой Вислоухого, я внес в нее усовершенствования и тем значительно облегчил себе задачу. Я не только связал у щенка лапы,

но вставил ему между челюстей палку и потом крепко опутал морду.

Наконец щенок был доставлен в Племя. Насколько я понимаю, я проявил на этот раз гораздо больше упорства, чем обычно проявляли мои соплеменники, иначе мне не добиться бы успеха. Соплеменники смеялись надо мной, когда я тащил щенка в пещеру, но я не обращал на это внимания. Мои старания увенчались успехом, щенок был принесен. Он оказался такой игрушкой, какой не было ни у кого в Племени. Учение он воспринимал поразительно быстро. Если я играл с ним и он цапал меня зубами, я драл его за уши, и после этого он долгое время уже не пытался меня укусить.

Я даже полюбил его. Он был для меня чем-то новым, а мы вообще любили все новое. Когда я увидел, что он отказывается от плодов и овощей, я стал ловить для него птиц, белок и зайчат. (Сами мы ели как мясо, так и растительную пищу и великолепно ловили мелкую дичь.) Щенок поедал мои приношения и чувствовал себя превосходно. По моим расчетам, он жил у меня с неделю. А затем, возвратившись однажды в пещеру и принеся целое гнездо только что вылупившихся фазаньих птенцов, я увидел, что Вислоухий убил щенка и уже принялся его есть. Я кинулся на Вислоухого, и у нас завязалась жестокая драка.

Этой дракой и кончилась одна из первых попыток приручить собаку. Мы пучками вырывали друг у друга волосы, царапались, кусались, душили друг друга. Потом гнев у нас схлынул, и мы помирились. После этого мы съели щенка. Сырым? Да, сырым. Огонь у нас еще не был открыт. Секреты кулинарного мастерства были еще начертаны лишь в туго скатанном свитке грядущего.

ГЛАВА IX

Красный Глаз был живым воплощением атавизма. В жизнь нашего Племени он вносил лишь раздор и неурядицы. Он был примитивнее любого из нас. По существу, он не был нашим, но сами мы были еще настолько примитивны, что не могли объединиться и убить его или изгнать из Племени. Как ни грубы, как ни первобытны были наши порядки, но Красный Глаз был чересчур груб и первобытен, чтобы ужиться с нами. Он вечно старался навредить нам, всячески выказывая свою строптивость и неуживчивость. Он, без сомнения, находился на более низкой ступени развития, чем мы, и его место было скорей среди Лесной Орды, чем среди нас, стоявших на пороге очеловечивания.

Он был чудовищно жесток, даже принимая во внимание всю жестокость наших нравов. Он бил своих жен — хотя у него всегда было лишь по одной жене, но женился он много раз. Жить с ним было невыносимо тяжело любой женщине, но они все-таки жили с ним, ибо он принуждал их к этому силой. Он не признавал ни малейших возражений. Не было ни одного мужчины, который чувствовал бы себя способным укротить его.

Внутренним взором я часто вижу тихий летний вечер. Возвращаясь с водопоя, с полян, где растет морковь, с черничного болота,

собирается на открытом поле у пещер наше Племя. Мы не задерживаемся здесь, потому что скоро наступит темнота, и тогда весь мир будет во власти хищных зверей, и прародители человека, трепеща от страха, скроются в своих норах.

Несколько минут мы еще можем посидеть на свежем воздухе, не залезая в пещеры. За день мы устали от своих игр, наши голоса звучат спокойнее и тише, чем обычно. Даже малыши, столь охочие до каверз и шалостей, присмирели и почти не играют. Ветер, дувший с моря, утих, тени при свете последних лучей солнца становятся необыкновенно длинными. И вдруг в пещере Красного Глаза раздаются дикие крики и звук тяжелых ударов: Красный Глаз бьет свою жену.

Сначала мы все, словно в испуге, храним тягостное молчание. Но звуки ударов и ужасные крики не прекращаются, и мы начинаем лопотать и тараторить, как сумасшедшие,— нас душит бессильная ярость. Мужчины возмущены Красным Глазом, они ненавидят его, но страшатся поднять на него руку. Наконец звуки ударов стихли, рыдания замерли, а мы все еще не расходимся и лопочем, хотя уже на землю спускаются сумерки.

Нас забавляло и смешило обычно все на свете, но когда Красный Глаз истязал своих жен, мы не смеялись. Мы понимали, какая трагическая судьба им уготована. Не один раз мы находили его жен, сброшенных с утеса. Красный Глаз, когда у него умирала жена, выбрасывал ее из пещеры, и никогда не хоронил. Он предоставлял это нам. Мы уносили трупы его жен, чтобы они не заражали местность. Обычно мы бросали их в реку ниже наших водопоев.

Красный Глаз не только убивал жен, но шел на убийство и для того, чтобы добыть их. Если он хотел привести себе новую жену и ему нравилась жена другого мужчины, он убивал его без долгих проволочек. Два таких случая я видел своими глазами. Об этих убийствах знало все Племя, но воспрепятствовать им не могло. Мы еще понятия не имели, что такое власть. У нас были лишь обычаи, и мы обрушивали наш гнев на тех, кто эти обычаи нарушал. Так, например, каждого, кто осквернит водопой, мог отколотить любой очевидец, а если находился шутник, поднявший ложную тревогу, то его, не жалея сил, били все сообща. Но Красный Глаз грубо попирал все наши обычаи, а мы так боялись его, что были не способны на совместные действия и не могли дать ему отпор.

Живя с Вислоухим в нашей пещере уже шестую зиму, мы убедились однажды, что мы сильно выросли. Мы теперь еле пролезали в пещеру — вход в нее стал нам узок. Но это имело и свои преимущества: отбивало охоту у взрослых мужчин выгнать нас и занять нашу пещеру. А она была очень привлекательна — на самом верху утеса, в полной безопасности, и зимой в ней было теплее, чем в других пещерах.

Чтобы показать уровень умственного развития Племени, я отмечу, что выгнать нас из пещеры и расширить вход в нее было бы делом весьма несложным. Но до этого никто не додумался. Не додумались до этого и мы с Вислоухим, пока нас не заставила

настоятельная нужда. Летом от обильной еды мы так растолстели, что уже не пролезали в пещеру. Однажды, пыхтя, мы старались протиснуться в проход, и тогда-то у нас появилась эта чудесная мысль.

Сначала мы отковыривали мелкие камни пальцами, но скоро от этой работы у нас заболели ногти. Потом мне пришло в голову взять в руки древесный обломок, и дело пошло гораздо лучше. Но этот же наш успех привел и к беде. Как-то рано утром мы наломали целую кучу мелкого щебня. Я разом столкнул его вниз. В следующее мгновение оттуда послышались яростные крики. Смотреть, кто кричит, не было необходимости. Мы слишком хорошо знали этот голос. Щебень свалился на голову Красному Глазу.

Мы затаились в пещере, оцепенев от страха. Минуту спустя он уже был у входа, уставясь на нас воспаленными глазами и рыча, как дьявол. Но войти внутрь он не мог: проход был слишком узок. Мы оказались для него недосягаемы. Вдруг он повернулся и исчез. Это внушило нам подозрения. Насколько мы знали натуру наших соплеменников, он должен был бы остаться и побушевать вволю. Я тихонько выбрался наружу и посмотрел вниз. Я увидел, что Красный Глаз вновь взбирается на утес. В руках у него была длинная палка. Я еще не успел разгадать его намерения, как он опять был у входа и совал палку в пещеру, стараясь ею достать нас.

Он орудовал своей палкой с чудовищной силой. С одного полновесного удара он мог бы выпустить нам кишки. Мы прижались к задней стене и были почти недосягаемы. Однако, пустив в ход всю свою ловкость, он нет-нет да и доставал до нас кончиком палки — ее неумолимые, варварские прикосновения сдирали с нас клочья волос и кожи. Когда мы визжали от боли, Красный Глаз удовлетворенно рычал и действовал своей палкой с еще большим ожесточением.

Постепенно я приходил в ярость. У меня уже выработался к тому времени свой характер и была известная смелость, хотя она и напоминала смелость затравленной крысы. Я схватился за палку Красного Глаза руками, но он, с его страшной силищей, тут же вытащил меня в проход. Он протянул ко мне свои длинные руки и ногтями вырвал у меня кусок мяса, я резко отскочил назад и приник к боковой стене, где было сравнительно безопасно.

Красный Глаз снова начал тыкать и размахивать палкой и нанес мне сильный удар по плечу. Вислоухий лишь дрожал от страха, взвизгивал, когда его доставала палка, и не оказывал ни малейшего сопротивления. Я искал глазами тоже какую-нибудь палку, чтобы дать отпор Красному Глазу, но нашел только обломок ветки не больше фута длиной и в дюйм толщиной. Я швырнул этот обломок в своего врага. Это не причинило ему вреда, но видя, что я осмелел, он взревел громче прежнего и начал бешено вращать палкой. Тогда я нащупал на полу небольшой камень, кинул его и попал Крсному Глазу в грудь.

Этот успех воодушевил меня, а кроме того, я был теперь в таком же бешенстве, как и Красный Глаз, и уже ничего не страшил-

ся. Я отломил от стены порядочный кусок камня. В нем было фунта два или три весу. Напрягая все свои силы, я метнул его прямо в лицо Красному Глазу. Я едва его не прикончил. Он покачнулся назад, выпустил из рук палку и еле-еле не свалился с утеса.

Вид его был ужасен. По лицу текла кровь, он рычал, скрежетал и щелкал зубами, как дикий вепрь. Вытерев кровь с глаз, он опять взглянул на меня и заорал во всю глотку. Палки у него уже не было, и он принялся отламывать куски камня и кидать в меня. Это пополняло мои боевые запасы. Каждый камень, прилетевший от него, летел в него обратно, причем я кидал даже более метко: в такую большую мишень, как он, попасть было нетрудно, а я все время прижимался к стене, и Красный Глаз видел меня плохо.

И вдруг он исчез снова. Выглянув наружу, я увидел, что он спускается с утеса. Внизу толпой стояло все Племя и молча наблюдало за нашим побоищем. Как только Красный Глаз начал спускаться с утеса, наиболее робкие из Племени скрылись в своих пещерах. Среди них я заметил и Мозговитого: он трясся и ковылял, выказывая крайнюю поспешность. Красный Глаз спрыгнул со стены, покрыв этим прыжком те двенадцать футов, которые отделяли его от подножия утеса. Случайно он оказался рядом с женщиной, только что начавшей подниматься вверх к пещерам. Она завопила от страха, а цеплявшийся за нее двухлетний ребенок разжал ручонки, упал и покатился по каменьям. Оба — и мать и Красный Глаз — одновременно кинулись к ребенку, но схватил его Красный Глаз. Маленькое тельце мелькнуло в воздухе и ударилось о каменную стену. Мать подбежала к ребенку, взяла его на руки и, рыдая во весь голос, села наземь.

Красный Глаз пошел дальше, он искал потерянную палку. По дороге ему попался Мозговитый. Красный Глаз протянул свою огромную ручищу и схватил старика сзади за шею. Я видел, как мотнулась и упала голова Мозговитого. Его тело сразу обмякло, старик сдался на волю судьбы. Красный Глаз секунду стоял в нерешительности, а Мозговитый, дрожа, согнулся и прикрыл лицо скрещенными руками. Красный Глаз крепко шлепнул его по затылку и сбил с ног. Мозговитый ткнулся лицом в землю, не оказывая сопротивления. Он лежал и вопил, ожидая смерти. Неподалеку, на открытом месте, я увидел Безволосого: весь ощетинившись, тот колотил себя в грудь, но приблизиться к Красному Глазу не решался. Затем Красный Глаз, подчиняясь какому-то капризу своей сумасбродной натуры, отошел от старика и опять стал искать свою палку, которая наконец нашлась.

Он снова вернулся к утесу и начал взбираться вверх. Вислоухий, выглядывавший наружу из-за моего плеча, дрожа, нырнул в пещеру. Было ясно, что Красный Глаз решился на убийство. Во мне кипела злость, я не трусил и сохранял самообладание. Обежав соседние выступы, я собрал много камней и сложил их грудой у входа в пещеру. Красный Глаз был теперь на несколько ярдов ниже меня и на миг скрылся за выступом. Потом его голова показалась вновь, и я метнул в нее камень. Я промахнулся, камень ударился в стену

и разлетелся на мелкие крошки; эти крошки и взметнувшаяся пыль засорили моему противнику глаза, и он скрылся из виду.

Племя, как бы игравшее роль аудитории, залопотало и захихикало. Наконец-то нашелся смельчак, который бросил вызов Красному Глазу! Слыша этот шум и одобрительные восклицания, Красный Глаз, ворча, поглядел вниз, и все сразу стихли. Гордый таким доказательством своей силы, он опять высунул голову и, рыча и скрежеща зубами, пытался устрашить меня. Он строил ужасающие мины; кожа на его надбровье шевелилась и набухала бугристыми складками, а каждый волос на голове до самой макушки грозно встал и устремился вперед.

У меня похолодело сердце, но я превозмог страх и погрозил ему камнем. Красный Глаз продолжал, однако, лезть вверх. Я метнул в него камень, но даже не задел его. Следующий камень я швырнул удачнее. Он попал ему в шею. Красный Глаз скользнул вниз и скрылся. Минуту спустя я увидел, как он одной рукой цепляется за стену, а другую держит у себя на горле. Палка его, дребезжа, скатилась вниз.

Затем Красный Глаз скрылся из виду, я лишь слышал, как он сопел, отдувался и кашлял. Среди Племени воцарилась мертвая тишина. Я подполз к краю площадки у входа и ждал, что будет дальше. Наконец пыхтенье и кашель прекратились, но вскоре я опять услышал, как Красный Глаз харкал, прочищая глотку. Через минуту он начал спускаться вниз. Спускался он очень медленно, то и дело останавливаясь и прикладывая руку к шее.

Увидя, что он спускается, все Племя с дикими криками и визгом бросилось бежать к лесу. Позади всех, прихрамывая, ковылял старик Мозговитый. Красный Глаз на это всеобщее бегство не обратил никакого внимания. Спустившись на землю, он обогнул подножие утеса и забрался в свою пещеру. Он ни разу не оглянулся, ни разу не поглядел по сторонам.

Я смотрел на Вислоухого, Вислоухий смотрел на меня. Мы понимали друг друга. Не теряя ни минуты, мы осторожно и спокойно стали взбираться вверх по утесу. Достигнув вершины, мы посмотрели вниз. И поле и пещеры — все было пусто. Племя исчезло, углубившись в лес, дома остался один Красный Глаз.

Мы живо спустились вниз и побежали. Мы неслись по полю со всех ног, прыгали по откосам, даже не думая о таившихся в траве змеях, и скоро были уже в лесу. Стремительно перелетая с ветки на ветку, теперь мы шли по деревьям, пока не удалились от наших пещер на несколько миль. Только тогда мы почувствовали себя в безопасности и, облюбовав удобный развилок дерева, перевели дух, посмотрели друг на друга и расхохотались. Крепко прижимаясь друг к другу, положив руки на руки, с мокрыми от слез глазами, ощущая саднящую боль в боках, мы хохотали и хохотали, не в силах остановиться.

ГЛАВА X

Насмеявшись вдоволь, мы с Вислоухим снова пустились в путь и, сделав большой крюк, вышли на болото с черникой, где и позавтракали. Это было то самое болото, к которому я ходил, совершая свои первые в жизни путешествия много лет назад в сопровождении матери. За последние годы я видел ее очень редко. Когда она приходила к нашим пещерам, я обычно был в отлучке, в лесу. Раз или два я замечал на нашем поле у пещер и Болтуна и имел удовольствие состроить ему рожу и позлить его, сидя подле входа в свое крохотное убежище. Если не брать в расчет этих знаков внимания, в остальном я свое семейство не беспокоил. Я просто не интересовался им, я неплохо себя чувствовал, обходясь и без него.

Досыта наевшись черники и проглотив на десерт два гнезда почти вылупившихся перепелят, мы с Вислоухим снова тронулись в путь. Решив выбраться к реке, мы, осторожно озираясь, шли по лесу. Именно в этих местах стояло дерево, на котором я жил ребенком и с которого меня сбросил Болтун. Нет, дерево не пустовало. И в семействе было прибавление: к груди моей матери крепко прижимался младенец. На одной из нижних веток сидела девушка, уже почти взрослая,— она посмотрела на нас весьма подозрительно. Это была, несомненно, моя сестра, вернее, единоутробная сестра.

Мать узнала меня, но отогнала прочь, когда я полез было на дерево. Вислоухий, проявлявший всегда куда большую осторожность, чем я, сразу ретировался, и я никак не мог уговорить его подойти поближе. Сестра скоро спустилась вниз, и здесь на соседних деревьях мы резвились и играли до вечера. Однако дело не обошлось без ссоры. Хотя она была мне сестрой, это ничуть не мешало ей отвратительно обращаться со мною, ибо она унаследовала весь злобный характер Болтуна. Придравшись к какой-то вздорной мелочи, она неожиданно напала на меня, стала царапаться, выщипывать у меня волосы и, помимо этого, запустила свои острые маленькие зубы мне в руку. Признаюсь, я вспылил. Я не нанес ей никакого членовредительства, но отшлепал ее так, как, наверное, ее еще не шлепали во всю жизнь.

Ну и завопила же она и завизжала! Болтун, где-то блуждавший весь день и только сейчас возвращавшийся, услышал ее крики и кинулся к нам. Кинулась к нам и мать, но Болтун опередил ее. Мы с Вислоухим не стали его ждать. Мы бросились наутек по деревьям, и Болтун долго преследовал нас.

После того как он утомился и отстал, а мы вдоволь нахохотались, в лесу уже начало темнеть. Наступали сумерки, а затем ночь со всеми ее страхами, но о возвращении к пещерам нельзя было и думать. Это было немыслимо из-за Красного Глаза. Мы нашли себе убежище на дереве, и на высоких его ветвях провели ночь. Это была ужасная ночь. Сначала несколько часов лил дождь, потом нас до костей пробирал холодный ветер. Мокрые с головы до ног, дрожащие, стуча от холода зубами, мы плотно прижимались друг к другу.

Мы тосковали по своей уютной, сухой пещере, которая быстро нагревалась от тепла наших тел.

Утро застало нас в жалком состоянии, но полными решимости. Такой ночевки, как эта, мы больше не допустим. Вспомнив, как наши старшие устраивали на деревьях крышу, мы принялись за работу. Мы соорудили основание грубого гнезда, а на ветвях, росших выше его, даже поставили несколько суков для крыши. Тут взошло солнце, и, согретые его теплыми лучами, мы забыли перенесенные невзгоды и отправились на поиски завтрака. После этого — так нелогичны были все наши действия в те времена — мы увлеклись игрою. Мы то трудились, то бросали работу; устройство надежного убежища на этом дереве отняло у нас не меньше месяца, а покинув эти места, мы потом на наше дерево уже не возвращались.

Но я забегаю вперед. Когда мы, на второй день нашего бегства из пещер, стали после завтрака играть, Вислоухий, прыгая по деревьям, увлек меня к реке. Минуя черничное болото, мы вышли к реке в том месте, где с ней соединялась обширная топь. Топь эта широким устьем выходила прямо в реку, вода в топи была фактически стоячей. В этой мертвой воде, в самом устье топи, в хаотическом беспорядке лежало множество древесных стволов. Немало их было занесено сюда половодьем; пролежав на песчаных перекатах не одно лето, они хорошо просохли и были гладкие, без веток и сучьев. Они плавали в воде почти без осадки, крутясь и перевертываясь, когда мы ложились на них грудью.

Вглядываясь в воду, мы увидели, что между стволами плавает, проворно шныряя туда и сюда, стайка мелкой, вроде гольяна, рыбы. И вот мы с Вислоухим уже стали рыболовами. Вытянувшись вдоль ствола, мы замирали без движения и ждали, когда подплывет рыба, а потом хватали ее молниеносным движением руки. Скользкая рыба билась и трепетала; мы поедали ее тут же. В соли мы не чувствовали никакой нужды.

Устье болот и топи стало любимым местом наших игр. Здесь мы проводили много часов ежедневно, ловили рыбу, барахтались на стволах, и здесь же мы получили первые уроки плавания. Однажды бревно, на котором лежал Вислоухий, двинулось по течению. И тут оказалось, что Вислоухий мирно на нем спит. Когда я это заметил, бревно уж отплыло слишком далеко, и прыгнуть на него было невозможно.

Сначала вся эта история меня только забавляла. Но скоро во мне шевельнулось чувство страха, столь обычное в те времена постоянной опасности и неуверенности,— и я остро ощутил, что остался один. Мне подумалось вдруг, что эта чуждая стихия, отделявшая меня от Вислоухого всего на несколько футов, унесла его далеко-далеко. Я издал громкий предостерегающий крик. Он в испуге проснулся и резко покачнул бревно. Оно перевернулось на другой бок, и Вислоухий погрузился в воду. Трижды перевертывалось бревно, и трижды Вислоухий погружался в воду, стараясь вновь вскарабкаться на бревно. Наконец он влез на него и залопотал, полный смятения и страха.

Я ничем не мог ему помочь. Сам он был тоже бессилен. О плавании мы в ту пору не имели и представления. От низших форм животного мира мы уже ушли слишком далеко и поэтому инстинктивным умением плавать не обладали, но мы еще недостаточо приблизились и к человеку, чтобы сознательно выработать это умение. В отчаянии я метался по берегу, стараясь держаться поближе к Вислоухому, а он, плывя на своем бревне, плакал и кричал во весь голос — надо удивляться, как еще не сбежались на его крики все хищные звери ближайших мест.

Время шло. Солнце поднялось уже над самой головой и начало спускаться к западу. Легкий ветер стих. Вислоухий со своим бревном был теперь в сотне футов от берега. И тут каким-то образом — я даже не знаю как — Вислоухий сделал великое открытие. Он начал грести руками. Сначала бревно двигалось медленно и неуверенно. Затем Вислоухий вытянулся на бревне и стал грести старательней, бревно подплывало к берегу ближе и ближе. Я ничего не понимал. Я сидел на земле и глядел на Вислоухого, пока он не добрался до берега.

Мне все еще было невдомек, что произошло, но Вислоухий научился чему-то, неведомому мне. Позже, перед закатом солнца, он уже нарочно лег на бревно и отплыл от берега. Потом он уговорил последовать его примеру меня, и я тоже постиг тайну гребли. Несколько дней мы буквально только и знали, что возиться с бревнами в устье топи. Мы так увлеклись своей новой игрой, что забывали о еде. Даже на ночь мы устраивались на дереве, которое росло поблизости от этих мест. И мы совсем забыли о существовании Красного Глаза.

Мы пробовали плавать все на новых бревнах и скоро уяснили себе, что чем меньше бревно, тем быстрее оно двигается. Мы поняли также, что чем меньше бревно, тем сильнее оно крутится, окуная нас в воду. И еще одну вещь мы узнали относительно малых бревен. Однажды я и Вислоухий плыли рядом, каждый на своем бревне. И вот случайно, в игре, мы обнаружили, что если уцепиться за соседнее бревно одной рукой и одной ногой, то оба бревна становятся устойчивее и не так сильно вертятся. Лежа бок о бок на своих бревнах, мы вполне могли грести свободными руками и ногами. Наше последнее открытие заключалось в том, что, используя этот прием, мы могли плавать на совсем маленьких бревнах и, следовательно, развивать большую скорость. Но тут наши открытия и кончались. Мы изобрели, таким образом, примитивный катамаран, хотя мы и не догадывались об этом. Связать бревна крепкой лозой или древесными корнями нам не приходило в голову. Нам было довольно и того, что мы соединяли бревна, придерживая их своими руками и ногами.

С Быстроногой мы встретились уже после того, как у нас прошло бурное увлечение плаванием на бревнах и мы стали ходить на ночевку к тому дереву, на котором соорудили крышу. Однажды она рвала желуди на высоком дубе поблизости от нашего дерева, и тут я впервые ее увидел. Она казалась очень робкой. Она спокойно

занималась своим делом, но, убедившись, что мы обнаружили ее, молниеносно спрыгнула на землю и убежала. Потом время от времени она попадалась нам на глаза, и мы обычно искали ее всякий раз, когда шли от своего дерева к устью топи.

И вот случилось так, что в один прекрасный день она уже не убежала от нас. Напротив, она стояла и ждала нас, издавая мирные, нежные звуки. Однако и тут мы не смогли подойти к ней. Когда мы были от нее уже совсем близко, она неожиданно отскочила в сторону и, остановившись, опять издала нежные звуки. Так продолжалось в течение нескольких дней. Мы свели с ней знакомство лишь по прошествии долгого времени, но когда знакомство состоялось, она стала порою принимать участие в наших играх.

Она понравилась мне с первого взгляда. У нее была очень приятная внешность. Она была очень кроткой. У нее были самые добрые, мягкие глаза, какие я когда-либо видел. Этим она очень отличалась от всех девушек и женщин нашего Племени — те были сварливы и злобны. Она никогда не кричала, не гневалась, а в случае какой-нибудь неприятности была готова скорей уклониться и бежать, чем ввязываться в драку.

Эта кротость и мягкость, казалось, исходили из всего ее существа. Об этом говорил весь ее облик. У нее были большие, больше, чем у других девушек, глаза, не столь глубоко посаженные в орбитах, ресницы были длиннее и ровнее. И нос ее был тоже не таким толстым и плоским, и уже намечалась переносица, а ноздри были обращены вниз. Резцы были небольшие, верхняя губа не нависала, а нижняя не выдавалась вперед. Она была не очень волосата, густые волосы росли у нее только на внешней стороне рук и ног, а также на плечах; бедра у нее были стройные, легкие, а икры без всяких бугров и шишек.

Когда она грезилась мне, человеку двадцатого века, в моих снах, я всегда дивился на нее и думал, что она принадлежала, повидимому, к Людям Огня. Ее отец или мать вполне могли происходить из этой высшей породы. Хотя подобные вещи в ту пору были очень редки, но они все же случались. Я наблюдал сам, как кое-кто из моих соплеменников оставлял наши пещеры и уходил жить в Лесную Орду.

Впрочем, речь сейчас идет не об этом. Быстроногая резко отличалась от любой женщины нашего Племени, и она поразила меня с первого взгляда. Меня привлекали в ней ее кротость и благородство. Она никогда не ругалась, никогда не дралась. Она всегда быстро уносилась прочь, и, вероятно, этому и была обязана своим именем. По деревьям она лазала лучше, чем я или Вислоухий. Играя в салки, мы были не в силах поймать ее, разве только чудом, случайно, а она ловила нас, когда хотела. Она была удивительно проворна во всех своих движениях и обладала истинным даром определять расстояния. Отвага ее не знала границ. На редкость робкая в обращении, она не ведала страха, когда дело доходило до лазания или бега по деревьям. Вислоухий и я были по сравнению с ней неуклюжи, нерасторопны и трусливы.

Она была сиротой. Мы видели ее всегда одинокой, и до нас не доходило никаких сведений, был ли у нее кто-нибудь из близких и когда это было. Должно быть, она еще с младенчества поняла, что спасение и безопасность можно найти только в бегстве. Она была очень умна и очень скрытна. Дознаться, где она живет,— это стало для нас с Вислоухим своеобразной игрой. Было совершенно ясно, что она обосновалась где-то на дереве, неподалеку от нас, но все наши старания выследить ее и найти ее гнездо так ни к чему и не привели. Она охотно играла с нами в дневное время, но тайну своего жилища берегла самым ревнивым образом.

ГЛАВА XI

Следует помнить, что описание Быстроногой, только что набросанное мною, вовсе не то, которое дал бы ей Большой Зуб, второе «я» моих снов, мой доисторический предок. Человек двадцатого века, я смотрю глазами Большого Зуба и вижу глазами Большого Зуба только в своих ночных сновидениях.

Это относится в равной мере и ко всем событиям тех отдаленных времен, о которых я рассказываю. Есть в моих впечатлениях некая раздвоенность, и она может смутить читателя. Я должен ненадолго прервать свое повествование и рассказать об этой раздвоенности, об этом вызывающем недоумение наличии во мне двух разных существ. Я, человек современности, оглядываюсь назад через многие века и взвешиваю и анализирую чувства и переживания Большого Зуба, моего второго «я». Сам он не затруднял себя этим. Он был прост, как сама простота. Он жил, безраздельно отдаваясь потоку событий и даже не задумываясь, почему он поступает именно так, а не иначе.

Когда я, реальный человек двадцатого века, стал старше, я все больше и больше вникал в сущность и значение своих снов. Обычно, когда снится сон, вы даже в разгар этого сна сохраняете ощущение, что вы спите, и, если сон дурной и неприятный, утешаете себя мыслью, что все это только во сне. Это присуще всем и каждому. Подобным образом и я, живой и реальный, погружаясь в свои сновидения, испытываю раздвоение личности и нередко бываю актером и зрителем в одно и то же время. И тогда я, живой и реальный, часто возмущаюсь легкомыслием, безрассудством, нелогичностью и подчас невообразимой глупостью самого себя — первобытного.

Скажу еще несколько слов, прежде чем вернуться к рассказу. Снилось ли когда-нибудь вам, что вы видите сон? Сны снятся собакам, снятся лошадям, снятся всем животным. Во времена Большого Зуба получеловеку тоже снились сны, и если сны были дурные, он тоже стонал и мучился. И вот я, живой и реальный, спал вместе с Большим Зубом и видел его сны.

Я знаю, что все это покажется вам непостижимым, но это было именно так. И позвольте мне заверить вас, что когда Большому Зубу снилось, как он летит по воздуху или как он ползет, подобно змее,

то его сновидения были не менее живы и ярки, чем ваши, когда вам снится, будто вы падаете с высоты.

Ведь и в Большом Зубе тоже жило его второе «я», это второе «я» уносилось в своих сновидениях далеко назад, в седое прошлое, к летающим ящерам, вступавшим в схватку с драконами, потом к шнырявшим по земле, словно мыши, мелким млекопитающим, а потом в самую далекую даль — к прибрежной живой слизи первобытных морей. Я не могу, не смею говорить больше. Все это слишком неясно, сложно и жутко. Я могу лишь передать вам ощущение тех огромных, ужасающих глубин, сквозь которые я вглядывался, еле видя, словно в тумане, как развивалась жизнь от ступеньки к ступеньке — не только от обезьяны к человеку, но и от червя к обезьяне.

А теперь вернемся к моему рассказу. Я, Большой Зуб, не видел у Быстроногой ни ее стройного тела, ни ее нежного лица с большими глазами, ни ее длинных ресниц, я не видел ни переносицы, ни обращенных вниз ноздрей, словом, ничего такого, что делало ее красивой. Я видел в ней только молодую самку с добрыми глазами, которая издавала нежные звуки и никогда не дралась. Не знаю почему, но мне нравилось играть с нею, искать вместе с нею еду и зорить птичьи гнезда. И, должен признаться, в искусстве лазать по деревьям я многому научился у нее. Она была очень сообразительна, очень сильна, и никакие юбки не стесняли ее движений.

Приблизительно в это время несколько остыла наша дружба с Вислоухим. Виноват в этом был только он. Он повадился прогуливаться в ту сторону, где жила моя мать. У него возникла склонность к моей зловредной сестрице, а Болтун проявлял к нему благожелательство. Кроме того, Вислоухий стал играть еще с несколькими юнцами, детьми единобрачных пар, которые жили поблизости.

Я никак не мог уговорить Быстроногую, чтобы мы играли все вместе. Всякий раз, как мы с ней приближались к ним, она пряталась за моей спиной и исчезала. Однажды я убеждал ее из всех своих сил. Но она лишь беспокойно оглядывалась назад, потом убежала и, забравшись на дерево, стала кликать меня. Таким образом, я уже не мог сопровождать Вислоухого, когда он шел к своим приятелям.

Мы с Быстроногой давно уже стали добрыми друзьями, но, сколько я ни старался, разыскать ее убежище мне не удавалось. Нет сомнения, что если бы не произошло ничего чрезвычайного, мы стали бы жить брачной парой, ибо склонность у нас была взаимной, но все случилось совсем иначе.

Как-то утром — Быстроногая тогда не пришла — мы с Вислоухим были у устья топи и забавлялись своими бревнами. Едва мы отчалили от берега, как вдруг сзади нас раздалось чудовищное, яростное рычание. Это был Красный Глаз. Он затаился у кучи бревен и с ненавистью глядел на нас. Мы смертельно перепугались: ведь пещеры с узким входом, чтобы укрыться от него, теперь не было. Однако двадцать футов воды, отделявшие нас от берега, временно защищали нас, и мы сразу обрели смелость.

Красный Глаз выпрямился во весь рост и начал колотить себя в грудь кулаками. Мы же, сидя на бревнах рядом друг с другом, стали смеяться над ним. Сначала мы смеялись чуть-чуть принужденно, с затаенным страхом, но как только нам стало ясно, что Красный Глаз в данном случае бессилен, мы уже хохотали неудержимо, от всего сердца. Он ярился и прыгал, скаля на нас зубы в бессильной злобе. А мы, воображая себя в безопасности, продолжали над ним издеваться и дразнить его. Истые дети Племени, мы никогда не видели дальше своего носа.

Прекратив бить себя в грудь и скалить зубы, Красный Глаз внезапно кинулся от кучи бревен к берегу. Мы перестали смеяться и замерли в страхе. Красный Глаз был не из тех, кто легко забывает обиды и не старается отомстить. Дрожа, мы ждали, что произойдет. Начать грести и отплыть подальше нам не пришло на ум. Красный Глаз вернулся к куче бревен, огромным прыжком перемахнул через нее и вышел оттуда, держа в своей вместительной пятерне множество круглых, окатанных водой голышей. Хорошо еще, что ему не подвернулись под руку метательные снаряды покрупнее, к примеру, камни весом в два-три фунта, потому что мы были от берега не дальше чем на двадцать футов, и он, без сомнения, убил бы нас.

Но и теперь мы оказались не в малой опасности. З-з-з! Голыш просвистел над нами с такой силой, словно это была пуля. Вислоухий и я судорожно принялись грести! З-з-з! Бац! Вислоухий вскрикнул от внезапной боли. Камень ударил его меж лопаток. Потом досталось и мне, я тоже визжал, как ребенок. Нас спасло лишь одно — у Красного Глаза кончились боевые припасы. Он побежал назад, чтобы набрать голышей снова, но мы с Вислоухим за это время отплыли дальше.

Постепенно мы удалились настолько, что уже не боялись снарядов Красного Глаза, хотя он все бегал за кучу бревен, пополняя свои запасы, и очередной голыш нет-нет да и свистел у нас над головою. Там, где топь соединялась с рекой, в середине устья, было слабое течение, и мы, следя за Красным Глазом, даже не заметили, что нас сносит в реку. Мы усердно гребли, а Красный Глаз, не отступая, шел за нами по берегу. Вдруг он наткнулся на груду крупных камней. Это оружие сильно увеличило дальность его обстрела. Один камень, не менее пяти фунтов весу, попал в мое бревно и ударил с такой силой, что от бревна полетели острые, как иглы, щепки и вонзились мне в ногу. Если бы камень угодил в меня, мне пришел бы конец.

А потом нас подхватило течение реки. Мы гребли так неистово, что и не заметили, как понесло наши бревна, нас известил об опасности лишь торжествующий крик Красного Глаза. Там, где течение пересекало стоячую воду, образовалось несколько небольших водоворотов. В них-то и попали наши неуклюжие бревна, начав бешено крутиться и вертеться во все стороны. Мы бросили грести и старались только, не щадя своих сил, удержать бревна рядом. Тем временем Красный Глаз продолжал нас бомбардировать, камни падали буквально рядом, заливая нас брызгами и угрожая жизни. Красный

Глаз пожирал нас взглядом и испускал дикие, злорадные крики.

Оказалось, что у самого устья топи река делала крутой изгиб, и ее течение тут было устремлено к противоположному берегу. К этому-то берегу — он был с северной стороны — быстро нас и прибивало, хотя одновременно мы и спускались вниз по реке. Таким образом мы скоро вышли из-под обстрела Красного Глаза и, взглянув на него издалека в последний раз, увидели, как он выбежал на небольшой мыс и прыгал и приплясывал, издавая торжествующий победный клич.

Мы только придерживали бревна, не давая им разойтись,— этим теперь ограничивались все наши заботы. Мы отдались на волю судьбы и бездействовали до тех пор, пока не заметили, что находимся довольно близко от северного берега — не дальше, чем на сотню футов. Мы принялись грести, стараясь причалить к берегу. Но тут течение реки быстро поворачивало к южному берегу, так что в результате наших усилий мы преодолели это течение именно там, где оно было наиболее узким и стремительным. Пока мы сообразили, что это так, мы уже оказались в спокойном месте.

Наши бревна медленно плыли и наконец тихонько пристали к берегу. Мы с Вислоухим ступили на землю. Бревна подхватила волна и вновь потянула их вниз по течению. Мы смотрели друг на друга, но на этот раз не смеялись. Мы были на новой, неведомой земле, и у нас даже не закрадывалась мысль, что мы можем вернуться в свои места тем же самым способом, каким очутились здесь.

Сами того не сознавая, мы научились переправляться через реку. Это еще не удавалось никому из Племени. Мы были первыми из всех наших соплеменников, кто ступил на северный берег реки, первыми и, я полагаю, последними. Нет сомнения, что пришел бы срок, и Племя достигло бы этого, но нашествие Людей Огня и последующее переселение остатков Племени остановило наше развитие на целые века.

В самом деле, трудно перечислить все бедствия, которые принесло нашествие Людей Огня. Лично я склонен думать, что именно в этом заключается причина гибели нашего Племени,— мы, ответвление низшей породы, развивающейся в человеке, были совершенно истреблены и уничтожены, нас захлестнуло и смыло буйным прибоем там, где река впадала в море. Должен признаться, что погибли не все: я уцелел и выжил, и мне придется об этом рассказать, но я забегаю вперед, я расскажу об этом позднее.

ГЛАВА XII

У меня нет ни малейшего представления, долго ли мы с Вислоухим бродили по северному берегу реки. Мы были, словно моряки, выброшенные после кораблекрушения на необитаемый остров,— на возвращение домой у нас почти не оставалось никаких надежд. Мы ушли от реки в глубь берега и несколько месяцев странствовали по глухим, диким местам, не встретив ни одного существа,

которое было бы похоже на нас. Мне трудно говорить об этих странствованиях, и нет никакой возможности рассказать о них более или менее подробно, день за днем. Многое я вижу смутно, как в тумане, в памяти ярко вспыхивают лишь редкие картины и пережитые в ту пору приключения.

Особенно хорошо помню я голод, который мы терпели в горах между Длинным и Дальним озерами, помню и то, как мы захватили в чащобе спящего теленка. В дебрях между Длинным озером и горами жила Лесная Орда. Она-то и загнала нас в горы, вынудив пробираться к Дальнему Озеру.

На первых порах, после того как мы ушли от реки, мы двигались все время к западу и попали к небольшому потоку, протекавшему в болотистой местности. Здесь мы повернули на север и, огибая болота, достигли через несколько дней озера, которое я называю Длинным. У верхней его окраины мы жили довольно долго, там мы в изобилии находили себе пищу. Но наступил день, когда мы в глухих зарослях столкнулись с Лесной Ордой. Это были обезьяны, дикие обезьяны — ничего больше. И все-таки они не отличались от нас так уж сильно. Растительность на них была гуще, это верно, ноги у них были чуть кривее и шишковатее, чем у нас, глаза немного меньше, шеи немного толще и короче, а ноздри чуть явственнее, чем наши, напоминали дыры. Но у них не росло волос ни на ладонях рук, ни на подошвах ног, и они издавали примерно такие же звуки, как и мы, вкладывая в них приблизительно то же значение. Короче говоря, разница между Лесной Ордой и моими соплеменниками была не столь велика.

Первым увидел его я — истощенного, высохшего старика, с морщинистым лицом и тусклыми глазами. Он был моей законной добычей. Какого-либо сочувствия между племенами в нашем мире не существовало, а старик был не нашего Племени. Он был из Лесной Орды, этот дряхлый старик. Он сидел на земле у подножия дерева,— вероятно, это было его дерево, ибо вверху на нем виднелось растрепанное гнездо, в котором старик проводил ночи.

Я показал его Вислоухому, и мы оба кинулись к старику. Тот полез на дерево, но двигался он слишком медленно. Я ухватил его за ногу и стащил вниз. Потом у нас началась забава. Мы щипали его, таскали за волосы, крутили ему уши, кололи его сучьями — и все время хохотали, хохотали до слез. Его беспомощный гнев был просто нелеп. Старик производил комическое впечатление, стараясь казаться гораздо моложе, чем он был, и тщась показать давно покинувшую его силу — он строил грозные мины (хотя они получались у него просто скорбными), скрежетал остатками зубов, бил в свою щуплую грудь сухими кулачками.

И он сильно кашлял, еле переводя дыхание и чудовищно отхаркиваясь. Вновь и вновь он делал попытки влезть на дерево, но мы стаскивали его вниз; наконец, он убедился в своем бессилии и, смирно сидя на земле, только плакал. А мы с Вислоухим, обнявшись, уселись напротив и все хохотали над его жалким видом.

Старик сначала плакал, потом выл, потом вопил, наконец, он

завизжал, напрягши для этого последние силы. Это обеспокоило нас, и чем больше мы старались его утихомирить, тем пронзительнее он визжал. И тогда до нашего слуха донеслись из лесу довольно громкие звуки: «Гоэк-Гоэк!» Вслед за этим мы услышали несколько ответных кликов, а вдалеке раздался густой глубокий бас: «Гоэк! Гоэк! Гоэк!» И затем со всех сторон полетел к нам по лесу раскатистый клич: «Хуу-хуу!»

И тут за нами погнались. Казалось, погоне не будет конца. Прыгая с дерева на дерево, за нами гналось все племя и едва нас не поймало. Мы были вынуждены спуститься на землю, и здесь преимущество оказалось за нами, ибо они были поистине Лесной Ордой: по деревьям они лазили искусней нас, но мы обгоняли их на земле. Мы бросились к северу. Лесная Орда, завывая, бежала вслед. На открытых полянах мы успевали оставить преследователей позади, но в густом лесу они шли по пятам за нами и несколько раз чуть не схватили. И пока они гнались за нами, мы хорошо поняли, что мы не из их породы и что нас не связывают никакие узы сочувствия или симпатии.

Погоня продолжалась несколько часов. Лес казался бесконечным. Мы норовили бежать по полянам, но они всегда ухитрялись загнать нас в чащи. Порою мы уж думали, что избавились от преследования и садились отдохнуть, но всякий раз, едва мы переводили дыхание, слышались ненавистные крики «Хуу-хуу!» и «Гоэк-Гоэк!» Это последнее нередко сопровождалось диким воплем: «Ха-ха-ха-ха, ха-а-а!»

Вот так и гнала нас разъяренная Лесная Орда. Наконец, когда день уже клонился к вечеру, нам стали попадаться на пути холмы, а деревья пошли все мельче. Затем перед нами открылись покрытые травою откосы гор. Здесь мы могли бежать быстрее, и Лесная Орда отстала от нас и повернула к лесу.

Горы были суровы и неприветливы, поэтому мы трижды в тот вечер пытались уйти снова в леса. Но Лесная Орда стерегла нас на опушке и отгоняла назад.

Ночь мы провели на карликовом дереве, высотой с обычный куст. Это было опасно: мы легко могли стать добычей любого хищного зверя, бродившего в тех местах.

Утром, еще раз убедившись в упорстве Лесной Орды, мы стали углубляться в горы. У нас не было никаких определенных планов, никаких замыслов, это я хорошо помню. Нас гнала вперед и вперед только необходимость, мы уходили от опасности. О наших блужданиях в горах у меня сохранились лишь туманные представления. Мы провели в этих мрачных местах много дней, все время трепеща от страха: все тут было нам незнакомо и непривычно. Мы сильно страдали от холода, а позднее и от голода.

Это была пустынная страна — всюду одни голые скалы, окутанные влажной дымкой потоки и гремящие водопады. Мы взбирались и спускались по крутым каньонам и ущельям — и с какой высоты мы не оглядывали местность, всюду, в любом направлении, перед нашим взором ярус за ярусом виднелись бесконечные горы. Спать

мы забирались в расщелины и норы, а одну холодную ночь провели на тесной верхушке высокого утеса, похожего на дерево.

И вот наступило время, когда мы в жаркий полдень, совсем обессилевшие от голода, вышли на перевал. С его высокого хребта, внизу, за сбегающими грядами скал и утесов, мы увидели на севере далекое озеро. Оно блестело под солнцем, вокруг него расстилались открытые травянистые равнины, а далеко к востоку уходила темная полоса леса.

Прошло два дня, прежде чем мы добрались до озера, голод измучил нас так, что мы едва держались на ногах; здесь, у озера, мы наткнулись на крупного теленка — уютно расположившись в чаще, он мирно спал. Теленок доставил нам немало хлопот: мы могли умертвить его только с помощью своих рук, иного способа мы не знали. Насытившись свежей телятиной, мы унесли ее остатки в лес, расположенный к востоку, и спрятали на дереве. Но возвращаться к этому дереву нам больше не было нужды, ибо берега потока, впадающего в Дальнее озеро, были густо усеяны лососями, поднявшимися сюда из моря метать икру.

К западу от озера открылись тучные равнины, и здесь паслось множество бизонов и дикого скота. Но, поскольку там стаями рыскали дикие собаки и не росло ни одного дерева, чтобы укрыться от них, жить в этих местах было опасно. Мы двинулись по берегу потока к северу и шли несколько дней, затем — я не помню уж почему — мы, покинув русло потока, круто повернули на восток, потом повернули еще раз на юго-восток и оказались в густом девственном лесу. Я не хочу утомлять вас описанием наших странствий. Я только расскажу, как в конце концов мы попали в Страну Людей Огня.

Мы вышли к реке, но не знали, наша ли это река. Нас это и не очень волновало: ведь мы блуждали в неведомых местах столько, что уже свыклись со своим неведением и принимали его как должное. Оглядываясь назад, я вижу, как вся наша жизнь и судьба зависели от малейшей случайности. Мы не догадывались, не знали, что это за река, но если бы мы не переправились через нее, то, по всей вероятности, никогда бы не вернулись к Племени, и я, живой и реальный, рожденный через тысячу веков, не был бы рожден никогда.

И однако нам с Вислоухим очень хотелось вернуться домой. Блуждая в незнакомых местах, мы тосковали по дому, стремились попасть опять в свое Племя, на свою землю; часто вспоминал я Быстроногую молодую самку, издававшую нежные звуки,— с ней было когда-то так приятно играть, а теперь она жила, таясь неведомо где. Мои воспоминания о ней будили во мне нечто похожее на голод, но вспоминал я о ней только тогда, когда бывал сыт.

Но вернемся к реке. Еды там было множество, главным образом ягод и вкусных сочных кореньев; мы играли и валялись на берегу целыми днями. Потом Вислоухого осенила одна мысль. Как она его осенила — это можно было видеть глазами. И я действительно видел. Вдруг у него во взгляде появилось раздраженно-жалостливое

выражение, весь он заерзал и забеспокоился. Затем его глаза потускнели, словно бы он не ухватил, не удержал в своем сознании только что зарождавшуюся мысль. Потом в них опять промелькнуло раздраженно-жалобное выражение — Вислоухий уловил свою мысль снова. Он посмотрел на меня, на реку, на противоположный берег. Он пытался что-то сказать, но звуков для выражения своей мысли у него не было. Получалась какая-то тарабарщина, слушая которую я засмеялся. Это рассердило Вислоухого, он внезапно набросился на меня и свалил меня на спину. Разумеется, мы подрались, и в конце концов я загнал его на дерево, где он вооружился длинным суком и хлестал меня им всякий раз, как я пытался кинуться на него.

А мысль так и погасла. Я ее не воспринял, а сам он ее забыл. Но на следующее утро она зашевелилась в нем вновь. Быть может, ее пробудила тоска по дому. Во всяком случае, мысль уже пробивала себе дорогу и на этот раз сильнее, чем прежде. Вислоухий повел меня к воде,— там, уткнувшись в прибрежный ил, лежало бревно. Мне показалось, что Вислоухий хочет играть, как мы когда-то играли в устье топи. Когда он выловил и подтянул к берегу второе бревно, я по-прежнему думал, что все это делается для игры.

Я разгадал намерения Вислоухого лишь тогда, когда мы, лежа на бревнах рядом друг с другом и крепко придерживая их, выплыли на течение. Вынув руку из воды, он показал ею на противоположный берег и громко, торжествующе закричал. Я понял его, и мы принялись грести еще энергичнее. Быстрое течение подхватило нас и понесло к южному берегу, но, прежде чем мы пристали к нему, течение швырнуло нас назад, к северному.

И тут все у нас пошло вразнобой. Видя, что северный берег очень близко, я стал грести по направлению к нему. Вислоухий же по-прежнему греб в направлении южного берега. Наши бревна стали кружиться на месте, и мы не продвигались ни к тому, ни к другому берегу, между тем как нас несло вниз по течению, и лес уже оставался позади. Драться мы не имели возможности. Мы знали, что пускать в ход руки и ноги нам нет никакого смысла, гораздо полезнее придерживать ими бревна. Но мы пустили в ход языки и рьяно бранили друг друга до тех пор, пока течение не подтащило нас опять к южному берегу. Сейчас он был очень близко, и тут мы стали прилежно грести к нему в полном единодушии. Выйдя на берег, мы тотчас лезли на деревья, чтобы как следует осмотреться, куда мы попали.

ГЛАВА XIII

Мы провели на южном берегу реки весь этот день и обнаружили Людей Огня только поздно вечером. Должно быть, близ дерева, на котором мы с Вислоухим устроились на ночлег, стала лагерем группа бродячих охотников. Сначала нас встревожили голоса Людей Огня, а потом, когда наступила темнота, нас потянул к себе огонь. Осторожно, соблюдая полную тишину, мы прыгали с дерева на

дерево, пока не оказались в таком месте, откуда нам все было хорошо видно.

На открытой поляне в лесу, около реки, горел костер. Вокруг него сидело шестеро Людей Огня. Вислоухий неожиданно схватился за меня, и я почувствовал, что он дрожит. Я вгляделся в Людей Огня пристальней и вдруг увидел среди них сморщенного маленького охотника, который три года назад убил стрелою Сломанного Зуба. Когда старик встал с места, чтобы подбросить в костер сучьев, я заметил, что он прихрамывает на одну ногу. Значит, он хромал постоянно, нога у него была повреждена давно. Он показался мне еще более морщинистым и высохшим, чем прежде, а волосы на его лице поседели все до последнего.

Остальные охотники были молодыми. Я заметил, что рядом с ними на земле лежали луки и стрелы, и я уже знал, для чего служит это оружие. Люди Огня носили на плечах и на бедрах звериные шкуры. Однако руки и ноги у них были голые, и они не знали никакой обуви. Как я уже говорил, они были не столь волосаты, как мы, Племя. Головы у них были небольшие, а покатая линия лба мало чем отличалась от нашей.

Они были не так сутулы, как мы, движения у них казались не столь упругими. Спины, бедра, суставы ног были у них словно бы жестче и не так эластичны, как у нас. Руки их были не так длинны, как наши, и я не видел, чтобы они сохраняли равновесие при ходьбе, опираясь тыльной стороной рук о землю. Помимо того, их мускулы были округлей и симметричней, чем наши, а лица приятней. Их ноздри были обращены вниз, а носы очерчены резче и не выглядели такими плоскими и расплющенными, как у нас, не так сильно свисали губы, передние зубы не столь разительно походили на клыки. Бедра у них, однако, были не толще наших, и по своему весу Люди Огня были не тяжелее нас. Одним словом, они отличались от нас меньше, чем мы от Лесной Орды. Безусловно, все три племени состояли в родстве, и, по-видимому, в довольно близком.

Костер, вокруг которого сидели охотники, буквально заворожил нас. Мы с Вислоухим почти замирали, глядя, как полыхает огонь и дым клубами поднимается вверх. Всего интересней было, когда в костер подбрасывали сучья и из него вырывались, взлетев, снопы искр. Мне хотелось подойти поближе и налюбоваться костром вдоволь, но это было невозможно. Затаясь, мы сидели на дереве, росшем у края поляны, и не могли сделать лишнего движения без риска обнаружить себя.

Люди Огня сели кружком у костра и заснули, склонив головы на колени. Спали они чутко и неспокойно, уши у них постоянно шевелились. Время от времени один из них поднимался и подбрасывал хвороста в костер. Вокруг светлого круга, образуемого костром, в ночном мраке бродили хищные звери. Мы с Вислоухим узнавали их по голосам. То мы слышали диких собак и гиену, а иногда в лесу раздавалось рычание и громкий рев, от которого все охотники вокруг костра мгновенно пробуждались.

Была минута, когда лев и львица стояли под нашим деревом,

устремив свои горящие глаза на костер и подняв дыбом шерсть. Лев облизывался и был полон нетерпения, весь его вид говорил, что он еле сдерживается, чтобы не броситься к костру и утолить свой голод. Львица же держалась гораздо осторожнее. Первой заметила нас на дереве она; пара хищников, подняв головы, молча посмотрели на нас,— ноздри на них раздувались и трепетали. Потом лев и львица, вновь зарычав еще раз, взглянули на костер и не спеша повернули к лесу.

Мы с Вислоухим все сидели на дереве, не смыкая глаз ни на мгновение. Снова и снова слышался нам в чащобе треск кустов, ломаемых телами, а в темноте, на противоположной стороне светлого круга, мы не раз видели сверкающие бликами огня звериные глаза. Откуда-то издалека доносилось рычание льва, а где-то еще дальше раздался пронзительный предсмертный крик и шумный плеск воды: какое-то животное было схвачено у водопоя. Минуту спустя мы услышали, тоже с реки, басовитое хрюканье носорогов.

Заснув лишь на исходе ночи, утром мы подобрались поближе к костру. Он еще тлел и дымился, а Люди Огня ушли. Мы сделали по лесу изрядный круг, чтобы удостовериться в безопасности, а потом подбежали к костру. Мне хотелось узнать, на что это похоже, и я двумя пальцами схватил тлеющий, красноватый уголь. Когда я завопил от неожиданной боли и бросил уголь, Вислоухий с перепугу прыгнул на дерево, а вслед за ним, тоже испугавшись, бросился и я.

Потом мы вели себя у костра с гораздо большей осторожностью и уже не хватали пальцами раскаленных углей. Мы во всем подражали Людям Огня. Мы садились, как они, и, опустив голову на колени, притворялись спящими. Мы передразнивали их манеру разговора и так увлеклись этим, что подняли немалый шум. Тут я вспомнил, как старый, сморщенный охотник рыл костер палкой. Я тоже начал копать палкой в костре, выковырнув множество горящих углей и подняв облако белого пепла. Эта забава так нам понравилась, что скоро мы были уже сплошь белыми, выпачкавшись пеплом с головы до ног.

Разумеется, нам очень хотелось разжечь огонь, как это делали охотники. Сначала мы подбросили в костер мелких сучьев. Это вышло очень удачно. Сучья, потрескивая, загорелись, их охватило пламя, и мы плясали и лопотали в полнейшем восторге. Потом мы стали класть в огонь уже большие ветки. Мы кидали и кидали их, не давая себе передышки, пока костер не заполыхал огромным пламенем. В возбуждении мы сновали туда и сюда, подтаскивая из лесу сухие сучья и ветви. Пламя с шумом вздымалось все выше и выше, а столб дыма тянулся уже к самым вершинам деревьев. Сучья в огне шипели и трещали, пламя глухо рычало. Никогда еще не доводилось нам сделать своими собственными руками такое грандиозное дело, и мы были очень горды. Нет, мы тоже Люди Огня, думалось нам, когда мы, словно белые гномы, ликуя, приплясывали у бушующего костра.

Мы совсем не заметили, что огонь уже пополз по сухой траве

и перекинулся на кустарник. Внезапно вспыхнуло пламенем высокое дерево, стоящее на краю поляны. Мы смотрели на пылающее дерево широко открытыми, удивленными глазами. Жар заставлял нас отходить от него все дальше. Загорелось другое дерево, потом еще и еще, теперь их пылало уже с полдюжины. Тут мы испугались. Чудовище вырвалось на волю. Мы пригнулись в страхе к земле, а огонь уже пожирал деревья, кольцом окружая нас. В глазах Вислоухого появилось жалобное выражение — обычный знак, что он чего-то не понимает, и я знаю, что такое же выражение было и в моих глазах. Крепко обнявшись, мы приникли друг к другу и не двигались с места, пока жар не достиг нас и наши ноздри не почувствовали запах горящих волос. Тогда мы бросились бежать и вырвались из кольца, держа путь по лесу на запад; мы бежали, все время оглядываясь назад, и хохотали.

В полдень мы подошли к перешейку, образованному, как мы уже узнали потом, крутым изгибом реки, которая здесь почти замыкалась в круг. Перешеек заграждала цепь невысоких, поросших лесом холмов. Поднявшись на холмы, мы оглянулись: лес позади нас представлял собой море огня, ветер, подхватывая пламя, нес его к востоку. Мы двинули дальше и шли все время на запад, по берегу реки; сами того не зная, мы очутились прямо у стойбища Людей Огня.

Стойбище это со стратегической точки зрения было расположено чрезвычайно удачно. Оно находилось на полуострове, защищенном с трех сторон изгибом реки. Доступ с суши был только один — через перешеек полуострова, но и его прикрывала гряда невысоких холмов. Изолированные от всего мира, Люди Огня, должно быть, жили и благоденствовали здесь давно. И я полагаю, что именно это благоденствие вызвало впоследствии их переселение, принесшее такие невзгоды Племени. По-видимому, Люди Огня быстро размножались, и прежние владения стали для них тесны. Они захватывали новые земли и по мере своего продвижения теснили Племя; они отбили у нас пещеры, поселились в них сами и заняли все наши угодья до последнего.

Но в то время, когда мы с Вислоухим забрели в стойбище Людей Огня, нам до всего этого не было дела. Нас занимала лишь одна мысль: как бы оттуда выбраться, хотя мы и не могли побороть любопытства, чтобы не оглядеть их поселок. Впервые в жизни мы увидели тут женщин и детишек Людей Огня. Дети большей частью бегали голыми, а на женщинах были шкуры диких зверей.

Люди Огня, как и мы, жили в пещерах. Открытая поляна перед пещерами сбегала к реке, на поляне горело множество небольших костров. Готовили ли Люди Огня на кострах пищу, я не знаю. Мы с Вислоухим этого не видели. Но, насколько я могу судить, примитивное приготовление пищи у них уже практиковалось. Воду они, подобно нам, носили из реки в тыквах. На наших глазах много женщин и детей шли с реки и на реку с тыквами в руках. Дети шалили и гримасничали точно так же, как и дети Племени. Дети Людей Огня походили на наших детей больше, чем взрослые Люди Огня на нас.

В селении мы с Вислоухим пробыли недолго. Заметив несколько подростков, стреляющих из лука, мы скрылись в густых зарослях и направились к реке. Тут мы нашли катамаран, настоящий катамаран — его соорудил, очевидно, кто-нибудь из Людей Огня. Два легких прямых бревна были связаны гибкими корнями и вдобавок скреплены деревянными поперечинами.

На этот раз одна и та же мысль пришла мне и Вислоухому одновременно. Нам надо выбраться из владений Людей Огня. Так разве найдешь лучший путь, чем переправа через реку на этих бревнах? Мы влезли в них и оттолкнулись от берега. Вдруг наш катамаран резко дернуло и потянуло к берегу чуть ниже по течению. Неожиданный толчок чуть не опрокинул нас в воду. Длинной веревкой, свитой из корней, катамаран был привязан к дереву. Нам пришлось отвязать его, прежде чем снова отчалить от берега.

Мы выбрались на главное течение и спокойно спустились вниз по реке на такое расстояние, что были уже хорошо видны из стойбища Людей Огня. Мы так усердно гребли, и так пристально глядели на противоположный берег, что встревожились только тогда, когда услышали позади пронзительные крики. Мы обернулись. Люди Огня стояли на берегу и показывали на нас пальцами, многие из них еще вылезали из пещер и тоже бежали к берегу. Мы сидели на своих бревнах и смотрели на эту толпу, совершенно забыв, что нам надо грести. На берегу поднялся невообразимый гвалт и волнение. Кое-кто из Людей Огня направил на нас луки и выстрелил, но только две-три стрелы упали в воду близ катамарана — мы отплыли уже достаточно далеко.

Для нас с Вислоухим это был великий день. На востоке дым пожара, вызванного нами, затянул полнеба. А мы плыли по середине реки, огибая стойбище Людей Огня и чувствовали себя в полной безопасности. Мы сидели на бревнах и смеялись над Людьми Огня, уносясь от них по течению; мы плыли сначала к югу, затем с юго-востока на восток, далее на северо-восток, потом снова на восток, юго-восток и юг и потом повернули на запад, обогнув две крутых петли, которые делала тут река.

Нас быстро несло на запад, и когда Люди Огня остались далеко позади, знакомые места встали перед нашим взором. То был большой водопой, куда мы когда-то ходили раз или два посмотреть на собравшихся у реки животных. За ним, мы знали, находилась поляна с морковью, а еще дальше — наше стойбище и пещеры. Мы начали подгребать к берегу — убегая назад, он прямо-таки мелькал перед нами,— и прежде чем мы поняли это, мы уже были у водопоев Племени. Здесь множество водоносов — женщин и подростков — наполняли водой свои тыквы.Увидев нас, они в панике бросились бежать прочь от реки, оставляя тыквы на тропинках.

Мы пристали к берегу, не позаботясь, конечно, о том, чтобы привязать катамаран, который тут же уплыл вниз по реке. Мы осторожно поднялись по тропинке. Все Племя укрылось в пещеры, хотя многие нет-нет да и бросали на нас исподтишка любопытные взгляды. КрасныйГлаз не показывался. Мы были снова дома. И сно-

ва мы спали эту ночь в маленькой пещере высоко на утесе, хотя сначала нам пришлось выгнать оттуда двух драчливых юнцов, которые было захватили наше жилище.

ГЛАВА XIV

Шел месяц за месяцем, время летело. Невзгоды и беды, которые таило для нас будущее, еще не давали себя знать, а мы между тем усердно кололи орехи и жили своей обычной жизнью. В тот год, я помню, прекрасно уродились орехи. Мы наполняли ими тыквы и таскали их в стойбище колоть. Мы клали орехи в ямку на камень и камнем же разбивали их, тут же съедая.

Когда мы с Вислоухим возвратились из нашего долгого путешествия, была уже осень, а наступившая вслед за нею зима выдалась очень мягкой. Я часто ходил в лес к своему старому родному дереву, я обыскал все места между черничным болотом и устьем топи, где мы с Вислоухим научились плаванию на бревнах, но нигде не нашел ни малейшего следа Быстроногой. Быстроногая исчезла. А мне она была очень нужна. Я испытывал такое чувство, которое, как я уже говорил, походило на чувство голода, только ощущал я его, когда был вполне сыт. Но все мои поиски Быстроногой оказались тщетными.

Наша жизнь в пещерах была совсем не однообразна. Начать хотя бы с Красного Глаза. Мы с Вислоухим чувствовали себя спокойно в нашей маленькой пещере. Несмотря на то, что в свое время мы расширили вход, пролезть в пещеру было отнюдь не легко. Мы понемногу расширяли этот вход и дальше, однако он был все-таки слишком узок, чтобы в него протиснулся чудовищно громадный Красный Глаз. Да он и не нападал больше на нашу пещеру. Он хорошо усвоил преподанный ему урок: на шее у него, в том месте, куда угодил мой камень, осталась большая шишка. Шишка эта никак не рассасывалась и не исчезала, ее можно было заметить у Красного Глаза даже издали. Частенько я наслаждался от души, разглядывая это произведение своих рук, а если находился в эту минуту в достаточной безопасности, то даже громко хохотал.

Попадись мы с Вислоухим Красному Глазу в лапы и растерзай он нас в клочья — Племя и не подумало бы выступить на защиту, и тем не менее нам сочувствовали все мужчины и женщины Племени. Возможно, это было с их стороны даже не сочувствие, а лишь выражение ненависти к Красному Глазу, но они предупреждали нас о каждом появлении нашего врага. Случалось ли это в лесу, или на водопое, или в поле перед пещерами — нигде мы не были в неведении, нас своевременно предостерегали всюду. Таким образом, в нашей непримиримой борьбе с Красным Глазом у нас было то преимущество, что мы следили за ним далеко не одни.

Однажды он чуть-чуть не схватил меня. Это было ранним утром, все Племя еще спало. Совершенно неожиданно Красный Глаз отрезал мне путь в нашу пещеру на утесе. Не размышляя ни секунды, я бросился в другую пещеру — ту самую, которая узкой расщели-

ной соединялась с соседней; именно в этой пещере много лет назад увертывался и играл со мной в прятки Вислоухий, там же тщетно злобствовал Саблезубый, пытаясь поймать двух зазевавшихся соплеменников. Ныряя в расщелину, я увидел, что Красный Глаз в пещеру еще не ворвался. Но вот он уже был там. Я проскользнул по расщелине во вторую пещеру, Красный Глаз метнулся туда снаружи — и так повторялось раз за разом. Я только и знал, что пролезал по расщелине туда и сюда.

Так он держал меня в осаде почти полдня, пока ему не надоело. После этого, стоило лишь Красному Глазу предстать перед нами, мы уже не лезли на утес, а бежали в эту двойную пещеру. Нам оставалось только бдительно следить за ним, не позволяя ему преграждать нам путь отступления.

В эту зиму Красный Глаз постоянными жестокими побоями опять довел до смерти свою жену. Я уже называл его живым воплощением атавизма, однако в нем было что-то еще худшее, так как даже среди низших животных самцы никогда не убивают своих подруг. Поэтому я полагаю, что, несмотря на свои чрезвычайно сильные атавистические черты, Красный Глаз предвещал собой и появление человека, ибо во всем животном мире только мужчина способен на убийство жены или подруги.

Расправившись с женой, Красный Глаз, как и следовало ожидать, стал подыскивать себе другую. На этот раз он решил взять себе Певунью. Певунья была внучкой старика Мозговитого и дочерью Безволосого. Совсем еще юная, она очень любила петь у входа в свою пещеру, когда наступали сумерки. Жила она с Кривоногим, они поженились недавно. Кривоногий был тихого нрава, никогда никому не досаждал, ни с кем не дрался. Это был отнюдь не боец по натуре. Низкорослый, худой, он был далеко не столь проворен и подвижен, как все мы.

Никогда еще Красный Глаз не совершал более гнусного деяния. Это произошло тихим вечером, на закате, когда мы все начали собираться около своих пещер. Вдруг от реки, с водопойных тропинок, стремглав пронеслась Певунья, за нею бежал Красный Глаз. Певунья бросилась к мужу. Бедняга Кривоногий страшно испугался. Но в нем был дух героя. Он знал, что над ним нависла смертельная угроза, но не отступил, не кинулся прочь. Весь ощетинившись, он стоял на месте, что-то лопотал и скалил зубы.

Красный Глаз взревел от ярости. Он был поистине оскорблен: это немыслимо, что кто-то из Племени осмелился ему перечить! Он вытянул руку и схватил Кривоногого за шею. Тот впился зубами в его руку, но в следующее мгновение уже корчился и извивался на земле. У него была сломана шея. Певунья пронзительно вскрикнула и залопотала. Красный Глаз схватил ее за волосы и волоком потащил в свою пещеру. Взбираясь вверх, он по-прежнему волок ее по каменьям и так и не поднял на руки.

Мы разозлились — разозлились безумно, несказанно. Колотя себя в грудь и скрежеща зубами, все дико ощетинившись, мы сгрудились в кучу. В нас заговорил стадный инстинкт, он словно бы звал,

толкал нас на общие действия. Мы знали эту потребность объединиться, хотя и чувствовали ее смутно. Но сделать мы ничего не могли, ибо у нас не было средств, чтобы выразить эту потребность. Мы не бросились все как один и не убили Красного Глаза, потому что у нас был чересчур скудный словарь. Для выражения тех смутных ощущений, которые у нас возникали, нам не хватало мыслей, символов. Эти мысли-символы нам предстояло еще медленно и мучительно искать и изобретать.

Те мысли, которые, словно тени, скользили в нашем сознании теперь, мы тоже старались выразить в звуках. Безволосый начал громко тараторить. Своими криками он хотел показать, что он разгневан и готов нанести Красному Глазу всяческий вред. Он сумел это передать, и мы вполне поняли его. Но когда он попытался выразить пробудившийся в нем импульс к объединению, его лопотание стало совсем бессмысленным. Тогда, щетиня брови и колотя себя в грудь, принялся кричать и лопотать Скуластый. Мы яростно тараторили один за другим и в своем гневе не знали удержу; даже старик Мозговитый, брызжа слюной и кривя высохшие губы, начал бормотать своим надтреснутым голосом. Потом кто-то схватил палку и стал колотить ею по бревну. В ударах палки послышался определенный ритм. И все наши крики и вопли помимо нашей воли постепенно подчинились этому ритму. Он действовал на нас успокаивающе; мы и не заметили, как наш гнев остыл и схлынул, и, покорные ритму ударов, мы начали все как один дергаться и хохотать.

Этот всеобщий хохот великолепно показывает всю алогичность и непоследовательность поведения Племени. Только что мы все горели гневом и были охвачены смутным стремлением действовать сообща, но вот грубый ритм ударов палки уже заставил нас быстро забыть обо всем этом. Мы были очень общительны, в нас громко говорило стадное чувство — и это сборище, где мы все что-то пели и все хохотали, вполне отвечало нашей внутренней потребности. В нашей бессмысленной толчее уже таились предвестья советов первобытных людей, а также великих ассамблей и международных конвентов современного человека. Но нам, Племени Юного Мира, недоставало речи, и, где бы мы ни сходились, мы начинали дикое столпотворение и галдеж, в котором, однако, чувствовался единый ритм — этот-то ритм и нес в себе зачатки будущего искусства. Это было зарождение искусства.

Но мы отбивали ритм, захвативший нас, совсем недолго. Скоро мы теряли его, и тут нас захлестывало всеобщее неистовство, оно длилось до тех пор, пока мы вновь не нащупывали старый ритм или не находили новый. Иногда мы изобретали полдюжины различных ритмов сразу, и тогда какая-либо кучка, придерживаясь того ритма, который ей нравился больше, старалась заглушить и перекричать всех остальных.

В этом неистовстве и шуме каждый из нас тараторил, кричал, визжал, не щадя сил, каждый приплясывал, и каждый был сам по себе, каждый был полон своими мыслями и желаниями, ощущая себя подлинным центром вселенной, независимым, отделенным на

время ото всех остальных центров вселенной, которые прыгали и вопили вокруг него в эту минуту. Затем возникал ритм — было ли это хлопанье в ладоши, постукивание палкой по бревну, размеренные и четкие прыжки какого-нибудь плясуна или чья-нибудь песня с резким членением и гибкой интонацией, которая то повышалась, то понижалась: «А-банг, а-банг! А-банг, а-банг!» И все Племя, каждый из нас, минуту назад ощущавший себя совсем отдельным и независимым, все мы уже подчинились этому ритму, и уже приплясывали, и пели единым хором. Одна из любимых хоровых песен звучала у нас примерно так: «Ха-а, ха-а, ха-а-аха!», а другая следующим образом: «Э-уа, э-уа, э-уа-ха!»

Так, невероятно гримасничая, прыгая и вертясь, мы плясали и пели в мрачных сумерках первобытного мира. В этой самозабвенной пляске сразу глохли наши смутные мысли, нас охватывал единый бешеный порыв, мы доводили себя до исступления. Наш гнев против Красного Глаза исчезал, растворяясь в искусстве, и мы вопили диким хором, пока ночь не напомнила нам о всех своих ужасах. Тогда мы, тихо перекликаясь, стали расходиться по своим пещерам, а на небе уже высыпали звезды и спустилась тьма.

Мы боялись только темноты. У нас не было и понятия ни о религии, ни о мире незримого. Мы знали лишь реальный мир, боялись только реальных существ, реальных опасностей, хищников из плоти и крови. Темнота страшила нас именно потому, что это было время хищников. Под покровом мрака они выходили из своих логовищ и бросались на нас, оставаясь сами невидимыми.

Вполне возможно, что из страха перед живыми существами, скрывавшимися во мраке, и зародилась впоследствии боязнь могущественного незримого мира. По мере того как возрастала способность воображения и усилился страх перед смертью, человек стал связывать этот страх с темнотой и населять ее духами. Я думаю, что зачатки именно такого страха перед темнотой были уже у Людей Огня, однако причина, побуждавшая нас, Племя, прерывать наши песни и пляски и кидаться к пещерам, была совсем другая, а именно старина Саблезубый, львы, шакалы, дикие собаки, волки и прочие прожорливые хищные звери.

ГЛАВА XV

Вислоухий женился. Это произошло на вторую зиму после нашего путешествия и было весьма неожиданно. Меня он даже не предупредил. Я узнал об этом однажды в сумерки, поднявшись на утес и пробираясь в свою пещеру. Я уже было протиснулся в нее, как вдруг мне пришлось остановиться. В пещере для меня не было места. Ею завладел Вислоухий со своей женой, которая оказалась не кем иным, как моей сестрой, дочерью моего отчима Болтуна.

Я попытался расчистить себе место силой. Но в пещере могло поместиться только двое, и эти двое там уже сидели. Преимущества были не на моей стороне, и, получив достаточное количество щипков и затрещин, я был рад ретироваться. Эту ночь, как и множество

других, я провел в расщелине, соединявшей двойную пещеру. Я знал по опыту, что тут безопасно. Если двое моих сородичей ускользнули здесь от старины Саблезубого, а я увернулся от Красного Глаза, то, казалось мне, я смогу, ныряя в узкую расщелину, спастись от любого хищного зверя.

Однако я забыл о диких собаках. Они были достаточно малы, чтобы проникнуть в любой проход, через который мог пролезть я. Однажды ночью они выследили меня. Если бы они вошли в обе пещеры одновременно, дело кончилось бы плохо. Но, преследуемый несколькими собаками, я нырнул в расщелину и выскочил из соседней пещеры наружу. Однако здесь меня ждали остальные собаки. Они кинулись на меня, но я прыгнул на стенку утеса и стал карабкаться вверх. И тут одна тощая, изголодавшаяся зверюга ухватила меня почти на лету. Она вцепилась зубами мне в ляжку и едва не стащила меня вниз. Думая только о том, чтобы не попасться всей стае, я не стал тратить усилий на эту тощую собаку и продолжал лезть вверх, а она так и висела, вцепившись в мою ногу.

Когда я поднялся достаточно высоко, я мог уже заняться и собакой, тем более что боль в ноге сделалась нестерпимой. И вот, глядя, как футах в двенадцати внизу от меня обезумевшая от злости стая щелкала зубами, выла и, постоянно срываясь, прыгала на стену, я схватил эту тощую собаку за шею и начал ее душить. Это заняло много времени. Собака свирепо царапалась, вырывая у меня клочья волос и кожи, тянула и дергала меня вниз, стараясь стащить с утеса.

Наконец она разжала зубы и выпустила мою ногу. Я поднял ее труп на утес и провел остаток ночи у входа в пещеру, где спали Вислоухий и моя сестра. Но сначала мне пришлось выдержать бурю протестов со стороны своих разбуженных соплеменников, которые обвиняли меня в том, что я лишил их ночного отдыха. А я все не успокаивался и хотел отомстить стае собак, все еще бесившихся внизу. Время от времени, как только они немного там утихали, я швырял в них камень, и они опять поднимали громкий вой. И тогда ко мне снова отовсюду неслись обвинения и протесты разбуженного Племени. А утром я поделился мертвой собакой с Вислоухим и его женой и несколько дней мы знать не хотели никакой растительной пищи.

Брак Вислоухого был не из счастливых, но, к утешению моего друга, он оказался не слишком продолжительным. Пока Вислоухий был женат, мы изрядно страдали оба, и он и я. Я чувствовал себя одиноким. Я терпел все неудобства, вызванные утратой маленькой теплой пещеры, но идти жить к какому-нибудь другому юноше я не хотел. Мне кажется, что долговременное мое житье в одной пещере с Вислоухим стало для меня уже привычкой.

Я мог жениться и сам, это правда; возможно, что я уже и женился бы, если бы в Племени не было так мало женщин. Кстати сказать, малочисленность женщин проистекала скорей всего от невоздержанности Красного Глаза — отсюда ясно, какую угрозу он нес существованию Племени. Но, помимо всего прочего, еще существовала Быстроногая, которую я никогда не забывал.

Короче говоря, в течение всего времени, пока Вислоухий был женат, я бродил без пристанища и ночевал где попало, подвергаясь постоянной опасности и не зная никаких удобств. В Племени умер один мужчина, и его вдову увел к себе в пещеру другой мужчина. Я захватил опустевшую пещеру вдовы, но у этой пещеры был широкий вход, и после того, как Красный Глаз едва не поймал меня в ней, я стал ночевать в расщелине двойной пещеры. А в теплые летние месяцы я подолгу не заглядывал в пещеры вообще, ночуя на дереве, близ устья топи, где я соорудил гнездо.

Я уже отмечал, что брак Вислоухого оказался несчастливым. Моя сестра была дочерью Болтуна, и она сделала жизнь Вислоухого невыносимой. Ни в одной пещере не было столько ссор и драк, как у них. Если Красный Глаз был Синей Бородой, то Вислоухий — настоящим тюфяком; Красный Глаз, по-моему, был слишком проницателен, чтобы домогаться жены Вислоухого.

К счастью для Вислоухого, она погибла. В тот год произошло необычайное событие. Уже на пороге осени, когда кончалось лето, неожиданно уродился второй урожай моркови. Эта молодая нежная морковь оказалась очень вкусна и сочна, и поляны, где она произрастала, сделались на время излюбленным местом кормежки Племени. Однажды прекрасным ранним утром мы с аппетитом там завтракали, нас было несколько десятков. Рядом со мной сидел Безволосый, за ним его отец Мозговитый и сын Длинная Губа. По другую сторону от меня были моя сестра и Вислоухий; сестра сидела рядом со мной.

Все случилось совершенно внезапно. Вдруг Безволосый и моя сестра вскочили на ноги и пронзительно вскрикнули. В то же мгновение я услышал свист стрел, которые в них вонзились. Через секунду они, задыхаясь, лежали на земле, а мы все бросились наутек под защиту деревьев. Одна стрела пролетела около меня и воткнулась в землю, ее оперенный хвост дрожал и раскачивался. Я хорошо помню, как я отпрянул от нее в сторону, хотя в этом не было никакой нужды. Я испугался этой уже безвредной стрелы и отскочил от нее, как отскакивает от пугающего ее предмета лошадь.

Вислоухий, бежавший вслед за мной, вдруг рухнул и растянулся на земле. Стрела насквозь пронзила ему икру. Он попробовал встать, но снова споткнулся и упал. Корчась и дрожа от страха, он сидел и жалобно призывал меня на помощь. Я кинулся к нему. Он показал мне на ногу со стрелой. Я начал было вытаскивать стрелу, но Вислоухому стало так больно, что он схватил меня за руку и остановил. Рядом с нами пролетела еще одна стрела. Другая ударилась о камень и расщепилась. Я не стал ждать третьей. Я вновь взялся за стрелу, торчавшую в ноге Вислоухого, и дернул ее изо всех сил. Стрела вышла, а Вислоухий завизжал от боли и бросился на меня драться. Но через секунду мы уже снова бежали во весь дух. Я оглянулся назад. Старик Мозговитый отстав ото всех, одиноко ковылял, спотыкаясь и прихрамывая, в надежде спастись от смерти. Он едва не падал и однажды действительно упал, но стрелы его все еще щадили. Старик с трудом поднялся на ноги. Годы давили его тяжелым грузом, но он не хотел умирать. Трое Людей Огня,

выскочивших из засады и бегущих к нему, легко могли бы его прикончить, но почему-то они не сделали этого. Может быть, он казался им слишком старым и жестким. Но они были иного мнения о Безволосом и моей сестре, ибо, когда я посмотрел на них из-за деревьев, Люди Огня уже разбивали им камнями головы. Среди этих Людей Огня был и высохший от старости хромой охотник.

Мы мчались по деревьям к пещерам — взбудораженная, беспорядочная толпа, перед которой укрывалось в норы все мелкое лесное зверье и с тревожным криком взлетали птицы. Теперь, когда непосредственная опасность нам уже не угрожала, Длинная Губа остановился и поджидал своего деда Мозговитого: так они, седой старец и юноша, олицетворяя собой два разных поколения Племени — поколение дедов и внуков,— шли рядом позади всей толпы.

Теперь Вислоухий вновь стал холостяком. В эту ночь я спал уже в его маленькой пещере, и наша совместная жизнь началась сызнова. О своей погибшей жене Вислоухий, казалось, не горевал. Во всяком случае, он не выказывал ни сожаления, ни тоски по ней. Что его сильно беспокоило, так это рана на ноге: прошло не меньше недели, прежде чем Вислоухий обрел свое прежнее проворство и ловкость.

Мозговитый был у нас единственным стариком во всем Племени. Порою, раздумывая о тех временах и пристально вглядываясь в них, я особенно ясно вижу этого старца и всегда поражаюсь сходством между ним и отцом садовника, который служил у моего отца. Отец садовника был очень стар, высохший, весь в морщинах; когда он смотрел на меня своими маленькими тусклыми глазками и что-то шамкал беззубым ртом, клянусь, его можно было спутать с Мозговитым. Меня, ребенка, это разительное сходство прямо-таки пугало. Завидя, как он ковыляет на своих костылях, я обычно бросался в бегство. Даже седые бакенбарды этого старца я принимал за растрепанную белую бороду Мозговитого.

Как я уже сказал, Мозговитый был у нас единственным стариком во всем Племени. Он являл собой редчайшее исключение. Никто из Племени не доживал до преклонного возраста. Довольно редко доживали и до средних лет. Насильственная смерть была общим уделом. Все в Племени умирали так, как умер мой отец, как умер Сломанный Зуб, как только что умерли Безволосый и моя сестра,— неожиданной и жестокой смертью, полные бодрости и сил, в расцвете жизни. Естественная смерть? В те дни насильственная смерть была естественной смертью.

Никто из нас не умирал от старости. Я не знаю ни одного такого случая. Насильственная смерть постигла даже Мозговитого, хотя он был у нас единственным, кто мог рассчитывать на спокойную кончину. Какой-нибудь несчастный случай, повлекший серьезное повреждение, или временная утрата сил — все это означало быструю смерть. Сородичи умирали, как правило, не на глазах Племени, без каких-либо очевидцев. Они просто исчезали. Они уходили утром из пещер — и больше не возвращались. Так или иначе все они попадали в пасть прожорливых хищников.

Набег Людей Огня на морковную поляну был началом конца, хотя никто из нас не осознавал этого. Со временем охотники с луками стали показываться все чаще. Они являлись в малом числе — по двое, по трое,— беззвучно крадучись по лесам, вооруженные своими летучими стрелами, для которых не существовало расстояния и которые сбивали добычу с самых высоких деревьев, избавляя Людей Огня от необходимости даже лазать на них. Луки и стрелы словно бы колоссально удлиняли мускулы Людей Огня, и эти охотники могли, в сущности, прыгать на расстояние сотни футов с лишним. Это делало их куда страшнее, чем даже сам Саблезубый. И, помимо того, они были очень мудры. Они умели говорить, вследствие чего они могли яснее и четче думать, и вдобавок обладали навыком к объединению своих действий.

Теперь мы, Племя, стали вести себя в лесу чрезвычайно осторожно. Мы были бдительны и пугливы, как никогда раньше. Мы уже не полагались на то, что нас защитят и спасут высокие деревья. Теперь мы не могли позволить себе удовольствия, сидя высоко на ветвях, дразнить хищников и хохотать над ними. Люди Огня были тоже хищниками, а их когти и клыки достигали сотни футов в длину,— ужаснее этих пришельцев для нас не было зверей во всем нашем первобытном мире.

Однажды утром, еще до того, как Племя разбрелось по лесу, среди водоносов и всех тех, кто ушел напиться к реке, началась паника. Все Племя бросилось к пещерам. Так мы в минуту тревоги поступали всегда: сначала убегали, а потом уже смотрели, что произошло. Вот и теперь: выглядывая из пещер, мы сидели и ждали, что будет. Через некоторое время на лужайку перед пещерами осторожно вышел Человек Огня. Это был все тот же низкорослый, сморщенный старый охотник. Он стоял довольно долго, глядя на нас, осматривая наши пещеры и окидывая взглядом сверху донизу весь утес. Затем он спустился по тропинке к водопою и несколько минут спустя возвратился по другой тропинке. И снова он стоял и смотрел на нас — долго и внимательно. Потом резко повернулся и пошел, прихрамывая, к лесу, а мы, сидя в пещерах, лишь жалобно перекликались друг с другом.

ГЛАВА XVI

Нашел я ее в знакомых местах около черничного болота, где жила моя мать и где мы с Вислоухим соорудили свое первое убежище на дереве. Все произошло неожиданно. Проходя под деревом, я услышал памятные мне нежные звуки и взглянул вверх. Это была она, Быстроногая; сидя на ветке, она болтала ногами и смотрела на меня.

На минуту я замер на месте. Глядя на Быстроногую, я почувствовал себя очень счастливым. А затем к этому ощущению счастья примешалось чувство беспокойства и боли. Я влез к ней на дерево, но она отходила от меня по ветви все дальше. Едва я настиг ее, как

она прыгнула на соседнее дерево. Теперь она смотрела на меня, выглядывая из-за шуршащей листвы, и издавала нежные звуки. Я тоже прыгнул на соседнее дерево и возбужденно карабкался по ветвям, стараясь ее поймать, но положение неожиданно осложнилось: попрежнему издавая нежные звуки, она уже сидела средь веток третьего дерева.

Я чувствовал, что во мне произошла какая-то перемена, что я теперь не таков, каким был до того, как мы с Вислоухим пустились в свое долгое странствие. Я хотел Быстроногую — и знал это. Знала это и она. Вот почему она не позволяла мне приблизиться к ней. Я и забыл, что она поистине была Быстроногой и что в искусстве лазания по деревьям она являлась моим учителем. Я гнался за ней, прыгая с дерева на дерево, а она неизменно ускользала и, оглядываясь назад, бросала на меня ласковые взгляды, издавала нежные звуки, танцевала, и прыгала, и раскачивала ветви прямо у меня под носом. Чем искуснее она увертывалась, тем упорнее я старался поймать ее, а удлинявшиеся тени догоравшего дня показывали всю тщетность моих усилий.

Преследуя ее, я порой садился отдохнуть и смотрел на Быстроногую с соседнего дерева; я увидел, что за то время, пока мы не встречались, она заметно изменилась. Она стала крупнее, тяжелее — словом, стала более взрослой. Линии ее тела округлились, мускулы налились, в ней появилось что-то зрелое, чего раньше не было и что меня сейчас очень манило. Она пропадала три года — три года по меньшей мере, и любая перемена в ней бросалась теперь в глаза. Я говорю, три года, но это, конечно, весьма приблизительно. Может быть, сюда надо добавить и четвертый год, который я объединил с последующими тремя. Чем больше я думаю, тем сильнее склоняюсь к тому, что я не видел ее четыре года.

Где она скрывалась все это время, почему скрывалась и что с ней происходило, я не знаю. Она не могла рассказать мне об этом, так же как мы с Вислоухим не могли рассказать Племени о том, что мы видели во время нашего памятного путешествия. Вполне возможно, что, подобно нам, она тоже где-то долго странствовала, отправясь в путь по собственной воле. С другой стороны, ее мог вынудить к этому Красный Глаз. Можно не сомневаться, что в своих блужданиях по лесу Красный Глаз не раз видел Быстроногую, и если он начал ее преследовать, этого было достаточно, чтобы она скрылась. Последующие события заставляют меня думать, что она уходила далеко на юг, пересекла гряду гор и побывала на берегах незнакомой реки — все это лежало за пределами земель Племени. Но там то и дело шныряла Лесная Орда, и, как я полагаю, она-то, должно быть, и вынудила Быстроногую возвратиться к своим сородичам и ко мне. Основания для такого вывода я изложу позже.

Тени становились все длиннее, я гнался за Быстроногой с еще большим пылом, но поймать ее мне никак не удавалось. Она делала вид, что стремится убежать от меня во что бы то ни стало, и в то же время ухитрялась постоянно держаться в нескольких шагах от меня. Я забыл буквально обо всем: о времени, о наступающей ночи, о

хищных зверях. Я обезумел от любви к ней, и я страшно сердился на нее за то, что она не подпускала меня к себе. Это странно звучит, но мой гнев, по-видимому, вполне уживался с желанием овладеть ею.

Как я уже сказал, я забыл буквально обо всем. Мчась во весь дух по открытой поляне, я наткнулся на колонию змей. Я даже не испугался их. Я обезумел. Змеи бросились на меня, но я увернулся, отпрянув в сторону. Потом на меня кинулся питон — обычно я спасался от него, с визгом влезая на дерево. Он загнал меня на дерево и сейчас, но Быстроногая уже скрывалась из виду, и я опять спрыгнул на землю и побежал за ней. Это было далеко не безопасно. За мной уже следил мой старый враг — гиена. Она решила, что вот-вот непременно что-то случится, и не отставала от меня целый час. Однажды мы потревожили стадо диких свиней,и они тоже погнались за нами. Быстроногая громадным прыжком перелетела с одного дерева на другое на такое расстояние, что решиться на подобный прыжок я побоялся. Мне надо было спуститься и пробежать от дерева к дереву по земле. А там были свиньи. Но это меня не остановило. Я прыгнул вниз, оказавшись примерно на ярд от ближайшей свиньи. Они кинулись за мной и скоро загнали меня на деревья, стоявшие на открытом месте, в стороне от того направления, куда бежала Быстроногая. Я вновь соскочил с дерева и вновь помчался через поляну, а свиньи, злобно хрюкая и щелкая зубами, всем стадом гнались за мной по пятам.

Если бы я споткнулся и задержался на поляне хоть на минуту, мне пришел бы конец. Но я не споткнулся. Впрочем, я и не задумывался над этим. Я был сейчас в таком состоянии духа, что не дрогнул бы, увидя самого Саблезубого или десяток Людей Огня с их стрелами. Так я обезумел от любви... но обезумел только я. Быстроногая держалась иначе. Она была очень мудра. Она отнюдь не рисковала, и теперь, оглядываясь назад сквозь столетия на эту дикую любовную погоню, я вспоминаю, что, когда меня задержали свиньи, Быстроногая не убежала, не скрылась, а поджидала, чтобы я вновь погнался за ней. И она преднамеренно выбирала направление, бежала от меня только в одну, нужную ей сторону.

Наконец спустилась тьма. Быстроногая повела меня вокруг мшистого выступа огромной скалы, громоздившейся среди деревьев. После этого мы пробирались сквозь чащобу кустарника, который нещадно меня царапал. Но на Быстроногой не пострадал ни один волосок. Она знала эту дорогу. Посреди кустарника, в самом глухом урочище, вздымался могучий дуб. Я был очень близко от нее, когда она вскарабкалась на этот дуб, и здесь, в гнезде с крышей, я нашел то, что искал так долго и тщетно: я поймал ее.

Гиена вновь напала на наш след, она подошла к дубу и начала выть голодным голосом. Но мы не обращали на нее внимания и от души хохотали, когда она, фыркнув, скрылась в кустарнике. Была весна, и множество разнообразных звуков слышалось в ночи. Как обычно в эту пору, животные вели свои нескончаемые брачные битвы. Сидя в гнезде, я слышал визг и ржание диких лошадей,

трубные клики слона и рычание львов. Но на небе засиял молодой месяц, ночь была теплая, и мы смеялись от души, ничего не боясь.

Как помню, утром мы наткнулись на пару взъерошенных, разъяренных диких петухов, которые дрались с таким самозабвением, что я подошел прямо к ним и поймал их за шею. Так мы с Быстроногой устроили себе свадебный завтрак. Петухи оказались на вкус восхитительными. Ловить птиц весной было нетрудно. А однажды ночью, при сильном свете луны, мы с Быстроногой наблюдали со своего дерева, как бились два лося; мы видели, как подкрались к ним, незамеченные, лев и львица и как они, прыгнув на лосей, загрызли их.

Не могу сказать, сколько времени мы с Быстроногой жили на дереве. Но однажды, когда мы бродили по лесу, в наше дерево ударила молния. Большущие ветви, на которых держалось гнездо, были расщеплены, от самого гнезда почти ничего не осталось. Я начал было восстанавливать его, но Быстроногая не хотела об этом и слышать. Как я скоро понял, она чрезвычайно страшилась молнии, и убедить ее вновь поселиться на этом дереве мне не удалось. В конце концов, проведя наш медовый месяц в лесу, мы пошли жить в пещеры. Подобно тому, как после своей женитьбы меня изгнал из пещеры Вислоухий, так теперь изгнал его я; мы жили в пещере вдвоем с Быстроногой, а Вислоухий ночевал в расщелине, соединявшей двойную пещеру.

Вместе с нашим приходом в племя пришла и тревога. Не знаю, сколько жен было у Красного Глаза после Певуньи, которая не избежала участи остальных. Теперь Красный Глаз жил с маленьким, робким, безвольным существом; эта женщина хныкала и плакала постоянно, невзирая на то, бил он ее в данную минуту или нет. Было ясно, что конец ее наступит очень скоро. Но даже не дожидаясь этого, Красный Глаз с жадностью смотрел на Быстроногую, а когда его жена умерла, начал преследовать Быстроногую открыто.

К счастью для нее, она была Быстроногой и обладала изумительной способностью мчаться по деревьям. Чтобы избежать объятий Красного Глаза, ей потребовалось все ее благоразумие и вся ее отвага. Помочь ей я не мог. Красный Глаз был так чудовищно силен, что разорвал бы меня на куски. Ведь до конца моей жизни в сырую погоду у меня болело и ныло плечо, и это было делом его рук.

В те дни, когда он изувечил мне плечо, Быстроногая болела. Это был, вероятно, припадок малярии, которой мы нередко заболевали; во всяком случае, Быстроногая впала в апатию и сонливость. Мускулы ее лишились былой пружинистой силы, и она уже не могла нестись по деревьям с прежней стремительностью,— именно в эти-то дни Красный Глаз нагнал ее близ логова диких собак, в нескольких милях к югу от пещер. Обычно в таких случаях Быстроногая сначала сновала около Красного Глаза кругами, потом стремглав неслась домой и скрывалась в нашей пещере с ее узеньким входом. Но сейчас она не могла кружить и сновать по деревьям.

Она была слишком слаба и медлительна. Всякий раз, как только она прыгала в сторону, Красный Глаз преграждал ей путь, и скоро Быстроногая уже не пыталась обмануть и провести его, а кинулась бежать прямиком к поселку.

Не будь она больна, удрать от Красного Глаза было бы для нее детской игрою, но теперь ей пришлось призвать на помощь всю свою бдительность и ловкость. Ее преимущество заключалось в том, что она могла взбираться на более тонкие ветви и прыгать дальше, чем он. Кроме того, у нее был безошибочный глазомер на расстояния и инстинктивное чутье на то, сколь крепка и надежна ветка или сук, на который она готовилась прыгнуть.

Преследованию, казалось, не будет конца. Они мчались по деревьям, кружа и делая огромные петли, бросаясь то в одну сторону, то в другую. Видя такую погоню, переполошилось все Племя. Все взволнованно лопотали, повышая голоса, когда Красный Глаз был далеко, и замолкая, когда он приближался. И мужчины и женщины оказались лишь бессильными зрителями. Женщины визжали и тараторили, а мужчины в тщетном гневе били себя в грудь кулаками. Особенно гневался Скуластый, и хотя при приближении Красного Глаза умерял свою ярость и он, но все-таки он делал это не в такой мере, как остальные мужчины.

Что касается меня, то я вел себя отнюдь не доблестно. Я был тогда кем угодно, только не героем. Ведь что ни говори, а какой был бы толк, если бы я кинулся на Красного Глаза? Справиться с этим чудовищем и зверем у меня не хватило бы никаких сил. Он убил бы меня, и положение ничуть бы не изменилось к лучшему. Он поймал бы Быстроногую, даже не подпустив ее к пещерам. Значит, мне оставалось теперь только злиться и глядеть на бесчинство Красного Глаза, увертываясь с его пути и замолкая всякий раз, как он проносился поблизости от меня.

Время шло. Наступал вечер. А погоня за Быстроногой все не прекращалась. Красный Глаз решил довести ее до изнеможения. Он только и ждал, когда она выбьется из сил. Быстроногая уже начала утомляться и не могла нестись по деревьям с прежней стремительностью. Тогда она стала взбегать на тонкие ветви, куда Красный Глаз при своей тяжести взобраться не смел. Там она могла бы хоть немного отдохнуть, но Красный Глаз оказался сущим дьяволом. Будучи не в силах приблизиться к Быстроногой, он задумал ее сбросить. Навалившись всей своей тяжестью, он начал упорно раскачивать ветку, на которой сидела Быстроногая, и стряхнул ее так же легко, как можно стряхнуть с кнута муху. Быстроногая спаслась в первый раз тем, что упала на нижние ветви. В другой раз нижние ветви не удержали ее и она сорвалась наземь, но падение было все-таки сильно смягчено. После этого Красный Глаз, стремясь сбросить свою жертву, принялся трясти ветвь с таким ожесточением, что Быстроногая перелетела по воздуху на соседнее дерево. Прыжок получился великолепный, и на время она была спасена. Но скоро ей снова пришлось искать защиты, взбегая на тонкие ненадежные ветви. Сейчас она так обессилела, что другого выхода, как спасаться

на тонких ветвях, у нее не было: Красный Глаз не отставал от нее ни на минуту.

Погоня все еще продолжалась, а мы по-прежнему визжали, били себя кулаками в грудь и скрежетали зубами. Затем наступил конец. Это случилось уже почти в сумерки. Трепеща от страха и задыхаясь, Быстроногая повисла на высокой тонкой ветке. Она уже не видела внизу ни одного сучка или кустика, а до земли было футов тридцать. Красный Глаз стоял на той же ветке, у толстого основания, и с силой раскачивал ее вверх и вниз. Ветвь, словно маятник, ритмично качалась в воздухе, увеличивая размах при каждом толчке его тела. Внезапно, когда ветвь завершала движение вниз, Красный Глаз подпрыгнул, освободив ее от своей тяжести. Быстроногая не удержалась и, разжав руки, с криком полетела на землю.

Летя в воздухе, она выпрямилась и ударилась оземь ногами. При прыжке с такой высоты упругость ее ног обыкновенно смягчала силу удара. Но теперь Быстроногая была невероятно истощена, мускулы у нее обмякли. Ее ноги подогнулись, приняв на себя удар лишь отчасти, и она упала на бок. Как оказалось, она не очень ушиблась, но от удара у нее перехватило дыхание. Совершенно беспомощная, она лежала, судорожно хватая ртом воздух.

Красный Глаз бросился к ней. Запустив свои скрюченные пальцы в ее волосы, он выпрямился и с торжеством зарычал, бросая вызов испуганному Племени, которое глядело на него, сидя на деревьях. Тогда-то я и загорелся яростным гневом. Я забыл всякую осторожность, всякий страх за свою жизнь. Красный Глаз еще ревел и не двигался с места, как я наскочил на него сзади. Мой натиск был столь неожиданным, что Красный Глаз свалился с ног. Я обхватил его руками и ногами и изо всех сил прижимал к земле. Если бы Красный Глаз не держал одной рукой за волосы Быстроногую, все мои старания были бы, конечно, напрасны.

Тут, воодушевленный моей отвагой, неожиданно подоспел ко мне на помощь Скуластый. Он кинулся на Красный Глаз, вонзил ему в руку зубы и стал рвать и царапать лицо. Это был самый удобный момент, когда нас могло бы поддержать все Племя. Открывалась полная возможность покончить с Красным Глазом навсегда. Но Племя в страхе осталось сидеть на деревьях.

Было совершенно ясно, что Красный Глаз одолеет и меня и Скуластого. Если он на какое-то время замешкался, то только потому, что его движения связывала Быстроногая. Она уже пришла в себя и начала сопротивляться. Но Красный Глаз ни за что не хотел выпустить из руки ее волосы, и это мешало ему бороться с нами. Вдруг он схватил меня за плечо. Для меня это было началом конца. Он притягивал меня все ближе и ближе к себе, чтобы ему было удобнее вцепиться зубами мне в горло. Пасть его была открыта и оскалена в злорадной усмешке. Словно бы только пробуя свою силу, он так сдавил и свихнул мне плечо, что я страдал от этого всю мою остальную жизнь.

И тут случилось нечто непредвиденное. Мы даже не сразу поняли, что произошло. На всех нас четверых вдруг рухнуло чье-то

огромное тело. Мы кубарем покатились в разные стороны, перевернувшись раз десять и сразу же отпустив друг друга. В тот же миг Скуластый ужасающе вскрикнул. Я не осознавал, что творится, но почувствовал запах тигра и, прыгая на дерево, увидел мелькнувшую полосатую шкуру.

Это был старина Саблезубый. Шум, который мы подняли, потревожил его, он вышел из своего логова и потихоньку подкрался к нам, никем не замеченный. Быстроногая теперь была тоже на дереве, стоявшем рядом с моим, и я тотчас же прыгнул к ней. Я обнял и прижал ее к себе, а она тихо всхлипывала и плакала. Снизу слышалось рычание и хруст костей. Это приступал к ужину Саблезубый, пожирая Скуластого. С дальнего дерева, широко открыв свои воспаленные веки, смотрел на эту сцену Красный Глаз. Перед ним было чудовище, куда более сильное, чем он. Мы с Быстроногой повернулись и спокойно двинулись по деревьям к пещерам, в то время как Племя, не отходя от места происшествия, обрушило на своего извечного врага град оскорблений, веток и сучьев. Тот колотил хвостом по земле, рычал, но продолжал дожирать Скуластого.

Таким именно образом мы были спасены. Все произошло благодаря случайности, благодаря чистейшей случайности. Не будь этого и погибни я в лапах Красного Глаза, через тысячу столетий не родился бы тот, кто читает газеты, ездит в трамвае и — да-да! — пишет эту повесть о событиях древних, седых времен.

ГЛАВА XVII

Это случилось ранней осенью, на следующий год. Вскоре после неудачи с Быстроногой Красный Глаз взял себе другую жену, и как ни странно, она все еще была жива. Еще более странным казалось то, что у них родился ребенок — первый ребенок Красного Глаза. Все прежние жены жили у него слишком недолго, чтобы у них могли родиться дети. Этот год прошел для всех нас благополучно. Погода стояла удивительно мягкая, еды было в изобилии. Помню, что особенно уродилась в этот год репа. Хорош был и урожай орехов, а дикая слива выдалась очень крупной и сладкой.

Словом, это был благодатный, золотой год. И тогда-то и нагрянула на нас беда. Дело происходило ранним утром, и мы были захвачены врасплох в наших пещерах. Мы проснулись при свете серой холодной зари, которая большинству Племени предвещала смерть. Нас с Быстроногой разбудил невероятный визг и лопотанье. Наша пещера была на утесе выше всех остальных, мы выползли из нее и посмотрели вниз. Все поле перед пещерами было заполнено Людьми Огня. Их крики и вопли еще более усиливали всеобщий шум, но в действиях пришельцев чувствовался какой-то порядок и план, а у нас не было ничего подобного. У нас каждый защищал только сам себя и действовал лишь на собственный риск, и никому из Племени не приходило в голову, насколько ужасно было нависшее над нами бедствие.

Скоро Люди Огня плотной толпой подступили к подножию уте-

са, и мы принялись швырять в них камни. Первые же наши удары, должно быть, нанесли врагу урон, ибо когда Люди Огня откатились назад, трое из них остались лежать на земле. Они корчились в судорогах, а один даже пытался уползти. Но мы скоро прикончили их. Все наши мужчины уже рычали от ярости и засыпали этих раненых градом каменьев. Несколько Людей Огня вновь подбежали к утесу и хотели оттащить раненых в безопасное место, но наши камни прогнали их обратно.

Люди Огня пришли в бешенство. Но вместе с тем они не утратили осторожности. Несмотря на свои яростные вопли, они держались на значительном расстоянии от утеса и через несколько минут пустили в нас тучу стрел. Это положило конец метанию камней. Скоро полдюжины из нас были убиты, десятка два ранены, а все остальные укрылись в пещерах. Стрелы долетали и до моей высокой пещеры, но из-за дальности расстояния они уже утрачивали свою боевую силу, и Люди Огня перестали в меня стрелять. Однако я был любопытен. Мне не терпелось посмотреть, что будет дальше. Хотя Быстроногая, забившись в глубь пещеры, дрожала от страха и издавала горестные звуки, призывая меня к себе, я подполз к краю утеса и глянул вниз.

Сражение на время прекратилось. Оно как бы зашло в тупик. Мы сидели в своих пещерах, а Люди Огня раздумывали, как нас оттуда выгнать. Броситься прямо к пещерам у них не хватало смелости, а мы не желали подставлять себя под их стрелы. Время от времени, когда кто-нибудь из них приближался к подножию утеса, у нас находился смельчак, который метал в него камень. В ответ на это летело с полдесятка стрел, и смельчак оказывался убитым. Эта хитрость удавалась им несколько раз, но в конце концов никто из Племени больше уже не поддавался на провокацию и не вылезал из пещеры. Тупик в сражении принял безнадежный характер.

Среди Людей Огня, в задних рядах, я рассмотрел высохшего старого охотника, который руководил всеми остальными. Те подчинялись ему и шли по его приказу куда угодно. Скоро группа посланных отправилась в лес и вернулась оттуда, притащив кучу хвороста, травы и листьев. Люди Огня подступили ближе к утесу. В то время как большинство пришельцев стояли на страже со своими луками и стрелами, готовые выстрелить в каждого из нас, кто только покажется из пещеры, часть их бросилась к нижним пещерам. Там, у самых входов, они кучами сложили хворост и сухую траву. Затем, поколдовав у этих куч, они вызвали чудовище, которого мы так боялись,— ОГОНЬ. Сначала появились и поползли вверх по утесу струйки дыма. Затем я увидел, как среди сучьев и ветвей, извиваясь, словно змеи, взметнулись красные языки пламени. Дым становился гуще и гуще, временами окутывая весь утес. Поскольку я сидел высоко, дым не очень меня беспокоил, хотя у меня щипало глаза и я тер их кулаками.

Первым был выкурен из пещеры старик Мозговитый. Легкий ветерок временами относил дым в сторону, и я мог ясно видеть, что происходило. Мозговитый прорвался через завесу дыма, ступил на

раскаленные угли и, завизжав от внезапной боли, начал карабкаться вверх по утесу. Стрелы летели около него роем. Он приостановился на каком-то выступе, уцепившись за камень, и чихал и мотал головой, явно задыхаясь. Он пошатывался, руки и ноги у него тряслись. В спине и боках у него торчали оперенные хвосты стрел, их было не меньше дюжины. Он был стар, и он не хотел умирать. Он раскачивался все сильнее, колени у него подгибались, и он все время жалобно всхлипывал. Потом, выпуская камень, руки его разжались, и он сорвался вниз. Его старые кости, надо думать, поломались все до одной. Он еще стонал и делал слабые попытки приподняться, но Люди Огня кинулись на него и размозжили ему голову.

Такова была участь, постигшая Мозговитого, и эту же участь разделили многие из Племени. Не в силах терпеть удушливый дым, они выскакивали из пещер и падали, сраженные стрелами. Кое-кто из женщин с детьми оставался сидеть в пещерах и задохнулся от дыма, но большинство приняло смерть от стрел.

Очистив таким образом нижний ряд пещер, Люди Огня стали готовиться, чтобы повторить операцию, поднявшись выше. Пока они лезли по каменьям, подтаскивая сухую траву и хворост, выскочил из своей пещеры Красный Глаз. Вместе с ним была его жена, к груди которой крепко прижимался ребенок. Они молниеносно бросились вверх по утесу. Люди Огня, должно быть, считали, что пока они поджигают хворост, все мы будем смирно сидеть в своих пещерах, и появление Красного Глаза застало их врасплох. Они еще не успели прицелиться и пустить свои стрелы, как Красный Глаз и его жена были уже высоко на утесе. Добравшись до вершины, Красный Глаз повернулся и стал бить себя в грудь кулаками. Люди Огня принялись стрелять в него, но он, избежав даже легкой раны, тут же скрылся из виду.

Я видел, как Люди Огня обкуривали третий ряд пещер, а потом и четвертый. Лишь немногие из Племени спаслись, взобравшись на утес, большинство было сражено стрелами при первой же попытке к бегству. Помню, как погиб Длинная Губа. С жалким плачем он добежал до того выступа, где находилась моя пещера; в спине у него торчал оперенный хвост стрелы, а из груди высовывался костяной наконечник — стрела насквозь пронзила его, когда он лез вверх по камням. Он упал навзничь около моей пещеры, залив весь вход кровью.

Приблизительно к этому времени самый верхний ряд пещер уже опустел: их обитатели вылезали один за другим и карабкались вверх. Скоро на вершине утеса собрались все те, кого не задушил дым и не сразили стрелы. Многие из них нашли тут спасение. Люди Огня не могли перестрелять всех, у них не хватало времени. Стрелы тучей взвивались вверх, беглецы десятками летели с утеса на землю, но тем не менее кое-кто успел перелезть через гребень утеса и спастись от опасности.

Стремление бежать и скрыться владело мною теперь гораздо сильнее, чем любопытство. Стрелы уже не летели к вершине утеса,

Люди Огня затихли. Казалось, все наше Племя исчезло, хотя, возможно, кое-кто еще прятался в верхних пещерах. Теперь на вершину утеса стали карабкаться мы с Быстроногой. Увидев нас, Люди Огня разразились громкими криками. Такое волнение вызвал отнюдь не я, его вызвала Быстроногая. Люди Огня возбужденно тараторили между собой и указывали на нее пальцами. Стрелять в нее они даже не пытались. В нас не полетела ни одна стрела. Люди Огня начали мягко и ласково окликать Быстроногую. Я остановился и поглядел на нее. Вид у нее был испуганный, она плакала и убеждала меня спешить. Мы перевалили вершину утеса и скоро скрылись в лесу.

Полный недоумения, я часто раздумывал над этим событием. Если Быстроногая действительно принадлежала к племени Людей Огня, то, вероятно, она когда-то в раннем детстве отбилась от них и уже не помнила своих сородичей, иначе она не испугалась бы их. С другой стороны, вполне может быть, что, принадлежа к их племени, она никогда и не отбивалась от Людей Огня; она могла родиться в диких лесах, вдали от их стойбищ, отцом ее мог оказаться какой-нибудь отщепенец из их же породы, а мать, возможно, была из нашего Племени. Все это было мне совершенно неведомо, и Быстроногая знала об этом не больше, чем я.

Мы пережили ужасный день. Почти все те, кто уцелел от налета Людей Огня, бежали к черничным болотам и нашли приют в окрестных лесах. И целые сутки отряды Людей Огня рыскали по лесу, убивая моих соплеменников, как только их находили. Надо полагать, они действовали по заранее обдуманному плану. Расплодившись так, что их земли стали им тесны, они решили завоевать наши. Но разве это можно назвать завоеванием? Силы были слишком неравны. Это была бойня, разнузданная бойня, ибо Люди Огня не щадили никого, убивая старого и малого, истребляя на нашей земле всех до единого.

Для нас это было как конец света. Мы мчались по деревьям, надеясь найти убежище хоть в лесу, но дело кончалось тем, что нас окружали со всех сторон и умерщвляли стрелами, семью за семьей. Мы с Быстроногой видели в тот день множество подобных сцен; сказать по правде, я и стремился увидеть все своими глазами. Мы никогда не сидели долго на одном и том же дереве, вследствие этого Людям Огня не удавалось нас окружить. Но куда нам было деваться, куда идти, этого мы не знали. Казалось, Люди Огня вездесущи; упорно гоняясь за нашими сородичами и истребляя их, они могли появиться где угодно. Куда бы мы ни кидались, мы всюду наталкивались на них и всюду видели следы их деяний.

Я не знаю, что сталось с моей матерью, но я видел, как был сбит стрелой с моего родного дерева Болтун. Боюсь, что в эту минуту я от радости начал трясти свое дерево. Прежде чем закончить эту часть моего повествования, я расскажу о Красном Глазе. Его настигли вместе с женой на дереве около болота, где росла черника. Мы с Быстроногой увидели это издали и приостановились посмотреть, чем все кончится. Люди Огня были слишком заняты своим делом

и не замечали нас, а, помимо того, мы старательно прятались в густой листве ветвей, на которых сидели.

Два десятка охотников стояли под деревом, посылая в него стрелы. Если стрелы падали обратно на землю, охотники тут же подбирали их. Красного Глаза я не видел, но все время слышал его рычание, несущееся откуда-то с дерева. Скоро это рычание стало звучать гораздо глуше. Вероятно, Красный Глаз нашел в дереве дупло и залез в него. Но его жене найти подобное убежище не удалось. Стрела сбила ее наземь. Она была тяжело ранена и даже не пыталась вскочить на ноги и скрыться. Корчась и пугливо пригибая голову, она держала на груди прижимавшегося к ней ребенка, стонала и делала умоляющие знаки Людям Огня. Те окружили ее и принялись хохотать — точно так, как мы с Вислоухим хохотали когда-то над стариком из Лесной Орды. И точно так же, как тыкали и кололи его ветками и палками мы, кололи и тыкали жену Красного Глаза Люди Огня. Они кололи ее кончиками своих луков, всовывая их женщине между ребер. Но такая забава доставила охотникам не так уж много удовольствия. Дело в том, что женщина не сопротивлялась. Она даже не злилась; склонясь над своим детенышем, она сидела и по-прежнему жалобно хныкала, моля пощады. Вдруг один из Людей Огня с решительным видом шагнул к ней. В руках у него было дубинка. Женщина подняла глаза, понимая, что́ все это значит, но она лишь умоляюще застонала и не двинулась с места, пока на нее не обрушился удар.

А Красный Глаз сидел в дупле, и его нельзя было достать никакими стрелами. Охотники стали в кружок и некоторые время совещались, затем один из них влез на дерево. Что произошло на дереве, я не могу сказать, но я слышал, как завопил охотник, и видел, как встревожились Люди Огня внизу. Прошло несколько минут, и охотник вниз головой свалился с дерева на землю. Он лежал, не подавая признаков жизни. Люди Огня посмотрели на него и приподняли ему голову, но голова снова бессильно упала, как только они выпустили ее из рук. Красный Глаз сводил счеты.

Люди Огня были очень рассержены. В стволе дерева, лишь на дюйм от земли, виднелось отверстие. Охотники сложили тут груду сучьев и сухой травы и разожгли костер. Крепко обнявшись, мы с Быстроногой сидели в своем укрытии и ждали, чем кончится эта борьба. Время от времени Люди Огня бросали в костер совершенно сырые, зеленые ветви, и тогда дым поднимался необычайно густыми, черными клубами.

И вдруг мы увидели, как охотники поспешно отскочили от дерева. Но все же они сделали это недостаточно быстро. Грузное тело Красного Глаза рухнуло прямо на них. Красный Глаз был в невероятной ярости и размахивал своими чудовищными длинными руками направо и налево. Одному охотнику он снес лицо — буквально снес своими шишковатыми железными пальцами. Другого он ударил по шее. Дико завопив, Люди Огня сначала отступили, а потом бросились на него. Красный Глаз схватил валявшуюся дубинку и начал разбивать им головы, как яичную скорлупу. Спра-

виться с таким чудовищем Людям Огня было явно не под силу, им снова пришлось отступить. Красный Глаз увидел, что упускать подобный момент нельзя: он повернулся и бросился бежать. Несколько стрел полетело ему вслед, но он нырнул в чащу и тут же исчез.

Соблюдая крайнюю осторожность, мы с Быстроногой ушли по деревьям в другую сторону, но и тут наткнулись на новый отряд охотников. Они загнали нас на черничное болото, но мы прошли через трясину по тропам, которых они не знали, и таким образом скрылись от них. Мы пересекли трясину и оказались на узкой лесной полосе, отделявшей черничное болото от обширных топей, простиравшихся далеко на запад. Тут-то мы и встретились с Вислоухим. Как он спасся, не могу себе представить, разве только благодаря тому, что не ночевал предыдущую ночь в пещерах.

Здесь, на узкой лесной полосе, мы могли бы построить гнезда на деревьях и прочно обосноваться, но Люди Огня продолжали упорно преследовать Племя и истреблять его. К вечеру выбежали и промчались мимо нас Волосатый с женой. Они бежали очень торопливо, лица у них были встревоженные. С той стороны, откуда они бежали, к нам донеслись воинственные крики охотников и вопли кого-то из Племени. Люди Огня нашли-таки дорогу через трясину.

Быстроногая, Вислоухий и я бросились бежать за Волосатым и его женой. Выбежав к краю великих болот, мы остановились. Мы не знали тут ни одной тропы. Эти места были далеко за пределами наших владений, и Племя всегда избегало заходить сюда. Во всяком случае, я не знал никого, кто побывал бы здесь и вернулся. В наших глазах эти болота были чем-то таинственным и страшным — страшным своей неизвестностью. Как я сказал, мы остановились у края болота. Мы дрожали от страха. Крики Людей Огня слышались все ближе и ближе. Мы посмотрели друг на друга. Волосатый вступил в зыбкую жижу и ярдах в двенадцати от берега нащупал ногами твердую кочку. Жена его оказалась не столь смелой. Она попробовала было войти в болото, но, коснувшись его предательской поверхности, отпрянула назад и боязливо сжалась.

Быстроногая даже не думала меня ждать, она кинулась вперед и, обогнав Волосатого ярдов на сто, нашла еще одну большую кочку. К тому времени, когда мы с Вислоухим оказались рядом с ней, из-за деревьев выскочили Люди Огня. Увидев их, жена Волосатого в ужасе метнулась вслед за нами. Но она бежала наугад, не выбирая места, и через несколько шагов провалилась по пояс. Оглянувшись назад, мы увидели, как охотники пускали в нее стрелу за стрелой, а она медленно погружалась в трясину. Теперь стрелы начали падать уже около нас. Мы собрались вместе, все четверо, и двинулись вперед, сами не зная куда, шагая по болоту все дальше и дальше.

ГЛАВА XVIII

Ясного представления о наших блужданиях по великим болотам у меня нет. Когда я вспоминаю об этом, в памяти всплывают разрозненные картины, но установить какие-либо границы во времени

я не могу. Я не знаю, как долго мы бродили в тех проклятых местах, но, вероятно, целые недели. Мои воспоминания о том, что тогда происходило, неизменно переходят в жуткий кошмар. Сквозь тьму бесчисленных веков, подавленный первобытным страхом, я вижу, как мы без конца блуждаем, блуждаем по зыбкой, промозглой трясине, пропитанной водой, на нас бросаются ядовитые змеи, рычат поблизости прожорливые звери, под нами колышется и зыблется, засасывая ноги, тинистая, вязкая почва.

Помню, что мы то и дело сворачивали со своего пути из-за встречных потоков, озер и обширных топей. Помню бури и дождь и сплошь залитые водой громадные низины; помню дни горьких невзгод и невыносимого голода, когда поднявшиеся воды загоняли нас на деревья и мы надолго оказывались там пленниками.

Ярко встает передо мной следующая картина. Мы стоим у огромных деревьев, с их ветвей свисают волокна седого мха, а ползучие растения, словно чудовищные змеи, вьются по стволам, причудливо переплетаясь в воздухе. Всюду вокруг нас топь, затянутая грязной жижицей топь: она пузырится от газов и, пыхтя и вздыхая, ходит мерными валами. И среди этой вонючей топи мы, нас около дюжины. Мы вероятно исхудали, до крайности измождены, кожа плотно обтягивает наши кости. Мы не поем, не болтаем, не смеемся. Мы забыли о шутках и проказах. Наш беспечный и бодрый дух на этот раз беспримерно подавлен и побежден. Мы издаем какие-то жалобные тягучие звуки, переглядываемся и теснее жмемся друг к другу. Мы похожи на кучку жалких существ, переживших конец света и встретившихся на другой день после его гибели.

Эта сцена видится мне без всякой связи с другими событиями, происшедшими на болотах. Не приложу ума, как нам удалось преодолеть страшные топи, но в конце концов мы выбрались к гряде небольших холмов, спускающихся к реке. Это была наша река; она выходила из великих болот, как теперь вышли из них и мы. На южном берегу, где река пробивала свой путь между холмами в крутояре, сложенном из песчаника, мы обнаружили пещеры. Вдали на западе, перекатываясь через отмель в устье реки, гудел морской прибой. Здесь-то в пещерах, по соседству с морем, мы и обосновались.

Нас было очень немного. Потом к нам начали приходить и присоединяться те из Племени, кому удалось спастись. Они выбирались из болот поодиночке, по двое и по трое, гораздо более похожие на мертвецов, чем на живых, настоящие ходячие скелеты. В конце концов в пещерах собралось тридцать соплеменников. После этого уже никто из болот не появлялся. Красного Глаза среди нас не было. Не было среди нас и детей — такого мучительного пути не перенес ни один ребенок.

Я не стану подробно рассказывать о нашем житье в пещерах у моря. Это стойбище оказалось не из счастливых. Тут было сыро и холодно, и мы постоянно кашляли и страдали от простуды. Долго жить в такой местности мы не могли. Правда, у нас рождались дети, но они хирели и умирали — умерших у нас вообще было больше, чем народившихся. Нас становилось все меньше и меньше.

Помимо всего прочего, пагубно отразилась на нас резкая перемена в пище. Овощей и плодов мы собирали мало, ели главным образом рыбу. Там было множество моллюсков, устриц, двустворчатых раковин и больших морских крабов, выбрасываемых штормом на берег. Мы нашли, кроме того, несколько видов морских водорослей, очень хороших на вкус. Но перемена в пище вызвала у нас желудочные заболевания, никто из нас не мог по-настоящему пополнеть. Все мы были худые и нездоровые на вид. Вылавливая на отмели громадных моллюсков-абалонов, погиб Вислоухий. Абалон защемил ему пальцы и продержал его до тех пор, пока не начался прилив. Вислоухий утонул. Мы нашли его тело на следующий день; это был для нас тяжелый урок. Никто из нас уже не совал больше рук в защелкивающуюся раковину абалона.

У нас с Быстроногой родился ребенок, мальчик, и мы выхаживали его в течение нескольких лет. Но я твердо знаю, что, не уйди мы в другие места, он никак не перенес бы того ужасного климата. А затем вновь появились Люди Огня. Они приплыли к нам по реке — и не на катамаране, а в грубом долбленом челноке. Гребцов в челноке было трое, и один из них — высохший от старости низкорослый охотник. Они причалили к нашему берегу, и старик, прихрамывая, поднялся по песчаному откосу и пристально оглядел наши пещеры.

Через несколько минут Люди Огня уплыли, но Быстроногая никак не могла оправиться от страшного испуга. Мы перепугались все, но никто не был взволнован в такой мере, как Быстроногая. Она хныкала и рыдала, не находя себе покоя всю эту ночь. Утром она взяла ребенка на руки и, громко крича и жестикулируя, заставила меня пуститься во второе великое странствование. В пещерах теперь оставались лишь восемь мужчин и женщин — последние наследники Племени. Да и их будущее было безнадежным. Если бы Люди Огня даже не вернулись, все равно они скоро бы погибли. Слишком вреден был климат в тех местах. Наше Племя к жизни у моря было совершенно неприспособленно.

Мы с Быстроногой двинулись на юг, все время огибая великие болота и ни разу не рискуя в них углубиться. Однажды мы повернули к западу, перевалили гряду гор и вышли на побережье. Но обосноваться там было немыслимо. Там совсем не было леса — лишь унылые голые откосы и скалы, гремящий прибой и упорный сильный ветер, который, казалось, никогда не затихал. Мы отступили снова в горы, пересекли их и, держа путь на восток и юг, опять оказались у великих болот.

Скоро мы достигли южной окраины болот и пошли оттуда прямиком на юго-восток. Перед нами открылись прекрасные места. Было очень тепло, снова вокруг нас шумел густой лес. Потом мы, пройдя невысокую цепь холмов, очутились в чудесной земле — это была поистине Страна Лесов. Чем дальше мы уходили от морского берега, тем мягче и теплее становился воздух; мы шли и шли, пока перед нами не блеснула большая река — Быстроногой она была, по-видимому, знакома. Должно быть, именно здесь провела Быстроногая те четыре года, в течение которых ее не было в Племени. Мы

переплыли реку на бревнах и вышли на берег у подножия громадного утеса. Высоко на утесе мы нашли себе новое жилище — почти недоступную и невидимую снизу пещеру.

Теперь мне остается рассказать совсем немного. Мы с Быстроногой жили в этой пещере и выхаживали своих детей. И на этом обрываются все мои воспоминания. Мы уже никуда больше не переселялись. Ни разу мне не снились иные места, кроме нашей высокой, недоступной пещеры. И здесь, надо думать, родился ребенок, унаследовавший первоисточник моих снов и таким образом впитавший в себя все впечатления моей жизни или, вернее, жизни Большого Зуба, моего второго «я» — ведь хотя он и не является моим истинным, реальным «я», он реален для меня настолько, что я не в силах сказать, в каком же именно веке я живу.

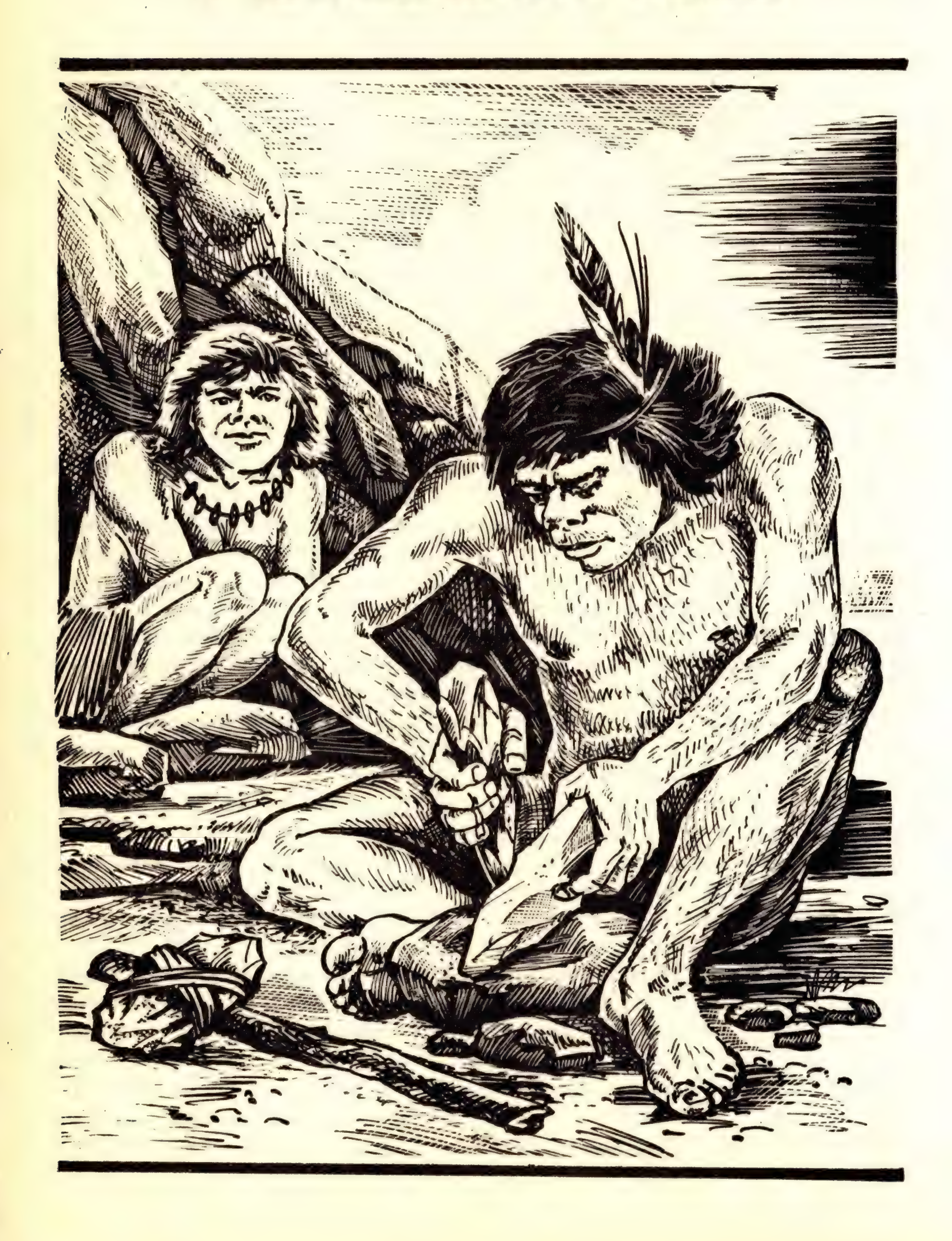
Я часто изумляюсь, раздумывая над этой наследственной связью, над этим родством. Я, современный и реальный, являюсь, безусловно, человеком, но я, Большой Зуб, житель первобытных лесов, не человек. В какой-то точке, если проследить прямую линию моих предков и пращуров, эти два «я» моей раздвоенной личности соединяются. Было ли Племя, все мои соплеменники, прежде чем их истребили,— были ли они на пути превращения в человека? И прошел ли через этот процесс я сам и мои близкие родичи? С другой стороны, разве не могло случиться так, что кое-кто из моих потомков присоединился к Людям Огня и стал одним из них? Всего этого я не знаю. И нет никакой возможности это узнать. Несомненно только одно: Большой Зуб внедрил в мозг одного из потомков все события своей жизни, и они запечатлелись там столь неизгладимо, что бесчисленные поколения не могли их стереть.

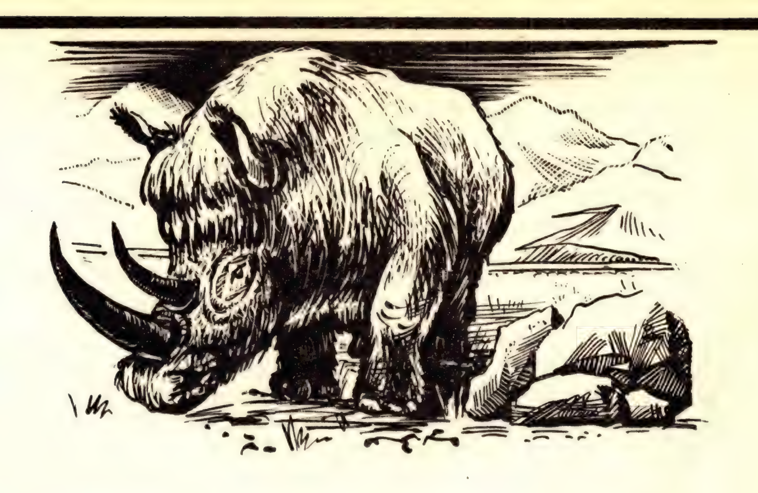
Есть еще одна вещь, о которой я должен упомянуть, прежде чем кончу повесть. Мне часто снится этот сон, а реальные события имели место, должно быть, в то время, когда я жил в той же высокой, труднодоступной пещере. Помню, я шел к югу по дремучим дебрям. Тут я наткнулся на Лесную Орду. Затаясь в чаще, я стал следить, как эти дикари играли. Их было тут целое сборище, они хохотали, прыгали и пританцовывали, напевая хором какую-то визгливую примитивную песню.

Вдруг они смолкли и прекратили свои прыжки и пляски. Съежась и бросая тревожные взгляды по сторонам, они пятились и словно бы хотели броситься прочь. В эту минуту в их толпе появился Красный Глаз. Все трусливо уступали ему дорогу. У всех на лицах был написан страх. Но он и не пытался кого-нибудь задеть или обидеть. Он был один из них — он породнился с Лесною Ордою. Следом за ним, раскачиваясь на своих согнутых жилистых ногах и для равновесия опираясь костяшками пальцев обеих рук о землю, шла старая самка Лесной Орды — его нынешняя жена. Он сел посреди круга. Я вижу его и теперь, когда пишу эти строки, вижу, как он хмуро уставился своими воспаленными глазами на Лесную Орду, робко расступающуюся перед ним. И, не вставая с места, он вдруг задирает свою чудовищную ногу и кривыми цепкими пальцами чешет себе живот. Ведь это же Красный Глаз, само воплощение атавизма.

Герберт Уэллс

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ

ГЛАВА I

Уг-Ломи и Айя

Случилось это в доисторические времена, не сохранившиеся в человеческой памяти, во времена, когда можно было, не замочив ног, пройти из Франции (как мы теперь ее называем) в Англию и когда широкая Темза лениво несла свои воды меж топких берегов навстречу отцу своему, Рейну, пересекавшему обширную равнину, которая ныне находится под водой и известна нам как Северное море. В те далекие времена низменности у подножия меловых холмов Южной Англии еще не существовало, а на юге Сэррея тянулась гряда поросших елью гор, чьи вершины большую часть года были покрыты снегом. Остатки этих вершин сохранились и по сей день — это Лейс-Хилл, Питч-Хилл и Хайндхед. На нижних склонах за поясом лугов, где паслись дикие лошади, росли тисы, каштаны и вязы, и в темных чащах скрывались серые медведи и гиены, а по ветвям карабкались серые обезьяны. У подножия этой гряды, среди лесов, болот и лугов на берегах реки Уэй и разыгралась та маленькая драма, о которой я собираюсь рассказать. Пятьдесят тысяч лет прошло с тех пор, пятьдесят тысяч, если подсчеты геологов правильны.

В те далекие дни, как и сейчас, весна вселяла радость во все живое и заставляла кровь быстрей струиться в жилах. По голубому небу плыли громады белых облаков, веял теплый юго-западный ветер, мягко лаская лицо. Взад-вперед носились вернувшиеся с юга ласточки. Берега реки были усеяны лютиками, на болотистых местах, всюду, где опустив свои мечи, отступали полчища осоки, сверкали звездочки сердечника и горел алтей, а в реке, неуклюже барахтаясь, играли откочевывающие к северу лоснящиеся черные чудови-

ща — бегемоты, сами не зная, чему радуясь, охваченные только одним желанием — взбаламутить до дна всю реку.

Выше по течению, неподалеку от бегемотов, в воде плескались какие-то коричневые зверята. Между ними и бегемотами не было соперничества, они не боялись друг друга, не питали друг к другу вражды. Когда, с треском ломая тростник, появились эти громадины и разбили зеркало реки на серебряные осколки, маленькие создания закричали и замахали руками от радости: значит, пришла весна.

— Болу,— кричали они.— Байя, Болу!

Это были человеческие детеныши— над холмом у излучины реки поднимались дымки становища. Эти малыши походили на бесенят — спутанная грива волос, приплюснутые носы, озорные глаза. Их тела покрывал легкий пушок (как это и теперь бывает у детей). Бедра у них были узкие и руки длинные, лишенные мочек уши заострялись кверху, что изредка встречается и теперь. Совершенно голые коричневые цыганята, подвижные, как обезьянки, и такие же болтливые, хотя им и не всегда хватало слов.

Гребень холма скрывал становище их племени от барахтающихся бегемотов. Оно представляло собой вытоптанную площадку среди сухих бурых листьев чистоцвета, сквозь которые пробивалась свежая поросль папоротника, раскрывавшего клейкие листочки навстречу теплу и свету. Посредине тлел костер — груда углей под серым пеплом, куда время от времени старухи подбрасывали сухие листья. Мужчины почти все спали — спали они сидя, уткнув головы в колени. В это утро они принесли хорошую добычу — убили оленя, затравленного дикими собаками, и мяса хватило на всех, так что ссориться не пришлось; некоторые из женщин до сих пор глодали кости, валявшиеся повсюду. Другие собирали и сносили в кучу листья и ветки, чтобы Брат Огонь, когда снова спустится ночь, мог снова стать высоким и сильным и отгонять от них диких зверей. А две женщины перебирали кремни, которые набрали у речной излучины, где играли дети.

Все эти бронзовые дикари были голыми, но на некоторых были пояса из змеиной кожи или невыделанных звериных шкур, и с них свешивались кожаные мешочки (не сшитые, а содранные целиком с лап животных), в которых хранились грубо обтесанные кремни — их главное оружие и орудие труда. На шее одной из женщин, подруги Айи-Хитреца, висело удивительное ожерелье из окаменелостей, которое до нее уже служило украшением многих. Возле некоторых из спящих мужчин лежали большие лосиные рога с остро отточенными концами и длинные палки, заостренные при помощи кремня. Только оружие да тлеющий костер и показывали, что это люди, а не стая диких зверей, каких было много кругом.

Но Айя-Хитрец не спал, он сидел, держа в руке кость, и старательно скоблил ее кремнем, чего не стало бы делать ни одно животное. Он был старше всех мужчин племени, бородатый, с заросшим лицом, нависшими бровями и выдвинутой вперед челюстью; жилистые руки и грудь покрывала густая черная шерсть. Благодаря

своей силе и хитрости он управлял племенем, и его доля добычи всегда была самой большой и самой лучшей.

Эвдена пряталась в ольховнике, потому что боялась Айи. Она была совсем молоденькая, с блестящими глазами и приятной улыбкой. Когда все ели, Айя дал ей кусок печени — редкое угощение для девушки, так как печень предназначалась для мужчин. А когда она взяла лакомый кусок, женщина с ожерельем посмотрела на нее злыми глазами, а из горла Уг-Ломи вырвалось неясное ворчание. Тогда Айя вперил в него долгий, пристальный взгляд, и Уг-Ломи опустил голову. Потом Айя взглянул на нее. Она испугалась, и, пока все еще ели и Айя был занят тем, что высасывал мозг из кости, она незаметно ускользнула. Поев, Айя некоторое время бродил вокруг становища,— наверное, разыскивал ее. И вот теперь она лежала, припав к земле, в зарослях ольхи и ломала голову, зачем это Айя скоблит кость кремнем. А Уг-Ломи нигде не было видно.

Вскоре над ее головой запрыгала белка, и она замерла, так что белка заметила ее, только когда оказалась от нее всего в нескольких шагах. Зверек тотчас же стремительно взлетел вверх по стволу и принялся болтать и браниться.

— Что ты делаешь здесь,— спрашивала белка,— вдали от других дзуногих зверей?

— Не шуми,— сказала Эвдена, но белка только стала браниться еще громче.

Тогда Эвдена принялась отламывать черные ольховые шишечки и кидать в нее.

Белка увертывалась и дразнила ее, и, забыв обо всем, девушка вскочила на ноги, чтобы лучше прицелиться, и тут только увидела, что с холма спускается Айя. Он заметил, как мелькнула в кустарнике ее светло-золотистая рука — у него были очень зоркие глаза.

При виде Айи Эвдена забыла про белку и со всех ног пустилась бежать через ольховник и заросли тростника. Она не разбирала дороги, думая лишь о том, как бы скрыться от Айи. Увязая по колено, она перебралась через болотце и увидела впереди склон, поросший папоротником, все более стройным и зеленым по мере того, как он уходил в тень молодых каштанов. Через мгновение она уже была там — быстрые ноги легко несли ее вперед! — и бежала все дальше и дальше, пока не оказалась в старом лесу с огромными деревьями. Там, куда проникал солнечный свет, стволы их оплетали лианы толщиной в молодое деревцо и ветви плюща, крепкие и тугие. Она бежала все дальше, петляя, чтобы запутать след, и наконец легла в поросшей папоротником ложбинке, на границе непроходимой чащи, и стала прислушиваться, а кровь стучала у нее в ушах.

Вот она услыхала, как далеко-далеко прошелестели в сухих листьях шаги и замерли, и снова наступила тишина, только комары звенели над головой — дело шло к вечеру — да неустанно шептались листья. Она усмехнулась при мысли, что хитрый Айя ее не заметил. Страха она не чувствовала. Играя со своими сверстниками, она иногда убегала в лес, хотя ни разу не забиралась так далеко. Приятно было оказаться одной, скрытой ото всех.

Она долго лежала, радуясь, что ей удалось ускользнуть, затем привстала и прислушалась.

Она услышала быстрый топот, все громче и ближе, и вот она уже различает хрюканье и треск веток. Это было стадо проворных и злобных диких свиней. Она вскочила, потому что кабан при встрече бьет клыками без предупреждения, и помчалась от них через лес. Но топот становился ближе; значит, свиньи не переходили с места на место в поисках пищи, а быстро бежали вперед, иначе они бы ее не нагнали, и, ухватившись за сук, Эвдена подтянулась на руках и взобралась по стволу с проворством обезьяны. Когда она взглянула на землю, там уже мелькали тощие щетинистые спины свиней. Она знала, что их короткое резкое хрюканье означает страх. Чего они испугались? Человека? Нет, они не стали бы так поспешно убегать от человека!

А затем — так внезапно, что она невольно крепче схватилась за сук — из кустарника выскочил молодой олень и пронесся вслед за дикими свиньями. Еще какой-то зверь промелькнул внизу — низкий, серый с длинным телом,— но какой, она не успела разглядеть, так как он появился всего на одно мгновение в просвете между листьями.

Затем все стихло.

Она продолжала ждать, словно приросшая к дереву, за которое цеплялась, напряженно всматриваясь вниз.

И вот вдалеке между деревьями на миг показался и сразу скрылся, снова мелькнул в высоком папоротнике и опять пропал из виду человек. По светлым волосам она узнала Уг-Ломи — его лицо пересекала красная полоса. При виде его безумного бега и багровой метки на лице Эвдене стало как-то не по себе. А затем ближе к ней, с трудом переводя дыхание, тяжело пробежал другой человек. Сначала она не разглядела, кто это, но потом узнала Айю, хотя сверху его фигура казалась приплюснутой. Выпучив глаза, он большими прыжками несся вперед. Нет, он не гнался за Уг-Ломи. Его лицо было совсем белым. Айя, охваченный страхом! Он пробежал мимо, но она еще слышала топот его ног, когда вдогонку за ним мягкими, мерными скачками промчалось что-то большое, покрытое серым мехом.

Эвдена вдруг вся оцепенела и перестала дышать. Руки ее судорожно сжали сук, в глазах отразился смертельный испуг.

Она никогда раньше не видела этого зверя, она и сейчас не разглядела его как следует, но сразу поняла, что это Ужас Темного Леса. О нем слагались легенды, его именем дети пугали друг друга и сами в испуге с визгом бежали к становищу. Человек еще ни разу не убил никого из его рода. Даже сам могучий мамонт опасался его гнева. Это был серый медведь, властелин мира в те далекие времена.

На бегу он, не переставая, сварливо рычал:

— Люди у самой моей берлоги. Драка и кровь. У самого входа в мою берлогу. Люди, люди, люди! Драка и кровь!

Ибо он был властелином лесов и пещер.

Еще долго после того, как он пробежал, Эвдена, окаменев, про-

должала глядеть вниз сквозь ветви расширенными от страха глазами. В полном оцепенении она инстинктивно продолжала цепляться за дерево руками и ногами. Прошло довольно много времени, прежде чем она снова обрела способность думать, но и тогда она ясно осознала только одно: Ужас Темного Леса бродит между ней и становищем и спуститься вниз невозможно.

Когда страх ее чуть поулегся, она вскарабкалась повыше и устроилась поудобнее в развилке большого сука. Вокруг нее смыкались деревья, и Брат Огонь ей не был виден: ведь днем он черный. Зашевелились птицы, и мелкие твари, попрятавшиеся от страха перед ней, выбрались из своих убежищ.

Время шло, и вскоре верхушки деревьев запылали в лучах заката. Высоко над головой грачи, более мудрые, чем люди, с карканьем пролетели к своим становищам на вязах. Все предметы казались сверху потемневшими и резко очерченными. Эвдена решила вернуться в становище и начала спускаться, но тут страх перед Ужасом Темного Леса вновь овладел ею. Пока она колебалась, по лесу разнесся жалобный крик кролика, и она осталась на дереве.

Сумерки сгустились, и в глубине леса началось движение. Эвдена снова поднялась повыше, чтобы быть ближе к свету. Внизу под ней из своих убежищ вышли тени и стали бродить вокруг. Синева неба быстро темнела. Наступило зловещее затишье, а затем начали шептаться листья.

Эвдену пробрала дрожь, и она вспомнила о Брате Огне.

Теперь тени стали собираться на деревьях; они сидели на ветвях и подстерегали ее. Ветки и листья превратились в грозные темные существа, готовые наброситься на нее, если только она шевельнется. Вдруг из мрака, бесшумно махая крыльями, возникла белая сова. Становилось все темнее и темнее, и наконец ветки и листья стали совсем черными, а земля потонула во тьме.

Эвдена провела на дереве всю ночь — целую вечность — и, не смыкая глаз, чутко прислушивалась к тому, что делается внизу, в темноте, боясь пошевельнуться, чтобы ее не заметил какой-нибудь крадущийся мимо зверь. В те времена человек никогда не оставался в темноте один, если не считать таких редких случаев, как этот. Поколение за поколением он учился бояться мрака, а теперь нам, его бедным потомкам, приходится с мучительным трудом отучаться от этого страха. Эвдена, по годам женщина, сердцем была как дитя. Она сидела так тихо, бедная маленькая зверушка, как заяц, которого вот-вот вспугнут собаки.

На небе высыпали звезды и смотрели на нее, только это ее чуть-чуть и успокаивало. Она подумала, что вон та яркая звездочка немного похожа на Уг-Ломи. Затем ей представилось, что это и на самом деле Уг-Ломи. А рядом с ним, красная и тусклая,— это Айя, и за ночь Уг-Ломи убежал от него вверх по небу.

Эвдена попыталась разглядеть брата людей — Огонь, охраняющий становище от диких зверей, но его не было видно. Она услышала, как далеко-далеко затрубили мамонты, спускаясь к водопою, а один раз, мыча, как теленок, мимо пробежал, тяжело топая, кто-то

огромный, но кто, ей разглядеть не удалось. По голосу она решила, что это Яаа, носорог, который дерется носом, ходит всегда в одиночку и без всякой причины впадает в ярость.

Наконец маленькие звезды начали исчезать, за ними и большие. Вот так и все живое скрывалось при появлении Ужаса. Скоро должно было взойти солнце — такой же властелин небес, как медведь — властелин леса. Эвдена попробовала представить себе, что случилось бы, если бы какая-нибудь из звезд дождалась его. Но тут небо побледнело и занялась заря.

Когда стало совсем светло, страх Эвдены перед тем, что таилось в лесу, прошел, и она отважилась спуститься на землю. Руки и ноги ее занемели, но не так, как (при вашем воспитании) занемели бы у вас, дорогая читательница, и, поскольку она не была приучена есть по меньшей мере каждые три часа, а наоборот, ей приходилось иногда по три дня обходиться без пищи, голод ее не слишком мучил. Она осторожно соскользнула с дерева и, крадучись, стала пробираться по лесу, но стоило прыгнуть белке или оленю промчаться мимо, как ужас перед медведем леденил кровь в ее жилах.

Она хотела только одного — найти своих. Одиночества она боялась теперь больше, чем Айи-Хитреца. Однако накануне она бежала куда глаза глядят и теперь не знала, в какой стороне становище и нужно ли идти по направлению к солнцу или от него. Время от времени она останавливалась и прислушивалась, и наконец до нее донеслось слабое, мерное позвякивание. Хотя утро стояло тихое, звук был еще слышен, и ей стало ясно, что раздается он где-то далеко. Но она знала: это человек затачивает кремень.

Скоро деревья начали редеть, потом путь ей преградила густая крапива. Эвдена обошла ее и увидела знакомое ей упавшее дерево, вокруг которого с гудением носились пчелы. Еще несколько шагов, и вдалеке показался холм, и река у его подножия, и дети, и бегемоты — все, как вчера,— и тонкая струйка дыма, колеблющаяся под утренним ветерком. Вдали у реки темнели заросли ольхи, где она пряталась накануне. При виде их ее вновь охватил страх перед Айей, и, нырнув в густой папоротник, откуда тотчас выскочил кролик, она притаилась там, чтобы посмотреть, что делается в становище.

Мужчин не было видно, только Вау, как всегда, изготовлял что-то из кремня, и это ее успокоило. Они, без сомнения, ушли на поиски пищи. Некоторые женщины бродили по отмели у подножия холма, ища мидий, улиток и раков, и, увидев, чем они занимаются, Эвдена почувствовала, что голодна. Она поднялась и побежала к ним через папоротник. Но, сделав несколько шагов, услышала, что кто-то тихо зовет ее. Она остановилась. За ее спиной послышался шорох, и, обернувшись, она увидела, что из папоротника поднимается Уг-Ломи. На лице его засохли полосы грязи и крови, глаза свирепо сверкали, а в руке он держал белый камень Айи, белый Огненный камень, к которому никто, кроме Айи, не смел прикасаться. Одним прыжком он очутился возле Эвдены и схватил ее за плечо. Он повернул ее и толкнул к лесу.

— Айя,— шепнул он и махнул рукой.

Она услышала крик и, оглянувшись, увидела, что женщины, выпрямившись, смотрят на них, а две уже выходят на берег. Затем где-то ближе раздались громкие вопли, и бородатая старуха, стерегущая Огонь на холме, замахала руками, и Вау, который до того сидел и обтачивал кремень, вскочил на ноги. Даже маленькие дети с криком спешили к ним.

— Бежим,— сказал Уг-Ломи и потянул ее за руку.

Она все еще не понимала.

— Айя сказал мне слово смерти! — крикнул Уг-Ломи, и она оглянулась на приближавшуюся к ним изогнутую цепь вопящих людей и поняла.

Вау, все женщины и дети, визжа и воя, подходили все ближе — нестройная толпа коричневых фигур с всклокоченными волосами. С холма поспешно спускались двое юношей. Справа в зарослях папоротника показался мужчина, отрезая им путь к лесу. Уг-Ломи отпустил плечо Эвдены, и они побежали бок о бок, перепрыгивая через папоротники. Зная, как быстро умеют бегать они с Уг-Ломи, Эвдена громко засмеялась, подумав, что преследователи ни за что не догонят их. Ведь у них были для тех времен необычно длинные и стройные ноги.

Вскоре поляна осталась позади, и Эвдена с Уг-Ломи бежали уже среди каштанов. Они не испытывали страха перед лесом, потому что были вдвоем, и замедлили бег, и так уж не очень быстрый. Вдруг Эвдена закричала и показала на что-то; Уг-Ломи увидел мелькающих между стволами мужчин, бегущих ему наперерез. Эвдена уже бросилась бежать в сторону. Он кинулся следом за ней, и тут к ним из-за деревьев донеслось яростное рычание Айи.

Тогда в их сердца закрался страх, но не тот, что вызывает оцепенение, а тот, что делает движения человека стремительными и бесшумными. Погоня приближалась к ним с двух сторон. Они оказались как бы зажатыми в угол. Справа, ближе к ним, тяжелой поступью быстро приближались мужчины — впереди бородатый Айя, с лосиным рогом в руке; слева, рассыпавшись, как пригоршня зерна по полю — желтые пятна на зелени папоротника и травы,— бежали Вау, и женщины, и даже маленькие дети, игравшие на отмели. Обе группы преследователей уже настигали беглецов. Они бросились вперед — Эвдена, за ней Уг-Ломи.

Они знали, что пощады им не будет. Для людей тех давних времен не было охоты приятней, чем охота на человека. Едва ими овладевал азарт погони, еще непрочные ростки человечности исчезали без следа. А к тому же Айя ночью отметил Уг-Ломи словом смерти. Уг-Ломи был добычей этого дня, предназначенной на растерзание.

Они бежали прямо вперед, не разбирая дороги, в этом было их единственное спасение: заросли жгучей крапивы, солнечная прогалинка, островок травы, из которой с хриплым рычанием метнулась от них гиена. Затем снова лес — обширные пространства покрытой листьями и мхом земли под зелеными стволами деревьев. Дальше крутой лесистый склон и снова уходящие вдаль стволы, поляна, поросшее сочной зеленой травой болото, опять открытое место и

заросли колючей куманики, через которые вела звериная тропа. Погоня растянулась, многие преследователи отстали, но Айя бежал чуть не по пятам за ними.

Легким шагом, нисколько не запыхавшись, Эвдена по-прежнему бежала впереди — ведь Уг-Ломи нес Огненный камень.

Это сказалось на быстроте его бега не сразу, а спустя некоторое время. Вот топот его ног за спиной Эвдены стал стихать. Оглянувшись в то время, как они пересекали еще одну поляну, Эвдена увидела, что Уг-Ломи сильно отстал, а Айя настигает его и уже замахнулся рогом, чтобы поразить Уг-Ломи. Вау и другие только показались из-под сени леса.

Поняв, в какой Уг-Ломи опасности, Эвдена свернула в сторону и, замахав руками, громко крикнула в тот самый миг, когда Айя метнул рог. Ее крик предупредил Уг-Ломи, и он быстро наклонился, так что рог пролетел над ним, лишь слегка задев и оцарапав кожу на голове. Уг-Ломи сразу обернулся, обеими руками поднял над головой Огненный камень и швырнул его прямо в Айю, который с разгона не сумел остановиться. Айя закричал, но не успел увернуться. Тяжелый камень ударил его прямо в бок, и, зашатавшись, он рухнул на землю, даже не вскрикнув. Уг-Ломи поднял рог — один из отростков был окрашен его же кровью — и снова пустился бежать, а из-под волос его текла красная струйка.

Айя перекатился на бок, полежал немного, а потом вскочил и продолжал погоню, но и он бежал теперь куда медленней. Лицо его посерело. Его обогнал Вау, потом и другие, а он кашлял, задыхался, но не сдавался и все бежал за Уг-Ломи.

Наконец беглецы достигли реки — тут она была узкой и глубокой. Они все еще были шагов на пятьдесят впереди Вау, ближайшего из преследователей человека, изготовлявшего метательные кремни. В каждой руке у него было зажато по большому кремню в форме устрицы, но в два раза больше ее, с остро отточенными краями.

Беглецы прыгнули с крутого берега в реку, пробежали несколько шагов вброд, в два-три взмаха переплыли глубокое место, и, роняя капли с мокрого тела, освеженные, выбрались из воды и стали карабкаться на другой берег, подмытый и густо поросший ивняком. На него нелегко было подняться, и в то время как Эвдена пробиралась сквозь серебристые ветви, а Уг-Ломи еще не вышел из воды — ему мешал лосиный рог,— на противоположном берегу появился Вау, и искусно брошенный кремневый дротик расшиб Эвдене колено. Напрягая последние силы, она выбралась наверх и упала.

Они услышали, что их преследователи обменялись возгласами. Уг-Ломи взбирался к Эвдене, кидаясь из стороны в сторону, чтобы Вау не мог в него попасть; второй кремень все же задел его ухо, и он услышал внизу под собой всплеск воды.

И тут Уг-Ломи, юнец, показал, что он стал мужчиной. Бросившись вперед, он заметил, что Эвдена хромает и не может бежать быстро. Тогда, издав свирепый клич, он устремился мимо нее обратно на берег, размахивая над головой лосиным рогом; его окровав-

ленное, искаженное яростью лицо было страшно. А Эвдена упорно продолжала бежать, хотя хромала при каждом шаге, и боль в ноге все усиливалась.

И вот, когда Вау, цепляясь за ветки ивы, поднялся над краем обрыва, он увидел над собой на фоне голубого неба громадного, как утес, Уг-Ломи, увидел, как он, откинувшись всем телом, замахнулся, крепко сжимая в руках лосиный рог. Рог со свистом рассек воздух, и... больше Вау уже ничего не видел. Вода над ивами закружилась воронкой, и по ней стало расплываться большое темно-красное пятно. Айя, войдя в воду следом за Вау, прошел несколько шагов и остановился по колено в воде, а мужчина, который уже переплывал реку, повернул обратно.

Остальные преследователи — ни один из них не был особенно силен (Айя отличался скорее хитростью, чем крепостью мышц, и не терпел соперников, которые могли оказаться сильнее его),— увидев страшного, окровавленного Уг-Ломи, который стоял на высоком берегу и, прикрывая хромающую девушку, размахивал огромным рогом, тотчас замедлили бег. Казалось, Уг-Ломи вошел в поток юношей, а вышел из него взрослым мужчиной.

Он знал, что у него за спиной широкий, покрытый травой луг, а за ним — чащи, в которых Эвдена сможет укрыться. Это он сознавал ясно, хотя его умственные способности были еще слишком слабо развиты, чтобы он мог себе представить, что будет дальше. Айя, безоружный, стоял по колено в воде, не зная, на что решиться. Массивная челюсть его отвисла, обнажив волчьи зубы; он часто и тяжело дышал. Волосатый бок побагровел и вздулся. Стоявший рядом с ним человек держал в руках дубинку с заостренным концом. Один за другим на высоком берегу появлялись остальные преследователи — волосатые длиннорукие люди, вооруженные камнями и палками. Двое из них побежали по берегу вниз, туда, где Вау выплыл на поверхность и из последних сил боролся с течением. Они уже вошли в реку, но тут он снова скрылся под водой. Двое других, стоя на берегу, осыпали Уг-Ломи бранью. Он отвечал им злобными криками, невнятными угрозами, жестами. Тогда Айя, все еще размахивая кулаками, бросился в воду. Остальные последовали за ним.

Уг-Ломи оглянулся и увидел, что Эвдена уже скрылась в чаще. Он, возможно, и подождал бы Айю, но тот предпочел грозить ему кулаками, не выходя из воды, пока к нему не подоспели остальные. В те дни, нападая на врага, люди придерживались тактики волчьей стаи и кидались на него скопом. Уг-Ломи, почувствовав, что сейчас они все бросятся на него, метнул в Айю лосиным рогом и, повернувшись, пустился бежать.

Когда, добежав до тенистой чащи, он приостановился и посмотрел назад, то увидел, что только трое из преследователей переплыли вслед за ним реку, да и те возвращаются обратно. Айя уже стоял на том берегу потока, ниже по течению; рот его был в крови, и он прижимал руку к раненому боку. Остальные вытаскивали что-то из воды на берег. На время по крайней мере охота приостановилась.

Сперва Уг-Ломи наблюдал за ними, сердито рыча, когда взгляд его падал на Айю. Потом повернулся и нырнул в чащу.

Через мгновение к нему быстро подбежала Эвдена, и они рука об руку двинулись дальше. Он, хотя и смутно, сознавал, что у нее болит разбитое колено, и выбирал самый легкий путь. Они шли весь день, не останавливаясь, миля за милей, через леса и чащи, пока не вышли к покрытым травой меловым холмам, где изредка попадались буковые перелески, а по берегам рек росла береза, и вот перед ними встали горы Уилдна, у подножия которых паслись табуны диких лошадей. Они шли, настороженно оглядываясь, держась поближе к зарослям, так как места эти были им незнакомы и все вокруг казалось непривычным. Они поднимались все выше, и вдруг у их ног голубой дымкой легли каштановые леса и до самого горизонта раскинулась, поблескивая серебром, болотистая пойма Темзы. Людей они не видели: в те дни люди только-только появились в этой части света и очень медленно продвигались вдоль рек в глубь страны. К вечеру они снова вышли к реке, но тут она текла в теснине, между крутыми меловыми обрывистыми берегами, кое-где нависавшими над водой. Под самой кручей полоской тянулся молодой березовый лесок, где порхало множество птиц. А наверху, возле одинокого дерева, виднелся небольшой уступ, и на нем они решили провести ночь.

Со вчерашнего дня они почти ничего не ели: для ягод еще пора не наступила, а задержаться, чтобы поставить силок или ждать в засаде какого-нибудь зверя, у них не было времени. Голодные, усталые, они молча брели, с трудом передвигая ноги, и грызли побеги деревьев и их листья. Но все же по скалам лепилось множество улиток, в кустах они нашли только что снесенные яйца какой-то птички, а потом Уг-Ломи убил камнем белку, прыгавшую на буке, и они наконец наелись досыта. Всю ночь Уг-Ломи просидел на страже, уткнувшись подбородком в колени; он слышал, как совсем рядом лаяли лисята, трубили у воды мамонты и где-то вдалеке пронзительно кричали и хохотали гиены. Он озяб, но не решался развести костер. Стоило Уг-Ломи задремать, как его дух покидал его и сразу встречался с духом Айи, и они сражались. И каждый раз его охватывало какое-то оцепенение, и он не мог ни нанести удара, ни убежать, и тут он внезапно просыпался. Эвдене тоже снились нехорошие сны про Айю, и когда они оба проснулись, в их душе был страх перед ним; при свете утренней зари они увидели, что по долине бредет волосатый носорог.

Целый день они ласкали друг друга и радовались солнечному теплу и свету: нога у Эвдены совсем онемела, и девушка до самого вечера просидела на уступе. Уг-Ломи нашел большие кремни, вкрапленные в мел на обрыве,— он еще никогда не видел таких больших,— и, подтащив несколько штук к уступу, начал их обтесывать, чтобы у него было оружие против Айи, когда тот снова придет. Один камень показался ему смешным, и он от всего сердца расхохотался, и Эвдена смеялась тоже, и со смехом они бросали его друг другу. В нем была дыра. Они просовывали в нее пальцы, и это казалось им очень смешным. Потом они посмотрели сквозь нее друг на друга.

Уг-Ломи взял палку и ударил по этому глупому камню, но палка вошла в дыру и застряла там. Он сунул ее туда с такой силой, что никак не мог вытащить. Это было странно... уже не смешно, а страшно, и сперва Уг-Ломи даже боялся трогать камень: можно было подумать, что камень вцепился в палку зубами и держит ее. Но затем Уг-Ломи привык к этому странному сочетанию, которое он не мог разнять. Он стал размахивать палкой и заметил, что благодаря тяжелому камню на конце она наносит удары сильнее, чем любое другое оружие. Он ходил взад и вперед, размахивая палкой и ударяя ею по разным предметам, потом ему это наскучило, и он отбросил ее. Днем он поднялся на самый верх обрыва и лег в засаду возле кроличьих нор, поджидая, когда кролики выйдут играть. В тех местах не водилось людей, и кролики были беспечны. Он кинул в них метательным камнем и одного убил.

В эту ночь они высекли кремнем огонь, и развели костер из сухого папоротника, и, сидя у огня, разговаривали и ласкали друг друга. А когда они уснули, к ним снова пришел дух Айи, и в то время как Уг-Ломи безуспешно пытался побороть его, глупый камень на палке внезапно очутился у него в руке, он ударил им Айю, и — о чудо! — камень его убил. Но потом Айя снился ему опять и опять — духа не убьешь за один раз! — и снова приходилось его убивать. В конце концов камень не захотел больше держаться на палке. Проснулся Уг-Ломи усталый и довольно мрачный и весь день оставался угрюмым, несмотря на ласки Эвдены; вместо того чтобы пойти на охоту, он снова поднялся и принялся обтачивать удивительный камень и странно на нее поглядывал. А потом он еще привязал этот камень к палке полосками из кроличьей шкурки. Вечером он расхаживал по уступу, наносил куда придется удары своей новой палкой — приятно было ощущать в руке ее тяжесть — и что-то бормотал про себя. Он думал об Айе.

Несколько дней (больше, чем в те времена люди могли сосчитать, может быть, пять, а может, шесть) провели Уг-Ломи и Эвдена на этом уступе над рекой; они совсем перестали бояться людей, и костер их ярко горел по ночам. Им было хорошо друг с другом; они каждый день ели, пили свежую воду и не опасались врагов. Колено у Эвдены зажило уже через два-три дня,— у первобытных людей все очень быстро заживало. Они были вполне счастливы.

В один из этих дней Уг-Ломи столкнул вниз обломок камня. Он увидел, как камень упал и, подпрыгивая, покатился по берегу в реку. Засмеявшись и немного поразмыслив, он столкнул другой. Этот самым потешным образом смял ветки на кусте орешника. Все утро они забавлялись тем, что бросали с уступа камни, а к вечеру обнаружили, что этой новой интересной игрой можно заниматься и стоя на самом верху кручи. На следующий день они забыли об этом развлечении. Так по крайней мере казалось.

Но Айя являлся им во сне и портил их блаженную жизнь. Три ночи он приходил сражаться с Уг-Ломи. Проснувшись утром после этих снов, Уг-Ломи беспокойно мерил шагами уступ и, размахивая своим топором, посылал Айе угрозы. А потом Уг-Ломи удалось раз-

мозжить голову выдре, и они с Эвденой устроили пир, и в эту ночь Айя зашел слишком далеко. На следующее утро Уг-Ломи проснулся, сердито насупив мохнатые брови, взял топор и, протянув к Эвдене руку, велел ей дожидаться его на уступе. Затем он спустился под откос, у подножия бросил еще один взгляд наверх и взмахнул топором: затем, ни разу больше не оглянувшись, широким шагом пошел вдоль берега реки и наконец скрылся у излучины за нависшим над водой утесом.

Два дня и две ночи просидела Эвдена у костра на уступе, поджидая Уг-Ломи; по ночам у нее над головой и в долине выли дикие звери, а по утесу напротив, черными силуэтами вырисовываясь на фоне неба, крадучись, проходили в поисках добычи горбатые гиены. Но ничто дурное, кроме страха, не посетило ее. Один раз далеко-далеко она услышала рыканье льва, который охотился на лошадей, переходивших с наступлением лета на северные пастбища. Все это время она ждала — и ожидание это было мукой.

На третий день Уг-Ломи вернулся с низовья реки. В волосах его торчали перья ворона. На первом в истории человечества топоре были пятна крови и прилипшие длинные черные волосы, а в руке он нес ожерелье, украшавшее прежде подругу Айи. Он шел по сырым местам, не обращая внимания на то, что оставляет за собой следы. Если не считать кровоточащей раны под подбородком, он был цел и невредим.

— Айя! — с торжеством закричал Уг-Ломи, и Эвдена поняла, что все хорошо.

Он надел на нее ожерелье, и они стали есть и пить. А потом он принялся рассказывать ей все с самого начала, как Айя впервые приметил Эвдену и как,в то время когда Уг-Ломи сражался с Айей в лесу, их стал преследовать медведь; недостаток слов он восполнял избытком жестов, вскакивая на ноги и размахивая каменным топором, когда доходил в своем рассказе до схваток. Последняя из них была самой жаркой,— изображая ее, он топал ногами, кричал и раз так ударил по костру, что в ночной воздух взлетел целый сноп искр. А Эвдена, багряная в свете костра, сидела, пожирая его глазами; лицо ее пылало, глаза сверкали, на шее поблескивало ожерелье, сделанное Айей. Это была изумительная ночь, и звезды, смотрящие сейчас на нас, смотрели на Эвдену — нашу прародительницу,— умершую пятьдесят тысяч лет назад.

ГЛАВА II

Пещерный медведь

В те дни, когда Эвдена и Уг-Ломи бежали от племени Айи через леса сладкого каштана и покрытые травой меловые холмы к одетым елью горам Уилдна и скрылись наконец у реки, зажатой между крутыми белыми берегами, людей еще было мало, и их становища лежали далеко друг от друга. Ближе всего к беглецам находились люди их племени, но до них был целый день пути вниз по реке, а в ее

верховьях среди гор людей не было вовсе. В те отдаленные времена человек еще только начал появляться в этих местах и медленно, поколение за поколением двигался вдоль рек, перенося свои становища все дальше на северо-восток. Звери, которые владели этими землями,— бегемоты и носороги в речных поймах, дикие лошади на покрытых травой равнинах, серые обезьяны на ветвях, олени и кабаны в лесных чащах, быки предгорий, не говоря уже о живших в горах мамонтах или слонах, которые приходили сюда на лето с юга,— нисколько не боялись человека. И у них не было причин для страха: ведь его единственным оружием против копыт и рогов, зубов и когтей были грубо обработанные кремни, которые он в то время еще не догадался насадить на рукоятку и кидал не слишком метко, да жалкие заостренные палки.

Энду, уважаемый всеми громадный, мудрый медведь, обитавший в пещере там, где река скрывалась в теснине, ни разу в жизни не встречал человека. И вот однажды ночью, рыская в поисках добычи у края обрыва, он увидел яркое пламя костра на уступе, Эвдену в красных отблесках огня и Уг-Ломи, который, встряхивая гривой волос и потрясая топором — Первым Каменным Топором,— расхаживал по уступу, повествуя, как он убил Айю, а на белой стене утеса плясала гигантская тень, повторяя все его движения. Медведь стоял далеко, у начала ущелья, и эти неведомые существа показались ему скошенными и приплюснутыми. От удивления он застыл на краю обрыва, втягивая носом незнакомый запах горящего папоротника и раздумывая, не занимается ли нынче заря на новом месте.

Он был властелином скал и пещер, он — пещерный медведь, как его младший брат, серый медведь, был властелином густых лесов у подножия гор, а пятнистый лев (шкуру львов в те времена украшали пятна) — властителем колючих кустарников, тростниковых зарослей и открытых равнин. Он был самым крупным из хищников и никого не боялся; на него никто не охотился, никто не осмеливался с ним сражаться; с одним только носорогом справиться ему было не под силу. Даже мамонт избегал его владений. И появление этих существ привело его в недоумение. Он заметил, что они по виду напоминают обезьян и покрыты редкими волосами, наподобие молочных поросят.

— Обезьяна и молодая свинья,— сказал пещерный медведь,— должно быть, недурно на вкус. Но это красное прыгающее чудище и черное, которое прыгает вон там вместе с ним! Никогда в жизни я не видел ничего подобного!

Он медленно пошел к ним по краю обрыва, то и дело останавливаясь, чтобы рассмотреть их получше и втянуть носом воздух: неприятный запах от костра становился все сильнее. Две гиены были тоже так поглощены этим зрелищем, что Энду, ступавший легко и мягко, подошел к ним вплотную, прежде чем они его заметили. Они с виноватым видом шарахнулись в сторону и кинулись бежать.

Описав кривую, они остановились шагах в ста от него и приня-

лись пронзительно завывать и осыпать его бранью, чтобы отплатить за свой испуг.

— Я-ха,— вопили они,— кто не может сам себе выкопать нору? Кто, как свинья, ест корни? Я-ха!

У гиен уже в те времена были столь же дурные манеры, как и теперь.

— Кто станет отвечать гиене? — проворчал Энду, вглядываясь в них сквозь туманную мглу и снова подходя к самому краю обрыва.

Уг-Ломи все еще продолжал рассказывать, костер догорал, и от кучи тлевших листьев шел едкий дым.

Некоторое время Энду простоял на краю мелового обрыва, тяжело переминаясь с ноги на ногу и покачивая головой; пасть его была раскрыта, уши насторожены, ноздри большого черного носа втягивали в себя воздух. Он был очень любопытен, этот пещерный медведь, куда любопытней нынешних медведей. Вид мерцающего пламени, непонятные телодвижения человека, не говоря уже о том, что человек вторгся в те места, где медведь считал себя неограниченным владыкой, вызвали в нем предчувствие неведомых событий. В ту ночь он выслеживал олененка — пещерный медведь охотился за самой разной добычей,— но встреча с людьми отвлекла его.

— Я-ха,— визжали гиены у него за спиной.— Я-ха-ха!

При свете звезд Энду увидел на фоне серого склона холма уже три или четыре тени кружащих на одном месте гиен. «Теперь они не отстанут от меня всю ночь... пока я кого-нибудь не убью,— подумал Энду.— Грязные твари!» И главным образом, чтобы досадить гиенам, он решил стеречь красное мерцание на уступе, пока рассвет не прогонит это отребье в их логова. Спустя некоторое время гиены исчезли, и он слышал, как они кричали и хохотали, точно компания ночных гуляк, далеко в буковом лесу. Затем они снова, крадучись, приблизились к нему. Он зевнул и двинулся вдоль обрыва, но гиены затрусили за ним. Тогда он остановился и пошел обратно.

Была великолепная ночь, на небе сверкали бесчисленные звезды, те же самые звезды, к которым привыкли мы, но не в тех созвездиях, ибо с тех пор прошло столько времени, что звезды успели переменить свои места. По ту сторону широкого луга, где с воем рыскали поджарые гиены с массивными передними лапами, темнел буковый лес, а за ним, почти невидимые во мгле, поднимались горы,— только снежные вершины, белые, холодные, четко вырисовывались на ночном небе, тронутые первыми бликами еще не взошедшей луны. Стояла всеобъемлющая тишина, лишь время от времени ее нарушал вой гиен, да вдалеке у подножия гор трубили бредущие с юга слоны, и легкий ветерок доносил сюда их перекличку. Внизу красное мерцание съежилось, перестало плясать и побагровело. Уг-Ломи окончил свой рассказ и готовился ко сну, а Эдена сидела, прислушиваясь к незнакомым голосам неведомых зверей, и смотрела, как на востоке в темном небе забрезжила светлая полоса, возвещая восход луны. Внизу вела свой неумолчный разговор река и проходили неразличимые в темноте звери.

Постояв немного, медведь ушел, но через час возвратился. За-

тем, будто ему неожиданно пришло что-то в голову, он повернул и двинулся вверх по реке...

Ночь близилась к концу; Уг-Ломи спал. Поднялась ущербная луна и озарила высокий белый обрыв бледным, неверным светом; ущелье, где бежала река, оставалось в тени и стало как будто еще темнее. Наконец совсем незаметно, крадучись, неслышными шагами, по пятам лунного света пришел день. Эвдена взглянула на край обрыва над своей головой и второй раз и третий. Нет, она ничего не заметила на фоне светлого неба, и все же у нее возникло чувство, что там кто-то прячется. Костер становился все более багровым, покрывался серым налетом пепла, и уже можно было различить вертикальную струйку дыма над ним, а в дальних концах ущелья все, что растворялось раньше во тьме, стало явственнее проступать в сером свете рождающегося дня. Она незаметно задремала.

Внезапно Эвдена вскочила на ноги и, запрокинув голову, настороженно стала оглядывать обрыв.

Она издала чуть слышный звук, и Уг-Ломи, который спал чутко, как зверь, в тот же миг проснулся. Он схватил топор и бесшумно подошел к ней.

Еще только светало, весь мир был окутан черными и темно-серыми тенями, и на небе еще замешкалась одна чуть видная звездочка. Уступ, на котором они стояли, представлял собой небольшую, шагов шесть в ширину и около двадцати в длину, покатую площадку; она поросла травой, и недалеко от края к небу тянулся крошечный кустик зверобоя. Под ними белый обрыв круто уходил вниз футов на пятьдесят, в заросли орешника, окаймлявшего реку. Ниже по течению склон становился более пологим, и тощая травка покрывала его до самого гребня. Над ними на сорок — пятьдесят футов мел, как это обычно бывает, уходил вверх одной сплошной выпуклой массой, но сбоку от уступа тянулась почти вертикальная трещина, поросшая чахлыми кустами, цепляясь за которые Эвдена и Уг-Ломи поднимались и спускались с уступа.

Они стояли, застыв, как вспугнутые олени, напряженно вглядываясь и вслушиваясь. Сначала ничего не было слышно, потом из расселины донесся шорох осыпающейся земли и потрескивание веток.

Уг-Ломи крепче сжал топор и подошел к краю площадки, так как выпуклость склона над уступом заслоняла верхнюю часть трещины. И тут его сердце замерло от страха,— он увидел огромного пещерного медведя, который спускался, осторожно нащупывая плоской ступней точку опоры, и уже находился на полпути до уступа. Он был обращен к Уг-Ломи задом; цепляясь за выступы в скале и за кусты, медведь совсем распластался над обрывом, но выглядел от этого ничуть не меньше. От блестящего кончика носа до хвоста-огрызка он был длиной с целого льва и еще половину льва, длиной в двух высоких людей. Он поглядывал через плечо, и от усилия, с которым ему приходилось удерживать в равновесии свою тяжелую тушу, его огромная пасть была широко разинута и язык вывалился наружу.

Он нащупал место, куда поставить лапу, и спустился еще на фут.

— Медведь,— сказал Уг-Ломи, обернувшись; лицо его было совсем белым.

Но Эвдена с ужасом в глазах указывала вниз.

У Уг-Ломи отвисла челюсть. Внизу, под ними, упершись большими передними лапами в скалу, стояла другая серо-коричневая громада — медведица! Не такая большая, как Энду, она все-таки была очень велика.

Внезапно Уг-Ломи вскрикнул и, схватив горсть разбросанных по уступу листьев папоротника, кинул их на покрытые серым пеплом угли костра.

— Брат Огонь! — закричал он.— Брат Огонь!

Выйдя из оцепенения, Эвдена стала тоже собирать листья.

— Брат Огонь, помоги! Помоги, Брат Огонь!

Жар еще теплился в сердце Брата Огня, но он погас, когда они его разбили.

— Брат Огонь! — кричали они.

Но он зашипел и умер — от него остался один пепел. Уг-Ломи затопал ногами от ярости и ударил по черному пеплу кулаком. А Эвдена принялась бить огненным камнем о кремень. Глаза их то и дело обращались к трещине, по которой спускался Энду.

— Брат Огонь!

Вдруг из-под выступа, который скрывал их от глаз медведя, показались его покрытые густой шерстью задние лапы. Он продолжал осторожно опускаться по почти вертикальному обрыву. Головы его еще не было видно, но они слышали, как он разговаривал сам с собой.

— Свинья и обезьяна,— бормотал он.— Это, должно быть, недурно.

Эвдена выбила искру и подула на нее; искра вспыхнула и... погасла. Тогда она бросила кремень и огненный камень и растерянно посмотрела вокруг.

Потом вскочила и стала карабкаться на обрыв над уступом. Как она удержалась там хотя бы мгновение, трудно себе представить, так как обрыв поднимался совершенно отвесно и даже обезьяна не нашла бы, за что было уцепиться. Через несколько секунд, ободрав до крови руки, она снова соскользнула вниз.

Уг-Ломи метался по уступу, подбегая то к его краю, то к расселине. Он не знал, что делать, он ничего не мог придумать. Медведица казалась меньше своего супруга... куда меньше. Если они вместе бросятся на нее, один, может быть, останется в живых.

— Ух! — сказал медведь, и, обернувшись, Уг-Ломи увидел маленькие глазки Энду, устремленные на него из-за выступа.

Эвдена, съежившись от страха на другом конце площадки, завизжала, как пойманный заяц.

Когда Уг-Ломи услышал это, он словно обезумел. Подняв топор, он с громким криком бросился к Энду. Чудовище хрюкнуло от изумления. Через секунду он уцепился за куст прямо под медведем, а еще через мгновение, ухватившись за складку под его нижней челюстью, уже висел у него на спине, потонув в густом мехе. Медведь так был

поражен этим дерзким нападением, что только и мог прижаться к скале. И тут топор, Первый Топор, гулко ударил его по черепу.

Медведь заворочал головой из стороны в сторону и раздраженно зарычал. Тут топор впился в кожу над левым глазом, и глаз залила горячая кровь. Наполовину ослепнув, зверь заревел от удивления и злости, и его зубы лязгнули в шести дюймах от лица Уг-Ломи. Но в это мгновение топор тяжело опустился на самую челюсть.

Следующий удар ослепил правый глаз и вызвал новый рев, теперь уже рев боли. Эвдена увидела, как огромная плоская ступня вдруг начала скользить и медведь тут же неуклюже прыгнул в сторону, как будто собираясь попасть на уступ. Затем все исчезло, и снизу донесся треск орешника, рев боли и перебивавшие друг друга крики и рычание.

Эвдена пронзительно взвизгнула и, кинувшись к краю площадки, поглядела вниз. На какой-то миг все смешалось в одну кучу — человек и медведи, но Уг-Ломи был сверху и в следующее мгновение одним прыжком достиг расселины и начал взбираться на уступ, а медведи продолжали кататься среди кустарника, терзая друг друга. Однако топор Уг-Ломи остался внизу, а на его бедре багровели три красные полоски, заканчивавшиеся крупными каплями крови.

— Наверх! — закричал он, и Эвдена начала взбираться по трещине к вершине обрыва.

Вскоре они очутились в безопасности наверху — сердца гулко колотились у них в груди,— а Энду с супругой остались на дне ущелья. Энду сидел на задних лапах и быстро тер передними морду, пытался согнать с глаз слепоту, а взъерошенная медведица стояла в стороне, опираясь на все четыре лапы, и сердито рычала. Уг-Ломи кинулся плашмя на траву и, уткнув лицо в ладони, застыл; он тяжело дышал, из его ран струилась кровь.

Несколько мгновений Эвдена смотрела на медведей, затем подошла к Уг-Ломи, села рядом и устремила на него пристальный взгляд.

Вскоре она робко протянула руку и, прикоснувшись к его плечу, издала гортанный звук — его имя. Он повернулся и приподнялся на локте. Лицо его было бледно, как у тех, кто боится. Мгновение он пристально смотрел на нее и вдруг засмеялся.

— Ва! — сказал он, ликуя.

— Ва! — ответила она.

Примитивный, но выразительный разговор.

Уг-Ломи встал, затем опустился рядом с ней на четвереньки, заглянул вниз и внимательно осмотрел ущелье. Дыхание его стало ровным, кровь из ноги больше не сочилась, хотя рваные царапины от когтей медведицы еще не затянулись. Он присел на корточки и принялся разглядывать следы медведя-великана, ведшие к расселине,— они были шириной с его голову и в два раза длиннее. Потом вскочил на ноги и пошел вдоль края обрыва до того места, с которого мог увидеть уступ. Здесь он опустился на землю и задумался, а Эвдена смотрела на него. Вскоре она заметила, что медведи ушли.

Наконец Уг-Ломи поднялся, очевидно, приняв какое-то решение.

Он вернулся к расселине, Эвдена подошла к нему, и они вместе спустились на уступ. Они взяли огненный камень и кремень, и затем очень осторожно Уг-Ломи спустился в ущелье и отыскал свой топор. Стараясь как можно меньше шуметь, они поднялись наверх и быстрым шагом пошли прочь. Уступ больше не мог служить им убежищем, раз их стали навещать такие соседи. Уг-Ломи нес топор, Эвдена — огненный камень. Вот как просто переезжали на новую квартиру в эпоху палеолита!

Они шли вверх по течению реки, хотя это могло привести их прямо к логову медведя, но другого пути для них не было. В низовье жило их племя, а разве Уг-Ломи не убил Айю и Вау? А уйти от воды они не могли: ведь им надо было пить.

Они шли буковым лесом, а ущелье становилось все глубже, и вот уже река пенящимся потоком неслась в пятистах футах под ними. Из всех изменчивых вещей в нашем изменчивом мире меньше всего меняются направления рек, протекающих в глубоких лощинах. Это была река Уэй, река, которую мы знаем и сегодня; Эвдена и Уг-Ломи, первые люди, появившиеся в этой части земли, проходили по тем самым местам, где сейчас расположены города Гилдфорд и Годалминг. Один раз они заметили серую обезьяну — она прокричала что-то и скрылась, а всю дорогу вдоль края обрыва шел четкий след пещерного медведя-великана.

Внезапно след медведя свернул в сторону от обрыва, и Уг-Ломи подумал, что логовище, наверное, где-то слева. Они пошли дальше, вдоль обрыва, но вскоре им пришлось остановиться. Перед ними была огромная полукруглая выемка — некогда тут обвалился берег. Обвал перегородил ущелье, образовав запруду, которую река, разлившись, прорвала в одном месте. Обвал произошел давным-давно. Земля заросла травой, но стена скал над полукруглой площадкой внизу выемки оставалась белой и гладкой, как в тот день, когда часть берега оторвалась и сползла вниз. У подножия этой белой стены четко вырисовывались темные части пещер. И в то время как Уг-Ломи и Эвдена стояли, глядя на оползень и не испытывая особой охоты его огибать, так как думали, что медвежье логово расположено где-то слева, в том направлении, куда им придется идти, они вдруг увидели сначала одного, затем другого медведя, которые поднимались справа от них по травянистому склону и затем пересекли полукруглую площадку, направляясь к пещерам. Впереди шел Энду, немного прихрамывая на переднюю лапу, и вид у него был унылый; за ним, тяжело ступая, брела медведица.

Эвдена и Уг-Ломи попятились от края обрыва так, что им видны были только спины медведей. И тут Уг-Ломи остановился. Эвдена дернула его за плечо, но он отрицательно покачал головой, и она опустила руку. Уг-Ломи стоял, сжимая в руке топор и глядя на медведей, пока они не скрылись в пещере. Он еле слышно проворчал что-то и потряс топором вслед медведице. А затем, к ужасу Эвдены, вместо того чтобы им потихоньку уйти вдвоем, Уг-Ломи лег на землю и пополз вперед до места, откуда была видна пещера. Это были медведи, а он держался так спокойно, будто подстерегал кроликов!

Он лежал в тени деревьев, весь в пятнах солнечного света, неподвижный, как поваленный ствол. Он думал. А Эвдена с детства знала, что когда Уг-Ломи застывал таким образом, подперев кулаками подбородок, вслед за тем случались небывалые вещи.

Пока он думал, прошло не менее часа. Настал полдень, когда два жалких человечка подошли к краю обрыва, нависшего над медвежьей пещерой. И до самого вечера они отчаянно сражались с огромным обломком известняка, вкатывая его голыми руками, с помощью одних только крепких мышц, вверх по склону из оврага, где он торчал, как шатающийся зуб. В добрых два обхвата, высотой Эвдене по пояс, он ощетинился острыми кремнями. К заходу солнца они установили его у края обрыва над входом в логово большого пещерного медведя.

В тот день беседа в пещере шла вяло. Медведица с обиженным видом — она любила лакомиться мясом кабанов и обезьян — дремала в углу, а Энду занимался тем, что лизал лапу и тер ею морду, чтобы охладить горящие раны. Потом он подошел к самому выходу из пещеры и сел там, щурясь здоровым глазом на вечернее солнце и размышляя.

— Никогда в жизни я не был так поражен,— проговорил он наконец.— Какие страшные звери! Напасть на меня!

— Мне они не нравятся,— отозвалась позади него медведица.

— Более хилых зверей мне никогда не приходилось видеть. И куда это только идет мир! Лапы тощие, как былинки... И как это они не замерзают зимой?

— Очень вероятно, что и замерзают,— сказала медведица.

— Я думаю, это что-то вроде неудавшейся обезьяны.

— Разновидность,— обронила медведица.

Молчание.

— Его успех — чистый случай,— снова начал Энду.— Такие вещи иногда бывают.

— Нет, я все-таки не понимаю, почему ты его отпустил,— проворчала медведица.

Вопрос этот уже неоднократно обсуждался и был решен. Поэтому Энду, умудренный жизненным опытом, на время умолк. Затем перевел разговор на другую тему:

— У него что-то вроде когтя... длинный коготь, сначала он торчал из одной лапы, потом из другой. Всего один коготь. Очень странные звери. У них есть еще такая яркая штука... как блеск, что ходит днем по небу... Только она прыгает... Право, стоит посмотреть. У этой штуки есть корень... И еще она похожа на траву в ветреный день.

— Она кусается? — поинтересовалась медведица.— Если кусается, какая же это трава!

— Нет... не знаю,— сказал Энду.— Но, во всяком случае, любопытная штука.

— Хотела бы я знать, действительно ли они вкусные,— вздохнула медведица.

— На вид — да,— ответил Энду плотоядно. Пещерный медведь,

подобно белому, был убежденным хищником: корни и мед его не интересовали.

Некоторое время медведи молча размышляли, затем Энду снова принялся лечить свой глаз. Солнечные блики на зелени склона перед входом в пещеру становились все золотистее, пока не достигли теплого багряно-янтарного тона.

— Странная это штука — день,— заметил пещерный медведь,— и чересчур длинная, по-моему. Совсем не годится для охоты, всегда слепит мне глаза. И чую куда хуже, чем ночью.

Вместо ответа из темноты донесся хруст. Медведица грызла кость. Энду зевнул.

— Ну что ж,— сказал он.

Подойдя ко входу в пещеру, он высунул наружу голову и стал обозревать окрестность. Он обнаружил, что для того, чтобы увидеть что-нибудь справа от себя, ему приходится поворачивать всю голову. «Ну, к завтрашнему дню глаз, без сомнения, будет видеть как раньше!» — решил Энду.

Он снова зевнул. Над его головой послышался легкий шорох, и с обрыва сорвалась большая глыба известняка; упав в трех футах от его носа, она разлетелась на дюжину неравных осколков, Энду даже подпрыгнул от неожиданности.

Немного придя в себя, он приблизился к обломкам и с любопытством стал их обнюхивать. У них был особенный запах, странным образом вызвавший в его памяти двух светло-коричневых зверьков с уступа. Энду сел, тронул лапой самый большой обломок, затем несколько раз обошел вокруг него, высматривая, нет ли здесь где-нибудь человека.

Когда наступила ночь, Энду отправился вниз по ущелью разведать, не удастся ли ему полакомиться хоть одним из тех, кто жил на уступе. Однако уступ оказался пуст, от красной штуки не осталось и следа, и так как в эту ночь он был голоден, то долго там не мешкал, а поспешил дальше на поиски олененка. О коричневых зверьках он забыл. Энду нашел олененка, но рядом с ним паслась его мать, и она отчаянно защищала детеныша. Ему пришлось оставить олененка, но лань была так разъярена, что продолжала драться, пока наконец Энду не ударил ее лапой по носу и не убил. Мяса в ней, правда, было больше, но зато оно не отличалось нежностью. Медведица, которая шла за ним следом, тоже получила свою долю. На другой день, как это ни странно, сверху на него упал в точности такой же белый камень и разбился вдребезги таким же образом, как и предыдущий.

Однако третий, свалившийся на следующий вечер, попал в цель; он ударил по толстому черепу Энду с такой силой, что по ущелью прокатилось эхо, а осколки брызнули во все стороны. Медведица вышла за ним следом, с любопытством повела носом и тут увидела, что Энду лежит как-то странно, а голова у него мокрая и бесформенная. Медведица была молодая, неопытная, поэтому, пофыркав и несколько раз его лизнув, она решила оставить его в покое, пока у него не пройдет это непонятное настроение, и отправилась на охоту одна.

Она искала детеныша той лани, которую они убили два дня назад, и нашла его. Но ей показалось скучно охотиться одной без Энду, и она повернула к дому еще до того, как начало светать. Небо, покрытое тучами, хмурилось, черные деревья в глубине ущелья казались незнакомыми, и в ее медвежьем мозгу зашевелилось смутное предчувствие беды. Она громко позвала Энду по имени. Отозвалось ей только эхо.

Подходя к пещерам, она заметила в полумраке двух шакалов и услышала затихающий топот; вслед за тем раздался вой гиены, и несколько неуклюжих теней тяжело побежали вверх по склону, а затем остановились и стали насмехаться.

— Властелин скал и пещер, я-ха! — донес ветер их пронзительный крик.

Уныние, охватившее медведицу, перешло вдруг в острую тоску. Она затрусила к логову.

— Я-ха! — визжали гиены, отступая.— Я-ха!

Пещерный медведь лежал уже не так, как раньше, над ним успели потрудиться гиены, и в одном месте из-под шерсти белели ребра. Вся трава вокруг него была усеяна обломками известняка. И в воздухе стоял запах смерти.

Медведица остановилась как вкопанная. Даже сейчас она не могла поверить, что великий Энду, удивительный Энду убит. И тут она услышала над головой какой-то звук, странный звук, похожий немного на крик гиены, но не такой пронзительный и высокий. Она взглянула вверх; ее маленькие, ослепленные разгоравшимся рассветом глазки почти ничего не видели, ноздри трепетали. Там, на краю обрыва, высоко над ней, на розовом фоне утренней зари чернели два небольших косматых шарика — головы Эвдены и Уг-Ломи,— люди осыпали ее насмешками. Разглядеть их как следует она не могла, но слышала хорошо и начала что-то смутно понимать. В ее сердце закралось незнакомое раньше чувство страха перед грозящей неведомой опасностью.

Она принялась рассматривать обломки, разбросанные вокруг Энду. Несколько минут она стояла неподвижно, глядя вокруг и издавая низкое протяжное рычание, почти стон. Затем, все еще не веря, снова подошла к Энду, чтобы в последний раз попытаться его разбудить.

ГЛАВА III

Первый всадник

До того как на свет появился Уг-Ломи, у диких лошадей не бывало с людьми никаких недоразумений. Жили они далеко друг от друга: люди — в чащах и в низинах по берегам рек, лошади — на открытых пастбищах, где росли каштаны и сосны. Случалось, лошадь, отбившись от табуна, попадала в трясину, и скоро кремневые ножи уже кромсали ее тушу, случалось, люди находили растерзанного львом жеребенка и, отогнав шакалов, пировали, пока солнце стояло высоко. Эти древние лошади были серовато-коричне-

вой масти, с тяжелыми бабками, большой головой и жесткими хвостами. Каждую весну, когда равнины покрывались сочной травой, они приходили сюда с юго-востока, вслед за ласточками и перед бегемотами. Приходили небольшими табунами: жеребец, две-три кобылы и один или два сосунка; и у каждого табуна было свое пастбище, которое он покидал, когда начинали желтеть каштаны и с гор Уилдна спускались волки.

Паслись лошади обычно на открытых местах, прячась в тень только в самое жаркое время дня. Они избегали зарослей боярышника и бука, предпочитая отдельные группы деревьев, где можно было не опасаться засады и приблизиться к ним незаметно было очень трудно. Они не вступали в бой с врагом — копыта и зубы пускались в ход только в схватке между соперниками-жеребцами,— но на открытых равнинах их не мог догнать никто, кроме, пожалуй, слона, если бы ему вздумалось за ними погнаться. А человек в те дни казался совершенно безобидной тварью. Ничто не предсказало предкам нашей лошади, какое тяжкое рабство предстоит ее потомкам, им не являлись пророческие видения хлыста, шпор и вожжей, тяжелых грузов и скользких мостовых, вечного голода и живодерен — всего того, что ожидало их вместо широкого раздолья лугов и полной свободы.

В болотистых низовьях Уэй Уг-Ломи и Эвдене никогда не случалось видеть лошадей близко, но теперь они каждый день встречали их, когда выходили на охоту из своего убежища на уступе. Они вернулись на уступ после того, как Уг-Ломи убил Энду: медведицы они не боялись. Медведица сама боялась их и, когда чуяла поблизости, сворачивала в сторону. Они повсюду ходили вместе; с тех пор как они ушли от племени, Эвдена стала не столько его женщиной, сколько его подругой; она даже научилась охотиться — в той мере, конечно, в какой это доступно женщине. Да, она была несравненной женщиной. Уг-Ломи мог часами лежать, подстерегая зверя или обдумывая какую-нибудь новую уловку, а она сидела рядом, устремив на него блестящие глаза и не надоедая ему глупыми советами,— безмолвно, как мужчина. Необыкновенная женщина!

Над обрывистым берегом расстилался луг, дальше начинался буковый лес, а за ним тянулась холмистая равнина, где паслись лошади. Здесь, на опушке леса, в папоротнике было много кроличьих нор. И Эвдена с Уг-Ломи часто лежали под перистыми листьями, держа наготове метательные камни и дожидаясь заката, когда зверьки покидают норы, чтобы щипать траву и играть в лучах заходящего солнца. Но если Эвдена, вся внимание, молча смотрела на облюбованную нору, Уг-Ломи то и дело переводил взгляд на удивительных животных, пасшихся на зеленой равнине.

Сам того не сознавая, он восхищался их грацией, быстротой и ловкостью. Вечером, на закате, когда дневная жара спадала, они, повеселев, с громким ржанием, потрясая гривами, принимались гоняться друг за другом и порой проносились так близко, что топот копыт звучал, словно частые раскаты грома. Это было прекрасно, и Уг-Ломи хотелось самому поскакать вместе с ними. Иногда

какая-нибудь из лошадей начинала кататься по земле, брыкаясь всеми четырьмя ногами, что выглядело, конечно, куда менее привлекательно, скорее даже страшно.

Пока Уг-Ломи, лежа в засаде, следил за лошадьми, в его уме роились какие-то смутные видения и в результате два кролика избежали неминуемой смерти. А во сне, когда видения становились ярче, а дух смелее — так бывало и в те времена,— он подходил к лошадям и сражался с ними, камень против копыта; но потом лошади превращались в людей, вернее, в людей с лошадиными головами, и Уг-Ломи просыпался весь в холодном поту от страха.

И вот однажды утром, в то время как лошади щипали траву, одна из кобыл предостерегающе заржала, и все они увидели Уг-Ломи, который приближался к ним с подветренной стороны. Перестав жевать, они смотрели на него. Уг-Ломи двигался не прямо к ним, а с безразличным видом наискось пересекал луговину, глядя на что угодно, только не на лошадей. В его спутанных волосах торчали три листа папоротника, придавая ему весьма странный вид; шел он очень медленно.

— Это еще что такое? — спросил Вожак Табуна, жеребец, отличавшийся умом, но не умудренный жизненным опытом.

— Больше всего это похоже на переднюю половину зверя,— продолжал он,— передние ноги есть, а задних нет.

— Это всего лишь одна из розовых обезьян,— отозвалась Старшая Кобыла,— которые живут по берегам рек. На равнинах их водится сколько угодно.

Уг-Ломи, незаметно меняя направление, продолжал приближаться к ним. Старшую Кобылу поразило отсутствие смысла в его действиях.

— Дурак,— заявила она свойственным ей безапелляционным тоном и снова принялась щипать траву. Вожак Табуна и Вторая Кобыла последовали ее примеру.

— Гляньте-ка, он уже близко,— сказал Полосатый Жеребенок.

Один из сосунков забеспокоился. Уг-Ломи присел на корточки и не отрываясь смотрел на лошадей.

Через некоторое время он убедился, что лошади не собираются ни спасаться бегством, ни нападать на него. Он стал раздумывать, как ему быть дальше. Особого желания убивать он не испытывал, но топор его лежал рядом, и в нем заговорила охотничья страсть. Как убить одно из этих животных, этих великолепных животных?

Эвдена, с боязливым восхищением наблюдавшая за ним из-за папоротников, увидела, что он встал на четвереньки и снова двинулся вперед. Но лошадям он больше нравился двуногим, чем четвероногим, и Вожак Табуна, вскинув голову, отдал приказ перейти на другое место. Уг-Ломи уже думал, что ему их больше не увидеть, но лошади, ринувшись галопом вперед, описали широкую дугу и остановились, втягивая ноздрями воздух. Потом, так как Уг-Ломи оказался скрытым от них небольшим холмиком, они построились гуськом — Вожак Табуна впереди — и, все суживая и суживая круги, стали к нему приближаться.

Лошади не знали, чего можно ожидать от Уг-Ломи, а Уг-Ломи не знал, на что способны лошади. И, насколько можно судить, он испугался. Его опыт говорил ему, что если бы он подкрался таким образом к оленю или буйволу, они напали бы на него. Как бы то ни было, Эвдена увидела, что он вскочил на ноги и, держа в руке листья папоротника, медленно пошел к ней.

Она встала ему навстречу, и он улыбнулся, чтобы показать, что получил от всего этого большое удовольствие, и сделал как раз то, что и собирался сделать. Так окончилась эта встреча. Но до самого вечера Уг-Ломи о чем-то раздумывал.

На следующий день это глупое светло-коричневое существо с львиной гривой, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом — щипать траву или охотиться, опять, крадучись, бродило вокруг лошадей. Старшая Кобыла считала, что он не заслуживает ничего, кроме молчаливого презрения.

— Я думаю, он хочет чему-нибудь от нас научиться,— сказала она.— Пусть учится.

На третий день он снова принялся за свои штуки. Вожак Табуна решил, что у него нет никаких определенных намерений. На самом же деле намерения Уг-Ломи, первого из людей, почувствовавшего то странное обаяние, какое имеет для нас лошадь и по сей день, были весьма определенны. Лошади казались ему пределом совершенства. Боюсь, что в нем таились задатки сноба и ему хотелось быть поближе к этим прекрасным созданиям. Кроме того, в нем бродило смутное желание убить одно из них. Если бы только они подпустили его к себе! Но они, как он заметил, установили границу в пятьдесят шагов. Если он подходил ближе, они с достоинством удалялись. Пожалуй, мысль о том, чтобы вскочить одной из них на спину, подсказало ему воспоминание о том, как он ослепил Энду.

Спустя некоторое время Эвдена тоже стала выходить на равнину, и они вместе подкрадывались к лошадям, насколько те позволяли, но этим дело и ограничивалось. И вот в один знаменательный день Уг-Ломи пришла в голову новая мысль. Лошадь смотрит вниз или прямо перед собой, но никогда не смотрит вверх. Ни одно животное не станет смотреть вверх, для этого у него слишком много здравого смысла. Только это нелепое создание — человек тратит время попусту, глазея на небо. Уг-Ломи не делал никаких философских умозаключений, он просто заметил, что это так. Поэтому он провел утомительный день, сидя на буке, одиноко стоявшем на лугу, а Эвдена подкрадывалась к лошадям со стороны леса. Обычно лошади после полудня прятались от солнца в тень, но небо было покрыто тучами, и, несмотря на все старания Эвдены, лошади к дереву не подошли.

И только два дня спустя желание Уг-Ломи осуществилось. Нависла гнетущая жара, тучи мух носились в воздухе. Лошади перестали пастись еще до полудня и, укрывшись в тень бука, на котором сидел Уг-Ломи, стояли парами, положив головы друг другу на круп и отгоняя хвостами мух.

Копыта Вожака Табуна давали ему право стоять у самого ствола.

Внезапно раздался шелест, затем треск, и на спину ему с глухим стуком свалилось что-то тяжелое... Остроотточенный кремень впился ему в щеку. Вожак Табуна покачнулся, припал на одно колено, затем подпрыгнул и понесся, как ветер. Вихрем взметнулись ноги, замелькали копыта, раздался испуганный храп. Уг-Ломи был подброшен на целый фут в воздух, опустился на спину жеребца, снова был подброшен, сильно ударился животом, и тут его колени обхватили что-то плотное. Он уцепился руками и ногами и почувствовал, что, удивительным образом качаясь из стороны в сторону, он с невероятной быстротой несется по воздуху, а топор его кто знает где! «Держись крепче»,— сказал ему Отец Инстинкт, и так он и сделал.

Лицо его тонуло в густых жестких волосах, которые набивались ему даже в рот; он видел, как из-под ног убегает покрытая травой земля. Перед его глазами было плечо Вожака Табуна, широкое, лоснящееся, с мягко перекатывающимися мускулами под кожей. Он понял, что руки его обвивают шею жеребца, и заметил, что отчаянные толчки повторяются довольно ритмично.

Стремительно неслись мимо стволы деревьев, затем веера папоротника и снова открытый луг. А там под быстрыми копытами замелькали камни — мелкие камешки косыми брызгами отскакивали далеко в стороны. Голова Уг-Ломи отчаянно кружилась, его стало мутить, но он был не из тех, кто отступает от задуманного, испугавшись неудобств.

Разжать колени он не решался, но попробовал устроиться половчее. Отпустив шею, он схватился за гриву, потом подтянул колени вперед и, выпрямившись, заметил, что сидит на том месте спины, где она начинает расширяться. Это было нелегко, но он все-таки добился своего: хотя он тяжело дышал и чувствовал себя не очень уверенно, по крайней мере его перестало так страшно трясти.

Понемногу Уг-Ломи собрался с мыслями. Быстрота, с которой они неслись, казалась ему чудовищной, но обуявший его поначалу безумный ужас стал уступать место чувству, близкому к восторгу. В лицо ему бил свежий ветер, стук копыт изменил ритм, потом вновь стал прежним. Они мчались сейчас по широкой прогалине в буковой роще, посреди серебряной лентой извивался ручеек, там и сям проглядывавший из сочной зелени, где звездами пестрели розовые цветы. Вот в голубой дымке промелькнула перед ним долина — далеко-далеко. Восторг его все возрастал. Впервые человек познал, что такое скорость.

Мелькнула поляна — пасшиеся на ней лани бросились врассыпную при их приближении, а два шакала, по ошибке приняв Уг-Ломи за льва, поспешили за ним вслед. Когда они убедились, что это не лев, они все-таки продолжали бежать за ними дальше из любопытства. Жеребец несся вперед и вперед, обуреваемый одним желанием — убежать, а за ним, навострив уши, бежали шакалы, обмениваясь отрывистыми замечаниями.

— Кто кого убивает? — пролаял первый.

— Этот убивает лошадь,— ответил второй.

Они издали вой, который подействовал на жеребца, как в наши дни — шпоры, ибо так воют шакалы, когда следуют за львом.

Все вперед и вперед, как маленький смерч среди ясного дня, мчались они, вспугивая птиц, заставляя множество разных зверьков стремительно кидаться в норы, поднимая в воздух тысячи негодующих навозных мух, втаптывая блаженствующие под солнцем цветы в землю, из которой они вышли. Снова деревья, а затем, разбрызгивая воду, они пересекли поток; вот у самых копыт Вожака Табуна из травы выскочил заяц, и шакалы их сразу покинули. Вскоре они снова вырвались из леса на простор покрытых травой холмов — тех самых меловых холмов, которые можно разглядеть с ипподрома в Эпсоме.

Вожак Табуна давно уже перестал так бешено мчаться, как вначале. Он перешел на размеренную рысь, и Уг-Ломи, хотя он весь был в синяках и ссадинах и не знал, что его ждет впереди, чувствовал себя наверху блаженства. Но тут дело вдруг обернулось по-новому. Вожак Табуна опять переменил аллюр, описал небольшую дугу и остановился как вкопанный.

Уг-Ломи насторожился. Он пожалел, что у него не было с собой камня,— метательный кремень, который он привязывал к кремню, опоясывавшему его талию, остался, как и топор, неизвестно где. Вожак Табуна повернул голову, и Уг-Ломи увидел его глаза и зубы. Он убрал подальше ноги и ударил жеребца около глаза. В тот же миг голова исчезла из виду, а спина, на которой он сидел, взлетела кверху, изогнувшись в дугу. Уг-Ломи снова перестал мыслить и подчинялся только велениям Инстинкта, который говорил «цепляйся». Он обхватил бока жеребца коленями и ступнями, но его голова опустилась к самой траве. Его пальцы вцепились в густую жесткую гриву, и это его спасло. Скат, на котором он сидел, выровнялся и тут же...

— Ух! — выдохнул пораженный Уг-Ломи, когда его опрокинуло на спину.

Однако Уг-Ломи был на тысячу поколений ближе к природе, чем современный человек: никакая обезьяна не могла бы уцепиться крепче. А лев давным-давно отучил лошадей опрокидываться на спину и кататься по земле. Правда, лягался жеребец мастерски и довольно ловко вскидывал задом. Пять минут показались Уг-Ломи вечностью. Он не сомневался, что жеребец убьет его, стоит ему упасть.

Затем Вожак Табуна решил применить прежнюю тактику и внезапно пустился в галоп. Он стремительно мчался вниз по крутому склону, не сворачивая ни вправо, ни влево, и по мере того как они спускались, широко раскинувшаяся перед ними долина постепенно скрывалась из виду за приближавшимся авангардом дубков и боярышника. Вот они обогнули заросшую буйной травой ложбину, где между серебристыми кустами из земли пробивался родник. Почва делалась все сырее, трава — все выше, то и дело стали попадаться кусты шиповника, еще усеянные поздними цветами. Вскоре они очутились в сплошных зарослях, и ветки хлестали их так, что кровь

выступила на коже и у человека и у лошади. Затем путь снова расчистился.

И тут случилось удивительное происшествие. В кустах вдруг раздался злобный вопль, пронзительный вопль обиды и возмущения. И, с треском ломая сучья, за спиной у них появилась огромная серо-голубая туша. Это был Яаа, свирепый носорог; в припадке беспричинной ярости, которые нередко у него бывают, он ринулся прямо на них во всю мочь, как это обычно делают носороги. Прервали его трапезу, и поэтому кому-нибудь — не важно кому — нужно было вспороть брюхо, кого-нибудь надо было затоптать ногами. Он приближался к ним слева; его маленькие злые глазки налились кровью, толстый рог опустился к земле, хвост торчал кверху. В первое мгновение Уг-Ломи готов был уже соскользнуть с лошади и спрятаться в кустах, но тут... дробь копыт участилась, и носорог, торопливо перебиравший короткими ногами-тумбами, начал пятиться, и Уг-Ломи потерял его из виду. Через минуту кусты шиповника остались позади, и они вновь понеслись по открытой равнине. Сзади еще слышался тяжелый топот, но постепенно он затих, и Яаа словно вовсе не впадал в ярость, словно Яаа вообще не было на свете.

И все тем же стремительным аллюром они летели вперед и вперед.

Уг-Ломи ликовал. А ликовать в те дни значило поносить побежденного.

— Я-ха! Большой нос! — закричал Уг-Ломи, выворачивая шею, чтобы увидеть далеко позади крошечное пятнышко — своего преследователя.— Почему ты не носишь свой метательный камень в кулаке? — закончил он и испустил победный клич.

Это оказалось ошибкой. Неожиданный крик у самого уха напугал жеребца. Он метнулся в сторону, и Уг-Ломи внезапно снова очутился в самом неудобном положении, удерживаясь только одной рукой и коленом.

Остаток пути Уг-Ломи выдержал с честью, хотя удовольствия не получил. Ему не видно было ничего, кроме голубого неба, и ощущения при этом были самые неприятные. В конце концов его хлестнуло веткой шиповника, и он разжал пальцы.

Он ударился о землю скулой и плечом и, перекувырнувшись в воздухе, снова ударился — на этот раз копчиком. У него из глаз посыпались искры. Ему чудилось, что земля под ним скачет, как лошадь. Затем он увидел, что сидит на траве, а кустарник остался в пяти шагах позади. Впереди расстилался луг, чем дальше, тем более сочный и зеленый, и виднелось несколько человеческих фигур; а жеребец несся быстрым галопом далеко справа.

Люди находились на той стороне реки, но и те, кто был на берегу и кто бродил по воде, теперь со всех ног бросились от него прочь. Невиданное чудовище, на их глазах развалившееся надвое, было новинкой, которая пришлась им не очень по вкусу. Почти минуту Уг-Ломи сидел и смотрел на них безучастным взглядом. Излучина реки, холм среди зарослей тростника и чистоцвета, тонкие, тянув-

шиеся к небу струйки дыма — все это ему хорошо знакомо. Он очутился рядом со становищем племени Айи — Айи, от которого убежали они с Эвденой, Айи, которого он подстерег среди молодых каштанов и убил Первым Топором.

Уг-Ломи поднялся на ноги, все еще ошеломленный падением, и тут бегущие люди остановились и стали его разглядывать. Некоторые указывали пальцем на удалявшегося жеребца и быстро что-то говорили. Уг-Ломи пошел прямо на них, не отводя взгляда. Он забыл про жеребца, забыл о своих ушибах,— эта встреча казалась ему все более интересной. «Людей было меньше, чем раньше,— остальные, должно быть, попрятались,— подумал он,— и куча папоротника у огня, приготовленная на ночь, выглядела не такой высокой. У груды кремней должен сидеть Вау...» Но тут он вспомнил, что он убил Вау. Теперь, когда перед ним вдруг встало это знакомое зрелище, ущелье, медведи и Эвдена словно ушли в далекое прошлое, в мир сновидений.

Уг-Ломи остановился на берегу и стоял, глядя на своих соплеменников. Его математические способности находились в самом зачаточном состоянии, но он был прав: людей действительно стало меньше. Мужчины могли быть на охоте, но куда девались женщины и дети? Он издал приветственный крик. Он ведь враждовал с Айей и Вау — не с ними.

— Дети Айи! — закричал он.

В ответ они называли его имя, немного робко, напуганные тем, как он появился.

Некоторое время они говорили все разом. Потом их заглушил пронзительный голос одной из старух.

— Наш властелин — Лев! — крикнула она.

Уг-Ломи не понял ее слов. И тогда ему крикнули несколько голосов сразу:

— Айя вернулся. Он теперь Лев. Наш властелин — Лев. Он приходит по ночам. Он убивает, кого захочет. Но никто другой не смеет нас убивать, Уг-Ломи, никто другой!

Уг-Ломи все еще не понимал.

— Наш властелин — Лев. Он больше не говорит с людьми.

Уг-Ломи внимательно смотрел на них. Это ему снилось уже... Он знал, что хотя он убил Айю, Айя все еще жив. И вот теперь они говорят ему, что Айя — Лев.

Сморщенная старуха, Старшая Хранительница Огня, внезапно повернулась и тихо сказала что-то тем, кто стоял с ней рядом. Она была очень стара, эта женщина — первая из женщин Айи, которой он дозволил жить дольше того возраста, до которого подобало оставлять в живых женщину. Она всегда отличалась хитростью, знала, как угодить Айе и раздобыть пищу. И теперь к ней все обращались за советом... Она тихо что-то говорила, а Уг-Ломи из-за реки смотрел на ее сгорбленную фигуру с необъяснимой неприязнью. Затем она громко позвала:

— Иди к нам, Уг-Ломи!

За ней закричала девушка:

— Иди к нам, Уг-Ломи!

И все принялись хором звать:

— Иди к нам, Уг-Ломи!

После того как с ними поговорила старуха, они все как-то странно переменились.

Уг-Ломи стоял неподвижно и смотрел на них. Ему было приятно, что его позвали, а девушка, первая позвавшая его, была красива. Но она напомнила ему об Эвдене.

— Иди к нам, Уг-Ломи! — кричали они, и сгорбленная старуха — громче всех. При звуке ее голоса он снова заколебался.

Он стоял на берегу реки, Уг-Ломи — Уг-Думающий, и медленно его мысли обретали форму. А люди замолкали, один за другим, ожидая, что он сделает. Ему хотелось пойти к ним, ему хотелось повернуться и уйти. Наконец страх, а может быть, осторожность взяли верх, и, не ответив им, он повернулся и пошел по направлению к боярышнику тем самым путем, каким попал сюда. Увидев это, все племя стало еще громче звать его к себе. Он заколебался и повернул было, затем снова пошел вперед, опять оглянулся, раз-другой, в глазах его отразилась тревожная нерешительность,— его все еще продолжали звать. Потом он сделал два шага назад, но его удержал страх. Они видели, как он еще раз остановился, затем вдруг тряхнул головой и исчез в кустах боярышника.

Тогда женщины и дети сделали последнюю попытку и хором прокричали его имя, но все было напрасно.

Ниже по течению реки, там, где легкий ветерок шевелил камыш, поближе к своей новой добыче, устроил логово лев, ставший на старости лет людоедом.

Старуха повернулась туда лицом и указала рукой на заросли боярышника.

— Айя,— пронзительно закричала она,— вон идет твой враг! Вот идет твой враг, Айя! Почему ты пожираешь наших людей каждую ночь? Мы старались завлечь его в западню! Вон идет твой враг, Айя!

Но лев, облюбовавший их племя, отдыхал после еды, и крик ее остался без ответа. В тот день лев пообедал довольно толстой девушкой и пребывал в состоянии полнейшего благодушия. К тому же он не понимал, что он — Айя, а Уг-Ломи — его враг.

Вот так Уг-Ломи проскакал верхом на лошади и впервые услышал об Айи-Льве, который появился вместо Айи-Властелина и пожирал людей его племени. И в то время как он спешил к ущелью, все мысли его были заняты не лошадьми, а тем, что Айя все еще жив, что он может убить или быть убитым. Снова и снова он видел перед собой поредевшую кучку женщин и детей, кричавших, что Айя стал львом.

Айя стал львом!

Но тут, боясь, что его застигнут сумерки, Уг-Ломи пустился бегом.

ГЛАВА IV

Айя-Лев

Старому льву повезло. Племя даже гордилось своим властелином, но этим и ограничивалась вся радость, которую они от него получали. Появился он в ту самую ночь, когда Уг-Ломи убил Айю-Хитреца, и поэтому они дали ему имя Айи. Первой назвала его так старуха Хранительница Огня. В ту ночь ливень почти погасил костер, и стало совсем темно. И вот, когда люди переговаривались, вглядывались в темноте друг в друга и со страхом размышляли о том, что сделает умерший Айя, явившись к ним во сне, вдруг где-то совсем рядом заревел лев. Потом все стихло.

Они затаили дыхание: теперь слышен был только шум дождя да шипение капель на углях. А затем, через целую вечность — треск, крик ужаса и рычание. Они вскочили на ноги и с визгом и воплями заметались взад-вперед; но головешки не разгорались, и через мгновение лев уже волок свою жертву через папоротник. Это был Ирк, брат Вау.

Так пришел лев.

На следующую ночь папоротник еще не успел просохнуть после дождя, а лев явился снова и унес рыжего Клика. Льву хватило его на две ночи, а затем во время новолуния лев приходил три ночи подряд, несмотря на то, что костры горели хорошо. Лев был старый, со сточенными от времени зубами, но опытный и хладнокровный охотник; с кострами за свою долгую жизнь он встречался и раньше: сыны Айи были не первыми людьми, которые питали его старость. Он прошел между двумя кострами, перескочил через кучу кремней и сбил с ног Ирма, сына Ирка, который, судя по всему, мог стать вождем племени. Эта ночь была страшной, они зажгли большие пучки папоротника и носились с пронзительными криками, так что лев даже выпустил свою жертву. При свете костра они увидели, что Ирм с трудом поднялся на ноги и пробежал несколько шагов им навстречу, но в два прыжка лев настиг его снова. И не стало Ирма.

Так пришел страх, и весна перестала их радовать. Племя уже не досчитывало пяти человек, а через четыре ночи было покончено еще с тремя. Поиски пищи потеряли для них всякий интерес, никто не знал, чья очередь завтра. Весь день женщины, даже любимые жены, без отдыха собирали ветки и сучья для костра. Охотники охотились плохо, и теплой весной к людям подкрался голод, словно все еще стояла зима. Будь у них вождь, они бы ушли с этого места, но вождя не было, и никто не знал, куда уйти, чтобы лев не нашел их. Старый лев жирел и благодарил небо за вкусное людское племя. Двое детей и юноша погибли еще до полнолуния, и вот тогда-то сгорбленная старуха Хранительница Огня в первый раз вспомнила во сне об Эвдене и Уг-Ломи и о том, как был убит Айя. Всю жизнь она жила в страхе перед Айей, а теперь — в страхе перед львом. Она не могла поверить, чтобы Уг-Ломи —

тот самый Уг-Ломи, который родился на ее глазах,— совсем убил Айю... Лев — это Айя, он рыщет в поисках своего врага!

А потом — внезапное и такое странное возвращение Уг-Ломи: далеко за рекой громадными скачками неслось какое-то удивительное животное и вдруг развалилось надвое — на лошадь и человека. И вслед за этим чудом на том берегу — Уг-Ломи... Да, все стало для нее ясно. Айя наказывал их за то, что они не поймали Уг-Ломи и Эвдену.

Золотой шар солнца еще висел в небе, когда мужчины один за другим вернулись к ожидавшим их превратностям ночи. Их встретили рассказами об Уг-Ломи. Старуха пошла вместе с ними на другой берег и показала им следы, говорившие о нерешительности. Сисс-Следопыт признал в отпечатке ногу Уг-Ломи.

— Айя ищет Уг-Ломи! — размахивая руками, кричала старуха, стоя над излучиной, и фигура ее, как бронзовое изваяние, пламенела в лучах заката. Нечленораздельные крики, вылетавшие у нее из горла, лишь отдаленно напоминали человеческую речь, но смысл их был ясен: «Льву нужна Эвдена. Ночь за ночью он приходит в поисках Эвдены и Уг-Ломи. Когда он не может найти Эвдены и Уг-Ломи, он сердится и убивает. Ищите Эвдену и Уг-Ломи. Эвдену, которую он выбрал для себя, и Уг-Ломи, которому он сказал слово смерти. Ищите Эвдену и Уг-Ломи!»

Она повернулась к тростниковым зарослям, как когда-то поворачивалась к Айе.

— Разве не так, мой повелитель? — закричала она.

И, словно в ответ, высокий тростник наклонился под порывом ветра.

Уже давно спустились сумерки, а в становище все еще слышен был стук камня о дерево. Это мужчины оттачивали ясеневые копья для завтрашней охоты. А ночью, перед самым восходом луны, пришел лев и утащил женщину Сисса-Следопыта.

Рано утром, когда еще солнце не взошло, Сисс-Следопыт, и молодой Вау-Хау, который теперь обтачивал кремни, и Одноглазый, и Бо, и Пожиратель Улиток, и Два Красноголовых, и Кошачья Шкура, и Змея — все оставшиеся в живых мужчины из сыновей Айи, взяв копья и колющие камни и наполнив метательными камнями сделанные из лап животных мешочки, отправились по следу Уг-Ломи. Они шли через заросли боярышника, где пасся Яаа-Носорог со своими братьями, и по голой равнине, вверх, к буковым лесам на холмах.

В эту ночь, когда занялся молодой месяц, яркое пламя костров поднималось высоко в небо и лес не тронул скорчившихся на земле от страха женщин и детей.

А на следующий день, когда солнце стояло еще в зените, охотники вернулись — все, кроме Одноглазого, который с проломленным черепом лежал мертвый под уступом. (Когда Уг-Ломи вернулся в этот вечер к обрыву после целого дня выслеживания лошадей, он увидел, что над Одноглазым уже трудились стервятники.) Охотники вели с собой Эвдену, раненую, в кровоподтеках, но живую. Таков

был странный приказ старухи — привести ее живой. «Эта добыча не для нас, она для Айи-Льва». Руки Эвдены были стянуты ремнями, как будто охотники захватили мужчину, а не слабую женщину; слипшиеся от крови волосы падали ей на глаза, она еле держалась на ногах. Охотники окружили ее со всех сторон, и время от времени Пожиратель Улиток, получивший от нее свое прозвище, с хохотом бил ее ясеневым копьем. И всякий раз он оглядывался через плечо, словно пугаясь собственной смелости. Остальные тоже то и дело оглядывались, и все, кроме Эвдены, очень спешили. Когда старуха их увидела, она громко закричала от радости.

Они заставили Эвдену перебираться через реку со связанными руками, несмотря на быстрое течение, и когда она поскользнулась, старуха завизжала, сперва со злорадством, потом от страха, что Эвдена утонет. А когда Эвдену вытащили на берег, как ее ни били, она не могла встать. Так они оставили ее сидеть там — ее ноги касались воды, глаза глядели в пространство, а лицо оставалось неподвижным, что бы они ни говорили и ни делали. Все племя, даже маленькая кудрявая Хаха, только-только начавшая ходить, спустилось из становища к реке и стояло, во все глаза глядя на Эвдену и на старуху,— так мы смотрели бы сейчас на какого-нибудь диковинного раненого зверя и на того, кто его изловил.

Старуха сорвала с шеи Эвдены ожерелье и надела его на себя,— она первой когда-то носила его. Потом она вцепилась Эвдене в волосы и, выхватив у Сисса копье, изо всех сил стала ее бить. Излив свою злобу, она пристально посмотрела девушке в лицо. Глаза Эвдены были закрыты, все черты заострились, и лежала она так неподвижно, что на миг старуха испугалась, не мертва ли она. Но тут ноздри Эвдены вздрогнули. Увидев это, старуха захохотала и ударила ее по лицу, а потом отдала копье Сиссу и, отойдя в сторону, принялась кричать и насмехаться над девушкой, как она одна это умела.

Старуха знала слов больше, чем кто-либо в племени. И слушать ее было страшно. Ее вопли и визг казались совсем бессвязными, и в гортанных выкриках проскальзывала лишь слабая тень мысли. И все же Эвдена поняла, что ее ожидает,— узнала про Льва и про муки, которые он ей причинит.

— А Уг-Ломи! Ха-ха! Уг-Ломи убит?

И тут глаза Эвдены раскрылись, она приподнялась и села, и спокойно посмотрела прямо в глаза старухи.

— Нет,— медленно выговорила она, как бы пытаясь что-то припомнить.— Я не видела моего Уг-Ломи убитым. Я не видела моего Уг-Ломи убитым.

— Скажите ей! — закричала старуха.— Скажи ей тот, кто его убил. Скажи, как был убит Уг-Ломи.

Она переводила взгляд с одного мужчины на другого, а вслед за ней и остальные женщины и дети.

Ей никто не ответил. Они стояли, пристыженно понурившись.

— Скажите ей,— повторила старуха.

Мужчины переглянулись.

Лицо Эвдены озарилось радостью.

— Скажите ей,— сказала она.— Скажите ей, могучие охотники! Скажите, как был убит Уг-Ломи.

Старуха, размахнувшись, ударила Эвдену по губам.

— Мы не могли найти Уг-Ломи,— пробормотал Сисс-Следопыт.— Кто охотится за двумя, не убьет ни одного.

Сердце Эвдены затрепетало от счастья, но она сумела скрыть то, что чувствовала. И так было лучше: быстрый взгляд, брошенный старухой, красноречиво говорил, что ей несдобровать бы.

Тогда старуха обрушила свой гнев на мужчин за то, что они побоялись выследить Уг-Ломи. С тех пор как не стало Айи, она больше никого не боялась. Старуха бранила их, как глупых детей. А они, поглядывая на нее с хмурым видом, сваливали вину друг на друга. А потом Сисс-Следопыт вдруг громким голосом велел ей замолчать.

Когда солнце стало клониться к закату, они повели Эвдену — хотя их сердца леденил страх — по тропе, которую проложил в тростниках старый лев. Ее вели все мужчины племени. Увидев рощицу ольхи, они торопливо привязали Эвдену к стволу, чтобы лев легко нашел ее, когда в сумерки выйдет из своего логова, а затем опрометью побежали обратно и остановились только у самого становища. Первым остановился Сисс и посмотрел назад, на деревья. Из становища была видна голова Эвдены — маленькое черное пятно под суком самой большой ольхи. Это получилось очень удачно.

Все женщины и дети собрались на вершине холма посмотреть на нее. А старуха кричала, чтобы лев пришел за той, кого искал, давала ему советы, какие причинить ей муки.

Эвдена совсем обессилела от побоев, усталости и горя, и только ужас перед тем, что ее ожидало, не давал ей забыться. Вдали между стволами каштанов висело огромное кроваво-красное солнце, небо на западе пылало огнем; вечерний ветерок стих, и в теплом воздухе разлилось спокойствие. Над головой у нее роилась мошкара, по временам рядом в реке всплескивалась рыба, и слышалось гудение пролетающего майского жука. Краем глаза Эвдена видела часть холма и маленькие фигуры стоявших там и глазевших на нее людей. И слышала хотя очень слабый, но отчетливый стук камня о камень — это высекали огонь. Рядом с ней, тихий и неподвижный, темнел тростник, где устроил свое логово лев.

Вскоре удары огненного камня прекратились. Эвдена подняла глаза и увидела, что солнце уже зашло, над ее головой все ярче сияет месяц. Эвдена посмотрела туда, где находилось логово льва, силясь разглядеть что-нибудь в тростнике, а затем вдруг стала метаться, со слезами призывая Уг-Ломи.

Но Уг-Ломи был далеко. Когда стоявшие на холме увидели, что Эвдена пытается освободиться, они громко закричали, и она снова застыла в неподвижности. Вскоре в воздухе замелькали летучие мыши, а звезда, похожая на Уг-Ломи, тихонько вышла из своего синего убежища на западе. Эвдена позвала ее, только шепотом,

так как боялась льва. Но за все время, пока на землю спускалась ночь, тростник не шелохнулся.

Мрак окутал Эвдену, и луна засияла ярче; все тени, которые убежали вверх по холму, а затем с наступлением вечера совсем исчезли, вернулись к своим хозяевам, короткие и черные. В зарослях тростника и под ольхой, где обитал лев, стали собираться неясные существа и началось какое-то еле слышное движение. Но тьма сгущалась, а оттуда никто не выходил.

Эвдена посмотрела на становище и увидела дымные огни костров и людей, сновавших вокруг. В другой стороне, за рекой, курился белый туман. Откуда-то долетел жалобный визг лисят и пронзительный вопль гиены.

Время от времени она забывалась в напряженном ожидании. Спустя долгое время через реку с плеском перебралось какое-то животное и вышло на берег, выше логова, но кто это был, ей разглядеть не удалось. Она слышала, как к далекому водопою шумно спускались слоны,— такой тихой была ночь.

Земля потеряла все свои краски, превратившись в узор светлых пятен и непроницаемо-черных теней под синим небом. На серебряном серпе опускавшейся за лес луны тонким кружевом вырисовывались верхушки деревьев, а на востоке, над скрытыми тенью холмами, высыпали мириады звезд. Костры на холме горели теперь ярким пламенем, и на их фоне видны были стоявшие в ожидании фигуры. Они ждали вопля... Теперь уж, конечно, ждать оставалось недолго.

Внезапно ночь наполнилась движением. Эвдена затаила дыхание. Кто-то проходил мимо — одна, две, три бесшумно крадущихся тени — шакалы. И снова долгое ожидание.

А затем, покрывая все звуки, которые ей чудились, в тростнике раздался шорох и отчаянная возня. Послышался треск. Тростник захрустел еще и ещё раз, а затем все стихло, и только через равные промежутки времени что-то со свистом рассекало воздух. Прозвучало глухое жалобное рычание, и вновь все смолкло. Тишина больше не прерывалась — неужели ей не будет конца? Эвдена, затаив дыхание, кусала губы, чтобы не закричать. Но тут по кустам что-то пробежало, и невольный крик вырвался из ее груди. Ответного хора криков с холма она не услышала.

В тростнике снова кто-то с треском задвигался. При свете заходящей луны Эвдена увидела, как заколыхался тростник, задрожали стволы ольхи. Она начала яростно вырываться из пут — последняя попытка. Но к ней никто не приблизился. Ей казалось, что по этому маленькому клочку земли носится не меньше десятка чудовищ, а потом вновь наступила тишина. Луна скрылась за дальним каштановым лесом, и мрак стал непроницаемым.

Затем послышался странный звук, словно прерывистое дыхание и всхлипывание — оно все учащалось и ослабевало. Опять тишина, и снова неясные звуки и храп какого-то животного.

И опять все смолкло. Далеко к востоку затрубил слон, из лесу донеслись рычание и вой, которые вскоре замерли.

Снова выглянула луна: теперь она светила сквозь стволы деревьев на гребне холма, посылая на поросшую тростником низину две широкие полосы света, разделенные полосой мрака. Раздался мерный шелест, всплеск, тростники закачались, раздвинулись в стороны и, наконец, расступились от корней до самых верхушек. Все кончено!

Эвдена напрягала зрение, стараясь рассмотреть, кто выйдет из тростника. На какое-то мгновение она как будто увидела, как и ждала, огромную голову с открытой пастью, затем голова съежилась, очертания ее изменились. Это было что-то темное, невысокое, безмолвное... но это был не лев. Вот оно застыло, и все кругом застыло. Эвдена прищурилась. Это существо походило на огромную лягушку — две лапы и за ними наклонно вытянутое тело. Голова поворачивалась из стороны в сторону, как будто оно всматривалось в темноту.

Раздался шорох, и оно неуклюжими толчками двинулось вперед и тихо застонало.

К сердцу Эвдены вдруг теплой волной прихлынула радость.

— Уг-Ломи! — шепнула она.

Существо остановилось.

— Эвдена,— тихо ответил Уг-Ломи, всматриваясь в чащу ольхи; в голосе его слышалось страдание.

Он снова двинулся вперед и выполз из тени в полосу лунного света. Все его тело было в темных пятнах. Она увидела, что он волочит ноги, а в руке сжимает свой топор. Первый Топор. Вот он с трудом поднялся на четвереньки и, пошатываясь, приблизился к ней.

— Лев! — произнес он голосом, в котором торжество странно смешивалось с болью.— Ва! Я убил льва. Вот этой рукой. Я убил его, как и большого медведя.

Он хотел жестом подкрепить свои слова и тут же, чуть слышно вскрикнув, замолк. Некоторое время он не двигался.

— Развяжи меня,— прошептала Эвдена.

Он ничего не ответил, но, уцепившись за ствол дерева, приподнялся с земли и принялся перерубать ее путы острым концом топора. Она слышала, как при каждом взмахе из его горла вырывается сдавленный стон. Он разрезал ремни, стягивавшие ей грудь и кисти, но тут его рука упала. Ударившись грудью о ее плечо, он соскользнул к ее ногам и замер.

Однако теперь она и сама могла освободиться. Торопливо сбросив путы, Эвдена отошла от дерева, и у нее закружилась голова. Она сделала шаг к Уг-Ломи — ее последнее сознательное движение,— пошатнулась и упала. Ее пальцы коснулись его бедра. Что-то мягкое и мокрое подалось под ее рукой. Уг-Ломи громко вскрикнул, дернулся от боли и снова затих.

Вскоре из тростника бесшумно вышла какая-то тень, похожая на собаку. Она остановилась, потянула носом воздух, постояла в нерешительности и, наконец, крадучись, снова ушла в темноту.

Очень долго они лежали неподвижно в свете заходящей луны.

Медленно, так медленно, как клонилась луна к закату, надвигалась на них со стороны холмов тень тростника. Она легла на их ноги, и от Уг-Ломи остались только посеребренные лунным светом плечи и голова. Тень наползла на его шею, покрыла лицо, и вот уже мрак ночи поглотил их обоих.

В темноте слышалось какое-то движение, легкие шаги, тихое рычание... удар.

В эту ночь женщины и дети в становище не сомкнули глаз, пока не услышали крика Эвдены. Но мужчины устали и сидя подремывали. Когда Эвдена закричала, они, решив, что теперь им ничто не угрожает, поспешили занять места поближе к огню. Старуха, услышав крик, засмеялась; засмеялась она еще и потому, что заплакала Си, маленькая подружка Эвдены. Как только забрезжил рассвет, все поднялись и стали смотреть туда, под деревья. Убедившись, что Эвдены там нет, они обрадовались: наконец-то Айя умиротворен. Но радость мужчин омрачалась мыслью об Уг-Ломи. Они понимали, что такое месть,— ведь месть существовала в мире испокон веков,— но мысль о возможности подвергнуться опасности ради другого еще не приходила им в голову.

Вдруг из зарослей выскочила гиена и помчалась через тростники. Ее морда и лапы были в темных пятнах. При виде гиены все мужчины закричали и, схватив метательные камни, кинулись ей наперерез — ведь нет животного трусливее, чем гиена днем. Люди ненавидели гиен, потому что они уносили детей и кусали тех, кто ложился спать далеко от костра. Кошачья Шкура, метко бросив камень, попал гиене прямо в бок, и все племя восторженно завопило.

Когда раздался их крик, в логове льва послышалось хлопанье крыльев, и в воздух медленно поднялись три белоголовых стервятника. Описав несколько кругов, они снова опустились на ветви ольхи над логовом.

— Наш властелин ушел,— сказала старуха, указывая на них.— Стервятники тоже поживились Эвденой.

Птицы еще посидели на дереве, потом вновь слетели вниз.

Между тем на востоке, из-за леса, расцвечивая мир и пробуждая его к жизни, как ликующие звуки фанфар, хлынул свет восходящего солнца. Дети хором закричали, захлопали в ладоши и, обгоняя друг друга, помчались к реке. Только маленькая Си не побежала с ними и недоуменно смотрела на деревья, где она накануне видела голову Эвдены.

Но Айя, старый лев, никуда не ушел. Он лежал совсем тихо, свалившись на бок, и лежал не в логове, а в нескольких шагах от него, на измятой траве. Под глазом виднелась запекшаяся кровь — слабый укус Первого Топора. Но вся земля вокруг была испещрена яркими ржаво-красными пятнами, а на груди у льва темнела рана, нанесенная острым копьем Уг-Ломи. Стервятники уже оставили свои отметины на его боку и шее.

Уг-Ломи убил льва, когда, поверженный его лапой на землю, он ткнул наудачу копьем ему в грудь и, собрав все силы, пронзил сердце великана. Так окончил свое царствование лев, второе воплощение Айи-Властелина.

На холме шумно готовились к охоте — оттачивали копья и метательные камни. Никто не произносил имени Уг-Ломи, боясь этим вызвать его. Мужчины решили в ближайшие дни во время охоты держаться вместе, тесной кучкой. И охотиться они собирались на Уг-Ломи, чтобы он не напал на них первым.

Но Уг-Ломи, безмолвный, неподвижно лежал неподалеку от логова льва, а Эвдена сидела подле него на корточках, сжимая в руке копье, обагренное львиной кровью.

ГЛАВА V

Битва у львиного логова

Уг-Ломи лежал, привалившись спиной к стволу ольхи, и на его бедро — сплошное кровавое месиво — страшно было смотреть. Ни один цивилизованный человек не выжил бы, получив такие тяжелые ранения. Но Эвдена дала ему шипы, чтобы стянуть рану, и сидела возле него, днем отгоняя мух пучком тростника, ночью топором отпугивая гиен. И скоро Уг-Ломи стал поправляться. Лето было в самом разгаре, и дожди давно не выпадали. В первые два дня, пока раны Уг-Ломи еще не затянулись, они почти ничего не ели. В низине, где они укрылись, не было ни съедобных корней, ни маленьких зверьков, а река, в которой водились улитки и рыба, протекала на открытом месте, шагах в ста от них. Отойти далеко Эвдена не могла, так как днем боялась людей племени, своих братьев и сестер, а ночью — диких зверей, угрожавших жизни Уг-Ломи. Поэтому они делили со стервятниками останки льва. Зато поблизости пробивался из земли родничок, и Эвдена поила Уг-Ломи водой из пригоршни.

Место, где они нашли себе приют, было надежно укрыто от племени густым ольховником и окружено высоким тростником. Мертвый лев лежал на истоптанной траве у своего логова, в пятидесяти шагах от них, и они видели его сквозь стебли тростника. Стервятники сражались над трупом за лучшие куски и не подпускали к нему шакалов. Скоро над ним нависло облако огромных, с пчелу, мух, и до слуха Уг-Ломи доносилось их гудение. И когда раны Уг-Ломи начали заживать — а на это понадобилось не так уж много времени,— от льва осталась только кучка отполированных белых костей.

Днем Уг-Ломи то неподвижно сидел, глядя в одну точку, иногда часами бормоча что-то о лошадях, медведях и львах, то ударял по земле своим Первым Топором, называя имена людей своего племени,— он, казалось, ничуть не боялся, что это привлечет их сюда. Но большую часть дня он спал, почти без сновидений,— из-за потери крови и скудной пищи. Короткие летние ночи оба они бодрст-

вовали. И пока не наступал рассвет, вокруг них двигались какие-то существа — существа, которых они никогда не видели днем. Гиены первое время не появлялись, а затем в одну безлунную ночь их пришло сразу около десятка, и они устроили драку из-за костей льва. Ночь наполнилась воем и хохотом, и Уг-Ломи с Эвденой слышно было, как трещат кости у них на зубах. Но они знали, что гиены осмеливаются нападать только на мертвых и спящих, и поэтому не очень боялись.

Днем Эвдена иногда пробиралась к излучине реки по узкой тропе, проложенной старым львом в тростниках, и, спрятавшись в зарослях, смотрела, что делается в становище. Она лежала неподалеку от дерева, к которому ее привязали, отдавая в жертву льву, и видела маленькие фигурки у костра так же отчетливо, как и в ту ночь. Но она редко рассказывала Уг-Ломи о том, что видела, так как боялась привлечь людей в свое убежище. В те дни верили, что назвать живое существо — значило позвать его.

Она видела, как на следующее утро, после того как Уг-Ломи убил льва, мужчины готовили копья и метательные камни и затем ушли на охоту, оставив женщин и детей в становище. Когда охотники, вытянувшись гуськом, во главе с Сиссом-Следопытом двинулись к холмам на поиски Уг-Ломи, они и не подозревали, что он совсем рядом. Эвдена смотрела, как после ухода мужчин женщины и старшие дети собирали ветки и листья для костра, как играли и резвились мальчики и девочки. Но при виде старой Хранительницы Огня ей становилось страшно. Незадолго до полудня, когда почти все спустились к реке, она вышла на обращенный к Эвдене склон холма и стояла там — скрюченная коричневая фигура,— размахивая руками, так что Эвдена решила было, что ее заметили. Эвдена лежала, как заяц в ложбинке, не отрывая блестящих глаз от сгорбленной ведьмы, и в конце концов смутно поняла, что старуха возносит моленья льву — тому льву, которого убил Уг-Ломи.

На следующий день вернулись усталые охотники и принесли молодого оленя, и Эвдена с завистью смотрела на их пир. А затем произошло что-то непонятное. Она совершенно ясно видела и слышала, как старуха кричит, машет руками и указывает прямо на нее. Она испугалась и, как змея, уползла подальше в тростник. Но все же любопытство превозмогло, и она вернулась на прежнее место. Когда она выглянула между стеблями, сердце у нее перестало биться: все мужчины, держа в руках оружие, шли с холма прямо к ней.

Она не смела шевельнуться, чтобы движением не выдать себя, и только еще плотнее приникла к земле. Солнце стояло низко, и его золотые лучи били в лица охотников. Она увидела, что они несут надетый на ясеневое копье кусок жирного окровавленного мяса. Вскоре они остановились.

— Дальше! — завизжала старуха.

Кошачья Шкура заворчал, но они пошли дальше, вглядываясь в заросли ослепленными глазами.

— Здесь! — сказал Сисс, и они всадили в землю ясеневое копье с куском мяса.

— Айя,— закричал Сисс,— вот твоя доля! А Уг-Ломи мы убили, правда, мы убили Уг-Ломи. Сегодня мы убили Уг-Ломи, а завтра принесем тебе его тело.

И остальные повторили его слова.

Охотники посмотрели друг на друга, оглянулись и боком попятились от зарослей. Сперва они шли медленно, затем повернулись к холму и только оглядывались через плечо, убыстряя шаг; скоро они уже бежали и, наконец, помчались, перегоняя друг друга. Только у самого холма Сисс, бежавший позади всех, первый замедлил шаг.

Солнце закатилось, спустились сумерки, костры на фоне подернутых голубоватой дымкой далеких каштановых лесов казались ярко-красными, и голоса на холме звучали весело. Эвдена лежала не шевелясь, поглядывая то на холм, то на мясо, то снова на холм. Она была голодна, но прикоснуться к мясу боялась. Наконец она потихоньку вернулась к Уг-Ломи.

Услышав, как под ногами ее тихо зашуршали листья, он обернулся. Лицо его было в тени.

— Ты принесла мне еду? — спросил он.

Она ответила, что ничего не могла найти, но поищет еще, и пошла обратно по львиной тропе, пока снова не увидела холм, но принудить себя взять мясо она не могла: смутный инстинкт заставлял ее остерегаться ловушки. Эвдена почувствовала себя очень несчастной.

Она прокралась обратно к Уг-Ломи и услышала, как он ворочается и стонет. Тогда она снова повернула к холму; возле мяса в темноте что-то шевелилось, и, всмотревшись пристальнее, она разглядела шакала. Вмиг страха Эвдены как не бывало: рассердившись, она выпрямилась во весь рост, громко крикнула и кинулась к жертвенному дару. Но споткнулась, упала и услышала, что шакал с рычанием убежал.

Когда она поднялась, только ясеневое копье лежало на земле, а мясо исчезло. И вот она пошла обратно, чтобы всю ночь страдать от голода вместе с Уг-Ломи; Уг-Ломи очень сердился, что она не принесла поесть, но она ничего ему не рассказала о том, что видела.

Прошло еще два дня, и они совсем изголодались, но тут племя убило лошадь. С той же церемонией на ясеневом копье у зарослей была оставлена задняя нога, но на этот раз Эвдена не колебалась.

Помогая себе жестами, она рассказывала обо всем Уг-Ломи, но он понял, что она говорит, только когда доел почти все мясо. А тогда он очень развеселился.

— Я — Айя,— сказал он.— Я — Лев. Я — Большой Пещерный Медведь. Я, который раньше был просто Уг-Ломи. Я — Хитрый Вау. Это хорошо, что они меня кормят, потому что скоро я всех их убью!

Сердце Эвдены наполнилось радостью, и она смеялась вместе с ним, а потом, довольная, доела остатки лошадиного мяса.

И вот после этого Уг-Ломи приснился сон, и на следующий день он велел Эвдене принести ему львиные зубы и когти — столько,

сколько она сможет найти,— и вырезать ему из ольхи дубинку. Он очень искусно вставил зубы и когти в дерево так, что острые концы торчали наружу. Это заняло у него много времени, и вколачивая зубы в дерево, он затупил два из них и очень рассердился и бросил всю эту штуку прочь; но после, с трудом волоча тело, он подполз туда, куда кинул ее, и доделал дубинку; она вышла совсем не похожей на прежние — вся утыканная зубами. В тот день они опять ели мясо, принесенное племенем в жертву льву.

Как-то раз (с тех пор как Уг-Ломи сделал новую дубинку, дней прошло больше, чем пальцев у человека на руках, больше, чем можно сосчитать) Эвдена, пока он спал, лежала в зарослях и смотрела на становище. Уже три дня им не приносили мяса. Но старуха пришла и возносила моления льву как обычно. А в это время Си, маленькая подружка Эвдены и еще одна девочка — дочь первой женщины, которую любил Сисс,— спустились по склону холма и стояли, глядя на ее костлявую фигуру, а затем принялись ее передразнивать. Эвдене это показалось очень забавным. Но тут старуха вдруг обернулась и увидела их. На миг все они застыли неподвижно, затем старуха с криком ярости бросилась на детей, и все трое исчезли за гребнем холма.

Но вот девочки снова появились в папоротниках на склоне. Маленькая Си бежала впереди, она была легка на ногу, но другую, визжавшую от страха, старуха уже почти настигла. В это время на холме показался Сисс с костью в руке, за ним почтительно следовали Бо и Кошачья Шкура, каждый с куском мяса, и увидев, как разъярена старуха, они разразились смехом и криками. Старуха схватила девочку, испустившую жалобный вопль, и стала ее бить, а девочка громко плакала, и все это было для мужчин хорошим послеобеденным развлечением. Маленькая Си отбежала еще на несколько шагов и остановилась — страх боролся в ней с любопытством.

Но тут появилась мать девочки, всклокоченная, запыхавшаяся, с камнем в руке. Старуха повернулась к ней, как разъяренная кошка. Несмотря на свои годы, она еще могла потягаться с молодой, она — Главная Хранительница Огня; но, прежде чем она успела замахнуться, Сисс закричал на нее, и поднялся невероятный шум. Из-за гребня вынырнуло еще несколько лохматых голов. Эвдена поняла, что все племя сейчас находилось в становище и пировало. Старуха не посмела больше бить ребенка, который находился под защитой Сисса.

Все кричали и бранились, даже маленькая Си. Внезапно старуха выпустила девочку и бегом кинулась к Си, потому что за Си некому было заступиться. Си только в последний миг догадалась, какая ей грозит опасность, и, вскрикнув от ужаса, очертя голову бросилась от старой ведьмы, не разбирая дороги, прямо к логову льва. Но тут же, увидев, куда она бежит, свернула в сторону, к тростникам.

Однако это была поистине удивительная старуха, столь же проворная, как и злая. Она поймала Си за развевавшиеся волосы в тридцати шагах от Эвдены. А все племя со смехом и криками бежало вниз с холма в предвкушении интересного зрелища.

Сердце Эвдены дрогнуло, какое-то неведомое чувство шевельнулось в ней и, думая только о Си, совсем забыв о страхе перед племенем, она выскочила из своего убежища и бросилась к девочке. Старуха ее не видела, она в упоении хлестала маленькую Си по лицу, и вдруг что-то твердое и тяжелое ударило ее в щеку. Она зашаталась и, обернувшись, увидела Эвдену, раскрасневшуюся, со сверкающими гневом глазами. Старуха взвизгнула от изумления и ужаса, а маленькая Си, так и не поняв, что произошло, стремглав пустилась бежать к пораженным людям своего племени. Они были теперь совсем рядом, появление Эвдены заставило их забыть и без того уже угасший страх перед львом.

В один миг Эвдена, бросив съежившуюся от страха старуху, догнала Си.

— Си! — закричала она.— Си!

Она подхватила остановившуюся на бегу девочку, прижала к себе ее исцарапанное ногтями личико и кинулась назад к своему логову, логову старого льва. Старуха стояла, по пояс скрытая тростником, и ожесточенно поносила Эвдену, но не осмелилась преградить ей путь. На повороте Эвдена оглянулась и увидела, что мужчины криками сзывают друг друга, а Сисс рысцой бежит по проложенной львом тропе.

Эвдена помчалась по узкому проходу в тростнике прямо к тому месту, где был Уг-Ломи. Нога его уже заживала; разбуженный криками, он сидел под деревом и тер глаза. Она подбежала к нему, его женщина, с маленькой Си на руках. Она задыхалась от страха.

— Уг-Ломи! — закричала она.— Уг-Ломи, племя идет!

Уг-Ломи оторопело смотрел на нее и на Си.

Не спуская девочку с рук, Эвдена указала назад. В своем скудном запасе слов она пыталась найти те, которые объяснили бы ему, что случилось. Она слышала, как перекликались мужчины. Должно быть, они остановились перед тростниковыми зарослями. Эвдена опустила Си на землю, схватила новую дубинку, утыканную львиными зубами, и вложила ее Уг-Ломи в руку, затем быстро подняла с земли лежавший в стороне Первый Топор.

— О,— сказал Уг-Ломи, взмахнув над головой новой палицей, но тут он наконец все понял и, перевернувшись на живот, напряг свои силы и встал.

Но стоял он не очень уверенно. Держась одной рукой за дерево, он только чуть касался земли больной ногой. В другой руке он сжимал палицу. Он взглянул на свое заживающее бедро; внезапно тростник зашелестел, затих, зашелестел снова, и, опасливо пригнувшись, подняв над головой обожженное на огне ясеневое копье, на тропе появился Сисс. Встретившись взглядом с Уг-Ломи, он замер. Уг-Ломи забыл о ране в бедре. Он твердо встал на обе ноги. На землю упала капля. Он глянул вниз и увидел, что из подживающей раны сочится кровь. Он смочил кровью ладонь, чтобы крепче ухватить палицу, и снова посмотрел на Сисса.

— Ва! — закричал он и прыгнул вперед. Сисс настороженно следил за ним и быстрым движением метнул снизу в Уг-Ломи копье.

Но оно только вспороло кожу на руке, поднятой для защиты, и в тот же миг палица опустилась — встречный удар, который Сиссу не суждено было оценить. Как бык под обухом мясника, он свалился к ногам Уг-Ломи.

Бо тоже ничего не понял. До этого он считал себя в безопасности: с двух сторон высокие стены тростника, а между ним и Уг-Ломи неодолимая преграда — Сисс. По пятам за Бо следовал Пожиратель Улиток, так что и сзади опасаться было нечего. Бо был готов следовать за Сиссом, предоставив ему победу или смерть. Таково было его место, место Второго мужчины. И вот он увидел, как толстый конец копья в руках у Сисса взметнулся и исчез, затем раздался глухой удар, широкая спина впереди рухнула, и он оказался лицом к лицу с Уг-Ломи, отделенным от него только телом простертого на земле вожака. Сердце Бо покатилось в пропасть. Он держал в одной руке метательный камень, в другой — копье, но Уг-Ломи не дал ему времени решить, что из них пустить в ход.

Пожиратель Улиток был проворней, к тому же Бо, когда утыканная зубами палица опустилась ему на голову, не свалился ничком, как Сисс, а медленно осел на землю. Пожиратель Улиток быстро метнул копье прямо вперед и попал Уг-Ломи в плечо, а затем с отчаянным криком больно ударил его колющим камнем по другой руке. Палица, не задев врага, со свистом рассекла воздух и врезалась в тростник. Эвдена увидела, как Уг-Ломи, шатаясь, сделал несколько шагов назад из узкого прохода на прогалину и, споткнувшись о тело Сисса, упал; из плеча его на целый фут торчало древко ясеневого копья. И тут Пожиратель Улиток, которому она еще девочкой дала это прозвище, получил от нее смертельную рану; когда вслед за копьем из зарослей тростника появилось его сияющее торжеством лицо, Эвдена, с молниеносной быстротой взмахнув Первым Топором, угодила ему прямо в висок, и он свалился на Сисса рядом с распростертым на земле Уг-Ломи.

Однако Уг-Ломи не успел еще подняться, когда из тростника выскочили два брата Красноголовых — с копьями и камнями наготове, а сразу за ними — Змея. Одного Красноголового Эвдена ударила по шее, но свалить его ей не удалось; покачнувшись, он только помешал удару своего брата, который целился Уг-Ломи в голову. Уг-Ломи мгновенно бросил палицу, схватил своего противника поперек тела и со всего размаха швырнул на землю. Затем снова сжал в руке палицу. Красноголовый, которого чуть не сшибла с ног Эвдена, тут же поднял на нее копье, и, уклоняясь от удара, она невольно отступила в сторону. Он колебался, не зная, кинуться ли на нее или на Уг-Ломи, повернул голову и испуганно вскрикнул, увидев того совсем рядом,— через мгновение Уг-Ломи уже сжимал его горло, и палица получила свою третью жертву. Когда он упал, Уг-Ломи издал крик — крик торжества.

Второй из Красноголовых лежал спиной к Эвдене в нескольких шагах от нее, и по голове его текли струйки, еще более красные, чем его волосы. Он пытался встать на ноги. Эвдена думала только о том, чтобы помешать ему подняться, она кинула в него топор, но

промахнулась и увидела, как он повернул и, обежав маленькую Си, помчался сквозь тростник. На мгновение на тропе показался Змея, но тут же она увидела его спину. В воздухе мелькнула палица, и Эвдена заметила, как лохматая, с запекшейся на волосах кровью голова Уг-Ломи нырнула в заросли вслед за Змеей. И тут же раздался его пронзительный, почти женский визг.

Пробежав мимо Си к папоротнику, где торчала рукоятка топора, Эвдена, еле переводя дыхание, обернулась и вдруг увидела, что на поляне, кроме нее, осталось только три бездыханных тела. Воздух звенел от криков и воплей. Голова у нее кружилась, перед глазами все плыло, но тут ее пронзила мысль, что на львиной тропе убивают Уг-Ломи, и, с невнятным возгласом перескочив через тело Бо, она помчалась вслед за Уг-Ломи. Поперек тропинки лежали ноги Змеи, его голова была скрыта в тростнике. Эвдена бежала, пока тропинка не повернула и не вывела ее на открытое место возле ольхи, и тут она увидела, что оставшиеся в живых люди племени бегут к становищу, рассыпавшись по склону, словно сухие листья, гонимые ветром. Уг-Ломи уже настигал Кошачью Шкуру.

Но быстроногий Кошачья Шкура ускользнул от него; не смог он догнать и молодого Вау-Хау, хотя преследовал его, пока не очутился далеко за холмом. Уг-Ломи был полон воинственной ярости, а кусок копья, застрявший у него в плече, действовал на него, как шпора. Убедившись, что ему не угрожает опасность, Эвдена остановилась и, тяжело дыша, смотрела, как вдалеке маленькие фигурки поспешно взбегают на холм и одна за другой скрываются за его гребнем.

Скоро она снова оказалась в одиночестве. Все произошло удивительно быстро. Дым Брата Огня ровным столбом поднимался над становищем к небу, точь-в-точь как еще недавно, когда старуха стояла на склоне, вознося моления льву.

Ей показалось, что прошло очень много времени, прежде чем Уг-Ломи снова показался на вершине холма. Тяжело переводя дыхание, он с торжествующим видом подошел к Эвдене, стоявшей на том самом месте, где несколько дней назад племя оставило ее в жертву льву. Волосы падали ей на глаза, лицо горело, в руке она сжимала окровавленный топор.

— Ва! — закричал Уг-Ломи и потряс в воздухе палицей, теперь красный от крови, с налипшими волосами. Он с признательностью посмотрел на бившуюся вместе с ним Эвдену. И она, взглянув на него, сияющего от счастья, почувствовала, как слабость разливается по ее телу, и заплакала и засмеялась.

При виде ее слез сердце Уг-Ломи сжала какая-то непонятная ему сладкая боль. Но он только громче крикнул: «Ва!» — и потряс топором. Как подобает мужчине, он велел Эвдене следовать за собой и, размахивая палицей, большими шагами направился к становищу, словно он никогда не уходил от племени; перестав плакать, Эвдена торопливо пошла за ним, как и подобает женщине.

Так Уг-Ломи и Эвдена вернулись в становище, из которого за много дней до того убежали от Айи. Возле костра лежал наполо-

вину съеденный олень, точь-в-точь как это было до того, как Уг-Ломи стал мужчиной, а Эвдена — женщиной. И вот Уг-Ломи сел и принялся есть, и Эвдена села рядом с ним, как равная, а все племя смотрело на них из безопасных убежищ. Через некоторое время одна из старших девочек, робея, пошла к ним с маленькой Си на руках, и Эвдена позвала их и предложила им пищи. Но девочка испугалась и не захотела подходить к ним близко, хотя Си рвалась от нее к Эвдене. А потом, когда Уг-Ломи кончил есть, он задремал и наконец заснул, и мало-помалу все остальные вышли из своих убежищ и приблизились к ним. И когда Уг-Ломи проснулся, все (если не считать того, что нигде не было видно мужчин) выглядело так, будто он никогда и не покидал племени.

И вот что странно, хотя так это и было: пока Уг-Ломи сражался, он забыл о раненой ноге и не хромал, но, после того как он отдохнул, он стал хромым и хромал до конца своих дней.

Кошачья Шкура, и второй из Красноголовых братьев, и Вау-Хау, который искусно обтачивал кремни, как это делал раньше его отец, убежали от Уг-Ломи, и никто не знал, куда они скрылись. Но через два дня они пришли и, сидя на корточках поодаль в папоротнике под каштанами, смотрели на становище. Уг-Ломи хотел было их прогнать, но гнев его уже остыл, и он не тронулся с места, и на закате они ушли. В тот же день они набрели в папоротнике на старуху, там, где Уг-Ломи наткнулся на нее, когда преследовал Вау-Хау. Она лежала мертвая и в смерти стала еще безобразнее, но тело ее не было тронуто. Шакалы и стервятники, отведав, оставили ее — она была поистине удивительной старухой!

На следующий день мужчины пришли снова и сели ближе, и Вау-Хау держал в руке двух кроликов, а Красноголовый — лесного голубя, но Уг-Ломи встал и на глазах у женщин насмехался над пришедшими.

На третий день они сели еще ближе — у них не было ни камней, ни палок, только те же дары, что и накануне, а Кошачья Шкура принес форель. В те времена людям редко удавалось поймать рыбу, но Кошачья Шкура часами тихо стоял в воде и ловил ее без всякой снасти. И на четвертый день Уг-Ломи дозволил им с миром вернуться в становище и принести с собой пищу, которую они добыли. Форель съел Уг-Ломи. С этого дня и на многие годы Уг-Ломи стал главой племени, и никто не осмеливался противиться его воле. А когда пришло его время, он был убит и съеден точно так же, как Айя.

Рони Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Смерть огня

В непроглядную ночь бежали уламры, обезумев от страданий и усталости; все их усилия были тщетны перед постигшим их несчастьем: огонь был мертв! Они поддерживали его в трех клетках. По обычаю племени четыре женщины и два воина питали его день и ночь.

Даже в самые тяжелые времена поддерживали они в нем жизнь, охраняли его от непогоды и наводнений, переносили его через реки и болота; синеватый при свете дня и багровый ночью, он никогда не расставался с ними. Его могучее лицо обращало в бегство львов, пещерного и серого медведей, мамонта, тигра и леопарда. Его красные зубы защищали человека от обширного страшного мира; все радости жили только около него. Он извлекал из мяса вкусные запахи, делал твердыми концы рогатин, заставлял трескаться камни, он подбадривал людей в дремучих лесах, в бесконечной саванне, в глубине пещер. Это был отец, страж, спаситель; когда же он вырывался из клетки и пожирал деревья, он становился более жестоким и диким, чем мамонты.

И вот теперь он мертв! Враг разрушил две клетки; в третьей же, уцелевшей во время бегства, огонь ослабевал, бледнел и постепенно уменьшался. Он был так слаб, что не мог поедать даже болотные травы; он дрожал, как больное животное, обратившись в небольшое насекомое красноватого цвета, и каждое дуновение ветра грозило его погасить... потом он вовсе исчез... Уламры бежали, осиротевшие, в осеннюю ночь. Звезд не было. Тяжелое небо опускалось над тяжелыми водами; растения протягивали над беглецами свои похолодевшие стебли, слышно было только, как шуршат пресмыкающие-

ся. Мужчины, женщины, дети поглощались тьмою. Прислушиваясь к голосам своих вожаков, они старались двигаться по сухой и твердой земле, переходя вброд встречавшиеся ручьи и болота. Три поколения знали эту тропу. На рассвете они подошли к саванне. Холодный свет просачивался сквозь меловые слои облаков. На жирных, как горная смола, водах кружился ветер. Как гнойники, раздувались водоросли, оцепеневшие ящерицы лежали, свернувшись, среди кувшинок. На иссохшем дереве сидела цапля. Наконец в рыжем тумане развернулась саванна с дрожащими от стужи растениями. Люди воспрянули духом и, пройдя сквозь заросли камыша, очутились наконец среди трав, на твердой почве. Но тут их лихорадочное возбуждение сразу упало, люди ложились на землю, застывали в неподвижности; женщины, более выносливые, чем мужчины, потеряв своих детей в болотах, выли, как волчицы, те, что спасли своих малюток, поднимали их вверх, к облакам. Когда рассвело, Фаум с помощью пальцев и веток пересчитал свое племя. Каждая ветка соответствовала количеству пальцев на обеих руках. Остались: четыре ветки воинов, более шести веток женщин, около трех веток детей, несколько стариков.

Старый Гун сказал, что уцелели — один мужчина из пяти, одна женщина из трех и один ребенок из целой ветви.

Уламры почувствовали всю огромность несчастья. Они поняли, что их потомству угрожает гибель. Силы природы становились все более грозными. Люди будут бродить по земле, жалкие и нагие.

Отчаяние овладело даже мужественным Фаумом. Он уже не полагался больше на свои огромные руки. На его большом, заросшем жесткой щетиной лице, в его желтых, как у леопарда, глазах была смертельная усталость; он рассматривал свои раны, нанесенные копьем и дротиками врага, слизывая языком кровь, сочившуюся из его раненого плеча.

Он старался восстановить в памяти картину битвы. Уламры кинулись в бой. Его палица крушила головы врагов. Уламры уничтожат мужчин, уведут женщин, убьют вражеский огонь, прогонят врагов в саванны и непроходимые леса. Что же произошло? Почему уламры обратились в бегство, почему начали трещать их кости, почему из их животов стали вываливаться внутренности, из их уст вырываться предсмертные стоны, в то время как враг, наводняя лагерь, уничтожал священный огонь? Так спрашивал себя Фаум, уставший и отяжелевший. Он приходил в бешенство при одном воспоминании об этой битве, извиваясь, как гиена, он не хотел быть побежденным, он чувствовал в себе еще достаточно сил, храбрости, жестокости.

Солнце взошло. Его яркие лучи разлились над болотом, проникая в грязь, осушая саванну. В них была радость утра, свежесть растений. Вода казалась теперь более легкой, менее вероломной и опасной. Она серебрилась среди медно-ржавых островов; она покрывалась легкой зыбью из малахита и жемчуга, она расстилала чешую из слюды. Сквозь заросли ивы и ольхи доносился ее тонкий запах. В игре светотеней сверкали водоросли, лилии, желтые

кувшинки, мелькали водяные касатки, болотные молочайники, вербейники, стрелолистники. Заросли лютиков с аконитовыми листьями, узоры из мохнатой заячьей капусты чередовались с диким льном, горьким крессом, росянками. В зарослях кустов и камышей кишели водяные курочки, чирки, ржанки и зеленокрылые чибисы. На берегах маленьких рыжеватых бухточек стояли, как на карауле, цапли, на мысу, хлопая крыльями, резвились журавли; зубастая щука охотилась за линями. Стрекозы, сверкая зелеными огоньками, летали в расщелинах камней из ляпис-лазури.

Фаум созерцал свое племя. Несчастье лежало на людях, как помет пресмыкающегося. Лимонно-желтые, кроваво-красные, зеленые, как водоросли, люди распространяли запах лихорадки и гниющего мяса. Одни лежали, свернувшись, как змеи, другие — вытянувшись, как ящерица, а иные хрипели, охваченные предсмертной агонией. Раны, нанесенные в живот, становились черными и отвратительными; раны на головах казались больше своих размеров от запекшейся на волосах крови. Все эти люди будут здоровы. Смертельно раненные погибли на том берегу или во время переправы. Фаум, оторвав взор от спящих, стал рассматривать тех, кто страдал от поражения больше, нежели от усталости. Это были настоящие уламры: большие, тяжелые головы, низкие лбы и сильные челюсти; кожа рыжеватого тона, волосатые торсы, крепкие руки и ноги. Остротой своих чувств, особенно обонянием, они могли соперничать с животными. В их взглядах сверкала угрюмая свирепость. Особенно красивы были глаза детей и молодых девушек.

Хотя по многим своим признакам племя уламров и приближалось к современным нам дикарям, но это сходство было далеко не полным.

Палеолитические племена таили в себе молодость, которая никогда больше не вернется, цветение жизни, энергию и силу которой мы с трудом можем себе представить.

Фаум воздел руки к небу с протяжным стенанием:

— Что же станется с уламрами без огня? — воскликнул он.— Как будут они жить в саванне и в лесу, кто защитит их от мрака и ветров зимы? Им придется есть сырое мясо и горькие овощи. Кто согреет их озябшие тела? Острие рогатины останется мягким. Лев, зверь с раздирающими зубами, медведь, тигр, большая гиена пожрут их ночью! Кто завладеет снова огнем, тот станет братом Фаума, тот получит третью часть охоты, четвертую часть всей добычи; он получит Гаммлу — мою дочь, и после моей смерти станет вождем племени.

Тогда Нао, сын Леопарда, поднялся и сказал:

— Пусть дадут мне двух быстроногих воинов, и я пойду, завоюю огонь у сыновей мамонта или у пожирателей людей, которые охотятся на берегах Большой реки.

Фаум посмотрел на него недружелюбно. Нао был самым рослым из всех уламров. Его плечи были широки. Не было более ловкого и быстрого воина, чем Нао. Но победил Му, сына Кабана, сила которого равнялась силе Фаума. Фаум боялся его. Он давал ему

унизительные работы, отдалял от племени, подвергал смертельным опасностям.

Нао не любил вождя, но при виде Гаммлы он приходил в восхищение; она была стройна, гибка, загадочна, ее волосы напоминали густую листву. Нао часто подстерегал ее в ивовом кустарнике, спрятавшись за деревья, или в овраге. При виде ее его охватывали то нежность, то гнев, иногда он раскрывал свои объятия, чтоб прижать ее тихо и нежно, иногда же ему хотелось накинуться на нее, как это делают с девушками из вражеских племен, опрокинуть на землю ударом палицы. Однако он не хотел причинять ей зла: если бы она была его женой, он обращался бы с ней без грубости. Ему не нравилось на лицах людей выражение страха; оно делало людей чужими.

В другое время Фаум рассердился бы на слова Нао. Но несчастье скрутило его.

Быть может, союз с сыном Леопарда принесет пользу? В противном же случае он сумеет предать его смерти. И, обернувшись к молодому человеку, он сказал:

— У Фаума только один язык. Если ты принесешь огонь, ты получишь Гаммлу без всякого выкупа. Ты станешь сыном Фаума.

Он поднял руку и говорил медленно и сурово. Затем сделал знак Гаммле.

Она подошла, дрожащая, подняв свои прекрасные глаза, полные влажного блеска. Она знала, что Нао подкарауливал ее среди трав, во мраке, и, когда он появлялся оттуда, как бы желая броситься на нее, она пугалась; но иногда его образ был ей мил; она желала одновременно, чтобы он погиб под ударами пожирателей людей и чтобы он оказался победителем и принес огонь.

Фаум положил свою тяжелую руку на плечо девушке:

— Кто из девушек может сравниться с Гаммлой? Она легко может нести на плече оленью самку, ходить без устали от восхода до захода солнца, терпеть голод и жажду, выделывать шкуры зверей, переплывать озера. Она произведет на свет здоровых детей. Если Нао принесет огонь, он получит ее, не давая взамен ни топоров, ни рогов, ни мехов, ни раковин.

Тогда Аго, сын Зубра, самый волосатый из уламров, подошел, полный вожделения:

— Аго хочет завоевать огонь! Он пойдет со своими братьями и будет подстерегать врагов по ту сторону реки. Он либо погибнет от ударов топора, копья, зубов тигра, когтей льва-великана, либо вернет уламрам огонь, без которого они слабы и беспомощны, как олень или сайга.

На его лице были видны только рот, обрамленный сырым мясом губ, и глаза убийцы. Его коренастая фигура подчеркивала еще больше длину его рук и ширину плеч; все его существо выражало необычайную силу, неутомимую и безжалостную. Никто не знал ее пределов: он не применял ее ни против Фаума, ни против Му, ни против Нао. Знали только, что сила его огромна. Он ни разу не испытывал ее в мирной борьбе; но никто из тех, кто вставал на его

пути, не мог устоять против него. Он либо уродовал своих противников, либо уничтожал их, присоединяя их черепа к своим трофеям. Он жил вдали от других уламров с двумя своими братьями, такими же волосатыми, как и он, и несколькими женами, которых держал в ужасном рабстве. Хотя уламры и сами не отличались мягкостью характера, но жестокость сыновей Зубра страшила даже самых жестоких из них. Сыновья Зубра возбуждали в уламрах смутное недовольство. Это недовольство было первым проблеском сознания общности интересов перед лицом опасности.

Многие из уламров упрекали Нао в недостаточной суровости. Но порок этот в грозном воине был по душе тем, кто не обладал ни сильными мускулами, ни ловкостью.

Фаум ненавидел Аго не меньше, чем Нао, но еще больше он боялся его. Скрытая сила братьев ему казалась неуязвимой. Если один из них желал смерти человека, значит, все трое хотели того же. Всякий, кто объявлял им войну, должен был либо погибнуть сам, либо уничтожить их всех.

Вождь искал союза с сыновьями Зубра, но его заискивания натыкались на глухую стену их недоверия. Фаум был, пожалуй, и сам не менее жестоким и недоверчивым, чем Аго и его братья, однако он обладал некоторыми качествами вождя: снисходительностью к своим приверженцам, заботливостью об их нуждах и редким мужеством.

Он ответил с грубым безразличием:

— Если сын Зубра вернет огонь уламрам, он получит Гаммлу без выкупа, он будет вторым человеком в орде, в отсутствие вождя ему будут подчиняться все воины.

Аго слушал со свирепым видом. Повернув к Гаммле свое заросшее волосами лицо, он смотрел на нее алчно, с вожделением. В его круглых глазах сверкала угроза.

— Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра; всякий, кто посягнет на нее, погибнет.

Нао, разгневанный этими словами, тотчас принял вызов и заявил:

— Гаммла будет принадлежать тому, кто вернет огонь.

— Его вернет Аго!

Они посмотрели друг на друга. До этого дня между ними не было повода к раздорам.

Сознавая взаимную силу, они, не будучи ни противниками, ни друзьями, ни разу не сталкивались даже на охоте. Речь Фаума породила в них ненависть.

Аго, который накануне даже не взглянул на Гаммлу, когда она тайком пробиралась по саванне, задрожал всем телом, как только Фаум стал расхваливать девушку. Его охватила внезапная страсть. Ему казалось, что он уже давно стремится обладать этой девушкой. Но отныне у него не должно быть соперников. Он почувствовал это всем своим существом.

Нао это понял. Он покрепче сжал левой рукой свой топор, а правой рогатину. На вызов Аго появились его братья, молчаливые, угрюмые и страшные. Они до странности походили на него,

такие же рыжие, с пучками красноватой щетины на лице, с глазами, сверкающими, как надкрылья жужелицы. Их ловкость была не менее опасна, чем их сила.

Все трое, готовые к убийству, подстерегали каждое движение Нао. Но среди воинов поднялся ропот. Даже те, кто осуждал Нао за мягкость к противнику, не хотели его смерти, особенно после того, как погибло столько уламров. А кроме того, ведь он обещал вернуть им огонь! Все знали, что он искусен в военных хитростях, неутомим в борьбе, знает секрет, как поддерживать самое слабое племя и заставить его возродиться из пепла. Многие верили в его успех.

Правда, Аго тоже обладал необходимыми для этого дела терпением и хитростью, и уламры понимали пользу двойной попытки раздобыть огонь.

Они с шумом поднялись. Сторонники Нао, подбадривая себя криками, приготовились к бою.

Чуждый страха, сын Зубра не пренебрегал, однако, осторожностью. Он отложил поединок. Гун Сухие Кости выразил неясные мысли толпы:

— Разве уламры хотят исчезнуть с лица земли? Разве они забыли, что враг и наводнение уничтожили много воинов: из четверых остался один. Всякий, кто способен носить рогатину, топор и палицу, должен жить. Нао и Аго — сильнейшие из мужчин, которые охотятся в лесу и в саванне; если один из них умрет, уламры еще больше ослабеют. Дочь Болота будет принадлежать тому, кто вернет нам огонь. Такова воля племени!

— Пусть так и будет,— подтвердили хриплые голоса.

Женщины, грозные своей многочисленностью, страшные своей нетронутой силой и общностью своих чувств, воскликнули:

— Гаммла будет принадлежать тому, кто завоюет огонь!

Аго приподнял свои волосатые плечи. Он ненавидел толпу, но не счел нужным вступать в пререкания. Уверенный в том, что опередит Нао, он твердо решил, при случае, уничтожить соперника.

Сердце его наполнилось жестокостью.

II

Мамонты и зубры

Это было на рассвете следующего дня. В облаках трепетал ветер, а низко над землей и болотами нависал недвижимый, благоухающий, теплый воздух. Небо дрожало, как озеро, на котором колыхались водоросли, кувшинки и бледные камыши. Утренняя заря катила по небу свою пену; она расширялась, разливалась желтыми лагунами, берилловыми лиманами, реками из розового перламутра.

Уламры, повернувшись к этому огромному огню, чувствовали, как в глубине их душ поднимается что-то величественное, что заставляет петь в траве саванны и ивняках маленьких птичек.

Раненые стонали от жажды; мертвый воин лежал, раскинув свои посиневшие члены; какое-то ночное животное уже изгрызло его

лицо. Гун бормотал нараспев неясные жалобы. Фаум велел бросить труп в воду.

Затем внимание племени обратилось к завоевателям огня, Аго и Нао, которые готовились к походу. Волосатые братья вооружились палицами, топорами, рогатиной и дротиками с нефритовым и кремневым наконечниками. Нао, рассчитывавший больше на храбрость, чем на силу, выбрал себе двух молодых воинов, ловких и быстрых в беге. Они были вооружены топорами, рогатинами и дротиками. Нао добавил к этому дубовую обожженную палицу. Он предпочитал это оружие всякому другому и пускал его в ход в борьбе с крупными хищниками.

Фаум обратился сперва к сыну Зубра:

— Аго появился на свет раньше, чем сын Леопарда. Пусть он первым выберет путь. Если он пойдет к Большой реке, Нао повернет к болотам, к заходящему солнцу... Если Аго пойдет к болоту, Нао повернет к Большой реке.

— Аго еще не знает, куда он пойдет,— возразил волосатый.— Аго ищет огонь; он может пойти утром к реке, вечером к болотам. Разве охотник, преследуя кабана, знает, где он его убьет?

— Аго может изменить дорогу,— вмешался Гун, поддержанный ропотом толпы,— но он не может одновременно идти и к заходящему солнцу, и к Большой реке. Пусть он скажет, куда он пойдет!

В глубине своей темной души сын Зубра понял, что он совершит ошибку не тем, что не послушается вождя, а тем, что возбудит этим подозрения Нао. Обратив на толпу свой волчий взгляд, он воскликнул:

— Аго пойдет к заходящему солнцу! — и, сделав знак своим братьям, он пустился в путь вдоль болот.

Нао не сразу последовал его примеру. Он пожелал еще раз запечатлеть в своих глазах образ Гаммлы. Она стояла под ясенем позади вождя, Гуна и других стариков. Нао приблизился к ней; она не шелохнулась, обернувшись лицом к саванне. В ее волосах были вплетены цветы стрелолистника и ненюфары цвета луны; казалось, будто от кожи ее излучается свет, более яркий, чем от речной струи и от зеленого тела деревьев.

Нао почувствовал жажду жизни, беспокойное, могучее желание, которое овладевает животными и растениями. Его сердце сильно забилось, он задыхался от нежности и гнева; всякий, кто мог разъединить его с Гаммлой, казался ему теперь столь же ненавистным, как сыновья Мамонта или пожиратели людей.

Он поднял руку, вооруженную топором, и сказал:

— Дочь Болота! Нао или не вернется совсем,— он исчезнет в земле, в воде, в животе гиены,— или принесет огонь уламрам. Он принесет Гаммле раковины, зубы леопарда, голубые камни, рога зубров!

При этих словах девушка бросила на воина взгляд, в котором трепетала радость ребенка. Но Фаум прервал его с нетерпением:

— Сыновья Зубра уже скрылись за тополями!

Тогда Нао пошел по направлению к югу.

Целый день шли Нао, Гав и Нам по саванне. Она была в расцвете своих сил; травы качались, набегали друг на друга, как морские волны, саванна колыхалась под легким ветерком, трескалась на солнце, излучала в воздух бесчисленные ароматы. Она была грозна и обильна, монотонна в своей необъятности и вместе с тем разнообразна. Среди моря злаков, островов дрока, полуостровов вереска цвели зверобой, шалфей, лютики, сердечники. Местами обнаженная земля жила медлительной жизнью камней, устоявших против натиска растительности. Дальше снова тянулись поля, усеянные цветущими мальвами, шиповником, васильками, красным клевером и кустарниками.

Невысокие холмы перемежались с ложбинками и болотами, где кишели насекомые и пресмыкающиеся. Кой-где причудливые скалы поднимали над равниной свой профиль мамонта. Антилопы, зайцы то появлялись, то исчезали в траве, преследуемые волками и собаками. В воздухе скользили дрофы, куропатки, парили журавли и вóроны. Табуны лошадей и стада лосей пересекали зеленую равнину, где медленно бродил серый медведь с повадками большой обезьяны и носорога, более сильный, чем тигр, и столь же грозный, как лев-великан. Нао, Нам и Гав расположились на ночлег у подножия кургана; они не прошли еще и десятой части саванны, они видели лишь бушующие волны трав. Кругом была ровная, однообразная степь. Заходящее солнце таяло в сумрачных облаках. Глядя на бесчисленные отсветы облаков, Нао думал о маленьком пламени, которое он должен завоевать. Казалось, достаточно было подняться на холмы, протянуть сосновую ветку, чтобы зажечь ее от потухающего на западе костра.

Тучи почернели. Пурпуровая бездна залегла в глубине пространства, один за другим появлялись маленькие, сверкающие камешки звезд. Повеяло дыханием ночи.

Нао, привыкший к сторожевым кострам, к этому светлому барьеру, ограждающему людей от моря мрака, теперь острее почувствовал свою слабость и беспомощность. Каждое мгновение мог появиться серый медведь или леопард, тигр или лев, хотя они и редко проникали в глубь саванны; стадо зубров могло растоптать слабое человеческое тело; многочисленность придавала волкам силу крупных хищников, голод вооружал их храбростью.

Воины поели сырого мяса. Это была печальная трапеза; они предпочитали запах жареной пищи. Нао первым стал на стражу. Он всем своим существом вдыхал ночь. Он воспринимал ее тончайшие, неуловимые оттенки. Его зрение улавливало свечение предметов, их бледные формы, перемещение теней. Его слух различал шелест ветерка, треск растений, полет насекомых и хищных птиц, шаги и ползание животных. Он издали узнавал визг шакала, смех гиены, вой волков, крик орла; в его ноздри проникало дыхание влюбленного цветка, приятный запах трав, вонь хищников, приторный запах пресмыкающихся. Его кожа воспринимала тысячи впечатлений, получаемых от холода и тепла, от сырости и сухости, от малейшей перемены ветра. Его жизнь сливалась с жизнью природы.

Эта жизнь была полна опасностей. Созидание сопровождалось разрушением; жизнь покупалась только силой, хитростью, неутомимой борьбой. В каждом кусте Нао подстерегала опасность: зубы, которые могли его перегрызть, когти, которые могли его разорвать. Огненные глаза хищника грозили ему из мрака ночи.

Однако большинство зверей, считая человека сильным животным, проходили мимо него. Прошли гиены; их пасти были страшнее львиных, но гиены избегали нападать на живых людей, они искали мертвечины; остановилась стая волков, но волки не тронули людей, так как не были очень голодны и, предпочитая более легкую добычу, двинулись по следам антилоп; появились похожие на волков собаки, долго выли вокруг кургана. Иногда одна или две из них подкрадывались совсем близко к становищу людей, но страх перед двуногими удерживал их от нападения.

Было время, когда они в большом количестве бродили вокруг лагеря уламров, пожирая отбросы, принимая участие в охоте. Старый Гун подружился с двумя собаками, он кормил их внутренностями и костями животных. Обе они погибли в схватке с кабаном. Приручить других не удалось, так как Фаум, ставши вождем, приказал убивать всех собак. Нао нравилась дружба с собаками, она делала человека более сильным и уверенным. Но здесь, в саванне, он считал встречу с ними опасной,— собак была целая стая, а людей всего трое.

Между тем собаки теснее обступили курган; они перестали лаять, учащенно дышали. Нао забеспокоился. Он взял камень и бросил в самую дерзкую из стаи.

— У нас есть рогатины и палицы, они могут уничтожить медведя, зубра и льва! — крикнул он. Камень попал собаке в голову. Испуганная ударом и звуком человеческого голоса, собака скрылась в темноте. Остальные собрались в кучу. Казалось, они о чем-то совещались. Нао снова бросил в них камнем.

— Где вам сражаться с уламрами! Подите, охотьтесь за сайгой и волками. Посмейте только подойти, я выпущу вам кишки!

Разбуженные голосом своего вождя, Нам и Гав вскочили на ноги; появление новых противников заставило собак отступить.

Семь дней шел Нао. До сих пор ему благополучно удавалось избегать опасностей; число их увеличивалось по мере приближения к лесу. Хотя лес и находился еще в нескольких днях ходьбы, но уже стали появляться его первые предвестники: островки деревьев, крупные хищники. Уламры уже встретили тигра и большую пантеру. Ночи становились все опаснее. Уламрам приходилось с вечера искать себе убежище; они укрывались в расщелинах скал, среди кустарников, ночевать на деревьях они не решались. На восьмой и девятый день их стала мучить жажда. Ни ручейка, ни болотца, кругом выжженная пустыня; иссохшие пресмыкающиеся светились среди камней; насекомые наполняли воздух беспокойным трепетанием, они летали, вычерчивая медные, нефритовые, перламутровые спирали, они впивались в кожу воинов и кололи их своими острыми хоботками.

На девятый день земля стала свежей и мягче, с холмов спускался аромат вод; уламры увидели стадо зубров, направляющееся к югу. Тогда Нао сказал своим товарищам:

— Мы утолим жажду еще до захода солнца! Зубры идут на водопой.

Нам, сын Тополя, и Гав, сын Сайги, выпрямили свои истомленные жаждой тела. Это были ловкие юноши, но им не хватало решимости, в них нужно было воспитать мужество, веру в себя, выносливость. Зато они были покорны, склонны к радости, легко забывали страдания. Предоставленные самим себе, они легко приходили в замешательство перед любой опасностью, поэтому они предпочитали не разъединяться. Нао ощущал в них продолжение своей собственной силы. Их руки были проворны, ноги гибки, глаза зорки, слух остер. Они были верными слугами и легко покорялись мужеству и воле вождя. За десять дней пути они крепко привязались к Нао. Он был для них представителем рода, воплощением силы, защитником и покровителем. И когда Нао шел впереди них, опьяненный утром, радуясь своему сильному телу, они всем существом тянулись к нему, как дерево тянется к свету.

Нао это скорее чувствовал, чем понимал, это ощущение поднимало его в собственных глазах и вселяло в него уверенность в победе.

От деревьев легли длинные тени, травы всласть напились земного сока. Закатное солнце, большое и желтое, освещало стадо зубров, похожее издали на мутный поток воды.

Последние сомнения Нао рассеялись: по ту сторону холмов была вода — это подсказывал ему инстинкт, об этом свидетельствовали пробиравшиеся следом за зубрами многочисленные животные. Подобно Нао, его спутники учуяли в воздухе прохладную влажность.

— Надо опередить зубров,— сказал Нао.

Он боялся, что водоем окажется слишком мал и зубры займут его берега. Воины ускорили шаг.

Зубры двигались медленно — старые быки были осторожны, молодые устали. Уламры быстро достигли вершины холма. Другие животные тоже спешили, им тоже хотелось быть первыми у водопоя. Торопливо бежали легкие сайги, муфлоны, джигетаи, наперерез им несся табун лошадей. Многие из них уже перевалили через холм. Нао опередил зубров: можно будет пить не торопясь. Когда люди достигли перевала, зубры были еще у его подножия. Нам и Гав еще больше ускорили шаг; жажда их усиливалась; они перевалили через холм и увидели воду. Она была матерью, творцом, более благотворным и менее жестоким, чем огонь. Их глазам открылось озеро, вытянутое у подножия скал, перерезанное островками, справа питавшееся потоками реки, слева падавшее в бездну. К нему можно было пройти тремя путями: по реке, тем перевалом, что миновали уламры, и еще другим, между скал. В остальных местах озеро было окружено базальтовыми стенами.

Воины радостными возгласами приветствовали воду, оранжевую от заходящего солнца. У водопоя уже теснились сухопарые сайги,

маленькие коренастые лошадки, дикие ослы с тонкими копытами, муфлоны с бородатыми мордами, несколько козочек, хрупких, как осенние листья; отдельно от них стоял старый олень, на лбу которого росло как будто целое дерево. Но из них один только кабан утолял свою жажду, не торопясь, без страха, остальные животные пили, навострив уши, готовые каждую секунду пуститься в бегство. «Слабые должны жить в постоянном страхе» — так гласил закон первобытной жизни.

Вдруг головы животных повернулись в одну сторону. Это произошло быстро и вызвало замешательство. Через мгновенье — лошади, олени, дикие козы, муфлоны уже бежали на запад под ливнем алых лучей. Один только кабан остался на месте; он стоял, вращая своими кровавыми маленькими глазами в шелковистых ресницах. Появилась стая крупных волков, на высоких ногах, с большою пастью, с близко посаженными желтыми глазами. Уламры схватились за рогатины и дротики. Кабан оскалил свои искривленные клыки и неистово заревел. Волки своими острыми глазами и тонкими ноздрями измерили силу врага и, сочтя его опасным, бросились в погоню за убегавшими животными.

Их уход принес успокоение, и уламры, утолив жажду, стали совещаться. Надвигались сумерки; солнце опускалось за скалы, продолжать путь было уже поздно. Где же искать ночлега?

— Зубры подходят! — сказал Нао. Он посмотрел на западный перевал. Все трое прислушались, затем легли на землю.

— Это не зубры! — прошептал Гав.

— Это мамонты! — сказал Нао.

Уламры поспешно обследовали местность. Между базальтовым холмом и стеной из красного порфира с довольно широким выступом, по которому легко мог пройти крупный зверь, протекала река. Уламры взобрались на гору. Во мраке каменной бездны бурлила вода; над пропастью горизонтально вытянулись деревья, сломанные обвалами или собственной тяжестью, иные из них поднимались из глубины ущелья, очень тонкие и высокие. Вся энергия их ушла на то, чтобы дотянуть пучок листьев к бледному свету; обросшие мохом, обвитые лианами, изъеденные грибками, они выказывали ненарушимое долготерпенье побежденных.

Нам первый увидел пещеру. Низкая, не очень глубокая, неправильной формы. Уламры сначала долго и пристально ее разглядывали. Затем Нао, пригнув голову к земле, расширив ноздри, вошел в нее, опередив своих товарищей. В пещере валялись скелеты с кусками кожи, рога, челюсти. Очевидно, хозяин пещеры был сильный и грозный охотник. Нао старался уловить его запах.

— Это пещера серого медведя,— заявил он.— Прошло больше одного новолуния, как она опустела.

Нам и Гав еще не знали этого чудовищного животного,— уламры кочевали в местах, где водились тигры, львы, зубры, даже мамонты, но серый медведь попадался редко. Нао встречал его во время своих дальних странствий, он знал его слепую, как у носорога, жестокость и силу, почти равную силе льва-великана, его

чудовищную неустрашимость. Возможно, что медведь покинул пещеру совсем или переселился лишь на короткое время, быть может, с ним приключилось какое-нибудь несчастье. Уверенный, что животное не придет этой ночью, Нао решил занять его жилище. В это время ужасный рев потряс скалы и пронесся по реке: пришли зубры! Их могучие голоса отдавались эхом в этом странном месте. Нао не без волнения прислушивался к реву этих огромных животных. Человек редко охотился на зубров. Быки обладали таким ростом, такой силой и ловкостью, которых потомки их уже не знали; они чувствовали свою силу и не боялись даже самых крупных хищников.

Уламры вышли из пещеры. Они были взволнованы необычайным зрелищем, их темный ум улавливал без мысли, без слов ту мужественную красоту, что таилась в глубине их собственного существа; они предчувствовали ту тревогу, что через сотни веков породит поэзию великих варваров.

Едва только уламры вышли из пещеры, как снова раздался рев, менее сильный, менее ритмичный, непохожий на рев зубров; тем не менее он возвещал о приближении животных, наиболее могучих из всех, что бродили в ту пору по земле.

В те времена мамонт был непобедим. Его появление обращало в бегство льва и тигра, лишало храбрости серого медведя. Прошли тысячелетия, прежде чем человек рискнул напасть на него. И только один носорог, слепой и глупый, осмеливался вступать с ним в бой. Мамонт был ловок, проворен, неутомим, легко лазал по горам, обладал устойчивой памятью. Его хобот схватывал и измерял предметы, его клыки рыли землю, в его жилах текла ярко-красная кровь; без сомнения, он обладал более ясным сознанием, чем, скажем, наши ручные слоны, сознание которых притуплено длительной неволей.

Вожаки зубров и мамонтов подошли к воде одновременно. Мамонты, привыкшие к тому, что им все уступают дорогу, пожелали напиться первыми. Обычно это не встречало противодействия ни со стороны бизонов, ни со стороны зубров. Однако на этот раз зубры заупрямились.

Ими предводительствовали быки, которые еще плохо знали мамонтов. Быки-предводители были гигантских размеров — самый крупный был ростом с носорога. Томимые сильной жаждой, они неудержимо стремились к воде. Завидев, что мамонты хотят пройти первыми, они пронзительно заревели, задрав кверху морды и раздувая шеи. Мамонты преградили им дорогу. Пять старых самцов выстроились в ряд, их тела возвышались, как холмы. Клыки, длиною не меньше десяти локтей, способны были проткнуть дуб, их хоботы казались черными питонами, головы — скалами, их толстая кожа походила на кору старых вязов. За ними следовало огромное стадо. Устремив свои маленькие проворные глазки на быков, мамонты рассматривали их с невозмутимым спокойствием.

Восемь зубров с неподвижными зрачками, с буграми на спине, с курчавыми, бородатыми головами, дугообразными, расходящими-

ся рогами встряхивали густыми гривами, тяжелыми и грязными; инстинктивно они чувствовали силу врага, но рев стада возбуждал в них воинственный задор. Самый сильный из них — вожак вожаков, наклонив свои сверкающие рога, кинулся на мамонта, который стоял к нему ближе других. Мамонт, пораженный в плечо, упал на колени. Зубр продолжал бой с упорством, свойственным его роду. Преимущество было на его стороне, он крепко стоял на ногах, его острые рога были неотразимы, мамонт же мог защищаться только хоботом. Зубр был грозен своей яростью, сквозившей во всем,— в его затуманенных глазах, в дрожащем затылке, в пене на морде, в уверенных и быстрых движениях. Он стремился опрокинуть противника и распороть ему живот. Тогда победа останется за ним.

Мамонт сознавал это, он всячески старался не дать повалить себя на бок. Опасность вернула ему хладнокровие. Он ждал, чтоб зубр замедлил свои удары и тем самым дал ему подняться на ноги.

Это неожиданное нападение озадачило остальных вожаков. Четыре мамонта и семь зубров застыли в зловещем ожидании. Никто из них не решался вмешаться, они чувствовали, что им тоже угрожает опасность. Мамонты первые выказали признаки нетерпения. Самый крупный из них подошел ближе к бойцам. Тяжело дыша, он зашевелил своими перепончатыми ушами, похожими на крылья гигантских летучих мышей. В этот момент мамонт, который сражался с быком, сильно ударил хоботом по ногам противника. Зубр покачнулся. Воспользовавшись этим, мамонт поднялся с земли. Огромные животные стояли теперь друг против друга. Ярость вихрем крутилась в мозгу мамонта; громко затрубив, он поднял свой хобот и повел наступление. Его кривые клыки с такой силой отбросили зубра в сторону, что у того треснул костяк. С возрастающей яростью мамонт вспорол ему клыками живот и растоптал его внутренности, погрузив в кровь свои чудовищные ноги.

Вопль побежденного растворился в общем шуме; сражение между вожаками началось. Семь зубров и четыре мамонта ринулись друг на друга. Волнение вожаков передалось их стадам. Глухое мычание зубров смешивалось с пронзительными голосами мамонтов; ярость вздыбила огромные волны их тел. Головы, рога, хоботы и клыки смешались в общей свалке.

Вожаки целиком отдались битве. Это была огромная толчея тел, месиво из ярости и боли. При первом столкновении численное превосходство дало преимущество зубрам. Один из мамонтов был повален на землю тремя быками, второй упал замертво при обороне; но зато два других одержали быструю победу. Набросившись на противника, они стали потрошить его клыками, топтать и душить. Заметив опасность, грозящую товарищам, мамонты бросились им на помощь. Три зубра, терзавшие упавшего мамонта, были застигнуты врасплох. В один миг они были опрокинуты, двое раздавлены тяжелыми ступнями, третий обратился в бегство. Его побег увлек за собой остальных быков. Паника овладела всем стадом. Сперва это была тишина, странная неподвижность, затем стадо дрогнуло, послышался топот, похожий на шум дождя, через мгновение отсту-

пление превратилось в бегство. Зажатые в узком проходе животные бросались друг на друга, сильные опрокидывали слабых, более ловкие взбирались на спину упавших. Их кости трещали, как деревья, поваленные циклоном.

Мамонты и не думали о преследовании. Они только лишний раз доказали степень своей мощи, свое право считать себя хозяевами земли. Колонна гигантов глиняного цвета, с длинной жесткой шерстью, с жесткими гривами направилась к водопою. Они пили с такой жадностью, что уровень воды в маленьких бухтах быстро понизился.

Обитатели леса, напуганные борьбой, смотрели со склонов холмов, как пьют мамонты. Уламры тоже созерцали их в почтительном оцепенении.

Нао сравнивал хрупкие руки, тонкие ноги, узкие торсы своих товарищей с ногами мамонтов, крепкими, как дуб, с их телами, похожими на скалы. Каким ничтожным и слабым казался ему теперь человек, всю свою жизнь блуждающий в саванне!

Он думал также о желтых львах, о львах-великанах, о тиграх, которые могли ему встретиться и под когтями которых человек слаб и беспомощен, как пташка в когтях орла.

III

В пещере

Это было после полуночи. Как цветок вьюнка, плыла вдоль облака белая луна; она катила свои волны по реке, по безмолвным скалам, тени которых падали на озеро. Мамонты ушли. Было тихо. Лишь изредка проползало какое-нибудь пресмыкающееся или бесшумно пролетала ночная сова.

Гав дежурил у входа в пещеру,— была его очередь сторожить. Он дремал от усталости, его внимание пробуждалось лишь при каких-нибудь внезапных шумах, при новых или усиливающихся запахах, при порывах ветра. Им овладело оцепенение, поглотившее все, кроме чувства опасности. Пробежала сайга — это заставило его поднять голову и оглядеться: вдали показался чей-то массивный силуэт, который двигался покачиваясь. Тяжелые и в то же время гибкие конечности, крупная голова, заостренная книзу, какое-то странное очертание туловища, схожее с человеком. Это медведь,— Гав знал пещерного медведя, великана с выпуклым лбом, который мирно жил в своей берлоге, пасся на своих пастбищах и питался растительной пищей. Только сильный голод мог принудить его к нападению на животных. Но тот, что приближался, не походил на пещерного медведя. Гав окончательно убедился в этом, когда увидел его, освещенного луной: сплюснутая голова сероватой масти, в походке чувствовалась уверенность, жестокость и хитрость плотоядных животных: это был серый медведь, соперник крупных хищников. Гав вспомнил рассказы своих соплеменников, бывавших в горах. Серый медведь справляется с зубром и буйволом и

перетаскивает их с такой же легкостью, как леопард антилопу. Его когти одним ударом могут распороть грудь и живот человека; он может задушить лошадь и не боится ни тигра, ни рыжего льва. Старый Гун полагает, что серый медведь уступает только льву-великану, мамонту и носорогу. Однако сын Сайги не испытал того внезапного страха, который внушал ему обычно тигр. Встречаясь неоднократно с пещерным медведем, он считал всех медведей добродушными и бесхитростными. Это воспоминание успокоило молодого воина, но вскоре поведение приближавшегося зверя внушило ему подозрение. Гав подбежал к вождю. Ему стоило только коснуться его руки, и высокая фигура Нао появилась из мрака пещеры.

— Чего хочет Гав? — спросил Нао.

Гав протянул руку по направлению к вершине холма. Лицо вождя выразило изумление.

— Серый медведь!

Нао обвел взглядом пещеру. Поблизости было несколько валунов, которыми можно было загородить в нее вход. Нао подумал о бегстве, но отступление было возможно только в сторону водоема, где медведь легко мог их настигнуть. Оставалось единственное средство — забраться на дерево. Серый медведь не лазает по деревьям, но зато он способен караулить под деревом бесконечно долго, да к тому же поблизости не было деревьев с толстыми ветками.

Заметил ли зверь Гава, присевшего на корточки, или он просто возвращался в свое логово после длительного путешествия? Но пока Нао размышлял об этом, медведь уже спускался по крутому откосу холма. Здесь он поднял голову, понюхал влажный воздух и пустился бежать рысью. Воины подумали было, что он удаляется от них, но зверь остановился как раз у того места, где скала была более доступной. Отступление было отрезано. У верховьев реки выступ обрывался, скала становилась неприступной; в низовьях пришлось бы бежать на виду у медведя: он успеет перейти узкую речку и загородить дорогу беглецам. Оставалось только ждать, пока зверь уйдет или нападет на пещеру.

Нао разбудил Нама, и все трое принялись загромождать вход в пещеру валунами.

После некоторого колебания медведь решил переплыть реку. Он не спеша достиг берега и взобрался на выступ скалы. По мере того как он приближался, все отчетливее вырисовывалась его мускулистая туша; иногда при свете луны сверкали его зубы. Нам и Гав дрожали от страха. Любовь к жизни наполняла их сердца; сознание своей слабости затрудняло дыхание. Нао тоже был встревожен. Он знал силу противника и понимал, что медведю понадобится немного времени, чтобы умертвить трех человек; его толстая кожа, кости, подобные граниту, были почти неуязвимы для дротика, топора и рогатины.

Вскоре перед входом в пещеру выросла стена из валунов, осталось незакрытым лишь небольшое отверстие в рост человека. Когда

медведь подошел близко, он, рыча, наклонил голову и удивленно оглянулся. Он давно уже почуял людей и услышал шум, производимый их работой, но он никак не ожидал найти закрытым вход в свою берлогу, где он провел столько лет. Он смутно уловил связь между появлением препятствия и теми, кто занял его обиталище. Почуяв запах слабых животных, которыми он рассчитывал полакомиться, он не выказал им ни малейшей осторожности. Он потягивался, освещенный луной, расправлял серебристую грудь, покачивал остроконечной мордой. Затем вдруг беспричинно и зловеще зарычал. В беспокойстве встал на задние лапы,— в этой позе он казался огромным волосатым человеком, только с чересчур короткими ногами и чрезмерно развитым торсом,— и двинулся к пещере.

Нам и Гав, скрывшиеся в темноте пещеры, держали наготове топоры; сын Леопарда поднял свою палицу: они ждали, что животное просунет в отверстие передние лапы, и тогда их можно будет отрубить. Но вместо лап показалась огромная голова, заросшая свалянной шерстью, лоб, слюнявые губы, острые белые зубы. Нам и Гав с силой опустили свои топоры. Нао взмахнул палицей, но низкий потолок помешал нанести удар. Медведь зарычал и отступил. Он не был даже ранен, на морде не выступило ни единой капли крови, только движение челюстей и вспыхнувшие зрачки говорили о негодовании оскорбленной силы. Однако он не пренебрег уроком и тотчас же изменил тактику. Обладая утонченной способностью распознавать опасности, зверь отлично знал, что иногда лучше обойти препятствие, нежели идти напролом. Он толкнул стену, она дрогнула под его тяжестью. Медведь с удвоенной силой заработал лапами, плечом, головой, то напирая на стену, то вцепляясь в нее своими когтями. Отыскав слабое место, он налег на него всей своей тяжестью. Люди не могли достать его здесь своими короткими руками. Они не пытались больше нападать на него. Нао и Гав подпирали стену, успешно оберегая ее от сотрясений, в то время как Нам через отверстие наблюдал за животным, нацеливаясь дротиком в его глаз.

Вскоре нападающий понял, что стена перестала шататься. Такое открытие, опрокидывавшее весь многолетний опыт животного, крайне удивило его и привело в отчаяние. Медведь остановился, присел на задние лапы и стал обнюхивать стену, наклонив голову с недоверчивым видом. Наконец, решив, что он ошибся, медведь снова принялся штурмовать препятствие лапами, плечом и всем корпусом. Но препятствие не поддавалось. Медведь пришел в ярость и забыл всякую осторожность. Его привлекало к себе отверстие, оставшееся свободным, оно казалось единственным удобным проходом в пещеру, и, обезумев от гнева, медведь бросился в него. Брошенный дротик попал ему в самое веко, но это не приостановило нападения, которое стало непреодолимым. Ярость клокотала в этой массе тела, кровь бурлила в ней потоками — животное удвоило усилия. Стена рухнула.

Нао и Гав отскочили в глубь пещеры; Нам очутился в объятиях чудовищных лап. Он и не думал защищаться; он походил на антилопу, схваченную пантерой, на лошадь, поваленную

львом. Опустив руки, широко раскрыв рот, он ждал смерти в приступе какого-то оцепенения. Но Нао, вначале растерявшийся, быстро обрел тот воинственный пыл, что порождает героев. Он отбросил топор, считая его бесполезным, и схватил обеими руками дубовую, суковатую палицу. Заметив Нао, медведь бросил свою слабую, трепещущую в его лапах добычу и двинулся на более опасного противника. Но не успел он пустить в дело свои лапы и зубы, уламр занес над ним палицу. Оружие опередило. Удар пришелся по челюсти медведя, задев его ноздри. От боли зверь заревел и осел на задние лапы; второй удар, нанесенный Нао, пришелся по несокрушимому черепу. Но огромное животное уже оправилось и бросилось вперед. Уламр едва успел спрятаться за выступ скалы, медведь с размаху ударился о камень. Воспользовавшись оплошностью зверя, Нао выскочил из засады и с воинственным криком ударил дубиной по длинному позвоночнику медведя, позвоночник треснул, зверь, уже ослабевший от ушиба о скалу, покачнулся и упал. Нао, опьяненный своей силой, дробил ему лапы, челюсти, в то время как Нам и Гав вспарывали живот ударами топоров. Когда, наконец, вся эта масса перестала трепыхаться, воины молча переглянулись. Это была торжественная минута. Итак, Нао — самый неустрашимый, самый грозный из уламров, ибо никому — ни Фауму, ни Го, сыну Тигра, ни даже одному из тех легендарных воинов, о которых рассказывал Гун Сухие Кости,— не удавалось еще убить серого медведя ударом палицы. Этот подвиг запечатлелся навсегда в мозгу молодых воинов: он окрылит их надежды, они передадут его потомству, если только Нам, Гав и Нао не погибнут в борьбе за огонь.

IV

Лев-великан и тигрица

Прошло одно новолуние. Давно уже Нао миновал саванну, продвигаясь все время на юг. Теперь он проходил через лес. Лес казался бесконечным. Изредка попадались поляны, озера, болота и скалы. Лес то опускался в ложбины, то вновь поднимался на холмы, порождая все виды растений, все разновидности животных. В нем можно было встретить тигра, желтого льва, леопарда, лесного человека, который жил уединенно с несколькими самками, более сильный, чем обыкновенные люди. В лесу водились гиены, волки, кабаны, лани, козы, муфлоны, носороги в тяжелом панцире и даже львы-великаны, встречающиеся все реже и реже; вымирание этой породы началось уже сотни веков тому назад. Встречался там и мамонт, губитель деревьев; пребывание его в лесу было более опустошительным, нежели циклоны и наводнения.

В этом страшном месте уламры обнаружили изобилие пищи; но они знали прекрасно, что и сами они представляют собою лакомую добычу для плотоядных животных. Поэтому они продвигались с большой осторожностью, треугольником, чтобы владеть возможно большим пространством. Днем обостренные чувства предохраняли

их от опасностей, к тому же наиболее страшные враги охотились лишь с наступлением темноты. При дневном свете глаза хищников видят хуже, чем глаза человека, но зато обонянием люди уступали волкам. К счастью, в лесу, обильном добычей, волкам не было надобности охотиться за такими сильными животными, как люди. Могущественный пещерный медведь почти никогда не нападал на животных, разве только в том случае, когда был очень голоден; будучи травоядным, он находил, чем утолить мирно, без борьбы, свою прожорливость. Серого же медведя, который только случайно попадался за пределами холодной полосы, можно было видеть лишь издали.

Тем не менее дни уламров были полны тревог, ночи — опасностей. Они с большой осторожностью выбирали места для ночлега; располагались в убежище задолго до захода солнца, часто ночевали в пещерах, иной раз укрывались среди пней или в густых ямах, преграждая доступ к своему ночлегу множеством всяких преград.

Больше всего они страдали от отсутствия огня. В безлунные ночи им казалось, что они навсегда погрузились во мрак, который наваливался на них огромною тяжестью и поглощал их целиком. По ночам они подолгу всматривались в чащу леса, словно надеясь увидеть в его клетке пламя, пожирающее сухие ветки, но они видели лишь мигающие, далекие огоньки звезд или глаза животных. И тогда их охватывало чувство беспомощности и одиночества.

Быть может, они меньше страдали бы в своей орде, среди толпы, шумящей вокруг них, но это полное, беспредельное одиночество заставляло сжиматься их сердца.

Наконец лес расступился. Страна деревьев осталась на западе, на востоке же раскинулась равнина с зарослями, с островками деревьев. Трава защищала свои владения от больших растений с помощью зубров, оленей, лошадей, джигетаев, которые ощипывали молодые побеги деревьев. По равнине протекала река, обрамленная серебристыми тополями, ивами, осинами, ольхой и тростником; несколько валунов, оставшихся от ледникового периода, громоздились в ней рыжеватой массой. Хотя день еще был в разгаре, длинные тени пересекали равнину.

Уламры с недоверием рассматривали местность, она была небезопасна: по вечерам сюда на водопой должны были стекаться многочисленные хищники. Поэтому они поспешили напиться. Затем занялись поисками безопасного ночлега. Разбросанные кое-где камни не могли им служить достаточным убежищем. Правда, некоторые из них лежали грудами, но их пришлось бы долго укреплять. Молодых воинов охватило отчаяние, и они уже решили было вернуться в лес, как вдруг Нам увидел огромные валуны, лежащие очень близко друг от друга: два из них соприкасались верхушками, образуя внутри пещеру с четырьмя отверстиями. Через три из этих отверстий могли проникнуть только мелкие животные: волк, собака, пантера, через четвертое мог пролезть человек; но оно было недоступно для крупных хищников, вроде медведей, львов и тигров.

Итак, уламры обрели убежище более надежное, чем все те, что

встречались им до сих пор, ибо камни были так тяжелы и так крепко сложены, что целое стадо мамонтов не смогло бы их сдвинуть с места. В пещере смело могли укрыться десять человек. Уламры были рады этой находке. Впервые за все время их пути они могли спокойно провести ночь, не опасаясь нападения. Подкрепившись сырым мясом молодого оленя и орехами, набранными в лесу, они занялись осмотром местности. Несколько ланей и коз прошли на водопой; с воинственным криком взлетали вóроны; в облаках парил орел; прыгнула рысь в погоне за чирком; в ивняке неслышно крался леопард. Вскоре тень покрыла саванну; солнце гасло за деревьями, как огромный круглый костер; близилось время, когда хищники выходят на добычу. Но пока их еще не было видно.

Слышался неясный шум — это в одиночку или стайками пели птицы, они пели радостный гимн солнцу и гимн страха и печали зловещей ночи.

Из лесу вышел бизон. Куда он направляется?! Почему один? Спешил ли он к стаду или бежал куда попало, преследуемый врагами? Уламрам это было безразлично; их охватила жажда добычи. Охотники их племени никогда не нападали на стадо бизонов, они выслеживали одиночек — слабых и раненых.

Нао с глухим ворчанием поднялся с земли. Победа над бизоном была не менее славной, чем над любым крупным хищником. В Нао проснулся инстинкт охотника. Его пыл возрастал по мере приближения зверя. Но в это же время в нем заговорил другой инстинкт, который требовал не уничтожать без надобности запасы пищи: ведь свежее мясо было у них уже в изобилии. Вспомнив о своей победе над медведем, Нао решил, что уж не так велика заслуга победить бизона. Он опустил дротик, отказавшись от охоты, на которой он мог только испортить свое оружие. И бизон медленно прошел мимо него к реке.

Вдруг воины подняли головы, они почуяли приближение опасности. Сомнение длилось недолго. Нам и Гав, по знаку вождя, скользнули под камни. Нао сам последовал за ними. Из леса появился большерогий олень (Meqaceros). Животное мчалось с головокружительной быстротой. Его голова с большими рогами была закинута назад, с губ капала пена, смешанная с кровью, ноги сгибались, как ветви в бурю. Следом за оленем из лесу выскочил тигр. Сильный, с гибкой спиной, он двигался огромными прыжками до двадцати локтей каждый. Казалось, что он не бежит, а скользит в воздухе. Касаясь земли, он весь сжимался, сосредоточивая силы для нового взлета. Было видно, что хищник скоро догонит оленя. Тот мчался безостановочно, делая короткие, всеубыстряющиеся скачки. Он бежал издалека и был утомлен, в то время как тигр только что вышел на охоту со свежими силами.

— Тигр схватит большого оленя! — сказал Нам дрожащим от волнения голосом.

Нао, с азартом следивший за этой погоней, ответил:

— Большой олень неутомим!

Неподалеку от реки олень на мгновение приостановился, но

затем, напрягши все силы, снова пустился в бегство. Оба животных бежали теперь с одинаковой быстротой, но вскоре прыжки тигра сократились. Он, несомненно, отказался бы от преследований, если бы не близость реки. Он надеялся во время переправы догнать оленя, который был от него на расстоянии пятидесяти локтей. Тигр бросился в воду и быстро поплыл. Однако олень не уступал ему в скорости. Это был решительный момент. Река была неширока, и олень быстро ее переплыл. Перед ним был крутой берег. Пока он будет на него взбираться, тигр его настигнет и схватит. Олень это понял и повернул в сторону, по направлению к пологой отмели мыса. На это ушло несколько лишних мгновений, во время которых тигр успел сократить разделявшее их расстояние. Олень не успел отбежать и двадцати локтей, как тигр, в свою очередь, достиг берега и сделал первый прыжок.

Однако он слишком поторопился, споткнулся и упал. Это спасло оленя. Дальнейшая погоня была бесполезна. Тигр это понял. Он вспомнил о промелькнувшем перед его глазами бизоне и, бросившись в воду, поплыл обратно. Бизон был еще виден...

Во время погони он отступил к лесу. Увидев, что тигр его не преследует, а наоборот, от него удаляется, он в замешательстве замедлил свой бег. В это время он почувствовал какой-то новый опасный запах. Он вытянул шею и в испуге заметался, отыскивая наиболее безопасный путь. Таким образом, он очутился неподалеку от валунов, где укрывались уламры; запах человеческих испарений напомнил ему о столкновении, когда он, еще молодой и неокрепший, был ранен камнем; бизон решил свернуть и с этого пути.

Теперь он бежал рысцой по направлению к лесу, который был уже совсем близко, и вдруг остановился как вкопанный: огромными прыжками к нему приближался тигр. Хищник знал, что бизон не убежит от него, но предшествующая неудача сделала его нетерпеливым. Опасность вывела бизона из нерешительности. Не рассчитывая на скорость своих ног, он приготовился к бою и, яростно роя копытами землю, низко опустил голову. Он был неплохим бойцом,— крепыш с широкой рыжей грудью, с глазами, в которых светились фиолетовые огоньки. Бешенство заглушило в нем страх; кровь, стучавшая в его сердце, стала кровью борьбы, инстинкт самосохранения перевоплотился в храбрость.

Тигр оценил силу противника. Он не решился напасть на него сразу; стал лавировать, ползая, как пресмыкающееся, подкарауливая каждое поспешное или неловкое движение врага, которое позволило бы ему вскочить противнику на круп, сломать ему позвоночник или перегрызть горло. Но бизон, внимательный ко всем движениям нападающего, все время подставлял ему свой лоб и заостренные рога.

Вдруг хищник застыл на месте. Он съежился, его большие желтые свирепые глаза устремились в ту точку, откуда приближалось какое-то новое огромное животное. Ростом и сложением оно походило на тигра, гривой, грудью и величественной походкой напоминало льва. Зверь приближался, не останавливаясь. В его велича-

вых движениях чувствовалась, однако, некоторая неуверенность охотника, попавшего в незнакомую для него местность. Тигр же был у себя дома. В течение десяти сезонов он владел этими местами; леопард, пантера, гиена жили здесь под его защитой, любая добыча становилась его собственностью, стоило только ему пожелать; ни одно живое существо не осмеливалось восстать против него. Серый медведь проходил иногда по его владениям, но лишь в холодное время, тигры жили на севере, а львы в местах, где есть вода; здесь не было никого, кто мог бы оспаривать его могущество. Он сторонился только неуязвимых носорогов и мамонтов с их массивными ногами, считая победу над ними слишком трудной. Странное существо, которое только что появилось, было ему незнакомо, поэтому чувства его пришли в смятение.

Это было очень редкое животное, животное древних времен, род которого уже вымирал. Инстинктивно тигр почувствовал, что враг сильнее его, лучше вооружен и так же ловок, как и он сам. Помня о своих победах, он всячески противился страху. И все же он колебался.

По мере приближения врага он не отступал, но старался спрятаться от него, сохраняя, однако, боевое положение.

Когда расстояние между ними достаточно сократилось, лев-великан расправил свою могучую грудь и зарычал. Затем, вытянувшись, сделал первый прыжок, прыжок в двадцать пять локтей. Тигр отскочил назад. При втором прыжке он повернулся, чтобы отступить еще дальше, но движение это было лишь подготовкой к нападению; охватившая ярость заставила его вернуться, его желтые глаза позеленели, он принял битву, тем более что он был теперь не один: из зарослей появилась тигрица; она бежала, стремительная, великолепная, на помощь своему самцу.

Лев-великан, в свою очередь, заколебался, он усомнился в своей силе. Быть может, он и отступил бы, оставив тиграм их владения, если бы противник, возбужденный мяуканьем приближающейся тигрицы, не перешел в наступление. Противников разделяло теперь расстояние одного прыжка. Лев легко покрыл это расстояние, но промахнулся. Враг схитрил и повел нападение сбоку. Лев остановился, готовый к обороне. Смешались когти и морды, послышалось щелканье зубов и страшный хрип. Тигр был ниже ростом, поэтому он стремился схватить противника за горло, и это ему почти удалось. Но могучая лапа льва подмяла его под себя, острые когти вонзились в живот, вспарывая внутренности, алая кровь обагрила траву, невероятный рев потряс саванну. В этот момент подоспела тигрица. Колеблясь, она вдыхала запах теплого мяса, мяса своего самца, и призывно мяукала.

Услышав ее голос, тигр встал, волна новой отваги захлестнула его мозг, он хотел броситься на противника, но волочащиеся внутренности помешали ему. И он остался на месте, силы покинули его, и только в глазах еще горела жизнь. Тигрица инстинктом поняла, как мало осталось жизни в том, кто так долго разделял с ней добычу, охранял молодое потомство, защищал их род от многочисленных

напастей. Она вспомнила общность их борьбы, радостей, страданий, и смутная нежность поколебала ее крепкие нервы. Но инстинкт самосохранения взял верх: убедившись, что перед ней было животное более сильное, чем тигр, она, бросив прощальный взгляд на своего самца, с глухим стоном убежала в лес. Лев-великан не преследовал ее, он уже испробовал превосходство своих мускулов; теперь он спокойно вдыхал ночной воздух, воздух приключений, любви и добычи. Тигр больше его не беспокоил; он не спешил прикончить его, ибо был осторожен, и даже будучи победителем, боялся ненужных ранений.

Настал час заката; красный, медлительный и коварный свет пронизывал глубину лесов. Дневные животные замолкали. Изредка слышался вой волков, лай собак, смех гиен, вздох хищника, волнующий зов лягушек. Солнце умирало за океаном деревьев. На востоке поднялась огромная луна. Бизон исчез во время борьбы; лев-великан остался в одиночестве. Бесчисленная добыча наполняла заросли и долины, и, тем не менее, ему всегда угрожал голод, присущий ему запах выдавал его больше, чем его шаги, дрожание земли, листвы и трав. Острый и зловещий, этот запах был ощутим всюду, даже на поверхности воды; он был ужасом слабых. Учуяв его, животные мгновенно прятались и убегали. Земля становилась пустынной, добыча исчезала, казалось, будто лев был один в целом мире.

С приближением ночи лев почувствовал голод. Изгнанный из своих владений наводнением, он немало переплыл рек и потоков, бродя по незнакомым местам. И вот новая победа — над тигром. Он расширил ноздри, стремясь уловить в ветерке запах местных обитателей. Но вблизи никого не было. Всего только несколько мелких животных, спрятавшихся в траве, несколько воробьиных гнезд, да две цапли на осокорях, но птицы были начеку, и поймать их было трудно, даже если бы он взобрался на дерево. К тому же после нескольких неудачных падений он теперь взбирался только на деревья с толстыми ветвями.

Голод заставил его повернуться в сторону того теплого запаха, который шел из внутренностей побежденного тигра; он подошел к жертве, обнюхал ее: она была отвратительна, как отрава. С внезапной свирепостью он прыгнул на тигра, сломал ему позвоночник и, бросив труп, пошел дальше в саванну.

Очертания камней, в которых спрятались уламры, привлекли его внимание. Но камни находились против ветра, и лев, не обладая острым чутьем, не догадывался о присутствии людей. И только подойдя ближе, он понял, что в камнях скрывается добыча. От жадности у него захватило дыхание.

Уламры уже давно с трепетом следили за могучим зверем. Они видели все, что произошло после бегства оленя, и вот теперь страшный хищник бродил около их убежища; его морда тыкалась во все щели; его глаза метали зеленые искры, все его существо дышало прожорливостью. Найдя отверстие, через которое пролезали люди, лев наклонился, пытаясь просунуть в него голову и плечи. Напор был

так силен, что уламры усомнились в прочности убежища. При каждом новом толчке Нам и Гав съеживались со вздохом отчаяния. Гнев охватил Нао, гнев разумного существа против слепого инстинкта и его чрезмерного могущества. Нао еще больше рассвирепел, когда увидел, что зверь начал рыть землю. Хотя лев-великан и не был из породы землероек,— все же он умел рыть ямы и опрокидывать препятствия. Нао присел на корточки и ударил зверя рогатиной по голове; лев дико заревел и отошел от входа. Его глаза, хорошо видящие в темноте, ясно различали людей. Они были совсем близко, и это обстоятельство еще сильнее раздражало голодного зверя.

Он еще раз обошел камни, пробуя входы, и опять вернулся к тому, через который пролезали люди. И снова принялся рыть землю. Новый удар прервал его занятия и заставил его отойти. Он осознал, что вход в убежище недоступен, но все же решил не терять из виду добычу, надеясь, что, будучи близко, она все равно никуда от него не уйдет. Он бросил последний взгляд на камни, понюхал воздух и, казалось, совсем позабыв о существовании людей, направился к лесу.

Радость охватила уламров: их убежище оказалось неприступным! Они в упоении вдыхали ночь; это был один из тех моментов, когда чувства особенно обостряются и в их мускулы вливается непобедимая сила.

Столько чувств порождала первобытная красота в этих темных сердцах! Не умея выразить словами своих ощущений, не подозревая даже о том, что ими можно поделиться, они просто смеялись, глядя друг на друга,— заразительная веселость, освещающая только человеческие лица. Уламры не сомневались, что лев-великан еще вернется, но, не имея точного понятия о времени, они ощущали настоящее во всей его полноте. Промежуток между сумерками и рассветом казался им бесконечным.

Нао, как всегда, первым стал на стражу. Ему не спалось. В его сознании, возбужденном зрелищем схватки между тигром и львом-великаном, слагался новый опыт, возникали новые понятия и образы. Уламры уже многое знали о мире. Они знали о круговращении солнца и луны, о чередовании темноты и света, о последовательности холодных и теплых времен, о течении рек и потоков. Знали, что человек рождается, стареет и умирает. Они различали наружность, привычки и силу бесчисленных животных, наблюдали, как растут деревья и травы. Умели делать палицу, топор, скребок и дротик и знали, как надо ими пользоваться; знали о направлении ветров и движении облаков, о причудах дождя и жестокости молний. Наконец, они знали огонь — самое страшное и самое приятное во всем мире. Огонь, который один мог победить саванну и лес со всеми их мамонтами, носорогами, львами, зубрами и бизонами.

Жизнь огня всегда очаровывала Нао. Огню, как и животным, нужна добыча: он питается ветками, сухими травами, птичьим пометом; он способен расти и порождать другие огни, но он может и умереть. Рост его беспределен, и в то же время его можно приостановить, каждая его часть в отдельности может жить самостоя-

тельно. Он убывает, как только его лишают пищи: делается маленьким, как пчела, как муха, но может возродиться от одной былинки и стать обширным, как болото. Огонь — это животное, и в то же время он не похож ни на одно из них. У него нет ни ног, ни туловища, но он быстрее антилопы, у него нет крыльев, но он летает в облаках; нет пасти, но он дышит, ревет, рычит; у него нет ни рук, ни ногтей, но он овладевает всем миром. Нао любил его, ненавидел и боялся. Будучи ребенком, он много раз претерпевал его укусы. Он знал, что огонь никому не отдает предпочтения и готов пожрать даже тех, кто его питает; он хитрее гиены и кровожадней, чем пантера, но присутствие его — прекрасно, он смягчает жесткость холодных ночей, дает отдых усталым и делает людей сильными.

В полумраке, среди базальтовых камней, Нао со сладким замиранием сердца представлял себе очаг своего кочевья и огни, освещающие лицо Гаммлы. Восходившая луна напоминала ему пламя. Откуда появляется луна и почему она, как солнце, никогда не угасает? Правда, она иногда уменьшается. Бывают ночи, когда она превращается в слабый огонек, вроде того, что бежит вдоль веточки или сучка. Затем она снова оживает. Без сомнения, какие-то люди-невидимки следят за ней и питают ее... Сегодня она во всей своей силе. Вечером она была большой и мутной, затем, поднимаясь выше, стала меньше, но свет от этого не уменьшился, а сделался ярче. Вероятно, люди-невидимки дали ей сегодня много сухого дерева.

Пока сын Леопарда занимается размышлениями, ночные животные один за другим выходят на охоту.. Их тени скользят по траве. Нао различает землероек, тушканчиков, агути, каменную куницу, ласку. Вот идет сохатый, Нао рассматривает его тонкие сухие ноги, его туловище цвета земли и дуба, рога, которые он закидывает на спину. Следом за сохатым появляются волки с тонкими мордами, быстрыми ногами. Живот у них белесый, спина и бока рыжеватые, а вдоль хребта черная полоска; сильные мускулы вздувают затылок, походка крадущаяся, взгляд предательский. Они учуяли сохатого, но чуткие ноздри давно уже предупредили его об их приближении. Он ускорил свой бег, стараясь выиграть расстояние. Волки преследуют его по саванне, вплоть до зарослей. Гнаться за ним дальше — бесполезно. Волки медленно возвращаются, обманутые в своих ожиданиях. Некоторые из них урчат и воют. Затем их носы снова начинают исследовать воздух. Поблизости нет никого, кроме мертвого тигра и людей, спрятавшихся среди камней. Но люди — слишком опасные противники, а мясо тигра отвратительно на вкус. Тем не менее стая подходит к нему ближе, минуя убежище человека.

Сначала волки бродили вокруг мертвого тигра с большой осторожностью. Затем наиболее нетерпеливые из них стали обнюхивать его тело, полуоткрытую пасть, откуда еще так недавно вырывалось горячее дыхание, и лизать кровь его ран. Однако ни один не решился попробовать это терпкое мясо, полное отравы, которое могли переваривать только желудки гиены и ястреба.

Внезапно раздавшиеся стоны и смех привели волков в замешательство. На поляне, освещенные луной, появились шесть гиен. Они двигались скачущей походкой,— кривоногие, с сильной грудью и короткими мордами. Они то припадали к земле, то скакали, как саранча, испуская ужасное зловоние. Силой своих челюстей они могли состязаться с тигром. Они редко подвергались нападению: животные, питавшиеся падалью, были слабее их, крупные хищники брезговали их зловонием. Хотя гиены и знали свое превосходство над волками, они все же колебались: то подходили, то отступали, издавая время от времени пронзительные крики. Наконец, пошли на приступ всем стадом. Волки не испугались, но и не оказали сопротивления. Уверенные в своей ловкости, они с завыванием кружились около гиен, пускаясь на хитрости, довольные, казалось, тем, что доставляют им беспокойство. Не обращая внимания на выходки волков, гиены с угрюмым ворчанием накинулись на тигра. Конечно, они предпочли бы этому свежему трупу гнилое, кишащее червями мясо, но последняя их трапеза была слишком скудной, а присутствие волков еще больше возбуждало их жадность. Сначала они отведали внутренностей, раздирая бока тигра своими несокрушимыми зубами, вырвали сердце, легкие, печенку, затем — шершавый язык, который в предсмертной агонии вывалился наружу. Это было наслаждением — наполнять живое тело мертвечиной, знать, что оно насыщается и что не надо больше бродить с пустым желудком, думая о добыче. Голодные волки с завистью наблюдали их пиршество. Обманутые в своих ожиданиях, они направились к валунам, под которыми скрывались люди. Один из волков даже просунул голову в отверстие пещеры, но Нао с презрением ткнул его рогатиной, удар пришелся в плечо, животное заскакало на трех лапах, оглашая воздух жалобным воем. В ответ ему завыла вся стая. Силуэты зверей резче обозначились при свете луны, глаза засверкали, на губах показалась пена, тонкие ноги скребли землю. Голод становился нестерпимым, но, зная, что за камнями скрываются существа хитрые и сильные, которых трудно одолеть, волки сняли осаду и собрались на охотничий совет. Некоторые уселись в выжидательной позе, вытянув морды, другие взволнованно терлись друг о друга. Старики требовали внимания, в особенности один — большой волк светлой масти, с желтыми зубами; его слушали, на него смотрели, его обнюхивали с уважением.

Нао не сомневался, что у волков есть свой язык, что они могут договариваться о том, как устроить засаду, вести преследование, как окружать добычу и делить ее между собой. Он рассматривал их с любопытством, стараясь разгадать их планы и намерения.

Часть волков переплыла реку. Остальные разбрелись по зарослям. Слышно было только, как остервенело трудились над тигром гиены.

Яркая луна бледнила звезды; мелкие стали совсем невидимыми, крупные потускнели, утопая в волнах лунного света. Оцепе-

нение охватило лес и саванну. Лишь изредка филин бороздил голубой воздух, бесшумный на своих мягких крыльях. С болота доносилось кваканье древесных лягушек. Летали летучие мыши.

Волчий вой возобновился. Он слышался одновременно у реки и в глубине зарослей. Нао догадался, что волки окружили добычу. На равнине появилось животное, похожее на лошадь, но только с очень узкой грудью и с коричневой полосой вдоль позвоночника. Это был джигетай. За ним гнались три волка. Они бежали медленнее джигетая и как будто вовсе не торопились, то и дело перекликаясь с волками, сидевшими в засаде. Вскоре высыпала и остальная стая. Джигетай был окружен со всех сторон. Он остановился, весь дрожа, выбирая дорогу для отступления. Пробраться можно было только на север, где маячил всего-навсего один волк. Затравленный зверь избрал этот путь. Волк с кажущимся безучастием смотрел на его приближение, но едва джигетай сделал движение, чтобы обойти его стороной, волк испустил страшный вой. На холме появились еще три волка.

Джигетай остановился с протяжным стоном. Вокруг него была смерть. Его легкому телу негде было развернуться, чтобы избежать противника. Его хитрость, его быстрые ноги, его сила — все сразу ослабело. Он оглянулся вокруг и жалобно заржал, как бы умоляя о пощаде. Волки ответили ему злобным подвыванием, еще теснее сжимая свой круг. Их глаза грозили смертью. Волки старались сбить с толку джигетая, боясь его крепких копыт; те, что были впереди, делали вид, будто хотят напасть на него. Но это была хитрость, они хотели отвлечь его внимание. Круг сузился до нескольких локтей. Джигетай решил сделать последнюю попытку. Со всех ног он ринулся на противника. Опрокинул ближайшего волка, отбросил второго. Путь был свободен. Перед ним открывался опьяняющий простор саванны. Но в это мгновение сбоку на него бросился матерый самец. За ним — еще несколько хищников. В отчаянии джигетай пустил в дело копыта. Один из нападающих отлетел в сторону с переломанной челюстью, но остальные успели уже вцепиться в горло джигетая. Хлынула кровь. Захрустели кости. Джигетай упал под грудой пожиравших его живьем врагов. Нао видел, как тело джигетая, трепеща и стеная, боролось со смертью. С радостным рычанием волки терзали теплое мясо и пили теплую кровь, наполняя свои ненасытные желудки. Старые волки с опаской поглядывали в сторону гиен. Без сомнения, нежное мясо джигетая было привлекательней ядовитых останков тигра, но гиены понимали, что волки будут драться до последнего издыхания и не отдадут добычу, доставшуюся им с таким трудом, поэтому они безропотно довольствовались своей участью.

Луна поднялась высоко. Нао лег спать, вместо него на стражу встал Гав. В наступившей тишине слышался отдаленный шум водопада. И вдруг все вновь всполошилось. В чаще раздался рев. Затрещал кустарник, волки и гиены испуганно подняли свои окровавленные морды. Гав, высунув голову из-за камней, напряг слух, зрение и обоняние...

Чей-то предсмертный крик, короткое рычание. Раздвинулись ветки, и лев-великан вышел из леса, держа в пасти лань. Рядом с ним подобострастно кралась уже покорная прирученная тигрица. Оба направлялись к убежищу людей. Испуганный Гав разбудил Нао. Уламры долго следили за хищниками: лев-великан разрывал добычу привычным широким взмахом, но тигрица боялась к ней прикоснуться, бросая косые взгляды на победителя ее самца. Нао почувствовал, как сильный страх сжал его грудь и остановил дыхание.

V

Под валунами

Вплоть до рассвета лев-великан и тигрица оставались на прежних местах. Они дремали возле остова лани, освещенные первым солнечным лучом. И три человека, укрывшиеся под защитой камней, не могли отвести глаз от ужасных соседей. Счастливая радость спускалась на лес, на саванну и реку. Цапли вели своих детенышей на рыбную ловлю, перламутром отсвечивали нырцы, погружаясь в воду; всюду, в траве, в ветвях, порхали птички, внезапный отсвет оповещал о том, что пролетел зимородок, сойка расстилала в воздухе свое серебристо-голубое с рыжим платье, насмешница-сорока, болтая на ветке, раскачивала свой хвост. Вóроны долго каркали на скелетах джигетая и тигра, пока, разочарованные, не улетели к останкам лани. Там им преградили дорогу два жирных пепельных ястреба. Не осмеливаясь в присутствии льва воспользоваться его добычей, они подолгу кружились над ней, прежде чем оторвать от нее кусочек мяса, после чего немедленно взмывали и застывали в воздухе, пока промелькнувшая в листве белка не заставила их сделать резкое движение в ее сторону.

Кругом не было видно никого из млекопитающих — запах льва удерживал их в надежных логовах.

Нао полагал, что лев-великан вернулся в эти места, чтобы отомстить за удары рогатиной. Молодой уламр пожалел об этом бесполезном поступке. Он не сомневался, что звери умеют сговариваться и что каждый из них по очереди будет сторожить людское убежище. В его уме промелькнули воспоминания о рассказах, в которых говорилось о хитрости и упорстве животных, оскорбленных человеком. Временами, в порыве гнева, он вскакивал, хватая палицу или топор. Но осторожность брала верх; несмотря на победу над серым медведем, Нао признавал свою слабость. Хитрость, к которой он прибегнул в полумраке пещеры, к сожалению, была неприменима по отношению к льву-великану и тигрице. Тем не менее он не предвидел иного конца, кроме схватки. Придется или умереть с голоду под камнями, или выждать момента, когда тигрица будет одна. Мог ли он рассчитывать на Нама и Гава?

Нао съежился будто от холода, увидев устремленные на него

глаза молодых воинов. Он почувствовал необходимость подбодрить их:

— Нам и Гав избежали зубов медведя: они ускользнут от когтей льва-великана!

Молодые уламры повернули головы в сторону страшной пары.

Нао ответил на их мысли:

— Лев-великан и тигрица не всегда будут вместе. Голод разъединит их. Когда лев уйдет в лес, мы сразимся с тигрицей. Нам и Гав должны слушаться моих приказаний.

Слова вождя наполняли надеждой сердца молодых воинов, сама смерть казалась им менее страшной, если они будут сражаться бок о бок с Нао.

Сын Тополя воскликнул:

— Нам будет подчиняться Нао до самой смерти!

Другой воин поднял обе руки:

— Гав ничего не боится с Нао!

Вождь посмотрел на них с нежностью. Они почувствовали прилив новых сил и, не умея выразить свои чувства словами, издали воинственный крик, размахивая топорами. От их крика звери проснулись и вздрогнули. Уламры закричали еще громче в знак вызова; звери ответили рычанием. И снова наступила тишина. Солнце повернуло к лесу. Пользуясь сном хищников, мелкие животные тайком пробирались к реке; ястребы смело клевали остатки лани. Венчики цветов тянулись к солнцу. Земля была полна могучей, разнообразной жизнью, которая, казалось, должна охватить небеса.

Три человека терпеливо ждали. Нам и Гав время от времени засыпали. Нао строил планы побега. У них имелся еще небольшой запас пищи, но их начинала уже мучить жажда; впрочем, она станет невыносимой лишь через несколько дней.

В сумерки лев-великан проснулся и встал на ноги. Бросив взгляд на валуны, он убедился, что враг не ушел. Знакомый запах людей возбудил в нем инстинкт мести; он гневно засопел, обошел людское убежище, высматривая щели. Вспомнив, что пещера неприступна и что оттуда высовываются когти, он оставил пещеру и остановился возле трупа лани, уже расклеванного коршунами. Тигрица была уже там. Они вместе доели остатки. Насытившись, лев повернул к тигрице свою большую красноватую голову. В его взгляде светилась нежность. Тигрица ответила мяуканьем, растянув свое гибкое тело в траве. Лев терся мордой о спину своей подруги, лизал ее своим гибким шершавым языком. Она отдавалась его ласкам, полузакрыв глаза, затем сделала внезапный скачок и приняла угрожающую позу. Самец зарычал приглушенно, но ласково. Тигрица резвилась: она извивалась в траве, словно огромная змея, пряталась в кустах и снова появлялась, делая огромные прыжки. Рыжеватые отсветы делали ее похожей на танцующее пламя. Лев, вначале неподвижный, стал подкрадываться к ней на своих могучих лапах; его глаза вспыхнули точно от солнца.

Тигрица скользнула в заросли, лев последовал за ней, расстилаясь по земле.

Увидев, что звери исчезли, Нао сказал:

— Они ушли, надо перейти реку.

— Нам потерял слух и чутье? — возразил Нао.— Или он думает, что может прыгать быстрее льва-великана?

Нам опустил голову. Приглушенный стон раздался среди ясеневых зарослей. Молодой воин понял, что опасность теперь так же близка, как и днем, когда животные спали рядом с убежищем людей. Тем не менее какая-то надежда жила в сердце уламров. Лев-великан и тигрица, соединившись, почувствуют еще больше необходимость в логовище. Хищники редко ночуют под открытым небом, особенно в период дождей.

Когда солнечный костер опустился во мрак, людьми овладела та непонятная тоска, которая охватывает в сумерки всех травоядных животных. Она возросла с появлением врагов. Поступь льва была степенна, почти тяжела; тигрица резвилась возле него в грозной веселости. С наступлением сумерек голодный рев зверей поднялся над равниной. Они кружили вокруг пещеры уламров, показывая им свои свирепые морды с зелеными глазами. Лев-великан сторожил пещеру, присев на задние лапы. Его подруга ушла к реке, подстерегая животных, идущих на водопой.

В небесах зажглись огромные звезды. Вслед за ними показался архипелаг Млечного Пути с его заливами, проливами и островами. Гав и Нам никогда не интересовались небесными светилами, но Нао рассматривал их с большим вниманием. Его темная душа черпала в них ощущение ночи, темноты, пространства. Он был уверен, что большинство звезд являлось искрами большого костра, меняющимися каждую ночь, кроме немногих, которые возвращались с необычным постоянством. Бездеятельность, в которой жил Нао со вчерашнего дня, вернула ему утраченную силу. Он размечтался, глядя на маленькие небесные огоньки и черную массу растений, и что-то восторженное рождалось в его сердце, что крепче соединяло его с землей.

Луна струила свой свет по веткам деревьев. Она освещала льва-великана, лежавшего среди высоких трав, и тигрицу, блуждавшую по саванне в поисках зверья.

Тигрица ушла далеко, можно было начать бой с львом-великаном, но Нао не был уверен в отваге своих спутников. Кроме того, его мучила жажда. Нам страдал еще больше: он не мог даже уснуть и лежал во мраке пещеры с широко раскрытыми глазами. Нао был грустен. Никогда еще расстояние, отделяющее его от орды, не казалось ему таким огромным, никогда он еще не чувствовал так остро свое одиночество. Женские образы витали вокруг него.

В своих мечтаниях Нао уснул тем тревожным сном, который обрывается от малейшего шороха. Время проходило под звездами. Нао проснулся, когда вернулась тигрица. Она пришла без добычи и казалась усталой. Лев-великан, встав, долго ее обнюхивал и,

в свою очередь, ушел на охоту. Он тоже пошел вдоль реки, по направлению к лесу. Нао жадно следил за ним. Несколько раз он порывался разбудить товарищей (Нама одолел сон), но каждый раз откладывал: лев находился еще поблизости. Наконец, он тронул за плечо молодых воинов и, когда те встали, прошептал:

— Нам и Гав готовы к бою?

Те ответили:

— Сын Сайги последует за Нао!

— Нам будет сражаться дротиком и палицей.

Уламры рассматривали тигрицу. Она лежала неподалеку, спиной к пещере, но не спала. Нао потихоньку освободил от камней выход. Один человек, а то и двое успеют выйти из убежища раньше, чем тигрица обратит на них внимание. Осмотрев оружие, Нао просунул наружу дротик и палицу, затем с величайшей осторожностью вылез сам. Случай ему благоприятствовал: вой волков, крик лесной совы заглушали легкий шум, производимый телом, ползущим по земле. Нао очутился на поляне; голова Гава просунулась в отверстие пещеры. Вылезая, молодой воин сделал неосторожное движение, тигрица повернулась и пристально посмотрела на уламров. От удивления она замедлила с нападением, и Нам успел встать на ноги. Тогда только тигрица с призывным мяуканьем стала приближаться к людям, не спеша, уверенная в том, что они не ускользнут. Уламры схватились за дротики. Нам и Гав целили в лапы тигрицы. Сын Тополя выжидал удачный момент. Дротик просвистел и вонзился в предплечье зверя. Тигрица, казалось, даже не почувствовала боли: только зарычала и ускорила шаг. Гав в свою очередь бросил дротик, но животное метнулось в сторону, и дротик воткнулся в землю. Теперь была очередь Нао. Он выждал, когда тигрица приблизилась на расстояние двадцати локтей. Дротик вонзился ей в затылок. Но и эта рана не остановила ее. Она обрушилась на людей, как лавина. Гав упал, раненный в грудь. Тяжелая палица Нао опустилась на зверя; тигрица зарычала, одна ее лапа была сломана, в это время сын Тополя ударил ее рогатиной; она увернулась с необычайной быстротой, повергла Нама на землю и, встав на задние лапы, готовилась броситься на Нао. Он уже чувствовал над собой ее горячее, зловонное дыхание, ее когти уже касались его тела. Палица еще раз мелькнула в воздухе. Удар ошеломил зверя. Пользуясь этим, Нао перебил вторую лапу; тигрица завертелась на месте, теряя равновесие. Удары падали один за другим, пока животное не свалилось на землю. Нао мог бы тут же прикончить врага, но его беспокоили раны его спутников. Гав уже встал, кровь струилась по его груди из трех длинных ран. Нам лежал оглушенный; он не был ранен, но не мог подняться от боли в пояснице. Он с трудом ответил на вопрос Нао.

— Гав может дойти до реки?

— Гав пойдет к реке,— прошептал молодой уламр.

Нао лег и приложил ухо к земле, потом долго принюхивался к воздуху. Ничто не обнаруживало присутствия льва. После боя

жажда стала невыносимой. Вождь поднял на руки Нама и отнес его на берег реки. Там он напился вволю и напоил Нама, вливая ему с ладони воду между губ. Затем вернулся к валунам, неся на руках Нама и поддерживая Гава, который то и дело спотыкался.

Уламры не умели врачевать ран; они просто покрывали их ароматными листьями, следуя инстинкту животных. Нао отыскал листья ивы и мяты, размял их в ладонях и приложил к груди Гава. Кровь приостановилась, по-видимому, раны не были смертельны. Нам пришел в себя, хотя его ноги все еще оставались неподвижными. Желая ободрить товарищей, Нао сказал:

— Нам и Гав хорошо сражались... Сыновья уламров прославят их храбрость...

Щеки молодых воинов зарделись от радости: еще раз их вождь одержал победу!

— Нао победил тигрицу,— прошептал сын Сайги глухим голосом.— Нао победил серого медведя.

— Нет воина сильнее Нао,— простонал Нам.

— Мы вернем огонь! — воскликнул сын Леопарда. И добавил:

— Лев еще далеко... Нао пойдет отыскивать добычу.

Проходя мимо тигрицы, Нао поглядел на нее. Она еще была жива. Оставшиеся неповрежденными глаза ее с ненавистью следили за победителем. Раны в боку и на спине были легкие, но лапы — совсем изуродованы.

Нао остановился, и думая, что тигрица его поймет, крикнул ей:

— Нао переломал лапы тигрице... Он сделал ее слабее волка.

Когда воин приблизился, животное привстало с угрожающим рычаньем. Уламр поднял палицу.

— Нао может убить тигрицу. Тигрица не может причинить вреда Нао.

Послышался какой-то неясный шум; воин прилег в траву. Это оленьи самки убегали от собак, которых еще не было видно, слышен был только их отдаленный лай. Самки прыгнули в воду, и в тот же миг одна из них упала, раненная в бок дротиком Нао. Нао настиг ее и прикончил ударом палицы. Потом взвалил ее на плечо и понес к убежищу, ускоряя шаг, ибо почуял близкую опасность... Едва он успел проскользнуть между камнями, как из лесу появился лев-великан.

VI

Ночное бегство

Шесть дней прошло после битвы с тигрицей. Раны Гава зарубцевались, но от потери крови он чувствовал еще большую слабость. Что касается Нама, то хотя боли его и прошли, но одна нога все еще не двигалась. Нао снедало беспокойство и нетерпение. С каждой ночью отлучки льва становились все продолжительнее,— ему нужно было кормить себя и поддерживать тигрицу,— часто оба хищника терпели голод; им жилось хуже, чем волкам.

Тигрица выздоравливала; она передвигалась теперь с такой медлительностью, что Нао даже не убегал от нее. Он намеренно не убивал тигрицу, так как забота об ее пропитании изнуряла льва и делала его отлучки более продолжительными. С течением времени уламры и тигрица начали понемногу привыкать друг к другу. В первые дни появление человека вызывало в раненом животном ярость и страх. Заслышав человеческий голос, такой не похожий на рев и вой других зверей, тигрица поднимала голову, оскаливая зубы.

Нао, вращая своей палицей или поднимая топор, повторял:

— Чего стоят теперь когти тигрицы? Нао может выбить ей зубы палицей, распороть живот рогатиной. Тигрица бессильна против Нао, как лань или сайга!

Но понемногу тигрица привыкла к его речам и его оружию. Воспоминание о нанесенных ей ударах больше не пугало ее. Поднимая палицу, Нао не бил больше тигрицу, поэтому она перестала бояться его угроз. С другой стороны, она поняла, что человек — опасный враг, и, уважая его силу, она больше не рассматривала его как добычу. В конце концов она свыклась с людьми, а привычка у животных равносильна симпатии.

Нао не раскаивался в том, что оставил в живых хищницу; это увеличивало блеск его победы и делало ее более продолжительной. Он даже привязался к своему побежденному врагу.

Скоро Нао стал ходить на реку уже вдвоем с Гавом. Утолив свою жажду, они приносили воду для Нама в полой бересте. На пятый вечер тигрица кое-как доползла до берега, но она не могла достать до воды, так как берег был крутой. Нао и Гав посмеивались над ней.

Сын Леопарда сказал:

— Гиена теперь сильнее тигрицы. Ее могли бы растерзать даже волки!

Затем, зачерпнув в бересту воды, он ради шутки поднес ее тигрице. Она осторожно лизнула воду и стала пить. Это настолько понравилось уламрам, что Нао возобновил игру. Затем он крикнул насмешливо:

— Тигрица больше не умеет пить из реки!

Он был горд своей властью над хищницей.

На восьмой день Нам и Гав почувствовали себя достаточно сильными, чтобы двинуться в дальнейший путь. Нао назначил побег на ближайшую ночь. Ночь выдалась сырая и душная. Закат цвета красной глины долго маячил в небе; травы и деревья никли под мелким дождем; листья падали, шумя, как крылья, или шелестя, как насекомые. Из чащи лесов и дрожащих кустарников поднимались стоны голодных зверей, а те, что не были голодны, попрятались в свои логовища. После полудня лев-великан проснулся, дрожа от холода. В его памяти возникла пещера, в которой он жил до наводнения. Он стал искать себе логово, нашел глубокую яму и поселился в ней вместе с тигрицей. Но это не было настоящим логовом.

Нао рассчитывал этой ночью, пока лев будет на охоте, отыскать себе тоже какое-нибудь убежище. Отсутствие зверя будет продол-

жительным. Уламры успеют переплыть реку; дождь облегчит побег: он прибьет землю, сотрет запах следов, и льву будет трудно преследовать беглецов.

В сумерки хищник отправился на поиски пищи. Сначала он обследовал места по соседству, затем, убедившись, что поблизости нет добычи, углубился в лес.

Нао ждал, он боялся обмануться, влажный аромат растений заглушал запахи зверей, шум листьев и дождя, рассеивал слух. Наконец, Нао подал сигнал и первым вышел из пещеры. Нам и Гав следовали за ним по обе стороны. В таком порядке легче было распознать приближение опасности. Сначала надо было переплыть реку. Во время своих отлучек Нао нашел брод, он вел до середины реки; затем надо было плыть по направлению к скале, а там снова можно было достать ногами дно. Прежде чем перейти реку, воины постарались запутать свои следы; они сделали около берега несколько петель и, останавливаясь, долго топтались на месте. Чтобы скрыть место переправы, они добрались до него вплавь.

На другом берегу они снова стали заметать следы, выписывая длинные петли, причудливые кривые. И только пройдя триста или четыреста локтей, оставили все эти предостережения и продолжали путь по прямой линии.

Некоторое время они шли молча, затем Нам и Гав стали перекликаться. Нао напряженно прислушивался. Издали раздалось рычание, оно повторилось три раза, за ним последовало продолжительное мяуканье.

Нам сказал:

— Это лев-великан!

— Идемте быстрее,— прошептал Нао.

Они сделали еще сто шагов; ничто не нарушало покоя сумерек. Затем рычание раздалось ближе.

— Лев на берегу реки!

Уламры ускорили шаг. Рычания следовали одно за другим, прерывистые, пронзительные, полные гнева и нетерпения. Уламры поняли, что зверь бежит по их запутанным следам.

Очутившись в саванне, они нарвали травы и, раскладывая ее перед собой кучками, ступали по этим кучкам и убирали их следом за собою. Это была хитрость, которая могла ввести в заблуждение самого чуткого зверя. Их сердца били в грудную клетку, как клюв дятла в древесную кору. Они чувствовали себя слабыми и беззащитными среди давящего мрака. Но в то же время темнота защищала их от хищных взоров. Если даже лев переплывет реку, он, благодаря их хитрости, совсем собьется с пути.

Оглушительный рев пронизал пространство; Нам и Гав подбежали к Нао.

— Лев перешел реку! — прошептал Гав.

— Идите вперед! — приказал вождь. Сам он остановился и приник ухом к земле.

Вставая, он воскликнул:

— Лев еще на том берегу!

Грозный рев стал утихать; очевидно, хищник бросил преследование и ушел на север. Опасность миновала, путь был свободен. Серый медведь редко встречался в этих низких местах, а пантеры и леопарды были не опасны трем отважным воинам. Они шли очень долго. Дождь перестал, туман рассеялся, но тьма оставалась непроницаемой. Толстый слой туч покрывал звезды. Только слабое свечение, исходящее от гниющих растений, мерцало в темноте. В тишине вздыхало какое-то животное, было слышно, как скользят его лапы.

Уламры иногда останавливались, стараясь уловить шумы и запахи, этот как бы воздушный путь животных. Наконец Нам и Гав почувствовали усталость. У Нама разболелись кости, рубцы Гава размягчились; надо было искать убежище. Тем не менее отряд прошел еще много локтей, воздух стал влажным, похолодало. Где-то поблизости было большое количество воды. Все казалось спокойным. Лишь изредка доносился шум пробегавшего легкого животного, мелькал его темный силуэт. Нао выбрал убежище вблизи огромного осокоря. Дерево представляло собой плохую защиту от хищников, но как отыскать в темноте более надежное убежище? Мох был мокрый, земля холодная. Но это не страшило уламров. Подобно медведям и кабанам, они легко переносили перемены и суровости климата. Нам и Гав растянулись на земле и тотчас погрузились в сон; Нао бодрствовал. Он не устал; он хорошо отдохнул в пещере под камнями. Привычный к переходам, труду и битвам, он решил дежурить всю ночь, чтобы Нам и Гав набрались побольше сил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Пепел

Темнота задерживала передвижение уламров. Наконец на востоке небо начало светлеть. Как покрывало из жемчуга, спускался мягкий свет на пену облаков. Нао увидел на юге огромное озеро. Вождь размышлял: обогнуть ли его с востока, где поднималась гряда холмов, или с запада, лесистой равниной.

Легкое дуновение рябило поверхность воды, но высоко в небе дул сильный ветер, прорезавший облака, сквозь которые показался тонкий серп луны. Нао выбрал путь на восток.

Царила полнейшая тишина, она наполняла все пространство от воды до серебряного полумесяца; чуть слышно вздыхали растения.

Нао устал от неподвижности; он вышел из тени осокоря и побрел вдоль берега. Многочисленные следы свидетельствовали о том, что это место часто посещается животными.

Уламр остановился, его глаза и ноздри расширились, сердце учащенно забилось; воспоминания встали перед ним с такой ясностью, что ему показалось, будто он снова видит лагерь уламров,

дымящийся очаг, стройную фигуру Гаммлы,— в чаще зеленой травы чернела плешь с обгорелыми ветвями и кучками золы; ветер еще не успел развеять серый налет пепла.

Нао представил себе спокойствие привала, запах жареного мяса, нежную теплоту, рыжие языки огня... Он опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть следы вокруг костра. Здесь, по-видимому, останавливался один из тех охотничьих отрядов, что уходят в дальние разведки. В отряде было трижды столько воинов, сколько пальцев на обеих руках. Множество костей, разбросанных на земле, подтверждали эти наблюдения.

Необходимо было узнать, откуда пришли охотники и каким путем они проникли сюда? Быть может, они были из племени кзаммов — пожирателей людей, которые, по рассказам старого Гуна, занимали во времена его молодости южные земли по обеим сторонам Большой реки. Люди этого племени превосходили ростом уламров и все прочие племена, виденные когда-либо стариками. Они, единственные, питались человеческим мясом, правда, все же отдавая предпочтение мясу оленя, кабана, лани, коз, лошадей и джигетаев. По-видимому, племя кзаммов не отличалось многолюдством, по крайней мере Уаг, сын Рыси, самый отважный бродяга из всех уламров, встретил во время своих странствований всего только три становища людоедов, все остальные виденные им племена чуждались человеческого мяса. В то время как эти воспоминания одно за другим приходили на ум Нао, он не переставал рассматривать оставленные на земле следы. Это было нетрудно сделать, так как уверенные в своей силе охотники даже не пытались их замаскировать. По-видимому, они направлялись на восток, к берегам Большой реки.

Две возможности предстали перед Нао: догнать отряд, прежде чем он попадет на свои охотничьи земли, и добыть у него огня хитростью или, опередив охотников, достигнуть их становища и, пользуясь отсутствием лучших воинов, отнять огонь силой.

Чтобы не сбиться с дороги, надо было идти по следам отряда, который уносил с собою через степи, реки и холмы самое драгоценное, что было у людей,— огонь. Мечта Нао становилась действительностью; он был полон энергии и сил. Все его мысли были теперь сосредоточены только на одном — как раздобыть огонь.

Ветер понемногу стихал, перепархивая с листка на листок, с одной былинки на другую.

II

Становище у огня

Три дня шли уламры по следам кзаммов, сначала вдоль озера, до подножия холмов, затем среди зарослей и деревьев, перемежающихся с лугами. Следы были ясно видны.

Охотники не стремились их замести. Они разжигали костры, чтобы поджаривать добычу или согреться в свежести туманных

ночей. Нао, напротив, все время прибегал к хитростям, чтобы обмануть тех, кто захотел бы его преследовать: старался идти по твердой почве или по мягким травам, которые вставали тотчас же после того, как по ним проходили, он пересекал вплавь или вброд изгибы озера и вообще всячески запутывал свои следы.

Тем не менее он все же быстро продвигался вперед. К концу третьего дня его отделял от людоедов всего лишь один дневной переход.

— Пусть Нам и Гав приготовят оружие и вооружатся храбростью! — сказал Нао.— Сегодня вечером они увидят огонь!

Молодые воины то радовались, то сокрушались, смотря по тому, думали ли они о возможности скоро увидеть огонь, или о том, как трудно будет им овладеть.

— Сначала отдохнем! — сказал сын Леопарда.— Мы подойдем к пожирателям людей, когда они уснут, и постараемся обмануть стражу.

Из этих слов Нам и Гав поняли, что их ожидает самая большая опасность. Своей жестокостью кзаммы превосходили все другие племена. Изредка уламры нападали на них, уничтожая небольшие отряды; но чаще гибли сами под ударами их топоров и тяжелых дубовых палиц. По рассказам старого Гуна, кзаммы были потомками серого медведя; от него они унаследовали руки непомерной длины, густые волосы на теле, такие же, как у Аго и его братьев. Но больше всего они наводили ужас тем, что пожирали трупы своих врагов.

Нам и Гав слушали сына Леопарда с поникшими головами, затем они легли и до полуночи отдыхали.

Уламры поднялись раньше, чем полумесяц осветил своим бледным светом глубину неба. Нао еще до наступления темноты напал на след кзаммов, и теперь уламры шли по нему наугад, в темноте. Когда взошла луна, они увидели, что заблудились, но, к счастью, им быстро удалось снова отыскать дорогу. Они прошли через заросли вдоль болотистых мест и переплыли реку.

Наконец с вершины небольшого холма они увидели невдалеке огонь. Притаившись в высокой траве, Нам и Гав дрожали всем телом; Нао хрипло дышал. После стольких ночей, проведенных в холоде, под дождем, во мраке, после голода, жажды, борьбы с медведем, тигрицей, львом-великаном, огонь показался им ослепительно прекрасным.

Костер горел среди равнины, вблизи озера, на берегах которого росли фисташковые деревья и смоковницы. Угасающее пламя отбрасывало слабый свет, оживляя окружающие предметы.

Искры, как красные кузнечики, умирали, уносимые ветром, их алые крылышки трещали. Легкий дымок спиралью поднимался в небо, рассеиваясь в лунном свете; пламя то извивалось, как змея, то колыхалось, как волны, меняя свои очертания.

Кзаммы спали, прикрывшись оленьими и волчьими шкурами, шерстью к телу. Около них валялись на земле топоры, палицы и дротики. Двое воинов бодрствовали. Один сидел, опираясь на

рогатину, на кучке хвороста; на плечах у него висел козий мех; отблеск костра освещал его лицо, заросшее до глаз волосами. Его тело покрывала густая, как у муфлона, шерсть, плоский нос с круглыми ноздрями едва возвышался над толстыми выпяченными губами. Непомерно длинные руки не соответствовали коротким кривым ногам.

Второй страж расхаживал вокруг костра. Время от времени он останавливался, чтобы прислушаться, понюхать свежий воздух, который спускался на равнину по мере того, как с нее поднимались испарения. Воин был ростом с Нао, но отличался от него огромной головой и волчьими ушами, острыми и торчащими; волосы на голове и борода росли пучками, разделенными плешинами шафрановой кожи; под высокой конической грудью виднелся плоский, впалый живот. У него были треугольные бедра и голень, как лезвие топора. Ноги маленькие, но с длинными пальцами. Все его тяжелое, крепко сколоченное тело выражало огромную силу, но в скорости бега он, конечно, должен был уступать быстроногим уламрам.

Страж остановился и повернул лицо к холму, на котором скрывались уламры. По-видимому, его обеспокоил незнакомый запах. Второй страж, одаренный менее чувствительным обонянием, продолжал дремать.

— Мы слишком близко подошли к пожирателям людей! — сказал шепотом Гав.— Ветер доносит наши запахи.

Нао кивнул головой; он больше опасался обоняния врага, чем его зрения или слуха.

— Нужно повернуть против ветра,— прибавил Нам.

— Ветер дует от нас к пожирателям людей,— ответил Нао,— если мы обойдем ветер, они окажутся сзади.

Ему не пришлось разъяснять свою мысль: Нам и Гав знали так же хорошо, как и звери, что надо всегда следовать за добычей, а не опережать ее. Между тем страж сказал что-то своему товарищу, но тот сделал отрицательный жест. Воин хотел было сесть рядом с ним, но передумал и пошел по направлению к холму.

— Надобно отступать,— сказал Нао.

Он стал отыскивать глазами какое-нибудь убежище, которое могло бы ослабить их запах. Они спрятались в густых кустарниках на склоне холма. Легкий ветерок, задержанный зарослями, сделался теперь неуловимым для самого чуткого обоняния. Вскоре дозорный остановился; вдохнув несколько раз глубоко воздух, он вернулся к огню.

Уламры долго оставались в своей засаде. Сын Леопарда, не отрывая глаз от потухающего костра, обдумывал план военных действий. Но он ничего не мог придумать. Можно укрыться от острого зрения, можно прокрасться по степи, обмануть антилопу или джигетая, но как уничтожить человеческий запах, который распространяется вместе с движениями, задерживается на следах? Его может рассеять только расстояние или встречный ветер.

Визг шакала вывел Нао из задумчивости. Сначала он молча прислушивался, потом тихонько рассмеялся.

— Мы в стране шакалов,— сказал он.— Нам и Гав должны убить одного из них!

Воины повернули к нему удивленные лица. Он продолжал:

— Нао будет сторожить в этом кустарнике. Шакал хитер, как волк; он не подпустит человека. Но он всегда голоден. Нам и Гав положат кусок мяса и будут ждать неподалеку. Шакал приблизится, потом отойдет. Еще раз подойдет и снова удалится. Потом станет кружить вокруг мяса. Если ваши головы и ваши руки будут как каменные, шакал бросится на мясо и побежит. Ваши дротики должны его догнать.

Нам и Гав отправились на поиски шакалов. Их нетрудно было найти, их выдавал лай. Возле фисташковых деревьев уламры встретили четырех шакалов, которые с остервенением грызли кости какого-то животного.

Устремив на людей свои зоркие глаза, они глухо заворчали, готовые удрать, как только люди подойдут ближе.

Нам и Гав сделали так, как сказал Нао. Они положили на землю кусок оленьего мяса и, отступив на несколько шагов, замерли на месте. Шакалы заметили приманку, но отнеслись к ней с недоверием. Им уже не раз приходилось встречаться с людьми, и все же они никак не могли разгадать их хитростей. Они считали людей сильнее себя и старались держаться от них подальше, так как были умны и осторожны. Поэтому они долго бродили около неподвижных уламров, то забираясь в чащу деревьев, то снова выходя на поляну. Полумесяц уже заалел на востоке, прежде чем терпение шакалов иссякло и сомнения их окончательно рассеялись; они стали более дерзкими, подошли к приманке на расстояние двадцати локтей и подолгу с ворчанием разглядывали ее. Наконец алчность победила. Они набросились на мясо все сразу, чтобы всем досталось поровну. Все это, как и предсказывал Нао, произошло очень стремительно. Но дротики воинов были еще проворней; они проткнули бока двум шакалам; двое других убежали, унося добычу. Топоры уламров прикончили раненых животных.

Когда Нам и Гав принесли добычу, Нао сказал:

— Теперь мы можем обмануть пожирателей людей, запах шакалов сильнее нашего.

Огонь оживился, подкрепившись хворостом и зелеными ветками. Над равниной высоко поднялись его дымящиеся языки; теперь легче можно было различить тела спящих кзаммов, их оружие и съестные припасы. Охрана сменилась. Двое новых дозорных сидели, опустив головы, не подозревая ни о какой опасности.

— Этих легче захватить,— сказал Нао, рассматривая внимательно дозорных.— Нам и Гав охотились на шакалов, теперь сын Леопарда пойдет на охоту.

Захватив с собой шкуру шакала, он спустился с холма и пропал в зарослях. Сперва он отошел в сторону от пожирателей людей, чтобы его не могли заметить. Потом, пройдя через кустарники, пополз в высокой траве вдоль озера, защищенного тростниками,

свернул в лес и очутился на расстоянии четырехсот локтей от огня.

Стражи не шелохнулись. Один, правда, почуял запах шакала, но это ему не внушило никакого беспокойства. Нао сумел подробно рассмотреть становище. Он определил сперва число и сложение кзаммов. Почти все они обладали сильной мускулатурой, крепким туловищем и длинными руками, но ноги были короткие. Уламр сразу решил, что ни один из них не опередит его в беге; затем он оглядел окрестность. Пустое, оголенное пространство отделяло его справа от небольшого кургана, дальше шли кустарники. Слева, на расстоянии пяти или шести локтей от огня,— заросшая высокой травой поляна.

Нао колебался недолго. Так как стражи сидели к нему спиной, он пополз к кургану. Нельзя было торопиться — при каждом движении стражей он останавливался, стараясь сделаться плоским, как пресмыкающееся. Он чувствовал на себе двойной свет — костра и луны. Свет этот обнимал его, как чьи-то искусные проворные руки. Попав в защищенное место, Нао прополз позади кустарников, добрался до поляны и очутился наконец у самого огня. Со всех сторон на расстоянии не более длины копья его окружили теперь спящие кзаммы. Малейшая неосторожность — и стражи могут поднять тревогу. Тогда он погиб. Но ему благоприятствовал встречный ветерок, который уносил и растворял в дыму человеческий запах и запах шакала. Кроме того, стражи спали и только изредка поднимали головы.

Врываясь в пламенный круг, Нао сделал прыжок леопарда и схватил головешку. Он уже успел повернуть назад, как вдруг раздался крик: один из стражей бросился за ним, другой метнул в него дротик. Почти в то же мгновение вскочили еще десять воинов, но, прежде чем они успели отрезать ему отступление, Нао, издав воинственный клич, помчался прямо к холму, где его поджидали Нам и Гав.

Кзаммы с грозным рычанием бросились за ним в погоню. Несмотря на свои короткие ноги, они были проворны, но не настолько, чтобы нагнать уламра, который, размахивая горящей головешкой, делал прыжки, как большой олень. Он достиг холма, опередив преследователей на пятьсот локтей. При виде его Нам и Гав вскочили.

— Бегите вперед! — крикнул он.

Их гибкие тела замелькали в беге, не менее быстром, чем бег вождя. Нао был рад, что предпочел этих ловких юношей более крепким и пожилым воинам, ибо, превосходя кзаммов в быстроте бега, они выигрывали два локтя на десяти прыжках. Сын Леопарда без труда следовал за ними, останавливаясь иногда, чтобы посмотреть на головешку. Его беспокоила погоня, но одновременно он боялся потерять сверкающую добычу, ради которой он претерпел столько трудностей. Пламя уже погасло, оставался лишь красненький огонек, который с трудом держался на сырой части дерева. Тем не

менее огонек этот был еще достаточно силен, и Нао надеялся при первом же привале оживить и накормить его.

Луна была уже на исходе, когда уламры достигли болот: здесь они попадали на знакомый уже им путь, по которому они выслеживали кзаммов, путь — узкий, извилистый, но безопасный, верный. Они избрали его без колебаний: по этой тропинке с трудом могли продвигаться только два человека. В случае схватки кзаммы подвергли бы себя большому риску или принуждены были бы идти в обход. В этом случае уламры легко сумеют их опередить. Красный огонек стал совсем маленьким, он таял и уменьшался на глазах. Руководствуясь двойным инстинктом — животного и человека, Нао понял, что у него теперь достаточно времени, чтобы оживить огонь. Он сделал остановку. Воины стали собирать сухие травы и сучья. Высохшие тростники, пожелтевшие травы, ивовые ветви — всего было вдоволь, но все было влажное, отсыревшее. Попробовали собрать очень тонкие веточки.

Маленький уголек с трудом оживал под дыханием вождя. Несколько раз кончики трав загорались на мгновение слабым светом; дрожащий, он задерживался на краю веточки, уменьшался и умирал, побежденный влажными испарениями. Тогда Нао вспомнил о шкурах шакалов. Вырвал несколько клочков шерсти, чтобы заставить пламя пробежаться по ним. Зарделось несколько султанчиков, страх и радость охватили уламров; но каждый раз, несмотря на бесконечные предосторожности, тоненький, трепещущий огонек останавливался и угасал... Больше не было никакой надежды! Последняя алая частичка пламени умирала: сначала она была величиною с осу, затем с муху, а потом,— как те мельчайшие насекомые, что летают над поверхностью болот. Наконец и она погасла. Тяжелая, давящая печаль оледенила душу уламров.

Даже этот слабый свет был драгоценен. Увеличившись, он приобрел бы силу, которая питает очаги привалов, устрашает льва-великана, тигра и серого медведя, побеждает мрак и порождает в телах восхитительный покой. Уламры могли бы принести его сияющим в свое племя, и племя признало бы их заслуги. Но вот огонь, едва завоеванный, умер, и уламрам предстояло опять, побеждая козни земли, воды и животных, встретиться с самым опасным врагом — человеком.

III

На берегах Большой реки

Нао опередил кзаммов. Восемь дней длилось преследование. Оно было упорно, полно хитростей. Быть может, потому, что кзаммы принимали уламров за разведчиков большого племени и боялись за свою будущность; быть может, в силу их ненависти ко всяким чужакам, но они проявили в этом преследовании яростную энергию.

Выносливость беглецов не уступала их скорости; они могли

легко обгонять врагов ежедневно на пять-шесть тысяч локтей, но Нао все время упорно думал о том, как бы еще раз похитить огонь. Каждую ночь бродил он вокруг неприятельского лагеря. Спал он мало, но крепко.

Лавируя и обманывая преследователей, сын Леопарда вынужден был значительно уклониться к востоку; на восьмой день с вершины холма он увидел Большую реку. Наводнения, дожди и ветры изрезали холм, на котором он стоял, трещинами вырыли в нем ущелья, оторвали от него целые глыбы, но холм все еще высился незыблемо, сопротивляясь деятельности стихий и жестоким ударам метеоритов.

Река текла во всей своей мощи, пробивая себе путь через гранитные горы, через равнины, покрытые травами и деревьями, поглощая родники, ручьи и маленькие реки.

Это для нее в складках гор скоплялись ледники, пробивались сквозь скалы холодные ключи, для нее горные потоки размывали толщи гранитов, песчаников, известняков, а тучи выжимали, словно губки, свои могучие легкие, для нее подпочвенные воды спешили покинуть свои глинистые ложа. Свежая, пенистая, стремительная там, где ее теснили берега, она на равнинах расширялась в озера, разливалась болотами, разветвлялась вокруг островов. Гневно ревела на водопадах, рыдала на порогах и стремнинах. Сама полная жизни, она порождала вокруг себя неиссякаемую жизнь: в жарких областях и в прохладных, на тучных наносных землях и на бедных, тощих суглинках — всюду взращивала она мощные породы фиговых, оливковых и фисташковых деревьев, тенистых сосен, каменных дубов, смоковниц, платанов, каштанов, грабов, буков и дубов, рощи орешника, ясеня и березы, вереницы серебристых тополей, заросли ольхи и плакучих ив.

В ее глубинах копошилось множество моллюсков, покрывшихся известью и перламутром, плавало неисчислимое количество рыб, быстрых и медлительных, скользили пресмыкающиеся, гибкие, как тростники, или шершавые и плотные, как панцирь.

В зависимости от времени года над ней кружились треугольники журавлей, выводки гусей, зеленых уток, чернявок, чирков, цапель и ржанок, стаи ласточек, чаек и дроздов пронизывали воздух, крики аистов, лебедей, куликов, коростелей сливались с шумом ее вод. Вóроны и ястребы с высоты облаков сторожили добычу. На острых крыльях парили соколы, над высокими скалами плавали коршуны; филин и сова рассекали ее мрак своими бесшумными крыльями. По ее берегам проходил гиппопотам, покачиваясь, как ствол клена; среди ивняков, крадучись, скользили куницы, водяные крысы с головами зайцев, пробегали пугливые стада ланей, диких козочек, легкие табуны джигетаев и лошадей, бродили полчища мамонтов, зубров и бизонов. Носорог погружал в ее тину свою темную тушу. Кабан ломал старые ивы, тяжело тащил свою массу пещерный медведь, миролюбивый и грозный, в лесах рыскали голодные пантеры, рыси, леопарды; серый медведь, тигры, львы рвали теплую добычу; смрадный запах выдавал присутствие шакала

и гиены; стаи волков и собак пускали в ход свое лукавство и терпение, охотясь за ранеными или сломленными усталостью животными. Около нее в изобилии водились зайцы, полевые мыши, житники, сурки, лягушки, жабы, ящерицы, гадюки, ужи и черви; гусеницы и личинки кузнечиков, муравьев, пчел, шмелей, мух, шершней, бабочек, светляков, тараканов и майских жуков... По ее быстринам плыли стволы деревьев, трупы животных, опавшие листья, корневища и ветви.

Нао нравились ее грозные волны.

Он подолгу любовался их неутомимым бегом. Наблюдал, как длинные, гибкие струи, то серые, то зеленые омывали острова, лизали берег, кружились на месте, образуя мутные водовороты. Вода, как и огонь, казалась уламру живым существом, вода, как и огонь, то убывает, то вырастает, возникает из ничего, катится через пространства, пожирает животных и людей; она падает с неба и наполняет землю; неутомимая, она подтачивает скалы, уносит с собой камни, песок, глину; ни одно растение, ни одно животное не может существовать без нее; она рычит, свистит и стонет, она смеется, рыдает и поет; забирается в щели, недоступные самому маленькому насекомому, и проникает даже под землю. Она сильнее мамонтов и обширней леса. Вода спит в болоте, отдыхает в озере и шагает большими шагами по руслу реки; она несется на перекатах и прыгает, как тигр, на порогах.

Так думал Нао, глядя на ее неистощимые волны.

Уламрам надо было искать пристанище на ночь. Острова — неплохая защита от зверей, но слабая от человека; они стеснят движение и сделают невозможной охоту за огнем. Нао предпочел берег. Он обосновался на высокой сланцевой скале. Края ее были обрывисты, верхняя часть образовывала площадку, где могли поместиться десять человек. К сумеркам приготовления на ночлег были закончены. Между уламрами и преследователями было достаточно большое расстояние. Беглецы могли быть спокойными по крайней мере до половины ночи.

Похолодало, несколько тучек стлалось по алому западу. Поедая свой ужин из сырого мяса, орехов и грибов, воины наблюдали за темнеющей землей. Слабый свет позволял еще различать если не противоположный берег, то по крайней мере острова. Прошли дикие ослы; по откосу спустился табун лошадей: это были коренастые животные, головы их казались огромными из-за густых спутанных грив. В их движениях было много изящества, большие глаза излучали голубой свет. Наклонившись над водой, лошади долго принюхивались к месту, полные недоверия; быстро напившись, они убежали.

Ночь распростерла свои пепельные крылья, она уже покрыла ими восток, на западе оставалась тоненькая пурпуровая полоска.

В наступающей тьме раздалось рычание.

— Лев! — прошептал Гав.

— Берег полон добычи,— ответил Нао.— Лев умен, он охотнее нападет на антилопу и оленя, нежели на человека.

Рычание затихло вдали. Завыли шакалы. Уламры спали по очереди до рассвета. Затем двинулись вниз по течению Большой реки и вскоре встретили мамонтов. Стадо их занимало пространство шириною в тысячу локтей, длиною в три раза больше; они паслись, вырывая хрупкие растения и выкапывая корни. Уламры с завистью смотрели на их спокойные уверенные движения. Иногда, радуясь своей силе, животные гонялись друг за другом по мягкой земле или, играя, дрались своими волосатыми хоботами. Под их огромными ногами лев-великан оказался бы простым комком глины; своими бивнями они могут вырвать с корнем дуб, а гранитной головой расколоть его в щепы.

Рассматривая их мягкие хоботы, Нао не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Мамонты властвуют над всеми, кто живет на земле.

Он их вовсе не боялся: он знал, что они не трогают животных, если те им не очень докучают.

Он сказал:

— Аум, сын Ворона, заключил союз с мамонтами.

— Почему не сделать и нам, как Аум? — спросил Гав.

— Аум понимал мамонтов,— возразил Нао,— мы их не понимаем.

Все же эта мысль понравилась ему. После долгого раздумья он сказал:

— У мамонтов нет слов, как у человека. Они понимают только друг друга. Они знают крик своего вожака. Старый Гун говорит, что они умеют строиться в ряды и совещаются, прежде чем отправиться в поход. Если мы сумеем разгадать их знаки, мы заключим с ними дружбу.

Один из мамонтов посмотрел на уламров, когда они проходили мимо него. Он бродил в одиночестве, ощипывая нежные побеги молодых тополей. Нао никогда еще не встречал такого величественного животного. Ростом он достигал двенадцати локтей. Густая грива, как у льва, покрывала его могучую шею. Волосатый хобот казался самостоятельным существом, похожим одновременно на ствол дерева и на змею.

По-видимому, вид троих людей заинтересовал мамонта и, конечно, не потому, что он их боялся.

Нао крикнул:

— Мамонты сильны! Большой мамонт сильнее, чем все другие; он раздавит льва и тигра, как червяка, он опрокинет десяток зубров одним толчком груди. Нао, Нам и Гав — друзья большого мамонта!

Мамонт приподнял свои тяжелые уши, как бы прислушиваясь к тому, что говорил ему человек, и, качнув медленно хоботом, ответил легким криком.

— Мамонт понял! — воскликнул Нао с радостью.— Он знает, что уламры признают его силу.

И он крикнул еще:

— Если сыновья Леопарда, Сайги и Тополя завоюют огонь, они

нажарят каштанов и желудей и поднесут их в дар большому мамонту.

Во время этой речи Нао увидел болото, где росли кувшинки. Он знал, что мамонты любят подводные стебли этих растений. Он сделал знак своим спутникам, те нарвали целую охапку рыжеватых растений, тщательно вымыли их и положили около мамонта. Приблизившись к нему на расстояние пятидесяти локтей, Нао сказал:

— Вот! Мы нарвали этих растений, чтобы ты мог ими полакомиться. Уламры — друзья мамонта.

И Нао ушел.

Любопытствуя, гигант подошел к кувшинкам. Он отлично их знал, они были ему по вкусу. Пережевывая неторопливо вкусные стебли, он продолжал наблюдать за людьми. Иногда поднимал свой хобот, принюхиваясь и помахивая им с самым миролюбивым видом.

Тогда Нао решился подойти к нему поближе, он очутился около его огромных ног, под его хоботом, который выкорчевывал деревья, между двумя бивнями, длинными, как туловище бизона. Рядом с мамонтом человек был как полевая мышь рядом с пантерой. Одним движением животное могло его раздавить. Но молодой воин дрожал не от страха, он дрожал от надежды и возбуждения. Мамонт, обнюхивая, коснулся хоботом его тела. Нао, затаив дыхание, потрогал, в свою очередь, это волосатое чудовище. Затем нарвал травы и молодых побегов и поднес их в знак дружбы великану; он знал, что делает нечто необычайное, имеющее глубокое значение. Его сердце преисполнилось гордостью.

IV

Дружба человека с мамонтом

Нам и Гав со страхом следили за тем, как их вождь подходил к мамонту. Когда огромный хобот коснулся Нао, они прошептали:

— Мамонт раздавит Нао. Нам и Гав останутся одни. Кто защитит их от пожирателей людей, охранит от животных и воды?

Затем, когда они увидели, что Нао коснулся рукой животного, их души преисполнились радостью и гордостью.

— Нао заключил союз с мамонтом! — прошептал Нам.

— Нао самый сильный из людей!

Между тем сын Леопарда крикнул:

— Пусть Нам и Гав подойдут сюда, как подошел Нао. Пусть они нарвут травы и молодых побегов и дадут их мамонту.

Послушные приказу вождя, Нам и Гав с осторожностью стали приближаться к животному, срывая по дороге нежную траву и молодые побеги. Подойдя вплотную, они протянули великану свое приношение. И так как Нао был вместе с ними, мамонт спокойно принял корм.

Так был заключен союз между уламрами и мамонтом.

Наступило полнолуние. Большая, как солнце, поднималась на небе луна.

В один из вечеров уламры и кзаммы расположились лагерем на расстоянии двадцати тысяч локтей друг от друга. Это было на берегу Большой реки.

Кзаммы заняли сухую полосу земли, они грелись у потрескивающего огня, ели большие куски мяса, ибо охота была обильна, в то время как уламры в тишине, в сыром холодном мраке довольствовались несколькими корнями и мясом дикого голубя.

В десяти тысячах локтей от берега, среди смоковниц, спали мамонты.

Днем они мирились с присутствием в их стаде людей, но с наступлением темноты их отношение к людям резко менялось, потому ли, что они остерегались их хитростей, или, быть может, потому, что не хотели, чтобы их покой нарушали существа другой породы. Каждый вечер уламры принуждены были покидать своих защитников и удаляться на такое расстояние, откуда их запах уже не доносился до мамонтов.

В этот вечер Нао спросил товарищей:

— Достаточно ли отдохнули Нам и Гав? Гибки ли их члены? Легко ли дыхание?

Сын Тополя ответил:

— Нам проспал часть дня. Он готов к сражению.

И Гав сказал в свою очередь:

— Сын Сайги легко может пробежать расстояние, которое отделяет его от кзаммов.

— Хорошо! — ответил Нао.— Нао и его молодые воины отправляются к кзаммам, они будут сражаться всю ночь, чтобы завоевать огонь!

Нам и Гав вскочили с мест и последовали за своим предводителем. На этот раз нельзя было рассчитывать на темноту. Полная луна поднималась по ту сторону Большой реки. Она показывалась то вровень с островами, прорезанная черными силуэтами высоких тополей, то погружалась в волны реки, где ее дрожащее отражение напоминало сверкающее летнее облако, то стлалась по земле, как медный красный питон, то вытягивалась, как шея лебедя, то расстилала свое чешуйчатое покрывало с одного берега на другой.

Уламры быстро шли, выбирая места, поросшие высокой травой. По мере приближения к становищу кзаммов их шаги замедлились. Они двигались теперь на большом расстоянии друг от друга, чтобы иметь возможность наблюдать за большим пространством и не попасть в засаду. Вдали, за ивовым кустарником, показалось пламя, свет луны делал его бледным.

Кзаммы спали. Трое дозорных поддерживали костер и охраняли спящих. Уламры, спрятавшись среди растений, с завистью смотрели на огонь.

О, если бы они могли похитить хотя бы одну только искорку! Они держали наготове сухие, мелко изрубленные ветви. Огонь не

умрет больше в их руках, он будет жить, пока они не заключат его в клетку из коры, выложенную внутри плоскими камнями. Но как подойти к костру? Как отвлечь внимание кзаммов, настороженных с той ночи, когда сын Леопарда ворвался в их стоянку?

Нао сказал:

— Нао спрячется на берегу реки, Нам и Гав будут бродить около лагеря пожирателей людей, то прячась, то снова появляясь. Когда враг бросится на них, они побегут, но не очень быстро. Надо заманить врага подальше от огня. Нам и Гав — храбрые воины, они не побегут слишком скоро. Они увлекут за собой кзаммов к красному камню. Если Нао там не будет, они проскользнут мимо мамонтов, к берегу Большой реки. Нао найдет их следы.

Молодые воины заколебались: им было страшно оставаться одним, без Нао, с грозными кзаммами; но, покорные его воле, они скользнули в траву, в то время как сын Леопарда направился к берегу реки. Время шло. Нам показался на мгновение из травы и снова исчез, то же сделал и Гав. Дозорные подняли тревогу, кзаммы проснулись и с пронзительными криками столпились вокруг своего вождя. Это был воин небольшого роста, коренастый, как пещерный медведь. Он дважды поднял свою палицу, хрипло прокричал несколько слов и дал сигнал.

Кзаммы, разбившись на шесть отрядов, рассеялись по полукругу. Нао с беспокойством смотрел, как они удалялись; затем им снова завладела одна упорная мысль — завоевать огонь!

Костер стерегли четверо самых сильных воинов. Особенно один казался страшным. Такой же коренастый, как вождь, только выше его ростом. Размеры его палицы свидетельствовали об его огромной силе. При свете огня Нао ясно видел его сильные челюсти, глаза, затемненные волосатыми дугами бровей, короткие, кривые, толстые ноги. Трое других были менее плотными, но тоже с мускулистыми торсами и длинными сильными руками.

Нао выбрал удачное место: легкий ветерок дул на него, унося от дозорных его запах. По саванне бродили вонючие шакалы, кроме того, Нао взял с собой одну из шкур этого зверя. Благодаря этой предосторожности ему удалось подойти к огню на расстояние шестидесяти локтей. Здесь он остановился, выжидая удобный момент для нападения. Луна скрылась за тополями. Нао выпрямился и издал воинственный клич.

Кзаммы перепугались, пораженные его внезапным появлением. Но замешательство их длилось недолго, через мгновение они пришли в себя и с криками схватили оружие: кто каменный топор, кто палицу, кто дротик.

Нао сказал:

— Сын Леопарда прошел через равнину, леса, горы и реки, потому что его племя осталось без огня... Если кзаммы позволят ему взять несколько головешек, он уйдет без боя.

Его язык был столь же непонятен кзаммам, как вой волков. Увидев, что Нао один, они решили убить его. Нао отступил в надеж-

де, что они нападут на него поодиночке и он сможет увлечь их подальше от огня; но они ринулись все вместе.

Самый высокий, приблизившись, бросил дротик с кремневым наконечником; он сделал это с большой силой и ловкостью. Дротик, задев слегка плечо Нао, упал на землю. Уламр, желая сберечь собственное оружие, поднял дротик противника и, в свою очередь, метнул его в кзаммов. Описав со свистом кривую, оружие пронзило горло одному из людоедов, тот покачнулся и упал. Его товарищи, издавая крики, похожие на собачий лай, взмахнули копьями. Нао бросился на землю, чтобы избежать их ударов. Пожиратели людей, считая его побежденным, подбежали ближе, чтобы прикончить его. Но Нао снова был уже на ногах, готовый дать отпор. Один из кзаммов, раненный в живот, прекратил борьбу, двое других продолжали нападение. Кровь показалась на бедре Нао, но, чувствуя, что рана не глубока, он стал бегать около противника, не опасаясь более быть окруженным. Он то отступал, то вновь приближался, так что вскоре очутился между огнем и врагами.

— Нао проворнее кзаммов! — крикнул он.— Он возьмет огонь! Кзаммы уже потеряли двух воинов!

Он сделал еще прыжок и уже протянул было руку, чтобы схватить головешку, как вдруг в ужасе увидел, что огонь почти погас. Нао обежал вокруг костра в надежде найти хоть одну недогоревшую ветку; поиски его были напрасны. А кзаммы приближались! Нао пустился бежать, но споткнулся о пень. Противник преградил ему дорогу, тесня его к костру. Нао оставалось одно: перепрыгнуть через костер и скрыться в кустах, но мысль о том, что он вернется к своим без огня, побежденным, остановила его. Подняв одновременно топор и палицу, он принял бой.

V

Ради огня

Двое кзаммов продолжали приближаться к Нао. Тот, кто был сильнее, потрясал своим последним дротиком, который он почти в упор метнул в Нао. Взмах топора отбил удар, и хрупкое оружие упало в костер. В то же мгновение в воздухе закружились три палицы.

Дубина Нао отбила нападение противников. Один из кзаммов покачнулся, Нао это заметил, бросился на него и сильным ударом проломил ему голову. Но и сам пострадал: сук дубины разодрал ему левое плечо. Задыхаясь, он отпрянул назад и остановился в ожидании, подняв оружие. Хотя оставался только один противник, но положение Нао было опасным, так как левая рука отказывалась служить, в то время как кзамм был полон силы и вооружен палицей и топором. Высокого роста, коренастый, с длинными руками, он был силен, как зубр.

Перед решительной схваткой дикарь угрюмо осмотрел уламра;

решив, что будет надежнее биться обеими руками, он оставил себе только палицу. Затем бросился на противника.

Почти равные по весу, крепкие дубовые палицы встретились. Удар кзамма был сильнее удара Нао, который не мог владеть левой рукой. Но сын Леопарда искусно отбил нападение поперечным движением палицы. Когда кзамм вторично опустил свое страшное оружие, оно встретило пустое место: Нао ускользнул в сторону. Третий удар нанес сам Нао, он целил в голову противника, но тот успел вовремя защититься, дубины снова скрестились. Кзамм отступил и ответил бешеным ударом, который чуть не выбил оружие из руки Нао, и, прежде чем он успел оправиться, кзамм еще раз нанес удар, который пришелся прямо по черепу. Нао упал, земля, деревья, огонь — все закружилось перед ним.

Но и в этот опасный момент он не потерял бодрости, какая-то сила поднялась из глубины его существа, он вскочил и, прежде чем противник успел прийти в себя, швырнул в него свою палицу. Треснули кости, кзамм мертвым упал на землю.

Радость Нао забурлила, как поток; с хриплым смехом смотрел он на костер, где вспыхивало пламя. Ему еще трудно было осознать свою победу, здесь, под чужими звездами, в шуме реки, при легком шепоте ветра, прерываемом визгом шакалов, ревом льва где-то на другом берегу реки.

Он крикнул задыхающимся голосом:

— Нао завладел огнем!

Уламр медленно расхаживал вокруг костра, протягивая к нему руки, подставляя грудь. Затем он прошептал еще раз в восхищении:

— Нао завладел огнем!

Лихорадка его радости понемногу прошла. Кзаммы могли скоро вернуться: надо было поскорее унести добычу. Вынув тонкие плоские камни, которые он постоянно носил с собой, Нао стал переплетать их ветками, корой и тростинками. В поисках за этими растениями он увидел в небольшой яме готовую клетку, в которой пожиратели людей хранили огонь. Это было нечто вроде гнезда из коры, выложенного плоскими камнями; в нем еще трепетало маленькое пламя. Хотя Нао и славился среди уламров своим искусством изготовлять плетенки для огня, но даже ему было не под силу сделать столь искусное сооружение. Клетка кзаммов состояла из тройного слоя сланцев, заключенных в дубовую кору и переплетенных гибкими веточками. Для тяги была оставлена маленькая щель. Эти клетки требовали неусыпной бдительности: огонь приходилось защищать от дождей и ветра, следить, чтобы он не хирел и не разгорался большим пламенем. Надо было часто менять кору.

Нао знал все эти правила, полученные в наследие от предков: он слегка оживил огонь, смочил внешнюю поверхность клетки водой, почерпнутой в лужице, проверил щель и сланцевую подстилку. Прежде чем бежать, он захватил с собой топоры и дротики своих врагов, разбросанные по земле, затем бросил последний взгляд на становище.

Двое из противников лежали, обратив к звездам свои застыв-

шие лица; раненые, несмотря на страдания, притворялись мертвыми. Ради осторожности нужно было бы их прикончить. Нао подошел к раненному в бедро, нацелился в него копьем, но странное отвращение проникло в его сердце, гнев растворился в радости, и он опустил оружие.

К тому же гораздо важнее было потушить костер. Нао разбросал головешки, разбил их с помощью палицы на мелкие кусочки, чтобы они потухли до прихода воинов, затем связал раненых тростником и ветками и крикнул:

— Кзаммы не хотели дать головешку сыну Леопарда, теперь кзаммы лишились огня. Они будут бродить во мраке и холоде до тех пор, пока не придут в свою орду! Уламры стали сильнее кзаммов!

У подножия холма, в месте условленной встречи, Нао не нашел своих спутников. Но это его не удивило: молодые воины должны были немало поколесить, чтобы утомить врага.

Залепив рану ивовыми листьями, он присел у слабого огонька, сверкавшего в плетенке.

Время текло наравне с водами Большой реки и лучами восходящей луны. Когда луна коснулась вершины неба, Нао поднял голову. Среди тысячи неясных шумов он различил звук человеческих шагов. Их трудно было спутать с поступью четвероногого животного. Вскоре порыв ветра донес до него и человеческий запах.

Уламр сказал себе:

— Это бежит сын Тополя, он обманул врага, враг потерял его след.

Между смоковницами промелькнула тень человека: это был Нам. Он шел по серебристому покрывалу лунного света. Вскоре он появился у подножия холма.

И вождь спросил:

— Кзаммы потеряли след Нама?

— Нам заманил их далеко на север, затем убежал от них. Когда Нам остановился, то запах кзаммов уже не доходил до него.

— Хорошо! — ответил Нао, обнимая товарища.— Нам хитрый и ловкий воин! А где Гав?

— Сына Сайги преследовали другие кзаммы. Нам не встретил его следов.

— Мы подождем Гава здесь. А теперь пусть Нам посмотрит!

Нао увлек молодого воина за холм, к земляной яме, в которой Нам увидел маленький, трепещущий, теплый огонек!

— Вот! — сказал вождь.— Нао достал огонь!

Молодой воин громко закричал, его глаза расширились от восторга; он простерся перед сыном Леопарда и прошептал:

— Нао хитрее целого племени! Он будет вождем уламров, и никто не осмелится ему противиться!

Воины сели у слабого огонька. Им казалось, будто они в родных местах, под холодными звездами севера, среди блуждающих огней Большого болота. Мысль о долгом обратном пути не пугала их. Когда они покинут земли Большой реки, кзаммы перестанут их пре-

следовать; дальше они пойдут по местности, где бродят только животные.

Так они мечтали, будущее казалось им полным надежд. Но когда луна опустилась к западу, в их сердца закралось беспокойство.

— Где же Гав? — спросил вождь.

Сумел ли он сбить со следа кзаммов? Может быть, его остановило болото или он попал в засаду?

Равнина была нема, животные молчали; даже ветер затих над рекой, спрятавшись в осиновых зарослях; слышен был только глухой рокот воды. Ждать ли рассвета или идти на поиски немедленно? Нао очень не хотелось оставлять огонь на попечение Нама. С другой стороны, судьба молодого воина, преследуемого пожирателями людей, беспокоила его. Правда, ради того чтоб сохранить огонь, вождь мог покинуть Гава на произвол судьбы и даже должен был, по закону племени, так сделать, но Нао почувствовал жалость к покинутому товарищу, который делил с ним все опасности их трудного похода и к тому же был слабее его.

— Нао пойдет отыскивать Гава! — сказал он наконец.— Сын Тополя останется следить за огнем. Нам должен смачивать водой кору, когда она нагреется. Нам не должен отлучаться от огня!

— Нам будет сторожить огонь, как собственную жизнь! — ответил молодой воин.

И прибавил с гордостью:

— Нам умеет питать огонь! Его научила этому мать, когда он был маленький, как волчонок.

— Хорошо. Если Нао не вернется к тому времени, когда солнце будет на высоте тополей, пусть Нам укроется у мамонтов; если Нао не вернется на склоне дня, пусть Нам пойдет один в землю уламров.

Нао ушел; сердце его сжималось от тоски, несколько раз он оборачивался и смотрел туда, где находилась клетка с огнем, слабый свет которого, казалось, все еще мигал ему издали!

VI

Поиски Гава

Чтобы отыскать следы Гава, надо было вернуться к лагерю кзаммов. Нао шел медленно. Его плечо горело под ивовыми листьями, которыми он покрыл рану; в голове шумело; он чувствовал боль в том месте, где пришелся удар палицей. Нао был грустен; даже после завоевания огня ему предстояло перенести еще много трудностей. Вскоре он очутился у того поворота, откуда он со своими молодыми товарищами в первый раз увидел привал кзаммов. Тогда красное пламя костра смешивалось с лунным светом, теперь становище было темным, угли, разбросанные Нао, погасли, ночь посеребрила неподвижные тела людей и предметы; слышны были только стоны раненых.

Нао вскоре убедился, что преследователи еще не вернулись. Тогда он смело двинулся к становищу кзаммов. Стоны раненых прекра-

тились, казалось, там были только одни трупы; Нао, не задерживаясь, пошел дальше и вскоре напал на след Гава. Сначала по нему легко было идти: его сопровождали следы кзаммов почти по прямой линии; затем след свернул в кусты и затерялся в болоте. Нао отыскал его снова, у излучины берега, теперь след был совсем сырой, как будто Гава и кзаммов окунули в воде.

У рощи из смоковниц кзаммы, должно быть, разделились на несколько групп. Нао избрал наиболее удобный путь и прошел еще три или четыре тысячи локтей, но вскоре он должен был остановиться. Густые тучи поглотили луну. До рассвета было еще далеко. Сын Леопарда сел у подножия старой смоковницы. Звери закончили свою охоту, дневные животные еще спали, спрятавшись в земле, в кустарниках, в дуплах деревьев, среди древесных веток.

Нао отдыхал, пока вершины деревьев не окрасились холодной белизной. Тяжелый осенний рассвет коснулся хилых листьев и покинутых гнезд. Ему предшествовал легкий ветерок, который казался дыханием смоковницы. Нао встал против света, еще бледного, как белый пепел костра, съел кусок вяленого мяса, наклонился над землей, отыскивая след, и снова отправился в путь. След тянулся на тысячи локтей; Гав, выйдя из лесу, пересек песчаную равнину с редкой травой и малорослыми деревцами, свернул по краю болота, где гнил красный тростник, поднялся на холм, прошел среди бугров и остановился, наконец, на берегу реки, которую, конечно, переплыл. Нао, в свою очередь, переплыл реку и после долгой ходьбы обнаружил, что следы кзаммов стали сближаться. Гава могли окружить. Тогда вождь подумал, что, пожалуй, лучше предоставить беглеца его судьбе, дабы не рисковать из-за одного человека своей жизнью, жизнью Нама и огня. Но преследование увлекало его, ему хотелось довести начатое дело до конца.

Кроме двух отрядов кзаммов, замыслы которых Нао уже постиг, следовало опасаться третьего отряда, того, что преследовал Нама. Уверенный в быстроте своих ног и в своей хитрости, сын Леопарда без колебаний направился по следу Гава, останавливаясь лишь затем, чтоб ознакомиться с местностью.

Земля становилась твердой, сквозь тонкий слой наносов проступал гранит, показалась скала с крутыми откосами. Нао решил взобраться на нее. Судя по свежести следов, люди были недалеко, с вершины скалы можно будет увидеть Гава или его преследователей. Уламр скользнул в кустарник и вскоре достиг вершины скалы. Взобравшись на нее, он вскрикнул: на узкой полосе красной земли, которая, казалось, была залита кровью, показался Гав.

Позади него, на расстоянии тысячи локтей, бежали в беспорядке люди с большими торсами и короткими ногами, с севера наступал другой отряд. Несмотря на длительность погони, сын Сайги не казался изнуренным. В течение ночи Гав бежал не очень быстро, и только там, где нужно было избежать ловушки или же поддразнить врага, он несся с быстротой оленя.

К несчастью, уловки кзаммов сбили его с пути; он не знал, где на-

ходится,— на западной или южной стороне того холма, где он должен был соединиться с вождем.

Нао следил за ходом борьбы. Гав бежал к сосновому бору, на северо-восток. Первый отряд следовал за ним врассыпную, отрезая ему отступление. Второй отряд, тот, что двигался с севера, повернул, чтобы достичь леса одновременно с беглецом. Однако положение было не безнадежное. Быстрый Гав легко мог опередить кзаммов, и если Нао соединится с ним, уламры смогут вернуться вместе к Большой реке.

Одним взглядом вождь определил наиболее удобный путь: это была местность, заросшая кустарником; здесь он будет невидим и сможет быстро достигнуть леса.

Нао уже решил спуститься с холма, как вдруг новое обстоятельство задержало его: показался третий отряд преследователей, на этот раз на северо-западе. Теперь Гав мог избежать ловушки только в том случае, если он со всей скоростью повернет на запад. Но, по-видимому, он не сознавал опасности и продолжал бежать по прямой линии.

Еще раз Нао колебался между необходимостью сохранить огонь, Нама и себя и соблазном спасти Гава, и еще раз желание помочь товарищу одержало верх над благоразумием. Сын Леопарда окинул внимательным взглядом окрестность, желая запечатлеть в памяти все ее приметы, затем спустился с холма.

Он двинулся под прикрытием кустарника на запад. Затем свернул в высокую траву и, превосходя в беге и кзаммов и Гава, скоро очутился у опушки соснового бора.

Теперь ему необходимо было дать знать Гаву о своем присутствии. Он трижды крикнул, подражая оленю,— это был сигнал, знакомый уламрам. В обычное время Гав услыхал бы зов вождя, но теперь он устал, внимание его было всецело обращено на преследователей, поэтому зов не дошел до него.

Тогда Нао решил больше не скрываться; он покинул траву и с боевым криком уламров появился на равнине. Продолжительный вой, повторенный всеми отрядами кзаммов, был ему ответом. Гав на мгновение остановился от удивления, затем во весь опор помчался к сыну Леопарда. Нао бежал теперь в единственно возможном направлении — к западу, но третий отряд кзаммов, заметив его маневр, пустился ему наперерез.

Таким образом, беглецы оказались окруженными с трех сторон: севера, юга и востока, дорогу на запад преграждала высокая скала, взобраться на которую было чрезвычайно трудно. И тем не менее Нао направил свой бег прямо к скале. Кзаммы, считая себя уже победителями, громкими криками подгоняли друг друга. Некоторые из них были уже в пятидесяти локтях от уламров и на ходу заносили копья, готовясь метнуть их в противника. Но Нао, увлекая за собой товарища, вдруг неожиданно нырнул в кустарник и скрылся в узкой расщелине. Этот проход он заранее заметил, когда осматривал местность с вершины скалы.

Кзаммы завыли от бешенства. Часть их проникла в ущелье, остальные побежали в обход.

Между тем Нао и Гав вихрем неслись по ущелью. Они с легкостью могли бы опередить погоню, если бы почва не была такой неровной. Это сильно замедлило их бег, и когда они, наконец, покинули расщелину, то оказалось, что трое кзаммов, бежавших в обход скалы, успели их обогнать и отрезали им отступление на север.

Нао хотел было повернуть на юг, но оттуда уже явственно доносился шум приближающейся погони. Всякое колебание становилось смертельным.

Тогда он бросился прямо на приближающихся кзаммов с топором в одной руке, с палицей в другой, в то время как Гав схватил свою рогатину.

Боясь упустить уламров, кзаммы окружили их цепью. Нао наскочил на стоявшего слева от него противника. Это был молодой воин, ловкий и гибкий. Он поднял топор, чтобы отбить нападение, но удар палицей выбил из его рук оружие; второй удар уложил его на месте.

Двое других людоедов накинулись на Гава, рассчитывая быстро разделаться с ним и затем соединенными силами напасть на Нао. Гав метнул копье и ранил одного из нападающих, но, прежде чем он успел воспользоваться рогатиной, его самого ударили в грудь. Сын Сайги отскочил в сторону и тем спасся от второго удара, который был бы смертельным.

Кзаммы погнались за ним. Один напал на него спереди, другой старался ударить его в спину. Ему грозила гибель. Но в это время к нему подоспел Нао. Огромная палица ударила с таким шумом, будто свалилось целое дерево; один из врагов повалился на землю, другой отступил к северу, откуда приближался целый отряд его сородичей. Но было уже поздно: уламрам удалось избежать окружения; они кинулись на запад, где путь был свободен. С каждым прыжком увеличивалось расстояние, отделявшее их от противника. К тому времени как солнце поднялось на середину неба, они опередили кзаммов на шесть тысяч локтей. Уламры надеялись, что враг прекратит преследование, но каждый раз, оглядываясь назад с какого-либо холма, они видели за собой остервенелую стаю бегущих врагов.

Гав заметно слабел. Его рана не переставала сочиться кровью. Сначала текла только тоненькая струйка; несмотря на отчаянный бег, рана, казалось, закрылась, но затем, после нескольких неловких движений, красная жидкость начала бить ключом. Когда на пути попадались молодые тополя, Нао делал из листьев кашицу и залеплял ею рану, но кровь не останавливалась. Мало-помалу скорость Гава становилась равной скорости кзаммов, а затем он стал отставать. Кзаммы настигали беглецов. И сын Леопарда думал о том, что если Гав не наберется сил, их настигнут раньше, чем они добегут до стада мамонтов. Гав все больше терял силы, он уже с трудом взбирался на холмы, ноги его дрожали, лицо приняло пепельный оттенок, сердце слабело. Он шатался. А кзаммы все приближались.

— Если Гав не может больше бежать,— сказал Нао глухим

голосом,— пожиратели людей настигнут нас раньше, чем мы доберемся до реки.

— Глаза Гава больше не видят, сверчки трещат в его ушах,— пробормотал молодой воин.— Пусть сын Леопарда один продолжает путь. Гав умрет за огонь.

— Нет, Гав не умрет!

И, вскинув Гава себе на спину, Нао двинулся дальше.

Вначале его необычайное мужество и невероятная сила мышц давали возможность сохранять расстояние, отделявшее их от кзаммов. Когда дорога шла вниз, Нао делал прыжки, увлекаемый тяжестью ноши, но на подъемах его дыхание учащалось, ноги тяжелели. Не будь его раны, которая тупо болела и жгла, не будь удара палицей в голову, от которого еще шумело в ушах, он мог бы, пожалуй, даже с Гавом на плечах, опередить пожирателей людей с их короткими ногами, утомленных долгой погоней. Но теперь это было выше его сил. Ни одно животное ни в степи, ни в лесу не могло бы выдержать столь изнурительного и долгого испытания.

Расстояние, отделявшее их от кзаммов, становилось все меньше и меньше. Нао слышал их шаги, он знал, насколько они приблизились: пятьсот локтей... затем четыреста... затем двести...

Тогда сын Леопарда положил Гава на землю; его глаза блуждали, он колебался. Наконец сказал:

— Гав, сын Сайги, Нао не может больше нести тебя и скрыть от пожирателей людей.

Гав выпрямился и ответил:

— Нао должен покинуть Гава и спасти огонь.

Кзаммы, приблизившись на шестьдесят локтей, подняли дротики, готовясь к бою. Нао решил бежать лишь в самом крайнем случае. Он встретил неприятеля лицом к лицу. Просвистели первые дротики; большая часть их упала, даже не достигнув уламров; один только, задев ногу Гава, причинил ранение, но совершенно незначительное. В ответ Нао поразил палицей ближайшего из кзаммов и пронзил дротиком живот другого.

Эта двойная неудача внесла смятение в ряды нападающих. Кзаммы остановились, дожидаясь подкрепления.

Эта передышка была для уламров очень благоприятна. Царапина, казалось, вывела Гава из оцепенения. Он схватил дротик и начал им размахивать, ожидая, когда враг приблизится. Нао, увидев это, спросил:

— Гав снова обрел силы? Пусть он бежит! Нао задержит погоню!

Молодой воин колебался, но вождь повторил резким тоном:

— Беги!

Гав пустился в путь; бег его, вначале неуверенный, постепенно становился тверже. Нао медленно отступал, держа в каждой руке по дротику. Кзаммы колебались. Наконец их предводитель дал знак к наступлению. Засвистели дротики, кзаммы бросились на Нао. Ему удалось ранить еще двух дикарей, после чего он повернулся и побежал.

Преследование возобновилось. Гав то бежал с прежней быстротой, то останавливался, тяжело дыша. Нао тащил его за руку. Преимущество снова оказалось на стороне кзаммов. Они бежали, не торопясь, уверенные в своей выносливости. Нао не мог больше тащить своего товарища. От усталости и лихорадки разболелась рана, в голове шумело, и, кроме всего, он ушиб ногу о камень.

— Пусть лучше Гав умрет,— не переставая, повторял сын Сайги.— Нао скажет уламрам, что он хорошо сражался.

Вождь, мрачный, ничего не отвечал. Он прислушивался к топоту противника. Враг был опять на расстоянии не более двухсот локтей. Дорога шла в гору.

Сын Леопарда, собрав последние силы, взобрался на вершину холма. Бросив оттуда взгляд на запад, тяжело дыша от усталости, он крикнул радостно:

— Большая река... Мамонты!

Действительно, за холмом протекала река, она отсвечивала среди тополей, ясеней, ольхи, на берегу ее паслось стадо мамонтов; они лакомились корнями и молодыми побегами. Почувствовав прилив новых сил, Нао с такой стремительностью кинулся вперед, увлекая за собой Гава, что выиграл более ста локтей. Это был последний порыв. Кзаммы локоть за локтем наверстывали потерянное расстояние. До мамонтов оставалось еще не менее двух тысяч локтей, а кзаммы бежали уже по пятам. Они сохраняли свой ровный, размеренный шаг, рассчитывая тем вернее настигнуть уламров, чем больше они будут теснить их к мамонтам. Они знали, что эти животные, несмотря на их миролюбие, не выносят возле себя ничьего присутствия, следовательно, они отбросят беглецов. Уламры уже слышали за своей спиной жаркое дыхание преследователей, а надо было еще пробежать не меньше тысячи локтей!.. Тогда Нао издал протяжный крик, из платанового леса вышел человек, затем показался мамонт. Огромное животное подняло хобот и, громко трубя, устремилось с тремя другими мамонтами прямо на сына Леопарда. Испуганные и довольные, кзаммы остановились: теперь оставалось только подождать отступления уламров, затем окружить их и уничтожить. Между тем Нао пробежал еще сто локтей, затем, повернув к кзаммам свое осунувшееся лицо, торжествующе воскликнул:

— Уламры заключили союз с мамонтами! Нао смеется над пожирателями людей!

В то время как он это говорил, мамонты подошли к нему вплотную, и, к бесконечному изумлению кзаммов, самый большой мамонт положил хобот на плечо уламра. Нао продолжал:

— Нао завладел огнем! Он убил четырех воинов на стоянке, четверых — во время преследования!

Кзаммы ответили яростными воплями, но, так как мамонты шли прямо на них, они поспешно отступили. Они считали мамонтов непобедимыми.

VII

Жизнь у мамонтов

Нам хорошо охранял огонь. Пламя ярко горело в своей клетке, когда Нао снова увидел его. И хотя усталость вождя дошла до пределов, хотя рана кусала его тело, как волк, а в голове лихорадочно шумело, сын Леопарда был счастлив. В его широкой груди бурлила молодость. Он снова увидел перед собой родные места: весеннее болото, острые, как стрелы, тростники, стройные тополя, ясень и ольху, одетые в свои весенние, зеленые покровы. Он слышал, как перекликаются цапли, чирки, синицы, вяхири, как падает веселый, животворящий дождь. И в воде, и в траве, и в чаще деревьев сыну Леопарда мерещился образ стройной Гаммлы. Вся человеческая радость заключалась в этом гибком теле, в этих тонких руках, в округлом животе дочери Фаума.

Помечтав у огня, Нао нарвал нежных трав и побегов, чтобы поднести их вожаку мамонтов. Он понимал, что союз с гигантами будет прочным только в том случае, если его возобновлять каждый день. Затем он выбрал местечко для отдыха в самой середине громадного стада и растянулся там, приказав Наму стать на стражу.

— Если мамонты покинут пастбища,— сказал Нам,— я разбужу сына Леопарда.

— Пастбище обильно и велико,— ответил Нао,— мамонты будут пастись здесь до вечера.

И он заснул сном глубоким, как смерть.

Когда он проснулся, солнце уже склонилось над саванной. Облака, цвета сурика, громоздились и потихоньку вбирали в себя желтый диск солнца, похожий на огромный цветок водяной лилии. Нао почувствовал боль в суставах ног, по телу пробежала лихорадка, но шум в ушах уменьшился и боль в плече утихла. Он встал, посмотрел сперва на огонь, затем спросил у стража:

— Кзаммы вернулись?

— Они не уходили. Они ждут на берегу реки, возле острова с высокими тополями.

— Хорошо! — сказал сын Леопарда.— У них не будет огня в долгие сырые ночи, они потеряют мужество и вернутся в свою орду. Пусть Нам идет спать.

В то время как Нам растянулся во мху, на листьях, Нао следил за Гавом, метавшимся в бреду. Молодой воин был очень слаб, тело его горело; он тяжело дышал, но рана больше не кровоточила, и Нао понял, что опасность не угрожает жизни его молодого товарища.

Сын Леопарда наклонился над огнем, ему страстно хотелось развести большой костер, но он понимал, что это может не понравиться мамонтам.

Пришлось отложить это до других, лучших дней. Прежде всего надо добиться у вожака мамонтов разрешения провести ночь под защитой стада. Нао глазами отыскал гиганта, который, как всегда,

был один, чтобы лучше и спокойнее наблюдать за стадом и окрестностями.

Мамонт бродил среди низкорослых деревьев, верхушки которых едва возвышались над землей. Сын Леопарда нарвал корней съедобного папоротника, собрал болотных бобов и направился к вожаку мамонтов; при его приближении животное перестало обгладывать деревья, медленно подняло свой волосатый хобот и даже сделало несколько шагов по направлению к Нао. Видя в руках у него пищу, мамонт выразил удовольствие. Уламр протянул корм и сказал:

— Вождь мамонтов! Кзаммы стерегут уламров на берегу реки, уламры сильнее кзаммов, но их трое, а кзаммов много. Они нас убьют, если мы уйдем от мамонтов.

Мамонт, сытый после хорошей дневной пищи, медленно поедал принесенные лакомства. Кончив, он посмотрел на заходящее солнце, лег на землю и обвил своим хоботом тело человека. Нао решил, что дружба установлена и что сам он, Гав и Нам могут оставаться под защитой мамонтов до полного выздоровления. Быть может, гигант даже позволит им разжечь огонь и попробовать приятных на вкус жареных корней, каштанов и мяса?

Тем временем солнце засверкало на западе и облило багрянцем великолепные облака. Это был вечер, красный, как цветок индийского тростника, желтый, как лютики, фиолетовый, как костер на осеннем берегу. Огни его разрывали глубину реки, это был один из прекрасных вечеров земли. В небе возникали озера, острова, пещеры, переливавшиеся цветами магнолий, шиповника, шпажника, отсвет которых трогал дикую душу Нао. Молодой воин спрашивал себя: кто же освещает эти неизмеримые пространства, какие люди и какие животные живут за небесными горами?

Уже три дня жили уламры под защитой мамонтов. Мстительные кзаммы продолжали бродить по берегу Большой реки в надежде поймать и пожрать людей, которые надсмеялись над ними, перехитрив их, и отняли у них огонь. Нао их больше не боялся, его дружба с мамонтами была прочна. Силы его восстанавливались с каждым днем; в голове больше не шумело, рана на плече, не очень глубокая, затягивалась быстро, лихорадка прошла.

Гав тоже выздоравливал. Часто уламры, взобравшись на вершину холма, бросали вызов противнику, Нао кричал:

— Зачем вы бродите вокруг мамонтов и уламров? По сравнению с мамонтами вы — как шакалы перед медведем. Ни одна палица, ни один топор кзаммов не могут противиться палице и топору Нао. Если вы не уйдете, мы заманим вас в ловушку и убьем!

Нам и Гав издавали воинственные крики, грозили копьями; но кзаммы не обращали на это внимания. Они бродили в зарослях, среди камышей, по саванне и в лесу, подстерегая врага.

И хотя уламры были бесстрашны, им все же очень не нравилось присутствие кзаммов. Оно мешало им продолжать путь, оно угрожало их будущему: ведь рано или поздно уламрам придется покинуть мамонтов и идти на север. Сын Леопарда измышлял способ отогнать врага.

Он продолжал воздавать почести вожаку мамонтов.

Трижды в день собирал он для него вкусный корм и проводил немало времени возле своего друга, стараясь понять его язык и научить его своему. Мамонт охотно слушал человеческую речь, наклонив голову, и казался задумчивым; иногда странный свет вспыхивал в его коричневых глазах, он прищуривался, будто смеялся. Тогда Нао думал: «Большой мамонт понимает Нао, но Нао его не понимает». Мало-помалу мамонт научился понимать слова, смысл которых не вызывал сомнений. Когда уламр вскрикивал: «Пища!», мамонт тотчас же подходил, ибо он знал, что это слово означает свежие стебли и плоды. Иногда они перекликались друг с другом даже без надобности, при этом мамонт издавал тихое ворчание, а Нао отвечал ему одним или двумя слогами. Это сближение радовало обоих. Человек садился на землю, мамонт расхаживал вокруг него, иногда, играя, поднимал его осторожно своим хоботом.

Нао приказал своим товарищам воздавать почести двум другим мамонтам. Уламры всячески старались выразить им свою привязанность; от них только это и требовалось. Нао научил товарищей, как приучить гигантов к человеческому голосу; через пять дней мамонты шли на зов Нама и Гава.

Уламры были счастливы. Однажды вечером, прежде чем растаяли сумерки, Нао собрал сухих трав и веток и осмелился их зажечь.

Воздух был свеж и прохладен, ветра не было. Пламя разгорелось, сначала черное от дыма, затем яркое, ворчащее, цвета утренней зари.

Со всех сторон сбежались мамонты. Они шевелили своими длинными хоботами, глаза их светились беспокойством. Некоторые из них издавали трубные звуки. Они знали, что такое огонь! Они видели его в саванне и в лесу, во время пожаров, вызванных молнией. Тогда он преследовал их с невероятным треском. Его дыхание сжигало тело, его зубы кусали их неуязвимую кожу; старики помнили о своих товарищах, схваченных этим ужасным существом,— они так и не вернулись из его плена. С испугом и угрозой смотрели они на пламя, вокруг которого стояли маленькие люди.

Нао, чувствуя, что мамонтам не нравится огонь, пошел к вожаку и сказал ему:

— Огонь уламров не может бегать, он не бросится на мамонтов. Нао взял его в плен, он посадил его в землю, где нет для него пищи.

Великан подошел на расстояние десяти шагов к огню, долго смотрел на него, любопытный, как и его собратья, затем проникся к нему каким-то смутным доверием и, увидев, что его слабосильные друзья совершенно спокойны, успокоился и сам.

Так как в течение долгих лет его волнение или спокойствие отражалось на поведении всего стада, последнее мало-помалу перестало бояться огня уламров; ведь он был неподвижен и не скакал, как тот ужасный огонь, какой преследовал их в степи и в лесу.

Итак, Нао мог теперь разводить костер и разгонять им мрак. В этот вечер он с аппетитом поел жареных корней, грибов и мяса.

Прошло шесть дней, но кзаммы все еще не снимали своей осады.

Теперь, когда Нао окончательно восстановил свои силы, бездействие тяготило его; он стремился на север. При виде волосатых кзаммов, сновавших среди платанов, его охватил гнев. Однажды он воскликнул:

— Кзаммам не придется полакомиться мясом уламров!

Затем он позвал своих товарищей и сказал им:

— Вы позовете мамонтов, с которыми вы заключили союз, а за мной последует вожак. Мы сумеем победить пожирателей людей.

Спрятав огонь в надежное место, уламры двинулись в путь. По мере того как они удалялись от стада, они старались насколько возможно ублажать мамонтов, собирая для них корм, и Нао время от времени разговаривал с ними тихим голосом. Однако, отойдя на некоторое расстояние, мамонты заколебались. Чувство ответственности перед стадом возрастало у них с каждым шагом. Они то и дело останавливались, поворачивая головы к западу. Сын Леопарда подошел к вожаку, обнял своего союзника за хобот и сказал:

— Кзаммы спрятались в кустарниках. Если мамонты помогут нам их победить, они больше не осмелятся бродить вокруг лагеря.

Но вожак оставался безучастен. Он упорно смотрел назад, на далекое покинутое им стадо. Нао знал, что кзаммы спрятались в нескольких полетах копья, и не мог отказаться от нападения. Он скользнул в траву в сопровождении Нама и Гава. Просвистели дротики. Кзаммы поднялись над зарослями, чтобы лучше метить в противника. Нам издал протяжный, призывный клич. Вожак мамонтов, казалось, понял. Он громко затрубил, сзывая все стадо. Затем в сопровождении двух других вожаков устремился на пожирателей людей.

Тогда Нао, размахивая палицей, а Нам и Гав с топорами в левой руке и дротиками в правой бросились вперед. Испуганные кзаммы спрятались в зарослях. Ярость охватила мамонтов; они напали на беглецов, будто перед ними был носорог. С берега Большой реки бурой массой двигалось стадо. Земля дрожала от их топота. Волки, шакалы, козы, олени, лошади, кабаны бежали, как от потопа.

Вожак мамонтов первым настиг одного из кзаммов. Тот бросился на землю, воя от ужаса, но мускулистый хобот уже изогнулся, чтобы схватить его; он подбросил человека на десять локтей вверх, а когда тот упал, мамонт большущей ногой раздавил его, как насекомое. Вслед за первым погиб, разорванный клыками, второй кзамм. Третий извивался и выл, поднятый в воздух могучим хоботом. Между тем приблизилось все стадо. Оно, как наводнение, поглотило равнину; земля колыхалась и вздымалась, как чья-то широкая грудь. Все кзаммы, находившиеся между берегом реки и вершиной холма, были растоптаны и превратились в кровавую грязь. Только тогда ярость мамонтов стала утихать.

Вожак, достигнув подножия холма, подал сигнал к окончанию боя. Животные остановились со сверкающими еще глазами, тяжело дыша.

Кзаммы, избегнувшие гибели, в беспорядке бежали к югу. Боль-

ше нечего было опасаться их козней. Они навсегда отказались от преследования уламров; они несли своей орде поразительную новость — рассказ о союзе людей Севера с мамонтами, легенду, которая будет повторяться бесчисленными поколениями.

В течение десяти дней спускались мамонты к низовьям реки. Жизнь их была прекрасна. От хорошего корма мощью наливалось их тело, обильная пища ждала их при каждом повороте реки: в болотной тине, в черноземе равнин, в чаще густых лесов.

Ни одно животное не потревожило их на пути. Этим властелинам земли была всюду обеспечена победа. Сознание своего могущества сделало их миролюбивыми. Тысячелетняя привычка определяла строгий порядок их стада, походный строй, помогала им находить наилучшие пастбища, согласовывала все их действия. Они обладали утонченным зрением, чутким обонянием, острым слухом.

Огромные и в то же время гибкие, тяжеловесные, но и подвижные, они так же свободно передвигались по земле, как и по воде.

Ощупывать преграды, обнюхивать, срывать травы и плоды, выкорчевывать деревья, месить землю — для всего этого им служил орудием хобот, который мог обвиваться, как змея, душить, как медвежьи лапы, и работать не хуже человеческих рук. Их бивни рыли землю, одним ударом своей ноги они могли раздавить льва.

Ничто не ограничивало их могущества. Время, как и пространство, принадлежало мамонтам. Кто мог нарушить их покой? Кто мог помешать их размножению?

Так думал Нао, сопровождая великанов. Он с радостью прислушивался, как гудела земля под их ногами, с гордостью смотрел на стадо, растянувшееся вдоль реки под осенними ветвями; при их приближении все животные убегали, а птицы, чтобы лучше их рассмотреть, спускались с неба или взлетали над камышами.

Это были счастливые дни, полные безопасности и приволья, и, если бы не воспоминание о Гаммле, Нао был бы не прочь, чтобы они продолжались вечно. Теперь, когда он узнал мамонтов, он находил их менее жестокими, более справедливыми, чем люди. Их предводитель не был, как Фаум, страшен даже для своих друзей, он вел стадо без угроз и без вероломства. Ни один из них не был так жесток, как Аго и его братья.

На рассвете, когда река начинала седеть на востоке, мамонты просыпались. Подняв хоботы, они оглушительно трубили, приветствуя рождение дня. Резвясь, они гонялись друг за другом по излучинам реки, затем собирались группами, взволнованные простой глубокой радостью жизни, и принимались за пищу; не спеша и без труда выкорчевывали корни, срывали свежие стебли, траву, грызли каштаны и желуди, пробовали моховики, сморчки. Наевшись, спускались всем стадом к водопою. Тогда их масса становилась более плотной и более внушительной.

Нао, взобравшись на какой-нибудь холм или скалу, любил смотреть, как двигаются они вдоль берега реки.

Их спины колыхались, как огромные волны, их ноги выдавливали в глине целые ямы, их уши казались гигантскими летучими мышами, вот-вот готовыми улететь; гибкие, подвижные хоботы походили на стволы ракитника, покрытые грязноватым мохом; клыки, гладкие и сверкающие, напоминали рогатины.

Наступал вечер. Облака отражали великолепие земли, фиолетовым туманом расстилалась кровожадная ночь, огонь становился ярче. Уламры давали ему обильную пищу. Он жадно поглощал сосновые сучья, сухие травы; задыхался, грызя иву; его дыхание становилось едким, когда он поглощал сырые стебли и листья.

По мере того как он увеличивался, его тело становилось светлее, голос громче, он высушивал и согревал холодную землю и прогонял мрак на тысячу локтей. Привлеченный запахом поджариваемых каштанов, корней и мяса, большой мамонт часто приходил посмотреть на огонь. Животное стало привыкать к нему, наслаждалось его лаской и светом, устремляя на него свои задумчивые глаза. Мамонт следил за движениями уламров, когда они бросали ветки и злаки в алую пасть костра. Быть может, он чувствовал смутно, что род мамонтов был бы еще сильнее, если бы мог пользоваться огнем.

Однажды вечером мамонт подошел к огню ближе, чем обычно, приблизил хобот, принюхиваясь к дыханию, исходящему от этого животного с меняющимися формами. Он остановился и долго стоял неподвижно, похожий на сланцевую скалу; затем схватил хоботом большую ветку, подержал ее в воздухе и, наконец, бросил в пламя. Она вызвала полет искр, затем затрещала, засвистела, задымилась и, в конце концов, вспыхнула.

Тогда, наклонив голову, с довольным видом, мамонт подошел к Нао, положил хобот к нему на плечо. Нао не двинулся. Охваченный изумлением и восхищением, уламр подумал, что мамонты умеют поддерживать огонь, как и люди, и спрашивал себя, почему же тогда они проводят ночи в холоде и мраке?

С этого вечера вожак мамонтов сблизился еще больше с уламрами. Он помогал им собирать запасы дров, кормил огонь с неменьшей ловкостью и осторожностью, чем люди, любил раздумывать при его пурпуровом или ярко-малиновом свете.

Новые впечатления внедрялись в его огромный мозг, они устанавливали связь между мамонтом и уламрами. Он понимал теперь уже довольно большое количество слов и жестов людей и приучил их понимать себя.

Мамонты продолжали спускаться вдоль Большой реки. Настал день, когда путь стада разошелся с путем, ведущим к становищу уламров. Река, которая до сих пор текла на север, повернула на юго-восток. Так как стадо шло берегом реки, то приходилось его покинуть. Нао забеспокоился — так радостно было жить среди этих друзей, таких громадных и благожелательных. После спокойной, безопасной жизни одиночество представлялось ему особенно страшным.

Там, в этой дождливой осени, в этих лесах, полных дикого зверья, на этих огромных болотистых лугах уламров ждали на каж-

дом шагу всяческие напасти и западни, суровость природы и коварство хищников.

Однажды утром Нао подошел к вожаку мамонтов и сказал ему:

— Сын Леопарда заключил союз с мамонтами. Его сердцу это было радостно, он готов бы следовать за ними еще долгое время, но он должен вернуться и увидеть Гаммлу на берегу Большого болота. Путь его лежит на северо-запад. Почему мамонты не покинут берегов реки?

Нао оперся на клык мамонта; животное, чувствуя его волнение, слушало его внимательно.

Затем вожак медленно покачал тяжелой головой и снова пустился в путь, ведя за собой стадо вдоль реки. Нао принял это за ответ. Он сказал себе:

— Мамонтам нужна вода.

Он глубоко вздохнул и позвал своих товарищей. Когда стадо скрылось из виду, Нао поднялся на холм. Он издали следил за вожаком, который принял его так ласково и спас от кзаммов. На сердце у него было тяжело: печаль и страх охватили Нао; и, глядя на северо-запад, на степь и на осенние заросли, он почувствовал все ничтожество человека, и сердце его преисполнилось уважением к мамонтам и их силе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Рыжие карлики

Шли сильные дожди. Уламры вязли в топкой грязи, пробирались сквозь заросли, переходили холмы, отдыхали под защитой деревьев, в ущельях скал, в расщелинах земли. Был грибной сезон. Все трое, зная, что грибы ядовиты и могут убить человека так же легко, как змеиный яд, собирали только те из них, о которых они знали от стариков, что они съедобны. Когда не было мяса, уламры шли в те места, где водились белые грибы, лисички, сморчки, моховики, они находили их в тени мшистых вязов, ржавых смоковниц, в спящих долинах, под откосами гор. Теперь, когда они завоевали огонь, они могли жарить грибы, нанизывая их на сучья, или раскладывали на камни и даже на глину. Таким же способом поджаривали они корни и желуди, иногда каштаны. Они грызли орехи и плоды букового дерева, собирали семена клена и пили сладкий кленовый сок.

Огонь был их радостью и горем. Во время ураганов и дождей они защищали его, прибегая ко всяческим хитростям. Когда дожди шли слишком упорно и обильно, необходимо было искать для огня надежное убежище; если его не находилось среди скал, деревьев или в земле, его надо было рыть или строить. За этим занятием уламры теряли много дней. Не меньше времени теряли они на обходы всяких препятствий. И, быть может, желая сократить свой путь, они, сами того не сознавая, даже удлиняли его. Они направлялись к

стране Уламров, руководясь инстинктом и неточными указаниями солнца и звезд.

Неожиданно перед ними открылась песчаная пустыня с разбросанными по ней валунами гранита.

Казалось, она заполняла собой весь северо-запад, грозный, убеленный сединой, скудный край. Кое-где встречалась колючая жесткая трава; несколько жалких сосен росли на дюнах; лишаи обгладывали камни, свисая бледными клочьями; редко-редко пробегал по склонам холмов трусливый заяц или малорослая антилопа.

Дождь затихал, тощие облака летели к югу вместе с гусями, бекасами и журавлями.

Нао колебался — идти ли в эту пустынную местность. День уже склонялся к вечеру; землистый, грязноватый свет скользил по земле, ветер гудел глухо и заунывно.

Уламры, повернувшись лицом к пескам, почувствовали на себе дыхание пустыни. Но так как мясо было у них в изобилии и огонь ярко горел в клетках, они решили идти напрямик.

Минуло пять дней, а все еще не было видно конца равнинам и голым пескам. Запасы пищи истощались. Путников мучила жажда; животные бежали от их ловушек, песок поглощал всю воду.

Не раз уламры опасались за судьбу огня, который нечем было поддерживать. На шестой день трава стала более густой и не такой жесткой, сосны уступили место смоковницам, платанам и тополям, чаще стали попадаться лужи воды, затем земля почернела, небо с плотными облаками спустилось ниже. Уламры провели ночь под осиной, у костра из ноздреватых дров и листьев, которые дрожали под ливнем и издавали удушливый запах.

Нао сторожил первым, затем была очередь за Намом. Молодой уламр ходил возле костра, следил за ним; оживляя огонь с помощью веток, он сушил их, прежде чем дать их огню в корм. Тяжелое пламя с трудом пробивалось сквозь густой дым, свет расстилался по глине, скользил среди низкорослых деревьев, окрашивая в красный цвет листву. За пределами освещенного круга стояла тьма; в лужах воды она напоминала тяжелую жидкость.

Нам наклонился к огню, грея руки, прислушивался; в глубине этой темноты таилась опасность: человек легко мог быть разодран когтями или челюстями, раздавлен тяжестью ног, мог умереть от укуса змеи, удара топора.

Воин задрожал всем телом, все чувства его напряглись: он понял, что вокруг огня бродит какое-то живое существо. Он тихонько толкнул вождя. Нао бесшумно вскочил на ноги и в свою очередь стал вслушиваться в ночные звуки. Нам не ошибался: поблизости проходили какие-то живые существа; испарения влажных растений и дым поглощали их запах, и тем не менее сын Леопарда догадался, что это были люди. Он сильным ударом рогатины расшевелил костер: пламя взвилось и озарило несколько людей, притаившихся в зарослях.

Нао разбудил Гава.

— Здесь люди! — прошептал он.

Собравшись кучей, они долго вглядывались в то место, где показались люди.

Но никто не появлялся. Было совсем тихо, слышался только легкий шум дождя. Порывы ветра не доносили никаких запахов. Где же была опасность? Кто скрывался в темноте: целое племя или только несколько воинов? Как следовало поступить — бежать или сражаться?

— Стерегите огонь,— сказал наконец Нао.

Уламры долго следили, как уменьшалась постепенно фигура их вождя, как, наконец, темнота поглотила его окончательно. Сделав поворот, Нао пошел к зарослям, туда, где при вспышке пламени он увидел скрывавшихся людей. Он подолгу останавливался с топором и палицей в руках; иногда приникал ухом к земле, старался продвигаться вперед не по прямой линии, а все время делал сложные повороты. Почва размякла от дождей, и он шел совершенно бесшумно. Даже чуткое ухо волка не могло бы уловить шум его шагов. Время шло. Нао не слышал и не ощущал ничего, кроме дождя, дрожания растений и шороха мелких животных.

Он обогнул кустарник и вернулся на прежнее место; нигде не было ни одного человеческого следа.

Нао нисколько этому не удивился: инстинкт подсказывал ему, что надо идти по направлению к холму, который он заметил еще в сумерках. Взобравшись на холм, Нао увидел сквозь туман свет в ущелье,— он узнал огонь людей.

Расстояние было так велико, а воздух так непрозрачен, что он с трудом различил несколько бесформенных теней. Но он не сомневался, что это были люди. Его охватила дрожь, как тогда, на берегу озера, когда он увидел впервые огонь в становище пожирателей людей. На этот раз опасность была больше, ибо незнакомцы узнали о присутствии уламров раньше, чем были обнаружены сами.

Нао вернулся к своим товарищам.

— Там люди! — прошептал он, указывая на восток.— Надо живить огонь в клетках,— прибавил он после паузы.

Он доверил это Наму и Гаву, а сам стал нагромождать вокруг костра охапки хвороста, которые должны были заслонить собой людей. Когда огонь разгорелся в клетках и запасы пищи были уложены, Нао приказал собираться в путь.

Дождь стал утихать; ветра не было. Придуманная Нао хитрость должна была помочь уламрам уйти на много тысяч локтей, прежде чем враги заметят их бегство. Думая, что уламры по-прежнему находятся у костра, враги осторожно окружат его и будут выжидать удобной минуты для нападения.

На рассвете дождь прекратился совсем. Печальный свет поднялся на востоке, заря нехотя выплыла из-за туч. Уламры поднимались по невысокому холму; когда они взобрались на вершину, то увидели сначала только саванну, заросли и леса цвета охры, с голубыми и рыжими просеками.

— Люди потеряли наш след,— прошептал Нам.

Но Нао ответил:

— Люди преследуют нас!

И действительно, в изгибе реки показались два человека, за ними следовало еще около тридцати. Несмотря на большое расстояние, Нао рассмотрел, что люди были очень маленького роста, но различить, какого рода оружие было при них, он не мог. Они не видели уламров, спрятавшихся среди деревьев. Число врагов все увеличивалось. Однако они казались не такими ловкими и быстрыми, как уламры.

При отступлении уламрам пришлось бы пересекать почти обнаженную равнину. Лучше было идти вперед, рассчитывая на усталость врага. Теперь уламры спускались с холма, поэтому проделали большую часть пути совсем не утомившись. А когда обернулись и увидели преследовавших их людей, которые, жестикулируя, стояли на гребне холма, то поняли, что намного опередили их.

Местность становилась все более неровной. Стали встречаться то вздувшиеся, точно застывшие в конвульсиях, меловые равнины, то пространства, покрытые колючими растениями, то заросшие травой болота, не различимые издали; приходилось все время их огибать. Беглецы почти что не продвигались вперед. Они теряли терпение. Затем показалась красноватая земля с несколькими жалкими соснами, очень высокими и очень хилыми, окруженная болотами. Наконец уламры увидели саванну. Нао очень обрадовался. В это время неподалеку от него появилась кучка людей. Те же ли это карлики, что он видел утром? Быть может, местность им хорошо знакома и они успели обойти беглецов более короткой дорогой? Или это был другой отряд из того же племени? Они были уже достаточно близко — их легко можно было разглядеть. Что за крохотный народец! Самый высокий из них приходился по грудь Нао! У них были круглые головы, треугольные лица, кожа — цвета охры.

Несмотря на слабое, тщедушное сложение, при виде уламров они издали клич, похожий на карканье ворон, стали размахивать рогатинами и дротиками.

Сын Леопарда рассматривал их с удивлением. Он принял бы их за детей, если бы не старческий вид некоторых из них, бороды, покрывавшие пучками их лица, если бы не оружие в их руках. Вряд ли они первыми осмелятся напасть на уламров! И действительно, карлики не собирались этого делать. А когда уламры подняли свои палицы и копья, когда голос Нао, заглушающий их голоса, как рычание льва заглушает карканье ворона, раздался на равнине, карлики убежали. Но все же они были в воинственном настроении: кричали все вместе, и крики их были полны угрозы. Затем они образовали полукруг. Нао понял, что карлики хотят их окружить.

Опасаясь больше их хитростей, нежели силы, он дал знак к отступлению. Уламры без труда убежали от карликов, несмотря на то, что ноши уламров — клетки с огнем — затрудняли их бег. Но Нао был осторожен. Он приказал своим воинам продолжать путь, а сам, поставив клетку с огнем на землю, стал наблюдать за неприятелем.

Трое или четверо карликов опередили остальных. Сын Леопарда

не терял времени. Он схватил несколько камней и побежал со всех ног к рыжим карликам. Его движение привело их в замешательство. Один из них, должно быть, вождь, издал пронзительный крик, карлики остановились.

Тогда Нао крикнул:

— Нао, сын Леопарда, не хочет зла людям. Он никого из них не тронет, если они прекратят преследование.

Карлики слушали с неподвижными лицами. Видя, что уламр не приближается, они решили возобновить облаву. Тогда Нао, кидая камень, воскликнул:

— Сын Леопарда побьет рыжих карликов.

Мимо Нао пролетели три или четыре дротика. Уламр ранил камнем воина, в которого метил, тот упал. Он бросил второй камень, но промахнулся, затем третий — камень ударил в грудь воина.

Тогда он сделал насмешливый жест, показывая четвертый камень, затем с грозным видом метнул дротик.

Рыжие карлики понимали жесты лучше, чем слова, они знали, что дротик опаснее камней. Передние воины смешались с остальным отрядом, и сын Леопарда удалился медленными шагами. Карлики следовали за ним на некотором расстоянии. Каждый раз, когда тот или иной воин опережал своих товарищей, Нао ворчал и замахивался оружием. Таким образом, они поняли, что им значительно опаснее идти врассыпную, и Нао, достигнув цели, продолжал свой путь.

Уламры бежали большую часть дня. Когда они остановились, рыжих карликов уже не было видно. Тучи разорвались, солнце светило из синей расщелины облаков. Почва, вначале твердая, становилась все более податливой, она скрадывала топи, в которых вязли ноги. Появились большие пресмыкающиеся, сверкали водяные змеи с серо-зелеными телами, с глухим кваканьем скакали лягушки, пугливые длинноногие птицы рассекали воздух дрожащим, как осиновые листья, полетом.

Воины наспех закусили, боясь неожиданностей, они спешили уйти из этой опасной страны. Иногда им казалось, что они уже скоро выберутся из этих мест. Земля становилась более твердой; бук, смоковница, папоротник заступали место тополей, ив и болотных трав. Но вскоре опять потянулась низина со стоячей, гнилой водой, где на каждом шагу подстрекала какая-нибудь западня. Приближалась ночь. Солнце окрасилось в цвет свежей крови; оно опускалось на запад в торфяники и болота.

Уламры могли рассчитывать только на свою храбрость и ловкость; они продвигались вперед, пока брезжил свет в глубине небесной тверди. Затем пришлось остановиться. Впереди была равнина, позади — хаос, где неясный свет чередовался с темными провалинами. Уламры нарвали веток, сгрудили несколько больших камней и соединили все это с помощью ив и лиан; теперь они находились под надежной защитой. Но они остерегались разводить костер и довольствовались маленькими огоньками, наполовину спрятанными в земле. Они чего-то ждали, каких-то событий.

II

Гранитная тропа

Ночь прошла. При мерцающем свете звезд никто из уламров, ни Нам, ни Гав, ни вождь, не видели больше карликов; они только слышали и обоняли влажный ветер, болотных животных, хищных птиц с мягкими крыльями. Когда утро разлилось, как серебряный туман, пустыня показала свое угрюмое лицо, а за ней расстилались безграничные болота с глинистыми островками.

Если уламры удалятся от берегов, они наверняка встретят рыжих карликов. Следовало идти по границе между степью и болотом в поисках выхода, а так как ничто не указывало, какой путь им лучше избрать, они пошли по дороге, которая казалась им менее опасной.

Вначале дорога была сносной. Почва достаточно твердая, только кое-где перерезанная маленькими лужицами и низкорослой растительностью. К полудню кустарник и деревья стали встречаться чаще. Приходилось все время наблюдать за узким горизонтом. Нао не подозревал, что рыжие карлики близко. Если они не прекратили погони, они должны идти по следам уламров и, следовательно, значительно от них отстать.

Запасы мяса истощились. Уламры приблизились к берегу, где было много дичи. Они прозевали дрофу, укрывшуюся на острове. В устье ручья Гав поймал маленького леща. Нао проткнул копьем коростеля. Нам выловил несколько угрей. Разожгли костер из сухих трав и веток, радуясь запаху жаркого. Уламры считали, что они изнурили вконец рыжих карликов. Они кончали грызть кости коростеля, как вдруг из зарослей появились какие-то животные. Нао понял, что они убегают от опасного врага. Он встал, успев разглядеть только чьи-то крадущиеся тени.

— Рыжие карлики нас догнали,— сказал он.

Рыжие карлики укрывались под прикрытием зарослей и могли преградить им путь всяческими препятствиями. Между зарослями и болотом лежала полоска почти обнаженной земли, очень удобная для побега. Уламры поспешили нагрузиться клетками, оружием и оставшимися припасами. Ничто не мешало их бегству. Если враг станет преследовать их по зарослям, он потеряет во времени, будучи менее ловким и стесненным в своих движениях. Дорога лежала между деревьями, кустарниками, высокими травами. Нао был уверен, что опередит карликов, если не встретится какой-либо задержки. Но препятствия не заставили себя ждать. В равнину впивалось своими щупальцами болото — глубокие выемки, лужи, узкие проливы с цепкими растениями.

Дорога становилась трудной, беглецам приходилось кружить, делать обходы, возвращаться назад. В конце концов они очутились на узкой гранитной полосе. Справа — большое болото, слева — земля, затопленная осенними дождями.

Гранитный хребет, постепенно понижаясь, исчез под водой.

Уламров с трех сторон окружила вода: приходилось или идти назад, или ждать какой-либо благоприятной случайности.

Это был опасный момент. Если карлики заняли вход на гранитную полосу, всякое отступление становилось невозможным. Нао, склонив голову, с горечью пожалел о том, что покинул мамонтов. Мужество его поколебалось, он познал неуверенность и страх; но это была лишь минутная слабость. Сознание опасности возродило его энергию. Надо было как можно скорее выбраться из этой ловушки. Вдали вздымалась какая-то бурая масса: может быть, остров, а может быть, и продолжение гранитной тропы. Гав и Нао стали отыскивать брод; но всюду было или глубоко, или топко.

Итак, оставалось только вернуться назад. Уламры поспешили повернуть назад. Они пробежали две тысячи локтей и, выйдя за пределы болота, очутились перед густыми зарослями. Нам, шедший впереди, остановился и сказал:

— Там рыжие карлики!

Нао в этом не сомневался. Чтобы окончательно удостовериться, он набрал камней и стал бросать их в чащу, куда указывал Нам; легкий шорох выдал присутствие врага.

Об отступлении нечего было и думать; надо было готовиться к схватке, хотя место, где находились уламры, не давало им никаких преимуществ, а, наоборот, позволяло карликам окружить их. Лучше всего было укрепиться на кусочке этого гранитного ребра. Свет костра защитит их от неожиданностей.

Уламры издали клич войны. Потрясая оружием, Нао воскликнул:

— Рыжие карлики напрасно преследуют уламров, которые сильны, как медведь, и легки, как сайга! Если карлики нападут на них, они потеряют много людей! Один Нао уложит десятерых! Нам и Гав не меньше! Разве карлики хотят потерять двадцать своих воинов, чтобы убить трех уламров?

Со всех сторон — из кустарников, из высокой травы — раздались громкие воинственные крики. Сын Леопарда понял, что карлики хотят войны. Он этому не удивился, разве уламры не убивали людей чужого племени, захваченных около их становища? Старый Гун говорил:

«Лучше оставить жизнь волку или леопарду, нежели человеку. Человек, которого ты не убил сегодня, придет завтра с другими людьми, чтобы убить тебя».

Кроме того, Нао отлично знал, что люди двух разных племен ненавидят друг друга больше, чем носорог ненавидит мамонта. Грудь Нао наполнилась гневом, он вызвал противника на бой. С рычанием приблизился он к зарослям. Тонкие дротики засвистели, но ни один из них не попал в него. Нао дико расхохотался.

— Руки рыжих карликов слабы!.. Это руки детей! Нао может каждого из них убить одним ударом топора или палицы...

Сквозь дикий виноград просунулась чья-то голова. Она сливалась с листьями, окрашенными в осенние цвета. Нао увидел сверкающие глаза. Ему захотелось показать свою силу, не прибегая

к копью. Брошенный им камень заставил задрожать листья, раздался пронзительный крик.

— Глядите,— торжествующе воскликнул уламр,— такова сила Нао!.. Простым камнем он убил рыжего карлика.

И, не обращая внимания на крики разъяренных противников, он повернулся к ним спиной и спокойно зашагал по тропе. В конце ее находилась площадка, где свободно могли уместиться три человека. Это место было удобно тем, что карлики не могли ни напасть на уламров всей толпой, ни окружить их, ни даже подплыть со стороны болота, ибо предательская топь тотчас же засосала бы смельчака.

Еще труднее было достигнуть скалистого островка, который возвышался в шестидесяти локтях от гранитного гребня.

Уламры собрали сухие камыши для вечернего костра. Им оставалось только ждать. Из всех ожиданий это было самое мучительное.

Подкарауливая серого медведя, они надеялись убить животное. Когда они были в плену в пещере под валунами, они знали, что леввеликан рано или поздно уйдет на охоту. Они ни разу не допустили, чтобы пожиратели людей окружили их. Теперь же их осаждает орда, превосходящая их численностью и хитростью. Уничтожить ее невозможно. Дни будут следовать за днями, а орда по-прежнему будет стоять на страже у болота, а если она осмелится напасть, как смогут противостоять ей три человека?

Итак, Нао захвачен силой себе подобных, и к тому же эти существа значительно слабее его: ни один из них не сумеет удавить волка; никогда их легким дротикам не пронзить сердце льва, их рогатины бессильны против зубра, но проткнуть сердце человека они не могут...

Между тем солнце и вода соединили свои блестящие жизни. Вода огромна — не видно ее края, а солнце — это огонь размером в лепесток кувшинки.

Но свет солнца сильнее света воды; он разливается над болотом, наполняет все небо, господствующее над землей. В своем беспокойстве Нао не переставал думать о рыжих карликах, о битвах, о засадах, погоне и бегстве.

Невероятная тяжесть опустилась на его плечи; сердце прыгало, как пантера, он слышал, как бьется оно в его груди.

Временами Нао, стряхивая с себя оцепенение, вскакивал и хватался за палицу, его охватывал воинственный пыл. Рукам не терпелось ударить тех, кто оскорбил его силу, но к нему тотчас же возвращались осторожность и хитрость; без них человек не просуществует и одного дня. Если он сам пойдет навстречу смерти,— это будет слишком большая радость для его врагов. Рыжих карликов надо утомить, их надо напугать, убить у них побольше воинов. К тому же Нао не хочет умирать, он хочет еще увидеть Гаммлу. И хотя он еще не знает, каким образом победить своих врагов, он полон надежды, он чувствует, что не может исчезнуть так, сразу; его жизнь простирается так же далеко, как вода и свет.

Сначала рыжие карлики не показывались вовсе, не то из боязни,

не то выжидая какой-нибудь оплошности со стороны уламров.

Они появились лишь к концу дня; выйдя из засады, приблизились к гранитному гребню с какими-то странными подпрыгиваниями. То один, то другой выбегал вперед и что-то кричал, но их вожди хранили молчание, внимательные и настороженные.

В сумерки красные тела закопошились; в пепельном вечернем свете казалось, что какие-то странные шакалы встали на задние лапы. Наступила ночь. Огонь уламров распростер над водой кровавый отсвет. Позади кустарников огни осаждающих окрашивали сумрак в цвет меди. Из темноты выступали и снова исчезали силуэты дозорных. Несмотря на воинственные приготовления, противник держался на большом расстоянии от уламров.

Следующий день казался бесконечным. Карлики беспрерывно маячили перед станом уламров, то поодиночке, то целыми толпами. Их широкие скулы свидетельствовали о непреодолимом упрямстве. Чувствовалось, что они неустанно будут преследовать чужеземцев — это был инстинкт, заложенный в них сотнями поколений, без которого они давно погибли бы от более сильных человеческих племен.

И во вторую ночь они не предприняли атаки: хранили глубокое молчание и не показывались вовсе. Даже их огни не были видны — то ли они их не зажигали вовсе, то ли отнесли слишком далеко. На рассвете раздался какой-то странный шорох и треск, словно вместе с людьми двинулся с места и пополз по земле кустарник. Когда совсем рассвело, Нао увидел, что целый вал из ветвей загромоздил подступ к гранитной тропе. За этим укреплением, вызывающе крича, прыгали и кривлялись рыжие карлики. Это было прикрытие. Таким образом, они могли пускать дротики, будучи сами невидимыми, могли появиться неожиданно в большом количестве и напасть на врага.

Положение уламров становилось серьезным. Запасы пищи истощались; им пришлось прибегнуть к болотной рыбе. Место для ловли рыбы было неудобное. Они поймали несколько угрей, лещей и бесхвостых гадюк, но все же их большие, сильные тела, их молодость страдали от недостатка пищи. Нам и Гав, еще не совсем оправившиеся от ран, худели и слабели.

Третий вечер не принес никакой перемены. Нао задумался. Правда, убежище уламров было недоступно врагу, но вождь знал, что через несколько дней, если добыча будет так же бедна, его товарищи станут слабее карликов и сам он, пожалуй, не сумеет уж так искусно владеть оружием. Будут ли смертоносны удары его палицы?

Инстинкт подсказывал ему, что нужно бежать воспользовавшись темнотой. Но сначала надо обмануть бдительность карликов и обеспечить себе проход через их становище,— а это было невозможно...

Нао взглянул на запад. Светил месяц; его рога притупились; он опускался возле большой голубоватой звезды, мерцавшей во влажном воздухе. Бесхвостые гады перекликались своими старческими печальными голосами, трепетала среди ночных бабочек ле-

тучая мышь; пролетел на своих бледных крыльях филин, видно было, как сверкнула чешуя какого-то пресмыкающегося.

Это был один из тех вечеров, которые были так хорошо знакомы уламрам, когда они проводили ночь у своих болот, под ясным небом. В голове Нао закружились воспоминания. Особенно выделялось одно из них, которое смягчило и умилило его, как ребенка.

Племя уламров расположилось у костров; старый Гун рассказывает о прежних временах, легкий ветерок разносит запах жареного мяса, вдали, освещенная луной, светится длинная полоса болот. Появляются три девушки, они бродят вокруг огней, расточая пыл своей молодости, который дневная усталость не могла усыпить; вот они со странным смехом проходят мимо Нао. Внезапно поднимается ветер, чьи-то волосы касаются лица молодого уламра,— это волосы Гаммлы.

Это воспоминание заставило вырваться из его груди глубокий вздох... Затем оно исчезло.

Нао снова начал думать о том, как бы спастись. Его охватила лихорадка, он встал, поправил костер и пошел по направлению к рыжим карликам. Он скрежетал зубами. Укрепление из ветвей за этот вечер еще больше приблизилось; быть может, в следующую же ночь враг перейдет в наступление?! Вдруг резкий крик пронзил воздух. Из воды вынырнула какая-то странная фигура. Нао узнал в ней человека. Человек едва полз, из его ляжки текла кровь, он был странного вида, почти без плеч, голова очень узкая. Сперва казалось, будто карлики его не заметили. Потом поднялся невероятный шум, засвистели дротики и копья. Нао встрепенулся. Он забыл, что человек этот может быть врагом; не чувствуя ничего, кроме ярости против карликов, он побежал к раненому, как он побежал бы к Наму или Гаву. Дротик слегка задел его плечо. Нао поднял раненого и отступил. Камень ударил Нао по голове, второй дротик разодрал лопатку... но Нао уже был в безопасном месте...

В этот вечер карлики еще не решились перейти в наступление.

III

Ночь на болоте

Сын Леопарда положил человека на сухую траву и стал рассматривать его с любопытством и недоверием. Это было существо необычайное, отличное от уламров, кзаммов и рыжих карликов. Его удлиненный, остроконечный череп был покрыт редкими тонкими волосами. Глаза темные, тусклые, впалые щеки, слабые челюсти, нижняя челюсть короткая, как у крысы. Но что больше всего поразило вождя — это его тело цилиндрической формы: в нем нельзя было различить плеч, руки шли прямо от туловища, как лапы крокодила, кожа сухая и жесткая, как будто покрытая чешуей, вся в складках. Он походил одновременно на змею и на ящерицу.

С тех пор как Нао положил раненого на подстилку из сухих трав, тот не двигался. Иногда его веки медленно приподнимались,

его темные глаза смотрели на уламров. Он хрипло дышал, иногда стонал. Наму и Гаву он внушал отвращение: они охотно бросили бы его в воду. Нао, более любопытный, чем его товарищи, спрашивал себя, откуда пришел незнакомец, как он очутился в болоте, при каких обстоятельствах получил рану, человек ли это, или смесь человека с пресмыкающимся? Он попробовал говорить с ним жестами, объяснить ему, что он его не убьет. Затем указал ему на укрепления карликов, показывал знаками, что от них исходит смерть.

Человек, повернув лицо к вождю, испустил глухой гортанный крик.

Нао решил, что незнакомец его понял.

Месяц уже коснулся горизонта, большая голубая звезда исчезла. Человек, наполовину привстав, приложил траву к своей ране, иногда в его темных глазах мелькало какое-то слабое мерцание.

Когда луна взошла и звезды протянули над волнами свои сверкающие нити, стало слышно, как работают карлики. Они не спали всю ночь: одни носили ветки, другие их укрепляли. Нао несколько раз вставал, думая начать битву. Но он знал многочисленность врага, его бдительность и хитрость, он понимал, что всякое движение уламров будет тотчас обнаружено, и решил подождать, рассчитывая на счастливую случайность.

Прошла еще одна ночь. Утром карлики метнули несколько дротиков, которые вонзились возле самого укрепления уламров. Карлики закричали от радости и торжества.

Это был последний день. Очевидно, осада приближалась к концу. С наступлением ночи карлики еще ближе продвинут свои укрепления и начнут нападение. Уламры с гневом и скорбью смотрели на зеленоватую воду, в то время, как голод глодал их желудки. При утреннем свете раненый показался еще более страшным. Его глаза стали похожи на нефрит, его длинное, цилиндрическое туловище извивалось, как червяк, его сухие, вялые руки как-то странно загибались назад.

Вдруг он схватил дротик и ударил им по листу кувшинки; вода забурлила, в ней мелькнуло что-то медно-красное, и человек на конце дротика вытащил огромного карпа. Нам и Гав радостно вскрикнули: рыбы хватит на несколько человек! Они уже не сожалели о том, что вождь спас жизнь этому странному существу.

Они и совсем перестали жалеть об этом, когда человек без плеч наловил им множество рыб, в нем был необычайно развит инстинкт рыболова. Сила возродилась в груди молодых воинов: они еще раз убедились в правильности действий своего вождя. Нам и Гав приободрились, тепло разливалось теперь по их телам, они не думали больше о смерти. Они верили своему вождю и не сомневались, что он спасет их.

Сын Леопарда не разделял этих надежд. Он не находил средств избегнуть жестокости рыжих карликов. Чем больше он размышлял, тем очевиднее становилась бесполезность всяких хитростей и невозможность найти спасительный выход.

Наконец он решил, что может рассчитывать только на силу

своих рук и на ту удачу, в которую верят люди и животные, вышедшие победителями из больших опасностей.

Солнце почти зашло. Небо на западе затянула темная туча, поминутно менявшая свои очертания. Приглядевшись, уламры увидели, что это не туча, а огромная стая перелетных птиц. С шумом ветра и волн летели горланящие стаи воронов, за ними — журавли с плывущими в воздухе лапками; утки, вытягивающие свои пестрые головы, гуси с тяжелыми бурдюками; скворцы, плотные, как черные камни; дрозды, сороки, синицы, козодои, ржанки.

Без сомнения, там, за горизонтом, произошла какая-то страшная катастрофа, напугавшая птиц и погнавшая их к новым землям. В сумерки за ними последовали и животные. Обезумев, скакали на своих тонких ногах олени, сайги, лошади, промчались ураганом стаи волков и собак, большой желтый лев и львица проделывали прыжки в пятнадцать локтей перед стаей шакалов. Некоторые животные сделали привал у болота и пошли на водопой.

Тогда вновь разгорелась извечная война, приостановленная было паникой: леопард, вскочив на круп лошади, начал перегрызать ей горло; сайга подверглась нападению волков; орел унес в облака цаплю; лев с протяжным ревом хватал убегающую добычу. Появилось какое-то низкорослое животное на коротких лапах, такое же массивное, как мамонт, кожа на нем образовывала толстую морщинистую кору, как на старом дубе. Быть может, лев не знал, что это за животное, ибо он вторично зарычал, потрясая своей страшной головой, своими гранитными клыками и густой гривой. Носорог, раздраженный шумом, поднял рогатую морду и яростно набросился на хищника. Это даже не была борьба. Гибкое желтое тело взлетело в воздух, перекувыркнулось, в то время как морщинистая туша продолжала наступление вслепую, даже не заметив своей победы.

Нао с лихорадочным нетерпением надеялся, что вторжение зверей изгонит рыжих карликов, но он обманулся в своих ожиданиях. Лавина бегущих зверей пронеслась мимо становища карликов, а когда ночь сменила сумерки, на равнине снова зажглись огни, раздался зверский хохот.

Затем все стихло. Разве только беспокойный кулик потрепыхает своими крыльями, да прошуршит скворец в ивовых кустах. Или проплывет рыба, потревожив водяные лилии.

Неожиданно на поверхности воды появились какие-то странные существа, они плыли к островку, соседнему с гранитной тропой. Видны были их круглые головы, покрытые водорослями. Их было пять или шесть. Нао и человек без плеч смотрели на них с удивлением и увидели, как они пристали к берегу, вскарабкались на скалистый выступ, затем раздались их голоса, насмешливые и злобные.

Нао с удивлением увидел, что это были рыжие карлики; если он еще и сомневался в этом некоторое время, то крики, раздавшиеся с берега, окончательно рассеяли его сомнения. Он пришел в бешенство, поняв, что карлики, воспользовавшись нашествием зверей,

обманули его бдительность. Но как они пробрались сюда? Пока сын Леопарда размышлял об этом, он увидел, что человек без плеч уверенно указывал рукой от берега к островку и затем на гранитную тропу. Нао догадался, что между островком и тропой находился покрытый водой переход. Враг был уже на островке. Уламрам приходилось прятаться за выступами скал, чтобы избежать камней и дротиков.

Снова над болотом воцарилась тишина. Нао бодрствовал под дрожащими созвездиями. Карлики медленно, но уверенно продвигали укрепление из ветвей и хвороста. В конце ночи они могут напасть на уламров. Бой будет нелегким. Уламры отгородили себя кострами, которые занимали всю ширину гребня.

Пока Нао размышлял обо всем этом, в костер упал камень. Огонь зашипел, поднялся легкий пар; упал второй камень.

С похолодевшим сердцем Нао понял замыслы врага. С помощью камней, завернутых в мокрую траву, враг старался потушить огонь, чтобы облегчить проход нападающим. Что делать? Как помешать осуществлению этого плана? Выйти из-под прикрытия и напасть на карликов? Но они притаились в кустах и не видны, между тем как уламры, выйдя на открытое место, освещенное костром, будут прекрасной мишенью для их камней и дротиков.

Камни продолжали сыпаться градом, большинство из них попадало в цель. Костер горел все слабее и слабее, окутанный дымом; укрепление карликов неустанно двигалось вперед. Уламры и человек без плеч дрожали, как затравленные звери. Костер совсем угасал.

— Нам и Гав готовы? — спросил вождь.

И, не дожидаясь ответа, он издал боевой клич. Но в голосе его, полном гнева, молодые воины не уловили обычной уверенности. Казалось, что Нао все еще колебался. Вдруг его глаза засверкали, пронзительный смех вырвался из груди, он прокричал:

— Укрепление рыжих карликов сохнет на солнце четыре дня!

Кинувшись на землю, он подполз к костру, схватил головешку и изо всех сил бросил ее в движущееся укрепление. Человек без плеч, Нам и Гав присоединились к нему, и все четверо стали бросать один за другим горящие факелы.

Изумленный этим странным поведением, неприятель метнул наугад несколько дротиков. Когда он, наконец, понял, в чем дело, сухие листья и ветки укрепления были уже охвачены огнем; огромное пламя бушевало вокруг кустарника и начало проникать внутрь засады. Нао вторично издал боевой клич, на этот раз он звучал гордо и уверенно, и уверенность эта наполнила радостью сердца его спутников.

— Уламры победили пожирателей людей, они победят и маленьких рыжих шакалов! — кричал Нао.

Огонь пожирал кустарник, высокое алое пламя извивалось над болотом, привлекая рыб, бесхвостых гадов и насекомых. Птицы подняли страшный шум своими крыльями, смех гиен смешался с воем волков.

Вдруг человек без плеч выпрямился с каким-то странным ревом. Его глаза засверкали, он указал рукой на запад.

И Нао, обернувшись, увидел на соседних холмах зарево, похожее на свет нарождающейся луны.

IV

Сражение в ивняке

Утром следующего дня рыжие карлики стали появляться все чаще и чаще. Их треугольные глаза сверкали гневом, ярость заставляла сжиматься их челюсти. Они издали потрясали своими рогатинами и копьями, делая вид, что пронзают врага, убивают его, разламывают ему череп и вспарывают живот. Нагромоздив новые кучи ветвей, которые они время от времени поливали водой, они двигали эту массу по направлению к гранитному гребню.

Солнце было уже высоко, когда человек без плеч выскочил из-за прикрытия и с радостным воплем замахал руками. Над болотом раздался ответный крик. На берегу болота на большом расстоянии уламры увидели человека, как две капли воды схожего с тем, которого они подобрали. Он стоял на краю тростниковых зарослей, в руках у него было какое-то незнакомое оружие. Карлики тоже заметили его: они тотчас же снарядили отряд для преследования незнакомца. Но человек уже исчез в камышах. Нао, пораженный этим странным зрелищем, продолжал рассматривать местность. Ему видны были карлики, рыскавшие вдоль берега по камышам, но мало-помалу все они скрылись из виду, и над болотом снова воцарилась полнейшая тишина. Через некоторое время двое из преследователей вернулись в стан карликов, но сейчас же в сопровождении целого отряда снова пустились в погоню. Нао понял, что произошло какое-то значительное событие. Человек без плеч был, по-видимому, того же мнения. Он неотрывно следил за действиями отряда карликов, издавая временами какие-то отрывистые возгласы.

Таинственные события быстро развертывались. Еще четыре отряда карликов вышли из лагеря и скрылись в зарослях болота. Наконец между ивами появилось человек тридцать мужчин и женщин с длинными головами и узкими туловищами. Это были люди из племени вахов, к которому принадлежал и человек без плеч. Рыжие карлики окружили их с трех сторон. Началась битва.

Вахи метали дротики не просто руками, а с помощью какого-то предмета, который уламры никогда не видали и о котором не имели ни малейшего представления. Это был толстый прут из дерева или кости, с крючком на конце. Дротик, брошенный при помощи этой палки, летел гораздо дальше, чем брошенный просто рукой.

В первый момент карлики потерпели поражение — многие из них были перебиты. Но пополнение подходило непрерывно и со всех сторон, даже из-за укрепления, расположенного против Нао и его товарищей. Бешеный гнев охватил рыжих карликов. Они кидались в бой с пронзительными криками. Осторожности, которую они

проявляли в отношении уламров, как не бывало, быть может, потому, что люди без плеч были им знакомы и они не боялись вступить с ними в рукопашную схватку, а быть может, и потому, что их возбуждала давнишняя вражда.

С первого же момента боя Нао принял твердое решение, которое он даже не успел как следует обдумать. Его толкнула в бой какая-то сила, таившаяся в недрах его существа, отвращение к длительному бездействию и особенно сознание, что победа рыжих карликов может стать его собственной гибелью.

Только одно обстоятельство заставляло его колебаться: как быть с огнем? Покинуть его? Клетки будут мешать в бою и, конечно, сломаются. Но ведь с победой придет и огонь, а за поражением все равно последует смерть.

Выждав подходящее мгновение, Нао дал сигнал, и уламры с криками покинули свое убежище. Их встретили дротиками, но воины быстро добежали до укреплений противника. Там они нашли человек десять-двенадцать карликов, вооруженных рогатинами. Нао метнул в их гущу копье и дротик и взмахнул палицей. Трое карликов упали замертво, еще прежде чем Нам и Гав успели ввязаться в свалку. Но рогатины противника действовали с необычайной быстротой и ловкостью, уламры получили ранения, правда, легкие, ибо удары были слабые и наносились издалека. Три палицы яростно отбивались. Увидев, что упали замертво еще несколько воинов и что на помощь уламрам спешит человек без плеч, карлики обратились в бегство. Нао уложил еще двоих; остальным удалось ускользнуть в камыши, но он не стал их отыскивать, горя нетерпением присоединиться к вахам.

Тем временем в ивняке началась рукопашная схватка. Только нескольким воинам из племени вахов удалось вырваться из свалки; спрятавшись в безопасное место, они продолжали метать дротики при посредстве своих крючковатых палок. Но положение остальных было безнадежным: карлики сражались с неослабевающей яростью и подавляли вахов своей численностью. Казалось, карликам была уже обеспечена победа, только чье-нибудь сильное вмешательство могло вырвать ее у них. Уламры это отлично понимали и что есть мочи бежали на помощь к людям без плеч. Когда они приблизились к полю битвы, двенадцать рыжих карликов и десять мужчин и женщин из числа их противников уже валялись мертвыми.

Голос Нао раздался, как рычание льва. Все его существо было сплошным комком ярости. Огромная палица его без разбора крушила черепа, спины и груди врагов.

Хотя рыжие карлики и страшились его силы, все же они не думали, что она может быть столь грозной. Прежде чем они успели оправиться, Нам и Гав в свою очередь налетели на них, в то время как вахи, ободренные неожиданной подмогой, начали обстреливать карликов своим странным оружием. Воцарился полнейший беспорядок. Часть карликов пустилась бежать, но остальные, по прика-

занию вождя, сгрудились в кучу, ощетинившись рогатинами. Наступило нечто вроде передышки.

Вахи, в противоположность карликам, прятались в ивняке. Так как они предпочитали пользоваться метательными снарядами, то считали лучшим оставаться под прикрытием.

Снова засвистели дротики. Те из вахов, кому не хватало оружия, собирали камни и бросали их при помощи своих снарядов. Нао, подобрав валявшиеся на земле копья и дротики, швырнул их в противника, а затем тоже стал осыпать их камнями. Карлики поняли, что они погибнут, если не перейдут в рукопашный бой. Они бросились в атаку, но встретили пустое место. Вахи успели отступить.

Если бы они были так же подвижны, как уламры, нагнать их было бы невозможно; но их длинные ноги были слабы и медлительны. Противники преследовали их поодиночке, преимущество опять оказалось на стороне карликов. Победа снова склонялась на их сторону. Нао, державшийся в стороне от свалки, пристально следил за ходом битвы. Предводителем рыжих карликов был коренастый человек, седой, с огромными зубами. Нао решил его убить. Пятнадцать воинов окружили вождя. Мужество, более сильное, чем страх смерти, выпрямило высокую фигуру уламра. С ревом зубра кинулся он в бой. Все рушилось под его могучей палицей. Но возле старого вождя ощетинились рогатины, преграждая путь и нанося раны уламру; Нао удалось их отбить. Прибежали на помощь другие карлики. Тогда, позвав своих товарищей, сделав необычайное усилие, Нао опрокинул преграду и расколол, как орех, крепкий череп вождя.

Подоспевшие Нам и Гав пришли на помощь Нао.

Рыжие карлики дрогнули. Потеряв вожака, они почувствовали себя покинутыми. Смешавшись, они бежали без оглядки к родным землям, озерам и рекам, к своей орде, откуда они черпали храбрость и где надеялись снова ее обрести.

V

Вымирающее племя

Тридцать мужчин и десять женщин лежали на земле. Большая часть из них были еще живы. Кровь лилась потоками, руки и ноги были переломаны, черепа раскроены, из животов вываливались внутренности. Часть раненых должна была умереть еще до наступления ночи; другие могли прожить несколько дней, большинство были излечимы. Но рыжие карлики должны были подчиниться закону войны. Сам Нао, неоднократно нарушавший этот закон, признал его необходимым в отношении такого неумолимого врага.

Он предоставил своим товарищам и вахам добивать раненых карликов. Это не отняло много времени.

Затем люди без плеч занялись врачеванием ран своих соплеменников. Они делали это более искусно и более уверенно, чем уламры. Нао казалось, что в этом отношении вахи превосходят

людей его племени, но во всем другом они уступали уламрам. Их движения были вялы и медлительны; чтобы поднять одного раненого, им требовалось усилие двух или трех человек. Иногда их охватывало какое-то странное оцепенение — глаза останавливались, руки опускались как мертвые.

Женщины, пожалуй, были более проворны, ловки и изобретательны. Побыв некоторое время среди вахов, Нао заметил, что вождем племени является женщина. Но и у женщин были такие же печальные мутные глаза, такие же грустные лица, как и у мужчин, волосы редкие, растущие пучками, с просветами чешуйчатой кожи. Сын Леопарда невольно вспомнил о густых длинных волосах женщин своего племени, о прекрасных волосах Гаммлы... Несколько женщин и двое мужчин осмотрели раны уламров. Спокойная мягкость исходила от их движений. Ароматными листьями обтирали они кровь, покрывали раны мятой и перевязывали их лианами. Это свидетельствовало о том, что союз между уламрами и вахами заключен прочно. Нао подумал, что вахи несравненно менее жестоки, чем его соплеменники, пожиратели людей и рыжие карлики. И он не ошибся в своем суждении.

Предки вахов научились обтачивать камни и обжигать дерево раньше других людей. В течение тысячелетий племя вахов занимало обширные равнины и леса. Тогда они были сильнейшими из племен. Их оружие наносило глубокие раны, они были сильны, их мускулы крепки и неутомимы. Они говорили на более совершенном языке, чем остальные племена, подобные им. Их поколения быстро размножались. Так было много тысячелетий тому назад. Но потом рост племени прекратился. Они не знали причин своего упадка.

Их тела стали более хилыми, движения медлительными, их язык перестал обогащаться, затем и совсем обеднел; их хитрости стали более грубыми, менее изобретательными. Они хуже владели оружием, теперь менее совершенным. Но наиболее верным признаком их упадка было непрекращающееся ослабление их мысли и движений. Вахи быстро уставали; ели мало, спали много, случалось, что зимой они погружались в спячку, как медведи.

Из поколения в поколение уменьшалась их способность размножаться. Женщины с трудом производили на свет одного ребенка или двух, выращивать их было очень трудно. Большая же часть женщин оставалась бесплодными. Тем не менее женщины обнаруживали бóльшую жизнеспособность, чем мужчины, большую выносливость, мускулы их были крепче. Женщины охотились, ловили рыбу, точили оружие, сражались за семью и племя наравне с мужчинами.

Постепенно более крепкие, деятельные и жизнеспособные противники оттеснили вахов на юго-запад. Множество вахов было истреблено рыжими карликами и кзаммами. Вахи бродили по земле как бы во сне, с остатком былых знаний. Они сохранили кое-какие орудия, более сложные, чем те, которыми пользовались их противники, да несколько навыков, свидетельствовавших о былом расцвете их ума. Они жили на болотистых торфяных землях, прилегающих

к рекам, на берегах больших озер, а иногда в просторных пещерах, вырытых предпочвенными водами, соединенных между собой извилистыми проходами. Чувствуя себя слабыми, медлительными, менее подвижными, чем противники, они предпочитали избегать борьбы; но зато в искусстве скрываться они достигли высокого совершенства.

Ни одно животное не умело так искусно заметать свои следы. Подземные жилища вахов были до того искусно замаскированы, что их не могли найти даже собаки и волки, не говоря уже о человеке с его более слабым, чем у животных, обонянием.

Только в одном случае эти пугливые и вялые существа становились дерзкими и отважными: они рисковали всем, когда нужно было выручать соплеменника, которому грозила опасность. Некогда это чувство кровной связи делало племя вахов непобедимыми. Несмотря на то, что рыжие карлики были опасными врагами, вахи не побоялись выйти из своих подземелий, чтобы выручить раненого товарища, которого подобрал Нао.

Сын Леопарда, после того как вахи перевязали ему раны, вернулся к гранитному гребню, чтобы взять клетки с огнем; он нашел их в полной сохранности; маленькие огоньки еще теплились в них. При виде их победа показалась Нао более полной и более радостной. Не то чтобы он боялся потерять огонь, нет, ведь костры рыжих карликов еще горели, но в нем говорило какое-то темное суеверие. Ему пришлось выдержать такую борьбу за эти маленькие огоньки! Будущее было бы страшным, если бы эти три огонька погибли!

Он с торжествующим видом перенес плетенки с огнем в становище вахов. Они смотрели на него с любопытством, а предводительница орды покачала головой. Уламр объяснил ей жестами, как люди его племени утратили огонь и как он, Нао, сумел его снова завоевать. Но никто не понимал молодого уламра, и вождь с грустью спрашивал себя, что это за люди, не из тех ли они жалких племен, что не умеют согреваться в холодные дни, не умеют отгонять ночь, жарить пищу. Старый Гун говорил, что такие племена существуют, это низшие существа, они хуже волков, так как не обладают тонкостью их слуха и обоняния.

Нао, охваченный жалостью к вахам, стал показывать им, как разжечь пламя, как вдруг заметил среди ивняка женщину, которая ударяла одним камнем о другой. Посыпались искры, вдоль сухой тонкой травинки заплясала маленькая красная точка, затем загорелись ветки; женщина тихонько раздувала огонь, он стал пожирать свою пищу.

Сын Леопарда застыл в изумлении. Он подумал: «Вахи прячут огонь в камнях».

Подойдя к женщине, он старался получше рассмотреть, что она делает. Инстинктивно женщина сделала недоверчивый жест. Затем, вспомнив, что этот человек спас их от гибели, она протянула ему камни. Он жадно рассматривал их, не найдя ни одной трещины, изумился еще больше. Он их ощупал: камни были холодные. Нао

спрашивал себя с беспокойством: «Каким образом огонь вошел в эти камни?.. И почему же он не разогрел их?..»

Он вернул камни с тем чувством страха и недоверия, какое внушают людям таинственные и незнакомые предметы.

VI

В Стране вод

Вахи и уламры пересекали Страну вод. Вода была повсюду: в стоячих болотах, поросших водорослями, кувшинками, ненюфарами, стрелолистами и камышами; в торфяных топях, в озерах, в реках, перерезанных узкими перемычками из камня, песка и глины. Она выступала из-под земли, спускалась по склонам холмов, иногда беря свое начало из расщелин, терялась под землей. Вахи знали, что Нао решил идти на северо-запад. Они провожали своих спасителей до границ Страны вод, изыскивая кратчайшие и наименее опасные дороги. Местность они знали превосходно. Порой вахи вели за собой уламров по таким потаенным проходам и тропам, о существовании которых ни один человек другого племени не мог бы догадаться. Иногда они строили плоты для переправы, перекидывали стволы деревьев через пропасти, соединяли берега реки висячими мостами из лиан. Вахи плавали хотя и медленно, но очень искусно, если только не было в воде некоторых трав, перед которыми они испытывали суеверный страх.

И вместе с тем все их поступки и движения были полны какой-то неуверенности, словно люди только что очнулись от сна или, напротив, борются с непреодолимой сонливостью.

Эти места изобиловали пищей. Вахи знали множество съедобных корней; в особенности же они были искусны по части ловли рыбы. Они умели ловить ее с помощью гарпунов, хватали рыбу прямо руками, запутывая ее в мягкой траве; умели привлекать ее по ночам горящими головешками, направлять целые стаи в бухточки. Вечерами, сидя вокруг костра, вахи испытывали тихое, молчаливое счастье. Они любили сидеть, тесно прижавшись друг к другу, быть может, им казалось, что их ослабевшие, вялые тела станут более сильными от ощущения близости людей своего племени. Уламры же, напротив, часто уединялись, особенно Нао. Иногда вахи пели, очень монотонно, бесконечно повторяя одни и те же звуки, в своих песнях они прославляли смелые подвиги давно умерших поколений.

Но все это нисколько не интересовало сына Леопарда. Он испытывал ко всему этому почти отвращение. Зато он с величайшим интересом наблюдал за их охотничьими приемами, за тем, как они работают, особенно за тем, как они пользуются своими метательными снарядами и добывают из камней огонь.

Нао и сам быстро научился владеть их оружием. Так как он внушал союзникам всевозрастающую симпатию, они ничего от него не скрывали, он мог пользоваться их оружием, и когда однажды

один из вахов потерял свой метательный снаряд, они в присутствии Нао изготовили новый.

Женщина-вождь дала ему такой снаряд, и скоро уламр научился владеть им с не меньшей ловкостью, чем вахи, но с неизмеримо большей силой.

Но постичь тайну добывания огня он не мог. Эта тайна внушала ему страх. Он только издали наблюдал, как вспыхивали из камней искры; он задавал себе вопросы, которые оставались нерешенными. Но с каждым разом он все больше привыкал к этому зрелищу, и постепенно страх уступил место любопытству.

Вскоре Нао научился понимать десять-двенадцать слов на языке вахов и около тридцати знаков, заменявших слова, и это новое знание очень ему пригодилось. Он понял, что не вахи прячут огонь в камни, а что огонь сам живет в камнях. Огонь вспыхивал при ударе и бросался на ветви и сухие травы, но, будучи еще очень слаб, он сразу не мог схватить своей добычи. Нао еще больше успокоился, увидев, что вахи высекают искры из самых обыкновенных камней, валяющихся на земле. С тех пор как он убедился, что тайна заключается в самих камнях, а не в могуществе вахов, его последние сомнения рассеялись. Он решился попробовать сам добыть огонь. Для этого нужны были два камня: твердый кремень и более мягкий колчедан. Сила и проворство рук помогли его неопытности. Искры сыпались из камней, но, сколько он ни старался, он так и не мог заставить загореться даже самую тоненькую былинку.

Однажды, задолго до сумерек, племя вахов сделало привал. Это было на песчаном берегу большого озера, в сильную засуху.

В небе летела стая журавлей, в тростниках сновали чирки, издали доносилось рычанье льва. Вахи развели костры. Нао, запасшись сухими, почти обуглившимися травами, ударял один камень о другой. Он проделывал это с неистовой страстью. Затем его одолело сомнение. Он сказал себе: «Вахи скрывают от Нао какую-то тайну». Он с такой силой ударил камень о камень, что один из них раскололся. И вдруг... у Нао захватило дыхание... на одной из травинок появился маленький огонек! Тогда уламр осторожно раздул пламя: оно поглотило свою слабую добычу и перешло на другие травы.

И Нао, неподвижный, чуть дыша, со сверкающими глазами, познал радость бóльшую, чем та, которую он испытывал при победе над тигрицей, при завоевании огня у кзаммов, от дружбы с вожаком мамонтов и от убийства вождя рыжих карликов.

Он чувствовал, что обрел могущество, которым не владел ни один из его предков. Теперь никто не сможет умертвить огонь у людей его племени.

VII

Люди с синими волосами

Долины спускались все ниже и ниже. Уламры и вахи проходили по стране, где осень была такой же теплой, как лето. Затем

они углубились в лес, грозный и дремучий. Его непроходимая чаща была перевита лианами, заграждена плотной стеной колючего терновника, сквозь который вахи прорубали дорогу кремневыми ножами. Женщина-вождь дала понять Нао, что вахи покинут уламров, как только выведут их за пределы леса, так как земли, лежащие дальше, незнакомы им. Им известно только, что там находится равнина, а за ней гора, разделенная надвое широким ущельем. Женщина-предводитель сказала, что ни на равнине, ни в горах нет людей, но в лесу живут какие-то странные существа. По ее описанию, это были великаны с широкой грудью и мощными руками: она объяснила, что они не разводят огня, не знают членораздельной речи, не воюют и не охотятся, но они ужасны, когда на них нападают или преграждают им путь.

Утром лес стал редеть. Меньше стало колючих растений. Среди тысячелетних деревьев, в просветах, извивались тропинки, проложенные животными. Зеленый мрак расступился: множество птиц наполнило страну деревьев, звери, гады, насекомые стали встречаться все чаще и чаще... В лесу происходила непрерывная борьба — упорная, скрытая, в которой тела растений и животных не переставали погибать и возрождаться.

Однажды женщина-предводитель указала Нао на одно дерево. Среди листьев смоковницы показалось синеватое тело, и Нао, приглядевшись, узнал человека. Вспомнив о рыжих карликах, он задрожал от гнева и беспокойства. Человек исчез. Наступила тишина. Вахи, предупрежденные об опасности, задержали шаг и еще теснее сгрудились в кучу. Тогда заговорил самый старый человек в орде.

Он говорил о силе людей с синими волосами, об их страшной ярости. Ни в каком случае не следует идти по одной дороге с ними, не проходить через их становище — они ненавидят шум и движение.

— Отцы наших отцов,— заключил он,— жили мирно в соседстве с ними. Они уступали им дорогу в лесу. А люди с синими волосами сворачивали с дороги вахов на равнинах и в болотах.

Женщина-предводитель кивнула головой в знак согласия и подняла свое копье. Орда отправилась по новой дороге, среди высоких смоковниц, и вскоре очутилась на большой прогалине, видимо, недавно выжженной упавшей молнией,— остатки пепла от ветвей и стволов деревьев еще не были развеяны ветром. Едва вахи и уламры вышли на нее, как Нао снова заметил в зелени синеватое тело, похожее на то, что мелькнуло среди листьев смоковницы.

Вслед за тем показались еще какие-то две фигуры. Затрещали ветки, и на полянку выскочило из серо-зеленого мрака сильное и гибкое существо. Никто не мог бы сказать — передвигалось ли оно по-звериному, на четырех ногах, или на двух, как люди и птицы. Казалось, будто оно присело на корточки, задние конечности его вытянулись по земле, а передние упирались в огромные, вылезшие из-под земли корни. Лицо у него было огромное, челюсти, как у гиены, глаза круглые, блестящие, череп приплюснутый, грудь мощная, как у льва, но более широкая, на конечностях передних и задних — длинные пальцы; густая шерсть с синим отливом покры-

вала все тело. Только по груди и плечам признал Нао в этом существе человека; четыре руки делали его очень странным, а голова напоминала голову буйвола или медведя.

Окинув столпившихся на поляне людей гневным и недоверчивым взглядом, человек с синими волосами выпрямился и издал глухой крик. Тотчас же появилось еще несколько существ, схожих с ним: трое самцов, дюжина самок и несколько детенышей. Один из самцов выделялся своим огромным ростом: у него были шероховатые, похожие на ствол платана руки, грудь в два раза шире, чем у Нао, он мог легко опрокинуть и задушить тигра. При нем не было никакого оружия, лишь двое или трое из этих странных существ держали в руках свежеоторванные ветви с еще не опавшей листвой. Огромный самец подошел к вахам и уламрам, в то время как все другие хором рычали. Он бил себя в грудь своими странными руками, между толстыми дрожащими губами сверкали белые зубы.

Вахи, по знаку женщины-предводителя, отступили не спеша и без единого звука. Зная повадки людей с синими волосами, они избегали лишних движений и остерегались всякого шума. Нао последовал их примеру, доверяя их опыту. Но Нам и Гав, которые опередили орду, замешкались. Они тоже хотели было отступить, но путь оказался отрезанным. Люди с синими волосами рассыпались по поляне. Гав кинулся в лесную чащу, а Нам побежал вдоль поляны. Он бежал, легкий и гибкий, казалось, побег должен был ему удаться. Но одна из самок быстро догнала его и преградила ему дорогу. Нам свернул в сторону. За ним бросились двое самцов. Спасаясь от них, Нам споткнулся и упал. Огромные руки схватили его и подняли в воздух. Он очутился в объятиях великана, не успев даже поднять оружие. Чудовищная тяжесть давила на его плечи, парализуя движения. Он почувствовал себя таким же слабым и беззащитным, как сайга в лапах тигра.

Он видел, что Нао далеко и не успеет прийти к нему на помощь, и, понимая безнадежность всяких попыток сопротивления, покорно ожидал смерти.

Нао не мог перенести гибели своего товарища: схватил палицу и копье, он хотел броситься на человека с синими волосами, но женщина-предводитель остановила его.

— Стой,— сказала она.

Она дала ему понять, что при первом же ударе Нам погибнет. Колеблясь между желанием напасть на врага и страхом погубить этим товарища, Нао глубоко вздохнул.

Человек с синими волосами держал тело юноши на весу, скрежеща зубами, он раскачивал его, примериваясь раздробить ему голову о ствол дерева. Вдруг он остановился, взглянул на безжизненное тело, лежавшее в его руках, и его свирепое лицо растянулось в улыбке; какая-то мягкость скользнула в хищных глазах; он положил Нама на землю. Если бы юноша сделал хоть одно движение, ужасная рука снова схватила бы его. Нам инстинктивно это почувствовал и оставался неподвижным.

Собралась вся орда: самцы, самки, детеныши. Они смутно до-

гадывались, что Нам чем-то похож на них. Для рыжих карликов и кзаммов это было бы только лишним предлогом для убийства. Но ум людей с синими волосами еще не пробудился, они не охотились и не воевали, не ели мяса и не имели врагов. Инстинктивно они ненавидели хищников, которые пожирали их детенышей и раненых; иногда чувство соперничества приводило самцов в раздражение, но они никогда не убивали травоядных животных.

Люди с синими волосами остановились в нерешительности перед распростертым телом Нама. Их успокоила его неподвижность, а главным образом, поведение самца-великана. Он был их вожаком, он водил их по лесам, выбирая дорогу, водопой и места для привалов.

А так как вожак не ударил и не укусил юношу, то никто из них и подавно не собирался этого делать. Жизнь Нама была спасена. Теперь он мог бы спокойно следовать за племенем этих волосатых людей и даже жить среди них. Как вначале он чувствовал неизбежность гибели, так теперь ясно сознавал, что опасность миновала. Он тихонько приподнялся, сел и стал ждать.

Люди с синими волосами еще некоторое время наблюдали за ним с затаенным недоверием. Потом одна из самок, соблазненная нежным побегом на кусте, сорвала его и стала медленно обгладывать, самец начал вырывать корни. Мало-помалу все племя, забыв о Наме, стало утолять голод. Так как люди с синими волосами питались только растениями, а выбор их был более ограничен, чем у оленей или зубров, то поиски пищи требовали много времени и большой внимательности.

Нам был свободен, он пошел навстречу Нао, который, не отрывая взора, следил, как люди с синими волосами то исчезали, то снова появлялись среди трав в поисках пищи.

Нам еще весь дрожал от пережитого волнения, он жаждал смерти этих странных существ. Но Нао относился к ним миролюбиво; он восхищался их силой, равной, пожалуй, только силе медведя, и думал, что, если бы они только захотели, они легко могли бы уничтожить и рыжих карликов, и вахов, и кзаммов, и уламров...

VIII

Медведь-гигант ушел в ущелье

Давно уже Нао покинул вахов, людей с синими волосами, и пересек лес. Через расщелины скал он дошел до плоскогорий. Там осень была свежее, по небу катились нескончаемые тучи, ветер ворчал целыми днями, трава и листья гнили на жалкой земле, и холод убивал без числа насекомых под корой, среди качающихся стеблей, гнилых корней и плодов, в трещинах камней и глины.

Когда тучи разрывались, звезды, казалось, леденили мрак. По ночам почти непрерывно выли волки, тоскливо лаяли собаки, иногда слышался предсмертный крик оленя, сайги или лошади, мяуканье тигра или рычание льва. Уламры видели сверкающие глаза хищников, внезапно появляющиеся из темноты, окружавшей костер.

Жизнь становилась страшной.

С приближением зимы запасы растительной пищи уменьшались. Травоядные животные искали ее, разрывая почву до корней, срывая побеги и кору деревьев. Грызуны укрепляли свои норы; плотоядные неустанно бродили то по пастбищам красного зверя, подстерегая добычу, то у водоемов, то в сумраке лесной чащи, то в ущельях. Всем, кроме тех, кто подвержен зимней спячке или заготавливает запасы в своих логовах, приходилось туго: потребности увеличивались, а запасы уменьшались.

Уламры не страдали от голода. Долгий путь, полный опасностей, изощрил их инстинкт, ловкость и предусмотрительность. Они издали определяли добычу или врага, научились предугадывать ветер, дождь, наводнение. Каждое их движение соответствовало цели и сберегало силы. С одного взгляда они находили наилучший путь отступления, верное убежище, подходящее место для битвы. Они избирали направление с точностью, почти равной точности перелетных птиц. Через озера, болота, леса и горы они с каждым днем все ближе и ближе продвигались к стране уламров. Они надеялись еще до полнолуния прийти к своему племени. Однажды они попали в холмистую местность. В желтом низком небе тучи, цвета охры, глины и мертвых листьев, наползали одна на другую, их пелена, казалось, грозила навсегда покрыть землю.

Нао избрал для ночлега длинное ущелье, он узнал его: когда-то в возрасте Гава он проходил по нему с отрядом охотников своего племени. Ущелье это, расположенное среди известковых скал, заканчивалось крутым спуском, загроможденным обломками.

Уламры прошли без приключений почти две трети ущелья. В полдень они устроили привал на полукруглой площадке, окруженной отвесно поднимающимися скалами. Здесь был слышен шум подземного потока, вода с грохотом падала в бездну; две темные дыры зияли в скале,— то были входы в известковые пещеры.

Насытившись, Нао направился к одной из пещер и долго ее осматривал. Он вспомнил, что Фаум показывал своим воинам, как через эту пещеру можно попасть на кратчайшую дорогу к долине. Склон, заваленный камнями, был неудобен для передвижения большого отряда, но три человека могли свободно по нему пройти. Нао выбрал эту дорогу. Он углубился в пещеру и шел по ней до тех пор, пока слабый свет не возвестил о близком выходе. Когда он вернулся, Нам сказал ему:

— Большой медведь в ущелье!..

Гортанный рев прервал его. Среди камней Нао увидел Гава, притаившегося в позе воина, подстерегающего врага. У входа на площадку показались два чудовищных животных. Необычайно густая шерсть цвета дуба могла отлично защитить их от холодов надвигающейся зимы, от острых скал и колючих растений. Одно из животных напоминало зубра, только ноги были короче, более мускулистые и более гибкие, лоб выпуклый, как камень, изъеденный лишаями; огромная пасть легко могла захватить голову человека и раздавить ее единым движением челюстей. Это самец. У самки лоб

плоский, морда покороче. По строению груди и медленности движений они напоминали людей с синими волосами.

— Да,— прошептал Нао,— это медведи-великаны!

При всей их силе эти животные опасны только тогда, когда они очень разъярены или очень голодны. Они не особенно гонятся за мясом.

Медведи зарычали. Самец поднял голову, свирепо раскачивая ею.

— Он ранен,— заметил Нао.

Сквозь шерсть текла кровь. Уламры испугались: не нанесена ли рана оружием человека? Тогда медведь станет мстить. А уж если он первый поведет наступление, то не прекратит его, пока не победит. Нет существа более упрямого, чем большой медведь! Со своей густой шерстью и твердой кожей он не боится ни копья, ни топора, ни палицы. Он может распороть живот человеку одним ударом лапы, задушить его в своих объятиях, раздробить челюстями.

— Откуда они сюда попали? — спросил Нао.

— Они прошли вот здесь, между этими деревьями,— сказал Гав, указывая на несколько сосен, выросших на твердой скале.— Самец спустился с правой стороны, а самка с левой.

Случайно или сознательно, но медведям уже преградили выход из ущелья. Схватка казалась неизбежной. Это чувствовалось и по свирепому рычанию самца и по поведению самки, злобно глядевшей на уламров. Медведи долго принюхивались, чтобы лучше определить расстояние, отделявшее их от врага, притаившегося среди камней.

Когда медведи двинулись на людей, уламры уже были в глубине пещеры. Нам и Гав шли впереди; все трое спешили, насколько позволяла неровность почвы и извилины прохода. Двинувшиеся за ними в пещеру медведи потратили немало времени, пока нашли следы уламров. Полные недоверия, они часто останавливались. Они не боялись людей и животных, но долголетний опыт и природная осторожность научили их опасаться неизвестного. В их памяти прочно укоренились воспоминания о камнях, скатывающихся с гор, о внезапных трещинах в земле, о глубоких пропастях, лавинах, осыпях, обвалах.

Ни мамонт, ни лев, ни тигр никогда не покушались на их жизнь, но силы природы не раз наказывали их: медведи помнили снежные обвалы, горные осыпи, помнили и вешний поток, в котором они едва не утонули, и острые камни, падавшие на них с высоты и наносившие им жестокие раны.

А сегодня утром впервые на них напали люди. Это было на вершине скалы, куда могли взобраться лишь ящерицы и насекомые. Три двуногих существа стояли на гребне утеса. При виде медведей они закричали и метнули дротики. Один из них ранил самца. Обезумев от бешенства и боли, зверь кинулся на скалу, забыв, что она для него недоступна. Но вскоре он пришел в себя и вместе со своей самкой стал отыскивать более удобный путь в обход скалы.

Дорогой он выдернул из раны дротик и обнюхал его,— это родило в нем смутные воспоминания. Ему уже приходилось встре-

чать людей, но вид их вызывал у него не больше интереса, чем вид волков или гиен. Люди обычно поспешно уступали ему дорогу, и он ничего не знал ни об их хитрости, ни об их силе. Тем больше встревожило его утреннее нападение: оно нарушило его представление о людях, в его мозгу возникло нечто новое, неизвестное, а всякая неизвестность пугала медведя. Он стал бродить по ущельям, ощупывая скалы, внимательно принюхивался к различным запахам. Наконец он устал. Не будь раны, он сохранил бы обо всем этом лишь смутное воспоминание, которое спит в глубине существа и пробуждается лишь при повторении однородных событий. Но боль вызывала по временам образы трех странных существ, стоявших на вершине утеса, и воспоминание об остром дротике. Тогда медведь начинал рычать, зализывая рану. Но вскоре и боль перестала служить напоминанием. Медведь начал было думать о пище, а найти ее было нелегко, как вдруг он снова почуял запах человека.

Ярость наполнила его сердце. Он позвал свою самку, которая искала пищу поодаль,— кормиться на одном участке было трудно — и, напав на след врагов, решил им отомстить.

В сумраке пещеры Нао трудно было что-либо различить. Вскоре послышались тяжелые шаги и могучее дыхание: медведи приближались. Животным легче было сохранить равновесие. Уламры же поминутно спотыкались о камни, проваливались в ямы, ударялись о выступы стен, и нужно было еще нести оружие, припасы и клетки с огнем, с которыми Нао ни за что не хотел расставаться.

Огонь горел очень слабо, почти совсем не освещая дороги, его бледный, красный отсвет терялся где-то в высоте, едва были видны очертания стен. Но зато он отчетливо освещал фигуры беглецов.

— Скорее, скорей! — кричал вождь.

Но Нам и Гав и без того бежали со всей быстротой, на какую были способны, и не их вина была, что звери приближались. Ярость медведей усиливалась по мере того, как сокращалось расстояние, отделявшее их от людей; они рычали по очереди. Их громовые голоса грозным эхом отдавались под сводами подземного хода. Вскоре они очутились всего в нескольких шагах от уламров. Земля колебалась под ногами Нао, вот-вот огромная тяжесть обрушится на его спину...

Он повернулся лицом к опасности, быстро наклонив клетку, направил слабый огонек на качающуюся тушу. Медведь остановился. Удивление пробудило его осторожность. Пристально рассматривая маленькое пламя, он стал глухо взывать к своей самке; затем, охваченный яростью, бросился на человека. Нао отступил и изо всех сил бросил в медведя клеткой. Она угодила в морду зверя, огонь опалил веко, зверь застонал и пока, ошеломленный, успел сообразить, что с ним произошло, Нао удалось выгадать несколько десятков шагов. Впереди показалась полоска тусклого света. Уламры теперь видели землю под ногами; они бежали быстрей и увереннеи, не спотыкаясь, но и медведи тоже ускорили шаги.

Сын Леопарда подумал о том, что на открытом месте опасность возрастает. Медведь снова стал их догонять.

Жгучая боль в веке только распалила его гнев. Он забыл об осторожности; кровь прилила к голове, дыхание стало еще тяжелее, зверь яростно, отрывисто рычал. Теперь уже ничто не могло его остановить.

Нао хотел было уж повернуться и принять бой, но в это время Нам, бежавший впереди, окликнул его. Вождь увидел большой выступ, который загораживал проход, оставляя только узенькую щель. Нам был уже по ту сторону щели, Гав только что влез в нее. Только три шага отделяли уламра от зверя, когда Нао, в свою очередь, скользнул в отверстие, задевая его стенки плечами. Медведь с разбегу налетел на скалу, но в узкую дыру пролезла только его морда. Он обнажил жернова и пилы своих зубов, издавая ужасающий рев. Но Нао больше не боялся его. Уламры очутились внезапно за совершенно непроходимым заграждением. Камень, более могучий, чем сотня мамонтов, более долговечный, чем жизнь тысячи поколений, остановил медведя так же уверенно, как смерть.

Сын Леопарда засмеялся:

— Теперь Нао сильнее медведя-великана. У Нао есть палица, топор и дротики. Он может ранить медведя, а медведь не может причинить Нао вреда.

Нао размахнулся палицей, но медведь успел спрятать голову. Гнев его не утих, он раздувал его бока, стучал в висках, толкал его на неосмотрительные поступки; однако зверь не поддался ему. Двукратный опыт подсказывал, что человек — опасный враг и, чтобы уничтожить его, мало одной силы, нужны хитрость и осмотрительность. Он выследит и нападет на него врасплох.

Медведица, еще не наученная горьким опытом, рычала сзади; она не пострадала от встречи с человеком и не извлекла из нее урока предусмотрительности.

Рев самца призывал ее к осторожности; она остановилась, предполагая, что на пути встретились какие-нибудь неодолимые препятствия, она не могла себе представить, что опасность исходила от столь тщедушных существ, как те, что спрятались там, за уступом скалы.

IX

Скала

Нао хотел сразиться с хищником. Злоба шевелилась в его сердце. Пронизывая глазами мрак, он держал наготове острое копье.

Но медведь оставался невидимым, самка ушла. Вождь успокоился. Он подумал о том, что день на исходе и что надо успеть засветло спуститься в долину. С досадой в сердце пошел он к выходу из пещеры. Подземный ход расширился, и с каждым шагом в нем становилось светлей. Наконец уламры выбрались на вольный воздух и радостными криками приветствовали осенние тучи, плывшие по небу, крутой спуск с горы и открывшуюся перед ними равнину. Местность была им знакома. Они еще в детстве исходили

эти леса, саванны, холмы, перебирались через болота, делали остановки на берегу реки или под отвесом скал. Еще два дня ходьбы — и они придут к Большому болоту, на берегах которого уламры собирались после войн и охотничьих походов.

Нам смеялся, как ребенок, Гав радостно протягивал руки, а Нао, взволнованный воспоминаниями, чуть слышно прошептал:

— Мы скоро увидим племя!

Все трое уже чувствовали его близость, она слышалась в осенних шумах, просвечивала в блеске вод, весь облик местности здесь был иной, не похожий на земли, оставшиеся позади, на юго-востоке.

Уламры вспоминали теперь только о счастливых днях, проведенных со своим племенем. Нам и Гав, которым часто приходилось испытывать на себе жестокости старших соплеменников, сносить тумаки злого Фаума, чувствовали теперь себя в полнейшей безопасности. Они с гордостью поглядывали на маленькие огоньки, которые им удалось, несмотря на страдания, борьбу и усталость, донести до своего племени.

Нао жалел, что ему пришлось пожертвовать своей клеткой. Но разве не с ним камни, которые содержат в себе огонь и разве он не знает тайны, как его извлекать? А все же он предпочел бы сохранить, как и его товарищи, эту маленькую сверкающую жизнь, которую с таким трудом отвоевал у кзаммов.

Спуск был трудный. Осенью обвалов и трещин стало больше. Уламры спускались с помощью копий и топоров. Наконец последнее препятствие было пройдено, и они вышли на равнину: перед ними была ровная, хорошо знакомая дорога. Окрыленные надеждой, они не обращали больше внимания на окружающие их опасности.

Они шли до сумерек. Нао отыскивал удобную излучину реки, чтобы расположиться на ночлег. День тяжело умирал, в глубине туч разливался красноватый свет, зловещий и мрачный; выли волки, жалобно лаяли собаки, они бродили стаями по опушке леса. Их многочисленность удивила уламров. Очевидно, их привлекло сюда, в места, богатые добычей, переселение больших стад травоядных. Но, по-видимому, они уже исчерпали свои запасы. Их крики возвещали о голоде. Отряд прибавил шагу, зная, что волки и собаки в большом количестве опасны.

Под конец животные разбились на две огромные стаи: справа — собаки, слева — волки. Обе стаи охотились за одной и той же добычей, и потому часто останавливались на одних и тех же местах. В таких случаях они, ощетинивались, рычали, угрожая друг другу. Волки были крупнее и сильнее собак, но собаки были многочисленнее. По мере того как ночь поглощала сумерки, глаза их светились ярче. Уламры видели множество маленьких зеленых огоньков, которые перемещались, как светляки.

На вой и лай уламры отвечали иногда протяжным воинственным криком, который заставлял животных держаться на значительном расстоянии. Но чем больше темнело, тем звери напирали все сильнее и сильнее. Уже явственно был слышен мягкий шум их лап. Впереди шли собаки. Некоторые из них даже опередили людей.

Они то пытались преградить им дорогу, то с пронзительным лаем отбегали в сторону.

Волки, обеспокоенные тем, что собаки могут перехватить у них добычу, двинулись на них сомкнутой стаей.

Столкновение становилось неизбежным. Собаки тоже сгрудились в кучу, уверенные в своей силе и в своей многочисленности. В последнем сумеречном свете обе стаи смешались в мертвой схватке.

Но не все хищники принимали в ней участие: часть волков и собак продолжали бежать за уламрами, образуя две длинные очереди.

Это упорное преследование в конце концов не на шутку обеспокоило людей. В темный вечер, среди такого количества врагов, они чувствовали себя далеко не безопасно.

Забежав вперед, огромный пес, ростом с доброго волка, оскалив сверкающие зубы, прыгнул на Гава. Молодой воин метнул дротик; собака с протяжным воем упала на землю. Уламр прикончил ее ударом палицы. На жалобной вой сбежались остальные собаки; стадное чувство было развито у них сильнее, чем у волков, и когда одна из них оказывалась в опасности, вся стая иногда осмеливалась нападать даже на крупных хищников. Нао боялся, как бы этого не произошло и в данном случае.

Он подозвал Нама и Гава, втроем они представляли более внушительную силу. Собаки, слегка озадаченные отпором, окружили их возбужденно рычащей сворой...

Стоит только одной из них броситься на людей, все остальные последуют за нею, и вмиг человеческие кости забелеют на равнине.

Нао метнул дротик; одна из собак упала с пронзенной грудью. Вождь схватил ее за задние лапы и, размахнувшись, бросил в стаю волков.

Запах крови возбудил животных, волки с жадностью набросились на нежданную добычу. Тогда собаки, позабыв о людях, кинулись на волков.

Воспользовавшись этим, уламры пустились бежать. Туман возвестил о близости реки, Нао различал уже вдали ее сверкание. Два или три раза он останавливался, чтобы оглядеть местность. Наконец, указав на сероватую массу, возвышающуюся над берегом, он сказал:

— Нао, Нам и Гав смеются над собаками и волками!

Сероватая масса оказалась крутой скалой, высотою в пять человеческих тел. На нее можно было взобраться лишь с одной стороны. Нао давно уже был известен этот утес, и он быстро на него вскарабкался. Нам и Гав последовали за ним. Они очутились на площадке, заросшей кустарником, где легко могли разместиться тридцать человек.

Там, внизу, на равнине, волки и собаки продолжали истреблять друг друга. Дикий вой, протяжные стоны наполняли влажный воздух; уламры наслаждались своей безопасностью.

Они развели костер; дрова затрещали, огонь показал свои крас-

ные языки; рыжеватый дым и яркий свет разлились над водою.

У подножия утеса в обе стороны тянулись заросли камышей и кустов. Деревья росли только вдалеке, на расстоянии двадцати полетов дротика.

Костер, зажженный уламрами, растревожил все животное царство.

Над осиной со зловещим криком взлетели две совы; закружилось облако обезумевших ушанов; скворцы перелетели на другой берег реки; взволнованные утки спрятались в тень; как перламутровые и серебристые стрелы, выпрыгивали из воды длинные рыбы.

В рыжем отсвете огня показался коренастый кабан, он остановился и заревел; пробежал дрожащий олень, откинув назад свои ветвистые рога; в зарослях ясеня мелькнула голова рыси с треугольными ушами и свирепыми глазами медного цвета.

Люди знали свою силу; они ели не спеша жареное мясо, радуясь жизни, согретые огнем. Племя близко! Не пройдет и двух вечеров, как они увидят воды Большого болота. Нам и Гав будут приняты как воины. Уламры узнают об их храбрости, хитрости и выносливости. Их будут бояться. Нао получит Гаммлу и сделается вторым предводителем после Фаума.

Кровь молодых воинов бурлила надеждой, и, если мысль была коротка, силен был их инстинкт, полный точных и глубоких навыков. Они не верили, что их существование когда-либо окончится. Смерть — это скорее страшная сказка, чем действительность. Они боятся ее только в опасные моменты, затем она удаляется, исчезает в глубине их сил. Если жизнь и бывает страшна в неустанной борьбе против животных, голода, холода, страшных болезней, стихийных бедствий, то, едва только это проходит и появляется пища и кров, она снова становится свежа и прекрасна, как река.

Страшный рев раздался вокруг в темноте. Кабан пустился в бегство, прыгнул в заросли олень, конвульсивно прижав к затылку рога; задвигались и затрепетали десятки других животных.

На опушке леса появилась какая-то покачивающаяся тень, в каждом ее движении чувствовалась сила. Еще раз Нао довелось увидеть льва-великана... Звери разбежались. Хищник знал быстроту, бдительность, острый нюх, осторожность, изворотливость тех, кого он должен был настичь. Край этот, где его род почти вымер, беден и суров; жить здесь становится все труднее. Голод постоянно грызет его желудок.

Несмотря на высоту и неприступность скалы, Нао вздрогнул от страха, хотя и старался уверить себя, что огонь защитит его от страшного зверя.

Он схватил палицу и дротик. Нам и Гав тоже приготовились к бою; все трое, прижавшись к скале, были невидимы. Лев остановился и, весь подобравшись на своих мускульных лапах, рассматривал этот странный свет, нарушавший привычную темноту ночи; он понимал, что это не дневной и не сумеречный свет. В его мозгу проносились смутные образы пожара, охватившего саванну; дерева, зажженного молнией; разведенных людьми костров, с которыми

ему уже приходилось встречаться; это было давно, в местах, откуда его изгнали голод и засуха. Лев колебался. Рычал. Злобно помахивал хвостом; затем приблизился к утесу, втянул в ноздри воздух. Запахи были слабые, они поднимались и рассеивались, прежде чем осесть, легкий ветерок относил их к реке. Лев едва различал запах дыма, еще слабее запах жареного мяса и вовсе не почувствовал запаха людей; он не видел ничего, кроме прыгающих огоньков, красных и желтых отсветов, которые то вырастали, то уменьшались, расстилались по земле, исчезали в тени дымовой завесы. Но эти огоньки не напомнили ему ни о добыче, ни о победах над врагом. Охваченный тоской и голодом, он открыл свою огромную пасть, откуда раздался страшный рев...

Нао видел, как лев-великан ушел в темноту на поиски другой добычи.

— Ни один зверь нам не страшен! — воскликнул вождь с вызывающим смехом.

Нам, повернувшись спиной к костру, стал всматриваться в другой берег, куда достигал луч света, отраженный водой. Протянув руку, юноша прошептал:

— Сын Леопарда, там люди.

Тяжесть опустилась на грудь вождя; все трое напрягли слух и зрение. Но берега были пустынны; слышны были лишь всплески воды да шелест травы и ветвей.

— Не ошибся ли Нам? — спросил Нао.

— Нам не ошибся, он видел человеческие тела среди деревьев. Их было двое,— ответил молодой воин.

Вождь больше не сомневался. Сердце его затрепетало от радостной надежды. Он сказал совсем тихо:

— Мы в стране уламров. Ты видел охотников или разведчиков, посланных Фаумом.

И он выпрямился во весь свой рост. К чему прятаться? Ведь люди — кем бы они ни были, друзьями или врагами,—отлично понимают значение огня. Его голос разбудил тишину ночи.

— Я — Нао, сын Леопарда! Я завоевал для уламров огонь! Пусть покажутся посланцы Фаума.

Но кругом было тихо и пустынно.

— Пусть покажутся посланцы Фаума! — повторил вождь.— Пусть посмотрят сюда, они узнают Нао, Нама и Гава. Они будут желанными гостями у костра.

Все трое встали перед красным огнем, их освещенные силуэты были видны издалека, воины испустили призывный клич уламров.

Ни звука в ответ. Это молчание предвещало опасность.

Нао сердито воскликнул:

— Это — враги!

Нам и Гав и сами догадались об этом. Радость, только что наполнявшая их сердца, рассеялась, как дым. Новая опасность казалась особенно грозной в эту ночь, когда цель была уже близка. И эта опасность могла исходить только от людей. В этих местах, по

соседству с Большим болотом, воины не могли встретить никого, кроме людей своего племени.

Быть может, на уламров напали победители Фаума? Может быть, уламры уже более не существуют?

Нао представил себе Гаммлу побежденной или мертвой. Он заскрежетал зубами и погрозил своей палицей противоположному берегу реки, затем, удрученный, присел на корточки у костра, размышляя и выжидая...

Завеса туч раскрылась на востоке. В глубине саванны показалась луна, в последней четверти, красная, окутанная дымкой. Хотя свет от нее был очень слаб, все же он разрывал глубины мрака. Бегство, о котором помышлял вождь, становилось невозможным, тем более если те люди, что спрятались на другом берегу, многочисленны и расставили засады.

Нао услышал шорох. Пригнувшись к земле, он рассмотрел фигуру человека. Сердце его вздрогнуло, как под ударом дротика. Сомнений больше не было. Спрятавшиеся люди были из племени уламров.

Но Нао предпочел бы встретиться с пожирателями людей или рыжими карликами. Он узнал волосатого Аго.

X

Волосатый Аго

С сильно бьющимся сердцем Нао вспомнил, как Аго и его братья восстали против Фаума и поклялись завоевать огонь.

Угроза сверкала тогда в их круглых глазах, сила и жестокость сопровождали их жесты.

Все племя трепетало при звуке их голосов. Каждый из них мог соперничать в силе с Фаумом. Аго и его братья с их крепкими телами, волосатыми, как у серого медведя, с их огромными руками, крепкими, как ветви дуба, с их хитростью, ловкостью и храбростью стоили десятерых воинов. И при мысли о всех тех, кого эти люди убили или кому поломали кости, Нао охватил безграничный гнев.

Как победить их? Он, сын Леопарда, считал себя равным Аго...

После стольких побед его уверенность в себе была непоколебима. Но Нам и Гав — разве их можно сравнить с братьями Аго.

Нао не замедлил принять решение: оно было столь же быстрым, как прыжок оленя, настигнутого в убежище.

— Нам спустится первым,— приказал вождь,— затем Гав. Они захватят с собой копье и дротики, я сброшу им палицы, когда они будут у подножия скалы. Я один понесу клетки с огнем.

Несмотря на таинственные камни, полученные от вахов, Нао не решался расстаться с завоеванным огнем.

Нам и Гав поняли, что надо опередить Аго и его братьев и раньше их попасть в становище уламров.

Они поспешно собрали оружие. Нам стал спускаться с крутого

откоса; Гав следовал за ним на расстоянии двух человеческих тел. Теперь их задача была более трудной, чем при подъеме на скалу,— обманчивый свет, внезапные тени затрудняли спуск; приходилось спускаться в пустоту, отыскивать невидимые углубления, прилепляться прямо к скале.

Когда Нам уже почти спустился с берега, раздался крик совы, затем крик оленя, завывание выпи. Наклонившись, Нао среди тростников увидел Аго. Он примчался, как молния; сейчас же появились его братья — один с юга, другой с востока.

Нам был уже на земле. Сердце Нао наполнилось скорбью и волнением. Он не знал, что делать,— бросить ли Наму палицу, или позвать его обратно.

Молодой воин был более подвижен и ловок, чем сыновья Зубра, но так как они все устремились к скале, то Нам должен будет проскользнуть мимо них на расстоянии полета копья. Нао недолго колебался, он крикнул:

— Я не брошу палицу Наму. Она обременит его бег! Пусть он бежит. Пусть предупредит уламров, что мы ждем их здесь с огнем.

Нам повиновался, дрожа от страха перед грозными братьями. После нескольких прыжков он оступился, но снова выправился и побежал. Нао, видя, что враг уже близко, приказал Наму вернуться.

Один из братьев Аго, что был попроворней, метнул копье. Оно проткнуло руку молодого воина, когда он начал влезать на скалу, другой с криком набросился на Нама, чтобы его растерзать. Нао был начеку. С необычайной силой бросил он камень. Описав в полумраке дугу, камень раздробил бедро нападающему, тот упал. Прежде чем сын Леопарда поднял второй камень, раненый с гневным рычанием исчез в кустарнике. Затем наступила тишина. Аго направился к брату, осмотрел рану. Гав помог Наму взобраться на утес.

Нао стоял, освещенный двойным светом — костра и луны,— держа наготове обеими руками тяжелую глыбу гранита.

Он заговорил первый:

— Разве сыновья Зубра не из того же племени, что Нао, Нам и Гав? Почему же они нападают на нас, как на врагов?

Волосатый Аго вышел из засады. Издав воинственный клич, он ответил:

— Вы станете друзьями Аго, если дадите ему огонь, если же — нет, он поступит с вами, как с оленями!

Ужасная усмешка раздвинула его челюсти; его грудь была так широка, что на ней могла бы улечься пантера.

Сын Леопарда воскликнул:

— Нао завоевал огонь и отнял его у пожирателей людей! Он разделит с вами огонь, когда придет в орду!

— Мы хотим получить огонь теперь же... Аго получит Гаммлу, а Нао — третью часть охоты и добычи.

Сын Леопарда задрожал от гнева.

— Почему Аго получит Гаммлу? Разве он завоевал огонь?! Все племя будет смеяться над Аго!

— Аго сильнее Нао! Он распорет копьем ему живот и переломает кости палицей.

— Нао убил серого медведя и тигрицу, он убил десять человек из племени пожирателей людей и двадцать рыжих карликов. Нао убьет Аго!

— Пусть Нао спустится на равнину.

— Если бы Аго пришел один, Нао сразился бы с ним!

Раздался смех Аго, похожий на рев.

— Никто из вас не увидит Большого болота!

Оба замолчали. Нао сравнивал тонкие торсы Нама и Гава со страшными, сильными телами сыновей Зубра. Но разве он уже не одержал первую победу? Если Нам и ранен, то ведь один из трех братьев тоже не способен преследовать врага?!

Кровь текла из руки Нама. Вождь приложил к ране пепел и покрыл ее травой.

В то время как глаза его наблюдали за врагом, он обдумывал план действий. Трудно обмануть бдительность Аго и его братьев. У них хорошее зрение и слух, они неутомимы и обладают большим дыханием, хотя в быстроте бега уступают Наму и Гаву. Только сын Леопарда равен им по выносливости.

Мысли Нао были отрывочны, но инстинкт, собрав их воедино, придал им связность.

Таким образом, Нао легко представил себе все подробности бегства и битвы, он был уже опять весь в действии, хотя оставался еще неподвижным, сидя на корточках в медном свете огня; наконец он поднялся, хитрая улыбка скользнула по его лицу; в нетерпении он рыл землю ногой, как будто вместо пальцев у него было копыто.

Прежде всего надо потушить костер, дабы сыновья Зубра, если они и победят, не могли бы получить ни Гаммлу, ни третью часть добычи.

Нао бросил в реку самые большие головешки; с помощью товарищей он убил огонь землей и камнями, оставив в живых лишь маленькое пламя в одной из клеток, затем уламры начали спускаться с утеса. На этот раз первым спускался Гав. На высоте двух человеческих тел от земли в скале имелся выступ, достаточно широкий, чтобы там можно было встать и, сохраняя равновесие, метать оттуда копья. Гав должен был занять этот выступ.

Молодой уламр тотчас же это выполнил. Когда он достиг указанного места, он негромко крикнул, чтобы известить вождя.

Сыновья Зубра приготовились к бою. Аго с дротиком в руке повернулся лицом к скале, раненый воин стоял, опираясь на куст, держа наготове оружие, а третий брат, Рук, находясь ближе всех, ходил взад и вперед. Стоя на краю утеса, Нао следил за действиями противника. Выбрав момент, когда Рук подошел поближе, он метнул дротик. Дальность его полета удивила сына Зубра, но все же дротик не долетел до цели на несколько локтей. Камень, который Нао затем бросил, упал еще дальше от цели. Рук закричал насмешливо:

— Сын Леопарда слеп и глуп!

Полный презрения, Рук погрозил ему своей палицей. Ловким движением Нао схватил то странное оружие, владеть которым он научился у вахов, и стал быстро вращать его над головой. Рук, уверенный в том, что это простая угроза, не обратил на нее внимания, продолжая расхаживать под скалою. Он даже отвернулся от Нао и потому не заметил дротика. Еще мгновение — и его рука оказалась пронзенной между большим и указательным пальцами. С яростным криком он выронил палицу. Косматые братья были поражены. Они не понимали, как мог Нао бросить дротик на такое большое расстояние.

Чувствуя страх перед этим таинственным оружием, все трое отступили. Рук мог держать теперь палицу только левой рукой. Между тем Нао воспользовался их замешательством, чтобы помочь Наму спуститься. Шесть человек очутились на равнине, друг против друга, настороженные, полные ненависти. Сын Леопарда повернул вправо, где проход был шире и удобнее. Аго преградил ему путь. Его круглые глаза следили за каждым движением вождя уламров. Он прекрасно умел увертываться от копий и дротиков и поэтому смело надвигался на Нао, уверенный в том, что тот непременно промахнется и тем даст возможность подоспеть Руку. Но Нао, сделав неожиданный поворот, устремился к третьему брату, который стоял, опершись на копье.

Это движение вынудило Аго и Рука броситься на запад, открывая проход: уламры воспользовались этим и пустились в бегство. Окружение было прорвано!

— Огонь не достанется сыновьям Зубра! — крикнул вождь звонким голосом.— Нао получит Гаммлу!

Все трое бежали по пустынной равнине. Путь к становищу уламров был открыт. Но Нао отлично понимал, что дело не обойдется без решительной битвы. Двое волосатых были ранены. Отказаться от сражения — значило дать им время оправиться, и тогда одолеть их будет труднее.

Несмотря на рану, Нам не отставал от товарищей.

Все трое опередили неприятеля больше чем на тысячу шагов. Здесь Нао остановился, передал огонь Гаву и сказал:

— Бегите не останавливаясь на запад, пока я вас не догоню!

Уламры продолжали бежать с прежней скоростью. Вождь замедлил шаг. Вскоре он повернул на волосатых братьев, угрожая им своим новым оружием. Затем обогнул их справа и направился обратно к реке. Аго понял его намерение. Он издал рычание льва и бросился с Руком на помощь раненому. Отчаяние придало ему силы, он почти не отставал от Нао. Но ему мешал его рост. Сын Леопарда, как будто созданный для бега, опередил противника на триста шагов и скоро очутился лицом к лицу с третьим братом. Тот поджидал его, угрожающий, разъяренный. Он бросил в Нао дротик, но, плохо сохраняя равновесие, не попал в цель. Нао набросился на него.

Сила и ловкость волосатого были таковы, что, несмотря на свою рану, он легко мог бы подмять под себя Нама и Гава. Чтобы

сразить Нао, который был выше его ростом, он с такой силой замахнулся палицей, что едва удержался на ногах. Оружие противника ударило его по голове и уложило на месте, второй удар раздробил ему позвоночник.

Аго был еще в ста шагах: Рук, ослабевший от потери крови, которая текла из руки, отставал от брата. Оба бежали к цели, как носороги, увлекаемые глухим инстинктом, даже забыв об осторожности.

Поставив одну ногу на побежденного, сын Леопарда ждал их, подняв палицу. Подбежав ближе, Аго сделал прыжок. Нао уклонился в сторону и кинулся на Рука. Сильным движением он выбил оружие из левой руки противника и ударом по черепу уложил второго брата.

Затем, отступив перед Аго, он крикнул:

— Где твои братья, сын Зубра? Я убил их так же, как убил серого медведя, тигрицу и пожирателей людей! Нао теперь свободен, как ветер! Его ноги легче твоих, его дыхание, как у оленя!

Отбежав немного, он остановился и снова крикнул: «Нао не хочет убегать. Этой ночью он возьмет твою жизнь или отдаст свою».

Уламр прицелился дротиком в сына Зубра, но тот пригнулся; оружие просвистело над его головой.

— Нао умрет! — прорычал Аго.

Он не спешил: он знал, что противник волен принять или отказаться от боя. Он шел крадучись. Каждое его движение выдавало в нем зверя, его копье и палица несли смерть. Несмотря на поражение братьев, он не боялся своего ловкого и сильного противника. Он был сильнее своих братьев и до сих пор не знал поражений. Ни человек, ни животное не уходили от него живыми. Подкравшись к Нао, он метнул в него копье.

Он сделал это потому, что надо было так сделать; его не удивило, что Нао избежал удара. И он сам тоже с легкостью увильнул от копья уламра. Теперь у обоих остались только палицы; они поднялись разом; обе были из дуба. На палице Аго было три сучка, от долгого употребления она хорошо отшлифовалась, блестела при свете луны; палица Нао была более круглой.

Аго первый нанес удар. Но не со всей силой: он рассчитывал превзойти сына Леопарда иным путем. Нао без труда отразил удар и в свою очередь ударил наотмашь. Палицы стукнулись друг о друга и затрещали. Тогда Аго сделал прыжок вправо и нанес удар необычайной силы, но промахнулся: Нао успел увильнуть. Его ответный удар был таков, что сам Фаум покачнулся бы на месте, но ноги Аго точно вросли в землю; он только слегка откинулся назад.

Противники снова стояли лицом к лицу, оба невредимые, будто они вовсе и не сражались. Но внутри у них все клокотало! Теперь каждый из них знал силу своего противника, знал, что каждое пропущенное мгновение или неосторожный жест может его погубить.

Аго снова вступил в борьбу. Вся сила его сосредоточивалась в руках: он без всяких уловок рубанул палицей сверху.

Нао отвратил удар, но сучковатая дубина противника успела про-

вести на его плече широкую царапину. Хлынула кровь и обагрила его руку; Аго, уверенный в том, что его победа теперь обеспечена, размахнулся с удвоенной силой.

Издав зловещий крик, Нао дал отпор. Череп Аго зазвенел, как будто он был из дуба, волосатое тело покачнулось; второй удар поверг Аго на землю.

— Гаммла не достанется Аго! — закричал победитель.— Аго не увидит больше своего племени, не увидит Большого болота и никогда не согреет своего тела у огня!

Аго встал на ноги. Его крепкая голова была окровавлена, правая рука висела, как сломанная ветвь, ноги ослабли. Но упорная жажда жизни светилась в его глазах. Подняв палицу здоровой левой рукой, он в последний раз взмахнул ею над головой, но прежде чем она опустилась, Нао выбил ее из рук врага, и она упала в десяти шагах от него.

Аго ждал смерти. Он уже считал себя мертвым, ибо знал, что поражение — это смерть. Он с гордостью вспомнил всех, кого он убил, прежде чем погибнуть самому.

— Аго не щадил своих врагов! — сказал он.— Он никогда не оставлял в живых тех, кто оспаривал у него добычу. Все уламры содрогались перед Аго!

Он не просил пощады и даже не застонал, когда первый смертельный удар обрушился на его голову. Его сознание погасло, оставалось живым только его теплое тело, последние вздрагивания которого второй удар Нао погасил навсегда.

Покончив с Аго, Нао добил двух его братьев, казалось, будто сила сыновей Зубра вселилась в него. Обернувшись к реке, он слушал, как бурно колотится его сердце.

XI

Во тьме веков

Каждый вечер уламры со страхом ждали захода солнца. Когда в небе оставались одни лишь звезды или луна пряталась в облаках, они чувствовали себя слабыми и жалкими.

Сбившись в кучу, в сумраке пещеры или под выступами скал во мраке и холоде, они думали об огне, который питал их своей теплотой и отгонял от них хищных животных.

Дозорные все время держали оружие наготове; их изнуряли постоянная бдительность и страх. Они знали, что могут быть застигнуты врасплох, прежде чем успеют нанести удар. Недавно медведь задрал одного воина и двух женщин, волки и леопарды похитили нескольких детей. Много мужчин было ранено во время ночных схваток.

Наступила зима. Северный ветер метал свои копья; мороз кусал острыми зубами. Однажды ночью вождь племени Фаум в битве со львом потерял способность владеть правой рукой. Искалеченный, он лишился уважения уламров. Среди племени возникли раз-

доры. Гум не хотел больше подчиняться Фауму. Му требовал себе первенства среди племени. Каждый из них имел своих сторонников, лишь немногие оставались верными Фауму. Однако до кровопролития дело не дошло, ибо все устали. Старый Гун упрекал уламров в слабости; в ней был корень всех зол. Слова его находили сочувственный отклик. В часы сумрака уламры жестоко сожалели об ушедших воинах. Прошло уже много лун, они отчаялись увидеть когда-нибудь Нао, Гава и Нама или сыновей Зубра! Много раз племя посылало разведчиков, те возвращались, не найдя никаких следов. Отчаяние сжало сердце уламров: шесть воинов погибли в когтях хищников, под топорами людей или умерли с голоду. Уламры не увидят больше спасительного огня!

Только женщины сохраняли еще смутную надежду; выносливость и терпение поддерживали в них бодрость. Гаммла была одна из наиболее сильных и смелых. Ни холод, ни голод не разрушили ее молодости. За зиму ее волосы отросли еще больше, они спадали с плеч, как грива льва. Дочь Фаума умела хорошо распознавать растения. На лугу, в зарослях, в лесу или среди камышей она быстро находила съедобные корни, вкусные плоды, грибы. Не будь ее, великий Фаум умер бы от голода во время своей болезни, когда он лежал в глубине пещеры, совсем ослабевший от потери крови. Гаммла легче других обходилась без огня. Однако она желала его страстно и по ночам спрашивала себя: кто же его принесет — Аго или Нао? Она готова была подчиниться любому из них из уважения к победителю, но знала, что жизнь с Аго будет тяжелой.

Наступил вечер. Сильный ветер прогнал тучи. С протяжным воем пролетал он по увядшей траве и по черным деревьям. Красное солнце, как холм, еще возвышалось на западе. Племя собралось в кучу, с тревогой ожидая наступления ночи. Скоро ли вернутся те дни, когда пламя, ворча, поедало поленья? Когда запах жареного мяса разносился в сумерках, теплая радость разливалась по телу, когда волки, медведь, лев и леопард убегали от сверкающей жизни огня?

Солнце потемнело; на обнаженном западе замер свет. Ночные животные вышли на охоту.

Старый Гун, которого лишения состарили сразу на несколько лет, простонал, полный отчаяния:

— Гун видел своих сыновей и сыновей своих сыновей. Огонь всегда был среди уламров, теперь больше нет огня! Гун умрет, не увидав его!

Расщелина скалы, где укрылось племя, была вроде пещеры. В хорошую погоду это было неплохое убежище, но теперь северный ветер бичевал незащищенную грудь старика.

Гун продолжал:

— Волки и собаки с каждым днем становятся все более смелыми и дерзкими.

Он указал на крадущиеся тени, число их увеличивалось с наступлением темноты. Вой становился более протяжным и более угрожающим. Последние сумеречные отсветы держали их еще в отдале-

нии. Дозорные в беспокойстве шагали под холодными звездами, на холодном ветру.

Вдруг один из них остановился и вытянул голову. Другие последовали его примеру. Затем первый сказал:

— На равнине люди!

Все племя взволновалось. Некоторые испугались, сердца других преисполнились надеждой. Фаум, вспомнив, что он еще вождь, выбрался из расщелины, где он отдыхал.

— Пусть все воины возьмутся за оружие! — приказал он.

В эту тревожную минуту было не до распрей, уламры беспрекословно подчинились. Вождь прибавил:

— Пусть Гум возьмет с собой трех молодых воинов и пойдет на разведку!

Гум колебался, недовольный тем, что получает приказания от человека, который уже потерял силу. Вмешался старый Гун:

— У Гума глаза леопарда, слух волка и нюх собаки. Он сразу узнает, кто подходит,— враг или друзья.

Тогда Гум с тремя молодыми воинами отправился в путь. По мере того как они подвигались вперед, хищники бежали по их следам. Воины скрылись из виду. Племя с тревогой и нетерпением ожидало возвращения разведчиков. Наконец в темноте раздался протяжный крик.

Фаум, выскочив на равнину, воскликнул:

— Это идут уламры!

Необычайное волнение охватило всех.

Гун спросил:

— Кто идет: Аго и его братья или Нао, Нам и Гав?

Снова раздались крики под звездами.

— Это сын Леопарда! — радостно прошептал Фаум.

В глубине души вождь боялся свирепого Аго. Но большинство уламров думало лишь об огне. Если Нао принесет огонь, они готовы пасть перед ним ниц; если же нет — гнев и презрение восстанут против его слабости.

Между тем к становищу подкралась стая волков. Сумерки сменились непроглядной ночью. Последние отблески дня погасли, звезды тускло светили в ледяном небе. О! если бы увидеть, как возрождается теплое красное животное, чувствовать его дыхание на своей груди и на своем теле!

Наконец показался Нао. Его могучая фигура чернела на серой равнине. Фаум закричал: «Огонь! Нао несет огонь!»

Орда заволновалась. Многие замерли на месте, как оглушенные ударом топора, другие повскакивали с неистовыми криками:

— Огонь! огонь!

Сын Леопарда держал его в своей каменной клетке. Это был маленький красный огонек, слабая жизнь, которую без труда могло задуть детское дыхание. Но уламры знали, какая огромная сила таится в этом слабом огоньке; задыхающиеся, безмолвные, страшась, что он исчезнет, смотрели они на огонь.

Затем поднялся такой шум, что даже волки и собаки испуга-

лись. Все племя столпилось вокруг Нао с жестами покорности, обожания, радости.

— Осторожно, не убейте огонь! — крикнул старый Гун.

Все отступили. Нао, Фаум, Гаммла, Нам, Гав, старый Гун образовали в толпе ядро и направились к скале. Уламры бросились собирать сухие травы и ветки. Когда костер был готов, сын Леопарда поднес к нему дрожащий огонек. Сначала он скользнул по сухим сучьям, потом со свистом и ворчаньем стал пожирать сучья и ветки. Увидев пламя, волки и собаки убежали, охваченные страхом.

Тогда Нао, обратившись к Фауму, сказал:

— Сын Леопарда выполнил свое обещание! Сдержит ли свое слово вождь уламров?

Он указал на Гаммлу, освещенную багряным светом. Девушка тряхнула длинными, пышными волосами, трепеща от гордости при виде Нао.

— Гаммла будет твоей женой! — покорно ответил Фаум.

— И Нао станет вождем племени! — смело добавил старый Гун.

Он сказал так вовсе не для того, чтобы высказать презрение к Фауму, но чтобы уничтожить соперничество, которое он считал опасным. В этот торжественный момент никто не посмел бы ему противоречить. Все племя радостно приветствовало его предложение. Но Нао видел только Гаммлу: ее длинные волосы, ее прекрасные глаза. Глубокая жалость поднималась в его сердце к человеку, который отдавал ему в жены свою дочь. Тем не менее он понимал, что ослабевший, искалеченный вождь не может больше управлять племенем. И он воскликнул:

— Нао и Фаум будут вместе управлять племенем уламров!

Все в изумлении замолчали. Жестокий Фаум впервые почувствовал смутную нежность к человеку, который не был ему родственным по крови.

Между тем старый Гун, самый любопытный из всех уламров, спешил узнать о приключениях, пережитых тремя воинами. Память о них была так свежа в уме Нао, будто все происходило накануне.

В те времена люди не обладали большим количеством слов, речь их была отрывочна, но выразительна.

Храбрый воин рассказал о сером медведе, о льве-великане, о тигрице, о пожирателях людей, о мамонтах и рыжих карликах, о людях без плеч, о людях с синими волосами и о пещерном медведе. Однако осторожный Нао не раскрыл уламрам тайны камней, которую он узнал от вахов. Треск огня сопровождал его рассказ. Старый Гун воскликнул:

— Не было воина, равного Нао, среди наших отцов и не будет среди наших детей, среди детей наших детей.

Наконец Нао произнес имя Аго. Все вздрогнули, как деревья в бурю, ибо все боялись сына Зубра.

— Когда сын Леопарда видел Аго в последний раз? — спросил Фаум, бросив испуганный взгляд в темноту.

— С тех пор прошли две ночи,— ответил Нао.— Сыновья Зубра перешли реку. Они появились у скалы, где были Нао, Нам и Гав. Нао бился с ними.

Наступило глубокое молчание. Слышно было лишь потрескивание костра, завывание северного ветра и отдаленный крик какого-то хищного зверя.

— И Нао их победил! — объявил гордо уламр.

Мужчины и женщины переглянулись. Радость и сомнения боролись в их сердцах. Му выразил их неясные чувства, спросив:

— Нао убил всех троих?

Сын Леопарда ничего не ответил. Он погрузил руку в складку медвежьей шкуры, которая была на нем, и бросил на землю три окровавленные руки.

— Вот руки Аго и его братьев!

Гун, Му и Фаум осмотрели их, им хорошо были знакомы эти огромные толстые руки, покрытые шерстью, как у зверей. Нельзя было не узнать их. Все вспомнили тот ужас, который наводили на племя эти руки. Соперничество погасло в сердцах завистливых и сильных; слабые соединили навсегда свою жизнь с Нао; женщины почувствовали, что род их не умрет. И Гун Сухие Кости провозгласил:

— Теперь уламрам не страшны враги!

Фаум, схватив Гаммлу за волосы, простер ее грубо перед победителем и сказал:

— Вот! Она будет твоей женой! Я снимаю с нее мою власть. Ты ее господин! Она будет отыскивать и приносить на плече добычу, которую ты убьешь на охоте. Если она ослушается тебя, ты волен убить ее.

Нао опустил руку на плечо Гаммлы и нежно поднял женщину.

Рони Старший

ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ[1]

I

Ун и Зур

Ун, сын Быка, любил бывать в подземных пещерах. Он ловил там слепых рыб и бесцветных раков вместе с Зуром, сыном Земли, последним из племени ва, людей без плеч, уцелевшим при истреблении его народа рыжими карликами.

Целыми днями бродили Ун и Зур вдоль течения подземной реки. Часто берег ее был всего лишь узким каменным карнизом. Иногда приходилось пробираться ползком по тесному коридору из порфира, гнейса, базальта. Зур зажигал смоляной факел из ветвей скипидарного дерева, и багровое пламя отражалось в сверкающих кварцевых сводах и в стремительно текущих водах подземного потока. Склонившись над черной водой, они наблюдали за плавающими в ней бледными, бесцветными животными, затем шли дальше, до того места, где дорогу преграждала глухая гранитная стена, из-под которой с шумом вырывалась подземная река. Подолгу простаивали Ун и Зур перед черной стеной. Как хотелось им преодолеть эту таинственную преграду, на которую натолкнулось племя уламров шесть лет назад, во время своего переселения с севера на юг.

Ун, сын Быка, принадлежал, согласно обычаю племени, брату матери. Но он отдавал предпочтение своему отцу Нао, сыну Леопарда, от которого унаследовал мощное сложение, неутомимые легкие и необычайную остроту чувств. Его волосы падали на плечи густыми жесткими прядями, словно грива дикого коня; глаза были цвета серой глины. Огромная физическая сила делала его опасным противником. Но еще больше, чем Нао, Ун склонен был к великоду-

[1] Написание племен и их представителей унифицировано в соответствии с подобными написаниями двух других повестей. *(Ред.)*

шию, если побежденный лежал перед ним, распростершись на земле. Поэтому уламры, отдавая должное силе и мужеству Уна, относились к нему с некоторым пренебрежением.

Он охотился всегда в одиночку или вместе с Зуром, которого уламры презирали за слабость, хотя никто не умел так искусно находить камни, пригодные для добывания огня, и изготовлять трут из мягкой сердцевины дерева.

У Зура было узкое, гибкое, как у ящерицы, тело. Плечи его были так покаты, что руки, казалось, выходили прямо из туловища. Такими выглядели с незапамятных времен все ва — племя людей без плеч. Зур думал медленно, но ум его был более изощренным, чем у людей племени уламров.

Зур любил бывать в подземных пещерах еще больше, чем Ун. Его предки и предки его предков всегда жили в краях, изобиловавших ручьями и реками, часть которых исчезала под холмами или терялась в глубине горных массивов.

Однажды утром друзья бродили по берегу реки. Они видели, как поднялся над горизонтом багровый шар солнца и золотой свет залил окрестность. Зур понимал, что ему нравится следить за стремительно бегущими волнами; Ун же отдавался этому удовольствию безотчетно. Они направились к подземным пещерам. Прямо перед ними возвышались горы — высокие и неприступные. Крутые, острые вершины нескончаемой стеной тянулись с севера на юг, и нигде между ними не видно было прохода. Ун и Зур, как и все племя уламров, страстно мечтали преодолеть эту несокрушимую преграду.

Более пятнадцати лет уламры, покинув родные места, кочевали с северо-запада на юго-восток. Продвигаясь к югу, они скоро заметили, что чем дальше, тем земля становится богаче, а добыча — обильнее. И постепенно люди привыкли к этому бесконечному путешествию.

Но вот на их пути встала огромная горная цепь, и продвижение племени на юг остановилось. Уламры тщетно искали проход среди неприступных каменных вершин.

Ун и Зур присели отдохнуть в камышах, под черными тополями. Три мамонта, огромные и величественные, шествовали вдоль противоположного берега реки. Видно было, как пробегают вдали антилопы; носорог показался из-за скалистого выступа. Волнение овладело сыном Нао. Как хотелось ему преодолеть пространство, отделяющее его от добычи! Вздохнув, он поднялся и зашагал вверх по течению, сопровождаемый Зуром. Скоро они очутились перед темным углублением в скале, откуда с шумом вырывалась река. Летучие мыши метнулись в темноту, испуганные появлением людей.

Взволнованный внезапно пришедшей ему в голову мыслью, Ун сказал Зуру:

— За горами есть другие земли!

Зур ответил:

— Река течет из солнечных стран.

Люди без плеч давно знали, что все реки и ручьи имеют начало и конец.

Синий сумрак пещеры сменился мраком подземного лабиринта. Зур зажег одну из захваченных с собой смолистых веток. Но друзья могли бы обойтись и без света — так хорошо знали они каждый поворот подземного пути.

Целый день шли Ун и Зур по мрачным переходам вдоль течения подземной реки, перепрыгивая через ямы и расселины, а вечером крепко уснули на берегу, поужинав испеченными в золе раками.

Ночью их разбудил внезапный толчок, исходивший, казалось, из самых недр горы. Слышен был грохот падающих камней, треск крошащихся скал. Затем наступила тишина. И, не разобрав спросонья, в чем дело, друзья снова уснули. Но, когда утром они двинулись дальше, путь оказался усеянным обломками скал, которых раньше здесь не было. Смутные воспоминания овладели Зуром.

— Земля колебалась,— сказал он.

Ун не понял слов Зура и не старался вникнуть в их смысл. Мысли его были короткими и стремительными. Он мог думать только о тех препятствиях, которые возникали непосредственно перед ним, или о добыче, которую он преследовал. Нетерпение его росло, и он все ускорял шаги, так что Зур еле поспевал следом. Задолго до конца второго дня они добрались до того места, где глухая каменная стена обычно преграждала им путь.

Зур зажег новый смолистый факел. Яркое пламя озарило высокую стену, отражаясь в бесчисленных изломах кварцевой породы.

Изумленное восклицание вырвалось у обоих юношей: в каменной стене зияла широкая трещина!

— Это оттого, что земля колебалась,— сказал Зур.

Одним прыжком Ун очутился у края трещины. Проход был достаточно широк, чтобы пропустить человека. Ун знал, какие предательские ловушки таятся в только что расколовшихся скалах. Но нетерпение его было так велико, что он, не задумываясь, протиснулся в черневшую перед ним каменную щель, настолько узкую, что двигаться вперед можно было с большим трудом. Зур последовал за сыном Быка. Любовь к другу заставила его забыть природную осторожность.

Скоро проход сделался таким узким и низким, что они едва протискивались между камнями, согнувшись, почти ползком. Воздух был жарким и спертым, дышать становилось все трудней... Вдруг острый выступ скалы преградил им путь.

Рассердившись, Ун выхватил из-за пояса каменный топор и ударил им по скалистому выступу с такой силой, словно перед ним был враг. Скала пошатнулась, и юноши поняли, что ее можно сдвинуть с места. Зур, воткнув свой факел в расселину стены, стал помогать Уну. Скала зашаталась сильнее. Они толкнули ее изо всех сил. Раздался треск, посыпались камни... Скала покачнулась и... они услышали глухой звук падения тяжелой глыбы. Путь был свободен.

Передохнув немного, друзья двинулись дальше. Проход посте-

пенно расширялся. Скоро Ун и Зур смогли выпрямиться во весь рост, дышать стало легче. Наконец они очутились в обширной пещере. Ун со всех ног бросился вперед, но вскоре темнота вынудила его остановиться: Зур со своим факелом не поспевал за быстроногим другом. Но задержка была недолгой. Нетерпение сына Быка передалось человеку без плеч, и они большими шагами почти бегом двинулись дальше.

Скоро впереди забрезжил слабый свет. Он усиливался по мере того, как юноши приближались к нему. Внезапно Ун и Зур очутились у выхода из пещеры. Перед ними тянулся узкий коридор, образованный двумя отвесными гранитными стенами. Вверху, высоко над головами, виднелась полоска ослепительного синего неба.

— Ун и Зур прошли сквозь гору! — воскликнул сын Быка.

Он выпрямился во весь свой могучий рост, и гордость от сознания совершенного подвига овладела всем его существом. Зур, более сдержанный от природы, был тоже сильно взволнован.

Узкое ущелье, затерянное в глубине горного массива, мало чем отличалось от подземного лабиринта, из которого они только что выбрались. Уну не терпелось увидеть поскорей открытое пространство. После краткого отдыха друзья снова двинулись в путь.

Ущелье показалось им бесконечным. Когда юноши наконец добрались до выхода из него, день уже склонялся к вечеру.

Перед ними простирался обширный горный луг, край которого, казалось, упирался прямо в синий небосвод. Справа и слева грозно высились горы — мрачный каменный мир, застывший и безмолвный с виду, незыблемый, словно вечность...

Солнце садилось среди каменных башен, зубчатых пиков у куполов. Муфлоны то появлялись, то исчезали вдали, у края пропасти. Старый медведь, сидя на гнейсовой скале, подстерегал в тишине добычу. Огромный гриф медленно парил в вышине, под облаками, озаренными вечерним солнцем.

Ун и Зур слышали биение своих взволнованных сердец. Неведомая земля лежала перед ними. Она неудержимо влекла к себе деятельного, жаждущего приключений уламра и задумчивого, полного смутных грез последнего человека без плеч.

II

Махайрод[1]

Четырнадцать дней шли по неведомой земле Ун и Зур. Они решили не возвращаться в становище до тех пор, пока не разведают степи и леса, где уламры могли бы найти в изобилии дичь и съедобные растения.

Человек не может постоянно жить в горах. Горы изгоняют его с наступлением зимы; весною земля оживает там гораздо мед-

[1] *Махайрод*, или *саблезубый тигр*,— большой зверь кошачьей породы, опасный хищник с мощными челюстями и огромными клыками, живший на земле в начале четвертичного периода.

ленней, чем внизу на равнине, уже давно покрытой пышным ковром трав и цветов.

В первые дни пути Уну и Зуру иной раз до самого вечера не удавалось убить какую-нибудь дичь или найти съедобные растения. Но они упорно продолжали двигаться вперед, постепенно спускаясь все ниже и ниже. На девятый день пути еловые леса сменились буковыми рощами; затем появились дубы и каштаны. Их становилось все больше. Ун и Зур поняли, что приближаются к равнине. Звери стали попадаться чаще: каждый вечер свежее мясо и съедобные корни растений жарились на огне костра, и свет звезд, озарявший путников, уже не казался им таким холодным, как высоко в горах.

На четырнадцатый день они достигли подножия горной цепи. Перед ними расстилалась бескрайняя равнина, по которой струились воды огромной реки. Стоя на склоне скалистого отрога, путники жадно смотрели на эту новую, неведомую им землю, где никогда не ступала нога уламра или ва.

Внизу росли незнакомые деревья: исполинские баньяны, ветви которых образовывали целые рощицы; стройные пальмы с листьями, напоминающими огромные перья; зеленые дубы, взбиравшиеся на склоны холмов; заросли бамбука, подобного гигантской траве. Рассыпанные среди высоких трав и густых кустарников цветы радовали глаз своими яркими красками.

Но Уна и Зура больше интересовали животные. Они то появлялись, то исчезали вдали, среди буйных трав и пышного кустарника, в зарослях древовидных папоротников и высокого бамбука.

Видно было, как проносится среди холмов стадо легконогих антилоп, как бродят по лугам дикие лошади и онагры[1]. Олени и огромные дикие быки — гауры[2] появлялись из-за поворотов реки; стая диких собак — дхолей преследовала сайгу[3]. Змеи неслышно скользили среди густых трав; на вершине холма четко выделялись горбатые силуэты трех верблюдов. Павлины, фазаны и попугаи гнездились на опушках пальмовых рощ; обезьяны выглядывали из густых ветвей баньянов; гиппопотамы ныряли в реку; крокодилы неподвижно лежали в заводях, словно упавшие в воду стволы деревьев.

Нет, никогда в этом краю уламры не будут испытывать недостаток в свежем мясе для вечерней трапезы у костра!

Ун и Зур стали спускаться по склону скалистого отрога. Воздух делался все теплее и теплее. Скоро стало совсем жарко; горячие камни обжигали ступни босых ног.

Путники думали, что от равнины их отделяет лишь короткий переход. Но расстояние оказалось обманчивым. Внезапно они очутились на краю крутого обрыва.

---

[1] *Онагр* — дикий осел, близкий родич кулана. В настоящее время встречается в Иране, Месопотамии, Сирии и Северной Аравии.

[2] *Гаур* — дикий бык очень крепкого телосложения.

[3] *Сайга*, или *сайгак*,— степная антилопа, широко распространенная в ледниковое время в степях Европы и Азии. В настоящее время встречается в Прикаспийских степях, в степях и полупустынях Казахстана, Монголии и Джунгарии.

Крик нетерпения вырвался из груди уламра, но человек без плеч сказал:

— Неведомая земля, вероятно, полна опасностей. А у нас мало дротиков. Здесь, на вершине скалы, ни один зверь, пожирающий людей, нас не достанет.

Как бы подтверждая его слова, желтый силуэт льва мелькнул внизу, в расселине скалы. Ун ответил:

— Зур сказал то, что надо было сказать. Прежде чем спуститься на равнину, мы должны запастись дротиками, палицами и копьями, чтобы убивать дичь и побеждать хищников.

Скалы отбрасывали на землю длинные тени; солнечный свет стал желтым, словно мед. Ун и Зур направились к молодому дубу и стали рубить его крепкие ветви, чтобы изготовить необходимое оружие. Они умели делать копья и палицы, обрабатывать рога и кости животных, обтесывать острые кремни и обжигать на огне костра концы дротиков, чтобы те стали твердыми, словно камень. Но с тех пор, как они выбрались из подземного лабиринта, прошло много времени. Топоры их затупились, запас оружия истощился.

Ун и Зур рубили ветви до тех пор, пока солнце не погасло на горизонте, подобно гигантскому багровому костру. Затем они собрали рога, кости и кремни, которые принесли с гор.

— Скоро наступит ночь,— сказал Ун.— Мы возобновим работу, когда солнце вернется.

Набрав хворосту, они сложили его в кучу. Зур уже приготовился зажечь костер, а спутник его тем временем насаживал на острый сук заднюю ногу дикой козы.

Внезапный рев заставил их вскочить на ноги. Этот рев одновременно напоминал и грозное рычанье льва, и отвратительный хохот гиены. Подойдя к обрыву, они увидели внизу, у подножия скалистого выступа, на расстоянии пятисот шагов незнакомого зверя. Он был ростом с леопарда, красноватой масти, с круглыми черными пятнами на спине и боках. Огромные глаза горели ярче, чем у тигра. Четыре клыка, очень длинных и очень острых, торчали из его пасти, словно сабли. Весь облик зверя свидетельствовал о стремительности и силе.

Ун и Зур понимали, что перед ними зверь из породы плотоядных, но он не напоминал им ни одного из тех хищников, которые встречались по ту сторону гор. Однако вид его не вызывал у юношей больших опасений. Ведь с помощью копья, палицы и дротиков Ун всегда выходил победителем из схватки со зверями одного с ним роста. Он был так же силен и стремителен в борьбе, как Нао, победитель косматых братьев, серого медведя и тигрицы.

Он крикнул:

— Ун не боится красного зверя!

Новый рев, еще более отрывистый и пронзительный, удивил молодых воинов.

— Голос его больше, чем он сам! — заметил Зур.— А зубы острее и больше, чем у всех других пожирателей мяса.

— Ун убьет его ударом палицы!

Внезапно зверь сделал прыжок длиной в двадцать шагов. Нагнувшись над обрывом, Ун увидел другого зверя огромного роста, трусившего рысцой у подножия скалы. У него была гладкая, серая, лишенная волос кожа, толстые, как ствол молодого тополя, ноги и огромная тупая морда. Это был гиппопотам-самец, спешивший как можно скорее добраться до реки. Но махайрод — саблезубый тигр — на каждом повороте преграждал ему путь. Гиппопотам останавливался и угрожающе ворчал, разевая свою широкую пасть.

— Красный зверь слишком мал, чтобы убить гиппопотама,— сказал Ун. Гиппопотам следил за происходящим, не говоря ни слова. Внезапно махайрод сделал гигантский прыжок. Его гибкое красноватое тело упало на спину гиппопотама, длинные когти вонзились в могучий затылок. Толстокожий гигант, громко крича от боли, устремился к реке. Но острые, словно сабли, зубы хищника уже разорвали его твердую, как дерево, кожу и впились в мясо. Рана на огромной шее росла.

В первые минуты гиппопотам ускорил свой бег. Он не ревел больше; вся энергия его была направлена к одной цели: достичь как можно скорее реки. Там, погрузившись в родные глубокие воды, он залечит свою рану и снова вернется к жизни. Массивные ноги зверя топтали траву, и, хотя тяжелое туловище качалось из стороны в сторону, он мчался вперед с быстротой дикого кабана...

Река была уже близко. Ее влажные испарения, казалось, придали новые силы толстокожему великану. Но безжалостные клыки все глубже впивались в его шею, края раны расширялись, кровь текла обильнее... Вот гиппопотам пошатнулся; его короткие толстые ноги задрожали. Предсмертный хрип вырвался из чудовищной пасти...

Гиппопотам уже достиг прибрежных зарослей тростника, как вдруг внезапное головокружение заставило его остановиться. Медленно, очень медленно гигантская туша повернулась вокруг себя; затем побежденный с глухим коротким ревом рухнул на землю. И тогда махайрод, приподнявшись на своих упругих лапах, издал победный, торжествующий крик, от которого обратились в бегство проходившие вдали буйволы, и принялся пожирать добычу.

Ун и Зур молчали, подавленные. Они чувствовали приближение ночи хищников и смутно догадывались, что земля, на которую они вступили,— более древняя, чем та, по которой кочевали до сих пор уламры. И в этой стране сохранились еще животные, жившие в ту отдаленную эпоху, когда на Земле появились первые люди.

Мрачные тени прошлого, казалось, приближались к юношам вместе с последними отблесками гаснущей зари, а древняя река катила свои багровые воды вдаль, через необозримую равнину.

III

Огонь в ночи

Восемь дней понадобилось Уну и Зуру, чтобы пополнить запас оружия. Осколки кремней и острые зубы убитых животных служи-

ли наконечниками для дротиков. Каждый изготовил себе копье, заканчивающееся острым рогом, и метательный снаряд, с помощью которого можно было метать на большое расстояние дротики и копья. И, наконец, из дубового ствола они вырезали себе две массивные палицы. Та, которую взял Ун, была настолько тяжелой, что могла служить защитой от самых крупных хищников.

Кончив работу, Ун и Зур спустились со скалистого обрыва на равнину и, очутившись в саванне, почувствовали себя окончательно отрезанными от родного становища, затерявшегося где-то позади, далеко в горах.

Местность вокруг изобиловала дичью. Достаточно было ненадолго спрятаться в густой траве, чтобы подстеречь дикую козу, аксиса[1] или сайгу. Но Ун никогда не убивал травоядных без нужды. Животное растет медленно, а человек должен есть каждый день. Когда у племени было много пищи, Нао, вождь уламров, запрещал охоту.

Ун и Зур встречали на каждом шагу столько нового, что не переставали удивляться. Они с интересом рассматривали огромного гавиала[2] с невероятно вытянутой мордой; видели, как он покачивается, неподвижный, на поверхности реки или подстерегает добычу где-нибудь на островке либо в прибрежных камышах.

Дриопитеки[3] с их черными руками и человекообразными телами выглядывали из густых ветвей. Дикие быки — гауры — бродили стадами, мощные, словно бизоны, потрясая массивными рогами, способными разорвать грудь тигру и пригвоздить к земле льва. Черные гаялы[4] подставляли солнцу свои мощные тела с выпуклыми загривками. Гепарды то появлялись, то исчезали на опушках лесных чащ. Стая волков, преследуя антилопу-нильгау[5], пробегала вдали, быстрая и зловещая. Дикие собаки — дхоли,— уткнувшись носами в землю, выслеживали добычу или, подняв вверх острые морды, прерывисто выли. Порой перепуганный тапир выскакивал из своего логова и скрывался в тесном лабиринте баньяновых ветвей.

Ун и Зур с расширенными ноздрями, напрягая зрение и слух, осторожно продвигались вперед, стараясь не наступить на кобр, скрывающихся в густой траве, и не разбудить крупных хищников, спящих в своих логовищах или в бамбуковой чаще. Но кругом все было тихо; лишь леопард показался около полудня в углублении скалы. Зеленые глаза его пристально смотрели на приближавшихся людей.

---

[1] *Аксис* — красивый белопятнистый олень с длинными трехконечными рогами. Живет стадами в лесах вблизи воды. Распространен в Индии и Кохинхине.

[2] *Гавиал* — крокодил с узким, очень длинным рылом, вздутым на конце. В настоящее время в Индии в крупных реках встречается гигантский гавиал длиной до шести метров. Помимо гавиалов в Индии живут и настоящие крокодилы.

[3] *Дриопитеки* — ископаемые человекообразные обезьяны, жившие в Европе, Южной Азии и Северной Африке.

[4] *Гаял*, или *гайал*,— дикий бык крепкого телосложения с массивными рогами. В настоящее время распространен в гористых местностях Индии.

[5] *Нильгау* — один из видов антилоп. Живет небольшими стадами в негустых лесах и редких джунглях Индии.

Ун, выпрямившись во весь свой исполинский рост, поднял тяжелую палицу. Но Зур, вспомнив махайрода, удержал руку друга:

— Сын Быка не должен еще сражаться!

Ун понял мысль Зура. Если махайрод оказался опаснее льва, то леопард в этой неведомой стране мог быть сильнее тигра. Нао, Фаум и старый Гун — самый старший среди уламров, всегда внушали молодым охотникам, что осторожность так же необходима воину, как и храбрость. Надо сначала узнать врага. Однако сын Быка не сразу опустил свою палицу. Он крикнул:

— Ун не боится леопарда!

Но хищник не двинулся с места, и люди беспрепятственно продолжали путь.

Они искали удобное место для ночлега. В этой знойной стране, где ночи, по всей вероятности, кишат хищниками, даже огонь костра не смог бы уберечь путников от грозящей со всех сторон опасности. Уламры хорошо знали, как важно для человека удобное и безопасное жилье. Они умели устраивать у входа в пещеру завалы из каменных глыб, стволов и веток деревьев; могли соорудить убежище на открытом месте или под защитой нависающих скал.

За весь день пути Уну и Зуру не удалось обнаружить на берегу подходящего для ночлега места, и к вечеру они отдалились от реки. Уже показывались первые звезды, когда путники решили, наконец, остановиться у подножия крутого холма, поросшего редким кустарником и чахлой травой. Выбрав отвесный склон, сложенный из сланцевых плит, Ун и Зур расположились около него, разложив перед собой костер полукругом. Каждый должен был бодрствовать по очереди. Ун, у которого слух был острее, а обоняние тоньше, решил стать на стражу первым, потому что первая часть ночи всегда таит в себе наибольшую опасность.

Ленивый ветерок доносил до ноздрей уламра терпкие запахи зверей и нежный аромат ночных растений. Все чувства юноши были напряжены; сознание неутомимо отмечало ночные шорохи, движения и запахи.

Первыми появились шакалы. Они подкрадывались неуверенными шагами; движения их гибких тел были полны изящества. Огонь костра и притягивал и пугал их. Они замирали на месте, затем, легко царапая землю острыми коготками, приближались к невиданному чуду. Длинные тени вытягивались за ними; в блестящих глазах отражалось багровое пламя, острые уши чутко прислушивались к ночным звукам. Малейшее движение Уна заставляло их отступать в темноту, слабо повизгивая.

Ун не боялся шакалов. Но их резкий запах мешал ему, заглушая запахи других хищников.

Чтобы не тратить зря дротики, Ун набрал пригоршню камней и стал кидать их через костер. Первый же брошенный им камень заставил шакалов разбежаться.

Затем показались дхоли. Голод придавал им смелость и делал этих небольших зверей опасными. Они бродили стайками, иногда внезапно останавливались или кидались в сторону с глухим ворча-

нием, которое передавалось от одного к другому, как будто звери переговаривались между собой. Пламя костра остановило их. Любопытные, подобно шакалам, дхоли жадно принюхивались к запаху жареного мяса и человеческих тел.

Когда Ун кидал камни, передние ряды дхолей отступали и сбивались в кучу; угрожающий вой раздавался во мраке. Звери упорствовали: отступив на недосягаемое для камней расстояние, они выслали вперед разведчиков, которые упрямо искали подступы к добыче. Промежуток, остававшийся между краем костра и сланцевой стеной, был для них слишком узким. Однако дхоли все время возвращались к нему с терпением, которое способно было довести до отчаяния. Иногда они делали вид, что бросаются в атаку, в то время как часть стаи, отправившаяся в обход холма, угрожающе выла за спиной людей, надеясь вызвать среди них панику.

Постепенно возвращались шакалы, более осторожные, держась на почтительном расстоянии от дхолей. Но и те и другие отступили перед двенадцатью волками, появившимися с восточной стороны, а затем разбежались, давая дорогу гиенам. Гиены трусили неторопливой рысцой; их покатые спины судорожно подергивались. Изредка раздавался отвратительный крик, напоминающий пронзительный старушечий хохот.

Две карликовые летучие мыши бесшумно кружились над головой Уна. Большой крылан, по размаху крыльев не уступающий орлу, парил под звездами. Привлеченные пламенем костра, мириады ночных бабочек летели прямо в огонь; ночные насекомые, шелестя крыльями, носились тучами в багровом дыму и, обезумев, сыпались дождем на горящие угли. Из густых ветвей баньяна выглядывали головы двух бородатых обезьян. Болотная сова стонала на соседнем холме. Птица-носорог высовывала свой огромный клюв из-за перистых листьев пальмы.

Тревожные мысли осаждали сына Быка. Со всех сторон он видел разверстые пасти, оскаленные клыки и горящие, словно угли, глаза хищников...

Смерть грозила молодым воинам отовсюду. Хищников здесь собралось достаточно, чтобы уничтожить по крайней мере пятьдесят человек. Сила дхолей заключалась в их численности; челюсти гиен по мощности не уступали тигриным. У волков были сильные лапы и мускулистые загривки. И даже шакалы с их острыми собачьими мордами могли бы растерзать Уна и Зура за то короткое время, пока на костре успеет сгореть тоненькая веточка. Но страх перед огнем останавливал изголодавшихся зверей. Они терпеливо ждали случая, который помог бы им. Время от времени между хищниками вспыхивала вражда. Если волки принимались рычать, шакалы тотчас же скрывались в темноте; но дхоли оставались на месте и лишь угрожающе разевали свои красные пасти. И все вместе они уступали дорогу гиенам.

Гиены обычно не нападали на людей. Они не любили рисковать и довольствовались неподвижной или обессилевшей добычей. И все же они не уходили далеко от костра, удерживаемые необычным

скоплением других хищников и странным, таинственным светом, который, казалось, исходил прямо из земли.

Наконец в кругу зверей появился леопард, и Ун разбудил Зура. Хищник присел на задние лапы впереди дхолей. Его желтые глаза внимательно разглядывали языки пламени, а за ними — высокие, прямые фигуры людей.

Возмущенный наглостью зверя, Ун крикнул:

— Сын Быка убил трех леопардов!

Хищник вытянул вперед когтистые лапы, потянулся своим гибким телом и угрожающе зарычал. Он был высок ростом, значительно крупнее тех пятнистых леопардов, с которыми молодому уламру приходилось встречаться по ту сторону гор. Под шелковистой густой шерстью угадывались могучие мускулы. Зверь мог бы без труда перемахнуть через костер и очутиться у сланцевой стены, рядом с людьми. Встревоженный и недоумевающий, он пытался понять, что за странные двуногие существа скрываются под защитой огня. Запах и внешний облик этих существ напоминали гиббона, но гиббон меньше ростом, и у него совсем иная манера держаться. В багровых отблесках пламени неведомые существа казались более высокими, чем дикий бык — гаур. Их движения, необычный вид и странные предметы, которые непонятным образом удлиняли их передние конечности,— все это заставляло леопарда сохранять осторожность. К тому же он был один, а ему противостояли двое.

Ун крикнул еще громче; его голос прозвучал, как голос могучего противника... Леопард отполз влево, остановился в нерешительности перед узким проходом, который отделял край костра от сланцевой стены, затем обошел холм кругом. Камень, брошенный Уном, ударил его по голове. Яростно мяукнув, леопард припал к земле, как бы готовясь к прыжку, судорожно царапнул землю когтями — и повернул к реке. Часть шакалов последовала за ним.

Между тем и волки и дхоли уже проявляли признаки усталости. Гиены, постепенно расширяя круг своих поисков, лишь изредка появлялись в дрожащих отсветах пламени...

Внезапно все хищники насторожились. Ноздри их тревожно втягивали воздух, морды повернулись к западу, острые уши встали торчком. Короткий рев разорвал тишину и заставил вздрогнуть людей в их ненадежном убежище. Чье-то гибкое тело взвилось из темноты и упало на землю перед самым костром. Дхоли испуганно попятились; волки застыли в тревожном напряжении. Гиены поспешно вернулись в круг; две виверры[1] жалобно кричали во мраке.

Ун и Зур узнали красноватую масть зверя и его страшные саблевидные клыки...

Хищник присел перед огнем. Ростом он ненамного превосходил леопарда и казался даже ниже самой большой гиены. Но какая-то таинственная сила, безмолвно признаваемая всеми остальными зверями, казалось, исходила из всех его движений.

---

[1] *Виверры* — хищные зверьки средних размеров, в большинстве — ночные животные.

Ун и Зур держали оружие наготове. Сын Быка взял в правую руку копье; палица лежала у его ног. Менее сильный Зур предпочел вооружиться дротиком. Оба отчетливо понимали, что махайрод гораздо сильнее тигра и, быть может, так же опасен, как тот лев-великан, от которого едва спаслись когда-то Нао, Нам и Гав во время своих странствований в стране людоедов. Они знали, что махайрод может одним прыжком покрыть расстояние в двадцать шагов, которое отделяло его сейчас от их убежища. Но огонь удерживал хищника. Гибкий хвост извивался по земле; яростный рев потрясал воздух... Мускулы обоих людей напряглись и стали твердыми, словно гранит.

Ун взмахнул копьем и нацелился... Махайрод отпрянул в сторону — и копье осталось в руке Уна. Зур пробормотал:

— Если копье заденет зверя, он бросится на нас, забыв про огонь!

Ун был так же ловок и силен, как сам Нао. Но и он не смог бы, метнув копье с расстояния в двадцать шагов, нанести столь крупному хищнику смертельную рану. Он послушался Зура и стал ждать.

Махайрод снова приблизился к пылающему костру. Он подошел так близко, что от людей его отделяло не более пятнадцати шагов. Теперь Ун и Зур могли хорошо рассмотреть хищника. Шерсть на груди его была светлее, чем на спине и боках, страшные зубы сверкали, словно обнаженные клинки, глаза горели фосфорическим блеском.

Два острых выступа скалы мешали махайроду прыгнуть на людей. Но и люди не могли поэтому метнуть копье или дротик с достаточной точностью.

Чтобы сделать прыжок, махайроду надо было продвинуться еще по крайней мере на три шага. Он шагнул вперед, в последний раз внимательно всматриваясь в своих неведомых противников. Грудь зверя вздымалась от всевозрастающей ярости; он как бы угадывал стойкость и мужество этих странных двуногих существ...

Внезапно ряды дхолей пришли в смятение. Волки бросились врассыпную, гиены отступили под защиту баньяновых зарослей. В бледном свете звезд среди деревьев обозначились очертания огромного животного, которое приближалось, неуклюже покачиваясь. Скоро в красноватом свете костра появилась широкая, тупая морда, на конце которой возвышался рог, более длинный и крепкий, чем у буйвола. Шкура зверя напоминала кору старого дуба; толстые, как бревна, ноги поддерживали тяжелое туловище. Близорукий, надменный и безрассудный в своей слепой ярости зверь продвигался неторопливой рысцой. Все живое уступало ему дорогу. Волк, в панике метнувшийся под ноги носорогу, был раздавлен, словно козявка. Ун знал, что та же участь постигла бы пещерного медведя и льва, очутившихся на пути чудовища. Казалось, даже огонь не в силах преградить дорогу зверю. И, однако, он остановил колосса. Могучее туловище закачалось перед пылающими головнями; маленькие глазки расширились; страшный рог был нацелен в пространство.

Махайрод очутился перед носорогом.

Вытянув туловище, словно гигантское пресмыкающееся, прижавшись грудью к земле, хищник зарычал протяжно и угрожающе. Смутное предчувствие опасности быстро сменилось у носорога приступом слепой ярости. Ни одно живое существо не осмеливалось преграждать ему дорогу ни в степи, ни в джунглях, ни на песчаных равнинах. Тот, кто не успевал спастись бегством, был обречен на гибель.

Страшный рог нацелился на красного зверя. Чудовищные ноги снова пришли в движение. Это был смерч, сметающий все на своем пути... Только гранитная стена или колоссальная сила мамонта могли остановить его. Еще два шага — и махайрод был бы растоптан. Но хищник молниеносно отпрянул в сторону. Носорог пронесся мимо. И в ту же минуту махайрод очутился у него на спине. Хрипло рыча, красный зверь вцепился всеми четырьмя лапами в твердую кожу и принялся за свою страшную работу...

Много тысячелетий назад далекие предки махайрода уже хорошо знали, где находится у носорога та артерия, которую надо перегрызть. Она была здесь, под складками грубой кожи, более толстой, чем кора старых кедров, и более твердой, чем панцирь черепахи, непроницаемой для зубов тигра и самого сильного из тогдашних хищников — пещерного льва. Только эти длинные, острые, как сабли, клыки могли прорвать кожу чудовища, проникнуть глубоко в его тело...

Кровь брызнула фонтаном вышиной в локоть.

Огромное животное тщетно пыталось сбросить со своей шеи крепко вцепившегося хищника. Не достигнув цели, носорог внезапно упал на бок и покатился по земле.

Но махайрод был начеку. Яростно зарычав, он отскочил в сторону, как бы бросая вызов этой страшной силе, которая в двадцать раз превосходила его собственную. Безошибочное чутье подсказывало хищнику, что жизнь покидает носорога вместе с потоком горячей крови, струившейся из зияющей на шее раны... Надо было только выждать.

Носорог с усилием поднялся на ноги и пошатнулся. И тогда дхоли, гиены, шакалы, волки и виверры с жадным урчанием придвинулись к месту битвы.

Побежденный колосс уже был для всех этих мелких хищников лишь гигантской грудой свежего мяса, достаточной для того, чтобы каждый из них мог насытиться. Махайрода, как и всех других крупных плотоядных, всегда сопровождали целые орды мелких хищников, питавшихся остатками его добычи.

Еще одно, последнее усилие... Чудовищный рог устремляется в сторону противника. Хриплый рев оглашает окрестность. Мощное туловище содрогается в предсмертной агонии. Затем наступает конец: поток крови слабеет и останавливается. Жизнь покидает огромное тело — и носорог, словно каменная глыба, рушится на землю.

Махайрод, раздирая когтями тушу, пожирает теплое мясо. Шакалы жадно лижут кровь, разбрызганную по земле, а дхоли, гиены, волки и виверры смиренно ждут, когда красный зверь насытится.

IV

Люди и красный зверь

После гибели носорога Ун и Зур подбросили сучьев в костер, и Ун улегся спать, охраняемый своим другом. Смерть уже не грозила им; страшное кольцо оскаленных морд и острых клыков сомкнулось теперь вокруг поверженного гиганта. Зур мог наблюдать, как звезды, которые в начале ночи горели над верхушками эбеновых деревьев, теперь спускались к реке. Менее отважный, чем Ун, сын Земли чувствовал, как его со всех сторон обступают неведомые опасности этой древней страны, где хищник ростом чуть выше леопарда способен одержать победу над таким чудовищем, как носорог...

Победитель насыщался долго. Ущербная луна в последней своей четверти поднялась из-за противоположного берега реки, когда махайрод отошел наконец от растерзанной туши. И в ту же минуту обезумевшие от долгого ожидания волки, гиены, шакалы и дхоли с дикими воплями, отталкивая друг друга, кинулись к брошенной хищником добыче. Казалось, они сейчас перегрызутся. Затем наступила тишина; звери словно заключили перемирие.

На мгновение махайрод повернул голову и взглянул на них полузакрытыми, сонными глазами, утомленный и сытый, с отяжелевшими челюстями. Внезапно он очнулся, сделал несколько шагов по направлению к огню, к этим странным двуногим существам, которые безотчетно раздражали его; но затем раздумал и, исполненный сознания своей непобедимой силы, растянулся прямо посреди поляны и заснул.

Зур недоверчиво рассматривал спящего хищника. Он спрашивал себя: не следует ли им с Уном воспользоваться тем, что зверь спит, и бежать. Но, поразмыслив, решил, что махайрод будет, вероятно, спать долго, и не стал будить Уна.

Постепенно уменьшаясь в размере, луна поднялась высоко в небе; в сиянии ее потускнели яркие звезды. Туша носорога стала заметно меньше; зубы хищников работали все с тем же усердием. При первых признаках утра человек без плеч дотронулся до груди уламра.

— У нас нет больше дров,— сказал он.— Огонь гаснет, а красный зверь спит. Уну и Зуру надо уходить.

Огромный уламр встал на ноги и осмотрелся. Он увидел махайрода, неподвижно лежащего в двухстах шагах от их убежища, и ярость закипела в нем. Он вспомнил, как рычал хищник, присев перед пылающим костром, как его страшные зубы вонзились в шею толстокожего гиганта.

— Не следует ли Уну убить зверя, пока он спит? — вполголоса спросил уламр.

— Он проснется прежде, чем будет нанесен удар,— ответил Зур.— Лучше обойти холм и уйти.

Ун колебался. Бегство представлялось ему чем-то унизительным. Ни Фаум, ни Нао не потерпели бы, чтобы такой небольшой с виду хищник подстерегал их, как добычу, целую ночь.

— Нао убил тигрицу и серого медведя,— сказал он мрачно.

— И тигрица и серый медведь обратились бы в бегство перед носорогом.

Ответ Зура охладил воинственный пыл молодого уламра. Он приладил на плече копье, метательный снаряд и дротики, взял в руки массивную палицу. Бросив последний взгляд на спящего хищника, молодые воины поднялись на вершину холма и спустились с противоположной стороны. Хмурые, плохо выспавшиеся, они шли молча, с тоской вспоминая о далеком родном становище, затерявшемся по ту сторону гор.

День занимался. Небо на востоке побледнело; голоса хищников замолкли на берегах реки; травы и кустарники казались совершенно неподвижными...

Внезапно рычание разорвало утреннюю тишину. Ун и Зур обернулись и увидели махайрода. Что-то — может быть, уход людей — разбудило его, и он бросился в погоню за этими странными существами.

— Уну следовало убить красного зверя, пока тот спал! — сказал с досадой уламр, снимая с плеча копье.

Зур молча опустил голову, сознавая, что на этот раз его осторожность оказалась пагубной. Он умоляюще посмотрел на Уна. Но молодой уламр не был злопамятен. Его широкая грудь уже вздымалась от волнения при мысли о предстоящей схватке. Ведь Зур был как бы частью его самого. Они стояли плечом к плечу, и Ун испустил свой боевой клич:

— Сын Быка и сын Земли пронзят красного зверя копьем и размозжат ему кости!

Махайрод не торопился нападать. Заметив, что двуногие существа остановились, он тоже замер на месте. Хищник видел, как люди сняли с плеч метательные снаряды и дротики, заметил, что их передние конечности странно удлинились.

Так же, как и прошлой ночью, их членораздельная речь изумляла его. Он стал обходить противников, не приближаясь к ним.

— Красный зверь боится людей! — торжествующе крикнул Ун, потрясая одновременно копьем и палицей.

Злобное рычание ответило ему. Махайрод сделал два огромных прыжка. Но, прежде чем ему удалось прыгнуть третий раз, Ун и Зур метнули в него дротики. Один впился хищнику в бок, другой — в затылок. Разъяренный болью, махайрод кинулся на людей. Ун метнул копье; оно вонзилось между ребрами зверя. Но копье, брошенное Зуром, лишь оцарапало твердый, словно кремень, череп. Хищник очутился рядом с ними.

Одним ударом могучей лапы он повалил Зура на землю и вонзил ему в грудь свои страшные клыки. Ун обрушил на хищника тяже-

лую палицу, но удар пришелся в пустоту: махайрод успел отскочить в сторону. Хищник снова прыгнул; Ун отпрянул влево и снова взмахнул палицей, однако тяжелый дубовый комель лишь скользнул по плечу зверя. Махайрод упал на Уна, опрокинул его навзничь и, не удержавшись, покатился вместе с ним по земле. Но прежде чем хищник снова бросился на него, уламр успел подняться на одно колено. Зур слабеющей рукой кинул в зверя топор, и в то же мгновение Ун, держа палицу обеими руками, со страшной силой обрушил ее на голову махайрода... Раздался глухой треск; хищник, словно ослепленный, закружился на месте. Второй удар перебил ему шейные позвонки. Тогда Ун принялся наносить удар за ударом по ребрам зверя, по могучим лапам, по страшным челюстям...

Он остановился только тогда, когда бездыханное тело перестало вздрагивать...

Слабым и хриплым голосом Зур пролепетал:

— Ун убил красного зверя... Ун сильнее Фаума... Ун так же могуч, как Нао, который отнял огонь у племени людоедов!

Слова друга опьянили Уна. Ноздри молодого уламра раздувались от гордости.

— Сын Быка будет великим вождем среди людей,— прерывающимся голосом прошептал Зур.

Жалобный стон сорвался с его губ; лицо стало серым, словно глина, и человек без плеч потерял сознание. Видя, что кровь ручьем течет из груди раненого, Ун взволновался так, словно это была его собственная кровь. В памяти вихрем пронеслись бессвязные картины прошлого, долгие годы, прожитые вместе с Зуром. Он снова увидел леса, песчаные равнины, непроходимые чащи, болота и реки, где они бродили вместе и каждый был для другого надежной защитой...

Набрав свежей травы и сочных листьев, Ун растер их на камне и приложил к ранам друга. Веки Зура дрогнули и приподнялись. Он удивился, что лежит на земле, и стал озираться по сторонам, думая увидеть поблизости огонь костра. Потом, вспомнив все происшедшее, повторил слова, которые произнес перед тем, как потерять сознание:

— Ун будет великим вождем среди людей! — Затем, чувствуя слабость и боль, жалобно добавил: — Красный зверь разорвал грудь Зуру...

Ун продолжал перевязывать раны товарища. Огромный диск солнца поднялся из-за Большой реки. Ночные хищники исчезли. Обезьяны суетились среди густых ветвей; белоголовые вороны кружили над остовом носорога; два грифа парили в вышине. Травоядные просыпались от ночного сна. Опасное время миновало: страшные хищники, пожиратели всего живого, крепко спали в своих логовищах.

Однако дневные часы также опасны для человека, если солнечный свет нестерпимо ярок и палящий зной сжигает землю. Нужно было перенести Зура в безопасное место, в тень.

Ун, как и все уламры, считал пещеру самым надежным убежи-

щем. Он принялся внимательно разглядывать простиравшуюся вокруг них местность, надеясь обнаружить где-нибудь скалистую гряду или утес. Но кругом, насколько хватал глаз, лежала ровная степь, лишь изредка перемежавшаяся зарослями кустарников, небольшими пальмовыми рощами, купами баньянов, островками эбеновых деревьев или бамбуков.

Тогда, укрепив повязку из листьев и трав на груди Зура, Ун взвалил его на спину и пустился в путь. Идти было трудно: кроме раненого приходилось нести на себе и все оружие. Но Ун унаследовал богатырскую силу Фаума и Нао.

Он шел долго, упрямо борясь с усталостью.

Время от времени молодой уламр останавливался, опускал Зура на землю в тени дерева и, не теряя его из виду, взбирался на ближайший пригорок или большой валун, чтобы оглядеть местность.

Жара становилась нестерпимой, а вокруг по-прежнему не было видно ничего похожего на скалу или другую возвышенность.

— Зур хочет пить,— тихо сказал человек без плеч, дрожа от лихорадки.

Ун направился к реке. В этот знойный час она казалась пустынной. Лишь кое-где можно было заметить гавиала, вытянувшего свое длинное чешуйчатое тело на песчаном островке, или гиппопотама, показавшегося на мгновение среди мутных, желтоватых волн.

Могучая река несла в бесконечную даль свои щедрые воды, дарившие жизнь тысячелетним деревьям, неутомимым травам и бесчисленному множеству живых существ. В вечном движении, как и сама жизнь, она неустанно гнала вперед буйные полчища волн, низвергая их через пороги и водопады.

Ун зачерпнул пригоршнями воды и напоил раненого. Потом спросил с тревогой:

— Зур сильно страдает?

— Зур очень слаб. Зур хотел бы уснуть...

Мускулистая рука Уна тихо легла на горячий лоб друга.

— Ун построит убежище.

Кочуя в лесах, уламры обычно устраивали на ночь укрытия из переплетенных ветвей. Ун принялся отыскивать крепкие лианы, обрубая их острым каменным топором. Затем выбрал три пальмы, которые росли рядом на пригорке, сделал топором зарубки на их гладкой коре и плотно переплел промежутки между стволами гибкими стеблями лиан. Получилось подобие треугольного шалаша, стены которого были упругими и прочными.

Ун работал с ожесточением весь остаток дня. Когда он позволил себе наконец короткий отдых, на реку уже ложились длинные, вечерние тени. А ему еще надо было перекрыть шалаш толстыми крепкими лианами, способными выдержать тяжесть крупного хищника на тот короткий срок, который нужен охотнику для того, чтобы распороть зверю брюхо топором или вонзить ему острие копья прямо в сердце.

Зур продолжал метаться в жару. Временами он впадал в забытье и, внезапно очнувшись, бормотал отрывистые, бессвязные

слова. Когда же сознание возвращалось к сыну Земли, он внимательно следил за работой Уна, подавая другу дельные советы, потому что люди без плеч были более искусными строителями, чем уламры.

Отдохнув немного, Ун подкрепился холодным мясом, зажаренным накануне, и снова принялся за работу. Он приладил к шалашу крышу из густо переплетенных лиан и соорудил с помощью двух толстых веток нечто вроде двери, которая должна была закрывать входное отверстие.

Солнце коснулось верхушек самых больших эбеновых деревьев, когда люди укрылись, наконец, в своем зеленом убежище. В просветы между лианами хорошо видна была Большая река, протекавшая на расстоянии трехсот шагов от хижины.

В этот прохладный вечерний час река была полна жизни. Чудовищные гиппопотамы поднимались со своих подводных пастбищ и выходили на сушу.

Большое стадо гауров утоляло жажду на противоположном берегу. В речных струях резвились дельфины с острым, словно клюв, рылом. Крокодил внезапно выполз из густых зарослей тростника и схватил желтоголового журавля. Макаки-резусы прыгали, словно одержимые, среди ветвей. Пестрые фазаны, сверкая золотым, изумрудным и сапфировым оперением, садились на землю близ тростниковых зарослей. Белые цапли летали, подобно хлопьям снега, над цветущими островками. Иногда охваченное паникой стадо антилоп-нильгау или оленей-аксис проносилось вдали, преследуемое стайкой дхолей либо четой гепардов.

Но вот у водопоя появились дикие лошади с расширенными от вечного страха глазами. Жизнь этих животных полна тревог и опасностей, мускулы всегда напряжены. Они двигались резкими скачками, нервно насторожив уши; каждый шорох заставлял их вздрагивать. Несколько гаялов важно шествовали по опушке бамбуковой рощицы.

Вдруг страх овладел всеми животными: затрепетав, они огромными прыжками унеслись прочь. Пять львов спускались к водопою.

В полном одиночестве подошли хищники к берегу. Один только крокодил, пожиравший свою добычу, не обратил внимания на львов. Казалось, он даже не заметил их появления. Его огромное тело, покрытое жесткой чешуей и твердое, как ствол платана, с тупой мордой и неподвижными, словно стеклянными, глазами, напоминало скорее обломок скалы, чем живое существо. Однако смутное чувство опасности заставило и его повернуть голову к неожиданным пришельцам. Мгновение крокодил колебался, затем, схватив добычу, погрузился с ней в воду.

Густые гривы украшали шеи двух львов. Это были самцы — коренастые и плотные, с головами, будто высеченными из камня. Львицы были ниже ростом, с гибкими и удлиненными телами. У всех пятерых были широко открытые желтые глаза, способные глядеть вперед, в одну точку, подобно глазам человека.

Хищники смотрели, как убегают от них вдаль тучные стада тра-

воядных. Они остановились на пригорке и протяжно, хрипло зарычали.

Громовые голоса самцов прокатились над широкой гладью Большой реки, заставив задрожать всех ее обитателей. Панический страх овладел всеми живыми существами в баньяновых и пальмовых рощах, в зарослях тростника, в глубоких заводях и на песчаных отмелях Большой реки. Обезьяны исступленно кричали в чаще ветвей.

Излив свой гнев и досаду, хищники продолжали путь. Самцы ловили расширенными ноздрями слабый ветерок; львицы, более нетерпеливые, обнюхивали землю. Вдруг одна из них почуяла запах людей и, припав к земле, поползла к шалашу, наполовину скрытому высокими травами. Две другие львицы последовали за ней, в то время как самцы задержались позади.

Ун смотрел на приближавшихся хищников. Каждый из них был по крайней мере в пять раз сильнее человека; его когти — острее дротиков с костяными наконечниками, а клыки — сокрушительнее каменных топоров и деревянных копий. На мгновение Уна охватил страх от сознания, что он один.

Зур поднял голову. Ужас перед хищниками смешивался в его душе с горькой мыслью о том, что он не может ничем помочь Уну в предстоящей схватке.

Первая львица была уже близко. Не разобрав, что за странные существа скрываются среди густо переплетенных лиан, она принялась кружить вокруг убежища. Теперь, когда львица была рядом, Ун больше не боялся ее. Кровь сотен поколений воинов и охотников, которые умирали в когтях у хищников, сражаясь до последнего вздоха, бурлила в его жилах; глаза горели так же ярко, как у львицы. Потрясая топором, он бросил вызов свирепым хищникам:

— Ун вырвет у львов внутренности!

Зур сказал:

— Пусть сын Быка будет осторожен! Раненый лев забывает о страхе смерти. Надо поражать его копьем прямо в ноздри, когда он подойдет достаточно близко!

Ун почувствовал в словах друга всю мудрость племени ва и опустил топор. Хитрая усмешка скользнула по его лицу.

Замерев на месте, львица старалась рассмотреть неведомое существо, обладающее столь мощным голосом. Один из самцов зарычал; за ним — другой. Ун ответил протяжным боевым кличем. Теперь все хищники стояли перед хижиной. Они хорошо знали силу своих мускулов и преимущество совместной охоты. И все же звери не спешили нападать.

Существа, бросившие им столь дерзкий вызов, продолжали оставаться невидимыми, и это смущало хищников.

Наконец одна из львиц, самая молодая, решила перейти в наступление. Она подошла ближе, обнюхала хижину и ударила лапой по сплетенным лианам. Зеленая стена прогнулась, но выдержала удар. И в ту же минуту острый конец копья с силой ударил хищницу по ноздрям. Львица отскочила назад, мяукая от ярости и боли;

остальные смотрели на нее с тревожным удивлением. Мгновение звери стояли неподвижно; казалось, они забыли про людей. Затем один из самцов, зарычав, сделал гигантский прыжок и очутился на крыше хижины, которая провисла под его тяжестью.

Ун пригнулся. Он ждал. И, когда страшная морда оказалась на расстоянии протянутой руки, сын Быка трижды, раз за разом, нанес удар по ноздрям хищника. Обезумев от боли, ослепленный кровью, лев упал с крыши и покатился по земле. Скатившись с пригорка, он пополз прочь и исчез в густой траве.

— Если лев осмелится прыгнуть еще раз, Ун выколет ему глаза! — угрожающе крикнул уламр.

Но хищники стояли в нерешительности. Скрытые среди лиан существа казались им все более загадочными и опасными. Их манера сражаться и голоса не напоминали ни одно из тех живых существ, которых львы подстерегают в засаде или убивают возле водопоя. Удары, наносимые этими странными существами, были нестерпимо болезненными.

Опасаясь близко подходить к хижине, львы все же оставались на месте. Скрытые в высокой траве или под ветвями могучих баньянов, хищники ждали, страшные в своем равнодушном терпении. Временами один из них спускался к реке напиться.

Снова стали появляться травоядные, правда, на большом расстоянии. Берега Большой реки кишели пернатыми. Черноголовые ибисы выделялись своим белоснежным оперением на темном фоне речных заводей. Длинноногие марабу смешно приплясывали на зеленых островках. Бакланы внезапно кидались в воду и ныряли. В густых камышах прятались выводки нырков. Стайки журавлей с шумом проносились над скопищами белоголовых вóронов. Попугаи, скрытые среди пальмовых листьев, пронзительно кричали...

Но вот с запада донесся глухой, постепенно усиливающийся гул. Один из львов повернул голову и прислушался. Львица, затрепетав, вскочила на ноги. Все хищники глухо зарычали.

Ун, в свою очередь, напряг слух. Ему показалось, что он слышит тяжелую поступь большого стада. Но внимание уламра было попрежнему приковано к окружавшим хижину хищникам. Возбуждение зверей возрастало. Они снова приблизились к хижине и бросились на нее все разом. Голос Уна остановил их.

Снова послышался глухой гул, исходивший, казалось, из самых недр земли.

Молодой уламр понял, что какое-то огромное стадо приближается к водопою. Он подумал о бизонах, населявших широкие равнины по ту сторону гор; затем о мамонтах, с которыми заключил союз Нао во время своего пребывания в стране людоедов... Трубный звук донесся издалека.

— Это мамонты! — уверенно сказал Ун.

Дрожа от лихорадки, Зур тоже вслушивался в далекий гул.

— Да, это мамонты! — повторил он, но с меньшей уверенностью.

Львы вскочили на ноги. Несколько мгновений головы их оста-

вались повернутыми к западу; затем, медленно ступая, звери двинулись вниз по течению реки. Скоро их желтые тела исчезли среди густых кустарников.

Ун не боялся мамонтов. Он знал, что они не убивают ни людей, ни травоядных животных, не трогают даже волков и леопардов. Очутившись на их пути, нужно только оставаться неподвижными и хранить молчание. Но, может быть, вид шалаша из лиан, в котором укрываются люди, раздражит гигантов? Ведь любой мамонт может одним ударом разрушить шалаш, одним движением уничтожить Уна и его товарища.

— Ун и Зур должны покинуть убежище? — спросил уламр.

— Да,— ответил человек без плеч.

Ун отвязал лианы, закрывающие вход в убежище, выбрался наружу и помог выйти Зуру. Послышался треск ломаемых деревьев. Вдали смутно обрисовались массивные силуэты цвета глины. Скоро уже можно было различить огромные хоботы и головы, подобные каменным глыбам. Стадо состояло из трех отрядов, возглавляемых шестью гигантскими самцами. Они топтали траву, кустарники и деревья, пробивали непроницаемые завесы баньяновых ветвей. Их кожа напоминала кору старых кедров; ноги были толще тела Уна, а туловище по объему равно туловищам десяти бизонов.

— У них нет гривы,— вполголоса проговорил Ун,— и бивни почти прямые. Они больше самых больших мамонтов!

— Это не мамонты,— ответил человек без плеч,— это слоны.

Ун с тоской глядел на приближавшихся гигантов. Он чувствовал себя совершенно беспомощным, от обычной уверенности не осталось и следа. Неподвижный и безмолвный, склонившись над своим раненым другом, молодой уламр ждал...

Шесть вожаков уже подходили к хижине. Темные глаза колоссов, не отрываясь, смотрели на людей, но во взгляде их не было недоверия. Может быть, они уже встречались с двуногими существами?..

Жизнь или смерть? Она надвигалась неумолимо. Если вожаки не свернут с пути, им достаточно сделать десять шагов, чтобы раздавить людей и превратить хижину в груду обломков.

Ун глядел прямо в глаза самому могучему вожаку. Он был выше всех ростом; его огромный хобот мог задушить буйвола так же легко, как питон душит оленя.

Гигант остановился прямо перед людьми. Остальные вожаки, как бы повинуясь ему, тоже замерли на месте. И вся колонна, медленно двигаясь, образовала вокруг людей широкий, слегка колеблющийся полукруг. Опустив палицу к ногам, низко склонив голову, Ун покорился своей участи...

Вожак шумно вздохнул и повернул вправо, в обход хижины. Огромные животные послушно последовали за ним.

Каждый слон, в свою очередь, огибал препятствие. Ни один, даже самый молодой, не коснулся ни людей, ни их убежища.

Долго еще дрожала земля от тяжелой поступи гигантов. Буйные заросли трав превратились в зеленое месиво; кустарники и деревья

гибли под ногами колоссов. Гиппопотамы бежали в страхе. Громадный гавиал был отброшен в сторону, словно лягушка.

Вдали, на пригорке, видны были силуэты пяти львов. Они поднимали к багровому вечернему солнцу свои тупые морды и злобно рычали.

Скоро все стадо слонов погрузилось в прохладные речные струи. Волны устремились вспять, заливая берега; огромные хоботы с шумом набирали воду и поливали широкие спины... Затем гиганты скрылись в волнах.

На поверхности реки виднелись только чудовищные головы и мощные хребты, подобные гранитным валунам, принесенным с гор ледниками, стремительными потоками и горными обвалами.

— Нао заключил союз с мамонтами! — проговорил задумчиво Ун.— Почему бы сыну Быка не вступить в союз со слонами?

День угасал. Львы исчезли с пригорка. Неуклюжие быки-гауры и легконогие олени-аксисы торопились укрыться на ночь в безопасных убежищах. Солнце коснулось вершин далеких холмов. Хищники просыпались в своих логовищах.

Ун вернулся в хижину и увел с собой человека без плеч.

V

Гигантский питон

Прошло три дня. Львы не появлялись больше. Слоны ушли в низовья Большой реки. Растоптанные гигантами травы и кустарники быстро оживали под горячими лучами щедрого солнца. Дичь кишела вокруг, и Уну достаточно было один раз метнуть дротик или копье, чтобы обеспечить себе и Зуру дневное пропитание.

Первое время лихорадка и бред больного друга омрачали настроение Уна. Но вскоре раны затянулись, и озноб перестал мучить Зура. На четвертый день сыну Земли стало лучше, и оба друга почувствовали себя счастливыми. Густая тень лиан и пальмовых ветвей давала приятную прохладу. Сидя у входа в хижину, уламр и человек без плеч наслаждались покоем, царившим вокруг, и думали о том, что уламры никогда не будут знать голода в этой плодородной и прекрасной стране. Пурпуровые цапли искали в речных заводях водяные орехи; два черных аиста поднялись в воздух с противоположного берега. Стая желтоголовых журавлей пролетела мимо; алые ибисы бродили среди лотосов.

Вынырнув из прибрежной заводи, огромный питон медленно вытянул на берег свое длинное гладкое тело толщиной с человеческое туловище. Ун и Зур с отвращением рассматривали чудовищное пресмыкающееся, неизвестное доселе уламрам. Питон полз неторопливо, по-видимому, без определенной цели, и, казалось, еще не вполне очнулся от долгого сна. Но Ун и Зур и не подозревали, что это грозное туловище способно передвигаться со скоростью бегущего кабана...

Все же, на всякий случай, друзья укрылись в своей зеленой хи-

жине и оттуда наблюдали за действиями питона. Память не подсказывала им, велика ли сила этого гигантского пресмыкающегося, ядовит ли его укус, как укус тех змей, которые встречались по ту сторону гор, в странах Запада. В этой неизведанной стране питон мог оказаться сильнее тигра и ядовитее гадюки.

Питон приближался к хижине. Ун взял в руки палицу и дротик, но почему-то не подумал даже испустить боевой клич. В больших хищниках он чувствовал жизнь, подобную собственной, а это длинное, скользкое, лишенное конечностей туловище с маленькой головкой и неподвижным взглядом холодных глаз вызывало в нем непонятное чувство ужаса и отвращения.

Приблизившись к хижине, питон поднял голову и разинул огромную пасть с плоскими челюстями.

— Не пора ли нанести удар? — спросил Зура сын Быка.

Зур колебался. У себя на родине люди его племени уничтожали змей, разбивая им головы палицами; но что значили змеи тех стран по сравнению с подобным чудовищем?

— Зур не знает,— ответил наконец человек без плеч.— Он думает, что не следует наносить удар, пока животное не напало на хижину.

Широкая плоская голова придвинулась вплотную к зеленой завесе и попыталась протиснуться между лианами. Ун взмахнул дротиком и вонзил его острый наконечник прямо в раскрытую пасть.

Питон отскочил с угрожающим шипением, бешено извиваясь всем своим чудовищным туловищем, повернул к реке...

Молоденькая сайга вышла из-за кустов и пересекла поляну. Увидев ее, питон замер на месте. Сайга подняла свою горбоносую голову и втянула воздух. Запах людей встревожил ее; она повернула обратно, чтобы удалиться от хижины, и тут только заметила питона. Охваченная дрожью, сайга на мгновение застыла, словно парализованная, не в силах оторвать взгляда от неподвижных холодных глаз. Затем, опомнившись, кинулась в сторону. Но гибкое скользкое туловище внезапно метнулось ей вслед с быстротой леопарда. Сайга споткнулась о камень, пошатнулась... Страшный удар сбил ее с ног... Однако, прежде чем смертоносные кольца успели обвиться вокруг него, животное вскочило и в смертельном страхе помчалось прочь, не разбирая дороги... Очутившись на краю речного обрыва, сайга оглянулась и увидела, что питон отрезал ей путь к отступлению.

Дрожа от ужаса, сайга бросила тоскливый взгляд на простиравшуюся перед ней зеленую равнину. Всего лишь два удачных прыжка — и она спасена! Заметавшись, сайга сделала безуспешную попытку проскочить мимо питона по самому краю обрыва и вдруг, отчаявшись, огромным скачком перемахнула через препятствие...

Удар могучего хвоста настиг ее в воздухе, свалил на землю, и холодное скользкое туловище с молниеносной быстротой обвилось вокруг дрожащего, задыхающегося животного.

Через несколько минут все было кончено.

Глухой непонятный гнев охватил Уна, молча созерцавшего эту страшную картину. Если бы сайгу убил волк, леопард или даже ма-

хайрод, сердце молодого уламра не дрогнуло бы. Но победа этой холодной скользкой твари возмущала его до глубины души. Он дважды нагибался, чтобы выйти из убежища, и всякий раз Зур удерживал друга за руку.

— У сына Быка и сына Земли много пищи. Что будет с нами, если Ун, подобно Зуру, будет ранен?

Ун уступил нехотя. Он и сам не понимал причины гнева, так безудержно овладевшего им. Это было похоже на боль от раны.

Но уламр не имел представления о силе гигантского пресмыкающегося. Одним ударом хвоста питон свалил на землю сайгу; не случится ли то же самое с человеком, который отважится вступить в единоборство с этим чудовищем?

Тем не менее молодой воин оставался мрачным.

— Ун и Зур не могут больше оставаться здесь! — сказал он, когда питон скрылся со своей добычей в густых тростниках.— Нам нужно найти пещеру...

— Зур скоро поправится!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Пещерный лев

Прошло два дня. Зур все еще был слаб, но уже мог держаться на ногах. Теперь Ун имел возможность надолго покидать хижину, чтобы разведать местность вниз по течению Большой реки.

Он прошел вдоль берега более пятнадцати тысяч шагов, но ему так и не удалось найти надежного убежища. Правда, кое-где у воды высились отдельные скалы, однако расселины и углубления в них были слишком узки и малы, чтобы дать приют человеку. Зур уже подумывал о том, чтобы вырыть убежище в земле. Но это было бы слишком долгим и трудным делом, и, кроме того, уламры всегда испытывали отвращение к подобного рода жилищам. Поэтому друзья удовольствовались тем, что укрепили, сколь возможно, хижину из лиан, сделав ее неприступной даже для крупных хищников. И все же слон, носорог, гиппопотам, стадо гауров или буйволов легко могли разрушить ее. Само местоположение хижины привлекало к ней внимание хищников, рыскавших вокруг в прибрежных зарослях и чащах.

Близился конец весны. Неистовый зной солнечных лучей обрушивался на воды Большой реки; нездоровые испарения поднимались по ночам с ее поверхности к звездному небу, и туман окутывал окрестности непроницаемой пеленой еще долгое время после того, как на востоке загоралась заря.

В одно жаркое утро Зур почувствовал, что силы его восстановились. Подойдя к Уну, с тоской смотревшему вдаль сквозь окружавшие хижину зеленые заросли, человек без плеч сказал:

— Сын Земли готов следовать за Уном!

Уламр с радостным восклицанием вскочил на ноги и стал собирать разбросанное на полу хижины оружие.

...Густой туман еще лежал на широкой речной глади. Молодые гиппопотамы с довольным ворчанием резвились в заводях. Стаи птиц стремительно проносились мимо. Ун и Зур выбрались из хижины и двинулись вниз по течению Большой реки.

В полдень друзья расположились на отдых под сенью скипидарных деревьев. У них был запас сушеного мяса, съедобных корней и грибов, которые они поджарили на маленьком костре из сухих сучьев. Ун поглощал пищу с радостной торопливостью молодого волка. Зур же ел медленно, наслаждаясь ароматом еды и ее вкусом.

Вокруг царила полуденная тишина. Все живое словно оцепенело от зноя. Слышался лишь неумолчный говор речных струй да сухой треск цикад.

Зур, еще слабый после полученных ран, скоро уснул. Но сын Быка бодрствовал, охраняя сон друга.

Когда тени деревьев на равнине удлинились, Ун и Зур снова пустились в путь и шли до тех пор, пока синие сумерки не окутали землю. Назавтра и в последующие дни они упорно продолжали двигаться вниз по реке, продираясь сквозь джунгли, обходя болота, переправляясь через ручьи и речки, впадавшие в Большую реку, прокладывая себе дорогу в густых кустарниках.

На утро девятого дня путники увидели вдали скалистую гряду, тянувшуюся более чем на тысячу шагов по самому берегу реки. Острые вершины вздымались высоко к небу. С другой стороны гряды скалистые отроги доходили до самой опушки густого леса. Два глубоких ущелья прорезали каменную громаду. В расселинах гнездились соколы и орлы.

Ун громко вскрикнул от радости. Он унаследовал от своих предков любовь к каменным жилищам, расположенным близ текущих вод. Зур, более спокойный, внимательно рассматривал местность. Они обнаружили несколько нависших над рекой утесов, похожих на те, которые служили укрытием для племени уламров, когда в скалах не оказывалось подходящей пещеры. Но для двух человек такое укрытие не было достаточно надежным.

Ун и Зур шли вдоль скалистой гряды, тщательно исследуя каждое углубление, каждую трещину в базальтовых скалах. Они знали, что иной раз небольшое отверстие ведет в глубокую и обширную пещеру.

Зоркий глаз Уна скоро заметил в отвесной скале расселину, расположенную на довольно большой высоте. Узкая внизу, она постепенно расширялась кверху. Для того чтобы добраться до нее, надо было сначала подняться на горизонтальный выступ скалы, а затем вскарабкаться по каменной стене на небольшую площадку, где могли свободно поместиться трое человек.

Молодые воины без труда поднялись на горизонтальный выступ; но для того чтобы достичь площадки, Уну пришлось встать на спину Зуру. Очутившись наверху, молодой уламр попытался протиснуться в расселину. Некоторое время он продвигался боком, затем проход

расширился, и Ун оказался в низкой, но обширной пещере. Он осторожно обошел ее кругом и внезапно остановился перед углублением в задней стене: узкий подземный коридор, круто спускаясь вниз, уходил в темноту.

Прежде чем продолжать дальнейшее исследование, Ун решил поднять на площадку Зура. Он выбрался наружу и сказал:

— Пещера большая, но у нее, возможно, два выхода. Ун еще не видел конца прохода...

И, нагнувшись, он протянул Зуру копье. Ухватившись за его конец, человек без плеч поднялся по отвесной стене, цепляясь ногами за шероховатости камня. По мере того как он поднимался, Ун выпрямлялся и отступал назад, к входному отверстию.

Когда Зур очутился, наконец, на площадке, уламр повел его в глубь пещеры, к подземному коридору. Темнота мешала им двигаться быстро; слабый запах хищного зверя вызывал беспокойство. Они уже подумывали о возвращении, как вдруг увидели внизу, в конце прохода, тусклый свет.

— У пещеры есть другой выход,— прошептал Зур. Ун с огорчением кивнул головой, продолжая осторожно продвигаться вперед. Спуск стал более пологим; свет, вначале слабый, постепенно усиливался. Он шел из длинной зигзагообразной щели в скале, слишком узкой, чтобы сквозь нее мог протиснуться человек. Несколько летучих мышей, испуганных появлением молодых воинов, носились с пронзительным писком над их головами.

— Ун и Зур — хозяева пещеры! — громко воскликнул сын Быка.

Зур заглянул в щель, пытаясь рассмотреть, что находится за ней. Внезапное рычание заставило его отпрянуть: в обширной пещере он увидел огромного зверя, напоминавшего одновременно и тигра и льва. У него была густая черная грива, мощная грудь, более широкая, чем у гаура, длинное и гибкое туловище. Ростом и массивностью мускулов зверь превосходил всех известных уламрам хищников. Огромные глаза горели в полумраке то желтым, то зеленым огнем.

— Пещерный лев! — в страхе прошептал Зур.

Зверь стоял перед щелью и яростно хлестал себя по бокам длинным хвостом.

Ун, в свою очередь, посмотрел на хищника и сказал:

— Это лев-великан!

Он снял с плеча копье и хотел метнуть в зверя, но Зур удержал его руку:

— Ун не может нанести сквозь щель достаточно сильный удар, чтобы убить пещерного льва. Ему даже трудно будет попасть в него.

И сын Земли указал на выступы базальта, которые могли ослабить или остановить полет копья. Но Ун и сам понял, как опасно было бы бессмысленно раздразнить хищника. Разъярившись, он мог покинуть логово и отправиться на поиски нарушителей своего спокойствия.

Зверь тем временем стал успокаиваться. Он, по-видимому, был сыт и не собирался выходить на охоту этой ночью: наполовину

съеденная туша онагра валялась у выхода из пещеры в груде обглоданных костей.

— Быть может, Ун и Зур смогут поставить зверю ловушку? — пробормотал человек без плеч.

Еще несколько мгновений до них доносилось громкое, хриплое дыхание хищника. Затем лев отошел от стены и лениво улегся на полу пещеры, среди разбросанных костей. Гнев его проходил быстро; ни разу в жизни могучему хищнику не довелось испытать страх перед другим живым существом. Ни один зверь не осмеливался противостоять его чудовищной силе, разве что носорог, безрассудный в своей ярости. Огромные слоны, правда, не боялись пещерного льва, но всегда избегали единоборства с ним. Вожаки гауров, гаялов и буйволов, бесстрашно защищавшие свои стада от тигров и леопардов, содрогались от ужаса при встрече с пещерным львом. Он был неизмеримо сильнее всех других хищников.

Существа, находившиеся по ту сторону базальтовой стены, напоминали по запаху гиббонов или резусов — животных слабых и беззащитных, которых пещерный лев мог убить одним ударом могучей лапы.

Ун и Зур вернулись в верхнюю пещеру. Близкое соседство хищника вселяло в них мучительное беспокойство. Правда, пещерный лев жил по ту сторону скалистой гряды и, вероятно, никогда не охотился днем, но случайная встреча всегда была возможна. И это убежище, такое удобное и безопасное, доступное лишь людям, летучим мышам и птицам, теперь оказывалось сомнительным и ненадежным.

И все же молодые воины решили не покидать пещеру до тех пор, пока не найдут другую, более подходящую.

Сын Быка сказал:

— Ун и Зур будут выходить из убежища только тогда, когда увидят, что пещерный лев уснул в своем логове.

— Пещерный лев слишком тяжел, чтобы лазать по деревьям,— добавил Зур.— Здесь кругом лес, и мы всегда сумеем укрыться среди ветвей.

Несколько дней молодые воины прожили спокойно. Зур собирал съедобные корни и плоды растений. Ун добывал свежее мясо, приносил дрова для костра. Вечером они разводили огонь на площадке перед входом.

Яркие отблески пламени отгоняли прочь рыскавших по равнине хищников, отпугивали летучих мышей, орлов и сов обитавших в расселинах скал.

Несколько раз в сутки Зур спускался по подземному коридору и наблюдал за логовом пещерного льва. Громадный хищник не проявлял больше гнева или нетерпения при виде человека. Запах молодого воина стал для зверя привычным и не тревожил даже во время сна. Иногда он подходил к щели и старался рассмотреть своими горящими глазами смутные очертания фигуры и лица человека.

Однажды вечером сын Земли сказал ему:

— Ун и Зур — не враги пещерного льва!

Встревоженный звуками человеческой речи, хищник заворчал и царапнул когтями базальтовую стену.

— Пещерный лев сильнее Зура,— продолжал человек без плеч.— Но Зур хитер... Если пещерный лев, сын Земли и сын Быка заключат между собой союз, никакая дичь не ускользнет от них.

Он говорил так без особой надежды на успех. Смутные воспоминания теснились в мозгу юноши. С детства он слышал рассказы о том, что в прежние времена люди племени ва часто жили по соседству с крупными хищниками, а иногда даже охотились вместе с ними. Все племя уламров знало, что Нао, сын Леопарда, некогда заключил союз с мамонтами. Зур мог часами размышлять об этом, особенно в спокойные дни. Он часто мечтал заключить союз с каким-нибудь могущественным животным, подобно тому, как это делали в свое время его предки или Нао. Но сам Нао не пытался больше дружить с мамонтами. Сделавшись вождем уламров, он скоро забыл о своем путешествии с Намом и Гавом и думал только о том, как бы найти для племени плодородные и богатые дичью земли, где люди могли бы жить в покое и довольстве. Племя становилось все многочисленнее, и охотиться стало труднее. Животные сделались пугливыми и держались на слишком большом расстоянии от охотников. Овладеть добычей можно было лишь с помощью хитрости: ставить ловушки, строить западни, рыть ямы...

Здесь, в этой пещере, Зур мог без всякого риска для себя дотронуться до самой морды пещерного льва. Ему стоило лишь подойти вплотную к щели в скале и протянуть руку. Громадная фигура пещерного льва, его мощная грудь, величественная, словно высеченная из базальта голова, зеленый огонь его зрачков перестали пугать Зура. Всем своим существом он ощущал, что и сам становится для хищника знакомым. Говоря по правде, сын Земли предпочел бы заключить союз с каким-нибудь менее грозным хищником, но выбирать не приходилось...

Приближалось лето. Свирепый зной обрушивался на землю. Он иссушал безводные степи, умножал и без того буйную растительность густых лесов, джунглей и сырых саванн. Непроходимые заросли скрывали берега Большой реки. В зеленых чащах с ужасающей быстротой размножались всевозможные животные. Тысячи рептилий, моллюсков и земноводных копошились в сыром иле прибрежных заводей. Неисчислимые стада травоядных устремлялись из сухих степей на тучные пастбища у речных берегов. Львы, тигры и другие хищники, не обращая внимания на присутствие пещерного льва, охотились вблизи скалистой гряды.

Ун и Зур покидали пещеру только по утрам, когда хищники спали, и возвращались в нее задолго до наступления темноты. Они узнали, что в дальнем лесу жил черный лев с двумя львицами, а у слияния Большой реки с ее притоком — тигр и тигрица. Иногда во мраке летней ночи слышалось рычание приближающегося льва или пронзительный крик тигра; пещерный лев отвечал им своим громовым голосом.

В эти ночные часы Ун и Зур снова начинали думать о том, что им необходимо как можно скорее найти другое, более надежное убе-

жище. Но едва занималась заря, они забывали о страшных ночных голосах. Добыча делалась все обильнее; опасные хищники засыпали задолго до наступления утра.

Зур говорил:

— В другом месте будут другие львы, другие тигры или махайроды... Но найдут ли сын Быка и сын Земли такую же удобную пещеру?

Ун ничего не отвечал на слова друга. Он мечтал о новых походах, хотел разведать новые земли. Иногда по утрам, во время охоты, он спускался вниз по течению, до места слияния Большой реки с ее притоком. Он смотрел издали на скалы, где находилось логовище львов, и страстное желание сразиться с хищниками внезапно охватывало его. Несколько раз молодой уламр поднимался вверх по течению притока, удаляясь на две-три тысячи шагов от того места, где жили львы. Случалось, он переправлялся на другой берег вплавь, либо прыгая с одного валуна на другой. Ему хотелось во что бы то ни стало узнать, какие степи и леса скрыты за туманной далью, какие звери там водятся, хороша ли охота. Он с тоской всматривался в синюю полоску леса, закрывающую горизонт, и, вернувшись в пещеру, долго не мог найти себе места.

Во время этих отлучек Зур сушил на солнце нарезанное узкими полосками мясо и собирал съедобные растения. Несколько раз в день он спускался по подземному коридору, подходил к щели и, найдя пещерного льва бодрствующим, разговаривал с ним, приучая хищника к звукам человеческой речи.

В один из жарких дней, в послеполуденное время, Зур был удивлен тем, что Ун долго не возвращается с охоты. Соскучившись, он спустился из пещеры на равнину с помощью сыромятных ремней. Сначала сын Земли направился к месту слияния Большой реки с ее правым притоком, но многочисленное стадо буйволов преградило ему дорогу. Зур хорошо знал, что эти животные при малейшей тревоге становятся опасными. Он обошел стадо стороной и собирался продолжать путь на юг, как вдруг из высокой травы ему навстречу вышел носорог. Зур поспешил укрыться под гигантским баньяном; тяжеловесный зверь последовал за ним. Тогда Зур взобрался на бугор, обогнул большое болото, углубился в густой кустарник и неожиданно оказался по ту сторону скалистой гряды, неподалеку от логовища пещерного льва.

Носорог остался далеко позади. Зур принялся с любопытством рассматривать местность, куда они с Уном никогда не отваживались забираться. Скалистая гряда с этой стороны выглядела более дикой и была сильно изрезана и изрыта. Два сокола то кружили над скалами, то взмывали, почти не шевеля крыльями, к пышному белому облаку. Косые лучи заходящего солнца освещали багровым светом причудливо выветрившиеся базальтовые утесы и пышную растительность у их подножия. Лежа на земле, в тени дерева, Зур смотрел на скалы и старался догадаться, где может быть вход в логовище пещерного льва. Слева от Зура было болото, заросшее густым тростником, справа простиралась изрытая, изборожденная складками местность, усеянная невысокими буграми.

От скалистой гряды отходили в разных направлениях островерхие базальтовые отроги, похожие на полуобвалившиеся каменные стены, увенчанные острыми зубцами. Пещерный лев, вероятно, дремал в своем логове в ожидании часа, когда над остывающей от дневного жара землей зазвучат голоса пробудившихся хищников.

Внезапно волосы Зура поднялись дыбом. На вершине самого большого бугра показалась коренастая фигура льва. То был не желтый лев, вроде тех, что нападали когда-то на их хижину из лиан, но огромный черный зверь незнакомой породы. Под деревом, где лежал Зур, трава была короткой и редкой. Лев увидел человека.

Зур, словно парализованный, приник к земле. Он не обладал ни силой, ни стремительностью Уна; удар его копья не мог пробить широкую грудь льва; палица не способна была раздробить позвонки, размозжить череп или лапы хищника. Надо было спасаться бегством: дерево, под которым он находился, оказалось слишком низким, чтобы можно было укрыться в его ветвях. Там, вдалеке, Зур увидел зубчатую каменную стену, которая могла привести его к вершинам скалистой гряды по узкому гребню, недоступному для громадного хищника.

Вскочив на ноги, человек без плеч побежал что было сил к ближайшему отрогу. Лев, рыча, стал спускаться с бугра. Зур добежал до подножия базальтового утеса; полуобвалившаяся каменная стена скрыла его на время от глаз черного льва. На бегу сын Земли внимательно вглядывался в зубцы и трещины, усеивавшие крутые склоны. Пробежав около тысячи шагов, Зур оглянулся: позади никого не было. Должно быть, лев, потеряв его из виду, остановился в нерешительности. А быть может, ленивый, как все его сородичи, он и вовсе отказался от преследования? С вспыхнувшей в сердце надеждой Зур поспешил к базальтовой стене. Внезапное рычание заставило его содрогнуться, и, оглянувшись, он снова увидел позади себя черную фигуру хищника. Зверь мчался большими скачками, разгоряченный погоней и упорный в преследовании намеченной жертвы. Хриплое, прерывистое дыхание хищника слышалось все явственнее: лев настигал человека.

Внезапное внимание беглеца привлекли три выступа в каменной стене. Они были расположены словно обломанные сучья на дереве и вели к острому гребню базальтового утеса.

Зур высоко подпрыгнул, добрался до первого выступа, поднялся, цепляясь руками и ногами, до второго, затем до третьего выступа, подтянулся на руках до четвертого и очутился на гребне базальтовой стены. Лев был совсем близко... Он сделал громадный скачок и тяжело рухнул обратно; базальтовый утес, почти отвесный, не давал никакой опоры для его массивного тела. Трижды возобновлял хищник свою попытку, затем, рыча от бессильной ярости, отступил. Минуту человек и зверь пристально смотрели в глаза друг другу...

Сидя верхом на остром базальтовом гребне, сын Земли спрашивал себя, следует ли ему оставаться здесь или спуститься с противоположной, более пологой стороны утеса. Ведь, в конце концов, лев мог найти к нему дорогу либо снизу, либо сверху.

Зур раздумывал ровно столько времени, сколько лев оставался в нерешительности. Как только хищник принялся рыскать у подножия утеса, Зур решился и, скатившись с крутого откоса, побежал на север. На бегу он лихорадочно вглядывался в каменные трещины и расселины, все еще надеясь обнаружить какое-нибудь убежище...

Черный лев не показывался. Может, он до сих пор не нашел прохода среди обломков базальтовой стены? Зур вряд ли спрашивал себя об этом... Он стремительно приближался к скалам...

Он был шагах в пятидесяти от их подножия, когда услышал сзади рычание и понял, что погоня возобновилась. Черный лев, обогнув каменный отрог, снова увидел человека. Он несся громадными прыжками, приминая высокую траву.

В базальтовых скалах по-прежнему не было видно ни одного подходящего углубления или расселины... Зур продолжал бежать, повинуясь лишь смутному инстинкту самосохранения.

Базальтовая стена уже совсем близко... И вдруг Зур увидел прямо перед собой зияющее отверстие в скале. И тут же услышал за спиной хриплое дыхание хищника и шорох раздвигаемых трав...

Зур остановился. Сердце его билось неровными, частыми толчками, голова кружилась, ноги подкашивались. Скалы, деревья и кустарники плыли перед расширенными от ужаса глазами. Он чувствовал себя беззащитным, словно ибис в когтях орла. У него не было с собой никакого оружия. Острые клыки хищника сейчас вопьются в его тело...

Мгновение кажется длиннее вечности. Зур должен сделать выбор. Позади, за спиной,— черный хищник; впереди — вход в логовище пещерного льва. Времени на размышления нет; только пять-шесть прыжков отделяют от него преследователя. И, внезапно решившись, Зур с головокружительной быстротой бросается вперед...

Он исчезает в зияющем отверстии пещеры, словно воробышек в пасти кобры.

Два громовых рычания угрожающе звучат впереди и позади него. Там, в багровом свете заходящего солнца, четко обрисовывается силуэт черного льва. Исполинская фигура выходит ему навстречу из темной глубины пещеры. Два гигантских прыжка, царапанье могучих когтей по базальту, страшное щелканье зубов — и пещерный лев уже торжествует победу. Черный хищник перевернулся через голову, скатился вниз и удаляется ползком: из глубокой раны на левом плече течет струя горячей крови, обрызгивая зеленые травы... Стоя у входа в логовище, пещерный лев, высоко подняв свою царственную голову, смотрит, как убегает дерзкий враг, и громовой рев победы вырывается из его могучей груди...

Вряд ли Зур видел эту битву гигантов. Он знает только, что победителем остался хозяин пещеры. Обессиленный, лежит он, раскинув руки, на каменном полу пещеры и ждет... Он знает, что спасения нет. Ни надежды, ни отчаяния в его душе. Зур готов к смерти; он покорился ей, как некогда покорялся боли, когда махайрод раздирал ему клыками грудь.

Еще минуту исполин грозно рычит, стоя у входа, затем поворачивается и медленно, тяжелыми шагами возвращается в пещеру,

зализывая на ходу царапину, оставленную когтями врага. Он видит человека, простертого на земле... обнюхивает его, опускает ему на плечо свою громадную лапу... Он может растерзать это трепещущее тело — человек не будет сопротивляться... Но зверь не трогает Зура. Дыхание его спокойно. И сын Земли догадывается, что пещерный лев узнал запах, который просачивался каждый день в его логово сквозь щель в базальтовой стене.

Надежда на спасение вновь пробуждается в молодом ва... Он смотрит снизу вверх на величественную голову хищника и, вспомнив, что пещерный лев всегда с интересом прислушивался к звукам членораздельной человеческой речи, говорит слабым голосом:

— Зур словно сайга в когтях у пещерного льва...

Дыхание зверя делается громче; он тихо снимает с плеча Зура свою мощную лапу. Близость, которая установилась между ними в те времена, когда базальтовая стена разделяла их, приняла новые формы. Сын Земли чувствует, что каждая минута увеличивает его шансы на спасение. Если зверь не растерзал его сразу, значит, он не считает Зура добычей. Между могучим хищником и человеком заключен союз...

Время идет. Багровый шар солнца закатывается за дальние холмы. Но огромный хищник по-прежнему не трогает Зура. Сидя перед сыном Земли, он слушает знакомые звуки человеческой речи. Иногда он склоняет голову и обнюхивает Зура, словно хочет еще раз удостовериться, что это он. Иногда, втянув когти, зверь ласково трогает человека своей могучей лапой; так же ласково, как когда-то в материнском логове, играя с теми, кто родился в один день с ним. И всякий раз сердце Зура снова сжимается от страха. Но страх постепенно проходит...

Сумерки южной ночи сгущались быстро. Свет у входа в пещеру стал синим, затем темно-лиловым. Две звездочки замерцали на потемневшем небе, и ночной ветерок овеял прохладой базальтовые скалы...

Пещерный лев поднялся на ноги. Это был час охоты. Зеленые огоньки вспыхнули в его глазах, ноздри расширились. Ночь, полная добычи, манила хищника. И Зур понял, что для него снова наступила минута между жизнью и смертью. Если он покажется пещерному льву добычей, подобно бесчисленному множеству травоядных, спрятавшихся в густых зарослях и чащах,— сын Земли никогда не увидит Уна. Несколько раз хищник, тяжело дыша, возвращался к Зуру; горевшие зеленым огнем глаза пристально вглядывались в хрупкий силуэт человека... Наконец, издав короткое рычание, зверь вышел из пещеры, и его массивная фигура растворилась в непроглядной тьме тропической ночи.

Бурная радость овладела молодым воином:

— Пещерный лев заключил союз с Зуром!..— Он бросился к трещине в стене и громко позвал: — Ун!

Послышались поспешные шаги. Красноватый свет факела озарил пещеру. Сын Быка увидел Зура в львином логове и вскрикнул испуганно:

— Зачем Зур пришел сюда? Пещерный лев растерзает его!

— Нет,— ответил человек без плеч.

И он рассказал другу, как попал в пещеру. Потрясенный Ун слушал, затаив дыхание, эту необычайную повесть, более удивительную, чем история дружбы Нао с вожаком мамонтов...

Когда Зур кончил рассказ, Ун сказал с гордостью:

— Ун и Зур теперь так же могущественны, как вождь уламров!..— Затем беспокойство снова овладело им: — Зур не должен больше оставаться в львином логове,— заявил он.— Я выхожу ему навстречу.

Друзья сошлись у южной оконечности скалистой гряды. Затем, вернувшись к себе, развели большой огонь на площадке перед входом и долго сидели у костра, наслаждаясь, как никогда, чувством покоя и безопасности.

А внизу, во тьме джунглей, за каждым деревом и кустом, таились, подстерегая добычу, ночные хищники, и травоядные с жалобными криками спасались от преследователей, прятались в густых зарослях и чащах или гибли в когтях безжалостных врагов.

II
Тигр и пламя

Теперь Ун и Зур часто спускались по подземному коридору к щели в базальтовой стене. Если пещерный лев бодрствовал, они окликали его и говорили с ним по очереди, заглядывая в расселину. В первое время присутствие Уна вызывало у хищника неудовольствие и беспокойство; громкое дыхание вырывалось из широкой груди; иногда зверь глухо рычал, охваченный гневом и недоверием. Но постепенно он привык к запаху второго человека. И если теперь лев и подходил иногда вплотную к щели, то только потому, что чувствовал уже смутную симпатию к этим странным двуногим существам, и еще потому, что даже хищники испытывают подчас тоску одиночества.

Однажды вечером Ун сказал:

— Надо возобновить союз с пещерным львом... Ун и Зур пойдут к нему в тот день, когда у зверя будет удачная охота.

Зур не возразил ничего, хотя по натуре своей был менее склонен рисковать жизнью, чем Ун. Но союз с пещерным львом он считал своим кровным делом и часто думал о нем с радостью и гордостью.

Однажды утром они увидели в львином логове тушу большой антилопы. Одной задней ноги ее оказалось достаточно, чтобы хищник насытился. Зверь крепко спал, усталый после охоты и отяжелевший от сытости.

— Мы пойдем к нему в пещеру, когда он проснется,— сказал Ун.— Он не будет испытывать голода в ближайшие две ночи.

Молодые воины думали об этом все утро, бродя по берегам Большой реки или отдыхая под защитой базальтовых утесов.

В полдень Ун и Зур заснули крепким сном в своей пещере, затем долго сидели, погруженные в смутные грезы, на площадке

перед входом. Раскаленные солнцем скалы медленно остывали по мере того, как тени их удлинялись. Свежий ветерок прилетел с реки и овеял прохладой обнаженные тела людей. Ун и Зур думали о родном становище, затерянном далеко в горах; вспоминали случаи на охоте, переселение уламров на юго-восток, горную цепь, вставшую на их пути, подземную реку, вдоль которой они пробирались при свете факелов, и яркие картины жизни в новой стране, где сейчас находились.

Но чаще всего они думали об исполинском хищнике, обитающем по ту сторону скалистой гряды, и с нетерпением ждали наступления вечера.

Когда солнце склонилось к западу, Ун и Зур спустились по подземному коридору. Хищник уже проснулся и снова принялся за еду.

— Идем к нему! — сказал Ун.

Сын Земли уступил желанию друга. Его решение зрело медленно, но, когда оно было принято, человек без плеч рисковал своей жизнью так же бесстрашно, как уламр.

Они вышли на площадку перед входом и спустились к подножию скалистой гряды. Олени и антилопы, утолив жажду у водопоя, искали убежища на ночь. Пронзительно кричали птицы, перелетая с ветки на ветку или прячась в густой листве. Большой гиббон пробежал между деревьями и быстро вскарабкался на высокую пальму.

Ун и Зур обогнули скалистую гряду и очутились перед входом в львиное логовище.

Ун сказал:

— Я пойду первым.

Это вошло у него в привычку. Всегда, в случае опасности, широкая грудь уламра заслоняла Зура и защищала его от гибели. Но на этот раз сын Земли воспротивился:

— Пещерный лев знает меня больше. Будет лучше, если я окажусь между ним и Уном...

В отношениях между друзьями не было ложной гордости или самолюбия. Каждый ценил в другом те качества, которых не хватало ему самому, и умел пользоваться этими качествами в случае необходимости. Ун признал, что Зур прав, и уступил.

— Иди! — сказал он.

Они посмотрели друг другу в глаза. Ун держал палицу в левой руке и самое крепкое свое копье в правой. В эту решающую минуту уламр отчетливее, чем его товарищ, чувствовал, какая смертельная опасность грозит им.

Тихими шагами приблизился Зур к чернеющему в базальтовой скале отверстию. Мгновение его фигура четко выделялась на темном фоне входа, затем густая тень поглотила ее. Сын Земли снова стоял лицом к лицу с царственным зверем.

Пещерный лев бросил свою добычу. Глаза его, вспыхнувшие зеленым огнем, впились в узкую фигуру человека без плеч.

Зур сказал вполголоса:

— Люди пришли возобновить союз с пещерным львом. Близит-

ся период дождей, когда дичь попадается редко и ее трудно добывать. Тогда пещерный лев соединит свою силу с умом и хитростью Уна и Зура.

Гигантский хищник полузакрыл и снова открыл глаза. Затем поднялся во весь рост и, медленно ступая, подошел к человеку. Голова его коснулась плеча Зура, и Зур положил свою руку на жесткую гриву.

Самые свирепые звери испытывают чувство доверия и симпатии к тому, кто дотронется до них. В душе сына Земли нет больше страха. Несколько раз он повторяет свой жест и медленно гладит густую гриву зверя. Пещерный лев стоит неподвижно, дыхание его спокойно.

И все ж Зур не спешит позвать Уна. Но вдруг высокая фигура появляется у входа в пещеру. Это Ун. Он по-прежнему держит в руках палицу и копье. Гигантский хищник резким движением повернул к уламру свою огромную голову, в полуоткрытой пасти сверкнули мощные клыки... Кожа на лбу зверя собралась в крупные складки, мускулы напряглись, зеленые огни снова загорелись в его зрачках...

— Ун тоже заключил союз с пещерным львом! — поспешно сказал человек без плеч.— Ун и Зур живут вместе в пещере, наверху.

Лев рванулся вперед... Уламр крепко сжал в руке палицу. Но Зур одним прыжком очутился между ними, прикрывая друга своим телом, и могучий хищник остался на месте.

Ун и Зур снова приходили в последующие дни. Лев уже привык к ним и даже проявлял признаки удовольствия при их появлении. Одиночество тяготило огромного зверя; он был молод и со дня своего рождения до прошлой осени жил среди себе подобных. Там, в низовьях Большой реки, на берегу глубокого озера было его логовище, где он поселился со своей самкой. Их детеныши уже начинали охотиться. Но однажды ночью во время грозы озеро вышло из берегов. Бурлящие воды затопили прибрежные заросли и чащи. Ураган вырвал с корнем высокие пальмы. Клокочущий поток унес самку и ее потомство, а самец, увлекаемый водоворотом вместе с поваленными деревьями, был выброшен на пустынный берег вдали от родных мест...

Весь сезон дождей логовище оставалось под водой... Сначала лев разыскивал его с мрачным и отчаянным упорством; громовой голос звал сквозь гул дождя утраченных сородичей...

Но время шло... Блуждая в бесцельных поисках по джунглям, лев набрел на скалистую гряду и поселился в пещере, укрываясь от потоков воды, низвергавшихся с небес.

Смутная тоска не давала ему покоя. Просыпаясь по утрам, он долго обнюхивал углы своего одинокого жилища, а вернувшись с охоты, клал добычу на землю и озирался по сторонам, будто ждал тех, кто когда-то разделял с ним трапезу.

Постепенно образы самки и детенышей потускнели и исчезли из

его памяти. Он привык не ощущать рядом с собой никакого другого запаха. Но тоска одиночества по-прежнему мучила его...

Однажды вечером Ун и Зур отправились вместе с пещерным львом на охоту.

Они шли втроем по ночному лесу, озаренному неверным светом ущербной луны.

Резкий запах хищника будил травоядных, укрывшихся на ночь в лесной чаще. Все живое бежало перед ним в страхе, скрываясь в глубине джунглей или подымаясь на ветви высоких деревьев. Животные, жившие стадами, каким-то способом давали знать друг другу о его приближении.

Среди безбрежного океана жизни огромный зверь был словно в пустыне... Гигантской силе его противостояли хитрость, быстрота и ловкость слабых существ. Лев мог одним ударом могучей лапы убить сайгу, онагра или антилопу-нильгау; одним прыжком он опрокидывал на землю дикую лошадь, кабана и даже гаура; но все они умели вовремя скрыться в непроходимой чаще или исчезнуть в необозримых просторах саванн... И только невероятное изобилие травоядных помогало царю зверей утолять свой голод, ибо в это время года широкие равнины и лесные заросли буквально кишели дичью.

Все же рассвет часто заставал исполинского хищника без добычи, и он, измученный бесплодными поисками, возвращался голодный в свое одинокое логово...

Этой ночью пещерный лев долгое время безуспешно пытался настигнуть антилопу или оленя. В конце концов он затаился в засаде на опушке леса, близ обширного болота.

Огромные ночные цветы источали опьяняющий аромат; земля пахла мускусом и перегноем. Люди отделились от хищника и тоже спрятались: один в зарослях тростника, другой — в бамбуковой роще.

Вдалеке слышался топот убегавшего стада; сова бесшумно пролетала на мягких крыльях. Затем появился кабан, роя землю своими крепкими клыками.

Это был неповоротливый зверь с крепкой шеей и тонкими ногами. Он брел хмурый и чем-то раздраженный, пыхтя и злобно хрюкая.

Кабан приблизился к тростникам, где спрятался Зур, и внезапно остановился, почуяв запах человека. Но запах этот напоминал гиббона или резуса, которых ему нечего было опасаться. Кабан сердито фыркнул и направился к бамбуковой роще...

Тогда Ун, желая направить зверя в сторону пещерного льва, испустил свой боевой клич, который был тотчас же подхвачен Зуром.

Кабан оступил — не из страха, а из осторожности. Все непонятное таит в себе опасность: ни гиббон, ни резус не обладают столь мощным голосом.

Крик повторился.

Кабан круто повернул и пробежал прямо к тому месту, где притаился пещерный лев. Исполинская фигура внезапно выросла перед ним; кабан в ярости обратил на нее свои острые клыки. Но зверь,

обрушившийся ему на спину, весил больше, чем матерый буйвол. Кабан пошатнулся. Огромные челюсти сомкнулись на его загривке, сокрушая шейные позвонки...

Когда пещерный лев принес тушу кабана в логовище, Ун захотел убедиться, насколько прочен их союз с огромным зверем. Он взял топор, отрубил от кабаньей туши заднюю ногу — и хищник не препятствовал ему.

Люди поняли, что отныне их сила стала равной силе целого племени.

Много раз еще охотились Ун и Зур со своим могучим союзником. Часто они вынуждены были уходить далеко от пещеры, потому что дичь постепенно покидала места, где бродил страшный обитатель скалистой гряды.

Но Ун по-прежнему мечтал о более далеких походах. Нетерпеливое любопытство не давало ему покоя. И однажды утром он сказал Зуру:

— Хорошо бы нам разведать другие земли для охоты. Многие животные, вероятно, покинут осенью эти места. Хочет ли Зур сопровождать меня по ту сторону жилища тигров?

Зур никогда не отказывался следовать за своим товарищем, хотя и не обладал такой беспокойной натурой, как Ун.

— Мы должны увидеть земли, к которым стремится Большая река,— ответил он.

Молодые воины привели в порядок свое оружие, накоптили мяса, напекли съедобных корней и отправились в путь, когда солнце только показалось над противоположным берегом Большой реки.

Зур покидал пещеру с грустью и сожалением. Здесь он жил в спокойствии и довольстве; здесь они с Уном заключили союз с царственным хищником...

Все утро и вторую половину дня путники шли, не испытывая беспокойства. Лишь бесчисленные насекомые все время докучали им. Мириады красноголовых мух, назойливо жужжа, летели за ними, привлеченные запахом вяленого мяса. Надо было также остерегаться огромных шершней, шести-семи укусов которых было достаточно, чтобы убить человека. А во время привалов — избегать соседства с гигантскими термитниками.

Было уже поздно, когда Ун и Зур добрались наконец до места слияния Большой реки с ее правым притоком. Ун хорошо знал эту небольшую, но бурную речку; ему не раз приходилось переправляться через нее. Он провел Зура сквозь лабиринт огромных валунов, и путники очутились в местах, где обычно охотились тигры. И сразу все вокруг показалось им угрожающим. Ибо лев спит днем в своем логове, а тигр рыщет повсюду и спит там, где застанет его утро, в местах, которых избегают другие хищники... Человек не в состоянии угадать намерений тигра и пройти так, чтобы не встретиться с ним.

Ун и Зур шли на довольно большом расстоянии друг от друга, чтобы увеличить зону наблюдения. Присутствие травоядных успокаивало их: ни сайги, ни антилопы, ни гуары не станут спокойно

пастись по соседству с тиграми. Но, когда травоядные вдруг исчезли, молодые воины встревожились.

Ун решил, что безопаснее держаться как можно ближе к реке, поскольку все признаки жизни на суше исчезли, а речные воды по-прежнему кишели всевозможными живыми существами. Огромные гавиалы скользили, рассекая волны, между островками; бесчисленные стаи водоплавающих птиц копошились у берега. В тростниковых зарослях дремали гигантские питоны, свернув кольцами свои скользкие тела...

— Мы приближаемся к логовищу тигров! — вполголоса проговорил Зур.

Ун, напрягая зрение и слух, медленно продвигался вперед. Лес в этом месте почти вплотную подходил к воде, весь ощетинившийся колючками и опутанный лианами.

Внезапно сын Земли остановился.

— Вот здесь тигры ходят на водопой! — сказал он, указывая на тропу, пробитую в густом кустарнике.

На сырой земле виднелись многочисленные отпечатки широких лап. Зур нагнулся, чтобы рассмотреть их получше.

Острый запах ударил ему в ноздри.

— Они прошли здесь совсем недавно,— прошептал человек без плеч.

Дрожь пробежала по его телу. Ун, встревоженный, снял с плеча копье.

В чаще раздался треск... Оба человека замерли, неподвижные, словно стволы деревьев. Бежать было поздно. Если хищники близко, придется принимать бой. Но на тропе никто не появился, и сын Быка, втянув ноздрями слабый ветерок, прилетевший из чащи, сказал:

— Тигры еще далеко!

Они снова зашагали вдоль берега, стремясь быстрее миновать опасное место. Скоро лес придвинулся вплотную к реке, и, так как на опушке он был совершенно непроходим, путники свернули вправо и углубились в бамбуковую чащу.

Через некоторое время заросли поредели, и молодые воины вышли на широкую прогалину, где паслось несколько травоядных. Близился вечер, и они принялись искать место для ночлега.

Но вокруг, сколько хватало глаз, не было видно ни одной скалы или возвышенности. Лес окружал прогалину со всех сторон.

Скоро Зур обнаружил семь толстых бамбуков, которые росли близко друг от друга, образуя посредине нечто вроде естественного убежища. Три просвета между стволами были настолько узки, что человек не мог протиснуться между ними; сквозь два просвета Ун и Зур кое-как пролезли боком, но ни тигр, ни лев не сумели бы этого сделать. И, наконец, последние два просвета имели ширину в один шаг у основания, но постепенно суживались кверху. Надо было заделать их с помощью переплетенных ветвей и лиан до высоты, равной двойному росту Уна.

Молодые воины принялись поспешно срезать лианы и молодые бамбуки. Сын Быка заготавливал и обрубал их, а Зур, как более

искусный строитель, связывал бамбуки и переплетал их лианами с ловкостью, присущей людям племени ва.

Сумерки уже сгустились, когда юноши наконец закончили свою работу. Ни одна подозрительная тень не появлялась на краю прогалины. Ун и Зур развели большой костер и принялись жарить вяленое мясо и грибы. После напряженного труда ужин показался им особенно вкусным. Они испытывали гордую радость от сознания, что они — люди. Ни одно животное — даже из числа самых искусных строителей — не смогло бы за столь короткий срок соорудить такое удобное и надежно защищенное от хищников убежище.

Закончив ужин, друзья некоторое время сидели в задумчивости у входа в убежище. Луна взошла над равниной; в темном небе засверкали первые звезды. Зур в который раз спрашивал себя: кто зажигает каждый вечер на небе эти маленькие огни? Их слабый свет изумлял его,— они были подобны уголькам от горящих факелов. А солнце и луна — большие костры из толстых сучьев... Но раз они горят так долго — значит, наверху есть кто-то, все время поддерживающий огонь? Зур силился разглядеть тех, кто подбрасывает дрова в небесные костры, и не мог понять, почему они остаются невидимыми. Он думал также о том огромном тепле, которое излучает солнце. Почему оно сильнее днем, когда солнце стоит высоко над головой, а не вечером, когда солнце делается больше и опускается ближе к земле?

От таких мыслей Зур быстро уставал. Но сегодня он был поражен видом вечерних облаков, долгое время горевших на западе после того, как солнце скрылось за горизонтом. В этих облаках было больше огня, чем во всех кострах уламров, которые они зажигали в течение целой зимы. И такой большой огонь давал меньше света и тепла, чем маленький солнечный диск! Зур вдруг испугался своих размышлений. Ни одному уламру или ва не приходили в голову подобные вещи. Он сказал машинально:

— Что за люди зажигают небо, когда солнце уходит?

Ун сперва думал о тиграх, бродивших где-то неподалеку, затем дремота овладела им. Вопрос Зура вывел его из состояния полусна. Он не понял хорошенько, о чем говорит сын Земли. Ун знал, что Зуру приходят иногда в голову удивительные мысли, несвойственные другим людям.

Повернув лицо к ночному небу, уламр посмотрел на звезды.

— Зур говорит о маленьких огнях, что светятся там, наверху?

— Нет... Зур говорит о больших огнях, желтых и красных, которые только что угасли на закате. Может, их зажигают какие-нибудь неведомые племена, более многочисленные, чем уламры, кзаммы и рыжие карлики?

Ун наморщил лоб. Он смутно представил себе людей, которые прятались наверху за огненными облаками, и эта мысль была ему неприятна.

— Ночь гасит небесные огни,— ответил он сонным голосом.— Ночь заставляет наш костер светить еще ярче.

Такой ответ разочаровал Зура. Однако он продолжал еще неко-

торое время размышлять о небесных огнях. А Ун тут же забыл о вопросе, который совсем не интересовал его.

Между тем ночной ветерок становился все прохладней и доносил до слуха людей ночные шорохи и шумы. Неясные тени каких-то животных появлялись на краю прогалины и снова исчезали в чаще. Некоторые останавливались и смотрели издали на огонь, сверкавший все ярче в сгустившейся темноте ночи. Стайка из пяти-шести дхолей приблизилась к костру, жадно вдыхая соблазнительный запах жареного мяса. Но скоро они исчезли. Внезапно две антилопы выскочили из чащи и стремительно умчались в просторы саванны.

Ун вскочил на ноги, напрягая обоняние и слух.

— Пора укрыться в убежище! — прошептал он. И добавил: — Тигр близко!

Они проскользнули между бамбуковыми стволами и очутились внутри укрытия.

Густые заросли кустарников раздвинулись. В серебряном свете луны и багровых отблесках костра появился большой полосатый зверь. Он был так же велик, как лев, но ниже ростом, с более гибким и удлиненным туловищем. Уламры и люди без плеч боялись тигра больше всех других хищников, ибо даже лев уступает ему в хитрости, быстроте и ярости; махайрод не встречается по ту сторону гор, а из всего племени уламров только Нао, старому Гуну да еще двум воинам доводилось видеть пещерного льва.

Тигр шел не спеша, величественный и грозный, слегка изгибая свое длинное туловище. Увидев костер, он остановился и поднял вверх массивную голову, так что стала видна его широкая грудь, покрытая светлой шерстью. Глаза хищника вспыхнули. Такого крупного тигра Ун и Зур еще никогда не видели. И, несмотря на жгучее беспокойство, заставлявшее его кровь быстрее струиться по жилам, сын Быка невольно залюбовался могучим зверем. Ун всегда чувствовал восхищение перед силой живых существ, даже в тех случаях, когда они оказывались его смертельными врагами.

Тем не менее он сказал пренебрежительно:

— Тигр во много раз слабее пещерного льва!

А Зур добавил:

— Он все равно что леопард перед нашим могучим союзником!

Но оба прекрасно понимали, что для человека тигр был так же страшен, как их грозный товарищ, обитатель скалистой гряды.

Постояв немного, тигр снова двинулся к костру, озадаченный и недоумевающий. Как и все дикие звери, он смертельно боялся огня. Ему довелось однажды убегать от степного пожара, зажженного молнией. Но это пламя напоминало скорее огни, которые загораются в небе, когда ночь подходит к концу... Тигр подошел так близко, что почувствовал жар, исходивший от костра. Он увидел языки пламени, лизавшие сухие сучья, услышал треск горящего дерева и гул огня. Страх охватил хищника; он повернул влево и стал обходить костер, держась на расстоянии от огня. Этот маневр привел его к группе бамбуков. Зверь одновременно увидел людей и почуял их запах.

Тигр глухо зарычал, затем испустил протяжный охотничий крик, напоминающий вой дхолей.

Ун, не задумываясь, ответил своим боевым кличем. Тигр вздрогнул, изумленный, и стал внимательно разглядывать невиданных противников. Они показались ему слабосильными; запах напоминал запах робких и беззащитных существ. Между тем все те, кто осмеливался противостоять хищнику, обладали исполинским ростом и колоссальной силой.

Однако, будучи старым и опытным и зная, какие неожиданности скрывает подчас неведомое, тигр решил проявить осторожность. Близость огня придавала еще больше таинственности странным двуногим существам.

Хищник медленно приблизился к группе бамбуков и обошел ее кругом. За долгие годы охоты в джунглях он научился безошибочно определять расстояние, отделявшее его от добычи. Это умение неизменно помогало ему настигать свою жертву, когда до нее оставался лишь один прыжок. Тигр знал также прочность бамбуковых стволов и даже не попытался пройти там, где просветы между ними были слишком узкими. Миновав их, тигр остановился перед стеной из сплетенных ветвей и, подняв когтистую лапу, попробовал разорвать тонкие лианы. Но в тот же момент копье Уна едва не задело его ноздри.

Зверь отступил, глухо рыча, и остановился в нерешительности. Этот неожиданный отпор делал неведомых противников еще более непонятными. Ярость овладела хищником; хриплое дыхание с шумом вырывалось из широкой груди. Молниеносным прыжком он обрушился на зеленую стену. На этот раз копье Уна попало в цель: оно вонзилось прямо в пасть хищника.

Тигр почувствовал, что стены убежища прочны, а мужество обороняющихся велико. Он снова отступил, припал к земле и стал ждать.

Но час охоты еще не наступил. Тигру хотелось пить. Если бы огонь не привлек его внимания, он сперва спустился бы к водопою. Через некоторое время злоба хищника стала остывать, и он снова почувствовал ту невыносимую сухость в горле, которую могла утолить только прохладная речная вода.

Протяжно зарычав, зверь поднялся на ноги, обошел два раза вокруг убежища и скрылся в густом кустарнике, где виднелся узкий проход, ведущий к реке. Ун и Зур смотрели ему вслед.

— Он вернется! — сказал Зур.— И, быть может, вместе с тигрицей.

— Ни одна лиана не разорвана,— ответил уламр.

Некоторое время они тревожно размышляли о грозившей им опасности. Однако первобытные люди были не способны долго испытывать страх перед будущим. Убежище, сооруженное ими на ночь, выдержало первую атаку тигра; оно сохранит их и от всех последующих. Не было даже необходимости бодрствовать; едва они растянулись на земле, как богатырский сон овладел ими.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Атака тигра

Ун проснулся в середине ночи. Луна уже скрылась за вершинами леса на западе, но ее невидимые лучи окрашивал розовым цветом густой туман, клубившийся над деревьями. Пепельный сумрак окутывал прогалину. Костер догорал, отбрасывая слабый свет.

Приподнявшись на локте, уламр увидел вокруг лишь неподвижные, словно уснувшие, деревья. Но обоняние предупредило его о чьем-то присутствии. Вот на фоне зарослей возникла тень и остановилась у небольшой купы пальм, затем осторожно двинулась к убежищу. Ун знал, что это тигр; с тревогой и гневом следил он за приближением хищника. Но, несмотря на ужас, который внушал ему тигр, молодой воин всем своим существом жаждал схватки с ним. Разве Нао не одолел в свое время серого медведя и тигрицу? А сам Ун разве не убил махайрода, победившего носорога? Кровь бросилась в голову уламру, но он тотчас же овладел собой. Осторожность, унаследованная от многих поколений предков, охладила его воинственный пыл. Ун прекрасно понимал, что ни Нао, ни Фаум не рискнули бы первыми напасть на тигра, разве что для спасения своей жизни.

К тому же проснулся тот, кто всегда удерживал молодого уламра от опрометчивых поступков. Человек без плеч поднялся с земли, посмотрел на тигра, потом на своего товарища, схватившего тяжелую палицу, и сказал:

— Тигр не нашел добычи.

— Если он подойдет к хижине,— ответил уламр прерывающимся от волнения голосом,— Ун метнет в него копье и дротик.

— Опасно нанести тигру рану. Его ярость сильнее, чем ярость льва.

— А если он не захочет уйти от убежища?

— У нас есть запас пищи на два дня.

— Зато нет воды. А что, если к тигру присоединится тигрица?

Зур промолчал. Он уже подумал об этом. Он знал — хищники иногда объединяются, чтобы сообща преследовать добычу. Но, поразмыслив минуту, сказал:

— Тигр бродит один с самого вечера. Тигрица, должно быть, далеко отсюда.

Ун, как всегда, мало задумывался о будущем и потому не стал настаивать на своем предположении. Все внимание его было приковано к тигру, который тем временем приблизился к бамбукам на расстояние пятидесяти шагов. В свете догоравшего костра отчетливо была видна его массивная голова с огромной пастью, окаймленной жесткой щетиной усов. Глаза сверкали еще ярче, чем в прошлый раз. Ун испытывал странную ненависть к их зеленому мерцанию; Зура при виде его охватила лихорадочная дрожь. Временами из груди зверя вырывалось низкое, протяжное рычание. Он подошел

еще ближе, затем принялся кружить вокруг бамбуков с ужасающим, способным довести до отчаяния, терпением. Можно было подумать, что тигр ждет, не расширятся ли просветы между стволами, не раздвинутся ли сплетенные из ветвей и лиан зеленые стены. И каждый раз, когда зверь приближался к убежищу, оба человека вздрагивали, будто боялись, что ожидания хищника сбудутся.

В конце концов тигр перестал рыскать вокруг убежища и затаился в высокой сухой траве. Положив морду на лапы, он терпеливо наблюдал за скрытыми позади бамбуков странными существами. Иногда хищник зевал, широко раскрывая пасть, и тогда при слабом свете догоравшего костра видно было, как блестят его страшные клыки...

— Он не уйдет отсюда и утром,— мрачно сказал Ун.

Зур ничего не ответил другу. Он задумчиво разглядывал две маленькие сухие ветки скипидарного дерева. Зур любил всегда иметь под руками сухую растопку. Он осторожно расколол одну веточку вдоль и принялся собирать мелкие щепки и травинки.

— Не собирается ли Зур зажечь в убежище костер? — укоризненно спросил Ун.

— Ветра нет, земля вокруг убежища голая, а бамбуки — молодые и зеленые. Зуру нужен только маленький огонь.

Ун не стал противоречить. Он смотрел, как крохотные язычки пламени лижут сухие веточки и травинки, а его товарищ тем временем зажег на этом крошечном костре кончик смолистой ветки. Скоро она вспыхнула ярким пламенем. Тогда, подойдя к одному из просветов, сын Земли швырнул свой пылающий факел в сторону хищника. Пламя описало широкую дугу и упало в сухую траву, которой еще не успели коснуться ночные испарения.

Тигр отпрянул в сторону. Огненный снаряд пронесся мимо него и исчез в гуще высоких стеблей. Ун беззвучно рассмеялся.

В густой траве мерцала лишь крохотная красная точка. Тигр, успокоившись, снова улегся на землю...

Подождав еще немного, Зур зажег вторую ветку. Но не успела она разгореться, как вдруг из чащи сухих стеблей взвился кверху огненный язык. Тигр снова вскочил, злобно рыча, и рванулся вперед, но в ту же минуту Зур метнул в него вторую ветку. Пылающий факел угодил прямо в грудь хищнику.

Обезумев от ужаса, тигр закружился на месте, затем бросился в сторону. Но огонь с сухим потрескиванием, казалось, гнался за зверем по пятам, перепрыгивая с одного стебля на другой; затем рассыпался снопами и окутал хищника со всех сторон... Жалобно воя от боли и страха, тигр прорвался сквозь огненное кольцо и убежал.

— Он не вернется больше! — уверенно сказал Зур.— Ни один зверь не возвращается на то место, где его опалил огонь.

Хитроумие друга восхитило Уна. Смех его не был больше беззвучным, он звенел над прогалиной, как ликующий боевой клич.

— Зур хитрее старого Гуна, самого умного среди уламров! — воскликнул он радостно.

И его мускулистая рука ласково коснулась плеча друга.

Тигр действительно не приходил больше, и молодые воины спокойно проспали весь остаток ночи. Густой туман окутывал прогалину, тишина и безмолвие царили на ней до самой зари. Затем стали появляться дневные животные. Гул пробуждающейся жизни донесся с берегов Большой реки и с бесчисленных деревьев, окружавших поляну. Ун выбрался из убежища и осмотрелся. Никаких подозрительных запахов в воздухе не чувствовалось. Олени не торопясь прошли через поляну; их появление окончательно успокоило молодого охотника.

Он обернулся к Зуру и сказал:

— Мы продолжим наш путь, но сначала пройдем на запад, чтобы не встретиться больше с тигром.

С первыми лучами солнца они тронулись в дорогу. Ночной туман медленно таял; клочья его поднимались к бледному утреннему небу и исчезали в постепенно густевшей синеве. Травоядные стали попадаться все чаще, и молодые воины поняли, что они миновали, наконец, охотничьи владения тигров.

Однако Ун с новой тревогой вдыхал горячий, неподвижный воздух. Удушливый, давящий зной окутывал деревья и кустарники; красноголовые мухи неотступно преследовали путников; солнечные лучи, проникавшие сквозь густую листву, жгли обнаженную кожу, словно укусы термитов.

— Гром будет греметь над лесом! — сказал Зур.

Ун остановился и посмотрел на запад. Впереди открывалась широкая прогалина. Над ней простиралась ярко-синяя полоса неба без единого облачка. И тем не менее оба чувствовали смутную тревогу, постепенно распространявшуюся в природе.

Они шли опушками густых зарослей, стараясь держаться ближе к берегам Большой реки. К полудню гроза, казалось, все еще была далеко. Не разжигая огня, путники съели без всякого удовольствия по куску холодного мяса, зажаренного накануне, и немного отдохнули под деревом, тревожимые назойливыми насекомыми.

Когда они собирались идти дальше, первые тучи стали появляться на западе. Молочная белизна постепенно заволакивала небесную лазурь. Из чащи донесся тревожный рев буйволов и жалобный крик оленя. Обеспокоенные кобры бесшумно скользили среди высоких трав.

Некоторое время молодые воины были в нерешительности: продолжать ли им путь? Но окружающая местность явно не подходила для стоянки: тысячелетние деревья вздымали к небу свои гигантские кроны; почва под ними была мягкой и рыхлой. И вокруг — никакого укрытия от надвигающейся бури, которая скоро обрушится на лесные чащи...

Первые порывы ветра уже проносились над вершинами деревьев с шумом, напоминающим рев горной реки. За ними следовали минуты густой, давящей тишины. Плотная стена облаков, постепенно темнея, поднималась все выше к зениту; края ее зловеще светились. Затем яростные вспышки молний озарили мертвенным светом зеленое море деревьев... Но они рождались далеко от того места, где находились Ун и Зур, и гром еще не примешивал своего

голоса к грохоту бури. Когда же стена туч достигла зенита и стала заволакивать восточную половину неба, ужас приковал к земле всех обитателей джунглей. Лишь изредка можно было увидеть испуганное животное, спешившее укрыться в своем логове, или встревоженное насекомое, не успевшее забиться в трещину древесной коры.

Ун и Зур знали, как страшна для всех живых существ ярость разбушевавшихся стихий. Ун лихорадочно озирался в поисках хоть какого-нибудь укрытия, а Зур время от времени поглядывал на небо и спрашивал себя, что за чудовищные хищники прячутся там, наверху, среди клубящихся туч? Вот уже доносится издали их глухое рычание... Затем рев чудовищ сделался оглушительным, а блеск молний — нестерпимым. Послышался постепенно нарастающий шум дождя; скоро он превратится в грохот катящихся по земле дождевых потоков. Гром непрерывно гремел над головами. Лес внезапно расступился, и путники увидели прямо перед собой большое озеро, окруженное обширными болотами.

Под ветви гигантского баньяна, где остановились Ун и Зур, вполз леопард. Сверху слышались жалобные крики тонкотелов[1].

Ливень усилился; казалось, с неба, прорвав невидимую плотину, низвергается целый океан. Ветер налетал яростными шквалами. За один час вода в озере поднялась и наполнила до краев прибрежные болота. Скоро одно из них вышло из берегов и стало заливать опушку.

Ун и Зур бросились обратно в глубь леса, но вода прибывала со всех сторон; грозный рев клокочущих потоков сливался с грохотом урагана и громовыми раскатами. Молодые воины бежали наугад, не разбирая дороги, по направлению к востоку, преследуемые по пятам наводнением. Едва им удавалось увернуться от одной волны, как дорогу внезапно преграждала другая. Ун мчался, словно молодой конь, Зур следовал за ним, пригнувшись к земле. Наконец расстояние между беглецами и поднимавшейся водой стало увеличиваться, но молодые воины продолжали бежать на восток, в надежде добраться до берегов Большой реки.

Они пересекали прогалины, продирались сквозь заросли бамбуков и пальм. Вышедшее из берегов болото вынудило их свернуть к северу.

Гроза утихала. Ветер уже не завывал так неистово. Дождь прекратился.

Ун и Зур выбежали на поляну, через которую катился бурный поток, образовавшийся после ливня, и остановились у самой воды, пытаясь определить ее глубину.

Внезапно сверкнула молния и словно скосила группу эбеновых деревьев на противоположном берегу.

Чье-то гибкое, длинное тело метнулось в сторону от рухнувших на землю лесных великанов. Ун и Зур сразу узнали тигра. Несколько минут хищник, обезумев от ужаса, метался по берегу, затем остановился и увидел людей.

Инстинкт подсказывал Уну, что перед ними тот самый тигр,

[1] *Тонкотелы* — ископаемые и современные обезьяны из семейства мартышковых.

который рыскал прошлой ночью вокруг их убежища. Зур же уверился в этом, как только увидел на груди зверя рыжеватое пятно опаленной шерсти.

Тигр тоже узнал своих таинственных двуногих противников, вспомнил огонь, опаливший ему грудь прошлой ночью и едва не погубивший его. По странной случайности хищник встретился снова с этими загадочными существами в ту самую минуту, когда другой, более страшный огонь уничтожил на его глазах купу эбеновых деревьев. Это заставило хищника остановиться в нерешительности.

Несколько мгновений все трое стояли неподвижно. Расстояние, отделявшее людей от тигра, было слишком коротким. Приходилось принимать бой.

Ун уже сорвал с плеча копье. Осторожный Зур, понимая, что на этот раз за отступлением неизбежно последует погоня, тоже приготовился к битве. Он первым метнул в тигра свое оружие.

Дротик просвистел над бурлящими водами потока и вонзился в правое веко хищника... С яростным воплем зверь рванулся вперед. Но кровь, заливавшая ему глаз, помешала смертоносной точности прыжка. Длинное, гибкое тело хищниа, не достигнув берега, упало в клокочущую воду. Перевернувшись несколько раз, тигр добрался до берега и зацепился за него передними лапами. Ун ринулся вперед, но его копье, вместо того чтобы вонзиться в плечо хищника, ударилось о его широкую грудь. Тигр выскочил на берег и бросился в атаку. Он заметно хромал; движения его были замедленными. Второй дротик, брошенный Зуром, впился в левый бок зверя, в то время как Ун наносил удар в затылок...

Затем, высоко подняв палицы, молодые воины приготовились к решающей схватке. Тяжелый дубовый комель с размаху опустился на широкий лоб хищника. Зур, зайдя сбоку, нанес зверю удар в затылок. Когтистая лапа разорвала кожу на груди Уна, но уламр молниеносно отпрянул в сторону, и страшные когти тигра лишь скользнули вдоль его туловища. В ту же минуту Ун нанес хищнику второй удар, на мгновение парализовавший зверя. И, прежде чем тигр успел опомниться, палица Уна в третий раз опустилась на голову хищника с такой силой, что тот упал и больше не мог подняться...

Острие дротика, вонзившись прямо в сердце зверя, оборвало его жизнь.

II

Лесные люди

Последующие дни были благоприятны для путников. Они отважно продвигались вперед по неизведанной местности, следуя течению Большой реки, которая в этих местах была широкой, словно озеро. Они ночевали в джунглях и на речном берегу, в расселине базальтового утеса и в дупле столетнего дерева, а иногда — в непролазной чаще кустарников с такими крепкими и длинными колючками, что,

прорубив в ней топорами узкий коридор и закрыв затем входное отверстие, можно было спокойно спать, не опасаясь нападения хищников.

Обширное озеро преградило им путь на юг и заставило уклониться в сторону от Большой реки. Огибая его, путники очутились перед невысоким горным кряжем. Им пришлось потратить всего полдня, чтобы подняться наверх. Здесь перед ними открылся вид на широкое плоскогорье, тянувшееся с северо-востока на юго-запад и густо поросшее степными травами. Вдали синел лес. На северо-западе возвышался горный хребет, с которого стекали две реки, питавшие новое озеро.

Ун и Зур добрались до леса лишь к закату солнца. Местом для ночлега они избрали глубокую расселину в порфировом утесе, закрыв вход в нее ветвями деревьев. Затем разожгли на опушке леса большой костер и поджарили на нем мясо. Здесь, на плоскогорье, не чувствовалось такой томительной жары, как внизу, на равнинах. С соседних гор дул легкий и свежий ветерок. После душных и знойных ночей на берегах Большой реки Ун и Зур наслаждались этой живительной прохладой, которая напоминала им о вечерах, проведенных с родным племенем уламров. Чистый и свежий воздух доставлял молодым воинам такое же наслаждение, как и вкусная еда. Шелест леса походил на журчание отдаленного ручья. Из чащи изредка доносилось мяуканье хищника, зловещий хохот гиены или вой дхолей.

Внезапно лес огласился пронзительными криками, и на опушке, среди древесных ветвей, замелькали странные фигуры. Они походили на собак и отчасти на рыжих карликов. Очень подвижные лица освещались круглыми, близко посаженными глазами.

Ун и Зур сразу узнали их. Это были обезьяны-резусы, покрытые густой шерстью, зеленоватой на спине и желтоватой на груди, с лицами красными, словно заходящее солнце. Они с любопытством смотрели на огонь.

Сын Земли не испытывал к ним отвращения. В каком-то смысле он считал этих обезьян подобными себе — в той же мере, что и рыжих карликов. Ун разделял его убеждение. Странствуя по новым землям, путники почти каждый день встречались с этими животными и знали, что они безобидны. Однако благодаря отдаленному сходству с рыжими карликами резусы все же внушали молодым воинам смутное недоверие.

В свете угасающего дня можно было разглядеть на деревьях около дюжины обезьян. Посмотрев некоторое время на огонь, резусы начинали с головокружительной быстротой прыгать с ветки на ветку и с дерева на дерево, затем останавливались и снова созерцали необычное зрелище.

Наконец большой самец, ростом с взрослого волка, медленно спустился с дерева на землю и двинулся по направлению к костру. Пройдя десяток шагов, он остановился и издал нежный, жалобный звук, видимо, означавший призыв.

Вспомнив предательское поведение рыжих карликов, которые были ненамного больше резусов, Ун взялся было за копье, но тут

же отложил его в сторону, услышав жалобный голос обезьяны. Постояв немного, резус снова продвинулся на несколько шагов вперед. Затем остановился, по-видимому, окончательно удерживаемый на месте одновременно и страхом и любопытством.

Со стороны саванны донесся протяжный вой. Три волка появились на вершине ближнего бугра. Ветер дул в их сторону, и ни люди, ни обезьяны не почуяли приближение хищников.

Резус бросился обратно к опушке. Но один из волков — самый проворный — преградил ему дорогу, в то время как остальные окружили добычу, чтобы отрезать ее от леса. Лишь путь к огню оставался свободным. Большая обезьяна несколько мгновений стояла в растерянности, между тем как ее сородичи отчаянно кричали. Обезьяна повернула испуганное лицо к людям, увидела, что волки сжимают свой треугольник, и, обезумев, бросилась к костру...

Когда резус подбежал к огню, волки почти настигали его. Обезьяна закричала раздирающим голосом: между хищниками и страшными языками пламени не оставалось свободного пространства...

Повернув голову в сторону леса, резус с тоской взглянул на зеленый океан листьев, где он так легко мог ускользнуть от преследователей. Затем его полные отчаяния глаза вторично обратились к людям, моля о помощи.

Зур вскочил на ноги, высоко вскинув дротик, и бросился навстречу обезьяне. Волк отступил перед странным двуногим существом. Ун, в свою очередь, поднялся во весь рост. Волки злобно завыли. Держась на почтительном расстоянии, они делали вид, что собираются перейти в атаку, свирепо рыча и скаля зубы.

Ун презрительно швырнул в них камнем. Обломок базальта угодил ближайшему волку в плечо. Взвыв от боли, зверь отступил к остальным.

— Волки не заслуживают удара копьем или дротиком,— пренебрежительно усмехнулся уламр.

Среди густых ветвей на опушке леса по-прежнему метались и кричали взволнованные обезьяны. А резус, застыв на месте, с ужасом смотрел на своих спасителей. Его длинные руки дрожали. Страх пригвоздил его к земле.

Однако постепенно сердце спасенного стало биться спокойнее; круглые глаза уже с меньшим недоверием глядели на людей. Теперь резус боялся только огня и волков. Но так как огонь костра оставался на месте и пламя было словно ограничено невидимой чертой, обезьяна понемногу перестала опасаться и огня.

Отогнав хищников, Ун и Зур принялись с любопытством рассматривать своего гостя. Он сидел на земле, словно ребенок; маленькие ручки и плоская грудь дополняли сходство.

— Волки не съедят зеленого карлика! — сказал Ун со смехом, который заставил обезьяну подскочить.

— Ун и Зур проводят его до леса! — добавил человек без плеч.

Когда они подошли ближе, резус снова задрожал. Но медленные движения и ласковые глаза людей успокоили его. Резус почувст-

вовал доверие и смутную симпатию к этим необычайным существам.

Время шло. Волки все еще сидели поодаль и стерегли добычу. Но в конце концов они все же вынуждены были уйти. Их темные силуэты растаяли в вечерних сумерках.

Резус не сразу покинул своих новых друзей. Он уже начал привыкать к огню. Ветер с гор становился холодным; безоблачное небо словно всасывало тепло земли в свою бездонную синюю чашу. Подражая людям, обезьяна с видимым удовольствием грелась в теплом дыхании горящего костра.

Наконец резус тихо вскрикнул, пристально посмотрел на людей и побежал к лесной опушке.

Ун и Зур пожалели о его уходе.

На следующий день молодые воины углубились в лес. Их изумляла величина деревьев и кустарников. Змей здесь было гораздо меньше, чем на равнинах. Стаи белоголовых воронов громко каркали на вершинах деревьев. Гауры неторопливо пересекали лесные поляны и исчезали в чаще. Черные медведи показывались в развилках толстых ветвей. Иногда на склоне дня вдалеке появлялся леопард, не смея, однако, напасть на людей. Затем стали встречаться большие стаи тонкотелов с длинными хвостами и бородатыми лицами. Они свешивались гроздьями с высоких веток и пронзительно кричали, словно радуясь тому, что их так много.

На четвертую ночь легкий ветерок донес до ноздрей Уна необычный запах. Со времени вступления на новую землю ни один запах не напоминал ему до такой степени запах человека. Уламр вздрогнул: беспокойство овладело им, все мускулы напряглись. Никакой другой запах, будь то запах тигра, махайрода или даже самого пещерного льва, не мог показаться сыну Быка более пугающим.

Он разбудил Зура. Оба напрягли все чувства, пытаясь разобраться в незнакомых запахах. Однако человек без плеч не обладал остротой обоняния, свойственной уламру, и мог уловить лишь смутные дуновения, тогда как Ун, расширив ноздри, вдохнул несколько раз ночной воздух и сказал уверенно:

— Запах напоминает запах кзаммов.

Племя кзаммов было самым свирепым из всех известных Уну и Зуру человеческих племен. Жесткие рыжеватые волосы, напоминающие шерсть лисицы, росли пучками на их лицах и туловищах. Руки были длинными, как у древесных людей, а ноги — кривые и короткие, с огромными пальцами. Они съедали побежденных уламров и уничтожали без остатка всех людей без плеч, уцелевших после битвы с рыжими карликами.

Запах постепенно слабел; таинственное существо, по-видимому, удалялось. Но затем запах опять резко усилился, и Зур, наконец, прошептал:

— Сын Быка сказал правду. Это похоже на запах кзаммов.

Дыхание Уна участилось; тревога сжимала сердце. Палица лежала у его ног; он взял в руки копье, чтобы можно было сразу поразить невидимого врага.

Теперь уламр был уверен, что таинственный незнакомец не один. Запах шел одновременно с двух сторон. Он сказал раздраженно:

— Они нас видят, а мы их нет. Надо, чтобы мы тоже их увидели!

Более медлительный, чем уламр, человек без плеч колебался.

— Огонь освещает нас,— продолжал Ун.

Он поднял палицу с земли. Зур попробовал еще раз всмотреться в окружающий мрак, но не сумел уловить что-либо определенное и, понимая, что неизвестные существа могут каждую минуту напасть на них врасплох, согласился с Уном.

Уламр быстрым шагом двинулся в темноту. Зур следовал за ним в молчании. Пригнувшись к земле, изучая каждую неровность почвы, они останавливались по временам, и Ун, более чуткий, напрягал слух и обоняние. В одной руке он держал палицу, в другой — копье и дротик. По мере того как они продвигались вперед, обоняние уламра снова и снова улавливало подозрительные запахи. Скоро сын Быка убедился, что таинственных существ было только двое.

Впереди, в густом кустарнике, послышался шорох. Ветки закачались. До слуха молодых воинов донесся еле уловимый звук удаляющихся шагов. Ун и Зур успели заметить смутные очертания чьей-то фигуры, однако не смогли даже определить, была ли она вертикальной. Но шаги, несомненно, принадлежали существу, передвигающемуся на двух ногах. Ни резус, ни тонкотел, ни даже гиббон не бегали таким образом.

Ун сказал вполголоса:

— Это люди!

Они застыли на месте, потрясенные до глубины души. Темнота сразу стала угрожающей. И внезапно перед лицом смертельной опасности Ун бросил в ночь свой боевой клич. Тогда послышались другие шаги, в стороне от первых; шаги и запах скоро ослабели и исчезли. Уламр рванулся вперед. Его остановили заросли лиан, затем непроходимые болота. Зур спросил:

— Зачем Ун испустил боевой клич? Быть может, эти люди не хотят сражаться с нами.

— Их запах подобен запаху кзаммов!

— Запах голубых людей тоже похож на запах кзаммов.

Это замечание поразило Уна. Осторожности ради он несколько минут оставался неподвижным, затем глубоко втянул ноздрями ночной воздух и сказал:

— Они далеко!

— Они знают лес, а мы не знаем его,— заметил Зур.— Мы не увидим их этой ночью. Придется ждать рассвета.

Ун ничего не ответил. Он отошел в сторону и лег, прижав ухо к земле. Сразу стали явственно слышны всевозможные ночные звуки, и среди них уламр лишь с трудом различил удаляющиеся шаги неизвестных людей. Скоро они замерли вдали.

— Лесные люди не осмелились принять бой,— сказал Ун, поднимаясь с земли.— А может, они отправились известить своих сородичей?..

Они вернулись к костру и подбросили хворосту в огонь. На сердце у обоих было тяжело.

Но в лесу наступила тишина, и опасность вдруг показалась им очень далекой. Уламр сразу уснул, а Зур еще долго сидел у костра, задумчиво глядя на багровые отблески догорающего пламени.

Утром молодые воины долго были в нерешительности: стоит ли продолжать путь или лучше вернуться обратно. Менее склонный к риску Зур мечтал снова очутиться на берегу Большой реки, по соседству с пещерным львом, союз с которым делал их неуязвимыми для всех врагов. Но Уну с его беспокойным характером претила мысль об отступлении.

— Если мы повернем обратно, лесные люди могут последовать за нами. И кто знает — нет ли других людей в тех лесах, где мы прошли?

Зуру эти доводы показались убедительными. Он знал, что человеческим племенам свойственно передвигаться с места на место гораздо больше, чем волкам, шакалам и дхолям. Только птицы преодолевают еще более обширные пространства. Если молодые воины не встречали до сих пор на своем пути людей, это не значит, что их не было ни справа, ни слева и что они не встретят этих людей, когда пойдут обратно.

Зур согласился на риск. Более предусмотрительный, чем Ун, менее склонный к битвам и схваткам, он обладал не меньшим мужеством, чем его могучий товарищ. Все сородичи Зура погибли, и, если бы не Ун, человек без плеч чувствовал бы себя на земле совсем одиноким. Все радости жизни были связаны в его представлении с дружбой молодого уламра. Зур скорее согласился бы погибнуть, чем жить без своего товарища и друга.

Они двинулись дальше.

День прошел без новых тревог, и, когда вечером молодые воины выбрали место для ночлега, никаких подозрительных запахов в воздухе не чувствовалось.

Они находились в самой глубине леса. Видимо, в это место недавно ударила молния, которая спалила несколько деревьев и выжгла траву вокруг них. Три сланцевые глыбы, нагроможденные одна на другую, представляли надежное убежище. Надо было только закрыть вход в него колючими ветками. Ун и Зур изжарили на костре заднюю ногу оленя, мясо которого они особенно любили за нежный вкус. Поужинав, они улеглись спать под яркими звездами.

Рассвет был близок, когда Ун внезапно проснулся и увидел, что Зур стоит у входа в убежище и, склонив голову набок, напряженно прислушивается.

— Зур слышит шаги тигра или льва?

Зур не знал. Ему показалось, что до него снова донесся подозрительный запах. Ун, расширив ноздри, вдохнул несколько раз прохладный ночной воздух и сказал утвердительно:

— Лесные люди вернулись.

Он отодвинул колючую преграду и медленно пошел по направле-

нию к югу. Запах почти улетучился; это был лишь след, оставшийся после прохода таинственных существ. Преследовать их в темноте казалось немыслимым. Ун и Зур вернулись в убежище и стали ждать утра.

Небо на востоке медленно светлело. Пепельный свет разливался по темным грядам облаков. Проснувшаяся птичка прощебетала свою первую песенку. На востоке, среди клубящихся туч, появились багровые отблески. И вдруг облака вспыхнули ярким огнем, и сквозь гигантские кроны стал виден ослепительно-алый диск солнца.

Не теряя времени, Ун и Зур двинулись в путь. Они шли на юг, подгоняемые страстным желанием разгадать мучившую их загадку. Инстинкт подсказывал молодым воинам, что надо любой ценой узнать, что представляют собой неведомые существа и как обороняться от них.

Лесные тропы в этой части леса, казалось, были проложены много раз проходившими здесь людьми.

Ун продолжал чувствовать незнакомый запах. Долгое время запах этот оставался слабым и еле уловимым, но к середине дня вдруг резко усилился. Охваченный нетерпением, уламр ускорил шаг. Лес постепенно редел. Открылась широкая прогалина, поросшая островками деревьев, кустарником и высокими папоротниками. Кое-где поблескивали болотца.

Внезапно сын Быка вскрикнул: на влажной земле виднелись свежие следы. Можно было различить отпечаток широкой ступни с пятью пальцами, более напоминающий отпечаток человеческой ноги, чем след дриопитека.

Склонившись к земле, Ун долго рассматривал следы.

— Лесные люди недалеко,— сказал он.— Они еще не успели добраться до конца прогалины.

Молодые воины снова устремились вперед. Сердца их бились учащенно; они тщательно обследовали каждую купу деревьев, каждый куст на своем пути. Пройдя три или четыре тысячи шагов, Ун остановился и, указывая на густые заросли мастиковых деревьев, сказал вполголоса:

— Они здесь!

Дрожь охватила обоих юношей. Они ничего не знали о силе противника. Уну было лишь известно, что их двое. Если у лесных людей нет метательных снарядов-дротиков, преимущество будет на стороне уламра и ва.

— Готов ли Зур к схватке? — спросил Ун друга.

— Зур готов... Но сначала надо попытаться заключить союз с лесными людьми, как некогда люди без плеч заключили союз с уламрами.

— Оба племени были врагами рыжих карликов!

Ун вышел вперед, потому что хотел принять на себя первый удар. Страх за жизнь товарища толкал его навстречу неведомой опасности.

Подойдя к зарослям мастиковых деревьев на расстояние ста шагов, молодые воины стали медленно огибать заросли, подолгу

останавливаясь и внимательно изучая каждый просвет в зеленой чаще. Но ничего похожего на живое существо нельзя было разглядеть за непроницаемой завесой широких листьев.

Потеряв терпение, уламр громко крикнул:

— Лесные люди думают, что спрятались, но Ун и Зур обнаружили их убежище. Ун и Зур сильны. Они победили махайрода и убили тигра!

Зеленая чаща молчала. Ни звука не донеслось в ответ — ничего, кроме шелеста пролетающего ветерка, жужжания красноголовых мух и далекой песенки лесной пичужки.

Ун снова возвысил голос:

— У людей племени уламров чутье, как у шакалов, и слух, как у волков! Два лесных человека прячутся среди мастиковых деревьев!

Страх, осторожность или хитрость по-прежнему заставляли неизвестных хранить молчание.

Ун приготовился метнуть дротик. Однако, передумав, срезал несколько тонких веток и стал подравнивать их. Зур последовал его примеру.

Закончив работу, они не сразу решились перейти к действиям. Зур, как всегда, предпочитал выждать; даже Ун был полон неуверенности. Однако мысль о скрытой опасности становилась для уламра невыносимой; он приладил одну из заготовленных веток к метательному снаряду и пустил в чащу. Ветка исчезла среди густой листвы.

Трижды возобновляли молодые воины свои попытки. На четвертый раз в чаще послышался глухой крик, ветви раздвинулись, и странное волосатое существо вышло из зарослей мастиковых деревьев.

Подобно Уну и Зуру, оно держалось на задних ногах; спина была согнута дугой, плечи, почти такие же узкие, как у Зура, сильно наклонены вперед. Грудь выдавалась углом, как у собаки, руки казались короче, чем у обезьян. Массивную голову с громадными челюстями и низким покатым лбом украшали острые уши, одновременно напоминавшие уши шакала и уши человека. Узкая полоска длинных волос шла от лба к затылку, образуя на макушке нечто вроде гребня, по обе стороны которого торчали короткие и редкие пучки растительности. Тело было сухое и мускулистое; рост — ниже уламров, но выше рыжих карликов. В руках пришелец держал острый камень.

Несколько мгновений его круглые глаза со страхом и ненавистью смотрели на молодых воинов; кожа на лбу собралась в складки.

Ун и Зур внимательно рассматривали фигуру незнакомца, изучали его движения. Последние сомнения рассеялись: существо, стоящее перед ними, безусловно, было человеком. Камень, который пришелец держал в руках, носил следы грубой обработки. Лесной человек держался на ногах гораздо прямее, чем голубые люди, и было во всех его движениях и облике нечто, несомненно, человеческое...

Зур оставался озабоченным, но громадный уламр, сравнив ору-

жие незнакомца со своей тяжелой палицей, дротиками, копьем и топором, а свой исполинский рост — с невзрачной, приземистой фигурой лесного человека, счел превосходство над ним неоспоримым. Он сделал несколько шагов вперед по направлению к зарослям мастиковых деревьев и громко воскликнул:

— Сын Быка и сын Земли не собираются убивать лесного человека!

Хриплый голос ответил ему: голос, похожий на рычание медведя, но в котором смутно угадывались членораздельные звуки. И другой голос, не столько низкий, прозвучал вслед за первым. Из чащи зеленых ветвей появилась вторая фигура: более тщедушная, с узкой грудью, круглым животом и кривыми ногами. Женщина смотрела на молодых воинов округлившимися от страха глазами, полуоткрыв рот.

Ун принялся смеяться. Он показал свое оружие, поднял огромную руку с могучими мускулами и сказал:

— Могут ли мужчина и женщина с длинными волосами противостоять сыну Быка?

Смех Уна изумил незнакомцев и, видимо, уменьшил их страх. Любопытство осветило тупые лица.

Зур сказал мягко:

— Почему бы волосатым людям не заключить союз с уламром и ва? Лес велик, и добыча обильна...

Он знал, что лесные люди не могут понять его слов, но, подобно Уну, непоколебимо верил в могущество членораздельной речи. И он не ошибался: волосатые существа прислушивались к его словам с любопытством, которое постепенно переходило в доверие...

Сын Земли умолк, но лесные люди все еще продолжали стоять, слегка наклонившись вперед; затем женщина издала несколько неясных звуков, в которых тоже чувствовался ритм человеческой речи. Ун снова засмеялся и, бросив оружие на землю, сделал знак, что не собирается воспользоваться им. Женщина тоже засмеялась хриплым, гортанным смехом, которому мужчина стал неуклюже вторить.

После этого Ун и Зур двинулись к мастиковым деревьям, взяв с собой одни палицы. Они шли медленно, часто останавливаясь. Лесные люди, вздрагивая, следили за их движениями. Они дважды делали попытку убежать, но смех уламра всякий раз удерживал их на месте. Наконец все четверо очутились в двух шагах друг от друга.

Минута была тревожной и решающей. Недоверие и страх с новой силой овладели лесными людьми. Бессознательным движением мужчина поднял руку с заостренным камнем, но Ун, снова расхохотавшись, протянул вперед свою громадную палицу:

— Что может сделать маленький камень волосатого человека против большой палицы?

Сын Земли добавил протяжно:

— Ун и Зур — не львы и не волки!

Понемногу лесные люди стали успокаиваться. И опять женщина сделала первый шаг: она робко прикоснулась к руке Зура, лепе-

ча какие-то неясные слова. Поскольку ничего страшного при этом не произошло, женщина окончательно уверилась, что гибель не угрожает ни ей, ни ее спутнику.

Зур протянул мужчине кусок сушеного мяса, который тот с жадностью съел. Ун угостил женщину съедобными кореньями.

Задолго до конца дня все четверо почувствовали себя друзьями, словно провели вместе уже много месяцев.

Огонь костра не испугал лесных людей. Они с любопытством наблюдали, как пламя пожирает сухие ветки, и скоро привыкли к его теплому дыханию.

К вечеру подул холодный ветер. Небо было ясным и чистым; нагретая за день земля быстро остывала, словно стремясь отдать свое тепло далеким звездам.

Ун и Зур радовались, глядя, как их новые товарищи греются, сидя на корточках возле пылающего костра. Это зрелище напоминало молодым воинам о вечерах, проведенных в родном становище.

Все четверо чувствовали себя гораздо увереннее от того, что их стало больше.

Зур пытался понять смысл неясных слов и жестов новых друзей. Он уже знал, что мужчину зовут Ра, а женщина отзывается на имя Вао.

Зур старался выведать у них, есть ли в лесу другие люди и принадлежат ли они к одному племени.

Постепенно сын Земли постигал значение невнятных ответов лесных людей, особенно если они сопровождались выразительной мимикой и не менее выразительной жестикуляцией.

В последующие дни их дружба стала еще тесней. Ни мужчина, ни женщина не испытывали больше недоверия к молодым воинам. В их сознании, более примитивном, чем сознание Уна и Зура, уже возникала привычка.

Врожденная кротость и стремление к покорности сменялись у Ра и Вао свирепостью и жестокосердием лишь в минуты гнева или страха. Они охотно подчинялись физическому превосходству огромного уламра.

Слух, обоняние и зрение у лесных людей были так же остры, как у сына Быка, и, сверх того, они, подобно леопардам, могли видеть в темноте так же хорошо, как и при свете дня. Они лазали по деревьям не хуже резусов и дриопитеков, охотно ели мясо, но умели довольствоваться листьями деревьев и кустарников, молодыми побегами, съедобными травами, кореньями и грибами. Бегали Ра и Вао не так быстро, как Ун, однако могли успешно соперничать с Зуром. У них не было другого орудия, кроме грубо обработанных, заостренных камней, которыми лесные люди пользовались также для срезания молодых побегов или коры деревьев. Они не умели ни добывать огонь, ни сохранять его.

Когда-то, в давно прошедшие времена, в лесах третичной эпохи далекие предки лесных людей научились произносить первые слова и грубо обтесывать острые камни. Их потомки расселились по всему

свету. И в то время как одни из них учились пользоваться огнем, а другие — искусству добывать его с помощью кремней и сухого дерева, в то время как каменные орудия постепенно совершенствовались в искусных руках, лесные люди, избалованные обилием пищи и легкой жизнью, продолжали оставаться на той же ступени развития, что и их далекие предки. Речь их, почти не изменившаяся на протяжении тысячелетий, оставалась примитивной, движения не становились разнообразней. И, самое главное, они плохо приспосабливались к новой обстановке, к новым условиям жизни.

Однако такие, как они есть, лесные люди умели противостоять леопардам, волкам и дхолям, которые поэтому редко нападали на них. Умение лазать по деревьям спасало их от преследования львов и тигров. Привыкнув питаться самой разнообразной пищей, лесные люди редко испытывали чувство голода и даже зимой без особого труда разыскивали съедобные коренья и грибы. К тому же им никогда не приходилось испытывать тех ужасных холодов, которым подвергались в зимние месяцы племена уламров, людей без плеч, рыжих карликов и кзаммов, живших по ту сторону гор, в странах Запада и Севера.

И тем не менее племя лесных людей, ранее населявшее многочисленные леса и джунгли, постепенно вымирало. Другие, более сильные племена, владевшие более развитой и членораздельной речью, умевшие делать более совершенные орудия и пользоваться огнем, понемногу оттесняли лесных людей с равнин на плоскогорье. За последнее тысячелетие победители только два или три раза в сто лет поднимались сюда, но никогда не обосновывались надолго. При их появлении лесные люди, охваченные ужасом, убегали в самые глубины леса. Это были времена тяжелых испытаний и бедствий, воспоминание о которых долго омрачало потом сознание лесных людей, передаваясь из поколения в поколение...

Ра и Вао ничего не знали об этих страшных временах. Они были молоды и еще ни разу не пострадали от нападения врагов.

Как-то, подойдя к самому краю плоскогорья, они увидели внизу, на равнине, огни далеких становищ. Но память их сохранила об этом случае лишь смутное воспоминание, которое оживало теперь перед костром, зажженным Уном и Зуром.

С каждым днем Зур и Вао все лучше понимали друг друга. Сын Земли узнал, что в лесу жили другие лесные люди, и предупредил об этом Уна. Большой уламр воспринял новость со свойственной ему беспечностью. Заключив союз с Вао и Ра, он был уверен, что ему не придется вступать в борьбу с остальными лесными людьми, так как они, конечно, не осмелятся напасть на него. Но Зур не разделял этой уверенности. Он боялся, что лесные люди заподозрят его и Уна в агрессивных намерениях.

Однажды вечером, когда желтые язычки пламени весело плясали среди сухих сучьев, Ра и Вао, блаженствуя, сидели на корточках возле костра и, обученные Зуром, забавлялись тем, что кидали в него хворост. Охотники насадили на вертел часть туши молодой лани, и она уже начала подрумяниваться на огне, распространяя кругом

дразнящий запах жареного мяса. Рядом на плоском камне пеклись грибы. Сквозь густую листву деревьев виднелся тонкий серп молодого месяца, серебрившийся среди бесчисленных звезд.

Когда мясо и грибы изжарились, Ун отдал часть Ра и Вао, а остальное разделил пополам с Зуром. Хотя убежище их в этот вечер было не слишком надежным, люди чувствовали себя в безопасности. Огромные деревья с гладкими стволами окружали стоянку: ветви их начинались на такой большой высоте, что тигр не мог до них добраться, а люди всегда успели бы укрыться на деревьях прежде, чем хищник бросится в атаку.

Это был тихий и спокойный час. Недоверие не разделяло больше суровых полудиких людей, готовых совместно отразить любое нападение.

Внезапно Ун и Ра, а затем Вао вздрогнули. Дуновение ночного ветерка донесло незнакомый, быстро улетучившийся запах, Ра и Вао засмеялись странным смехом. Ун, встревоженный, обернулся к Зуру:

— Новые люди приближаются к нам!

Зур, в свою очередь, обернулся к женщине. Нагнув голову, она напряженно всматривалась в темноту своими зоркими глазами. Зур тронул ее за плечо и знаками и словами спросил: кого она видит? Вопрос был поставлен ясно, и понять его можно было сразу. Вао, кивнув головой, протянула вперед обе руки и издала утвердительный звук.

— Ун прав,— сказал сын Земли.— Пришли новые лесные люди.

Уламр вскочил на ноги. Суровое лицо его выражало гнев и недоверие. Зур мрачно опустил глаза. Ра попытался ускользнуть в темноту, но голос Зура вернул его обратно. На лице лесного человека появилось выражение неуверенности; вид был растерянный. Ему, очевидно, не терпелось бежать навстречу сородичам, но он боялся разгневать громадного уламра.

После минутного раздумья сын Быка схватил свое оружие и решительным шагом двинулся в направлении незнакомых запахов. Они становились все сильнее. Ун подсчитал, что в чаще скрывается не менее шести или семи человек. Он ускорил шаг.

В пепельном свете звезд, струившемся сквозь густую листву, уламр смутно различил несколько силуэтов, которые тотчас же растаяли во мраке. Ун со всех ног бросился за ними, но его задерживали попадавшиеся на пути кустарники. Вдруг сын Быка остановился как вкопанный: у ног его расстилалась широкая полоса воды. Лягушки прыгали со всех сторон в прибрежную тину; другие громко и встревоженно квакали среди лотосов. Серебристая дорожка лунного света бежала по темной воде. На том берегу смутно вырисовывались движущиеся фигуры.

Ун крикнул:

— Сын Быка и сын Земли — союзники лесных людей!

Услышав громовой голос уламра, беглецы оглянулись и забормотали что-то, угрожающе размахивая руками. Затем снова хотели бежать, но в эту минуту на берегу рядом с Уном появился Ра и закричал что-то своим сородичам. Он показывал на Уна, затем прижи-

мал обе руки к груди. Визгливые голоса ответили ему нестройным хором; руки жестикулировали неустанно. Способность ясно видеть в темноте позволяла беглецам отчетливо различать фигуры и лица уламра и Ра. Ра, в свою очередь, не упускал ничего из слов и жестов своих соплеменников.

Когда на берегу появились Зур и Вао, среди лесных людей поднялся невообразимый гам. Затем внезапно наступила тишина.

— Как удалось волосатым людям перейти болото? — удивленно спросил Ун.

Зур повернулся к Вао и постарался объяснить ей смысл вопроса. Женщина засмеялась и, схватив сына Быка за руку, потащила влево. Здесь, в прозрачной воде, он увидел убегавшую от берега сероватую дорожку. Вао, сделав ему знак, ступила на нее. Ноги ее погрузились лишь по колени; затем она быстро пошла к другому берегу по этой подводной тропинке. Ун без колебания последовал за женщиной. Ра двинулся за ним; Зур замыкал шествие.

Несколько мгновений лесные люди оставались неподвижными. Затем их снова охватил страх. Одна из женщин бросилась бежать, другие последовали ее примеру. Ра что-то кричал им вслед пронзительным голосом. Один из мужчин, самый коренастый и плотный, остановился первым; за ним постепенно стали останавливаться остальные.

Когда Ун вышел на берег, снова началась паника, впрочем быстро прекратившаяся. Ра, выбравшись из воды, опередил уламра и бросился к своим. Коренастый человек ждал его. Взоры всех лесных людей были устремлены на громадную фигуру уламра. Те, кому случалось видеть прежде людей огня, не могли припомнить среди них такого гиганта. Картины беспощадного истребления вставали перед округлившимися от ужаса глазами беглецов; дрожь пронизывала их тела. Но, по мере того как Ра что-то горячо объяснял им, отчаянно жестикулируя, лесные люди успокаивались. Ун сделал шаг вперед. Коренастый невольно попятился, однако позволил уламру положить руку на свое плечо. Зур, тем временем тоже переправившийся через болото, делал лесным людям дружеские знаки, которым научила его Вао.

И тогда ликование охватило сердца этих бедных, слабых созданий и, быть может, смутная гордость при мысли о союзе с подобным гигантом, который превосходил силой их самых свирепых и страшных врагов. Первыми вернулись женщины. Они подбежали к Уну и окружили его и коренастого плотным кольцом.

Громадный уламр засмеялся громким и счастливым смехом, радуясь, что снова находится среди людей после стольких дней, проведенных вдали от родного становища.

III

Люди огня

Несколько недель Ун с Зуром и их новые друзья кочевали по лесу. Жизнь была легкой и привольной. Лесные люди без труда отыскивали в чаще родники и ручьи, выкапывали съедобные коренья или извлекали вкусную сердцевину из ствола саговой пальмы, чуяли издалека приближение хищников.

Вечером, сидя вокруг костра, они наслаждались чувством полной безопасности. Теперь лесные люди не боялись больше нападения диких зверей. Ун и Зур изготовили увесистые палицы и острые каменные топоры для своих новых товарищей. Вскоре лесные люди научились довольно ловко орудовать ими и отныне, предводительствуемые громадным уламром, готовы были дать отпор любому хищнику. Безоговорочная преданность, которую эти слабые существа испытывали к сыну Быка, граничила с обожанием. Низкорослые лесные люди с восхищением взирали на могучий стан и мускулистые руки Уна; его громовой голос приводил их в неописуемый восторг. Вечерами, когда багровые отсветы огня плясали среди лесных трав и озаряли высокие зеленые своды, лесные люди с радостными восклицаниями собирались вокруг сына Быка. Все, что пугало их в людях огня, здесь, наоборот, служило гарантией безопасности. Присутствие Зура было для них почти таким же приятным. Лесные люди уже не раз успели убедиться в его изобретательности; знали, что огромный уламр всегда прислушивается к его советам. Он лучше Уна понимал их жесты и невнятную речь. Но Зура лесные люди любили скорее как равного себе; Уна же они боготворили, словно тот был высшим существом.

По мере того как маленький отряд продвигался все дальше к югу, лесные люди начали проявлять какую-то странную нерешительность, походившую на боязнь. Вао объяснила, что они приближаются к краю леса. Плоскогорье постепенно снижалось; климат становился жарче. Появились баньяны, пальмы, бамбуки, лианы и другие тропические растения.

Как-то в послеполуденное время они подошли к краю почти вертикального обрыва. Под ними, глубоко внизу, мчался по узкому каменистому ущелью бурный поток. Противоположный берег вздымался так же круто, но был значительно ниже, чем тот, где они стояли. За ним до самого горизонта простиралась необозримая саванна, усеянная островками деревьев и кустарников.

Лесные люди, укрывшись в кустах, напряженно всматривались в противоположный берег. Зур, расспросив Вао, сказал сыну Быка:

— Это край людей огня!

Ун с враждебным любопытством взглянул в сторону саванны. Зур добавил:

— Когда люди огня приходят в лес, они убивают лесных людей, а затем съедают их, словно оленей или антилоп.

Гнев охватил уламра. Он вспомнил свирепых людоедов кзаммов, у которых Нао когда-то похитил огонь.

Место было чрезвычайно удобным для стоянки. В гранитной скале виднелась глубокая пещера, вход в которую легко было защищать от врагов. Перед пещерой находилась открытая площадка, где можно было развести костер. Плотная стена деревьев делала его невидимым с другого берега. Ун и Зур с помощью лесных людей принялись укреплять вход в пещеру, и к вечеру она уже могла выдержать нападение как четвероногих, так и двуногих врагов.

Сын Быка с довольным видом осмотрел результаты своей работы и сказал:

— Ун, Зур и лесные люди теперь сильнее людей огня!

И он засмеялся своим громким, торжествующим смехом, который скоро передался всем остальным.

Заходящее солнце отражало в бурных водах горного потока свой багровый диск. Облака пылали сказочными красками. Затем краски потускнели, и огонь костра в наступивших сумерках показался людям прекрасным. Свежий ветерок раздувал яркое пламя, сухие сучья весело трещали, искры летели к темному небу. Целая туша оленя жарилась на ужин для всего отряда. Лесные люди, руководимые Зуром, пекли на плоских камнях свои бобы, коренья и грибы.

Трапеза уже подходила к концу, когда Ра, сидевший ближе других к обрыву, внезапно вскочил на ноги, бормоча неясные слова. Рука его указывала на противоположный берег.

Ун и Зур пробрались сквозь чащу к самому краю обрыва, выглянули из-за деревьев и невольно вздрогнули: слева от их стоянки, на противоположном берегу, мерцал огонек... Скоро пламя разгорелось, багровые языки взвились к ночному небу. Красноватый дым стелился по земле. Пламя росло и ширилось, побеждая темноту. Отсветы его озаряли степь далеко вокруг. Видно было, как вокруг огня суетятся люди; в колеблющемся свете костра их силуэты казались то черными, то медно-красными.

Постепенно все лесные люди присоединились к Уну. Осторожно раздвинув густые ветви, они горящими глазами следили за движениями своих вековечных врагов, временами вздрагивая от страха. Самые старые вспоминали паническое бегство сквозь густой лес, трупы сородичей, зверски убитых ударом копья или каменного топора...

Когда костер людей огня разгорелся, Ун смог подробно рассмотреть вражеское становище. Он увидел, как люди огня насаживали на заостренные палки куски мяса и жарили на горячих углях. Врагов было семеро; все мужчины. Вероятно, это был охотничий отряд, наподобие тех, которые существовали у многих первобытных племен: и у кзаммов, и у рыжих карликов, и у самих уламров, а в прежние времена — и у людей без плеч. Один из охотников обжигал на огне острие деревянного копья, чтобы сделать его более твердым. Казалось, люди огня не догадывались о наличии другого костра на противоположном берегу. Стоянка их была расположена ниже стоянки Уна и Зура; вдобавок заросли деревьев образовывали перед костром почти непроницаемую завесу. Но скоро Ун понял, что люди огня все же что-то заметили: время от времени то один, то

другой охотник поворачивали голову к обрыву и пристально смотрели вверх.

— Они видят свет нашего костра! — догадался Зур.

Спокойствие врагов удивляло его. Вероятно, люди огня думали, что в пещере находится другой охотничий отряд их племени. Зур стал расспрашивать Вао. Она показала рукой на реку сначала вверх, затем вниз по течению и объяснила, что переправы нигде поблизости нет; течение такое бурное и стремительное, что ни человек, ни зверь не могут перебраться через поток вплавь. Нужно идти всю ночь до утра, чтобы достигнуть вражеского лагеря. Таким образом, на короткое время обе стороны могли чувствовать себя в полной безопасности.

Долго еще наблюдал Ун за этими существами, которые по образу жизни и развитию были ближе к уламрам, чем лесные люди, но вместе с тем так сильно напоминали исконных противников его племени — свирепых людоедов кзаммов. Несмотря на разделявшее их расстояние, сын Быка отчетливо видел короткие кривые ноги и удлиненные туловища людей огня, но не мог рассмотреть достаточно ясно их головы, более массивные, чем у кзаммов, с мощными челюстями и громадными надбровными дугами.

— Люди огня не нападут на нас этой ночью,— сказал он наконец.— Осмелятся ли они напасть завтра?

В мужественном сердце громадного уламра не было страха перед грядущей схваткой. Он верил в победу. Пусть лесные люди физически слабее своих противников, но зато их значительно больше. Кроме того, сын Быка рассчитывал на свою собственную силу и на хитроумие человека без плеч. Он спросил:

— Есть ли у людей огня копья и дротики?

Зур снова обратился к Вао. Некоторое время женщина силилась понять смысл вопроса, затем, в свою очередь, стала расспрашивать самого старого из своих сородичей.

— Они бросают камни,— сказал Зур, когда разобрался наконец в беспорядочных словах и жестах лесных людей.

— И не умеют добывать огонь! — торжествующе воскликнул сын Быка.

И он указал на два маленьких огонька, мерцавших на некотором расстоянии от большого костра. Если убить этот огонь, как некогда враги убили огонь уламров (до того, как Нао узнал секрет добывания его от племени ва), люди огня будут вынуждены вернуться к своим сородичам.

Ночь прошла спокойно. Ун, вставший на стражу первым, мог с легкостью следить за всеми действиями противника, поскольку луна в этот вечер зашла позднее, чем в предыдущий. Вместе с уламром бодрствовали, сменяя друг друга, двое лесных людей.

Когда Зур после полуночи в свою очередь стал на стражу, луна уже скрылась за горизонтом. Костер на том берегу угасал, бросая вокруг лишь слабые отблески. Все вражеские воины спали, только караульный бодрствовал. Видно было, как тень его двигалась взад и вперед в полумраке. Вскоре Зур перестал различать движения кара-

ульного, но зоркие глаза Ра продолжали следить за противником, несмотря на расстояние и сгустившуюся темноту.

Медленно текли ночные часы. Мириады небесных светил тихо склонялись к западу; другие непрерывно появлялись на восточной половине неба и поднимались к зениту. Только одна красная звезда неподвижно мерцала на севере. Перед самым рассветом густой туман, поднявшись с поверхности реки, постепенно заволок противоположный берег.

Стоянка людей огня стала невидимой.

Уже совсем рассвело, но туман не рассеивался. Утренний ветерок иногда разрывал его, восходящее солнце понемногу растапливало плотную белую пелену. Очертания противоположного берега выступали все явственнее. Сначала показались верхушки деревьев, затем медленно стал открываться береговой откос...

Жалобный вопль вырвался из уст лесных людей. Вражеского отряда на противоположном берегу больше не было. Только кучка золы да несколько обгорелых головешек указывали место его ночной стоянки.

IV

Невидимый враг

Большую часть дня Ун и Зур вместе со всеми лесными людьми потратили на укрепление своего убежища, стараясь сделать его неприступным для врагов. Те средства защиты, которые могли обезопасить пещеру от хищных зверей, были явно недостаточны против двуногих врагов. Хищники ведь в конце концов всегда уходят, а уламр и человек без плеч хорошо знали, что кзаммы и рыжие карлики были способны держать осаду в продолжение многих недель.

После полудня охотники убили несколько антилоп, мясо которых закоптили на костре. Лесные люди набрали много съедобных растений.

Суровые условия жизни приучили первобытных людей быть постоянно настороже. К счастью, их убежище было расположено так удачно, что враги не могли подобраться к нему незамеченными. На юге подступы к убежищу преграждали река и обрывистые береговые скалы; на востоке — обширная пустошь; на западе — непроходимое болото.

Враги могли напасть только со стороны леса, который начинался позади пещеры на севере. Однако и здесь между лесной опушкой и входом в пещеру лежало открытое пространство, за которым осажденным удобно было наблюдать.

Таким образом, противник не мог захватить Уна и его союзников врасплох. Для того чтобы достигнуть убежища, люди огня должны были пройти от пятисот до девятисот шагов по открытому месту под обстрелом дротиков и копий.

До самого вечера ни один подозрительный запах не возвестил о приближении неприятеля. В сумерках лесные люди, рассыпав-

шись цепью, обследовали местность вокруг пещеры. Ун поднимался на самые высокие скалы. Но людей огня нигде не было видно. Если они и находились где-нибудь поблизости, то предпочитали держаться на недосягаемом расстоянии. Постепенно к Уну вернулась его обычная уверенность в себе.

— Людей огня было только семь,— сказал он Зуру.— Они ушли.

Он хотел сказать, что, увидев большой костер, люди огня побоялись натолкнуться на многочисленный и боеспособный отряд и отступили. Но Зур продолжал тревожиться.

— Если люди огня не пришли сейчас,— ответил он Уну,— значит, они отправились за подкреплением.

— Их становище далеко! — беззаботно сказал уламр.— Зачем им возвращаться?

— Затем, что лесные люди не зажигают костров. Люди огня захотят узнать, что за новые существа появились в лесу.

Ответ Зура заставил Уна задуматься. Однако, расставив караульных так, чтобы исключить всякую возможность внезапного нападения, сын Быка снова успокоился. Как всегда, он встал на стражу первым. Луна, более полная и яркая, чем в предыдущий вечер, должна была зайти лишь к середине ночи. Это обстоятельство, благоприятное для Уна и Зура, мало интересовало их союзников, которые видели в темноте так же ясно, как днем. Ночной мрак скорее давал им преимущество перед неприятелем.

Торжественную тишину ночи лишь изредка нарушал голос хищника, вышедшего на охоту. Сидя около огня, Ун погрузился в полудремотное состояние. Остальные дозорные, казалось, тоже дремали, однако малейший подозрительный запах или шорох заставил бы их мгновенно вскочить на ноги. Слух и обоняние у лесных людей были не менее острыми, чем у дхолей.

Луна уже прошла в небе две трети своего пути, когда Ун внезапно поднял голову. Он увидел костер, превратившийся в груду раскаленных углей, и машинально подбросил в него дров. Затем втянул ноздрями воздух и тревожно посмотрел на остальных дозорных. Двое уже вскочили на ноги; через мгновенье к ним присоединился третий.

Слабые запахи шли со стороны леса. Они до такой степени напоминали запах лесных людей, что Ун подумал, не приближаются ли к пещере их новые сородичи. Он повернулся к Ра. Лесной человек, напрягая слух, широко раздувая ноздри, смотрел в ночной мрак округлившимися от ужаса глазами. Дрожь пробегала по его плечам. Когда Ун подошел, Ра протянул руку в сторону леса, бормоча какие-то отрывочные, неясные слова. И Ун понял: люди огня пришли.

Скрытые в глубине леса, они видели костер, видели уламра и его союзников, сами же оставались невидимыми.

О внезапном нападении не могло быть и речи. Земля вокруг пещеры поросла густой, но низкой травой, среди которой кое-где возвышались одинокие деревья и кусты.

В пепельном свете луны зоркие глаза Уна видели все детали

окружающей обстановки. Гнев разгорался в его сердце, потому что люди огня переправились через реку и, обогнув пустошь, готовились атаковать убежище лесных людей, доказав тем самым свою дерзость и откровенно враждебные намерения.

Прежде чем разбудить Зура, уламр попытался разобраться в запахах и определить, хотя бы приблизительно, число врагов. Уну очень хотелось выманить людей огня из леса: раз они умеют только кидать камни, сын Быка сможет ранить или даже убить нескольких противников прежде, чем они приблизятся настолько, чтобы поразить его самого.

Между тем лесные люди один за другим выбегали из пещеры: обоняние предупредило их о том, что враг близко. Зур выбежал вместе с ними. Он сразу понял грозящую опасность.

Огромный уламр всматривался поочередно то в своих союзников, то в темную массу деревьев. Врагов, скрывающихся за ними, не должно быть более семи. А у лесных людей — восемь взрослых мужчин и четыре женщины, почти равные им по силе. И затем, разумеется, Ун и Зур. Если лесные люди проявят мужество, превосходство будет явно на их стороне.

Но скоро уламр убедился, что большинство его союзников охвачено непобедимым, паническим страхом и едва ли устоит перед решительной атакой врагов. Только коренастый, Вао, Ра и еще один юноша с темными глазами держались мужественно.

— Врагов столько же, сколько вы видели вчера вокруг костра? — спросил Зур.

— Их не должно быть больше,— ответил уламр.— Пора подать сигнал к бою?

Но Зур предпочитал мирные переговоры боевым действиям. Помолчав немного, он сказал:

— Лес велик... Добычи хватит на всех. Может ли Зур поговорить сначала с людьми огня?

Несмотря на возрастающее раздражение, Ун принял предложение друга. И Зур, возвысив голос, заговорил протяжно и раздельно:

— Сын Быка и сын Земли никогда не враждовали с людьми огня. Они не противники им!

Лес хранил молчание. Уламр, в свою очередь, крикнул:

— Ун убил красного зверя! Ун и Зур победили тигра! У нас есть тяжелые палицы, острые копья и дротики! Если люди огня вступят с нами в бой, ни один из них не вернется к своему становищу!

Все то же молчание было ему ответом; лишь слабый ночной ветерок шелестел в густой листве. Ун сделал сотню шагов в сторону леса, и голос его зазвучал еще громче:

— Почему люди огня не хотят ответить?

Теперь, когда он подошел ближе к опушке, сын Быка явственнее различал незнакомые запахи. И зная, что враги следят за ним из темноты, он почувствовал, как гнев с новой силой охватывает его. Ударив себя кулаком в грудь, огромный уламр закричал оглушительным голосом:

— Ун перебьет вас всех! Он отдаст ваше мясо гиенам!

Гул прокатился под темными сводами деревьев. Ун продвинулся еще на сто шагов. Он был всего лишь в трехстах шагах от опушки. Крикнув Зуру, чтобы тот не вздумал следовать за ним, уламр снова пригрозил невидимым врагам:

— Сын Быка разобьет ваши головы!

Он надеялся, что враги, увидев его одного так близко, обнаружат, наконец, себя.

Запахи на мгновение усилились, но затем стали слабеть и удаляться. Ун, пробежав еще полтораста шагов, остановился, выпрямившись во весь рост. Теперь с помощью метательного снаряда он мог метнуть дротик до самой опушки.

Вдруг позади послышались отчаянные крики лесных людей. Слева, из-за выдвинувшегося вперед куста, выскочили три человека и бросились наперерез, видимо желая преградить Уну дорогу обратно. Видя это, уламр пренебрежительно рассмеялся и не спеша повернул назад; на ходу он вложил дротик в метательный снаряд. Но в эту минуту справа появились еще трое людей огня. Ужас объял лесных людей... Половина их обратилась в бегство. Однако Ра, коренастый юноша с темными глазами и один из стариков остались на месте. Вао даже бросилась вдогонку за убегавшей в лес женщиной, пытаясь вернуть ее обратно.

Между тем обе группы врагов стремились соединиться, чтобы отрезать Уна от его соратников. Уламр поднял руку — дротик, свистя, пронесся по воздуху и впился в плечо одного из нападающих. В ту же минуту Зур, размахивая копьем, бросился вперед, сопровождаемый Ра. Пораженные тем, что уламр нанес удар с такого большого расстояния, изумленные видом Зура, который вел за собой в атаку лесных людей, и опасаясь новой неожиданности, люди огня поспешно отступили под своды леса.

Те, что нападали справа, уходя, захватили в плен Вао.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Погоня

Передышка была короткой. Ра стонал от горя и ярости. Сын Быка переживал похищение Вао как личное поражение. Даже Зур забыл свою привычную осторожность. И они впятером бросились в погоню.

Ветер переменился. Запахи врагов на какое-то время перестали быть ощутимыми. Когда же они вновь были обнаружены, люди огня успели удалиться на значительное расстояние. Следы шли сквозь густую чащу или через топкие болота, где можно было продвигаться лишь с большим трудом. Однако, покружив немного, преследователи напали наконец на верный путь.

Вскоре лес кончился. Перед ними простиралась унылая равнина, и на востоке, на расстоянии двух тысяч шагов, виднелся огонь костра. На камне возле огня сидел человек, видимо, дозорный.

Заметив выбежавших из леса людей, он вскочил на ноги. В тот же момент у костра появились люди огня, тащившие за собой Вао. Их было пятеро. Шестой с трудом плелся позади, держась рукой за плечо.

Ун со всех ног ринулся вперед. Но, пробежав полторы тысячи шагов, внезапно остановился, вскрикнув от досады. Перед ним была пропасть — широкая расселина в почве, на дне которой шумела вода. Люди огня встретили появление уламра насмешливыми выкриками и презрительным смехом.

Расстояние, отделявшее Уна от вражеского костра, было раза в четыре больше предела досягаемости метательного снаряда. Обескураженный, сын Быка неподвижно стоял на краю расселины.

Люди огня столпились вокруг костра, уверенные в своем превосходстве, полные презрения к соратникам Уна. Лесных людей они считали менее опасными, чем шакалов. Зур казался жалким с его узким туловищем и короткими руками. Только громадный уламр внушал людям огня опасение. Но разве сами они, еще никем не побежденные, не обладали поистине медвежьей силой? Менее высокий, чем Ун, вождь людей огня был так же широк в плечах, с длинными руками, способными задушить леопарда...

Зловеще ухмыляясь, он повернул к уламру свое широкое лицо с низким лбом и массивными челюстями...

Вокруг костра там и сям были разбросаны громадные гранитные глыбы, делавшие позицию людей огня неприступной. Все преимущества, кроме оружия, были на их стороне. Ун хорошо понимал это, а осторожный Зур — еще лучше. Но оба были возбуждены до последней степени. Сын Земли успел привязаться к Вао; уламр же не мог примириться с мыслью о своей неудаче. Мрак сгущался вокруг них; багровый шар луны уже тонул в черной туче, поднимавшейся с запада. Резкий ветер, усиливаясь, налетал порывами.

Внезапно сын Быка решился. Он побежал вдоль края расселины и снова вошел в лес.

Через две тысячи шагов расселина сузилась, затем исчезла.

— Я пойду один,— сказал Ун своим спутникам.— Следуйте за мной издали, пока костер не окажется на виду. Люди огня не захватят меня. Они бегают недостаточно быстро!

Очутившись снова на равнине, Ун убедился, что люди огня не трогались с места. Трое из них, укрывшись среди гранитных глыб, наблюдали за местностью; остальные расположились вокруг костра. Все были вооружены топорами, копьями и камнями для метания.

Увидев Уна, враги завыли, словно дхоли. Вождь, взмахнув копьем, подал сигнал к атаке.

Уламр замедлил шаг. Он хорошо понимал, что ему нечего и думать о нападении.

— Если вы отпустите Вао,— крикнул он,— мы дадим вам вернуться в места вашей охоты!

Люди огня не поняли, разумеется, слов Уна, но его жесты, одинаковые у всех первобытных людей, ясно означали, что уламр требует возврата пленницы.

Грубый смех прозвучал в ответ. Вождь схватил Вао за волосы и, оглушив ударом кулака, свалил на землю. Затем, указывая на неподвижное тело пленницы, на огонь костра и на свои челюсти, дал понять, что люди огня собираются изжарить Вао и съесть ее...

Ун прыгнул вперед, как леопард. Люди огня укрылись за гранитными глыбами. Тем временем подоспел Зур. Когда оба товарища приблизились к врагам на расстояние действия метательного снаряда, сын Земли сказал:

— Пусть Ун идет вправо. Тогда некоторые из тех, кто прячется среди камней, станут видны.

Уламр описал вокруг костра широкий полукруг. Два человека огня, обнаруженные им, попытались спрятаться, но дротик просвистел в воздухе, и жалобный крик зазвенел над равниной.

Сын Земли, в свою очередь, метнул дротик. Второй воин, раненный в бедро, упал на землю.

— У людей огня теперь трое раненых! — торжествующе воскликнул Ун.

Черная стена грозовых туч росла на западе. Луна скрылась за непроницаемой пеленой облаков, и местность освещалась лишь слабыми отблесками угасавшего костра да ослепительными вспышками молний. Люди огня, сделавшись невидимыми в темноте, стали недосягаемыми для копий и дротиков.

И Ун, и Зур, и все лесные люди понимали, что бессмысленно атаковать врагов, скрытых во тьме среди каменных глыб...

В таинственной поступи приближающейся грозы внезапно наступила пауза. Ветер стих, грома еще не было слышно. Животные, притаившиеся в лесной чаще, не подавали голоса. Но вот тучи взревели, словно стадо разъяренных буйволов, и первые тяжелые капли дождя упали на землю.

Ярость охватила людоедов: их огонь может погибнуть! Им не уберечь его в своих плетенках под проливным дождем.

Вождь вполголоса отдал приказание, и люди огня с единодушным воплем ринулись в атаку. Четверо, в том числе двое раненых, бросились к Зуру и лесным людям, а широкоплечий вождь и самый сильный из воинов — к Уну. Два дротика просвистели в воздухе, затем еще два, но темнота и стремительные движения противника помешали им достичь цели. Желая выиграть время для метания копий, Ун отступил к реке, а Зур и лесные люди — к опушке.

Однако копья, брошенные почти наугад в сгустившейся темноте, лишь слегка оцарапали врагов. Люди огня, торжествующе крича, ускорили свой бег. Ун продолжал отступать к реке; Зур и лесные люди уже достигли опушки, когда чудовищный ливень внезапно обрушился с неба, словно тысяча горных потоков. Костер стал гаснуть, бросая вокруг дрожащие отсветы. Раненный в бедро воин оставался один во вражеском лагере, укрывая плетенки с драгоценным огнем под каменными глыбами.

Зур и его соратники были окружены врагами. Темноглазый юноша, обезумев от ужаса, хотел укрыться в ветвях огромного дуба, но удар вражеского топора раскроил ему череп... Ра и коренастый мужественно отбивались палицами, которые вырезал для них Ун.

Сын Земли ударом топора уложил на месте раненного в плечо воина, но второй, зайдя сзади, схватил Зура за шею и свалил наземь.

Увидев, что расстояние между ним и нападающим не превышает пятнадцати шагов, сын Быка рванулся вперед. Тремя громадными прыжками он настиг врагов и обрушил на них свою страшную палицу. Первый удар переломил копье, второй раскроил череп. Вождь людоедов и уламр очутились лицом к лицу — два гиганта, приготовившиеся к смертельной схватке. Фигура вождя напоминала одновременно медведя и дикого кабана; туловище было покрыто густой рыжеватой шерстью, глаза горели огнем, как у дикого зверя...

Высокий и стройный, с широкими плечами и выпуклой грудью, не имевший сходства с грудью какого бы то ни было животного, крепко стоя на длинных прямых ногах, Ун держал двумя руками массивную палицу. Противник его был вооружен копьем эбенового дерева, тяжелым и очень острым, способным пробить грудную клетку и раздробить кости.

Первым нанес удар людоед, но его копье лишь слегка задело руку уламра. Ун, в свою очередь, опустил тяжелую палицу. Удар пришелся по земле: противник успел отскочить в сторону, рыча от ярости. Широкое лицо его выражало насмешку и лютую, кровожадную злобу.

На минуту оба отступили, подстерегая движения противника. Низвергавшиеся с неба водяные потоки окутывали их плотной пеленой. Последние отблески гаснущего костра озаряли страшную картину. Оба чувствовали, что смерть стоит рядом; они слышали ее голос в раскатах грома и содрогании земли под ногами.

Ун снова перешел в наступление. Тяжелая палица опустилась еще раз, оцарапав бедро противника, в то время как острие эбенового копья разорвало кожу на плече уламра. Затем все смешалось в рукопашной схватке. Вражеское копье коснулось груди Уна — он отпрянул назад. Кровь текла из обеих ран. С яростным воплем сын Быка схватил левой рукой копье противника, а правой нанес сокрушительный удар. Вождь как подкошенный рухнул на землю с разбитым черепом...

Костер погас. Непроглядный мрак поглотил все окружающее. Гроза утихла. Редкие молнии едва пробивали тяжелую толщу туч. Ун тщетно искал в потемках Зура и лесных людей. Ветер и дождь рассеивали все запахи.

— Где прячется Зур? — кричал он в темноту.— Сын Быка уничтожил всех врагов!

Далекий голос ответил ему; он доносился со стороны леса и совсем не походил на голос человека без плеч. Ун продвигался ощупью во тьме или мчался вперед при вспышках молний. Когда он добрался наконец до опушки леса, перед ним на мгновение вырос силуэт Ра, но тут же снова исчез во мраке. Лесной человек бормотал какие-то невнятные слова, и Ун с трудом понял, что Зур исчез. Выразительный жест Ра, который удалось разглядеть при вспышке молнии, наглядно подтвердил его слова.

Прошло немного времени, и коренастый, в свою очередь, появил-

ся из тьмы. То, что он пытался сказать,было еще менее понятным, чем речь Ра.

Действовать было невозможно. Дождь лил без конца, окутывая непроницаемой пеленой измученных людей.

Огромный уламр испытал этой ночью самое большое горе в своей жизни. Хриплые стоны, похожие на подавленные рыдания, вырывались из его груди; слезы текли по щекам, смешиваясь с дождевыми струями. Все его прошлое было связано с Зуром. Он полюбил его с того самого дня, когда Нао привел последнего человека без плеч из страны рыжих карликов. И, оттого что Зур предпочитал Уна всем остальным людям, сын Быка тоже любил его больше чем кого бы то ни было...

Напряженно вглядываясь в темноту, Ун время от времени бросал в непроглядную ночь громкий призывный клич, и всякий раз в сердце его пробуждалась новая надежда.

Медленно текли ночные часы. Дождь наконец прекратился. Слабый свет разлился на востоке. В серых сумерках рассвета стал виден труп человека огня, убитого Зуром. Рядом лежал молодой соратник Уна с разбитой головой. Немного подальше валялись тела вражеского воина и вождя. У погасшего костра стонал раненный в бедро человек огня. Вао, слабая и дрожащая, сидела, скорчившись, около гранитной глыбы. Она так долго пробыла без сознания, что не слышала криков Уна и Ра. Увидев своего спутника и громадного уламра, женщина засмеялась тихим, счастливым смехом.

Раненый воин бросился к ногам Уна, моля о пощаде. Но Ра и коренастый, подбежав, поспешно прикончили врага. Вид этого зрелища возмутил великодушного уламра, хотя он отчетливо сознавал, что таков жестокий закон войны.

Вао понимала жесты Уна лучше, чем Ра, и помнила несколько слов, которым научил ее Зур. Она выслушала коренастого и Ра и дала понять уламру, что люди огня увели Зура в лес. Дождь мешал лесным людям ясно видеть в темноте, и они не сумели проследить, в каком направлении скрылись враги. Ра заблудился во мраке, так же как и коренастый, который вдобавок был ранен и временами терял сознание. Судьба Зура, таким образом, оставалась неизвестной.

Надежда и отчаяние сменялись в душе Уна. Все утро он тщетно искал следы похитителей. Если среди их запахов он не различит запаха Зура, значит, человек без плеч мертв.

Лесные люди рассыпались по лесу в поисках утерянного следа. Вчерашние беглецы постепенно возвращались и присоединялись к ним.

В конце концов было решено, что часть лесных людей пойдет к верховьям реки, а другая спустится вниз по течению с тем, чтобы перейти реку вброд. Ун присоединился к последним.

Они шли весь день, не отдыхая, и к вечеру переправились через реку... Внезапно Вао остановилась и радостно вскрикнула: след был найден! На глинистой почве ясно виднелись отпечатки ног; среди запахов врагов отчетливо различался запах Зура.

Бурная радость вспыхнула в сердце уламра, но тут же сменилась страхом и неуверенностью: след не был свежим. Люди огня прошли

здесь еще утром, и догнать их раньше завтрашнего дня не представлялось возможным. И, самое главное, надо было, чтобы Ун пустился в погоню один. Лесные люди не смогли бы следовать за ним, даже издали. Они не были приспособлены к столь быстрой ходьбе.

Ун проверил, в порядке ли его оружие: три дротика, подобранные на месте боя, два копья, топор и палица. Не забыл он и про кремни, с помощью которых высекал огонь. Минуту он стоял неподвижно, с бьющимся сердцем, чувствуя смутную нежность к этим слабым, плохо вооруженным людям с их невнятной речью и примитивными жестами. Они охотились вместе с ним, грелись у его костра, а некоторые проявили подлинное мужество в борьбе с людоедами.

— Ра, Вао и все лесные люди — друзья Уна! — сказал уламр ласково.— Но люди огня ушли далеко вперед и двигаются быстро. Ун один может догнать их!

Вао поняла его слова и передала их своим соплеменникам. Уныние овладело лесными людьми.

Когда Ун стал подниматься вверх по речному откосу, Вао заплакала, а Ра закричал, словно раненый дхоль. Они проводили уламра до самого гребня откоса, откуда снова начиналось плоскогорье. Ун побежал с быстротой волка. Лесные люди жалобно окликнули его, и уламр, обернувшись, постарался их утешить:

— Сын Быка скоро вернется к лесным людям!

И он помчался во всю прыть дальше. Временами след делался почти неразличимым, затем снова появлялся. В местах, где люди огня останавливались на отдых и где земля хорошо сохраняла их запах, Ун всегда находил пучки трав, которые Зур, видимо, долго держал в руках, а затем бросал на землю. Ун восхищался хитроумием друга. Его удивляло только, почему люди огня оставляли в живых своего пленника, раз он не мог двигаться так быстро, как они, и лишь замедлял их бегство.

Ун не останавливался на отдых до самого вечера и даже с наступлением темноты продолжал упорно идти по следу при свете луны и звезд. Но, когда он, совершенно измученный, улегся наконец на отдых среди скал, он был еще далек от цели.

На рассвете Ун обогнул маленькое озеро и снова углубился в лес. Несколько раз он терял след, затем вновь отыскивал его. Но вскоре после полудня, когда Ун собрался немного отдохнуть, след стал совершенно отчетливым.

Число людей огня удвоилось. Видимо, небольшой охотничий отряд присоединился к вражеским воинам, уводившим Зура. Ун мог даже определить путь, по которому пришли вновь прибывшие. Теперь уламру предстоял бой с шестью противниками. К тому же он приближался к землям, где жило племя людей огня...

Силы были слишком неравными, и борьба казалась немыслимой. Любой другой уламр — за исключением Нао и Уна — отказался бы в таких условиях от дальнейшего преследования. Но чувство более сильное, чем инстинкт самосохранения, заставляло Уна идти дальше. Он надеялся на свои ноги, быстрые, как у кулана. Никогда коротконогим людям огня не догнать его!

Второй день погони близился к концу. И вдруг след исчез! Ун потерял его при переправе через речку.

Ун долго и безуспешно искал потерянный след. Вечер давно наступил, а сыну Быка все не удавалось обнаружить хотя бы слабый запах людей огня. Ун шел по открытой местности: широкие лужайки сменялись небольшими рощицами. Внезапно до ноздрей уламра донеслись запахи, усиленные благоприятным ветерком. Это были, несомненно, запахи людей огня, но Уну почему-то показалось, что он чувствует какое-то отличие. И ни один из этих запахов не свидетельствовал о присутствии Зура.

Ун осторожно прокрался вперед среди густых кустарников и бамбуковых зарослей, пересек ползком большую поляну и неожиданно очутился рядом с теми, кого выслеживал... Звук человеческого голоса заставил его вздрогнуть. Две коренастые фигуры внезапно выросли перед ним. Ун не обнаружил своевременно их близости, так как ветер относил запахи в другую сторону.

Его заметили. Надо было приготовиться к бою. Луна, уже поднявшаяся довольно высоко, ярко освещала обе фигуры, и Ун с удивлением увидел, что это не мужчины, а женщины. Низкорослые, коротконогие, с широкими, как у людей огня, лицами, они были вооружены тяжелыми и длинными копьями.

Женщины племени уламров обычно не владели оружием. И, хотя Ун встретил среди лесных людей несколько женщин, почти равных мужчинам по силе и отваге, он все же изумился, видя этих незнакомок в угрожающей позе. Сам он никакой вражды к ним не испытывал.

— Ун пришел не для того, чтобы убивать женщин,— сказал он миролюбиво.

Женщины прислушивались к звукам чужого голоса, искаженные злобой лица постепенно смягчались. Желая успокоить их окончательно, громадный уламр принялся смеяться. Затем он медленно подошел к незнакомкам, волоча палицу по земле. Одна из женщин попятилась, затем прыгнула в сторону, и обе пустились бежать, не то испугавшись, не то желая предупредить своих соплеменников. Однако их короткие ноги не могли соперничать с длинными ногами уламра. Ун легко догнал обеих женщин, затем перегнал их. Тогда, став бок о бок и выставив вперед копья, они стали ждать...

Ун небрежно помахал палицей.

— Палица без труда переломит копья! — пробормотал он.

Движением, скорее вызванным страхом, чем враждебными намерениями, одна из женщин внезапно метнула в него копье. Ун легко отбил его, отломил острие и, не отвечая на удар, заговорил снова:

— Почему вы нападаете на сына Быка?

Женщины поняли, что уламр щадит их, и смотрели на него ошеломленные. Доверие рождалось понемногу в их сердцах. Первая опустила копье и стала делать мирные знаки, которые другая принялась усердно повторять. Затем они зашагали дальше. Сын Быка последовал за ними, надеясь, в случае какой-нибудь ловушки, на свою силу и быстроту. Пройдя против ветра около четырех тысяч шагов, они добрались наконец до небольшой лужайки, густо

поросшей папоротниками. Здесь, при свете луны, Ун увидел других женщин. При появлении уламра женщины вскочили на ноги, оживленно жестикулируя и выкрикивая какие-то слова, на которые спутницы Уна отвечали резкими, отрывистыми восклицаниями.

На мгновение уламр остановился в нерешительности, опасаясь ловушки или предательства. Дорога была свободна — он еще имел возможность бежать. Но какая-то странная апатия, рожденная усталостью, одиночеством и горем, удержала Уна на месте. Когда он снова почувствовал беспокойство, было уже поздно. Женщины окружили его тесным кольцом.

Их было двенадцать вместе с теми, которые привели Уна. Несколько подростков — мальчиков и девочек — стояли тут же. Два или три совсем маленьких ребенка спали на земле.

Это были в большинстве своем молодые женщины крепкого телосложения, с широкими лицами и массивными челюстями. Но одна из них заставила Уна вздрогнуть. Высокая, стройная и гибкая, она напомнила ему дочерей Гаммлы — самых красивых девушек племени уламров. Густые блестящие волосы падали волнами на ее плечи. Зубы белели, словно перламутр, при свете луны.

Сердце Уна сжалось от неведомого доселе волнения. Он не мог отвести глаз от нежного лица незнакомки...

Женщины еще теснее сомкнули круг. Одна из них, по-видимому старшая, с мускулистыми руками и массивными плечами, стояла прямо против Уна и что-то говорила ему. У нее было широкое, энергичное лицо и умные глаза. Ун понял, что женщина предлагает ему союз и дружбу. Ничего не зная о существовании племен, где мужчины и женщины жили отдельно друг от друга, он стал озираться по сторонам, ища глазами мужчин. Не обнаружив ни одного, уламр кивнул головой в знак согласия. Женщины радостно засмеялись, сопровождая свой смех знаками дружбы, которые уламр понимал лучше, чем неясные жесты лесных людей.

Однако женщины продолжали оставаться изумленными. Никогда еще воин такого роста и телосложения, с речью, столь отличной от их собственной, не появлялся среди них. До сих пор им были знакомы лишь три человеческих племени: люди огня, охотничий отряд которых держал в плену Зура; лесные люди, которых женщины видели редко и с которыми никогда не враждовали, и люди их собственного племени, где мужчины и женщины, по суровым обычаям предков, жили раздельно большую часть года. Даже если бы Ун принадлежал к их племени, женщины в обычных условиях прогнали бы его или подвергли суровым испытаниям. Но сейчас они переживали тяжелое время: часть племени погибла при наводнении, часть была уничтожена людьми огня; большинство детей умерло.

В довершение всех несчастий они потеряли огонь и теперь скитались, жалкие и беспомощные, угнетенные сознанием собственного бессилия и полные ненависти к врагам.

Поэтому они рады были заключить союз с высоким, широкоплечим иноземцем, сильным и могучим, словно гаял. Столпившись вокруг уламра, женщины пытались понять его жесты и слова, научить чужеземца своей речи. В конце концов они догадались, что

Ун разыскивает след товарища, уведенного в плен людьми огня, и обрадовались, что противниками уламров были те самые люди, которых они все смертельно ненавидели.

Поняв, что женщины лишились огня, Ун принялся собирать сухую траву и хворост. Затем с помощью своих кремней заставил огонь родиться. Слабый язычок пламени вспыхнул на кончике сухой ветки. С воплями восторга самые молодые из женщин принялись прыгать вокруг огня, выкрикивая слова, которые подхватили все другие, повторяя их хором, в такт прыжкам. Когда же костер разгорелся и животворное тепло распространилось вокруг, восклицания и прыжки стали неистовыми...

Одна только девушка с нежным лицом не кричала и не прыгала вместе с остальными. Сидя у костра, она в безмолвном восхищении смотрела то на огонь, то на высокого незнакомца. Иногда она что-то тихо говорила низким, грудным голосом с робким выражением радости в больших темных глазах.

II

На озерной косе

Каждое утро Ун принимался за поиски утерянного следа. Женщины доверчиво следовали за ним. Сын Быка понемногу осваивался со словами и жестами своих новых союзниц, которые называли себя Волчицами. Сила и быстрота уламра изумляли женщин; они восхищались его оружием, особенно копьями и дротиками, которые могли поражать врагов на расстоянии. Ослабевшие от неудач и несчастий, они смиренно теснились вокруг могучего незнакомца; им нравилось повиноваться ему. Ун понимал, что такими помощницами не следует пренебрегать. Четыре женщины были более крепкими, ловкими и быстрыми в беге, чем Зур. Все отличались неутомимостью и выносливостью. Женщины, имевшие маленьких детей, легко носили их на спине целыми днями.

Если бы не потеря друга, Ун чувствовал бы себя вполне счастливым, особенно по вечерам, во время стоянок. Всякий раз, когда он извлекал из своих камней огонь, женщины проявляли такую же бурную радость, как и в первый вечер. Этот бесхитростный восторг доставлял удовольствие сыну Быка. Особенно любил он смотреть, как пламя костра отражается в больших темных глазах Джейи, освещает ее густые, блестящие волосы. Он мечтал вернуться к родному становищу вместе с ней; сердце его учащенно билось...

К концу недели деревья на пути маленького отряда почти исчезли. Широкая степь раскинулась впереди до самого горизонта. Лишь кое-где виднелись отдельные островки кустарника, небольшие рощицы или одинокие деревья. Ун и его спутницы быстро шли вперед, надеясь встретить какую-нибудь возвышенность, откуда можно было оглядеть местность. В середине дня одна из женщин, отклонившаяся к востоку, внезапно вскрикнула и стала звать остальных. Никаких словесных объяснений не требовалось: на земле ясно виднелись следы костра.

— Люди огня! — сказал Ун.

Женщины казались сильно взволнованными. Та, что была у них за старшую — по имени Ушр,— обернулась к уламру с гневными жестами. Он понял, что люди огня были врагами женщин. Людоеды не только истребили половину из них, но, без сомнения, уничтожили всю мужскую часть племени, потому что женщины нигде не встречали своих соплеменников с прошлой осени.

Стоянка была давней; видимо, люди огня останавливались здесь несколько дней назад. Все запахи успели рассеяться. Понадобилось много времени, чтобы установить численность вражеского отряда. Людей огня оказалось немного; ничто не указывало, что Зур находится среди них.

Ун и женщины пустились в погоню. Понемногу след становился отчетливее. Идти по нему было легко, потому что враги все время двигались по прямой линии, направляясь к северу. Дважды обнаруженные остатки костров свидетельствовали о недавних стоянках.

На третье утро молодая женщина, шедшая впереди отряда, обернулась к остальным с громким восклицанием. Подбежав к ней, Ун увидел на рыхлой земле отпечатки нескольких ног и с дрожью радости обнаружил среди них след Зура. Преследование становилось все более легким; земля еще сохраняла запахи врагов — лишнее доказательство, что Ун и его спутницы выигрывали расстояние.

Давно наступил вечер, но луна еще не всходила. Однако маленький отряд продолжал уверенно идти по следу потому, что две женщины обладали способностью видеть в темноте, хотя и в меньшей степени, чем лесные люди.

Скоро дорогу преградила цепь пологих холмов. Поднявшись по склону самого высокого из них, Ун разжег костер в небольшой ложбине на полпути к вершине, чтобы сделать его невидимым на расстоянии. Близость неприятеля требовала соблюдения величайшей осторожности.

Днем Ун убил большого оленя, и женщины принялись жарить оленье мясо на огне костра. Это был один из тех редких спокойных часов, когда первобытные люди забывали на время о своей суровой, полной опасности жизни. Ун тоже, вероятно, чувствовал бы себя счастливым, если бы не отсутствие Зура. Темноглазая Джейя сидела рядом с ним у костра, и сын Быка с волнением думал о том, что Ушр, женщина-вождь, может быть, позволит ему взять Джейю в жены. Суровая душа молодого уламра была полна скрытой нежности. Рядом с девушкой он испытывал непривычную робость, сердце его билось быстрей... Он хотел быть добрым с ней, как Нао с Гаммлой.

После ужина, когда дети и большинство женщин уснули, Ун поднялся и стал взбираться вверх по склону холма. Ушр вместе с Джейей и тремя другими Волчицами последовала за ним. Склон был пологим, и они скоро достигли вершины, но, для того чтобы добраться до противоположного склона, пришлось продираться сквозь густой кустарник. Они раздвинули ветки и при бледном свете звезд увидели прямо перед собой простиравшуюся до самого горизонта обширную равнину. Внизу, у подножия холма, тускло блестело

небольшое озеро. На северном берегу его, на низкой песчаной косе, мерцал огонь костра. По прямой линии огонь находился в четырех-пяти тысячах шагов от вершины холма, но, чтобы добраться до него, надо было обогнуть озеро и, быть может, натолкнуться на непредвиденные препятствия.

Ветер дул с севера. Можно было подобраться к самой стоянке врагов незамеченным. Но сделать это следовало до восхода луны, пользуясь сгустившейся темнотой. Только быстроногому уламру была под силу подобная задача.

Ун внимательно разглядывал вражеский костер и двигавшихся вокруг него людей — то черных, то багровых в свете пламени. Их было пятеро, сын Быка отчетливо различал Зура, сидевшего в стороне от костра, ближе к берегу озера, и седьмого человека, спавшего неподалеку. Уламр обернулся к Ушр:

— Ун пойдет к людям огня и потребует, чтобы они освободили Зура!

Ушр поняла его слова и покачала головой:

— Они ни за что не отпустят пленника.

— Люди огня захватили его как заложника, потому что опасались сына Быка!

— Они станут еще сильнее опасаться его, когда у них не будет заложника!

Несколько минут уламр медлил в нерешительности. Но он не видел другого способа освободить Зура. Будет ли он действовать с помощью мирных переговоров, хитрости или насилия — в любом случае необходимо приблизиться к вражескому костру.

— Ун должен освободить своего друга! — сказал он с мрачной решимостью.

Ушр не нашлась, что ответить.

— Ун должен идти к вражескому костру! — заключил решительным голосом сын Быка.

— Ушр и женщины-Волчицы последуют за ним!

Взглянув еще раз на равнину, уламр согласился:

— Сын Быка будет ждать на том берегу прихода женщин. Он пойдет один к вражескому костру. Люди огня не сделают ему ничего плохого потому, что он бегает быстрее их и к тому же может сражаться на расстоянии!

Ушр приказала самой юной из своих подчиненных сходить за подкреплением. Ун тем временем уже спускался с холма на равнину. Склон был пологий и ровный, поросший густой травой.

Очутившись у подножия холма, Ун с удовлетворением отметил, что ветер продолжает дуть ему навстречу, относя все запахи назад. Луна еще не всходила, и сын Быка скоро добрался до того берега, где находилась стоянка людей огня. Менее тысячи шагов отделяло его от вражеского становища.

Небольшие купы деревьев, высокая трава и несколько удачно расположенных бугорков и возвышений помогли уламру продвинуться еще на четыреста шагов вперед. Но дальше лежало совершенно ровное, лишенное растительности пространство, где ничто не могло скрыть Уна от зорких глаз врагов. Охваченный мучительной

тревогой не столько за себя, сколько за Зура, уламр притаился в густом кустарнике. Если он внезапно появится перед врагами, не убьют ли они тут же Зура? Или, наоборот, постараются сохранить человеку без плеч жизнь, чтобы самим избежать гибели? Если предложить людям огня мир, не станут ли они смеяться над сыном Быка?

Ун ждал долго. Багровая луна, окутанная густой дымкой, поднялась над горизонтом из глубины саванны. Пять вражеских воинов легли спать; шестой караулил, сидя у костра. Иногда он поднимался с места и, напрягая зрение и слух, всматривался в темноту, широко раздувая ноздри. Зур тоже не спал. Но дозорный почти не обращал внимания на пленника, считая его слишком слабым и измученным, чтобы помышлять о бегстве.

Постепенно в голове Уна созрел план. Он знал, что Зур, бегавший медленно, был, как и все люди племени ва, искусным пловцом. Он плавал быстрее самых проворных и сильных уламров, нырял не хуже крокодила и мог подолгу оставаться под водой. Если Зур бросится в озеро, он легко доберется вплавь до противоположного берега... Ун же должен отвлечь на себя внимание людей огня, завязав с ними бой. Но сначала надо как-то предупредить о своем присутствии Зура, дать ему знак. Малейшее подозрение со стороны врагов может погубить все дело!

К несчастью, ветер по-прежнему дул в южном направлении, и все внимание дозорного было приковано к той полосе берега, где скрывался Ун. Каждую минуту широкое лицо человека огня оборачивалось в сторону кустарника, за которым притаился уламр. Луна, поднимаясь все выше, постепенно уменьшалась в размере и становилась светлей и ярче. Гневное нетерпение росло в душе Уна. Он уже отчаивался в успехе задуманного предприятия, как вдруг с севера донеслось глухое рычание, и силуэт большого льва возник на вершине одного из холмов. Дозорный с тревожным восклицанием вскочил на ноги. Спавшие вокруг костра воины тоже поднялись и повернули головы в сторону хищника.

Зур оставался неподвижным, однако лицо его заметно оживилось. Надежда на спасение, видимо, все время теплилась в нем.

Внезапно из-за кустов показался Ун с рукой, протянутой в направлении озера. Момент был благоприятным: более тридцати шагов отделяли Зура от ближайшего противника. Но люди огня не думали о пленнике; все внимание их было приковано к страшному хищнику.

Берег озера находился всего в двадцати шагах от человека без плеч. Если он сумеет вовремя добежать до него, он окажется в воде раньше любого из врагов.

Зур увидел Уна. Потрясенный и растерянный, он поднялся и, словно во сне, сделал несколько шагов в сторону кустарника. Но Ун снова указал рукой на озеро. Зур понял. Он повернулся и медленно, небрежной походкой направился к берегу. Пройдя десяток шагов, он неожиданно сделал большой прыжок и очутился в воде. В ту же минуту один из людей огня обернулся...

Более удивленный, чем обеспокоенный, он сообщил своим товарищам о побеге пленника только тогда, когда увидел, что

беглец стал удаляться от берега. Двое воинов, отделившись от остальных, бросились к воде; один из них попытался догнать Зура вплавь. Не достигнув цели, он вернулся на берег и стал кидать в беглеца камнями. Но Зур нырнул и надолго скрылся под водой.

Близость льва парализовала действия врагов. Только один воин был отряжен в погоню за Зуром. Обогнув озерную косу, он неминуемо должен был настигнуть человека без плеч в тот момент, когда тот выйдет на берег.

Увидев противника, пустившегося в погоню, Ун беззвучно рассмеялся и стал осторожно отходить назад. Некоторое время он продвигался незаметно, но, очутившись на открытом пространстве, невольно обнаружил себя. Тогда, высоко подняв копье, он стал ждать...

Вражеский воин был из числа тех, кто сражался с Уном в ту грозовую ночь. Узнав в своем противнике громадного уламра, лишившего жизни его вождя, человек огня обратился в бегство, громко вопя от страха.

Обеспокоенный судьбой Зура, Ун не стал преследовать врага. Он побежал к озерной косе и обогнул ее. Зур еще не добрался до берега; видно было, как он быстро скользит по воде, изгибаясь, словно уж. Когда же человек без плеч наконец вышел на сушу, сын Быка подхватил его, обнял, и не то стон, не то крик радости вырвался из его груди. Они замерли, глядя друг другу в глаза...

Обернувшись к стоянке врагов, уламр закричал торжествующим голосом:

— Ун и Зур смеются над людьми огня!

Лев тем временем скрылся. Несколько минут вражеские воины продолжали наблюдать за вершиной холма, затем по знаку старшего устремились в погоню за пленником.

— Они бегают быстрее Зура! — грустно сказал сын Земли.— Их вождь силен, как леопард!

— Ун не боится никого! И у нас есть союзники!

Он увлек Зура к подножию холма. Когда преследователи, обогнув косу, показались из-за поворота, с вершины холма послышались боевые крики. Ушр и семь других женщин-Волчиц вышли на гребень холма, потрясая копьями. Люди огня, обескураженные, прекратили преследование.

Женщины быстро спустились по склону холма, и Ушр сказала Уну:

— Если мы не перебьем сейчас людей-дхолей, они уйдут и вернутся вместе со всеми воинами своего племени!

Ей пришлось повторить свои слова дважды, только тогда уламр понял их смысл.

— Говорили ли они что-нибудь о своих сородичах? — спросил Ун Зура.

— До их становища два длинных дня пути.— Внимательно посмотрев на женщин, человек без плеч добавил: — Если мы нападем сейчас на людей огня, они убьют нескольких женщин и, наверное, кому-нибудь из воинов удастся спастись бегством.

Кровь бурлила в жилах уламра, но страх потерять снова

друга победил его воинственный порыв. Кроме того, сын Быка испытывал в глубине души нечто вроде благодарности врагам за то, что они не лишили жизни своего пленника.

III

Бегство от людей огня

Ун, Зур, и женщины-Волчицы спасались бегством. Вот уже семь дней, как их преследовал многочисленный отряд людей огня. Одна из женщин обнаружила врагов; с высоты скалистого массива Ун насчитал около тридцати человек. Беглецы двигались медленно, так как Зур был еще очень слаб, но Ушр знала тайные проходы в густых зарослях и топких болотах, а сын Земли придумывал всевозможные хитрости, чтобы запутать врагов и сбить их со следа. Всякий раз, когда на пути беглецов встречался неглубокий ручей или речка, они входили в воду и шли вдоль русла вверх или вниз по течению. Несколько раз Ушр и Ун зажигали сухую траву, по которой они только что прошли. Люди огня теряли след беглецов. Однако, многочисленные и упорные, они всякий раз находили его.

Наступил день новолуния. Люди огня не показывались. Беглецы разбили лагерь на поляне в чаще леса. В пути они немного отклонились в сторону равнины и теперь приближались к Большой реке.

Гигантские бамбуки обступили со всех сторон поляну. Было еще светло. Мужчины и женщины готовились к ночлегу: одни рубили сучья и собирали хворост для вечернего костра, другие строили убежище из колючих веток и гибких лиан.

Янтарный свет угасавшего дня сменился красноватыми сумерками. Легкий ветерок, казалось, догонял проплывавшие в вышине розоватые облачка. Слышался глухой, монотонный шум деревьев засыпающего леса.

Сердце Уна было полно нежностью к темноглазой Джейе. Он испытывал странную робость при виде ее тяжелых густых волос и чудесного сияния больших задумчивых глаз.

Иногда при мысли о том, что согласие Ушр отпустить с ним Джейю было необходимо, суровая и вспыльчивая душа уламра возмущалась; он выходил из себя, думая о возможном отказе... Но сын Быка хорошо понимал, что следует уважать обычаи чужого племени, особенно если разделяешь с людьми все превратности кочевой жизни.

Когда звезды замерцали в просветах между бамбуками, Ун подошел к Ушр, только что закончившей трапезу, и сказал:

— Ушр, отдай мне в жены Джейю!

Женщина-вождь, поняв его слова, некоторое время молчала, не зная, что ответить. Законы ее племени были древними. Они существовали так долго, что приобрели несокрушимую силу в представлении Волчиц. Женщины племени не должны были выходить замуж ни за людей огня, ни за лесных людей. Но несчастья, обрушившиеся в последнее время на Волчиц, наполнили душу Ушр неуверенностью. Она не знала, остался ли в живых хоть один мужчина ее племени.

К тому же уламр был могучим союзником и верным другом.

Помолчав немного, Ушр сказала:

— Надо сначала избавиться от врагов. Когда мы это сделаем, Ушр ударит Джейю в грудь — и девушка станет женой Уна.

Сын Быка понял только половину ответа, и бурная радость охватила его. А Ушр смотрела на Уна с недоумением: она никак не могла понять, почему сын Быка выбрал тоненькую гибкую Джейю, а не женщину-вождя с мускулистыми руками и массивными челюстями...

В последующие два дня бегство продолжалось. Теперь Большая река была совсем близко. Никаких признаков людей огня не было. Даже Ушр начала думать, что враги отказались наконец от преследования. Желая окончательно увериться в этом, женщина-вождь вместе с Уном и Зуром поднялись на высокую скалу. Достигнув вершины, они увидели вдали Большую реку, величаво изгибавшуюся среди необозримой равнины, а еще дальше, на опушке леса — маленькие, быстро продвигавшиеся фигурки людей.

— Люди огня! — горестно сказала Ушр.

Ун убедился, что количество врагов не уменьшилось, и, вглядевшись внимательно в их движения, заметил:

— Они не идут по нашему следу!

— Они найдут его! — заверила Ушр.

Зур сказал задумчиво:

— Мы должны переправиться через Большую реку!

Такая попытка была не под силу даже самым лучшим пловцам, не говоря уже о том, что река кишела крокодилами. Но люди племени ва владели искусством переправляться через обширные водные пространства на плотах из толстых сучьев и стволов деревьев, связанных лианами и гибкими ветками.

Зур привел беглецов на берег Большой реки, где в изобилии росли черные тополя. Два ствола, упавшие в воду маленькой заводи, ускорили окончание работы. Задолго до полудня плот оказался готовым. Но враги были близко. Беглецы уже видели головной отряд людей огня, появившийся из-за поворота реки, на расстоянии трех-четырех тысяч шагов.

Когда плот отчалил от берега, люди огня разразились яростными воплями. Ун ответил им своим боевым кличем, а женщины кричали и выли так, словно они и в самом деле были волчицами...

Беглецы плыли медленно, сильное течение сносило плот. Постепенно он приближался к тому месту, где находились люди огня, и оба отряда очутились, в конце концов, лицом к лицу. Расстояние, разделявшее их, не превышало двухсот шагов. Люди огня сгрудились на узком мысу. Их было двадцать девять, все коренастые и коротконогие, с мускулистыми руками и мощными, как у дхолей, челюстями. Свирепая злоба светилась в круглых, глубоко посаженных глазах. Несколько воинов хотели броситься в воду и добраться до плота вплавь, но, заметив громадного питона и двух крокодилов, дремавших в прибрежных зарослях лотоса, отказались от подобного намерения.

Тем временем Ун, Зур и женщины, работая шестами, старались направить плот к середине реки. Он проплыл между двумя остров-

ками , повернулся несколько раз вокруг своей оси, снова приблизился к берегу, где толпились люди огня, затем направился к юго-востоку. Через некоторое время беглецы благополучно высадились на противоположном берегу, и женщины, сойдя на землю, осыпали людей огня насмешками.

Маленький отряд поспешно углубился в лес. Они шли до тех пор, пока дорогу им не преградил один из притоков Большой реки. Он оказался неглубоким, и переправиться через него было легко. Однако, прежде чем войти в воду, Зур разрезал на куски оленью кожу и велел всем при выходе из реки обмотать себе ноги этими кусками. Через некоторое время беглецы выбрались на скалистый берег, прошли по нему обернутыми оленьей кожей ногами и залили водой место стоянки.

— Зур — самый хитроумный из людей! — воскликнул восхищенный уламр.— Люди-дхоли подумают, что здесь переправилось через реку стадо оленей.

Однако враги столько раз находили потерянный след, что беглецы решили не останавливаться и до самой ночи шли без остановки к северу.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

В ущелье

Земля под ногами стала болотистой. Приходилось либо скользить в грязи, либо осторожно пробираться по зыбкому берегу. Беглецы двигались вперед со скоростью черепахи. Но вот Большую реку стиснули с обеих сторон крутые скалистые берега, и дорогу маленькому отряду преградила огромная каменная стена длиной в три тысячи шагов. Западный край ее омывался бурными водами Большой реки; восточный терялся в громадном, совершенно непроходимом болоте.

После долгих поисков был найден, наконец, один-единственный проход — узкое и глубокое ущелье, открывавшееся в каменной толще на большой высоте. Путь к нему проходил по крутому склону, усеянному огромными глыбами сланца. Ун, шедший позади всех, добрался до входа в ущелье и остановился, чтобы оглядеть местность сверху. Ушр тем временем ушла вперед. Скоро она вернулась и сообщила:

— Болото продолжается и по ту сторону скал.

— Придется снова переправляться через Большую реку,— сказал Зур, сопровождавший женщину-вождя.— По ту сторону скал есть деревья. Мы сможем построить плот.

Внезапно Ун с тревожным восклицанием указал рукой на юг. Там, между двумя болотами, появились одна за другой семь человеческих фигур. Внешний облик их был достаточно характерным, чтобы не оставлять сомнений.

— Люди-дхоли! — воскликнула в ужасе Ушр.

Число врагов непрерывно увеличивалось. Вдохнув полной грудью нездоровые испарения болотных вод, Ун измерил глазами расстояние, отделявшее людей огня от входа в ущелье, и сказал мрачно:

— Люди-дхоли доберутся сюда задолго до того, как плот будет готов!

Огромные камни валялись повсюду вокруг них. Ун принялся подкатывать их один за другим к узкому входу. Ушр, Зур и все остальные женщины помогали ему. Видно было, как люди огня медленно пробираются между двумя болотами. Смерть приближалась к беглецам вместе с этими зловещими фигурами. Ун решился.

— Сын Быка вместе с тремя самыми сильными женщинами останется здесь и будет защищать вход в ущелье,— распорядился он.— Зур и все остальные тем временем построят плот.

Сын Земли колебался. Тревожный взгляд его встретился с глазами друга. Уламр понял его волнение.

— Здесь четыре дротика и два копья,— сказал он успокаивающе.— У меня есть еще моя палица, у женщин — копья. Если мы окажемся недостаточно сильными, я позову на помощь. Иди! Только плот может спасти нас!

Зур повиновался. Для защиты ущелья Ун оставил с собой Ушр и еще одну женщину с широкими плечами и мускулистыми руками. Обернувшись, чтобы выбрать третью, он увидел Джейю. Тряхнув своими пышными волосами, она храбро вышла вперед. Ун хотел отстранить ее, но девушка смотрела на уламра с такой лихорадочной, тревожной нежностью, что сердце его дрогнуло и он на мгновение забыл об опасности и смерти... Из всех людей племени уламров один только Нао испытал когда-то такое же чувство к Гаммле...

Люди огня приближались. Переправившись через топкое болото, они разбрелись вдоль каменистого берега. Один из них, видимо, вождь, весь обросший волосами, словно медведь, без усилий держал в громадных ручищах огромное копье, более тяжелое, чем палица Уна.

Подойдя к скалистому массиву, люди огня рассыпались вдоль него в поисках прохода. В каменной толще имелось еще несколько расселин, но все они кончались тупиками. Только ущелье, занятое Уном и его спутниками, было сквозным.

Ун, Ушр, Джейя и третья женщина лихорадочно заканчивали укрепление входа. Одновременно они собирали камни, чтобы сбрасывать их на атакующих. Достигнуть входа в ущелье можно было двумя путями: либо прямо вверх по сухому каменистому руслу, промытому весенними и осенними водами, либо окольным путем, сквозь лабиринт сланцевых глыб. В первом случае можно было вести атаку тремя или даже четырьмя рядами: во втором случае нападающие вынуждены были пробираться к входу в ущелье поодиночке, но зато имели возможность атаковать осажденных сверху...

В ста шагах от скалистого массива люди огня остановились. Злорадно ухмыляясь, они следили за действиями Уна и женщин. Из-под толстых синеватых губ сверкали острые белые зубы. Внезапно они разразились дикими воплями, напоминающими вой волков или дхолей. Ун показал им свое копье и палицу.

— Уламры захватят охотничьи земли людей огня! — крикнул он.

Хриплый голос Ушр присоединился к громовому голосу уламра:

— Люди-дхоли истребили моих сестер и братьев! Наши союзники уничтожат людей-дхолей!

Затем наступило молчание. Влажный, горячий ветер дул со стороны болот. Орлы и ястребы парили над острыми вершинами. В бесконечной тишине слышался лишь несмолкаемый голос Большой реки.

Люди огня разделились на два отряда. Волосатый вождь повел первый отряд окольным путем, среди сланцевых глыб; остальные пытались добраться до входа в ущелье по сухому руслу, укрываясь в расселинах позади валунов.

Ун еще раз пересчитал глазами врагов. Он держал наготове метательный снаряд с вложенным в него дротиком. Ушр и остальные женщины должны были по первому сигналу уламра обрушить на атакующих град камней. Но враги, скрытые за валунами, оставались невидимыми, показываясь лишь на мгновение в узких извилистых проходах, где в них трудно было попасть. Но вот один из людей огня оказался на виду. Дротик просвистел в воздухе и впился ему в грудь. Раздался хриплый крик, раненый упал. Ун, напрягая все внимание, держал наготове второй дротик...

Наступление возобновилось. Особенно быстро продвигались враги по окольному пути, где несколько вражеских воинов уже достигли высоты ущелья, оставаясь невидимыми для осажденных. Для того чтобы начать атаку, им нужно было подняться еще выше и взобраться на узкий карниз, откуда они могли по одному спрыгнуть в ущелье.

Прямой путь тем временем также был захвачен врагами. Яростный рев прокатился среди скал, и пятнадцать человек в неистовом порыве кинулись в атаку. Просвистел дротик, полетели камни. Свирепые крики и жалобные стоны раненых отдавались гулким эхом в окрестных утесах. Трое дхолей замертво скатились вниз; двое были ранены. Но атака людей огня не остановилась. Несмотря на беспрерывно поражавшие их камни и удачно брошенное Уном копье, враги уже были на расстоянии восьми шагов от входа. Ун видел прямо перед собой свирепые лица с горящими злобой глазами, слышал хриплое, яростное дыхание врагов... Тогда, напрягая все силы, он столкнул на головы нападающих огромный валун, в то время как женщины с мужеством отчаяния продолжали сбрасывать вниз обломки сланца. Страшный вопль прозвучал среди скал, и нападающие в беспорядке покатились вниз. Ун приготовился сбросить на них второй валун, но в этот момент камень, кинутый сверху, угодил ему в плечо.

Подняв глаза, сын Быка увидел огромную рыжую голову, выглядывавшую из-за скалы. Четыре человека, один за другим, спрыгнули в ущелье. Ун попятился, держа обеими руками палицу. Ушр и Джейя подняли копья. В узком проходе с той и с другой стороны могли встать в ряд не более трех бойцов.

Наступила короткая пауза. Страх перед громадным уламром

удерживал на месте людей огня. Ун с тревогой спрашивал себя, не пора ли вызывать подкрепление? Прямо перед ним возвышалась массивная фигура вражеского вождя. Копье, которое он держал в руке, было намного длиннее копий его соратников; лицо дышало силой и уверенностью в победе.

Вождь первым кинулся в атаку; острый конец его копья разорвал кожу на правом бедре Ушр. Мощным ударом Ун отбросил копье в сторону; палица, опустившись, раздробила плечо вражеского воина, ринувшегося в атаку вслед за вождем... Раненый упал, но его место тотчас же занял другой. Новые нападающие появлялись позади первых. Ушр громко закричала, призывая на помощь. Джейя и третья женщина вторили ей. Люди огня, рыча, словно волки, набросились на осажденных. Тремя ударами палицы сын Быка отбросил назад три копья, отломив у двух острые наконечники... Ушр ранила одного из дхолей в грудь. Но третья женщина, пронзенная вражеским копьем, замертво рухнула на землю...

Страшная палица уламра заставила людей огня попятиться. Они сгрудились у входа в ущелье. Рыжий вождь, высоко подняв копье, стоял впереди своих воинов. Те, чьи копья пришли в негодность, уступили свое место другим бойцам.

Яростно заскрежетав зубами, вражеский вождь вскинул копье и устремился на Уна. Зоркие глаза его подстерегали каждое движение противника. Ун отпрянул в сторону, но конец вражеского копья рассек ему бедро. Уламр пошатнулся... Вождь торжествующе закричал, предвкушая победу... Тогда сын Быка, собрав все свои силы, высоко поднял палицу и с размаху опустил ее на широкий, заросший огненными волосами череп. Раздался хруст костей, и, откинувшись назад, рыжий гигант с хриплым стоном упал навзничь к ногам своих воинов.

Некоторое время люди огня оставались на месте, не решаясь перейти в наступление. Но число их все увеличивалось, и скоро враги предприняли новую атаку. Огромная палица Уна снова пришла в движение; она ломала наконечники копий, разбивала черепа, крушила кости. Ушр и Джейя наносили удар за ударом. Все же под натиском превосходящих сил врагов осажденные понемногу отступали и постепенно приближались к тому месту, где ущелье расширялось и где атаки врагов должны были стать сокрушительными.

С невероятными усилиями отбивая направленные на него со всех сторон копья, сын Быка сумел на короткое время приостановить продвижение врагов. Но вот позади него послышались воинственные крики, и у противоположного входа в ущелье показались остальные женщины во главе с Зуром. Два дротика, один за другим, просвистели в воздухе и впились в тела вражеских воинов; палица Уна разила направо и налево...

Паника охватила людей огня. Они в беспорядке бросились назад, увлекая за собой раненых, унося мертвых. На берегу дхоли сталкивали валуны, скатывались вместе с ними по откосу, пытались укрыться в расселинах и ямах. На поле боя остались лишь двое убитых. Женщины сбросили их тела вниз.

Еще не понимая как следует, что произошло, Ун и его соратники, тяжело дыша, стояли у входа в ущелье. Люди огня снова стали невидимы; только трупы убитых валялись среди обломков сланца, усеивавших крутой склон.

Поняв, наконец, что это победа, женщины пришли в неистовство. Перегнувшись через нагроможденные у входа в ущелье валуны, они торжествующе кричали дикими хриплыми голосами. И Ун, несмотря на терзавшие его раны, испытывал чувство горделивой радости. Ведь это он отбил все атаки противников, свалил вражеского вождя и посеял панику среди дхолей. Это он спас жизнь Джейи, отбросив в сторону вражеское копье, нацеленное прямо в ее сердце! Сияющий взор уламра встретился с восхищенным и благодарным взглядом девушки. И снова сердце Уна дрогнуло от неведомого доселе волнения перед прекрасными темными глазами и густыми, рассыпавшимися по плечам Джейи, волосами, более мягкими и блестящими, чем самые нежные растения саванны и джунглей...

Сын Земли сказал:

— Зур и женщины нашли много стволов и веток... Плот почти готов!

— Это хорошо. Ун вместе с шестью Волчицами останется охранять ущелье. Зур и остальные женщины закончат постройку плота...

Тихие, горестные звуки заставили друзей обернуться. Склонившись над телом убитой женщины, подруги ее печально повторяли нараспев какие-то грустные торжественные слова, напоминающие не то жалобу, не то песню...

Время идет. Можно подумать, что люди огня исчезли. Но Ун слышит, как они шуршат и царапаются где-то слева от него, и знает, что враги прокладывают себе путь через гребень скалистого массива. Они хотят перекрыть вход в ущелье с северной стороны и отрезать Уна и его соратниц от остальных. Если врагам удастся достигнуть цели, их победа обеспечена. Несмотря на тяжелые потери, люди огня все еще сохраняют численное превосходство. Только уламр сильнее их, только Ушр стоит одного из вражеских бойцов. Но Ушр и Ун ослабели от ран. И уламр с возрастающим беспокойством прислушивается к движениям противников.

Несколько вражеских воинов показываются слева от Уна. То карабкаясь на плечи товарищей, то вырубая ступеньки в мягком сланце, они поднялись по крутому склону и теперь находятся на расстоянии пяти шагов от узкого каменного карниза, ведущего к вершине. Для того чтобы взобраться на этот карниз, достаточно выдолбить пять или шесть ступенек в гладкой, немного наклонной скале.

Люди огня принимаются рубить первые две ступеньки.

Желая помешать им, Ун бросает свое последнее копье. Но оно ударяется о каменный выступ, не достигнув цели. Тогда сын Быка начинает кидать в дхолей камни. Расстояние делает их безвредными.

Прямая атака противника кажется невозможной. Борьба идет сейчас между теми, кто строит плот, и теми, кто рубит ступеньки

в податливой породе. И, поскольку никакая опасность со стороны ущелья не угрожает, Ун отсылает двух женщин к Зуру, чтобы ускорить окончание работы.

Третья ступенька готова, за ней — четвертая... Остается вырубить еще одну — и люди огня достигнут каменного карниза, который приведет их к вершине. Почему-то они очень долго не могут приступить к работе над этой ступенькой. Но вот, наконец, один из вражеских воинов, взобравшись на плечи другого, начинает долбить ее. Тогда Ун говорит своим соратницам:

— Идите помогать Зуру. Надо скорей кончать плот! Ун один будеть охранять ущелье.

Ушр, окинув внимательным взглядом скалы, зовет остальных женщин. Джейя смотрит на Уна умоляющими глазами и нехотя уходит вместе с другими. Перегнувшись через каменные зубцы, уламр опять бросает в противников камни, но это не останавливает людей огня. Последняя ступенька готова. Один из воинов взбирается на карниз, за ним второй... Вражеский вождь, которого лишь оглушила палица уламра, ползет следом за своими соплеменниками.

Ун бежит к выходу из ущелья, выскакивает наружу и спускается по крутому откосу на берег Большой реки. Первые люди огня уже показались на гребне скалистого массива.

— Плот еще не закончен,— говорит Зур.— Но он как-нибудь доставит нас на тот берег.

По знаку Уна женщины подхватывают бесформенное, громоздкое сооружение из веток и бревен и спускают его на воду. Позади звучат хриплые возгласы. Люди огня приближаются. Женщины, прижимая к себе детей, в беспорядке прыгают на плот. Ун и Зур покидают берег последними, когда между ними и людьми огня остается не более пятидесяти шагов расстояния.

— Через восемь дней мы уничтожим всех дхолей! — кричит уламр в то время, как течение стремительно уносит плот от берега.

II

Возвращение в пещеру

Плот плыл по Большой реке, крутясь среди водоворотов, увлекаемый вперед бурным течением. Несколько раз в особо опасных местах женщины спрыгивали с плота в воду, чтобы облегчить незавершенное сооружение, грозившее вот-вот развалиться. Но вскоре они вынуждены были отказаться от подобных действий, так как вокруг плота то и дело появлялись крокодилы.

Все же плот с беглецами постепенно приближался к правому берегу. Далеко позади, на противоположном берегу, виднелись крошечные фигурки людей огня. Для того чтобы возобновить преследование, врагам нужно было переправиться через Большую реку, и они не могли сделать это иным способом, чем беглецы.

Сойдя на берег, Ун сказал Зуру:

— Придется идти до самого вечера. Тогда мы через четыре дня доберемся до базальтовой гряды.

Они посмотрели друг другу в глаза. Одна и та же мысль зарождалась в их головах.

— Ун и Ушр ранены,— грустно заметил сын Земли.

— Мы должны во что бы то ни стало опередить людей огня. Иначе они уничтожат нас.

Ушр пренебрежительно пожала плечами: ее рана была неглубокой. Она сорвала несколько листьев и приложила их к бедру. Зур перевязал раны уламра. Затем маленький отряд тронулся в путь.

Дорога шла по болотистым, труднопроходимым землям. Однако уже к вечеру Ун и Зур стали узнавать местность.

Следующие двое суток прошли спокойно. До базальтовой гряды оставалось еще два дня пути. Зур придумывал всевозможные хитрости, чтобы сбить преследователей со следа.

На пятое утро вдали показались хорошо знакомые очертания базальтовой гряды. С вершины холма, расположенного у одного из поворотов Большой реки, был ясно виден ее длинный гребень, увенчанный острыми зубцами. Ун, дрожа от лихорадки, вызванной потерей крови, смотрел блестящими глазами на темную массу базальта. Схватив Зура за руку, сын Быка пробормотал:

— Мы снова увидим нашего союзника!

Радостная улыбка осветила его измученное лицо. Убежище, где они с Зуром провели столько спокойных, безмятежных дней; могучий зверь, связанный с ними узами таинственной дружбы; ясные зори и тихие вечерние часы возле пылающего костра на высокой площадке перед входом в пещеру пронеслись в его воображении смутными, счастливыми видениями... Повернув к Джейе осунувшееся от лихорадки и потери крови лицо, уламр сказал:

— В пещере мы сможем дать отпор целой сотне людей-дхолей.

Тревожное восклицание Ушр прервало слова Уна. Рука ее указывала на юг, вниз по течению Большой реки. Обернувшись, все отчетливо увидели людей огня, двигавшихся по следу на расстоянии семи-восьми тысяч шагов.

Беглецы торопливо спустились с холма и продолжали путь настолько быстро, насколько это позволяли раны Уна и женщины-вождя. Надо было во что бы то ни стало добраться до базальтовой гряды раньше, чем враги настигнут их.

Беглецам предстояло преодолеть расстояние примерно в двадцать тысяч шагов.

К середине дня половина пути была пройдена. Но люди огня выиграли за это время около четырех тысяч шагов. Видно было, как они бегут по следу, словно стая шакалов. Тот, кого дхоли опасались больше всех остальных, взятых вместе, совсем ослабел от ран. Враги видели, как он плелся, прихрамывая, позади маленького отряда, и, предвкушая легкую победу, торжествующе вопили.

На минуту беглецы остановились. Горящие лихорадочным огнем глаза Уна смотрели на сына Земли с выражением мучительного беспокойства. Внезапно он схватил Зура за плечо, словно стремясь удержать его, пока не поздно, от рокового шага. Но сзади снова послышались крики врагов. Ун взглянул в их сторону, опустил глаза на свое распухшее, кровоточащее бедро, снова посмотрел на

врагов, определяя расстояние, отделявшее беглецов от людей огня,— и с тяжелым вздохом отпустил плечо друга.

Зур кинулся в обход базальтовой гряды к логовищу пещерного льва, а Ун тем временем вел женщин и детей к пещере.

III

Лев-великан

Когда Ун и его спутницы очутились, наконец, перед входом в пещеру, между ними и преследователями оставалось не более двух тысяч шагов.

Ун вместе с Ушр первыми взобрались на площадку.

За ними последовали остальные. Сначала подняли детей; матери вскарабкались следом. Последние три женщины были еще на половине пути, когда люди огня, подбежав, стали кидать в них свои заостренные камни. Но камни, брошенные издали, отскакивали от скалы, не причиняя женщинам вреда. Ун метнул в сторону врагов свой последний дротик. Ушр и другие женщины обрушили на головы нападающих град камней. Люди огня, еще слишком малочисленные, чтобы предпринять атаку, отступили.

Когда же подоспел вражеский арьергард, было уже поздно: все женщины благополучно достигли верхней площадки.

Пещера была абсолютно неприступна. Только один человек — мужчина или женщина — мог одновременно взобраться на узкий выступ скалы, а затем, встав на плечи товарищей, подтянуться на руках до площадки перед входом. Одного удара копьем было достаточно, чтобы пресечь подобную попытку и сбросить нападающего вниз.

Люди огня сразу поняли это. Они бродили вдоль базальтовой гряды в надежде найти другой подход к пещере. Но вокруг высились лишь гладкие, совершенно отвесные скалы.

Впрочем, это мало огорчало дхолей. Они знали, что достаточно подождать несколько дней, и голод, а главное, жажда, отдадут осажденных им в руки. Там, в ущелье, беглецам удалось ускользнуть от преследователей и переправиться через реку. Здесь же день, когда они попытаются выйти из своего убежища, будет их последним днем. Что могут сделать одиннадцать женщин и двое мужчин против двадцати воинов, полных сил?

Когда женщины и дети оказались в безопасности, Ун оставил на площадке двух дозорных, зажег смолистый факел и, запретив всем остальным следовать за собой, стал спускаться по узкому проходу к нижней пещере. Сердце его сжималось от беспокойства за друга.

А что, если пещерный лев не узнал Зура?

Не пройдя и половины пути, уламр услышал глухое рычание, заставившее его ускорить шаг. Щель, сквозь которую они с Зуром столько раз смотрели на царственного зверя, была на месте. Внезапно глубокий вздох облегчения вырвался из груди уламра. Он увидел Зура рядом с хищником, услышал прерывистое, взволнованное дыхание огромного зверя.

— Пещерный лев по-прежнему союзник сына Земли и сына Быка,— сказал Зур.

Радостное волнение охватило Уна.

— Люди-дхоли не пошли по следу Зура? — спросил он.

— Они не заметили, как сын Земли отделился от остальных. Зур спрятался за камнями.

Огромный зверь долго обнюхивал Уна; затем, успокоившись, улегся на землю и задремал. Уламр заговорил снова:

— Зур будет выходить из логова только по ночам вместе с пещерным львом... Он не предпримет ничего против людей огня, пока Ун не оправится от ран и не станет снова сильным.

— Днем Зур будет ходить только к болоту. Болото совсем рядом... Уну и женщинам нужна вода для питья...

Уламр тяжело вздохнул. Он думал о болотах и родниках, о ручьях и речках. Жажда, усиленная лихорадкой от раны, мучила его. Не удержавшись, Ун пробормотал:

— Жажда сжигает Уна... но он потерпит до вечера...

— Болото рядом! — повторил человек без плеч.— Ун должен пить, чтобы скорей поправиться и стать снова сильным. Я дойду до болота.

Он двинулся к выходу. Хищник приоткрыл глаза, но тут же снова закрыл, не чуя ничего подозрительного. Зур быстро добрался до болота. Он напился сначала сам, затем опустил в воду примитивный бурдюк из оленьей кожи, скрепленной колючками. Бурдюк вмещал достаточно воды, чтобы утолить жажду нескольких человек. Зур наполнил его водой и вернулся в пещеру.

Ун пил большими глотками свежую, прохладную воду, и ему казалось, что силы снова возвращаются к нему.

— Ушр тоже ранена! — сказал он.— Остальные напьются вечером.

И сын Быка унес бурдюк в верхнюю пещеру. Когда Ушр утолила жажду, он дал несколько глотков воды Джейе.

После этого Ун улегся на полу пещеры и проспал крепким сном до самого вечера. Проснувшись, он почувствовал, что лихорадка исчезла, раны перестали кровоточить. Когда сумерки сгустились над землей, сын Быка поднялся и, выйдя на площадку, стал наблюдать за людьми огня. Они разожгли напротив пещеры большой костер и сидели вокруг него, то и дело поворачивая головы в сторону базальтовой гряды. Широкие тупые лица выражали упрямую решимость.

Утомленные долгой погоней, женщины, так же как и Ун, спали до позднего вечера. Разбудил их не столько голод, сколько жажда. Женщины смотрели на уламра глазами, полными тоски и страха, и думали о воде, принесенной им из глубины пещеры. Только Ушр и Джейя получили ее...

И доверие, которое эти слабые существа питали к огромному уламру, сменялось в их сердцах тревогой и неуверенностью.

Ушр спросила:

— Куда ушел Зур?

— Зур принесет нам мясо и воду, прежде чем кончится ночь,— ответил сын Быка.

— Почему он не с нами?

— Ушр узнает об этом позже.

И, видя, что женщина-вождь смотрит в темноту, уламр добавил:

— Ун один будет спускаться в глубь пещеры. Иначе всех нас ждет смерть!

Суровая, полная лишений жизнь приучила женщин стойко переносить голод и жажду. Все, даже самые маленькие дети, привыкли к длительному воздержанию и умели терпеливо ждать.

Ночные светила медленно текли по своим вечным путям. Люди огня спали. Женщины, измученные беспокойством, тоже уснули. Ун дремал, прислонившись к стене.

В середине ночи из темной глубины пещеры донесся далекий зов. Сын Быка вскочил, зажег факел и спустился вниз. Пещерный лев с Зуром только что вернулись с охоты: посреди логовища лежала туша большого оленя. Человек без плеч отрубил от нее заднюю ногу и передал через щель уламру; затем он отправился к болоту, захватив с собой бурдюк из оленьей кожи.

Когда Ун снова появился в верхней пещере с водой и мясом, женщины замерли от изумления, смешанного с суеверным восторгом. В пещере сохранилось немного хвороста, запасенного когда-то Уном и Зуром. Сходив еще раз за водой, Ун развел костер и стал жарить оленье мясо. Это было и вызовом и неосторожностью. Дозорные людей огня тотчас же увидели в пещере свет и разбудили своего вождя. Вскочив на ноги, он, ошеломленный, уставился на огонь.

Поразмыслив немного, вождь решил, что в пещере мог быть запас топлива; что же касается мяса, которое осажденные жарили на костре, то это было, вероятно, какое-нибудь животное, убитое беглецами во время погони. Тем не менее он послал несколько воинов обследовать на всякий случай базальтовую гряду с противоположной стороны.

Обогнув южную оконечность массива, вражеские воины принялись рассматривать при свете луны многочисленные расселины и трещины, прорезавшие базальтовый кряж. Однако им удалось обнаружить лишь узкие щели, неглубокие складки да несколько углублений под нависающими скалами. Каменный коридор, по которому Зур спасался когда-то от черного льва, привлек на некоторое время их внимание. Миновав его, люди огня очутились перед широким, темным входом... Сильный запах хищного зверя ударил им в ноздри.

Воины поняли, что какой-то крупный хищник находится неподалеку, и остановились.

Тем временем их собственные испарения проникли в пещеру. Огромная фигура льва появилась у входа, громовое рычание потрясло воздух, и люди огня, объятые ужасом, убежали без оглядки, узнав в хозяине пещеры самого грозного из существовавших в те времена хищников.

После этого случая вражеский вождь окончательно уверился, что

пещера, где скрывались беглецы, не имела иного выхода, кроме того, который стерегли его воины. Если у вождя и оставались какие-нибудь сомнения на этот счет, то в последующие дни они рассеялись без остатка. Ун и женщины все время показывались на площадке перед входом в пещеру. Значит, бегство из нее было невозможно. Людям огня следовало лишь запастись терпением, стеречь и ждать.

Выздоровление Уна шло успешно. Лихорадка прошла, раны стали затягиваться. Зур продолжал снабжать осажденных водой и мясом. Он приучал пещерного льва следовать за собой, и могучий зверь с каждым днем все охотнее подчинялся человеку. Зур угадывал все побуждения хищника, предвидел, смотря по обстоятельствам, его поступки. Он так верно подмечал смену настроений зверя и так ловко применялся к ним, что лев, в конце концов, привязался к человеку без плеч крепче, чем к животному одной с ним породы.

На восьмую ночь Ун, спустившись вниз, чтобы взять приготовленную Зуром воду и пищу, сказал ему:

— Рана закрылась. Теперь сын Быка снова может сражаться. Завтра ночью Зур приведет пещерного льва по ту сторону скал...

Помолчав немного, человек без плеч ответил:

— Сегодня утром Зур заметил, что один камень в щели шатается. Если мы сумеем оторвать его, отверстие станет достаточно широким, чтобы пропустить человека, но слишком узким для пещерного льва.

Он положил руку на самый нижний выступ базальта и стал потихоньку расшатывать его. Ун принялся помогать ему. Мускулистые руки сына Быка скоро заставили камень сдвинуться. Тогда уламр изо всех сил потянул камень к себе, в то время как Зур толкал его обеими руками. Наконец кусок базальта отломился, за ним — еще два. Уламр отбросил их в сторону и, распластавшись, прополз через образовавшееся отверстие в логовище.

Лев, обеспокоенный всей этой возней, бросил добычу и вскочил на ноги с угрожающим видом. Но ласковое прикосновение руки Зура тотчас же успокоило зверя, и он принялся дружески обнюхивать уламра.

— Мы можем застигнуть людей огня врасплох! — радостно воскликнул Ун.

Зур подвел друга к выходу из логовища, показал ему десяток дротиков, которые он выточил за долгие часы одиночества, и сказал:

— Мы будем сражаться на расстоянии.

На следующий день Ун и Зур изготовили еще несколько дротиков, и количество их возросло до четырнадцати. Когда же наступил вечер, уламр предупредил Ушр и ее подруг:

— Этой ночью Ун и Зур будут сражаться с людьми огня. Пусть женщины держатся наготове...

Ушр слушала с изумлением:

— Как же Ун и Зур соединятся?

Уламр рассмеялся:

— Мы расширили проход между двумя пещерами... Ун и Зур выйдут по ту сторону скал и нападут на людей-дхолей вместе со своим союзником.

— Разве у сына Быка и сына Земли есть союзник?

— Ун и Зур заключили союз с пещерным львом.

Ушр слушала, пораженная. Но ум ее был прост, и женщина не стала утруждать себя долгими размышлениями. Доверие, которое она питала к огромному уламру, превозмогло даже любопытство.

Ун продолжал:

— Женщины не должны спускаться на равнину до того, как Ун подаст сигнал! Иначе пещерный лев растерзает их!

Джейя, восхищенная больше других, не сводила с уламра блестящих от восторга и любопытства глаз.

— А лев не может пройти из нижней пещеры в верхнюю? — спросила она.

— Нет, проход слишком узок для него!

Последние краски заката погасли на западе. Светлая звезда зажглась в небесной вышине. Ун спустился в нижнюю пещеру.

Костер людей-дхолей отбрасывал вокруг лишь слабые отблески. Три воина бодрствовали. Остальные уже улеглись спать в ограде из камней, которая защищала их от неожиданных нападений. Двое дозорных дремали; третий, повинуясь приказу вождя, ходил вокруг костра, посматривая время от времени в сторону пещеры.

Подбросив в угасающий огонь несколько веток, дозорный выпрямился и, взглянув вверх, увидел на площадке перед входом в пещеру человеческую фигуру. Это была женщина. Перегнувшись через край площадки, она внимательно смотрела вниз. Дозорный протянул в ее сторону руку, вооруженную копьем, и молча ухмыльнулся. Но усмешка тут же исчезла с его лица. Внизу, у подножия базальтовой гряды, появилась другая человеческая фигура — громадного роста, с широкими плечами. Невозможно было не узнать ее. Несколько мгновений дозорный растерянно созерцал необычное явление, спрашивая себя, как смог и как посмел сын Быка спуститься один на равнину? Затем он окликнул остальных дозорных, и все трое, потрясая копьями, подали сигнал тревоги.

Ун отделился от скал и смело двинулся к вражескому костру. Приблизившись, он бросил в сторону дозорных заостренный камень. Камень попал в голову одному из дхолей, но лишь слегка оцарапал ее. Второй камень задел плечо другого дозорного. Яростные крики раздались со всех сторон, и люди огня стали выскакивать из своего убежища. Тогда, выпрямившись во весь рост, сын Быка испустил боевой клич.

Наступила короткая пауза, во время которой люди огня разглядывали поочередно то уламра, то окружающую местность. Наверху, у входа в пещеру, две женщины присоединились к первой. Но на равнине не было видно никого, кроме Уна, все вооружение которого состояло из палицы и нескольких заостренных камней. Изумленный и недоумевающий вождь дхолей напрасно старался понять, что все это значит. Несколько мгновений он стоял в растерянности, смутно предчувствуя какую-то ловушку; но воинственный инстинкт скоро взял верх над осторожностью. Гортанный голос

подал сигнал к атаке, и люди огня ринулись вперед. Двадцать коренастых фигур устремились к сыну Быка.

Ун бросил свой последний камень и пустился бежать. Но прежняя быстрота, казалось, изменила ему, самые быстроногие из дхолей явно превосходили его в скорости. Остальные, возбужденные погоней за верной добычей, следовали на расстоянии за первыми. Иногда уламр спотыкался; иногда, словно сделав над собой огромное усилие, снова набирал скорость и отдалялся от преследователей, но затем расстояние между ними снова сокращалось. Вождь дхолей уже был шагах в тридцати от беглеца, когда они достигли южной оконечности базальтовой гряды. Люди огня громко вопили, торжествуя близкую победу...

С жалобным криком Ун уклонился в сторону и скрылся среди скал, которые образовали в этом месте несколько узких каменных коридоров, заканчивавшихся на юге более широким проходом.

Вождь остановился, окинул быстрым взглядом окружающую местность и приказал нескольким воинам преградить выход из лабиринта, а остальным — продолжать преследование.

— Смерть дхолям!

Гневный голос прозвучал впереди, громовое рычание ответило ему, и огромное темное тело, пролетев в гигантском прыжке по воздуху, упало на землю среди скал.

В последующее мгновение пещерный лев обрушился, словно лавина, на людей огня. Три воина остались лежать на земле с разорванной грудью; четвертый упал замертво, сбитый одним ударом могучей лапы...

На высокой плоской скале показались Ун и Зур. Дротики один за другим рассекали воздух и впивались то в горло, то в бедро, то в грудь вражеских воинов. А гигантский хищник, внезапно появляясь из-за скал, то сбивал с ног одного беглеца, то раздирал другого...

Объятые паникой, люди огня бежали прочь от страшного места. Ужас перед сверхъестественным появлением хищника мешался в их темном сознании с ужасом близкой смерти. Сам вождь удирал наравне со всеми. К сыну Быка вернулась вся его быстрота и сила. Прыгая, словно леопард, он легко нагнал бегущих, и огромная палица опускалась, поднималась и снова опускалась над вражескими головами...

Когда дхоли добрались наконец до своего убежища среди камней, их оставалось только семь. Остальные валялись в траве убитые или тяжело раненные.

— Пусть Зур остановит пещерного льва! — крикнул Ун.

Укрытые за каменной оградой, враги снова становились опасными. Отчаяние придавало им храбрости. Сквозь просветы между валунами острые копья людей огня могли нанести пещерному льву смертельную рану.

Огромный зверь без сопротивления позволил Зуру увести себя. Всюду валялись тела убитых. Лев спокойно схватил добычу и отправился с ней в свое логовище.

Несколько мгновений сын Быка стоял в раздумье. Затем сказал другу:

— Пусть Зур следует за пещерным львом в его логово. Он вернется через верхнюю пещеру и передаст женщинам, чтобы они были готовы.

Сын Земли с гигантским хищником скрылись среди скал. Ун принялся собирать дротики, вытаскивая их из тел убитых врагов. Затем медленными шагами вернулся к убежищу людей огня. Он видел врагов в просветах между валунами и легко мог убить еще кого-нибудь из них. Но душа Нао была в нем, полная великодушия к побежденным.

— Зачем люди огня напали на лесных людей? Зачем хотели они убить Уна и женщин-Волчиц?

В звучном голосе уламра слышалась грусть. Люди огня молча прислушивались к его словам. Вражеский вождь на мгновение показался между валунами и подал было сигнал к атаке, но Ун показал ему свой метательный снаряд и продолжал:

— Сын Быка сильнее вождя дхолей! Он бегает быстрей его и умеет поражать врагов на расстоянии!

Наверху у входа в пещеру послышались ликующие возгласы женщин. Они наблюдали с площадки за всеми перипетиями сражения, видели чудесное появление царственного хищника, и их простые сердца были полны суеверного восторга.

Первой спустилась Джейя, за ней Ушр и все остальные женщины, кроме одной, которая должна была охранять пещеру и смотреть за детьми.

Женщины столпились вокруг большого уламра и с мрачной ненавистью смотрели на каменную ограду. Они вспоминали перенесенные страдания, гибель своих сородичей — и проклинали врагов. Дхоли хранили молчание, но, полные отчаянной решимости, держали наготове свои тяжелые копья. Позиция их была неприступной,и, если бы не Ун, враги и сейчас сохраняли бы превосходство в силе. Ни одна из женщин, исключая Ушр, не могла противостоять даже самому слабому воину. Волчицы хорошо понимали это и, несмотря на душившую их злобу, не подходили близко к вражескому убежищу.

Собравшись вокруг угасающего костра дхолей, женщины принялись кидать в него сухие ветки. Огонь разгорелся с новой силой, далеко озарив саванну. Некоторые женщины начали кричать:

— Дхоли не смеют принять бой! Они умрут от голода и жажды!

Время шло. Ночные созвездия поднимались от востока к зениту или склонялись к западу. Беспокойство и нетерпение понемногу овладели женщинами. Осажденные снова стали казаться им опасными. Они боялись какой-нибудь неожиданности со стороны людей огня. Ни одна женщина не смела заснуть. Даже Ун и Зур согласились, что необходимо вызвать врагов на бой. Сын Земли повторял:

— Надо заставить дхолей покинуть убежище!

Он твердил эти слова до тех пор, пока его не осенила наконец догадка:

— Дхоли не смогут устоять против огня! Ун, Зур и женщины забросают врагов горящими ветками!

Уламр громко вскрикнул от восхищения, и оба друга принялись обстругивать ветки, чтобы зажечь их с одного конца. Затем они позвали женщин, и Зур объяснил им свой план. Все схватили горящие ветки и бросились к убежищу.

Огненный дождь обрушился на дхолей. Задыхаясь от едкого дыма, испытывая жгучую боль от ожогов, они пробовали оставаться на месте, но страх и злоба оказались сильнее осторожности.

Коренастая фигура вождя появилась на одном из валунов. С хриплым криком он кинулся вперед, за ним — шесть уцелевших воинов.

По команде Уна женщины отступили. Два дротика просвистели в воздухе, и двое вражеских воинов упали замертво на землю. Из пяти оставшихся четверо устремились к женщинам и Зуру, пятый ринулся на Уна, который держался в стороне. Сын Быка метнул еще один дротик, лишь оцарапавший плечо врага. Затем, выпрямившись, стал ждать. Он мог легко уйти, оставив противника далеко позади, но предпочел принять бой. Тот, кто приближался к нему, был вождем дхолей — коренастый, с широкими плечами и огромной головой. Он шел прямо на уламра, выставив вперед свое тяжелое копье. Встретив палицу, копье отклонилось в сторону и снова с быстротой молнии устремилось вперед. Грудь Уна обагрилась кровью, но палица, опустившись, в свою очередь, заставила хрустнуть массивный череп. Выронив копье, вождь упал на колени в покорной позе побежденного хищника. Ун снова поднял палицу... но не опустил ее. Странное отвращение к убийству овладело им с неудержимой силой — то великодушие к побежденным, которое было свойственно только ему и Нао...

Справа от него две женщины лежали поверженные на земле. Но дротики Зура и копья Волчиц сделали свое дело: трое дхолей валялись в траве, и женщины, полные ярости, добивали их. Четвертый, самый молодой, обезумев от ужаса, бежал прямо на Уна. Очутившись перед огромной палицей, юноша почувствовал, что колени его подгибаются, и упал, распростершись, у ног уламра. Женщины подбежали, чтобы прикончить его, но сын Быка, протянув руку вперед, властно крикнул:

— Его жизнь принадлежит Уну!

Женщины остановились. Злоба исказила их лица. Но, услышав стоны тех, кто был повержен во время первой схватки, они отправились добивать их. Ун угрюмо прислушивался к яростным крикам и жалобным стонам, радуясь в душе, что Джейя не последовала за своими подругами.

IV

Родное племя

Ун, Зур и женщины-Волчицы прожили целый месяц в базальтовой пещере. Только одна женщина умерла от ран; остальные четыре медленно поправлялись. Рана Уна не была опасной. Избавившись от людей огня, они оказались полными хозяевами саванны, джун-

глей и Большой реки. Присутствие пещерного льва заставляло всех других хищников держаться на почтительном расстоянии от базальтовой гряды.

Пройдя сквозь столько испытаний и опасностей, Ун и Зур наслаждались теперь покоем. Зур особенно любил эти тихие, безмятежные дни, когда образы и события длинной вереницей проплывают в памяти.

Женщины чувствовали себя совершенно счастливыми. После всех несчастий, выпавших на их долю, они не хотели иной жизни и не думали больше о независимости и свободе, как бы вручив свои судьбы в руки громадного уламра. Они не воспротивились даже, когда Ун решил отпустить на свободу обоих пленников. Сын Быка сам проводил дхолей до места слияния Большой реки с ее правым притоком.

Красота Джейи с каждым днем пленяла все сильней молодого уламра. Много раз сын Быка готов был обратиться к Ушр с просьбой выполнить данное ею обещание, но непонятная робость удерживала его.

До сезона дождей оставалось не более пяти недель. Ун все чаще думал о родном становище, о могучем Нао, победителе кзаммов, рыжих карликов и косматого Аго; о вечернем костре, вокруг которого собиралось все племя уламров, и о своих суровых сородичах, которых он, однако, всегда недолюбливал за жестокость.

Однажды утром он сказал Ушр:

— Ун и Зур возвращаются к уламрам. Женщины должны следовать за ними и поселиться в пещере, недалеко от гор. Когда минет холодное время, уламры придут в эти края. Они будут союзниками Волчиц.

Ушр и ее подруги почувствовали, что невзгоды жизни снова надвигаются на них. Разговор происходил на равнине, близ берега Большой реки. Женщины окружили уламра, самые молодые заплакали. Джейя вскочила с места. Она тяжело дышала, большие глаза наполнились слезами. Ун, глубоко взволнованный, некоторое время молча смотрел на нее, затем, резко повернувшись, обратился к женщине-вождю.

— Ушр обещала, что Джейя будет женой Уна. Джейя согласна! — И дрогнувшим от волнения голосом добавил: — Отдай мне Джейю в жены!

Ушр помолчала минуту, затем схватила девушку за волосы, бросила на землю и острым камнем провела по ее груди длинную царапину от одного плеча к другому. Брызнула кровь, и Ушр, омочив ею губы Уна, произнесла священные слова предков, которые делали мужчину и женщину мужем и женой.

На следующий день маленький отряд выступил в путь. Ун и Зур с грустью покидали своего союзника — пещерного льва. Зур страдал от этой разлуки несравненно больше Уна. Он горько сожалел об удобной и безопасной пещере, которую вынужден был покинуть, и о могучем хищнике, союз с которым считал своим кровным делом. Ничто не привязывало человека без плеч к племени

уламров. Он был чужим среди них, и молодые воины презирали его за слабость.

Они прошли место, где желтые львы бежали в страхе перед слонами, миновали гранитный кряж, близ которого махайрод растерзал носорога, а Ун убил махайрода, и наконец очутились у подножия высокого скалистого отрога, который отходил от горной цепи и далеко вдавался в саванну. Здесь, в предгорьях, женщины отыскали вместительную и удобную пещеру, чтобы провести в ней сезон дождей. Затем они помогли Уну и Зуру найти дорогу в горы.

Расставание было тяжелым. Женщины молчали, подавленные горем. Они думали о том, что не будут больше ощущать рядом с собой эту могучую и добрую силу, которая спасла и освободила их от людей-дхолей. С этого дня они будут снова одни во враждебном мире, полном испытаний и опасностей.

Путники стали подниматься в гору. Из груди Волчиц вырвался долгий, похожий на рыдание, стон. Ун, обернувшись, крикнул:

— Мы вернемся на берега Большой реки!

Прошло много дней. Ун, Зур и Джейя шли крутыми тропинками по горным склонам, поднимаясь все выше и выше. Ун торопился; он так хотел увидеть снова родное становище! Каждый шаг, приближавший путников к уламрам, наполнял его радостью.

И вот настал день, когда они отыскали наконец узкое ущелье с отвесными стенами, через которое вышли когда-то из недр горы. Пройдя его, путники очутились в подземной пещере, перед расселиной, образовавшейся после землетрясения. За время их отсутствия она стала шире, и все трое без труда пробрались сквозь нее. Затем потянулись подземные коридоры, где гулко звенел голос быстро бегущей воды. Переночевав на берегу подземной реки, путники через два дня достигли тех мест, где Ун и Зур почти год назад оставили уламров.

День склонялся к вечеру. У подножия крутого холма, под сенью огромного порфирового утеса, женщины уламров складывали в кучу сухие ветви и хворост для вечернего костра, который Нао затем должен был зажечь. Дозорные подали сигнал тревоги, и Ун появился перед сыном Леопарда. Наступило долгое молчание. Женщины недружелюбно посматривали на Джейю.

Наконец Нао заговорил.

— Уже скоро год, как вы покинули становище,— сказал он сурово.

— Мы прошли сквозь гору и открыли новые богатые земли для охоты,— ответил Ун.

Лицо Нао озарилось радостной улыбкой. Он вспомнил суровое время своей юности, когда он вместе с Намом и Гавом так же пустился в далекий и опасный путь, чтобы добыть огонь для уламров. Снова пережил он в мыслях схватки с серым медведем и тигрицей, бегство от людоедов кзаммов, союз с вожаком мамонтов, коварство рыжих карликов и мудрость людей ва, лес голубых людей, нападение пещерного медведя и страшную встречу с косматым Аго и его братьями...

— Рассказывай! — сказал он, взволнованный воспоминаниями.— Нао слушает сына Быка.

Вождь зажег костер, уселся возле него и приготовился слушать сына. Душа искателя приключений постепенно пробуждалась в нем.

Рассказ о красном звере поверг Нао в изумление, но он возмутился, когда Ун сказал, что слоны выше и сильней мамонтов.

— Нет животных, равных по величине и силе мамонтам, с которыми Нао заключил союз в стране кзаммов!

Он узнал по описанию огромного хищника, обитавшего в базальтовой пещере, и обратился к Наму:

— Этот зверь убивает тигра так же легко, как лев убивает антилопу!

Союз с пещерным львом привел Нао в бурный восторг. Он благосклонно посмотрел на Зура:

— Ва всегда были самыми хитроумными из людей.

Это они нашли огонь в камнях. Они переплывали реки и озера на плотах, связанных из веток и бревен, и умели находить ручьи, текущие под землей!

Рассказ о битвах с людьми огня взволновал Нао до глубины души. Грудь его высоко вздымалась, глаза сверкали. Положив руку на плечо Уна, Нао воскликнул:

— У сына Быка сердце и сила вождя!

Сидя вокруг костра, уламры внимательно слушали рассказ Уна, но лица их не выражали доверия. Воины думали о том, что Нао в свое время принес племени огонь и спас уламров, умиравших от холода в сырой пещере. А сын его, вернувшись из дальних странствий, привел с собой лишь эту девушку-чужеземку да своего хилого спутника, которого никто из уламров не любил.

Куам, сын Онагра, воскликнул:

— Ун говорит, что земли, которые он посетил, гораздо жарче наших. Уламры не смогут там жить! Когда племя кочевало по Выжженной Равнине, воины и женщины умирали, словно кузнечики осенью!

Глухой ропот одобрения прокатился по рядам уламров, и Ун понял, что они любят его еще меньше, чем прежде.

И все же в течение всех последующих дней сын Быка испытывал радость при мысли о том, что находится наконец в кругу сородичей. Он ходил на охоту вместе со всеми уламрами или проводил время возле Джейи, с которой женщины становища не разговаривали.

Но мало-помалу печаль овладела Уном. Он сознавал, что совершенный им подвиг не менее велик, чем подвиг Нао. Правда, он не вернул уламрам огня, но зато принес известие, что новые земли, обширные и полные неистощимых богатств, лежат по ту сторону гор. Он чувствовал себя на целую голову выше других юношей, знал, что так же силен, как сам Нао. Но уламров не восхищала его сила. Они предпочитали Куама, палица и копье которого не смогли бы противостоять палице и копью сына Быка. Куам должен был стать вождем, когда сын Леопарда умрет. Если это случится, Уну придется во всем повиноваться Куаму. Новый вождь возбудит против него,

против Джейи и Зура вражду, которая вот-вот готова вспыхнуть.

Еще раньше, до путешествия, Уну ставили в упрек его дружбу с человеком без плеч. Теперь же он вдобавок женился на девушке, рожденной в чужой стране. Значит, и сам он стал для племени чужим.

Особенно ненавидели Уна женщины. Они с бранью отворачивались от Джейи, когда та проходила мимо, а если их было несколько, встречали злобным ропотом появление чужеземки. Даже сестры Уна, дочери Гаммлы, избегали ее.

Через несколько дней гордая душа Уна возмутилась. Он не искал больше близости со своими сородичами и упрямо уединялся вместе с Джейей и Зуром. На охоте Ун тоже держался в стороне от других охотников, если только прямой приказ Нао не вынуждал его действовать заодно со всеми. Он снова пропадал по целым дням в пещерах, бродил по берегам подземной реки и часто, повинуясь бессознательному желанию, оказывался вдруг перед той расселиной, что вела в страну, которую он так горячо полюбил.

Однажды утром Ун принялся искать след леопарда. Леопарды в изобилии водились в окрестных лесах. Крупного роста, проворные и смелые, они нападали на оленей, на онагров и даже на молодых бизонов. Нао не охотился на них, суеверно считая себя в некоем мистическом родстве с этими красивыми хищниками. Остальные воины опасались их, и мало кто из охотников осмеливался вступать в единоборство с леопардом.

Ун долго бродил по лесу, но нигде не обнаружил следов леопарда. Наконец около маленького ручейка, весело катившего свои воды по кремнистому ложу, он наткнулся на свежий след.

Ун спрятался среди густых папоротников и замер. В верховьях ручья, под зелеными сводами деревьев, виднелась высокая скала, у подножия которой зоркий глаз охотника различил небольшое углубление наподобие пещеры. Какой-то крупный зверь спокойно дремал у входа, положив голову на вытянутые лапы. Несмотря на расстояние и царивший под деревьями полумрак, Ун сразу узнал леопарда. Более тысячи шагов отделяло охотника от зверя. Ему удалось продвинуться на целых шестьсот шагов, прежде чем леопард проснулся. Только когда Ун углубился в заросли высоких трав, круглая голова хищника медленно приподнялась и два желто-зеленых огня зажглись в полумраке логовища.

Ун приник к земле. Леопард долго втягивал ноздрями воздух; несколько минут его горящие глаза пристально вглядывались в густые заросли трав и кустарников. Затем голова хищника опустилась на лапы, и пятнистое тело снова стало неподвижным.

Слабый ветерок относил в сторону запах охотника. Ун заторопился, прополз еще сто пятьдесят шагов и спрятался за деревом. Леопард снова поднял голову и прислушался. Затем поднялся и вышел из логова, чтобы лучше разобраться в подозрительных запахах.

Внезапно в чаще раздался крик оленя, и стройная лань промчалась под сикоморами. Леопард бросился за ней.

Лань метнулась к дереву, за которым прятался Ун. Охотник

выскочил и пустил в хищника дротик. Просвистев в воздухе, дротик впился в затылок зверя. Леопард яростно мяукнул, но кинуться на человека не посмел. Он скользнул в чащу папоротников и скрылся из виду.

Желая избежать внезапного нападения хищника, Ун вышел на открытое место, держа в одной руке палицу, а в другой — метательный снаряд.

Но леопард не собирался атаковать охотника первым. Ярость его понемногу утихала, он почти не ощущал боли от раны. Хищник описал вокруг Уна широкий круг, стараясь зайти сзади, чтобы прыгнуть на плечи охотнику.

Тем временем другие люди появились в лесу. Издав призывный клич, Ун бросился в погоню за леопардом. Среди деревьев замелькали головы уламров, вслед зверю полетели дротики, но ни один не достиг цели. Внезапно из-за дерева показалась мускулистая фигура Куама. Взмахнув копьем, он с силой метнул его в леопарда. Копье вонзилось в правый бок зверя. Хищник высоко подпрыгнул и обернулся, готовый защитить свою жизнь. Но Куам исчез; остальные охотники тоже скрылись. Один Ун оставался на виду.

Леопард не колебался больше. В три прыжка он очутился перед сыном Быка и кинулся на него. Удар огромной палицы остановил хищника и бросил его на землю. Следующий удар пришелся прямо по массивному черепу зверя, и леопард покатился по земле бездыханный.

В ту же минуту из-за деревьев показался Куам, а за ним — остальные охотники. Опершись на палицу, Ун смотрел, как они приближались. Он был уверен, что охотники станут восхищаться его силой; теплое чувство родства с этими людьми охватило его. Но лица уламров выражали лишь отчуждение. Один из охотников, всюду следовавший за Куамом, как Зур за Уном, воскликнул подобострастно:

— Куам победил леопарда!

Одобрительные возгласы поддержали его. Куам стоял перед мертвым леопардом и указывал на копье, вонзившееся в бок зверя. Ун возмутился:

— Это не Куам победил леопарда...

Уламры злорадно засмеялись, показывая на копье. Охотник, заговоривший первым, продолжал:

— Это Куам! Ун только прикончил зверя.

Сын Быка поднял палицу. Гнев бушевал в его груди. Он крикнул презрительно:

— Что такое леопард? Ун победил красного зверя, тигра и людей-дхолей! Один только Нао так же силен, как Ун!

Куам не отступил. Он знал, что все охотники на его стороне.

— Куам не боится ни льва, ни тигра!

Горькая печаль охватила Уна. Он почувствовал себя чужим среди этих людей одного с ним племени. Схватив убитого леопарда, Ун кинул его на землю к ногам охотников:

— Вот! Сын Быка не поднимет руку на уламров! Он дарит им леопарда!

Охотники не смеялись больше. Они со страхом смотрели на могучую фигуру и огромную палицу сына Быка. Они признавали его силу, равную силе больших хищников. Но они ненавидели Уна за эту силу и отвергали его великодушие...

Ун вернулся в становище с душой, полной горечи и отвращения. Подойдя к порфировому утесу, он увидел Джейю. Она сидела, скорчившись, у большого камня. При виде Уна Джейя поднялась на ноги с жалобным возгласом: струйка крови текла по ее щеке.

— Джейя поранила себе лицо? — спросил сын Быка, положив руку на плечо подруги.

— Женщины бросали камни,— ответила она тихим голосом.

— Они бросали камни в Джейю?

Молодая женщина кивнула головой. Дрожь охватила Уна. Он увидел, что лагерь пуст, и спросил:

— Где же они?

— Я не знаю.

Ун опустил голову, мрачный и подавленный. Горе, наполнявшее его душу, стало нестерпимым. Он понял, что не хочет больше жить вместе с уламрами.

— Хотела бы Джейя вернуться к Волчицам вместе с Уном и Зуром? — спросил он тихо.

Она подняла на него большие глаза, в которых сквозь слезы засветилась радость. Застенчивая и кроткая по натуре, Джейя страдала, живя среди чужих. Она молча терпела вражду и презрение женщин, удрученная тем, что едва понимает язык уламров. Она не смела жаловаться мужу и, наверное, и на этот раз не сказала бы ни слова, если бы Ун не спросил ее.

Еще не веря своему счастью, молодая женщина воскликнула:

— Джейя пойдет туда, куда пойдет Ун!

— Но она хотела бы жить со своим племенем?

— Да,— прошептала она.

— Тогда мы вернемся на берега Большой реки!

Вздох облегчения вырвался из груди Джейи; она тихо склонила голову на плечо Уна...

Когда Зур вернулся вечером из подземных пещер, сын Быка отвел его в сторону от становища, которое уже наполнилось воинами и женщинами.

— Вот! — сказал он резко.— Ун хочет снова увидеть Волчиц, пещерного льва и базальтовую гряду.

Зур посмотрел на друга своим туманным взглядом, и улыбка осветила его лицо. Он знал, что Ун страдает, живя среди уламров; да и у самого Зура было тяжело на душе.

— Зур будет счастлив вернуться в базальтовую пещеру!

Слова друга рассеяли последние сомнения Уна. Он приблизился к Нао, отдыхавшему поодаль, в тени порфировой скалы, и сказал:

— Уламры не любят сына Быка. Он хочет уйти снова по ту сторону гор. Он будет жить с племенем женщин-Волчиц и станет союзником уламров.

Нао слушал речь Уна в молчании. Он любил сына, но знал

о неприязни, которую питали к нему уламры, и предвидел в будущем непрерывные раздоры и столкновения.

— Племя недовольно тем, что Ун отдает предпочтение чужеземцам! — сказал он наконец.— Оно не простит ему этого предпочтения, если Ун будет жить с племенем. Но уламры уважают союзников. Они сражались вместе с людьми без плеч. Они перестанут ненавидеть Уна, как только он покинет их. А будущей весной Нао приведет уламров по ту сторону гор. Они поселятся на плоскогорье, а Волчицы останутся на равнине. Если во время холодов уламры спустятся вниз, они не будут охотиться на землях Уна. Тогда союз наш будет прочным.

Вождь положил руку на плечо юноши и добавил:

— Сын Быка стал бы великим вождем среди уламров, если бы не предпочел человека без плеч мужчинам, а чужеземку — женщинам племени.

Ун признал силу этих мудрых слов. Но он не жалел ни о чем. Зур и Джейя были ему дороже и ближе жестокосердных и враждебно настроенных сородичей. Только разлука с Нао огорчала его.

— Ун будет приносить сыну Леопарда зубы зверей и блестящие камни,— сказал он дрогнувшим от волнения голосом.

Сумерки спускались на землю. Тихая печаль наполняла сердца обоих мужчин. Их души были так схожи между собой, но какими разными оказались их судьбы! Оба провели юность в далеких скитаниях и странствиях. Оба совершали великие подвиги и побеждали могучих врагов. Но в награду за эти подвиги племя уламров избрало Нао своим вождем; сына же его сделало изгнанником.

Эпилог

Два дня назад чета махайродов поселилась среди скал, в трехстах шагах от пещеры, которую занимали Волчицы. Женщины хорошо знали силу, коварство и дерзость этих свирепых хищников. Ни одна не осмеливалась выйти наружу.

Предыдущей ночью махайроды долго рыскали вокруг пещеры. Иногда они подходили так близко, что слышно было их хриплое, прерывистое дыхание. Тогда женщины принимались кричать и кидали в хищников заостренные камни. Но камни, брошенные из-за валунов, преграждавших вход в пещеру, не достигали цели. В конце концов другая, более легкая добыча отвлекала внимание хищников. Но в течение следующего дня то самец, то самка по очереди возвращались к пещере и наблюдали за людьми.

Время дождей было близко.

Сбившись в кучу позади заграждения из камней и колючих веток, женщины с тоской думали об огромном уламре.

Сын Быка со своей огромной палицей и острыми дротиками, конечно, сумел бы прогнать страшных хищников.

Добыча, доставшаяся махайродам накануне, по-видимому, не удовлетворила прожорливых хищников, и они появились у входа в пещеру задолго до наступления сумерек. День был пасмурный, серые тучи закрывали небо.

Резкий ветер дул со стороны равнины, зловеще завывая в скалах. Дети плакали со страха. Женщины, сгрудившись у входа, мрачно созерцали открывшееся перед ними пространство. Ушр с тревогой думала о том, что махайроды, вероятно, останутся жить близ пещеры на весь период дождей.

Ветер крепчал. Он словно кидался в ожесточении на штурм горы. Оба махайрода показались одновременно перед входом в убежище. Их грозное рычание гулко отдавалось в каменных стенах пещеры. Ушр, удрученная, вышла вперед, чтобы приготовиться к обороне...

Внезапно длинное копье просвистело в воздухе и вонзилось в затылок одному из хищников — самцу. Заревев от боли, зверь прыгнул вперед, пытаясь преодолеть преграду из камней, но второе копье, брошенное с огромной силой, пригвоздило махайрода к земле. Громовой голос заглушил рев урагана, и громадная фигура с высоко поднятой палицей появилась у входа в пещеру.

Женщины гурьбой бросились к выходу, опрокидывая тяжелые валуны, служившие им защитой. Махайрод лежал бездыханный. Самка, испуганная его предсмертным воплем и появлением новых двуногих существ, бежала к реке.

Волчицы, крича от радости, теснились вокруг своего избавителя. Их суровые лица светились счастьем; широко открытые глаза смотрели на уламра с беспредельным обожанием. К ним снова вернулось блаженное ощущение безопасности, уверенность в победе над стихиями, животными и людьми.

Взволнованный встречей, сын Быка воскликнул:

— Вот! Ун и Зур вернулись к Волчицам и не покинут их больше! Они будут жить вместе с ними в большой пещере, близ которой одержали победу над людьми огня.

Радости женщин не было предела. Они склонились перед Уном в знак любви и преданности. И уламр, растроганный до глубины души, забыл горечь своего возвращения в родное становище. Теперь он думал только о том, что новое племя будет расти и крепнуть под его защитой...

— Ушр и Волчицы будут твоими воинами! — говорила женщина-вождь.— Они будут жить там, где будешь жить ты, выполнять твою волю и следовать твоим обычаям.

— Они станут сильными и бесстрашными,— ответил Ун.— Они будут изготовлять копья и дротики, топоры и метательные снаряды, научатся владеть ими. Тогда они перестанут бояться людей огня и красных хищников!

Женщины бросились собирать хворост, и скоро великолепный костер запылал во мраке. Ночь больше не таила в себе ловушек и неведомых опасностей. Счастье, наполнявшее сердца Волчиц, было таким же громадным, как Большая река...

Один только Зур оставался задумчивым. Он знал, что его серд-

це будет спокойно лишь тогда, когда он снова увидит базальтовую пещеру и своего могучего союзника.

На двенадцатый день пути, преодолевая порывы ледяного ветра, маленький отряд добрался до базальтовой пещеры. Летучие мыши, поселившиеся в ней, улетели прочь при появлении людей. Сокол с хриплым криком снялся с места.

Выпрямившись во весь рост на площадке перед входом, Ун смотрел на простиравшиеся перед ним леса и равнины. Всюду кипела жизнь. Воды Большой реки давали приют и пищу бесчисленным черепахам и крокодилам, рыбам и земноводным, гиппопотамам и питонам, пурпурным цаплям и желтоголовым журавлям, черным аистам, ибисам и бакланам. Леса и саванны изобиловали оленями, сайгами, куланами, дикими лошадьми и онаграми, гаурами и буйволами. Голуби и фазаны, попугаи и другие лесные птицы гнездились среди ветвей. Бесчисленные растения предлагали людям свои плоды.

Ун чувствовал себя сильнее самых могучих хищников. Он был Человеком-завоевателем и покорителем дикой, нетронутой природы на этой прекрасной и богатой земле. Зур и Джейя, Ушр и все другие женщины были как бы частицей его существа, продолжением его жизни и подвигов...

Зур медленно спускался в нижнюю пещеру. Он подошел к расселине и заглянул в нее: логовище было пусто... Сердце его сжалось от недоброго предчувствия. Сын Земли прополз сквозь щель в пещеру и осмотрелся. Свежеобглоданные кости валялись на каменном полу рядом с сухими; запах хищника был сильным и стойким.

Зур выбрался из логовища и долго бродил вокруг в мучительном беспокойстве, не думая о хищных зверях, которые могли скрываться в густом кустарнике. Но едва он вошел под сень деревьев, как лицо его озарилось счастливой улыбкой:

— Пещерный лев!

Там, в зарослях бамбука, темнела гигантская фигура хищника, склонившегося над тушей только что убитого оленя. Услышав голос Зура, лев поднял свою царственную голову и, радостно зарычав, бросился навстречу человеку...

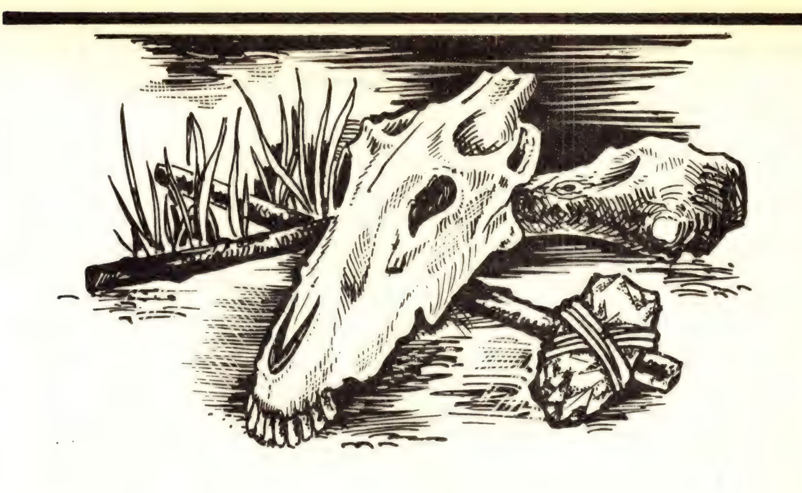
Когда могучий зверь очутился рядом с ним, Зур запустил обе руки в его густую гриву, и гордость, равная гордости Уна, наполнила его сердце.

Рони Старший

ВАМИРЭХ

(Человек каменного века)

I

Ночная борьба

Это было в эпоху каменного века.

На равнинах Европы мамонты уж начинали вымирать; переселение крупных хищников в теплые, а северного оленя в холодные страны уже заканчивалось; зубр, тур, большерогий олень паслись в лесах и степях. Века прошли с тех пор, как гигантский медведь угас в глубине пещер.

В те времена рослые длинноголовые люди заселяли Европу от Балтийского моря до Средиземного и от востока до запада. Они жили в пещерах и вели кочевую жизнь, хотя у них уже начинали развиваться промышленность и искусство. Хрупким каменным резцом они делали рисунки, в которых можно было уловить стремление подражать природе.

Это было на юго-востоке, весной, в конце ночи. В пепельном полусвете обширной долины разносились голоса хищных зверей; в промежутках, когда они умолкали, заявляла о своей жизни река, напевая мелодию волн. На эту песню шепотом отзывались ольхи и тополя.

На берегу реки, у выступа одинокой скалы, вблизи пещеры, служившей жилищем человеку, появился темный силуэт. Он стоял недвижно, молча, внимательно прислушиваясь, взглядывая по временам на утреннюю звезду.

Его могучее тело дышало здоровьем; ночной ветерок ласкал его лицо; он без страха наслаждался звуками и тишиной девственной природы, с гордым сознанием своей силы.

Под утренней звездой обозначался бледный свет. Появился диск луны; лучи ее облили светом реку и деревья. Тогда выдели-

лась и высокая фигура охотника с накинутым на плечи мехом тура. Его бледное широкое лицо было разрисовано суриком. Дротик с роговым наконечником свешивался у пояса; правая рука сжимала громадную дубовую палицу.

Лунный свет придал мягкость пейзажу; неясный трепет слышался в природе. Шептавшие серебристые листья тополей замелькали, как крылья бабочек, предметы задвигались, борясь с сумраком тени. Голоса зверей звучали глуше; борьба между крупными хищниками стала как будто менее ожесточенной в глубине соседнего леса.

Охотник, утомившись своей неподвижностью, направился вдоль берега реки легким, осторожным шагом человека, привыкшего к преследованию добычи. Пройдя тысячи полторы локтей, он остановился, прислушиваясь, держа дротик на уровне головы. На опушке кленовой рощи показался большой десятирогий олень.

Охотник колебался; вероятно, его племя было в изобилии снабжено мясом: он не захотел преследовать оленя и молча смотрел вслед удалявшемуся зверю, любуясь его длинными, тонкими ногами, запрокинутой назад головой, красивыми очертаниями тела, освещенного красноватым отблеском зари.

— Ло! Ло! — вырвался у него сочувственный оклик.

Инстинкт подсказывал ему близость хищного зверя, какого-нибудь могучего животного кошачьей породы, преследующего добычу. Действительно, через несколько мгновений из-за скалы пещерных людей выскочил леопард, несшийся громадными прыжками. Человек, держа наготове дротик и палицу, ждал с напряженным вниманием, с возбужденными нервами, жадно вдыхая воздух... Но леопард пронесся, как пена на реке, и вскоре исчез вдали. Тонкий слух охотника еще несколько минут улавливал его бег по мягкой земле.

— Ло! Ло! — повторил он, слегка взволнованный, не изменяя величественного, вызывающего положения.

Время проходило; луна выступала яснее; мелкие животные шевелились в прибрежном кустарнике; среди водяных растений квакали исполинские жабы. Человек наслаждался простой радостью жить среди раздолья вод, среди смены света и теней. Потом он опять отступил, вслушиваясь, всматриваясь привычным взглядом в ночной полумрак, угадывая его опасности.

— Э?! — вопросительно пробормотал он, прячась в тень кустарника.

Неясный топот сперва послышался в отдалении, потом стал ближе и отчетливее. На равнину снова выскочил олень, он мчался столь же быстро, но в его беге было меньше уверенности; он был весь в поту, дышал отрывисто и громко. В пятидесяти шагах за ним, почти настигая его, виднелся леопард, гибкий, изящный, без всяких признаков утомления.

Человек был удивлен и недоволен этой легкой победой хищника; его охватил воинственный порыв, ему вдруг захотелось вмешаться в борьбу, но в ней внезапно явилось нечто новое, ужасающее. Там, внизу, на опушке кленовой рощи, вся освещенная лунным светом, обозначалась крупная фигура. По глухому

рычанию, по скачкам в двадцать локтей, по тяжелой гриве человек узнал льва. Несчастный олень, обезумевший от страха, сделал крутой, неловкий поворот и очутился в острых когтях леопарда.

После короткой ожесточенной схватки и отчаянного предсмертного вопля олень пал мертвым к ногам победителя, но леопард в свою очередь замер от ужаса; к месту битвы медленно приближался лев. Шагах в тридцати он остановился с глухим ворчанием. Леопард колебался: жадность и трусость боролись в нем; он подумал даже, не отважиться ли на борьбу со львом. Но голос властелина снова, еще громче, как сигнал к атаке, прозвучал над долиной, и леопард отступил. Низко склонив голову перед победителем, он медленно удалялся, ворча от бессильной ярости и унижения.

Лев уже разрывал оленя, пожирая огромными кусками отбитую добычу, не обращая внимания на побежденного, который продолжал отступление, дико озираясь в полумраке своими золотисто-изумрудными глазами. Соседство льва пробудило в охотнике осторожность; он еще тщательнее укрылся в своем лиственном убежище, но без страха, готовый ко всему, что бы ни произошло.

После нескольких минут жадной еды зверь остановился; беспокойство, испуг отразились во всей его позе, во вздрагивании его гривы, в трепетном внимании. Вдруг, уже не сомневаясь более, он быстро схватил оленя, перекинул его на спину и бросился бежать. Он уже пробежал несколько сот локтей, когда из кленовой рощи, почти на том же месте, где незадолго перед тем был он сам, показалось чудовищное животное. Среднее по виду между львом и тигром, но несомненно крупнее, оно казалось олицетворением силы. Страх пронизал человека до мозга костей.

Постояв несколько секунд, животное пустилось в погоню. Оно неслось, как ураган, преследуя льва, направлявшегося в западную сторону; леопард неподвижно следил за этой сценой.

Оба силуэта, все уменьшаясь, наконец исчезли. Человек уже подумывал выйти из своего убежища, потому что леопард не внушал ему никакого страха, как вдруг лев появился снова: очевидно, он встретился с каким-нибудь препятствием вроде оврага или озера.

Охотник усмехнулся; его забавляло, что животное не умело рассчитывать своего бегства; но он спрятался еще глубже, потому что оба врага направлялись почти прямо на него. Обремененный ношей и утомленный напрасными усилиями скрыться от преследователя, лев уступал в быстроте чудовищу. Положение охотника становилось опасным. Он оглядел местность: до ближайшего тополя было не меньше двухсот локтей; кроме того, пещерный лев (так звалось чудовище) умел лазить по деревьям; до скалы пещерных обитателей расстояние было вдесятеро больше. Охотник предпочел дожидаться развязки на месте.

Колебание его было непродолжительно. Через несколько секунд животные уже были около кустов, за которыми он скрывался. Увидя, что дальнейшее бегство бесполезно, лев бросил оленя

и стал ждать. Эта обстановка, это затишье напоминало недавнюю минуту, когда добыча была еще в когтях леопарда. Кругом все было тихо; наступал час, возвещающий рассвет, час, когда ночные животные удаляются на покой, а дневные начинают пробуждаться.

Стоял предрассветный полумрак; вершины деревьев утопали в бледной мгле; трава трепетала каждым листиком под легким дуновением западного ветра; повсюду было смутно, неопределенно, как будто нечто таилось во всей природе — в лесу, и в заводях, и в шелковистых тучках, тянувшихся по небу.

С вышины на землю смотрели звездные светильники, уже начинавшие угасать.

На возвышении в лучах месяца выделялась фигура пещерного чудовища с высоким горделивым профилем, с гривой, ниспадающей на пятнистую шкуру, с плоским лбом и выдающимися челюстями. Ниже виднелся лев, запыхавшийся, с часто поднимающейся грудью, с тяжелой лапой на олене; он чувствовал нерешительность перед колоссом, как недавно леопард перед ним; ужас и злоба светились в его зрачках. В полумраке, участвуя душой в этой драме, прятался человек.

Раздалось глухое рычание; чудовище, тряхнув гривой, стало спускаться с возвышения. Лев отступил, оскалив зубы, и на минуту бросил добычу; но вдруг, с отчаянием, с чувством оскорбленной гордости, он вернулся с рычанием еще более громким и опять вцепился в оленя. Это было знаком принятия вызова. Несмотря на свою необычайную силу, гигант не отозвался тотчас же. Неподвижно, весь сжавшись, он рассматривал льва, оценивая его силу и ловкость. Лев, с гордостью своей породы, стоял выпрямившись: ветер раздувал его гриву. Нападающий зарычал еще раз, лев громогласно откликнулся... и противники очутились на расстоянии одного прыжка.

— Ло! Ло! — прошептал охотник.

Пещерный лев перескочил это пространство и поднял громадную лапу; она встретилась с когтями врага. Несколько мгновений рыжие и пятнистые лапы оставались поднятыми одна против другой в последнем ожидании. Потом последовало нападение; челюсти врагов сцепились, гривы смешались, послышалось яростное рычание, показалась кровь... Сперва отступил лев под жестким натиском. Но он оправился, поперечным прыжком напал на врага сбоку, и борьба приняла нерешительный характер, так как нападение пещерника было отражено...

Но вот ужасный удар свалил льва на землю, и пещерник, мгновенно насев на него, принялся раздирать ему внутренности. Лев был побежден. Далеко по окрестности разносилось эхо его предсмертных рычаний, все более и более хриплых, более слабых, переходящих во вздохи, в стоны. Наконец затихли и они...

Пещерник, не уверенный в смерти противника, продолжал терзать его труп. Наконец, успокоенный, он отбросил льва презрительным толчком и, хотя его плечи и грудь были покрыты

широкими ранами, громким рычанием возвестил победу свою и новый вызов врагам; которые могли еще таиться в полумраке... День нарождался: серебристая полоска пробивалась внизу горизонта, луна бледнела, точно испаряясь. Облизав свои раны, пещерник почувствовал голод и направился к отвоеванному трупу оленя. Он был утомлен, логовище его было далеко, и он искал убежища в тени, где мог бы спокойно насытиться. Близость кустов, за которыми скрывался охотник, привлекала его внимание, и он решил унести туда свою добычу.

Очарованный величием битвы, человек все еще любовался победителем, когда вдруг заметил, что тот направляется прямо на него. Дрожь физического страха пробежала по его телу, но он не потерял присутствие духа. Он думал, что после битвы чудовище, нуждаясь в покое и подкреплении, не потревожит человека в его убежище. Но он далеко не был уверен в этом; ему вспомнились рассказы стариков в досужие вечера о ненависти огромного хищника к человеку. Обреченный на постепенное вымирание, он как бы инстинктом чувствовал, кто был виновником исчезновения его рода, и каждый раз, когда встречался с человеком с глазу на глаз, вымещал на нем свою злобу.

Эти воспоминания проносились в голове охотника; он соображал, оставаться ли в случае нападения в своем приюте или выйти на открытую луговину. Правда, кусты ослабляли наступление, но зато на равнине легче действовать дротиком и палицей. Ему недолго пришлось колебаться: пещерник уже раздвигал ветви кустарника. Тогда охотник, разом приняв решение, выскочил из-за кустов под прямым углом к отверстию, через которое направлялось чудовище. Услышав шум раздвигаемых ветвей, животное встревожилось, обошло кустарник, увидело человеческую фигуру и зарычало. При этой угрозе вся нерешительность охотника исчезла: он поднял копье, напряг мышцы и прицелился. Оружие заколебалось и впилось в горло хищника.

— Эо! эо! — крикнул охотник, потрясая высоко поднятой палицей.

Крепкий, красивый, могучий герой эпохи неустанной борьбы замер в ожидании со светящимся взглядом. Пещерный лев приближался, съежившись, и вдруг сделал прыжок. Человек с удивительной ловкостью отклонился в сторону и пропустил мимо себя чудовище: в следующую минуту, когда животное повернулось к нему, он сам перешел в наступление, и его палица опустилась, как гигантский молот; хребет зверя затрещал. Раздался короткий, сдавленный рев и шум падения; затем наступило безмолвие, и человек повторил воинственный, победный крик: эо! эо!

Но он все еще держался настороже, боясь нового нападения, и разглядывал зверя, его большие, широко раскрытые глаза, его когти длиной в пол-локтя, гигантские мышцы, разинутую пасть, окрашенную кровью льва и оленя, все его могучее тело со светлым брюхом и черной с желтыми пятнами спиной... Страшный пещерник лежал мертвый; ему уже не придется больше наполнять ужасом ночной мрак! Человек ощущал в душе чувство блаженства;

его волновала сладкая гордость; он точно вырос в собственных глазах. Радостный и возбужденный, смотрел он, как на востоке яркими красками разгоралась утренняя заря.

Первые пурпурные полосы показались на горизонте, и повеял утренний ветерок. Дневные животные одно за другим начали просыпаться; птицы, обращаясь к востоку, воспевали свою радость. Укутанная в легкую дымку тумана, река сперва казалась тусклой, как олово; но туман быстро рассеялся, и на зеркальной поверхности ее уже отражались разноцветные облака, и заиграл целый мир красок и форм. Вершины больших тополей и крошечные стебельки травы затрепетали, охваченные той же волной жизни. Над дальним лесом появилось светило; лучи его разлились по долине, перерезываемые тонкими бесконечными тенями деревьев. И человек простер руки в смутном восторге. Он еще не умел молиться, но уже сознавал могущество солнечных лучей и скоротечность своего собственного существования. Потом он засмеялся и опять испустил торжественный крик:

— Эо! эо! эо!..

На краю пещеры появились люди.

II

Племя пзаннов

В час утренней улыбки природы у края пещеры потухли головни костра после ранней трапезы. Погребальное дерево вышиной до ста локтей поднимало свои ветви, увешанные беловатыми скелетами почивших пещерных людей. Слабые порывы ветра по временам как будто пробуждали протяжные, размеренные вздохи в воздушной усыпальнице. Старик, присев на корточки, вглядывался дальнозоркими глазами в черепа, мелькавшие в тени ветвей, и вспоминал историю того или другого прославленного охотника, товарища своей юности, похищенного смертью.

Племя пзаннов наслаждалось весенним утром. Дети бегали и прыгали по луговине до самого берега реки; между ивами сидела полунагая молодая женщина и приводила в порядок рыжеватые волны своих волос; мужчины неторопливо обсуждали планы охоты и работ; почти все они обладали могучими мышцами, длинными энергичными головами воителей. Воины растирали в сосуде из кремня красный сурик вместе с мозгом туров; тоненькими кисточками из растительных волокон они расписывали себе лицо и грудь неуклюжими, перекрещивающимися линиями, грубыми воспроизведениями форм, встречающихся в природе. Некоторые обвешивали себе колени, лоб, шею, ноги драгоценностями — подвесками из клыков, просверленных у самого корня (зубов льва, волка, медведя, зубра, оленя), рыбьими позвонками, разными камешками и раковинами.

Племя пзаннов поднялось уже на ту ступень человечности, когда появляется любовь к труду и художественности. Это были охотники, но не хищники; у них еще не было никакой определен-

ной религии, но они уже сознавали, что, кроме видимого ими мира, существует какой-то другой, таинственный, непонятный. Племя пзаннов принадлежало к расе длинноголовых, населявших в то время Европу. Они мирно жили отдельными общинами, не зная унизительного рабства и отличаясь суровым величием, благородством и добротой. Они занимали обширные области, в изобилии доставлявшие пищу, и благодаря этому среди них не могло зародиться инстинктов насильственного присвоения или низкой хитрости. Вожди племени, без принудительной власти, свободно избираемые, управлявшие только силой своей опытности и мудрости, не притесняли подчиненных.

После утренней трапезы и украшения себя началась работа женщин и тех из мужчин, которые не участвовали в охоте этого дня.

Одни тонкой иглой с ушком сшивали меха, в которых предварительно были проделаны маленькие отверстия каменным шилом. Другие обрабатывали свежие кожи лощилами и скребками. Третьи отделывали каменные топоры, ножи, пилы, резцы. Обтесывание камней легкими ударами, требовавшее необыкновенной ловкости и терпения, позволяло лишь медленно изготовлять лезвия и острия; благодаря постоянному обращению с материалом и проницательности, приобретенной долгим навыком, мастер почти всегда угадывал, в каком направлении выгоднее может быть направлен удар.

Другие исполняли еще более тонкую работу: они вырезывали из кости и рога шила, остроги и удочки; эти орудия были настолько тонки и точны, что человечество могло усовершенствоваться в изготовлении их лишь тогда, когда вместо каменных вещей стали выделывать металлические.

Образчиком остроумной изобретательности могла служить игла: обломку кости придавали округлую форму посредством кремня с зазубринами, затем поверхность ее отшлифовывали тонкими песчинками и ушко просверливали вращающимся острием; эта работа производилась крайне медленно, под вечным страхом сломать хрупкое орудие.

Группа охотников собралась между тем у входа в пещеру. Один из юношей, отличавшийся дальнозоркостью, влез на самую высокую скалу, чтобы оглядеть окрестность. Налево за рекой горизонт замыкался мягкими неопределенными тускло-фиолетовыми контурами леса. Прямо перед глазами расстилались долины, пологие котловины, степи с едва заметными плоскими холмами. Сзади высилась горная местность с вершинами, потонувшими в бледном отблеске облаков. Повсюду виднелись животные, бродившие по равнине: охотник различил табун лошадей и стадо туров. Он прокричал об этом громким голосом своим товарищам, указывая рукой место охоты. Услышав сказанное им, все отправились за оружием и через несколько минут вернулись, вооруженные луками, острогами, дротиками, палицами. Когда все были готовы двинуться в путь, старик-вождь оглянулся и крикнул:

— Вамирэх!

В ответ на этот зов на пороге пещеры появился молодой победитель пещерного льва. Он колебался между желанием продолжать начатое накануне изготовление плаща из шкуры убитого животного и желанием примкнуть к охотникам. Молодость, призыв пробудившейся от сна долины, возгласы товарищей взяли верх. Он вернулся в пещеру и показался вскоре вооруженный луком и палицей. Тогда все двинулись по направлению к северу. Мысль дикарей, возбужденная движением и впечатлениями прекрасного утра, скоро утомилась, и они смолкали один за другим. Вскоре с высоты холма они увидели стадо. Крупные травоядные паслись на равнине, расположившись треугольником на протяжении двух тысяч локтей в окружности; число их доходило до нескольких сот. Красноватые быки с мощными, как у львов, боками, широкими черепами медленным шагом расхаживали между коровами и телятами. Все это стадо представляло прекрасную картину спокойной мирной жизни и в то же время могучей силы общественности.

По первому призыву своего вожака самцы должны были собираться для битвы. Благодаря смышлености диких животных, качеству, которое вследствие долгого рабства утратилось у их азиатских собратьев, они оказывались способными к правильной обороне и даже к самостоятельным нападениям.

Охотники остановились. Прикрытые холмом, они обсуждали план атаки. Строение местности и расположение животных представляли возможность действовать двояким образом: или, скрываясь за цепью поперечных холмов, напасть на стадо разом справа и слева, или же обойти стадо и напасть всем вместе из-за рощи диких смоковниц. Большинство охотников через несколько минут высказалось за первый план: второй, хотя и обещал в случае удачи больше добычи, казался менее надежным, так как случайность могла спугнуть животных прежде, чем охотники успеют добраться до своей засады.

Охотники разделились на два отряда: одним руководил человек с резным жезлом в руке — знаком его сана; во главе другого стал старик гигантского роста.

С обеих сторон движение совершалось правильно, с разумным пользованием неровностями почвы.

Первый отряд, слегка опередив другой, почти приблизился к стаду на расстояние полета стрелы, как вдруг бык-вожак стал обнаруживать признаки тревоги. Подняв рыжую с белыми пятнами голову, он внимательно присматривался и прислушивался. Затем загремел его голос, красивый и величественный, как голос льва. Рассыпавшиеся травоядные встрепенулись и собрались в кучу. Сомнение продолжалось недолго; у всех дрожь пробежала по спине: был замечен враг, беспощадный двуногий враг, хорошо известный животным. Был подан сигнал, и громадное стадо разом сорвалось с места и бросилось бежать, потрясая топотом всю долину.

Отказываясь от своего плана, пещерные люди поднялись на цепь холмов, скрывавшую их до тех пор. Более проворные показа-

лись на вершине; животные, даже отставшие от бегущего стада, находились на расстоянии, в десять раз превышающем полет стрелы. Животные неслись быстро, и охотники ясно видели, что охота не удалась. Но наиболее пылкие из них, настоящие варвары победоносной расы, не слушая вождей, без всякого расчета, только соперничая друг с другом, пустились в погоню за быками. Трое из них в несколько минут приблизились к стаду на расстояние полета стрелы. Стрелы засвистели — один из быков зашатался, другой громко заревел. Тогда прогремел клич:

— Эо! эо!

Снова посыпались стрелы — один из быков упал, за ним корова. Тогда два быка как бы решили пожертвовать собой: они остановились, давая стаду уйти. С минуту благородные защитники рыли копытами землю, устремив в пространство большие мутные глаза, и наконец кинулись на врагов.

Навстречу им летели стрелы, наносившие глубокие раны, но воинственные животные были как будто нечувствительны к ним и, чем более приближались к охотникам, тем более свирепели. Уверенные в успехе и не торопясь наступать, охотники рассыпались в разные стороны; но двое юношей переглянулись и стали прямо перед быками, один с копьем, другой с палицей в руке. Охваченные волнением разыгравшейся драмы, остальные охотники остановились, образовав полукруг.

Первый бык, несшийся низко опустив рога, с ужасающей быстротой налетел на самого рослого из молодых охотников. Тот ловким поворотом уклонился в сторону и вонзил копье в бок животного. Бык, обливаясь кровью, зашатался, но тотчас же бросился опять, не так стремительно, но более озлобленно. Оружие охотника во второй раз проникло в его внутренности, еще глубже, еще беспощаднее. Животное зашаталось и упало на колени, как будто готовясь принять смертельный удар. Но в ту минуту, когда опять поднялось копье, бык вскочил на ноги и левым рогом поднял охотника. Однако охотник попал не на острие рога, а на выпуклую сторону его, ему удалось вовремя высвободиться, и третий, решительный удар, направленный в сердце, доставил ему полную победу.

— Теран убил большого быка! — закричал он.

Рядом происходил поединок другого рода.

В тот миг, когда Теран одолел своего противника, второй бык бросился на охотника, вооруженного палицей. Лицом к лицу человек отважно нанес удар и полагал, что раздробил череп животного. Но удар соскользнул, отклоненный поворотом рогатой головы, и сила его уменьшилась наполовину. Бык, как молния, набросился на охотника и протащил его с десяток локтей. Он топтал его копытами, рвал рогами, нанося в грудь смертельные раны. Охотники встрепенулись; взвилось несколько стрел, пущенных опытными руками; кучка отважных бросилась выручать товарища. Разъяренное животное храбро двинулось на врагов. Стрелы дождем сыпались на него, одна за другой вонзаясь в его красивое тело; но это не уменьшало его стремительности. Встретив на дороге старика,

не успевшего увернуться, бык опрокинул его. Низко опустив голову, он собирался уже поднять его на рога, но удар дротика в плечо заставил быка отскочить; между тем за стариком виднелся Теран.

— Теран! Теран! — закричали охотники.

Теран увернулся от нападения быка и нанес новый удар; но палица его скользнула по лопатке животного, и в тот же миг он очутился на земле; острые рога уже наклонились над ним, все считали его погибшим, но в эту минуту подоспел Вамирэх, быстрый и ловкий, с высоко поднятой палицей. Он подхватил Терана и отбросил его в сторону.

Тогда кругом раздались крики:

— Вамирэх силен, как мамонт!

Вамирэх знаками отверг помощь товарищей и, остановившись в нескольких шагах от быка, проговорил:

— Уходи, храбрец! Ты достоин того, чтобы жить и породить великое поколение, ты должен еще долго пастись на чудной этой равнине.

Бык неподвижно смотрел на охотника большими голубоватыми глазами, и в душе Вамирэха шевелилось сострадание к величавому животному, обреченному стать жертвой человека. Обессиленное потерей крови, животное все еще готовилось к битве и, низко опустив рога, выжидало нападения.

Но Вамирэх продолжал:

— Нет, храбрец!.. Вамирэх не тронет побежденного... Вамирэх жалеет, что равнина лишится храбреца, который мог бы защищать свой род от льва и леопарда...

Опустившись на колени, бык, теряя сознание, казалось, слушал охотника. Вдруг голова его дрогнула, и слабое хрипение вырвалось из груди; он вытянулся и, закрыв отяжелевшие веки, испустил последнее дыхание.

Так окончилась охота, оставив после себя тяжелое впечатление. Пять быков, лежавших мертвыми на равнине, стоили жизни Вангабу, сыну Джеба. Воины пзаннов еще раз познали силу и храбрость быков, но чувства, волновавшие их, были похожи больше на печаль, чем на злобу. Они сочувствовали последним словам Вамирэха, они знали, что травоядные необходимы для существования людей. Поэтому еще за тысячу лет до приручения животных люди старались умеренно пользоваться чужой жизнью и щадить все живые существа, за исключением хищников и паразитов; они всегда с любовью относились к могучим самцам, желая, чтобы стада оленей, быков и табуны лошадей увеличивались и давали отпор крупным хищникам.

III

Погребение Вангаба

В вечернем сумраке, когда солнце казалось уже огненным шаром, из пещеры выступили старцы и за ними все члены племени в глубоком унынии. Два молодых воина несли останки Вангаба;

красноватый свет падал на бледное лицо, на истерзанную грудь, словно прощальный привет дневного светила молодому существу, погибшему столь безвременно. Шествие медленно двигалось по луговине, и только глухие рыдания жены и матери умершего нарушали безмолвие этой сцены.

Наконец процессия достигла погребального дерева, и носильщики поднялись на холм. Тогда к телу Вангаба приблизился старец, и все ждали его слова, потому что он пользовался славой человека, умеющего говорить народу. Некоторое время он оставался неподвижным, затем заговорил:

— Люди... Вангаб, сын Джеба... рожденный среди нас... был отважный охотник и искусен в работе... тур, леопард, гиена знали его силу... из останков убитых животных он умел приготовлять себе одежду и оружие... он делал орудия из благодетельного камня... Люди... Вангаб, сын Джеба, покинул жизнь... он больше не будет охотиться, он не будет снимать шкуру с животных, он не будет приготовлять орудия из камня... Он был нам верным товарищем... поэтому мы жалеем о Вангабе, сыне Джеба...

— Мы жалеем о Вангабе, сыне Джеба,— повторили все кругом.

Потом наступило молчание, еще более тяжелое; головы поднялись к погребальному дереву, на которое в эту минуту влезал один из самых ловких охотников. Он скользил с ветви на ветвь, среди скелетов предков.

Выбрав свободную ветвь, он потянул за конец бывшего у него в руках ремня, к другому концу которого было привязано тело Вангаба, и останки его медленно поднялись среди листвы. С теплого небосклона, с высокого неба веяло такой мягкой негой, таким чудным дыханием жизни, такой величавой тишиной, что товарищи Вангаба, его мать и вдова невольно забывали горечь и ужас смерти. Труп наконец прикрепили к ветке, и он слегка покачивался теперь среди скелетов. Умиравший день играл слабыми переливами на отмелях реки, на вершинах гор, озаряя их волшебным, дробившимся светом. Скоро под погребальным деревом не осталось никого, кроме горсти родственников и близких друзей умершего. Сияние неба подернулось сумраком. Еще один день исчез в глубине прошлого. Охваченные дрожью, смешивая в своем неразвитом воображении мысль о смерти с мыслью о ночи, доисторические люди с ужасом думали о смерти и в то же время как-то смутно мечтали о бессмертии.

Между тем молодая вдова лежала распростертая на траве; ее волосы рассыпались среди растений, как цветы плакучей ивы среди кувшинчиков пруда. Теран, друг Вангаба, почувствовал к ней жалость. Он стал шептать ей слова утешения; она подняла на него глаза и с благодарностью думала о том, что Теран, такой сильный между сильными, добр к женщинам и детям. Ночь спустилась на землю, волки завыли в равнине, с берега реки доносился хохот гиены, и крупные хищники выступали во всем своем могуществе.

IV

Островок

Вамирэх, сын Зома, несмотря на молодость, возбуждал удивление всего племени пзаннов. Ловкий и сильный охотник, прекрасно сложенный и могучий, он не лишен был и способности к искусству. Формы растений и животных захватывали его воображение. Он любил бродить один по холмам, пробираться по лесной чаще, плыть по течению реки не только днем, но и ночью, с наслаждением присматриваться к окружающему, улавливать скрытые стороны вещей. Длинноголовые обитатели тогдашней Европы не смеялись над подобными людьми и к Вамирэху относились с глубоким уважением за его уменье вырезывать рисунки на кости, роге и выделывать выпуклые изображения из дерева и слоновой кости. Любя свое искусство, Вамирэх стал лучшим из художников всех племен, перекочевывавших к весне на юго-восток. По целым дням и неделям Вамирэх скрывался от своих товарищей, пользуясь уединением в каком-нибудь убежище, где он мог отдаваться работе. Произведения, которые он приносил из своих странствований, вызывали восторг всего племени. Ни Зом, его отец, ни Намира, его мать, не тревожились долгими отлучками сына, смутно веря в его счастье.

Однажды утром Вамирэх сел в свою утлую лодочку, готовую перевернуться при малейшем волнении, и стал спускаться вниз по реке, управляясь при помощи какого-то подобия весла. По мере того как скрывались из глаз убежища пещерных людей, река становилась шире, но мелководнее; ее течение перерезывали выступы скал, поросших мхом и лишайниками. Шум волн, дробившихся об утес, звучал величавой мелодией, глыбы камня местами возвышались с архитектурной правильностью и образовывали своды открытых залов, в которых свободно разгуливал ветер и слышались какие-то рыдающие отзвуки голосов.

На девственных берегах реки показался лес с гибкими ивами по опушке, с сероватыми тополями и плакучими ясенями, с березами, рассеянными по возвышенности, а позади них с целым миром растительных великанов, миром лиан и других чужеядных растений, борющихся между собой.

Вамирэх бросил весло, пораженный величием зрелища; он любовался дрожащими отражениями деревьев в воде, упивался разливавшимся в воздухе крепким ароматом. Головы травоядных мелькали между деревьями и высокой травой; стаи осетров поднимались по течению, касаясь подножия скал. Показался островок. Вамирэх принялся грести и, направив челнок к южной части острова, причалил к маленькой, окаймленной ивами бухте. Гигантские лягушки с испугом бросились в воду, водяные курочки и чирки взлетели в воздух. Вамирэх раздвинул ветви деревьев и очутился в укромном местечке; земля здесь была утоптана и трава выполота, очевидно, нарочно. Вамирэх, улыбнувшись, опустил руку в дупло ольхи и вынул оттуда скребки, пластинки, заостренные кремни,

куски костей, дуба и тетивы. Несколько минут он оставался в безмолвном созерцании перед начатой статуэткой, еще бесформенной, у которой были отделаны только верхняя часть головы, лоб и глаза. Его охватывало блаженное чувство художника.

— Она будет окончена до наступления полнолуния! — воскликнул он, сбрасывая плащ.

Вамирэх отправился к челноку за запасом костей и зубов, который он привез с собой, и в течение нескольких минут колебался, продолжать ли начатую статуэтку или заняться вырезанием из кости. Зубы пещерного льва всего более прельщали его; он несколько раз брал их в руки. Острием резца из кремня он намечал на них воображаемые очертания, прищурив глаза, закусив губу. Затем он отправился бродить по островку, внимательно осматриваясь кругом, как будто отыскивая модель — дерево, птицу или рыбу.

Он сорвал большой водяной лютик с желтым венчиком и пристально рассматривал его. Крупные лепестки цветка, покрытого нежным глянцем, тонкие тычинки, слегка розоватый стебелек приводили его в восхищение; но еще более привлекали его наружные очертания цветка, которые он мог воспроизвести своим резцом. Стараясь придать цветку естественное положение, он укрепил его ветками и наточил свой резец. С клыком пещерного льва в руке, весь погрузившись в работу, серьезно и страстно отдаваясь ей, он начал набрасывать легкий эскиз лютика.

Верная и гибкая его рука была вполне пригодна для художественной работы. Уже появился изящный контур с раскинувшимися лепестками и оконечностями тычинок на тонких, нежных ножках. Взволнованный Вамирэх остановился и еще крепче прикусил губу, прищурив глаза; работа была удачна — цветок изящно выступал на нежной белизне кости. Вамирэх тихо рассмеялся и прижал руки к груди. Но вскоре, недовольный некоторыми штрихами, он стер их скребком и набросал вновь; однако опять было что-то не так: наступала минута борьбы, когда работа становится тяжелой, вызывает озлобление.

С жестами огромного ребенка, опуская руки, ударяя ими по бедрам и раздражаясь против вещей, которые держал, он раза два или три бросил резец. Упорство, свойственное его племени, вскоре заставляло его, однако, вновь браться за работу до тех пор, пока он не исправил все неверные линии. Тогда он встал, утомленный, и даже не захотел взглянуть на свое произведение. Грусть, чувство ничтожества перед природой охватили его душу. Долго он оставался возле реки. Это была пора хода рыбы; вода кипела разными породами ее, попавшими сюда из моря и направлявшимися против течения. Половодье уже миновало, и на реке реже попадались уносимые течением ветви и вырванные с корнем деревья.

Наступил полдень; тени стали короче, воздух колебался от жары, от поднимающихся воздушных струек; но в сырости островка, под свежими ивами и ольхами, это время было очаровательно. Ниже, на противоположном берегу реки, Вамирэх увидел громадное рогатое животное, в котором признал зубра. Животное не

спеша достигло берега реки, двигаясь по образовавшейся здесь каменистой плотине.

Сердце охотника встрепенулось при виде громадного млекопитающего; он с восхищением смотрел на его широкий лоб, склоненный над рекой, на его высокие ноги и могучую грудь.

— Эо! Здесь Вамирэх!.. Вамирэх! — закричал он пронзительным голосом.

Животное с удивлением подняло голову.

— Вамирэх оставляет тебе жизнь!

Зубр, кончив пить, удалился. Вамирэх достал кусок мяса тура, поджаренного заранее, утолил им голод, растянулся на земле и скоро заснул. Через некоторое время какой-то шорох разбудил его. Вамирэх увидел около полудюжины водяных крыс. Вскочив в один миг, еще с трудом открывая глаза, он тотчас же вспомнил о неоконченном рисунке. Взяв его в руки, он увидел, что вместо неясных контуров цветка, как он думал, был воспроизведен точный и изящный рисунок растения. Снова вооружившись резцом, Вамирэх углубил линии с большей тщательностью и, просверлив отверстие у стебля для подвешивания, улыбнулся, довольный своим новым украшением.

Но на этот день его творческие силы уже были истощены; он напрасно пытался работать над статуэткой: неодолимая усталость, какая-то неловкость сопровождали все его движения. Выбившись из сил, он спрятал материалы и инструменты в дупло и поглядел на небо, чтобы определить время. До вечера еще было далеко, хотя солнце уже начинало склоняться к закату, и под тенью деревьев чувствовалась свежесть. Целые рои насекомых кружились в воздухе, и над лесом собирались полупрозрачные облака. Вамирэх ощущал какое-то давящее чувство — последствие избытка здоровья, излишка запаса сил. В душе его шевелились неопределенные желания, мечты об охоте, об опасных предприятиях.

Далекие страны, лежащие ниже по течению реки, по ту сторону лесов, влекли его к себе. Неизвестные его племени, они возбуждали в нем живое любопытство. Почему бы ему не отправиться туда? Юный и смелый, склонный к трудным предприятиям, привычный к одиноким странствованиям, побуждаемый художественным, пылким воображением, он повиновался этому желанию, которое все возрастало и приняло наконец вполне определенную форму.

Тогда, тщательно осмотрев свои дротики, палицу, острогу с двумя рядами зазубрин и убедившись, что течь нигде не угрожала его лодке, Вамирэх взял весло и, бодрый, радостный, пустился в путь. По мере того как он продвигался, лес становился гуще, а очертания берегов менее определенными благодаря иловатому перегною, подвижным наносам и растительным остаткам. Темноватая вода струилась медленнее, скалы исчезали, местами возвышались тысячелетние деревья, на выступах дремали громадные ящерицы, и крики попугаев покрывали все остальные величественные звуки природы.

V

Лесной человек

Когда вечерний сумрак окутал реку, Вамирэх сообразил, что заехал очень далеко в глубь леса. Он пристал к берегу, изжарил несколько кусков осетра, убитого острогой на пути, и, утолив голод, начал припоминать смутные предания своего племени.

Так, старец, переживший сто двадцать зим, но сохранивший свежесть памяти, рассказывал о разрушении гор. За три поколения до него весь юго-восток был загражден озерами и горами, за пределы которых ни пзанны, ни какое-либо другое племя, известное им, никогда не переступало. Но вот огни под землей вспыхнули, недра гор раскрылись, и бездна поглотила всю воду озер. Люди не могли оправиться от испытанного ужаса; целое поколение выросло, не смея проникнуть в новые страны. Наконец Гарм, великий охотник, в сопровождении отца Таха и нескольких молодых смельчаков решили пробраться в ущелья, образовавшиеся после переворота. Таким образом были открыты великие степи юго-востока...

Над Вамирэхом шумели листья осины. Эти воспоминания волновали его, и он с завистью думал о славе тех, кто, подобно Гарму, открывает отдаленные земли. Он припомнил еще и другие легенды: историю предприимчивых пзаннов, которые в течение столетия пытались пробраться за пределы леса; как одни из них исчезли без следа, а другие вернулись и рассказывали, что река течет без конца между большими деревьями и что опасности путешествия возрастают с каждым днем. Но эти рассказы не лишили бодрости нашего кочевника. Его любопытство и мужество еще больше возбуждались ночными звуками, скрытыми опасностями, какие везде представлялись ему в сумраке. Долго сидел он под деревом без сна. Когда же усталость дала себя почувствовать, он встал, вытянул на берег челнок и, выбрав сухое место, разостлал там шкуру пещерного льва. Потом, перевернув лодку, он покрылся ею, чтобы защитить себя от неожиданностей. Зажав палицу в одной руке и дротик в другой, Вамирэх наконец уснул.

Ни в эту ночь, ни в следующие хищные животные не тревожили Вамирэха, ночные чудовища бродили вокруг его лодки, но ни одно из них не пыталось напасть на нее. Вамирэх приставал и к островам и берегам, покрытым лесом. Повсюду было такое изобилие плодов и дичи, что он не терпел недостатка в пище. Не раз, при виде этого бесконечного леса, откуда вытекали большие потоки, изливавшие свои воды в реку, в душу Вамирэха закрадывалась грусть, и он начинал сожалеть, что отважился на такое предприятие. Он размышлял, что обратный путь будет еще тяжелее; воспоминания о тех, кто не вернулся из подобного путешествия, тревожили его. Его сердце проникалось глубокой нежностью при мысли о Зоме, о Намире, его родителях, о младших братьях и сестрах. Конечно, Зому и Намире не раз приходилось ждать его возвращения в продолжение двух или трех

четвертей луны, и они уже привыкли к его отлучкам; но кто может сказать, долго ли продлится его отсутствие на этот раз? Разнообразные препятствия все умножались на пути; всего более его затрудняли пороги, которые он мог миновать, лишь перетаскивая лодку по берегу между береговой порослью, по кочкам и корням, среди пресмыкающихся и хищных зверей. Переходы были трудны, но препятствия, по мере того как он преодолевал их, усиливали его настойчивость, его решимость добиться успеха.

Однажды утром Вамирэх поднялся от сна в то время, когда птицы оканчивали свои песни восходящему солнцу и утренняя роса капала с нижних ветвей деревьев, как мелкий дождь. Раздавшийся в ветвях шорох привлек его внимание. Он увидел какое-то существо, приближавшееся колеблющимся шагом, скачками и приседавшее на корточки; величиною оно несколько превосходило пантеру. При виде его четырех рук, лица с круглыми глазами и тонко очерченными ушами в уме Вамирэха шевельнулось воспоминание о рассказах Сбоза, того из пзаннов, который проник дальше других в глубь неведомого леса. В этом фантастическом существе с несоразмерно развитыми руками и сильно развитой грудью Вамирэх узнал лесного человека. Чуждые племенам Европы, а может быть, и Азии, эти существа с течением времени оттеснялись все дальше к жарким странам; в южных лесах, после того как эта порода покинула свою родину, кое-где еще скрывались отдельные члены ее семьи. Вамирэх почувствовал прилив симпатии к лесному человеку; выпрямившись во весь рост, он испустил призывный крик пзаннов. Лесной человек остановился, встревоженный, вглядываясь своими круглыми глазами в чащу ветвей. Раздвинув ветви, Вамирэх внезапно появился перед ним и крикнул:

— Гой... Да будет с тобой счастье!

Лесной человек встал на ноги. Он был покрыт пушистой шерстью, с редкими волосами на голове, ростом был ниже Вамирэха, но гораздо шире его в плечах, и казался наделенным громадной силой. Вамирэх изумился при виде его свирепой наружности, его страшных челюстей, его нависших над желтыми глазами бровей, его черной шероховатой кожи. Но чувство симпатии к лесному человеку не уменьшилось: после стольких дней одиночества ему приятно было видеть подобного себе.

Сопровождая свои слова выразительным жестом, он заговорил опять: «Вамирэх друг... друг!»

Лесной человек заворчал, раздвинул губы, видимо, сомневаясь в искренности намерений Вамирэха. Тот, сознавая бесполезность слов, попробовал объясниться жестами; но это еще усилило недоверие лесного жителя.

Не обращая на это никакого внимания, Вамирэх сделал несколько шагов к нему навстречу, но лесной человек, сжав громадные кулаки, сверкая глазами, ударил себя в грудь и принял угрожающее положение.

Тогда Вамирэх закричал в негодовании:

— Вамирэх не боится ни льва, ни мамонта... ни коварства человека!

Лесной человек снова заворчал, но не трогался с места, сохраняя оборонительное положение. Видя это, Вамирэх молчал; гнев его стих, но любопытство все возрастало. Несколько времени оба они смотрели друг на друга, что, по-видимому, прогнало недоверие лесного человека. Напряженное выражение его лица исчезло, и в грубых чертах появилось спокойствие травоядного. И он тоже, хотя с меньшей определенностью, чем Вамирэх, соображал, что видит подобного себе. Но смутные инстинкты, быть может, личные воспоминания или страх, унаследованный от предков, сделали для него присутствие человека неприятным.

Он не двигался с места, разглядывая своими янтарными глазами Вамирэха, но уже с меньшим недоверием. Вамирэх, убедившись, что тот не понимает его жестов и что с ним нет возможности объясниться, возвратился к своему челноку, чтобы спустить его на воду. Обернувшись, он увидел, что лесной человек идет за ним следом и с любопытством смотрит на него. А когда Вамирэх сел в челнок и поплыл, какое-то доброжелательное выражение обозначилось на сероватых тонких губах лесного человека, и волосатые руки его сделали какой-то неопределенный дружественный жест. Вамирэх тотчас ответил на него смеясь, извиняя лесному жителю его недоверие. Долго, пока утлый челнок Вамирэха удалялся, между прибрежными растениями виднелось неподвижное, внимательное лицо.

VI

Новая страна

Дни проходили за днями; кроме леса, все еще ничего не было видно. Вамирэх начинал думать, что лесу не будет конца. Почему бы не быть ему границей мира? Пороги между тем начали попадаться реже и реже. Опасностей было тоже немного: один только раз пантера бросилась на него с соседнего дерева и немедленно поплатилась за это жизнью; много мучений доставляли ему насекомые, терзавшие его тело, и сильно надоедали разные гады.

На шестидесятый день пути растительность заметно поредела; показались просветы; в некоторых местах виднелись молодые поросли, деревья были уже не так мощны, и вековые колоссы стали исчезать. По другим признакам — по встречающимся животным, любящим открытые местности, по изменению почвы — Вамирэх мог предвидеть успех своего предприятия. Через два дня исчезли последние его сомнения: на левом берегу реки выступили степи, лишь местами покрытые деревьями, которые все более и более редели.

На шестьдесят второй день Вамирэх причалил к маленькой бухточке и, вооружившись дротиками и палицей, пошел уже пешком по направлению к западу, чтобы расследовать местность. Почва была твердая; травы и кустарники все более брали верх над деревьями. Через несколько часов Вамирэх достиг вершины холма, господствовавшего над местностью. На севере виднелся

бесконечный лес; на юге расстилались степи, перерезывавшиеся рощицами, открывалась страна, удобная для охоты и свободного общения между людьми. Это была новая страна, которую Вамирэху так хотелось узнать; вид ее наполнял его грудь чувством величайшего торжества.

Смеясь про себя, он думал об удивлении пзаннов, когда он расскажет им о своем путешествии, о восторге Зома и Намиры. Он долго оставался на холме в том же восторженном состоянии. Вдруг небо потемнело над головой его, облака пришли в движение; две огромные черные тучи, местами пронизанные светом, сошлись вместе. Промчался вихрь, крутя траву и пригибая деревья; молния прорезала тучу, раскаты грома величаво обрушились над лесом. Вамирэху гроза доставляла наслаждение; она вливала в него силу и бодрость, она отвечала его душевному волнению. Когда с неба хлынули потоки дождя, он обнажил плечи, испытывая отраду от низвергавшейся на него свежей воды.

Гроза скоро стихла; исчезли разорванные облака; на стебельках травы почти не оставалось дождевой влаги: жаждущая земля всю ее втянула в себя. После дождя Вамирэх продвигался вперед с новой радостью; последние следы леса исчезли; виднелась лишь беспредельная степь, кое-где пересеченная рощами. Рассеянные облака на мгновение прикрывали солнце; чуть заметная тень умеряла дневной зной.

Вечер приближался. Когда стало смеркаться, Вамирэх остановился у опушки рощи и провел там ночь. На другой день он снова отправился в путь, решив возвратиться назад, если ничего не случится с ним, так как он уже нашел то, чего желал,— новую область для охоты. Следы туров и зубров, большерогих оленей и лошадей, встречавшиеся ему, убеждали его в природном богатстве этой местности, и он обдумывал обширную экспедицию молодых охотников своего племени на будущий год. Но к концу дня с ним случилось неожиданное приключение. Во время отдыха, когда он, приютившись под дикими смоковницами, доедал двух перепелок, убитых на пути, он увидел невдалеке женщину, двигавшуюся по направлению к нему. Она была маленького роста, в одежде из древесной коры, перемешанной с листьями. Вскоре он мог яснее разглядеть ее: это была совсем молодая девушка, по наружности нисколько не похожая на женщин его племени. У нее была голова не продолговатая, а напротив, короткая, круглая, овальное бледное лицо, большие живые глаза, окруженные черными ресницами, и длинные темные волосы. Вамирэх с любопытством смотрел на незнакомку, и вдруг в голове его мелькнула мысль, что было бы приятно взять с собой это странное, но красивое существо. Отец и мать давно говорили ему, что он должен выбрать себе жену, так как у всех его товарищей были жены; он привезет домой эту чужестранку, и она будет его женой. Долго обдумывать Вамирэх не умел. Девушка была от него шагах в десяти. Он внезапно выскочил из засады и бросился к ней. Она испуганно, жалобно вскрикнула и пустилась бежать. Несмотря на легкость и быстроту, с какой она бежала, Вамирэх очень

скоро настиг ее. Чувствуя, что он близко, она остановилась, повернула к своему преследователю глаза, полные ужаса, и, простирая к нему руки с мольбой, заговорила что-то очень быстро. Вамирэх с удивлением слушал ее. Он не понимал ни слова из ее речи: очевидно, язык ее так же мало походил на язык его соплеменников, как и наружность. Но он не мог понять выражения ее лица, ее жестов, и ему вдруг стало жаль перепуганную девушку; у него явилось желание успокоить, утешить ее. Он стал словами и жестами объяснять ей, что не хочет делать ей зла. Девушка немного успокоилась и, в свою очередь, с изумлением смотрела на светловолосого великана.

Она еще более удивилась, когда, отвязав одно из своих украшений из кости, он предложил его ей. С заметным недоверием рассматривала она очертания, вырезанные на маленькой пластинке: бегущего тура, преследуемого хищным зверем; она держала пластинку вверх ногами, не понимая ее значения. Вамирэх с улыбкой показывал ей рисунок и жестами пояснял его, но привел ее в еще большее смущение.

Однако взгляды Вамирэха и его восклицания успокаивали ее все более и более, и она теперь улыбалась. Обрадованный Вамирэх положил ей руку на плечо. Она отшатнулась с новым сомнением.

— Вамирэх добр,— бормотал он.

Вдруг она отпрыгнула в сторону и, вглядевшись вдаль, ударила в ладоши. Вамирэх оглянулся в ту сторону и с неудовольствием заметил приближавшуюся к ним бегом группу людей. Девушка насмешливо показала ему рукой, чтобы он бежал на запад. Судорожно сжатыми руками он ощупывал свое оружие и пересчитывал приближавшихся людей; их было двенадцать, и все они были вооружены большими луками и копьями.

— Вамирэх не боится! — гордо проговорил он.

Незнакомка пошла навстречу приближавшимся; он последовал за ней и схватил ее за руку. Она начала отбиваться, испуская громкие крики. Тогда он схватил ее на руки и пустился бежать; он несся с изумительной быстротой, возбуждаемый криками преследующих. В первые минуты, казалось, победа была ему обеспечена. Преследовавшие его были ниже ростом, приземистее; они не казались столь привычными к погоне за дичью, как западные длинноногие люди. Но они бегали легко и должны были устать не так скоро, как Вамирэх, которого стесняла ноша. Он направлял свои шаги на восток, туда, где оставалась его лодка. Пробежать надо было немало, и при таком быстром беге он все-таки не мог надеяться достигнуть этого места раньше, чем настанет ночь и луна будет высоко.

Прошел целый час; Вамирэх несся ожесточенно, все более и более опережая своих врагов. Смягченный свет заходящего солнца придавал янтарный отблеск степи; громадная тень охотника с его добычей быстро скользила по направлению к востоку. Вдруг Вамирэх, обернувшись, перестал видеть своих преследователей. Поднявшись на холм, он заметил, что их отделяет от него расстоя-

ние не менее пяти тысяч локтей. Улыбка торжества скользнула по его губам.

— Эо! эо! — воскликнул он и прибавил, обращаясь к молодой девушке:

— Вамирэх сильнее!

Она повернула голову в сторону, оскорбленная его смехом и торжествующим возгласом. Он сел. Минут пять они молчали. Дыхание, сперва хриплое и резкое, понемногу стало равномерное; грудь его подымалась правильнее.

— Вамирэх сильнее...— проговорил он еще раз.

Между тем преследователи надвигались ближе — надо было опять спасаться от них. Вамирэх вновь далеко опередил их; теперь уже стало очевидно, что не он, а они утомляются раньше. Их отряд, сперва державшийся вместе, разделился: трое или четверо уже не поспевали за товарищами. Остальные бежали дружно; никто не старался опередить других бегущих, смущаясь таинственностью приключения, огромным ростом и необычайной быстротой длинноголового охотника.

День угасал. Желтый свет разливался по степи, где все затихало; в воздухе разливалась какая-то грусть, и наступал час покоя. Рассеянные на равнине рощи распространяли вокруг себя свежесть. Рои насекомых высоко носились над влажными местами. Отовсюду слышалось мелодическое шуршание крыльев, щебетанье птичек. Это был час безопасности, когда дневные животные не страшатся бродячих хищников, когда крупные жвачные спокойно лежат на равнине без всякой боязни, когда в конце дня как будто возрождается молодость утра.

Бег Вамирэха становился все медленнее и затруднительнее; но позади его погоня, по-видимому, прекратилась. Вплоть до горизонта не замечалось людей, вооруженных луками; охотник напрасно старался различить их с высоты холма. Во второй раз он отдался отдыху и спустил на землю молодую девушку. Печальная, она стояла около него, сознавая бесполезность всякой попытки к бегству. Вамирэх чувствовал себя слишком утомленным, чтобы высказать свое торжество; он испытывал тревогу, чувствуя невозможность бежать далее. Впрочем, его успокаивала мысль, что и преследователи его должны были тоже выбиться из сил.

За время бега Вамирэх и его спутница не обменялись ни единым словом. Надвигался вечерний сумрак. На западе медленно и величаво гасли бесконечно разнообразные лучи солнца. Вдруг Вамирэх вздрогнул: он увидел, что его спутница наклонила голову и протянула руки к небосклону, произнося какие-то слова заходящему светилу. Сын западных охотников, не знавший священных обрядов, исполненный лишь смутных суеверий, Вамирэх не понимал того, что делала обитательница востока; он с любопытством и даже с тревогой смотрел на нее, но не мешал. Когда взошла луна, он сказал ей:

— Пойдем!

Она поняла его движение и без сопротивления пошла рядом с ним. В ночном уединении, когда волк и шакал начинали завы-

вать в степи, он становился ее защитником. Она с большим вниманием рассматривала его массивную палицу, перекинутую через плечо на перевязи. В ее душе зарождалось чувство кроткой покорности. А он, подавленный усталостью, был молчалив; прежней энергии уже не было в нем. Долго их силуэты двигались рядом. Луна поднималась. Степь начинала все больше и больше покрываться рощами; группы деревьев возвещали близость леса; лунный свет серебрил траву. Вамирэх думал, что его спутнице нужны пища и сон; сам он хотел только пить.

— Отдохни! — сказал он.— Вамирэх будет охранять тебя от зверей!

Она покорно села. В том месте росли три дикие приземистые смоковницы, распространявшие аромат весны. Трепетный свет луны струился сквозь листву деревьев, и дочь востока следила за ним грустным взором. Она как будто видела в нем свою беспомощность, ей вспомнились семья, родное племя, вечерние костры, жрецы, стада азиатских быков, и слезы текли из ее глаз.

Вамирэх между тем внимательно вглядывался в пространство. По временам обрисовывались неясные профили хищников, вдали был виден убегавший олень. Но вот, нюхая воздух, к смоковницам приблизился волк; почти в ту же минуту выпрыгнуло какое-то испуганное животное: это был заяц. Он побежал по кривой линии. Вамирэх выждал, пока заяц очутился на самом близком расстоянии от него; его дротик поднялся, просвистел в воздухе — и зверек свалился в траву. При виде охотника волк обратился в бегство, а Вамирэх спокойно подобрал добычу.

Быстро содрав шкуру с животного, он повесил его на ветку; затем, набрав сухой травы и сучьев, вынул из мешочка кремни, при помощи которых его племя обыкновенно добывало огонь, разостлал сухие волокна и стал высекать искры. После нескольких попыток показалось пламя, сперва чуть заметное, потом все больше и больше разгоравшееся благодаря искусно подкладываемым пучкам горючего материала. Заяц начинал поджариваться. Азиатка при виде огня склонилась перед ним так же, как некоторое время тому назад склонялась перед заходящим солнцем, произнося подобные же благозвучные слова. Вамирэх, не обращая на нее внимания, продолжал свое дело. Когда заяц был готов, он предложил его своей спутнице, и они молча принялись есть.

Их ужин скоро окончился. Он был слишком утомлен, а она слишком взволнована, чтобы есть много; но их мучила сильная жажда: нельзя было и думать об остановке на ночь прежде, чем будет найдена вода. Они снова пустились в путь; но их поиски продолжались недолго. Отойдя менее тысячи шагов, Вамирэх различил журчание воды, и вскоре показался ручеек, из которого они и утолили жажду.

— Спать! — сказал Вамирэх.

При бледном свете луны его лицо казалось печальным и утомленным, но не свирепым. Однако молодая девушка продолжала бояться его: она села на землю, прислонилась к стволу березы и полузакрыла глаза, решившись не спать.

Но усталость скоро взяла свое: не прошло и часу, как она уже спала крепким сном. С Вамирэхом случилось то же: тихое журчание ручья очень скоро убаюкало его, и луна уже начала склоняться к закату, когда он проснулся. Беглым взглядом он удостоверился, что его спутница не убежала, потом поднялся на ноги и стал внимательно оглядывать степь. Не замечалось ничего подозрительного, и юноша заключил, что его преследователи покинули молодую девушку или же утомлены более, чем он. Чувствуя себя бодрым и окрепшим, Вамирэх решил воспользоваться выгодой положения и продолжать путь. Кремневым ножом он разделил пополам оставшуюся часть зайца и съел одну половину. Потом, освежив голову водой ручья, разбудил девушку. Она медленно приподнялась с растерянным видом, с сонными глазами. Когда сознание действительности возвратилось к ней, на лице ее появилось выражение грусти; она тоскливо смотрела на степь, озаренную луной, на краснеющее светило ночи, приближающееся к закату. Однако она не отказалась от скромного завтрака, предложенного Вамирэхом, и с наслаждением принялась разрывать зубами жареного зайца.

VII

Погоня

Вскоре после рассвета Вамирэх и его спутница достигли наконец реки. Челнок оставался нетронутым в тех же кустах, где был спрятан; Вамирэху пришлось только перенести его на себе и спустить на воду. Но когда он хотел, чтобы молодая девушка села в лодку, она выказала такое отчаянное сопротивление, что пришлось принудить ее к тому силой. Впрочем, когда лодка отчалила, она с грустью покорилась своей участи.

Вамирэх, держась близко к берегу, где легко было идти против течения, стал медленно подниматься вверх по реке. Было прелестное время дня: косые, еще не жаркие лучи солнца придавали всей степной природе что-то молодое. Деревья попадались все чаще и возвещали приближение леса. Вамирэх надеялся быть там прежде, чем солнце высоко поднимется. Он работал веслами не более получаса, когда тревога опять охватила его. Своими зоркими глазами он заметил вдали на равнине группу людей или животных. Вскоре сомневаться уже было нельзя: это были люди, походившие на вчерашних преследователей,— по всей вероятности,— те же самые.

Благодаря сплошной стене деревьев Вамирэх мог рассчитывать, что его лодка не скоро будет замечена, сам же он мог из-за деревьев наблюдать за ними. Они двигались не спеша и часто останавливались; охотник понял, что они идут по его следу. Он скрыл это от своей спутницы и принялся грести еще сильнее, с намерением достигнуть леса и высадиться на другом берегу. Однако через несколько минут и молодая девушка заметила приближавшихся к ним людей. В чертах ее мелькнуло оживление,

и легкий крик вырвался из ее груди; она обернулась к своему похитителю и посмотрела на него умоляющим взглядом. Он в смущении опустил глаза. Но тотчас же им овладела досада, и суровая решимость заставила его проговорить так же, как и вчера:

— Вамирэх сильнее!

Она сидела неподвижно, но следила украдкой за приближавшимися людьми. Вамирэх рассчитал, что, если ему удастся скрыться из виду прежде, чем его преследователи будут настолько близки к берегу, чтобы ясно видеть реку, перед ними неизбежно встанет трудная задача — определить его дальнейший путь: спустился ли он вниз по течению, поднялся ли вверх или же переправился на другой берег и продолжает путь к востоку. Сохраняя ту же скорость, с какой двигалась теперь его лодка, он мог бы достигнуть длинного узкого островка, поросшего деревьями, видневшегося уже на расстоянии каких-нибудь двух тысяч локтей. Там, когда он повернет вправо, преследователи не в состоянии будут различить его. Тем не менее Вамирэх мог только приблизительно определить расстояние и скорость движения, и его спасение могло зависеть от каких-нибудь десяти локтей. Поэтому он принялся грести изо всех сил и быстро приблизился к острову. Но в то же время и преследователи его подошли к реке. Он пережил минуту сильнейшей тревоги, когда увидел, что один из них остановился и, заслоняя рукой глаза от солнца, стал вглядываться по направлению движения лодки. По тому, как он опустил руку, Вамирэх догадался, что преследователь ничего не заметил; но вместе с тем группы деревьев на берегу становились все менее густыми, и кому-нибудь легко могло прийти в голову всмотреться пристальнее между ними. К счастью, остров был уже близок. Еще несколько ударов веслами, и Вамирэх будет у мыса. Но вдруг его спутница, поняв отчаянный маневр своего похитителя, поднялась в лодке и испустила крик. Вамирэх еще несколько раз взмахнул веслами, обогнул мыс, поросший кустами, и сказал гневно:

— Молчи!

Он схватил сильной рукой девушку и потряс ее. Она испугалась и покорно поникла. В течение нескольких минут он был гневен и лицо его пылало; потом он успокоился, убедившись, что крик не был услышан. Юноша всматривался в степь. Несомненно, он значительно опередил своих преследователей. Они медлили, колебались, дойдя до места, где следы туров смешивались со следами Вамирэха, и, очевидно, не могли еще осмотреть реку, Вамирэх с торжественным жестом указал на них своей спутнице, говоря:

— Им никогда не отнять тебя... никогда!

И, заставив ее сесть в лодке, он взялся за весло и стал подниматься вверх по реке, близко держась острова.

В течение некоторого времени лодка продвигалась вперед среди полной тишины. Остров расширялся, весь заросший перепутанной растительностью, деревьями, оплетенными лианами. Местами показывались колоссальные жабы и болотные птицы. К весеннему благо-

уханию, к аромату цветов примешивался запах перегноя, земноводных животных, заплесневелого дерева, поднимавшийся из полумрака лесной чащи. На каждом шагу приходилось огибать мысы, повсюду скрытые под водой речные растения затрудняли движение лодки. Нагибавшиеся над водой ветви ясеней и ольхи задевали Вамирэха и его спутницу.

Вамирэх прошел уже половину пути; далее остров начал суживаться, заостряясь, как нос корабля. Вода засинела, и вскоре река открылась во всю ширь; на расстоянии трех тысяч локтей вырисовывался лес. Вамирэх понимал, что, держась левой стороны, он благодаря удлиненному острову не будет замечен, пока его враги не достигнут места, откуда видны оба берега реки. Даже в том случае, если бы они переправились на другой берег, он все-таки мог бы попасть в лесную область незамеченным, а там свободно плывущий по воде всегда будет иметь преимущество перед идущими по берегу, где беспрестанно затрудняется их путь.

VIII

Бегство

Снова ночь... На многие мили раскинулись леса, полные жизни, полные движения разных существ; неумолкающий шорох раздается на поверхности земли, высятся деревья, вздрагивая от мимолетного прикосновения ветерка; звери, гонимые голодом и страхом, бродят кругом, и с высоты на землю смотрит бледно-янтарное светило, блуждающее по пустынному небесному своду.

Между поросшими мхом скалами Вамирэх устроил временное убежище, его он покрыл и окружил большими ветвями, переплетенными лианами. Оно могло служить крепкой защитой: если бы какой-нибудь хищник осмелился напасть на него, Вамирэх успел бы сквозь отверстия нанести ему смертельный удар пропитанным ядом тонким острием дротика, насаженного на ясеневую рукоятку. Около середины ночи царапанье разбудило Вамирэха, и он стал приглядываться. Волки бродили кругом убежища, пантера промелькнула на границе света и тени. В то же время раздались хриплые звуки, и Вамирэх увидел силуэт тигра, пожиравшего антилопу.

Уже третью ночь он и его спутница проводят в лесу, а Вамирэх не знает, продолжается погоня или нет. Бегство было нелегкое: много имелось скрытых опасностей и в реке и в лесу; но он все превозмог.

Раздался треск ветвей, тяжелые шаги слышатся в прогалине; волки скрываются На берегу показался мамонт. Его могучее тело поддерживается ногами, напоминающими колонны; белые клыки сверкают в лучах месяца. Его томит беспокойство, а может быть, нетерпеливое желание освежиться в волнах реки. Он величественно приближается, и даже тигр отступает, унося свою добычу. Вамирэх, взволнованный, любуется громадным животным. Он питает к нему уважение, внушенное стариками; он знает, что это животное мужественно и миролюбиво; ему знакома грустная история его вымирания.

— Ло! Ло — говорит он ему.

Оно подходит еще ближе, его широкая голова явственнее обрисовывается в полусвете. Вамирэх различает его шерсть, мерно покачивающийся темный хобот, могучие бока. Животное почти задевает убежище человека, затем удаляется и исчезает, направляясь к реке. Вамирэх, подумав, что он может дать себе еще покой на некоторое время ложится и закрывает глаза. Слабость охватывает его; мысли переходят в грезы, потом точно удаляются, и ровное дыхание указывает, что сон овладел им.

В это время открываются черные глаза его спутницы. Она прислушивается к шуму леса и вздыхает. Ее преследует мысль об освобождении. Что, если бы она решилась, пока он спит, раздвинуть ветви шалаша и убежать на восток в страну, где обитает ее племя? Но Вамирэх, несомненно, услышит и проснется; она дрожит при одной мысли о крике гнева, какой у него вырвется тогда. Она не может забыть тех, среди которых протекало ее детство, членов своего рода, своей семьи и людей, говорящих на одном языке с нею. Ах, если бы у нее хватило смелости! Но еще более, чем гнев Вамирэха, ее пугают жестокие опасности, скрывающиеся в большом кровожадном лесу, и ей ясно представляется, насколько она была бы беспомощна без палицы и копья своего похитителя. Среди тревог и опасностей поспешного бегства Вамирэх и Элем — так звали девушку — понемногу знакомились друг с другом.

Временами ему удавалось слышать от нее песни, которыми люди ее племени сопровождают свои работы. Он слушал ее с откровенным восторгом, следя за тактом, привыкая к звукам незнакомого языка. Как дитя, начинающее лепетать, он повторял за ней напевы, старался подражать ее выговору, приучался обозначать предметы на ее языке. Она в свою очередь с любопытством рассматривала его оружие: разного рода копья с раздвоенными наконечниками, с острым основанием, входящим в отверстие рукоятки; гладкие или зазубренные остроги, кинжалы, ножи. Но всего более ее восхищали тонкая игла с ушком и нитки из сухожилий северного оленя: эти предметы были неизвестны в ее племени, которое знало искусство плетения растительных волокон, но еще не шло далее употребления шила. Не меньше поражали ее резные фигуры и вырезанные рисунки; ее удивляло необходимое для их производства терпение, точность линий, верность наблюдения. Она с любопытством слушала Вамирэха, который пытался разъяснить ей образ жизни пзаннов; следя за его жестами, она старалась составить себе понятие о пространстве земли, заселенной ими, об их обычаях и жилищах.

Вамирэх и Элем все-таки мало понимали друг друга и потому не могли вдаваться ни в какие подробные разговоры. Они проводили долгие часы в ходьбе, в охоте, в приготовлении пищи. Она покорно подчинялась его распоряжениям и позволяла вести себя, куда он хотел.

Он относился к ней кротко, дружелюбно, без всякой грубости.

IX

Сражение

С самой зари челнок скользит в прохладе по широкой реке. Могучий свет льется сверху через просветы листвы. Вдали уступами виднеются острова и отражения деревьев около берега; их черные тени, трепет жизни полны чудной красоты. Кругом чернеет лес, как мрачная пещера с тысячью зияющих отверстий, наполненных звуками жизни, грозное убежище вечной борьбы, приют соперничающих пород, засада для нападающих и оплот для защищающихся, общий источник припасов для зерноядных и плотоядных, для гадов и птиц.

Вамирэх держит в руке острогу с зазубринами, намереваясь сразить какую-нибудь рыбу. После долгих переходов последних дней необходимость отдыха часто заставляет его останавливаться ради незначительных причин: починки оружия или одежды, выслеживания животных с вкусным мясом. В это утро он увлечен рыбной ловлей. Уже два раза он промахнулся: животное исчезало в водяных струях скорее, чем успевала опуститься рука человека; он в третий раз опускает острогу, и острый конец ее вонзается в молодого осетра. Рыба извивается и трепещет; зазубрины оружия не дают ей сорваться с него, но от содроганий жертвы легко может лопнуть веревка, связывающая наконечник с рукояткой, остающейся в руке охотника, и Вамирэху приходится ловко маневрировать, чтобы избежать слишком сильных толчков. Он гребет левой рукой, а правой тянет добычу к берегу; там он еще глубже вонзает острогу, затем поднимает и бросает на берег окровавленного осетра.

Он поспешно приготовляет обед. Сухие сучья, травяные стебли, охваченные пламенем, быстро превращаются в груду серого пепла, куда Вамирэх зарывает разрезанную на куски добычу. Через некоторое время он вынимает ее, и молодые люди с жадностью едят вкусную, нежную рыбу.

Путники уселись довольно далеко от берега, на круглой поляне, окаймленной гигантскими буками. Здесь были разбросаны разнообразные кусты, всюду величаво возвышались крупные, мохнатые, колоссальные репейники.

Элем и Вамирэх отдыхали, как вдруг мимо пзанна на расстоянии локтя пролетела стрела. Вамирэх вскакивает и хватается за оружие. Его опытный глаз различает позади буковых стволов очертания людей. Они выходят из-за деревьев, и туча стрел проносится в воздухе. Битва завязывается; враги, в числе семи человек, быстро наступают. Это люди востока, коренастые, с черными глазами. Они знают скорость бега Вамирэха и бросаются на него врассыпную, чтобы не дать ему ускользнуть от ударов... Луки уже натянуты, отравленные стрелы готовы совершить свой страшный полет: но в эту минуту раздаются голоса, указывающие на опасность, которой подвергается Элем, и в руках воинов луки заменяются копьями.

Вамирэх горделиво смотрит на них, и его боевой клич заставляет трепетать сердца самых храбрых. Он узнает в своих врагах людей

расы, к которым принадлежит Элем, с широким черепом, смуглой кожей и темными глазами. Их лоб и руки разукрашены татуировкой. Бодрый старик предводительствует ими. Вамирэх берется за копье... Смуглые противники укрываются за стволами ближайших деревьев... Тогда Вамирэх схватывает Элем и начинает отступать к реке, где надеется сесть в лодку... По приказу вождя стрелы дождем сыплются на Вамирэха; но он ловко отражает их и бежит еще быстрее.

Эта искусная тактика приводит в ярость обитателей востока, и трое из них бросаются вслед за Вамирэхом. Но его дротик поражает наиболее проворного; пзанн смеется громким торжествующим смехом, замечая, что двое остальных не в силах бороться с ним... Он с вызывающим видом размахивает палицей; звуки, похожие на рычание, вырываются из его груди; рука готова разить беспощадно, насмерть. Вождь, видя неизбежную гибель своих воинов, приказывает им остановиться, и они повинуются его повелительной речи.

Наступает перемирие. Преследователи скрываются за гигантскими репейниками, отрезая отступление к реке. Вамирэх видит серые стволы буков, вечный полумрак под их тонкими поперечными ветвями; солнце освещает круглую поляну и теснящиеся в беспорядке кустарники, за которыми скрываются обитатели востока, следящие за ним. К его воинственному настроению примешивается чувство грусти.

Из всех материальных орудий у него осталась только острога.

Предводитель восточных воинов отдает приказ общего наступления, чтобы в случае смерти одного остальные по крайней мере могли за него отомстить. Они наступают на похитителя Элем врассыпную, чтобы не представлять слишком удобной цели. Острога никого не поражает: ее роговой наконечник отделился от рукоятки раньше, чем был нанесен удар. Тогда он хватается за другое оружие, какое есть у него,— кремень яйцеобразной формы. Он пустил его, как ядро, прямо в старого вождя. Тот сгибается под тяжестью удара и безмолвно борется с жестокой болью; в чертах его лица страдание смешивается со злобой.

Вамирэх опять пытается бежать. Он схватывает Элем и делает прыжок. Отравленные стрелы гонятся за ним; одной раны достаточно, чтобы он пал мертвым... Обремененный своей ношей, почти настигаемый врагами, он, конечно, будет схвачен на берегу прежде, чем успеет спустить челнок на воду. Вамирэх останавливается и спускает молодую девушку на землю. Элем свободна, но она не двигается с места, полная боязни за его участь. Он понимает ее и, вспомнив последний раз Зома и Намиру, родные пещеры и широкие равнины, бросается в битву...

Они сталкиваются грудь с грудью. Стрелами действовать нельзя. Вначале воинам востока приходится плохо: одно из их копий сломано ударом палицы Вамирэха, другое он вырвал у них и, действуя с одинаковой ловкостью обеими руками, сражается разом и копьем и палицей... То отступая, то снова наступая, он выдерживает натиск пяти короткоголовых противников и даже одному наносит легкую рану в грудь... Но переменное счастье битвы отдалило его

от Элем... Он видит ее в руках неприятеля и бросается вперед, чтобы отбить. В эту минуту копье вонзается ему в бок; кровь течет струей... Страшно мстя за этот удар, он разбивает череп одному врагу, другого повергает со сломанным плечом, а вождю прокалывает копьем бедро.

Однако пзанн ослабевает; последние силы его сосредоточиваются на обороне. Элем издает жалобные вопли, а ее соплеменники готовятся к последнему нападению; воинственный пыл заставляет старика-вождя дотащиться до раненого врага. Но это уже конец. Вамирэх собирается бежать. Его палица делает еще один оборот, и падает еще одна жертва... Затем он поспешно хватает копье и острогу, бежит к реке, достигает лодки, садится в нее, и три удара веслом выносят его на середину реки. Его противники взвешивают опасность борьбы на воде; но вождь не разрешает им этой борьбы... Тогда все вооружаются луками; но и стрелы не могут достать врага, потому что лодка его уже исчезла за островком.

X

Вамирэх

Распростертый на дне маленькой лодки, Вамирэх лежал, зажимая рану, покрытую запекшейся кровью. Уж час, как он ожидал, пока вернутся к нему силы, чтобы добраться до берега; от потери крови он впал в забытье, в полуобморочное состояние, в котором переставал ясно ощущать свое собственное тело. Предметы кружились перед ним, казались маленькими, тоненькими, грудь его заливала теплая волна, представлявшаяся ему неизъяснимо приятной, хотя она душила и тревожила его.

Однако кризис миновал. Вместе с лихорадочным возбуждением появились и силы. Вамирэх уже был в состоянии догрести до берега, высадиться и набрать бальзамических листьев и древесной смолы, чтобы перевязать рану. Сперва он обмыл ее в воде, сблизил ее края, затем наложил на нее листья, обмазанные древесной смолой, и укрепил их широкой полоской кожи. Эта прочная перевязка не мешала протоку воздуха и даже свободно пропускала испарение. Через неделю ее нужно будет возобновить, а пока благодаря ароматическим листьям и смоле можно было не опасаться осложнений.

Вамирэх почувствовал значительное облегчение; неопределенная тревога, какую приносит с собой всякая болезнь, исчезла, и в нем снова возродилось чувство гордости, радость победы. Он с наслаждением утолил жажду и голод и отправился разыскивать дерево, нужное ему для приготовления нового оружия. Он скоро выстругал рукоятки — двенадцать коротких для дротиков и одну длинную для копья. Во время работы ему захотелось иметь лук и стрелы, наподобие восточных, из твердого обожженного дерева. Дуга лука была плоская, но широкая с небольшой круглой выемкой для направления полета стрелы. Вамирэх вырвал с корнем молодое ясене-

вое деревце и обжег его с концов; потому ему пришлось долго обстругивать ствол, чтобы сделать его тоньше, пользуясь попеременно то кремнем, то действием огня.

Солнце зашло прежде, чем Вамирэх смог окончить работу; он сообразил, что для завершения ее нужно еще по меньшей мере два дня, не считая времени, необходимого, чтобы заострить стрелы. Отыскивая безопасный приют для ночи, он решил окончить сперва копье, дротики и остроги на случай нападения, которого, впрочем, трудно было ожидать. Едва ли обитатели востока, потеряв двоих, имея на руках раненых, в том числе вождя, вздумают возобновить враждебные действия. Вероятно, они поспешат как можно скорее вернуться в свои степи вместе с девушкой. Вамирэх усмехнулся при мысли, что она еще не совсем потеряна для него. Ему долго не спалось: его волновали планы второго похищения ее.

Проснувшись на другое утро, он испытывал большую слабость, не позволявшую ему подняться. Начиналось заживление раны. С большим трудом юноша дотащился до берега, чтобы утолить страшную жажду. Он напился, но на обратный путь у него не хватило сил.

Он уснул тут же на берегу, подвергаясь опасности стать жертвой хищных зверей. Солнце стояло уже высоко, когда сознание вернулось к нему. Он вновь утолил жажду. В голове его шумело, пульс сильно бился, мысль была подавлена. Он понял, что день потерян и, покорившись необходимости, укрылся под лодкой вблизи крутого берега. С небольшими перерывами, когда он в полусне утолял жажду, мрак окутывал его сознание до самой зари; Вамирэх был близок к смерти; всю ночь его могучий организм боролся с нею. Но с зарей пришло успокоение, сон подкрепил его, и когда солнце прошло четвертую часть пути, он проснулся от голода.

Вамирэх осмотрел перевязку. Боль исчезла; края раны успели почти затянуться и лишь слегка припухли. Голова была свежа. Юноша отправился отыскивать себе пищу, вооруженный оставшимися у него копьем и острогой. Подлесок в это время мало обещал добычи; кроме того, приходилось выжидать ее из засады, так как открыто нападать не позволяла рана.

Прошло часа три, и во все это время мимо засады промелькнуло лишь несколько мелких хищников, мясо которых было отвратительно на вкус. Голод начинал уже жестоко мучить охотника, как вдруг он увидел стадо лосей под предводительством великолепного самца. Это была крупная, опасная дичь, и тем более соблазнительная,что рога самца могли доставить все нужное для наконечников копий, острог и дротиков. Вамирэх в эту минуту еще сильнее пожалел, что у него нет лука, дающего возможность поразить животное издали, так как лось нередко жестоко мстит за убийство самок. Предводитель стада был огромных размеров, его рога широко разветвлялись над головой, наподобие оголенного бука.

Охотник, пользуясь прикрытием кустов, с величайшими предосторожностями приблизился к стаду; но расстояние до него все еще было слишком значительно, чтобы можно было рассчитывать нанести верный удар единственной оставшейся острогой.

Поэтому он стал выжидать. Лоси щипали траву, играли, и одна из самок резвилась вблизи от охотника. Острога свистнула в воздухе и вонзилась в тело животного. С предсмертным жалобным вздохом упало оно на траву, а остальные лоси бросились в кусты. Остался только самец, неподвижно, пристально вглядывавшийся в густую чащу. Минуту спустя он был уже около жертвы, в волнении роя копытом землю и колеблясь между желанием мести и страхом неизвестного. Между тем великолепные рога животного сосредоточили все внимание Вамирэха; необдуманным, болезненным движением он выступил из-за прикрытия с направленным на лося копьем и львиной шкурой в руке.

Лось колебался, устремив свои продолговатые глаза в сумрак леса; но человек подался назад, и животное инстинктом признало в этом движении слабость охотника. Стремительно, низко опустив голову, лось кинулся на человека. Вамирэх отскочил в сторону и набросил свой плащ на ветвистые рога. Пока лось, стараясь высвободиться, усиленно потрясал головой, охотник вонзил ему копье между ребрами, поразив в самое сердце. Животное рухнуло, а Вамирэх упал в изнеможении от сделанного усилия. Но он вскоре поднялся, развел огонь и зажарил кусок мяса лося.

Утолив голод, Вамирэх почувствовал прилив сильной грусти. Ему недоставало Элем, он скучал по ней. Он вспомнил, как не хотела она покинуть его в минуту опасности, повторял ее имя и не мог отделаться от мысли возвратить ее.

Лес примолк в эту жаркую пору дня. Солнце отражалось в глади реки, проникая продолговатыми кружками сквозь легкую листву деревьев. Кусты стояли неподвижно; в пространстве, покрытом высокими деревьями, мелькали яркие просветы, полутемные выходы, углубления, похожие на пропасти. Благодаря грустному настроению одиночества картина эта как-то особенно действовала на Вамирэха. Он чувствовал потребность то отдыха, то художественной работы; ему ясно припомнился день в родных пещерах, когда он вырезывал начальнический жезл, сидя в кругу своей семьи; это дало новый толчок его мыслям, и он вспомнил о начатых работах по приготовлению оружия.

Вооружившись кремнем с тонкими зазубринами наподобие пилы, Вамирэх принялся за работу. К вечеру он отделил рога от головы лося. Движения руки вызывали раздражение в ране, и у него снова началась легкая лихорадка. Оставив работу, он все же не мог уснуть: его мучило желание попытаться отыскать следы Элем. Юноша сел в лодку и поплыл по течению.

Густой мрак ночи окутывал его. Только голос реки раздавался в тишине, где среди чуть слышного шепота прорывалось унылое кваканье лягушек. Над поверхностью воды беспрестанно мелькали летучие мыши; в темной бездне реки трепетали звезды.

Несколькими взмахами весла Вамирэх приблизился к тому берегу, где он сражался с обитателями востока; потом пустил лодку по течению, улегшись в ней так, что издали ее можно было принять за ствол дерева, вырванного бурей. Сперва тянулись пустынные места, безмолвие которых не нарушалось животными; далее неясные

признаки указывали уже на присутствие врагов. Наконец Вамирэх заметил груды камней, обозначающие могилы убитых; а через час огонь костра обнаружил, что его противники бодрствуют.

Долго смотрел туда Вамирэх. Один из воинов стоял настороже; время от времени он высоко поднимал руку, чтобы не уснуть, и при этом движении гигантская тень отбрасывалась на другую сторону реки. Сжимая острогу, Вамирэх обдумывал способ нападения; лихорадка возбуждала в нем безумную смелость.

Ночной ветерок поднимал в лесу все возраставший шум. Вода светилась бледным фосфорическим светом; в ночном сиянии оживали заводи, усеянные камышами. Бегущие облака внезапно меняли вид воды, то набрасывая на нее свинцовый покров, то отражая одинокую дрожащую звезду или целый поток созвездий.

Вдруг позади костра появилось ярко освещенное лицо Элем. О, если бы он мог ее схватить и унести, как прежде! Но, сделав усилие, он почувствовал, что его рана еще не закрылась и рука бессильна! Еще несколько дней, и к нему вернется прежняя сила. Пока он может только следить за врагом и выжидать удобной минуты. Он осторожно положил острогу, взял весло и, прежде чем направиться к своему убежищу, отдался течению, которое отнесло лодку к противоположному берегу. Там он принялся осторожно грести, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Прошел час. Лодка двигалась с трудом, хотя Вамирэх держался вблизи от берега. Приходилось бороться не только с течением, но и с водорослями, которые цеплялись за лодку и опутывали весло. Вамирэх решился уже пристать к берегу, когда увидел нечто вроде пролива среди камышей. Он направил туда лодку, и некоторое время она двигалась беспрепятственно; но вскоре пролив опять замкнулся длинными речными растениями. В надежде найти вблизи открытое пространство Вамирэх, лихорадочно раздвигая растения, направился вперед. Но повсюду он натыкался на камыши, водоросли и осоку.

Величайшая усталость подавляла Вамирэха, и он должен был на некоторое время улечься на дне лодки.

Ночь близилась к концу; небо над головой побледнело от первого отблеска утренней зари: крик глухаря оглашал лесную чащу. Тихий лепет острых крепких листьев, похожий на шорох крыльев птицы, всплески выдры, вечный шум реки были единственными звуками среди тишины. Предметы казались залитыми полупрозрачным серым туманом: на противоположном берегу едва обозначалась черная кайма леса между рекой и побледневшим небом.

Вамирэх приподнялся. Необычайное оцепенение сковывало его члены, клонило ко сну. Ему захотелось поскорее в свое убежище, и он измерил глазом расстояние до него от берега. Оно оказалось весьма значительным, тем более что растительность здесь становилась все гуще. Была минута, когда он думал отказаться от нового усилия и переночевать в лодке; но достаточно было малейшего неосторожного движения, чтобы опрокинуть утлый челнок, а рана не позволила бы широких размахов, необходимых при плавании.

Приняв решение, он направился к берегу, работая веслом, изре-

зывая руки острыми листьями камышей, таща и подталкивая хрупкую лодочку, усталый, раздраженный, вынужденный часто останавливаться и подолгу отдыхать.

Наступал день; все казалось бледным изможденному человеку: и вода, и небо, и лес. Широкая река выдвигалась из тумана и снова терялась в нем.

Вот наконец берег. Вамирэх, высаживаясь и раздвигая высокие стебли растений, увидел пантеру в борьбе с маленьким мамонтом. Жалкое молодое травоядное напрасно старалось отогнать хоботом своего противника. Вдали виднелась мчавшаяся самка, спешившая на помощь к своему детенышу, и из камышей раздавался крик самца, очевидно, старавшегося вплавь добраться до берега. Но пантера одним прыжком очутилась на спине молодого мамонта и уже запустила когти в толстую кожу, собираясь вцепиться зубами в шею, когда охотник, охваченный жалостью, вмешался в дело. Он издал боевой крик, пустил свою острогу и направился к хищнику. Удар был слаб — острога едва окрасила кровью пятнистую шкуру; но пантера, ворча, все-таки выпустила свою жертву. В эту минуту показалась широкая голова мамонта-самца, и почти одновременно с ним появилась и самка. Тогда пантера скрылась в кустах, а семья громадных толстокожих удалилась, покачивая хоботами.

Вамирэх следил за их удаляющимися фигурами, радуясь, что оказал им услугу. Потом он взвалил себе на плечи лодку и пошел к опушке леса. Он потратил последние силы на собирание больших сучьев для укрепления своего убежища под лодкой. Чувствуя тяжесть во всем теле и спотыкаясь от слабости, он стал вбивать в землю, у подножия дерева, наиболее крепкие ветви, но вынужден был прервать работу: чувство оцепенения охватило его с удвоенной силой, он хотел присесть, но вместо этого повалился на землю почти без чувства и вскоре погрузился в тяжелый сон с мучительным бредом.

XI

Мамонт

Небольшая прогалина виднелась среди буков, дубов и вязов. Она густо поросла сочной травой, перемешанной с лютиками, пушистым крестовником, цветущей крапивой. Под острыми травами, по листьям, цветам, стеблям и корням сновал целый мир насекомых.

Гигантская муха порхала в первых лучах солнца; оса садилась на венчики цветов; огромные бабочки раскачивались на своих бархатистых крыльях; тучи комаров поднимались с реки, ища убежища под листвой; легионы муравьев тащили травяных вшей, тычинки, зерна; паук подстерегал добычу из своей норы; могильщик искал падали, чтобы положить в нее свои яички; точильщик-часовщик стукался головой о кору вяза; сверчки засыпали, уставши трещать; уховертки поднимали свои клещи из глубины венчиков, и проворная жужелица, подобно тигру, набрасывалась на жука...

Человек, упавший на землю, поднял тревогу в лесу. Вокруг двуногого царя масса живых существ, занимавшихся исследованием сухих стволов и сучьев, слушала, смотрела и обоняла; остроконечные носы, тонкие уши, выпуклые глаза, похожие на черные жемчужины, длинные усики почуяли человека, поняли его слабость. Приблизились крысы, привлеченные ремнями, пропитанными костным мозгом; затем между верхними ветвями показались любопытные мордочки белок, подстерегаемых большой рысью.

Время шло. Солнечный свет залил прогалину. Поток жизни рос вместе с силой лучей; мухи прилетали все в большем и большем количестве; шмели и пчелы жужжали быстрее и звучнее; птицы стремительнее проносились внизу ветвей.

Гиена, обманувшаяся в своих надеждах на ночную добычу, голодная бродила между кустами своей волочащейся походкой. Она почуяла запах человеческого тела, смешанный с запахом кожи и жира, и подошла ближе; крысы разбежались; пожирательница трупов, не выходя из-за кустов, поняла, что человек не был мертв. Однако она не теряла надежды и в полудремоте притаилась в тени.

Длинные шелковистые лучи света все отвеснее падали сквозь просветы листвы; тени укоротились до наименьшего предела и снова стали расти. Человек все еще спал, и гиена сторожила его. Птицы утомились, и голоса их смолкли в больших деревьях; муравей раскачивал острые листья травы; шершень, цепляясь за тоненькую ножку цветка, сгибал его; мухи без умолку жужжали, сучья трещали под ногами стремительно бегущего стада ланей.

Часа через два после полудня шакалы, почуяв отвратительный запах гиены, собрались неподалеку, в той же части леса. И они засели в кустах; их алчное беспокойство, их зловещий крик оповестил воронов о предстоящей обильной добыче. Те слетелись целой стаей с громким карканьем; черная туча заслонила свет на прогалине, пока они не уселись на выбранном ими буке. С высоты четырех тысяч метров три ястреба заметили движение воронов и, ринувшись вниз с головокружительной быстротой, разместились на ближайшем дереве.

Эти алчные соперники окружали распростертого Вамирэха со взаимным недоверием друг к другу; ночные животные страстно желали наступления сумерек, дневные со страхом ожидали конца дня. Сперва они оставались в нерешительности, наблюдая друг за другом; затем шакалы отступили, испуганные соседством гиены; внезапный страх разогнал на минуту ястребов. Только вороны оставались невозмутимыми, сильные своей численностью, готовые растерзать врага железными клювами.

Они начали забавляться; восседая с комически важным видом на ветвях бука, вороны затеяли нечто вроде пляски, подвигаясь к оконечности ветви, пока один из них не падал; свалившийся в течение нескольких минут попархивал с ужаснейшим карканьем и снова возвращался на свое место. Их крики и игра вспугнули ночных животных; когда же с шумом, напоминавшим падающий град в лесу, крикуны тучей спустились на человека, гиена отступила, а шакалов охватило смятение...

Вороны все подвигались, в их движениях было что-то неловкое и забавное. В двух шагах от Вамирэха они остановились в сомнении; карканье их прекратилось, и старейшие стали совещаться низкими горловыми звуками, перемежая их движениями, похожими на плясовые. Но Вамирэх пошевелился и заставил воронов отступить; они снова расселись по веткам дерева.

Настало затишье, в котором был слышен только топот гиены и вопли шакалов; потом среди полного молчания послышалось тяжелое хлопанье крыльев, и три ястреба мгновенно спустились на землю. Они вытянули оголенные, крепкие шеи с красивым, пушистым белым ожерельем и долго стояли неподвижно, как стражи, приподняв плечи острым углом; их шеи как будто выскакивали из груди; крылья походили на плащ, украшенный бахромой из светлых коротких перьев. Они принадлежали к мощной породе; их распростертые крылья достигали восьми футов; сильные когти, жадно разрывавшие падаль, впивались в живую добычу лишь во время крайнего голода... Обсуждали ли они, насколько смерть близка к человеку, насколько энергия сохранилась еще в его могучих мышцах, в высоко поднимающейся груди, в крепкой шее? Птицы не двигались, но голодные шакалы остановились, и самый старый ястреб направился к белокурой голове Вамирэха.

Волосы, рассыпавшиеся по лицу, наполовину закрывали ему глаза; бледные губы вздрагивали от тяжелого, лихорадочного дыхания; вызывающая усмешка, казалось, поднимала верхнюю губу, между тем как около углов рта лежало выражение кроткой покорности. Полуобнаженное плечо как будто было изваяно из полированного камня; львиная шкура прикрывала грудь, в которой беспокойно трепетало сердце.

Вороны, заинтересованные действиями ястреба, медленно подвигались; шакалы, зевая, закрывали глаза, ослепленные солнечным светом; гиена рыла землю передними лапами; в лесу слышались слабые звуки: тихие крики, чуть слышное пение, шум падения зрелых плодов.

Между тем большой ястреб смотрел в промежуток среди прядей волос, на полузакрытое веко, с видневшимся под ним белком глаза. Хищные птицы выклевывают глаза по инстинкту, и ястреб, приняв это решение, стал медленно приближаться к Вамирэху. За ним последовали и его товарищи, и один из них поставил лапу на обнаженное плечо.

Рука Вамирэха бессознательно передвинулась к этому месту и упала на крыло птицы; в ответ она ударила его клювом по кисти. Ощущение боли возбудило в человеке способность обороны; в полусне он сжал атлетическими пальцами шею птицы... Минуты две скрюченные когти ястреба цеплялись за львиную шкуру, затем наступило удушение, и пальцы Вамирэха, все еще не разгибаясь, сжимали шею уже мертвой птицы. Между тем широкие крылья обоих ястребов, оставшихся в живых, рассекали воздух; они поднялись до верхушек деревьев, поколебались с минуту и через широкий просвет между деревьями взвились к небу.

Вамирэх после сделанного усилия снова впал в забытье и казался

настоящим мертвецом; вороны отрядили десять штук из своего числа, чтобы убедиться в том. Оставшиеся на деревьях начали совещаться, перекликаясь резкими горловыми нотами. Десять отряженных воронов тотчас же увидели, что крупная добыча еще не безопасна; но их привлекал мертвый ястреб, и они стали приглядываться к нему. Человек держал его в судорожно сжатой руке. Вороны с величайшей осторожностью своей породы поворачивали птицу и набросились наконец на голую шею; вскоре на ней появилось отверстие, которое они углубили своими острыми клювами, и через несколько минут в руке Вамирэха осталась только голова пернатого хищника. Вороны вцепились разом в добычу и оттащили ее на несколько локтей.

Шакалы сочли этот момент удобным для себя; их бег, сопровождаемый воем и лаем, казался проливным дождем, падающим на листья. Десять воронов поднялись с яростным карканьем; но остальные целыми сотнями кинулись сверху на спины четвероногих хищников, которые поспешили отступить перед неожиданным нападением. Черная стая осталась победительницей и принялась пожирать ястреба.

Гиена перестала рыть землю. Голод, все сильнее терзавший ее внутренности, возбуждал в ней смелость. Она приближалась медленным шагом, низко опустив заднюю часть тела, как животное, привыкшее ползать, вытянув голову и обнюхивая воздух, испытывая с каждой минутой все больший и больший страх. На расстоянии одного прыжка она остановилась, соображая, присматриваясь к горлу человека, подумывая о нападении.

Но у нее не доставало смелости, и она в волнении скребла землю.

Пока она колебалась, возобновилась борьба между шакалами и воронами. Шакалы сделали вылазку, и на этот раз птицы улетели, предоставив им остатки ястреба. Но для шакалов это была скудная добыча. Стройные и гибкие, щуря глаза от света, они осторожно разгрызли кости птицы. Разохотившись, они помышляли о крупной добыче. Гиена не противилась им; по-видимому, обе стороны даже ободряли друг друга. Хохот и завывание смешивались с беготней, с прыжками и внушительным оскаливанием зубов.

Ветви кустарников раздвинулись с силой; по лесу послышался треск, как во время бури, и показалась голова мамонта. Прогалина понравилась ему, и он стал раскачиваться всем своим громадным телом, срывая хоботом травинки с резвостью молодого животного; потом он улегся и задремал.

Гиена и шакалы, притаившиеся внутри невысоких кустов вблизи прогалины, разом значительно подались назад; но они испугались не мамонта; другое тяжелое, неуклюжее животное медленно пробиралось сквозь кустарник и выступило на открытое место: это был серый медведь. Мамонт спокойно ждал его приближения. Стопоходящее животное остановилось, вглядываясь в хоботное. Проснувшись в своей берлоге близ реки, медведь был привлечен воем шакалов; теперь он рассчитывал поживиться распростертым на земле человеком и надеялся, что миролюбивый мамонт не помешает ему.

В первую минуту его расчет казался верным: мамонт, по-видимому, удалялся; однако на расстоянии десяти метров от человека он обратил на него внимание, повернул хобот в его сторону, приблизился к нему, обнюхал и пристально осмотрел его. Тогда он издал угрожающий крик и направил клыки на хищника. Медведь, охваченный слепой и упрямой яростью, зарычал и встал на дыбы; движение его когтистых лап и широко разинутая пасть говорили о жажде мести. Мамонт ждал противника, подняв хобот и выгибая могучим усилием гигантскую спину...

Это были два мощных зверя. Мохнатые лапы медведя были вооружены огромными когтями; клыки и мускулистые челюсти служили сильным оружием. Он мог, стоя на задних лапах, схватить и задушить противника. Его густая волнистая шерсть не мешала ему в борьбе с хищниками, даже со львом и леопардом; вес его грузного тела оказывал ему пользу; его медленные движения отличались ужасающей точностью.

Но сила мамонта стояла выше всякого сравнения. Его маленькие глаза в противоположность глазам медведя отличались зоркостью; его удивительный хобот превосходил ловкостью и силой руку человека; его загнутые клыки длиной до десяти локтей пробивали и отбрасывали противника, как рога зубра. Все тело его, поддерживаемое четырьмя столбообразными ногами, покрытое пушистой рыжей шерстью и черноватой гривой, казалось подвижным и гибким. В лесах, травянистых степях, в горных ущельях — всюду победоносным властелином травоядных являлся этот вымиравший представитель хоботных животных.

Мамонт первый вышел из выжидательного положения. Издав ужасающий крик, он бросился на своего близорукого, широколапого противника. Медведь уцелел благодаря дереву: он успел взобраться на него до значительной высоты. Тогда мамонт стал расшатывать плечом толстый ствол; медведь не удержался и упал прямо на широкую спину мамонта, причем зубы его вонзились мамонту в затылок, а когти в хрящевую часть ушей. Но толстокожее животное встряхнулось, как будто выходя из воды, и в то же время сильно ударило врага хоботом; медведь свалился и покатился кубарем; мамонт подхватил его, поднял на клыки и отбросил в чащу лиан. Видя, что мамонт снова наступает, медведь поднялся на ноги и убежал тяжелой поступью.

Незлобивое травоядное примирилось с этой развязкой и собиралось уже удалиться, как вдруг медведь вернулся и, необдуманно набросившись на мамонта, жестоко укусил его за хобот. Раздался крик боли; мамонт пригнулся к земле и потряс головой. Медведь потерял равновесие и, падая, попал между клыками врага. Мамонт, придерживая его хоботом, вонзил в него клыки и принялся давить его толстыми, столбообразными ногами, пока тот не испустил последнего дыхания. Остервеневший мамонт еще несколько минут продолжал топтать мертвого врага, потом отбросил труп далеко от прогалины. Гиена и шакалы могли теперь утолить голод.

Удовлетворив свою месть, толстокожее животное вернулось к человеку. Оно снова обнюхало его и, остановившись на расстоянии

пяти локтей, издало протяжный крик. На этот крик явилась самка с детенышем. Все трое разместились вокруг Вамирэха.

Приближалась ночь. Большая синяя муха доисторических времен искала убежища под листьями; рои насекомых неслись тучами к воде; сверчки снова затягивали свою переливистую песню, муравьи таскали последние соломинки в подземные кладовые; могильщики хлопотливо зарывали труп полевой мыши; голоса птиц замирали в ветвях; вороны давно улетели. Рассеянные красноватые лучи запоздалым светом дрожали на тонких верхушках цветов; они темнели с каждой минутой, освещая местами лишь светлые песчинки; и величавые мамонты спокойными взглядами улавливали эти последние отблески света, тогда как под деревьями раздавался зловещий вой шакалов и хохот гиены, насытившихся мясом серого медведя.

Глубокий мрак спустился наконец на землю и окутал своим таинственным покровом лес и реку; светляки заблестели в кустах; ночные бабочки с мягкими крыльями запорхали в воздухе; за ними пронеслась летучая мышь: послышались вздохи совы в дупле дуба, и раздались торжествующие крики хищников. Не один леопард, не одна стая волков чуяли в эту ночь спящего человека, но никто из них не осмелился потревожить непобедимую семью большого косматого мамонта с выпуклым лбом.

Они оставались вблизи человека вплоть до рассвета, когда Вамирэх вышел из своего долгого оцепенения, освежевший и окрепший, как после купанья в жаркий день. Он поднялся на ноги и попробовал силу мышц своих рук и груди; тут только он заметил удаляющихся мамонтов. Вид их напомнил ему о приключении предыдущего утра, и он произнес вслед громкое приветствие, не подозревая, чем он им обязан. Он понял это лишь несколько позже, наткнувшись в кустах на свежие остатки медведя с разможженными костями, и сердце его наполнилось благодарностью.

XII

Начальник отряда

Прошло пять дней. Медленно, с частыми остановками продвигались кочевники востока в своем обратном пути; в состоянии их раненых мало-помалу наступало заметное улучшение. На шестой день они сделали продолжительный привал и надеялись увидеть лагерь своих соплеменников до окончания начинавшейся четверти луны. Оправившись раньше других, вождь не проронил ни одной жалобы. Бодрый, крепкий старик переносил боль от удара, почти размозжившего ему плечо, как человек, у которого местное страдание не отражается на всем организме. Ежедневно утром и вечером он обходил раненых воинов и перевязывал свои и чужие раны, употребляя простые, известные ему средства, предупреждающие воспаление.

Элем покорно следовала за отрядом, но часто переносилась

мыслями к гиганту-кочевнику с энергичным и кротким выражением белого лица, с широкими плечами и сильными мышцами; она вспомнила вспышки его гнева, его веселость, выражение ума, светившегося в голубых глазах, его влечение к искусству и к работе.

Ее спутники уже начинали подозрительно относиться к похвалам, которые она расточала Вамирэху в ответ на их расспросы. Один лишь вождь задумчиво и спокойно продолжал расспрашивать ее. Он жадно ловил подробности относительно силы, ловкости, знаний и искусства белокурого человека, а также нравов далекой страны. Враждебные чувства его смягчились как преклонными годами, так и любопытством узнать заманчивую тайну. Он сожалел, что белокурый великан не попался в плен: быть может, ему было известно, до каких пределов простирается лес, откуда течет река, где небо соприкасается с землей...

Обитатели востока, кочевники и охотники, умели уже извлекать пользу из царства растений, они превращали зерна в муку, из которой приготовляли различные кушания. Сбор травы на лугах давал им возможность прокармливать стада лошадей и быков, содержавшихся в неволе в огороженных местах; полуукрощенные животные еще не поддавались правильному приручению и служили лишь для употребления в пищу.

Все это, а также и плодородие почвы, удерживало восточных кочевников от больших передвижений, доступных западным. В их лесах обитали разнообразные животные — редкие разновидности обезьян, шакалов, оленей вместе с животными холодных степей: мамонтом, медведем, гиеной, зубром, туром и мускусным быком. С наступлением холодов начиналось передвижение обезьян, шакалов, оленей в большие южные леса; летом совершалось обратное переселение.

В травянистых степях востока азиаты вступили в союз с собаками, огромные стаи которых бродили среди степей. Стойкая и понятливая собака вместе с человеком вела борьбу против крупных хищников, помогала ему охотиться за туром и лошадью, пользуясь за то частью добычи. Подобно человеку, собаки поняли преимущества общежития: у них были свои собрания, своя храбрая армия, свои вожди, поседевшие под невзгодами времени...

Среди кочевых племен востока старики занимали положение мудрецов. Заглушая в себе дикие инстинкты, они стремились к приобретению знаний и старались проникнуть в тайны природы, отваживаясь даже на объяснение лунных фаз, движения звезд. Благодаря им восточники заключили союз с собаками; они же поощряли попытки приручения некоторых птиц, зверей: тура, лошади, медведя, кабана. Они знали все особенности нрава животных, знали, что одни из них уступают силе, а другие предпочитают смерть угнетению. Они отправлялись на большие расстояния, чтобы посетить племя Дождей, в котором колдун Надда воспитывал пчел, или племя Луны, в котором молодой воин ездил верхом на лошади, или племя Грома, где три медведя жили среди людей.

При этих воспоминаниях вождь жителей востока еще более досадовал, что ему не пришлось познакомиться с Вамирэхом. Он пред-

почитал жить в мире с этими белокурыми великанами, смелыми и искусными. Если бы обоим отдаленным народам удалось вступить в общение между собой, они расширили бы область владычества человека. Тогда можно было бы исследовать неведомые места: отверстие великой бездны, родину рогатых слонов, ознакомиться с водяным зверем, с чудовищной змеей, со всем, о чем уже целые века передается в легендах.

Старик взял молодую девушку под свою защиту. Он не только запретил грубо относиться к ней, но и разрешил ей полную свободу. Днем и ночью она могла беспрепятственно ходить, где ей хотелось, опережать своих спутников или отставать от них, и вождь так твердо обуздывал неудовольствие своих воинов, что они не смели противоречить ему. Элем была очень признательна доброму старику.

Оставаясь подолгу одна, она смотрела на эту реку, на эти дружественные воды, по которым ее несла лодка пзанна в течение долгих недель.

На седьмой день ей показалось, что в утреннем тумане, среди камышей, она видит лодку Вамирэха. Это видение неясно промелькнуло вдали, но Элем была убеждена, что действительно видела пзанна. В течение этого дня она несколько раз отставала от своих, то исчезая среди кустарников, то замедляя шаги на высоком берегу реки. Когда наступил час ночного покоя, она не могла заснуть и сквозь полузакрытые веки тревожно всматривалась в ночную мглу.

XIII

Вторичное похищение

Ночью, в то время, когда воины спали, старик наблюдал, как в огне костра стремительно терялась жизнь древесных ветвей. Пламя, как будто наполненное множеством каких-то тонких цветных существ, подпрыгивающих и издающих треск, окрашивается нежно-голубым, светло-желтым и пурпурным оттенком, оно прилегает к пеплу и, вздрагивая, бежит дальше; поднимаясь и волнуясь, оно проходит по сучьям, исчезая там, где начинается дым. И в пламени виднелись старику тысячи причудливых образов: гроты, леса, большие светящиеся озера, целый летучий мир, то разгорающийся, то потухающий от каких-то неведомых дуновений,— мир, то исполненный гневом, то смиряющийся, то снова свирепеющий, то укрощающийся, и все-таки страшный, поглощающий целые леса и возникающий от руки ребенка.

— Привет тебе, огонь! — произнес обитатель востока.— Ты прекраснее волны, враждебной тебе; ты приятен земле, которую оплодотворяешь, и человеку, которого согреваешь своей лаской!

Он погрузился в грезы... Быть может, он предчувствовал великое чудо будущего — эпоху обработки металлов. Он знал, что частицы земли или камня расплавляются в огне и что в пепле находили иногда небольшие твердые слитки. Каждый, на чью долю выпадали такие находки, хранил эти застывшие капли металла. Они были различных цветов — желтые, серые, белые. Ударяя по ним камнем,

им можно было придавать разнообразные формы и сплющивать в тонкие пластинки; но хрупкие пластинки легко ломались и гнулись, и тогда никому еще не приходило в голову видеть в них соперников камня, кости и рога.

— Огонь течет в наших жилах,— шептал старик,— вот почему из наших уст исходит пар, как из костра, заливаемого водой.

Эта мысль наполнила его сладостным и горделивым чувством; душа его как будто расширялась от созерцания ночи. Свет костра затемнял звезды, но на небосклоне, у реки, они сверкали во множестве.

— Огонь луны и огонь звезд так же холоден, как и взор человека...

Он умолк. Ночной шум леса доносился слабее. Где-то вдалеке рычал лев, и его сильный голос как будто исходил из бездны или звучал, как горное эхо,— столько в нем было величия и мощи. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. На светлой поверхности реки обрисовывались темные массы листвы; какая-то тревога чувствовалась во мраке.

Трепет охватил старика, созерцавшего природу. Он приподнялся, и пламя костра осветило всю его коренастую фигуру. Его беспокоила Элем, лежавшая с широко раскрытыми глазами, и он стал прислушиваться. Из глубины мрака доносился легкий шорох, как от ползущего животного; вслед за тем послышался шум быстро колеблемой листвы, и раздался короткий, сухой удар, как будто камня о камень.

— Вставайте! — крикнул старик, натягивая лук по направлению к подозрительному месту.

Но в эту минуту стрела вылетела из-за деревьев, едва не задев головы вождя, и воины не успели еще подняться с земли, как Вамирэх одним прыжком очутился вблизи костра. Старик в свою очередь пустил стрелу, но она исчезла слева от пзанна. Тот, уже подняв палицу, готов был сокрушить своего противника, когда Элем с умоляющим видом стала между ними. Великан-охотник быстрым движением обратился в сторону, где еще лежали воины, и его взгляд ясно говорил, что он убьет первого, кто осмелится напасть на него. Видя себя побежденными, обитатели востока не трогались с места. Старик-вождь без страха смотрел на вторгшегося врага. Он зна́ком велел своим подчиненным не трогаться с места.

— Говори,— сказал он, обращаясь к Вамирэху.— Отдай предпочтение справедливости перед насилием!

Вамирэх понял, что от него зависит назначать условия; он жестами дал понять, что хочет взять Элем.

— Иди! — сказал старец, обращаясь к молодой девушке.— Но зачем брать силой дочь нашего племени? — прибавил он Вамирэху.— Пусть твоя кровь смешается с нашей, пусть мир соединит сыновей света с человеком неведомых стран.

Элем с ласковыми словами взяла руку Вамирэха и подвела его к старику. Он покорно следовал за ней, покоренный торжественным и серьезным тоном обитателя востока; но в эту минут за его

спиной три остальных воина разом встали на ноги, испуская крики воодушевления. Вамирэх принял это за злой умысел и, схватив Элем, бросился бежать. На некотором расстоянии он остановился.

— Лживый старик,— крикнул он,— твой голос напевает о мире, а твой дух желает войны. Вамирэх презирает тебя.

Натянув свой лук, он прицелился; Элем снова помешала ему: стрела, уклонившись, исчезла в ночном мраке. Когда противники Вамирэха схватились за оружие, он успел скрыться вместе с Элем. Опечаленный вождь не допустил преследования.

— Не бегите навстречу смерти... Он не понял моих слов, и ваши крики испугали его.

Новыя сучья были брошены в костер; когда пламя ярко разгорелось, воины снова улеглись, огорченные несчастной случайностью, тем, что их простодушная радость, не понятая чужестранцем, уничтожила мудрые планы вождя.

XIV

Подкрепление

Заря уже загоралась над лесом, а старый вождь все еще не принял никакого решения. Теперь уже нельзя было надеяться на победу в борьбе с рыжеволосым врагом: в открытом бою перевес останется на его стороне благодаря превосходству его силы; его осторожность сделает бесполезной всякую засаду. Не было времени достать и подкрепления у своих племен. Узнать, где лежит страна неприятеля, и потом, по возвращении, вести туда целое войско? Но разве не могло бы встретиться на пути какое-нибудь неодолимое препятствие? Да и есть ли где-нибудь конец этому лесу?

Долго длились его молитвы и обряды; в этот день он искал ответа на свои вопросы и в потухающем пламени костра, и в причудливых очертаниях сучьев; но он не говорил ни слова: мудрость восточных племен требует, чтобы осторожный вождь действовал не сообразуясь с прихотливыми желаниями неопытной молодежи. Он поднял с земли свое оружие, исследовал направление тени и полет некоторых птиц и велел своим спутникам следовать за собой.

Вскоре все увидели, что идут по направлению к югу. Перед ними расстилались обширные равнины, заканчивавшиеся высокими холмами, бесплодные местности, куда проникали немногие: это были владения собак. Несколько восточнее, на расстоянии шестидневного перехода, можно было бы достигнуть дружественных племен. Молодые воины изумлялись, но молчали. День прошел в ходьбе, прерывавшейся непродолжительными остановками. Движение продолжалось до вечера в том же направлении. Ночлег был тяжелый: ужаснейший ливень разразился над лесом часа за четыре до зари. Костер потух, промокшие люди, с которых струилась вода, дрожали от каждого дуновения ветра. Пришлось построить шалаш, и день давно уже настал, когда они двинулись дальше.

Все четверо смотрели сурово и молчали. Что-то мрачное было и во всей природе; дождь пронизывал густую листву, ноги вязли в

глинистой почве. Звери бродили по лесу, угрожая нападением; стая волков издали двигалась по следам путников в ожидании их близкой гибели, повиснувшие на ветвях змеи попадались все чаще и чаще. Приближение зимы усилило алчность животных; приходилось оспаривать у волков убитую самку оленя. Тоска по хижинам и пещерам закралась в сердце обитателей востока.

Вторая ночь была особенно холодна. К счастью, они открыли в лесу укромное местечко, в котором им удалось развести огонь. Рано утром они снова пустились в путь; мох деревьев, полет птиц, направлявшихся к равнинам, помогал им держаться должного направления. Но они были в нем уверены менее прежнего, и остановки делались чаще. Молодые воины обменивались украдкой мрачными взглядами; они упорно смотрели в сторону востока. Прошло около восьми часов, тогда они начали перешептываться друг с другом: дух возмущения, по-видимому, поднимался в них.

Между тем старик все шел так же быстро и горделиво. По временам он говорил вслух сам с собой, даже смеялся с каким-то одушевлением. Этот проницательный первобытный человек был как будто одарен двойным зрением, пророческим внутренним голосом.

Среди дня солнце проглянуло из-за облаков. С земли поднялся туман, теплый, пропитанный каким-то нежным ароматом. Старик простер руки к светилу и громко проговорил молитву; потом он обратился к своим спутникам:

— Кто имеет право уклониться от повиновения? Если Совету нужна твоя хижина, ты должен отдать хижину, если ему нужна твоя рука, ты должен отдать руку; если ему нужна твоя жизнь, ты должен отдать жизнь. Разве я, несмотря на свою старость, не сильнее и не предусмотрительнее вас всех? Время не убелило еще ваших волос, и духи еще не говорят с вами. Смирите вашу гордость, или на вас обрушатся великие бедствия!

Раскаяние и ужас наполнили сердца молодых воинов; они упали ниц, еще раз покоренные силой мудрости и опыта. Вождь объявил им, что в сумерки они достигнут опушки леса; это подтверждалось встречами с крупными четвероногими, любящими равнину. Азиаты бодро подвигались вперед, несмотря на дождь и на дремучий лес, в котором во множестве бродили ночные звери. Шесть волков пали, пронзенные отравленными стрелами; остальные рассеялись; человек снова чувствовал себя владыкой.

Однако потоки дождя падали с неба все сильнее; порывистый ветер точно бросился на деревья; встревоженные животные показывались из тьмы леса, и истомленные путники снова приняли жалкий вид. Волки собрались в стаи, в лесу слышнее раздавался хохот больших гиен. С приближением вечера враждебные звуки ненавидящих человека существ усилились. Воины пустились бежать. За ними раздалось прерывистое дыхание волков; ветер застилал глаза, поднимая тучи сухих листьев. Покров ночи быстро спускался на землю. Вождь остановился.

Волки, сверкая глазами, тесно смыкали свой круг, они завывали, оскалив острые клыки. Стрел оставалось немного; о разведении огня нечего было и думать. Приходилось идти ночью, с

бесконечными предосторожностями. Впрочем, опушка леса обещала избавление. Медленно, удерживая волков на известном расстоянии ударами дротиков, азиаты продолжали путь...

В девятом часу после полудня перед ними открылась прогалина, выходившая на равнину. Вождь шел позади всех; он мог еще сопротивляться и отбиваться от стаи волков, хотя силы уже начинали изменять и ему.

Торжествующий крик воинов встретил отклик: вдали раздался лай собак. Волки завыли в величайшем смятении: послышался треск в кустах, шум от множества невидимых тел, внезапные взвизгивания, и побежденные волки обратились в бегство, оглашая воздух яростным воем и предсмертными стонами.

Тогда обитатели востока спокойно приблизились к границе леса; там их ожидали союзники-собаки, собравшиеся в отряд под предводительством своего вождя.

XV

Дождь

Приближался период летних дождей, ежегодно застилавший густыми тучами небо. В это время ветер свежел, холод нередко убивал цветы и плоды на деревьях, и зерноядные погибали во множестве от наступавшего затем беспощадного голода. Реки и ручьи выступали из берегов. Человек, скрывшись в пещерах гористых мест, обеспечив себя съестными припасами, проводил время в изготовлении инструментов и оружия.

Вамирэх, предвидя наступление этого тяжелого времени, работал веслом с утра до вечера.

Элем, покорная, побежденная, помогала ему. После вторичного похищения дочь неведомых стран востока согласилась стать женой обитателя запада.

Их пищу составляло жареное мясо оленя. Они добывали себе дикие плоды, свежие коренья и яйца из запоздалых гнезд. Чтобы защититься от потоков проливного дождя, они ставили опрокинутую лодку на четыре подпорки, и она служила им крышей; шкура пещерного льва укрывала их с внутренней стороны, а с остальных сторон ограждали большие ветви.

Звуки падающего дождя, неумолкающий шум леса — все говорило о близости зимы. Наступили первые холода. Вамирэх отдал свою теплую одежду Элем и весь дрожал от холодного ветра. Утро следующего дня пошло у него на поиски животного с пушистой шкурой. Ему удалось подкараулить медведя и пронзить его дротиком в самое сердце. Мозг этого животного вместе с головным и спинным мозгом северного оленя был употреблен на смазку кожи, тщательно выскобленной и освобожденной от жира и сухожилий.

С тех пор им обоим было тепло во время ночного отдыха. Элем была довольна таким удобством; но Вамирэха озабочивало приближение времени больших дождей. С наступлением его лес делался опасным. Хищники становились тогда смелее; стаи голодных

волков настойчивее нападали в лесной чаще. В постоянных битвах с хищными зверями оружие скоро было бы сокрушено. Пришлось бы в течение целых недель оставаться в какой-нибудь пещере, чтобы изготовить новые дротики и остроги, переносить суровый холод ночей во временных, наскоро построенных шалашах или жестокий ливень под открытым небом.

Если начало дождливого времени окажется не слишком холодным, можно было надеяться достигнуть больших пещер к концу июля; но для этого приходилось спешить, находиться в пути целые дни. Вамирэх так и делал: с утренней зари до вечернего сумрака его мощная рука не покидала весла. К несчастью, челнок получил повреждение, и пришлось потерять три дня на тщательное исправление его. Наконец, лодку снова опустили в воду. Вздувшаяся река уже окрашивалась илом и заливала наиболее низкие берега. Лодка двигалась с трудом, и приходилось держаться ближе к берегу; плывшие по реке стволы больших деревьев угрожали челноку; движение его затруднялось спутанными водорослями.

Элем проводила большую часть дня закутавшись в мех, убаюкиваемая шумом падающей воды. Приготовление пищи составляло ее главное занятие. Для утоления голода причаливали в какомнибудь заливе. Припрятанный запас хвороста служил для разведения огня, достаточного, чтобы зажарить кусок оленины, какую-нибудь водяную птицу или рыбу, мимоходом убитую острогой.

Сухой и холодный климат европейских степей в ту эпоху, хотя и более мягкий на юго-востоке, отличался быстрым наступлением холодов раньше осеннего равноденствия. Благодаря этому начинались переселения обезьян, ланей, шакалов, грызунов и болотных птиц. Обезьяны тогда передвигались к югу, мамонты, напротив, появлялись в большом количестве, предки же индийского слона спускались с гор.

По временам, когда на берегу реки появлялось стадо переселявшихся ланей или шакалов, Вамирэх на минуту опускал весло; с особым восхищением он следил за передвижением обезьян в какомлибо узком проходе или вблизи островов, где они имели возможность перебираться на другую сторону по вершинам деревьев. Он смотрел, как они с отчаянным криком раскачивались на ветвях и, сделав прыжок в двадцать локтей, опять хватались за ветку и прыгали снова. На лицах их появлялись гримасы, как бы под влиянием мысли. Движения их вполне напоминали жесты человека, когда они потирали себе лоб или, сидя, очищали пальцами и зубами какойнибудь плод. Их правильно закругленные уши, глаза с прямым взглядом, ловкость, разумность движений — все это приводило Вамирэха в восторг.

Однажды какая-то рассерженная самка сбросила своего детеныша на траву. Раненая обезьянка напрасно испускала жалобные крики: все обезьяны безучастно проходили мимо нее, никто, повидимому, не хотел обременять свой отряд инвалидом. Растроганный этим зрелищем, Вамирэх подбежал и поднял маленького зверька, стонавшего, прижимая руки к груди. Очутившись в тепле, видя вблизи себя плоды, обезьянка успокоилась. Она полюбила

спать на коленях у Элем, взбираться на плечо к Вамирэху, черпать рукой воду, сердиться на свое отражение в реке. Один вид этого подвижного зверька наполнял радостью сердце Вамирэха.

Не была ли это порода людей-карликов? Он расспрашивал по этому поводу Элем, но та знала только, что никому не известно, есть ли у них язык, и что живут они, как животные. Вместе с тем она рассказывала о лесном человеке, строящем шалаши; и Вамирэх вспомнил о странном существе, встреченном им недавно, с глазами янтарного цвета, с редкими волосами и мохнатым телом.

Однажды в тот час, когда дневной свет окрашивается неуловимым алым отблеском, сопровождающим закат величественного светила, Элем внезапно вскрикнула, и весло Вамирэха опустилось. На правом берегу реки появились люди. Они были небольшого роста, сутуловатые, и их некрасивые лица несли как бы застывшее выражение печали и приниженности. Тонкие пряди черных волос спускались у них до подбородка. Они были вооружены только палицами.

— Это червоеды,— с отвращением произнесла Элем.— Летом они бродят по лесам и питаются слизняками, скрытыми в раковинах; во время дождей они доходят до морского берега, и ни одно из священных племен не терпит их соседства.

Вамирэх с любопытством смотрел на червоедов, на их выдающиеся челюсти, покатый лоб, переходящий в выпуклые надбровные дуги, несоразмерно большой, тяжелый затылок. При ходьбе их бедра не сгибались, и они должны были опираться на палицу, чтобы придать своей походке больше твердости. Они разыскивали теперь среди водяных растений коренья и плоды с семечками; каждый складывал свою добычу в общую кучу, находившуюся перед вождем. Еще на пути они набрали одностворчатых раковин, съедобной зелени, и куча была уже значительных размеров. Вскоре все собрались вокруг вождя, и он разделил между ними поровну всю добычу.

— Они любят справедливость! — произнес довольный Вамирэх.

Увидя, что червоеды разводят огонь, он, уступая голосу сердца, направил к ним челнок, приветствуя их дружескими жестами.

В первую минуту они встревожились, но скоро успокоились, увидев малочисленность приближающихся людей. Они молча и серьезно рассматривали рослого кочевника и его спутницу. Их поразил огромный рост человека, никогда не виданный ими на востоке; но они скоро почувствовали к нему симпатию, относясь с видимым недоверием к Элем, в которой узнали тип своих жесточайших преследователей.

Среди червоедов не было женщин. Женщины по обыкновению следовали беспорядочной толпой, отдельно, на большом расстоянии от мужчин, и встречались с ними лишь изредка. Это была раса побежденных. Они отодвигались в бесплодные степи или в глубину лесов; слишком слабые и плохо вооруженные для охоты на проворных лесных зверей, они все более и более переходили к растительной пище, искусно разыскивая под землей клубни, распознавая

съедобные стебли и корни, собирая запасы из семян арбузов и подсолнечников; они жадно набрасывались на слизняков и занимались скудной рыбной ловлей по берегам морей, где проводили зиму.

Благодаря природной доброте жизнь каждого отдельного лица считалась драгоценной для всех; при дележе добычи соблюдалось строгое равенство, и каждый жертвовал собой для спасения собрата из когтей хищного зверя. И они сохраняли еще власть над львом, медведем, леопардом и даже над людьми низших рас. Но короткоголовые охотники плодородных степей внушали червоедам величайший страх: им приходилось видеть, как их братья тысячами гибли под стрелами и дротиками этих охотников.

Червоеды никогда не подходили к вражескому лагерю ближе, чем на шесть дней пути, и избегали даже встречи с отдельными группами своих недругов.

Вамирэх привлек их своим простодушным смехом и великодушием, с которым предлагал съестные припасы, находившиеся в лодке: ломти оленьего мяса, куски осетрины, утиные яйца. Все это было тщательно разделено поровну между всеми к большому удовольствию пзанна. Но он удивился еще более, когда, подарив вождю лисью шкуру, увидел, что тот с серьезным видом разрезал ее на мелкие части и роздал по кусочку каждому из соплеменников. Громкий смех Вамирэха и попытки его объяснить всю нелепость подобного дележа вызвали со стороны червоедов некоторое недоверие; еще заметнее был ужас, какой им внушала Элем; а так как она испытывала к ним отвращение, то Вамирэх, хотя и с сожалением, но решил расстаться с ними.

Он снова сел в лодку, но, отъехав достаточно далеко, спрятался в камышах и оттуда долго еще следил за червоедами, произнося вполголоса какие-то восклицания. Он видел, как они подбавили сучьев в костер и разместились кругом; как потом построили из ветвей легкий шалаш; как туда укрылся их вождь, а сами они уселись под открытым небом на корточки и, уперев локти в колени, закрыв ладонями лицо, заснули.

Вамирэха охватило чувство глубокого сожаления к судьбе этих низших братьев. Пока он высаживался на берег, слова, полные грусти, срывались с его уст. Он был мрачен во время ужина и лишь поздно уснул в ту ночь. Поднявшись на другой день до зари, он наблюдал отправление в путь червоедов. Он видел, как они переправлялись вплавь через реку и исчезали по направлению к востоку. Когда они скрылись из виду, он разбудил свою спутницу и спустил челнок в воду.

Прошло четыре дня трудового пути. В четвертую ночь разразился страшный ураган; деревья валились с треском; на реке вздымались огромные волны; лес трепетал до основания. Укрывшись под навесом скалы, Вамирэх спал мирно и спокойно. Элем провела ночь в молитвах, в обращении к неведомому. В лесу раздался свист и неясные крики, похожие на призывы; верхние ветви низко пригибались к земле.

К утру гроза утихла. День наступил ясный, среди облаков по-

казалось солнце, и, пропитанный теплой влагой, лес ожил. По широкой спокойной поверхности многоводной реки, помутневшей от ила, неслись обломки ночного погрома. Рыбы, поднимавшиеся весной вверх по реке, теперь спускались к морю. Они плыли целыми стаями, близко у поверхности воды. Утомленная Элем спала; Вамирэх с радостным сердцем работал веслом, направлял лодку к далекой родине.

Он весь превратился в напряженное внимание, всем существом как бы ушел в жизнь воды и воздуха. Всплески воды и ласкающее прикосновение воздуха погружали его в забытье, перед ним вставали образы отца, матери, его мужественного брата Куни, его сестры, прыгающей, как козочка; он видел себя среди них, представлял свои будущие разговоры с ними.

Около шести часов пополудни обнаружилось тревожное явление, приковавшее все внимание охотника.

XVI

Тревога

На берегу реки стали показываться быстроногие, легкие на ходу животные — лани, олени, лоси, полные смятения. Они мчались огромными стадами, охваченные паническим страхом, свойственным травоядным, и вплавь перебирались через реку. К концу дня число их еще более возросло; среди них уже виднелись лошади и туры.

Вамирэх, пораженный этим странным бегством, тщетно искал для него какого-либо объяснения вроде пожара или переселения. Он перестал грести; Элем шептала заклинания. Бег животных все усиливался. За оленями, быками и лошадьми следовали волки, шакалы и лисицы. Дрожавший всюду кустарник показывал, что бегут и более мелкие животные — зайцы, хорьки, куницы и выдры. Наконец появились плотоядные: гибкие пантеры, тяжело ступающие медведи. Вдали раздавались крики обезьян, возвещавших опасность, подобно неусыпным часовым; крики неслись, как шум урагана в вершинах деревьев, достигали реки и замирали в неведомой дали.

Наступила чудная ночь; ничто не предсказывало ни грозы, ни другого воздушного явления; но бегство животных, как чудовищная стихийная сила, возбуждало нервы, предвещая что-то ужасное. Все голоса, раздававшиеся в тихий час заката, звучали необычайным страхом, заражая ими окружающих.

Вамирэх понял, что это не страх животных перед природой, а ужас, внушаемый им другими живыми существами, что это бегство слабых перед сильным врагом, бессилие одной породы перед другой, взявшей верх.

Однако необходимо было оградить себя от крайней опасности, укрепиться так, чтобы избегнуть возможности быть раздавленными слепым натиском травоядных, продолжавших свой бег среди мрака. Вамирэх заметил посередине реки небольшой остров, заросший ясенями; он направил туда лодку и развел там легкий огонь из хво-

роста. Таким образом, он очутился в безопасности от неожиданного нападения и в положении, достаточно удобном, чтобы видеть все происходящее вокруг.

После ужина он и его спутница даже не думали о сне. И вверх и вниз по реке по-прежнему стремился поток животных. Одни отваживались переправляться через реку, другие бежали вдоль берега; в этом последнем движении всего любопытнее было то, что оно совершалось в двух направлениях: животные, выбегавшие из леса налево от острова, направлялись по течению реки, а выбегавшие направо поворачивали вверх по реке, как будто целью их было избегнуть полосу леса, которая тянулась напротив острова.

XVII

Червоеды

Червоеды шли по направлению к большому озеру. Вообще они были угрюмого нрава, но добывание съестных припасов, в особенности утром, располагало их к веселости. Они рассыпались в разные стороны, и так как каждый имел право на все, что собрал утром, то всякая удачная находка сопровождалась восклицаниями: они с детской радостью показывали друг другу свою добычу — трюфели, улитки, сахаристые корни зонтичных растений, кисловато-сладкие плоды.

Длинные космы черных волос, выдающаяся нижняя часть лица, пучки волос на щеках придавали им сходство скорее с собакой, чем с человеком. Короткие руки, сдавленная с боков грудь, смех, напоминавший собачий лай, еще более усиливали это сходство.

Блуждая по обширным лесам, гоняясь друг за другом среди зарослей, двигаясь с согнутой спиной, а иногда и на четвереньках, червоеды инстинктивно угадывали направление пути. Их язык, ограничивавшийся несколькими звуками, мог выражать только страх, радость, голод, жажду. Для выражения других ощущений и желаний они пользовались знаками; иногда же понимали друг друга как-то инстинктивно, каким-то необъяснимым чутьем.

Старики руководили ими без суровых мер; двое управляли передовым отрядом разведчиков; третий, самый старый, замыкал шествие. Проходя через места, где обитали крупные хищники, вожди пронзительным криком собирали всех вместе. Тогда сознание крепкой связи между собой возбуждало в них храбрость, и они без страха, с одной палицей, нападали на медведя и леопарда.

После полудня они собирали добычу для всех и съедали ее вечером перед сном. Каждый приносил свою часть, не прикоснувшись к ней. Дележ происходил около ручья или источника; после умеренной еды и питья они погружались в спокойный сон.

Они все шли. Наполненный влажностью лес прикрывал их своей тенью. В них было что-то серьезное и вместе с тем ребяческое; их внимание постоянно чем-нибудь развлекалось, их жалкий смех ежеминутно вспыхивал и замирал, как блуждающие огоньки на болоте; вся жизнь червоедов состояла из кратковременных волнений, за-

чатков мысли, едва обозначавшихся воспоминаний и соображений. Дождь ли падал на их крепкие головы, холодный ли ветер хлестал их сзади, терновник ли раздирал до крови их ноги, паразиты ли тысячами терзали их кожу,— они все переносили терпеливо. В них жила покорность, переходившая по наследству от поколения к поколению.

С тех пор как появился длиннорукий человек, они в течение веков уже не развивались более, а лишь поддерживали свое существование. На их долю уже ничего не оставалось; вся земля, казалось, отталкивала их. Природа как бы старалась защитить их, утолщая кожу, покрывая шерстью грудь; круг враждебных рас смыкался около них все теснее, и не было никакого сомнения, что эта несчастная порода людей недолговечна.

В полумраке перелеска им встречались товарищи по переселению, которым они давно уже отвыкли причинять зло. Это были многочисленные стада оленей и шакалов, направлявшихся к югу, и грызуны, двигавшиеся к западу. Они приветствовали возгласами протяжный крик миролюбивого восточного слона и ржание лошадей мелкой породы с большим ртом, воинственные табуны которых перерезывали им путь.

Во вторую ночь их странствования, когда вождь спал в хижине из древесных ветвей, а присевшие на корточки вокруг догоравшего костра червоеды ежились от холода, вдруг раздался крик, поднявший всех на ноги. Звук, означавший появление льва, облетел червоедов, и зубы их застучали от страха.

Но вождь собрал вокруг себя наиболее смелых, а затем и прочие окружили его, держа наготове свои дубины. В пространстве, освещенном костром, показался грозный лев и остановился на минуту перед воинственными криками людей.

Однако потому ли, что охота у льва была неудачна, или он предпочитал мясо человека всякому другому, но он присел, сделал чудовищный прыжок и бросился на толпу людей. Они подались назад и разомкнули свои ряды, следуя тысячелетней тактике; вслед за тем более пятидесяти палиц опустилось с размаху на череп, морду, глаза и спинной хребет зверя. Лев попятился, приподнялся и тремя ударами когтистых лап опрокинул четверых противников. Остальные, воодушевленные битвой, стали смелее; палицы еще стремительнее обрушивались на окровавленную морду животного, силач отряда одним ударом размозжил переднюю лапу, и в то же время десять ударов других смельчаков разбили задние ноги. Побежденный лев попытался уползти, но червоеды заградили ему дорогу. Они все разом накинулись на него, и в то время как одни его держали, другие старались его задушить. Это удалось им не вдруг, и на долю многих достались страшные удары, пока наконец вождь не воткнул глубоко свою палицу в разинутую пасть; лев захрипел, и тогда ожесточенные враги окончательно добили его.

В этой битве двое лишились жизни, а пятеро были тяжело ранены. Червоеды долго оплакивали своих мертвых товарищей и затем оставили их в лесной чаще; раненые же были окружены внимательными заботами. Когда с наступлением зари червоеды снова

пустились в путь, наиболее пострадавших они понесли на руках. Несмотря на потери, они все-таки гордились победой над грозным врагом и радостно несли свои палицы, обмениваясь жестами гордого торжества.

Лес производил на них теперь более приятное впечатление. Их босые ноги быстрее двигались по земле; корпус стал держаться почти прямо; глаза этих обездоленных существ блестели. Несомненно, что сознание возможности победы, самый ничтожный успех благотворно действовали на них; но победы их распространялись только на животных: страх перед коротколовыми даже на дальнем расстоянии действовал крайне болезненно, заставлял их съеживаться, цепенеть и замирать.

С ранней утренней зари и почти до полудня они шли без всяких приключений. В лесу им попадались лишь безвредные животные. Солнце согревало сочную траву прогалин. Солнечные лучи проникали в самую глубокую чащу и всюду пробуждали жизнь. Червоеды даже запели от радости, которая чувствовалась всюду.

В полдень передовой отряд, состоявший из пятнадцати человек, внезапно очутился в большом дубовом лесу, где росло множество трюфелей. Лес изобиловал кабанами, которые убегали от человека, и легионы мух носились над трюфельными местами. То продвигаясь вперед, то останавливаясь для откапывания трюфелей, передний отряд увидел семью больших обезьян. Эти обезьяны почти никогда не нападали на червоедов, они питали к ним как бы братское чувство, и червоеды видели в них ценных помощников в борьбе с медведем и животными кошачьей породы.

Произошло совещание, на котором червоеды решили послать небольшой отряд к обезьянам, чтобы уверить их в своих миролюбивых намерениях. Посланные радостными криками и доброжелательными знаками привлекли к себе внимание обезьян. Те были в первую минуту поражены, но вскоре узнали союзников; они дали это понять величественными жестами и медленным приближением к ним. Через несколько минут люди и обезьяны сошлись. Червоеды стали предлагать обезьянам трюфели, семечки и съедобные листья. Обезьяны с удовольствием приняли все это, так как они питались той же пищей, что и червоеды.

После этого друзья долго наблюдали друг за другом в глубоком молчании. Червоеды первые стали смеяться и завели игры, а обезьяны все еще оставались серьезными. Однако у одной из них мелькнуло какое-то отдаленное воспоминание, вызванное сходными обстоятельствами. Она с трудом начала объяснять его. Червоеды, наклонившись к ней, слушали, не понимая, в чем дело; то же воспоминание ожило и у остальных обезьян, и они присоединились к своему товарищу в попытке что-то объяснить червоедам; это еще более усилило недоумение червоедов. Наконец одна из обезьян стала собирать сучья и показывать жестами, как поднимается пламя. Тогда червоеды поняли, что речь идет об огне. Вождь их с гордостью извлек искры из двух кусков сухого дерева. Когда показалось пламя и запрыгали желтые и синие языки, обезьян в первую минуту охватил испуг и смятение, а червоеды громко смеялись.

Они расстались друзьями; червоеды направились на восток, а обезьяны повернули к югу. На прощание они обменялись подарками: червоеды дали обезьянам палицы, а те одарили их яйцами, похищенными из самых высоких гнезд.

Спустя несколько часов после разлуки червоеды заметили первые признаки бегства животных, которые потом так встревожили Вамирэха. Сперва это были обычные посетители той местности — большерогие олени и кабаны; поэтому появление их не внушило большого беспокойства червоедам; но через несколько часов они увидели других переселявшихся животных, двигавшихся огромными стадами. Тогда и червоеды повернули назад, охваченные паническим страхом.

XVIII

На острове

Элем и Вамирэх разговаривали друг с другом в ожидании развязки необычайного события. Основные понятия языка коротко-головых он уже понимал и находил выражение для них. Но он напрасно расспрашивал обитательницу востока о том, что происходило теперь. В своих воспоминаниях она не находила объяснения. В ее суеверном уме мелькали древние предания о каком-то водяном звере, изгоняющем из лесов всех одушевленных существ, чтобы водворить там человека. Животные были спасены рогатым слоном, царящим в горах; змей, соперник водяного зверя и враг человека, напустил на него питающихся червями нечистых существ, которые должны быть уничтожены священными племенами...

Эти рассказы мало говорили уму Вамирэха и даже возмущали его. Разве человек не живет мясом животных и разве степь и лес не были бы жалки без них? Кроме того, он не в силах был представить себе невидимое существо. Его сомнения несколько поколебали веру Элем; но она все-таки продолжала лепетать слова молитв, ограждая религиозными обрядами себя и своего спутника.

Внимательно глядя на реку, они ждали наступления ночи. Она постепенно приближалась. В сумраке двигались бегущие животные; резкими линиями обрисовывались их черные тела, круглые или вогнутые, щетинистые или гладкие спины, тонкие и продолговатые или толстые и широкие головы, остроконечные рога оленя, широко-ветвистые развилины рогов лося, волнующаяся грива лошади, гибкое, змеевидное туловище выдры, тяжеловесная горбатая спина медведя...

Когда надвинулась ночь и мрак постепенно поглотил деревья и реку, наступило затишье. Бегущие животные появлялись реже и реже; вскоре уже не стало видно никого, кроме медленно двигающихся насекомоядных или червеобразных хищников, бежавших из своих недалеких жилищ. Однако напряженное внимание Вамирэха и Элем помогло им уловить отдаленный шум, похожий на завывание волков или плаксивый крик шакалов.

Почти в то же время на высоком берегу появилась многочис-

ленная толпа червоедов. Покрытые грязью и кровью, согбенные, они, казалось, были в полном изнеможении. Они несли на руках множество раненых; не видя возможности переправиться с ними через реку, они приходили в отчаяние. Разведчики заднего отряда ежеминутно выбегали из-за прикрытия, жестами выражая тревогу; но никто не двигался с места, никто не думал переправляться без раненых, и многие мужественно держали палицы наготове для последней борьбы. Тогда Вамирэх вскочил в лодку и направился к ним.

Червоеды узнали белокурого великана, встреченного ими четыре дня назад, и выразили большую радость. Другие, обессиленные усталостью, тупо смотрели на приближающегося человека. Он причалил к берегу и знаками дал понять червоедам, чтобы они двух раненых перенесли к нему в лодку. Те из них, которые помнили его, сознательно исполнили его приказание; другие просто отдавались на волю судьбы. Вамирэх раз пятнадцать переправлялся и возвращался, пока не перевез всех раненых на остров, куда остальные червоеды добрались вплавь. Вамирэх разделил с ними свои съестные припасы. Он убил стрелами трех бежавших ланей и лошадь мелкой породы с большим ртом. Червоеды, успокоившись, отправились разыскивать добычу и, по указанию охотника, сняли с животных шкуру. Вамирэх чувствовал к ним жалость и огорчался отвращением, с каким относилась к ним Элем. Он старательно принялся перевязывать им раны, затем разместил на ночлег наиболее уставших и, только покончив с этим, направился к Элем, наблюдавшей на другом конце острова за всем происходившим.

Они стали разговаривать шепотом. Элем предлагала тотчас же ночью подняться вверх по реке, но Вамирэх не соглашался, ссылаясь на вчерашний ураган, на вырванные деревья, несущиеся по реке и могущие разбить лодку; он указывал и на червоедов, находившихся под его покровительством. Элем покорилась. Она поместилась в лодке, под покровом медвежьей шкуры. Сам Вамирэх остался на страже, поддерживая огонь, доканчивая очистку убитых животных, разрезая их на части и поджаривая для сохранения впрок.

Ночной мрак все окутывал кругом; едва можно было различить берега. Время от времени Вамирэх прислушивался внимательнее. Прежний странный шум, раздававшийся то справа, то слева, теперь становился определеннее. Порой он замирал, но вслед затем слышался ближе. Легкий ветерок шумел в листьях; отражение пламени костра колебалось на гребнях волн; временами слышно было, как кто-то бросался в воду, слышалось дыхание пловца; потом снова наступала тишина под звездным безлунным небом.

Наконец на опушке леса показался человеческий силуэт и опять отступил в тень; в ту же минуту вода глухо заволновалась как бы от множества плывущих тел, в воздухе пронесся шум, напоминающий бурю, послышался громкий лай, усиленный эхом, и поток жизни и шума внезапно нарушил безмолвие мрака.

Элем в величайшем смятении подбежала к Вамирэху и прошептала какое-то слово, неизвестное пзанну: она узнала голос собак больших бесплодных равнин. Червоеды также проснулись, и все при

свете костра разыскивали Вамирэха. Высокий, исполненный достоинства, он старался проникнуть взглядом в ночной мрак, чтобы узнать, какая опасность заставляет трепетать Элем и червоедов.

Когда червоеды, напуганные бегством животных, возвращались медленно к реке, они были настигнуты огромной стаей собак. Обыкновенно собаки не трогали этих древних людей, переселяющиеся отряды которых проходили через поселение собак. Но азиаты уже несколько раз пользовались четвероногими союзниками для преследования кочующих племен; червоеды, опасаясь повторения нападения, поспешно приготовились к обороне. По дороге они встретили толпы собратьев; те пристали к ним, и число их возросло до нескольких сот.

Они энергично защищались, и им несколько раз удалось отразить страшного врага; но во время продолжительной остановки, на расстоянии полудня пути от реки, они снова подверглись нападению. Число их противников постоянно возрастало, и в этой битве червоеды понесли значительные потери. Кроме того, убедившись по медленному движению четвероногих, что их ведут азиаты, они ускорили отступление. Добравшись вечером до берега реки, обремененные ранеными, измученные, они ждали только смерти. Вамирэх спас их.

Испуганные среди сна лаем собак, они бежали к охотнику, как к единственному защитнику. Вамирэх собрал вождей. Он указал каждому из них боевое место на берегу острова и велел собрать своих людей около себя. Вместо всяких объяснений он поднял над головой палицу и опустил ее, разя воображаемого врага. Червоеды вполне понимали его, и все были мужественно настроены возбужденным лицом пзанна, его красивыми глазами, горевшими горделивым блеском, его мощной грудью, высоко поднимавшейся в ожидании битвы. Он приказал усилить огни и снова занял наблюдательное положение. Некоторое время на противоположном берегу было темно, но вскоре огромный костер осветил местность. Тогда вдали от огня, там, куда едва достигал красноватый свет, Вамирэх увидел собак. Элем настойчиво указывала на них, объясняла, в какие многочисленные стаи собираются они и как бывают свирепы, когда человек становится во главе их.

Пзанн жадно прислушивался к ее словам. Костер обливал ярким светом четвероногих.

Вглядываясь в них и видя, что они своими широкими челюстями, высоким ростом и гибкостью походили более на гиену, чем на волка, Вамирэх понял, какими опасными противниками они должны быть.

Но его внимание отвлечено было появлением человеческого силуэта, стоявшего перед костром; среди мертвой тишины зазвучал человеческий голос и разнесся над рекой. Вамирэх и Элем узнали голос вождя азиатов. Он говорил:

— Человек неведомых стран, выслушай слова того, чьи волосы уже побелели и с кем в уединении говорит дух мудрости. Мои слова говорят о мире. Имея своими союзниками собак, мы можем взирать на войну без страха. Человек с верховьев реки, что можешь ты

сделать против бесчисленных легионов животных, которым помогают наши стрелы и наши руки? Согласись на мир. Обменяемся кровью, текущей в наших жилах.

С помощью Элем Вамирэх понял слова старика. Показавшись в свою очередь в свете костра, он громко выразил свое согласие.

— Пзанн приветствует тебя, старец, он слушает дочь твоего племени и готов обменяться с тобой кровью. Удали животных и пощади жизнь червоедов.

На противоположном берегу три молодых воина приблизились к старику, и в группе короткоголовых завязалось оживленное объяснение. Они не могли брататься с сыновьями змеи. Старик склонялся в пользу милосердного отношения к ним, но один из юношей стал говорить о беспощадной воле зверя вод, о законе священных племен, и все, исполненные отвращения и ненависти к презренному племени, перешли на его сторону. Снова вождь выступил вперед.

— Почему человек-брат принимает участие в нечистом существе? Пусть он предоставит эту добычу собаке.

Вамирэх возмутился.

— Пзанн не осмелился бы предстать перед прочими пзаннами, если бы покинул своих союзников. Пзанн желает мира, но желает его для всех, находящихся около него.

Новое совещание началось у жителей востока. Все молодые воины, желавшие победы более, чем мирного разрешения дела, склонялись в пользу войны. Вождь не решался прямо противодействовать им, но указывал на силу Вамирэха, на славу, сопряженную с походом к северу после окончания зимы, и на необходимость быть в мире с отдаленными племенами.

Двое юношей были, по-видимому, убеждены его словами, но один упрямо смотрел в землю. Приблизившись к берегу, он натянул лук и произнес:

— Совет говорит: «Пусть твоя стрела никогда не колеблется поразить нечистое существо».

Стрела, описав смертоносную дугу, впилась в плечо червоеда. Крик боли раненого слился с гневным возгласом белокурого великана и с ропотом неодобрения, вырвавшимся у обитателей востока.

— Человек,— закричал старик,— прости пылкость слишком молодой крови!..

Вамирэх возразил, полный негодования:

— Моя кровь так же молода, и она не может простить измены!

Он натянул лук, и его стрела неожиданно пронзила грудь зачинщика. Затем он поспешил к раненому червоеду. Его товарищи высасывали кровь из раны, чтобы удалить яд. Вамирэх приготовил противоядие из листьев, пожал из них сок в открытую рану и покрыл влажными листьями.

В лагере обитателей востока старик ухаживал за раненым, который продолжал осыпать червоедов бранными словами. Все азиаты были возмущены тем, что кочевник нанес удар человеку, чтобы отомстить за нечистое существо.

XIX

Осада острова

Наступило продолжительное затишье. Обитатели востока перенесли свой костер под защиту кустов. Собак не было видно, но их завывание звучно разносилось по лесу. Червоеды, присев на корточки, опять задремали, кроме нескольких стариков, продолжавших бодрствовать. Вамирэх укрепил убежище Элем при помощи больших ветвей и стал приготовлять оружие. Дым от костров клубился над рекой среди красных отблесков огня. Ни одного слова о мире не слышалось более. Очевидно, обе стороны готовились к битве.

Не переставая работать, Вамирэх чутко прислушивался и зорко вглядывался. Раз на некотором расстоянии от воды показался силуэт азиата, поднявшийся и исчезнувший в лесу; потом стая собак подошла к реке напиться; но ничто не указывало на близость нападения. Вамирэх недеялся, что вождь азиатов дождется утра, чтобы возобновить переговоры.

Он только что положил возле себя двенадцатую стрелу, пропитанную ядом, как вдруг у азиатов обнаружилось движение: на берегу показалась огромная черная масса тел.

— Эо! эо! — крикнул он, и старики червоеды бросились будить своих товарищей.

Там, на другом берегу, собаки кинулись в воду, и можно было видеть, как они целыми тысячами плыли к острову, как сверкали фосфорическим светом их глаза и отливали тусклым светом мокрые головы. Молчаливые и страшные, они смело подвигались вперед под градом камней, костей и головней, сыпавшихся на них.

Вамирэх, уверившись, что людей нет среди них, бросил лук и взялся за палицу. Элем, вооруженная копьем, могла защищать свое убежище. Червоеды, воодушевленные пзанном, занимали твердое положение, сплотившись в небольшие группы, спиной друг к другу, что давало им свободу действовать дубинами.

Собаки не успели еще пристать к берегу, как были встречены такими ударами, что им пришлось отступить. Но вскоре они разделились на два больших отряда, из которых один направился к слабо укрепленному пункту острова, находящемуся под охраной лишь одного Вамирэха, а другой возобновил открытое нападение. Поспешность, с какой червоеды бросились на защиту своего спасителя, едва не доставила успеха этой тактике. Но Вамирэх решительно отклонил их помощь, заставив вернуться на свои места.

Едва отряд, надвигавшийся на него, достиг берега, как сильная рука пзанна произвела среди него страшное опустошение и породила крайнее смятение. Его огромный рост, гигантская палица, его мощный размах, раздроблявший черепа, быстрота движений, властный голос — все это наводило на животных как бы суеверный страх. Охваченные непреодолимым ужасом, они отступили в беспорядке с оглушительным воем. Между тем второму отряду удалось выбраться на берег, но он не мог расстроить тактики червоедов, попрежнему державшихся группами, стойко защищавшихся. Собаки

понесли значительные потери, а среди червоедов человек двадцать уже не в состоянии были участвовать в битве. В итоге животные чувствовали себя побежденными, как вдруг две отравленные стрелы, пущенные с противоположного берега, поразили две жертвы. Это вызвало некоторое замешательство среди червоедов, и несколько групп отступили внутрь острова. Тогда собаки удвоили свою ярость, и в одну минуту число раненых людей возросло в ужасающем размере.

Тем временем Вамирэх заметил азиатов, пускающих стрелы почти без прикрытия, стоя за мелкими деревьями. И он, натянув лук, послал им несколько стрел. Тогда восточные воины вынуждены были отступить за крупные древесные стволы, откуда их выстрелы стали уже не столь меткими. Они ограничивались громкими поощрениями своих четвероногих союзников, которые отзывались ужасающим лаем и с усиленной яростью нападали на противников. Дело принимало дурной оборот, тем более что отряд, прогнанный Вамирэхом, высадился на противоположном конце острова и должен был подкрепить товарищей. Несчастные червоеды считали свою гибель неизбежной, и их боевой крик превратился в жалобный вопль, напоминавший предсмертные стоны. Но в эту минуту появился великан-охотник, устилая свой путь трупами собак. Животные были охвачены смятением и страхом, узнав в этом голосе и в этой силе голос и силу победоносной расы; перевес оказался на стороне червоедов, и собаки снова очутились в воде и возвращались уже в лагерь азиатов.

Глаза червоедов загорелись упоением победы. Обратившись к белокурому гиганту, они запели песнь торжества, и Вамирэх вторил им устрашающими возгласами. На противоположном берегу, у опушки столетних лесов, ответом им служили проклятия обитателей востока и яростный лай собак.

Червоеды поспешно перевязали раненых и для большей безопасности перенесли их поближе к тому месту, где находился шалаш Вамирэха и Элем. Потом они очистили остров от раненых собак; одни из них еще могли добраться до противоположного берега; другие издыхали на месте.

Вамирэх между тем вернулся к своей спутнице. Исполненная отвращения к червоедам, Элем не покидала своего убежища, где ей не пришлось обороняться. Теперь Вамирэх описывал ей победу, число жертв, лютость врагов и говорил о возможности нового столкновения. Она слушала его задумчиво, опечаленная происшедшим, желая близкого мира. Она надеялась, что на рассвете возобновятся переговоры о мире, и Вамирэх поддерживал ее надежду; но он не хотел слышать ни о какой уступке, касающейся червоедов. Наконец, утомленная, Элем уснула. Большинство червоедов тоже спало. Вамирэх продолжал бодрствовать.

XX

Поражение

Прошел час; звезды, медленно перемещаясь, отражались в спокойной глубине реки; раненые собаки не переставали выть; огни азиатов пылали позади кустов, озаряя черные изгибы ветвей и редкую листву древесных вершин.

Вамирэх подошел к реке и несколько минут оставался там, как бы вызывая примиряющие слова. Вдруг над его головой просвистела стрела. За ней последовали другие; каждая медленно описывала дугу и без всякого вреда падала на середине острова. Он подбирал их, радуясь, что у неприятелей истощается запас оружия. Впрочем, восточные воины скоро поняли невыгодность такой стрельбы и прекратили ее. На их призывные крики снова появились собаки. Их темная масса копошилась на берегу с бешеным лаем. Неясный человеческий силуэт на минуту поднялся среди них, потом как будто опять опустился; другой показался на берегу, что-то наблюдая; наконец с реки донесся человеческий голос, очевидно принадлежащий пловцу. Пзанн понял, что на этот раз азиаты сами принимают участие в нападении.

Осада становилась гораздо опаснее. Вамирэх немедленно приказал разбудить всех, вооружил шесть наиболее энергичных стариков крепкими дротиками и острогами с неподвижными наконечниками, а сам, кроме палицы, вооружился еще копьем и стал в удобном месте настороже. Присутствие человека тотчас же принудило к новой тактике: собаки разделились на три отряда, из которых один медленно направился к передней части острова, другой — к оконечности его, где находилась Элем, а третий стал огибать остров с целью произвести нападение с тыла. Тогда Вамирэх, намереваясь сосредоточить оборону, послал часть червоедов навстречу последнему отряду собак и устроил все так, чтобы в случае нужды все могли отступить в его сторону. Держа копье наготове, он ждал нападения.

Обитателей востока не было видно. Они, вероятно, имели в виду руководить приступом, не вмешиваясь в дело до решительной минуты, и с этой целью находились сзади. Быть может, они вычернили себе лица, чтобы их нельзя было различить среди собачьих голов. Передний отряд, преодолевая течение, остановился в десяти метрах от берега, в ожидании сигнала отряда, огибавшего остров. Как только сигнал был подан, все войско разом двинулось на приступ.

Смелость собак, казалось, возросла еще больше. Глаза их светились во мраке голубоватым фосфорическим блеском; клыки их белели. Прежде чем утвердиться на берегу, они понесли значительные потери; но как только им удалось вступить на землю, множество червоедов в передних рядах было передушено; лишь героическая защита товарищей и гибель целых сотен собак спасли червоедов от полного поражения, и битва продолжалась с переменным успехом.

В начале схватки, заметив отсутствие Вамирэха, двое обитателей востока выдвинулись вперед и поддерживали нападение, сперва действуя стрелами, а потом легкими копьями. Ужас встречи с ними

произвел смятение среди червоедов, и они несомненно обратились бы в бегство, если бы шесть стариков, вооруженных острогами и дротиками, не пошли храбро на врагов. Видя, что им угрожает опасность быть окруженными со всех сторон, азиаты поняли, как неблагоразумно было рисковать.

Они отступили, и с этой минуты их участие в битве ограничивалось поощрительными словами собакам и выпусканием стрел.

На острове Вамирэха собаки, возбужденные голосами, доносившимися издалека, счастливо выбрались на берег. Хотя он и не ждал их, но двинулся к ним с такой силой, что животные, едва выдержав первый натиск, обратились в бегство, оставив без прикрытия восточного воина, вооруженного лишь одним дротиком. Вамирэх с одного удара перебил хрупкую рукоятку неприятельского оружия, потом, схватив врага за шею ниже затылка, опрокинул его на землю и связал, поручив Элем охранять его. Затем он бросился на помощь к своим союзникам.

Победа все еще была на их стороне. Но постепенно пополнявшиеся стаи собак, воодушевляемые голосами азиатов, свирепели все более и более, и легко было предвидеть, что рано или поздно люди выбьются из сил, и тогда гибель их будет неизбежна. Услышав боевой крик Вамирэха, собаки сперва отступили, но потом опять бросились на приступ. Шесть стариков, вооруженных острогами и тонкими дротиками, сплотились еще раз и смело стали лицом к лицу с врагами, готовые поддержать действия своего защитника. Тот, находясь впереди, пытался добраться до азиатов, но это ему не удалось: собаки стойко сопротивлялись, несмотря на удары его палицы. Кроме того, произошло обстоятельство, которое могло иметь гибельные последствия: червоеды, защищавшие западный берег острова, подались вперед; это положило начало смятению и вызвало необходимость вмешательства Вамирэха.

Борьба происходила во мраке. Восточные воины гасили костры где только могли, чтобы увеличить мужество собак. Червоеды покидали темные места и собирались к горящим кострам, огонь которых тщательно поддерживали. Там стонали многочисленные раненые, зажимая руками ужасные раны. Собаки массами выступали на свет из темного перелеска. Они приходили в ярость от пронзительных возгласов обитателей востока, поднимавшихся над общим смятением; они гибли сотнями, но все-таки везде прорывались и сеяли ужас.

Червоеды испытывали тревогу уже от одной близости обитателей больших степей; их мужество поддерживалось лишь присутствием Вамирэха; они уже ощущали наступление усталости; руки их медленнее поднимали палицы, и они невольно скоплялись в большие группы. Вамирэх это заметил и с невероятным усилием выдвинулся вперед, заставив собак попятиться; потом он знаком подозвал к себе стариков, вооруженных острогами и дротиками. Они приблизились к нему, и наиболее крепкие из них во всем брали с него пример. С этой минуты небольшая сплоченная группа почти одна выносила всю тяжесть защиты; остальные убивали лишь отдельных, слишком зарвавшихся собак и отражали боковые нападения.

Пользуясь минутным затишьем, Вамирэх позаботился, чтобы огней было разведено как можно больше, и вскоре ряд пылающих костров явился охраной для осажденных. Пламя перешло даже на сухую траву, на кустарники и рощи и зажгло мелкие деревца, образовав пылающую преграду, позади которой Вамирэх и его союзники могли наконец перевести дух.

Страх охватил собак; восточные воины, зная нрав этих животных, решили обогнуть преграду. Вамирэх, предвидя это движение, разместил более трехсот червоедов в главных проходах; по его приказанию, они пытались зажечь костры, перенося пылающие головни вместе с хворостом; но огонь не успел разгореться до появления собак.

Слабый вначале натиск четвероногих сделался отчаяннее с приближением азиатов. Многие из червоедов, донельзя утомленные, бросили палицы и, уступая животному инстинкту, стали на четвереньки и защищались когтями и зубами. В первую минуту новый маневр озадачил собак; но вскоре он оказался выгодным для них, в особенности из-за их численности, дозволявшей им нападать втроем или вчетвером на одного человека.

В эту минуту Элем пришла на помощь Вамирэху, и ее слова оказывались действеннее ударов. Узнав в ней представительницу дружественной расы, собаки, очевидно, были сбиты с толку, и понадобилось вмешательство восточных воинов, чтобы заставить их возобновить нападение. В битве, завязавшейся снова, две стрелы задели голову и плечо пзанна, и копье пронзило грудь червоеда, находившегося вблизи Вамирэха.

Он понял, что в него целятся из темноты и что ему не справиться с собаками, пока не удастся вытеснить с острова восточных воинов. Поэтому, собрав около себя червоедов и посоветовав Элем укрыться в безопасное место и действовать оттуда словами, он исчез в кустах.

Он шел на голос азиатов и через несколько минут очутился возле них. Они были окружены собаками, готовыми броситься в бой — свежими войсками, находившимися в резерве для крайнего случая. Собаки почуяли Вамирэха и выдали его присутствие. Но он быстро очутился среди них, приводя в расстройство их ряды своими ужасными ударами, и был уже вблизи азиатов. Тогда старик и юноша бросились бежать, метнув только дротиками и оставив свои стрелы. Вамирэх настиг их и поднял палицу, но она рассекла лишь воздух; проворные, как пантеры, азиаты уклонились от удара. От толчка оружие выпало из рук Вамирэха, но он ударом кулака свалил на землю молодого воина; в эту минуту старик поднял на него дротик, и их взгляды встретились.

— Я знаю, ты добр,— сказал Вамирэх,— я не хочу лишать тебя жизни.

Вождь, ничего не отвечая, продолжал отступать, держа копье наготове, пока молодой товарищ не встал на ноги; тогда только он опять бросился бежать. Вамирэх догнал их у берега, сбросил в воду молодого воина, завладел дротиком старика и его заставил также пуститься вплавь.

Увидя отступление людей, собаки отчаянно завыли. Смятение среди них распространилось и на отдаленные отряды. Ободренные червоеды перешли в наступление; стаи собак отхлынули в беспорядке и вскоре обратились в бегство. Вамирэх и его союзники остались хозяевами острова. Тысячи собак погибли в бою, а из восточных воинов оставались только трое.

XXI

Пожар

Остров пылал... Ветер гнал огонь в таком направлении, что на том конце, где находилось убежище Элем, можно было расположиться безопасно. Все червоеды скучились там и перенесли туда своих раненых. Элем, тронутая мужеством этих жалких людей и услугами, какие они оказали Вамирэху, поборола в себе отвращение к ним и помогала перевязывать раны. По их печальным, утомленным лицам пробегало выражение радости всякий раз, когда мимо них проходил Вамирэх или его спутница. Большинство червоедов уснуло в любимой позе, и среди тяжелого сна они еще переживали кошмар битвы, испуская крики, глухо завывая, поднимая обезумевшие от страха лица, выдвигая широкие челюсти.

Вамирэх отыскал пленного азиата. После упорных, но бесполезных попыток разорвать свои узы восточный воин, катаясь по земле, добрался до берега реки, где старался перегрызть ремни, стягивавшие ему ноги. Но он не успел кончить эту работу до появления Вамирэха.

Пламя поднималось, прорезывая ночной мрак. Птицы, гнездившиеся в верхних ветвях, носились по освещенному пространству; звезды исчезали за клубами дыма, озаренными снизу и казавшимися белыми облаками, сквозь которые местами виднелись просветы, глубокие, как пропасти. Гонимые ветром, клубы дыма вытягивались в длинную волнистую пену, опускались, трепетали, как живые, или, угасая, напоминали мгновенно разрушавшиеся большие скалы. Пылающие ярко-красные языки опять появлялись с горделивым торжеством, трещали сухие древесные ветви, а с вершин медленно падали обильные искры. На зеркальной поверхности воды отражалась вся эта величественная картина.

Восточные воины, поместившись за деревьями на берегу, смотрели, как горел остров. Их положение далеко не было выгодным. Они тщетно пытались принудить собак к третьему приступу. У азиатов оружия уже не было, за исключением того, которое оставалось у раненого и которое надо было беречь для последней обороны. Молодые воины тревожились за участь своего исчезнувшего товарища; опасаясь, что собаки покинут их, они видели возможность близкой гибели и раскаивались, что не доверились мудрости своего вождя. Старик, полный смирения перед судьбой, молчал, склонившись над огнем с выражением печали на серьезном лице. Юноши покорно обратились к нему и заговорили о своей тревоге, о необхо-

димости примириться с врагом. Он долго молча слушал их и наконец произнес:

— Молодые люди! По совету мудрости, переходящей от отца к сыну, мир следует предлагать в начале войны, когда войско еще сильно, исход угадать еще нельзя и когда это не влечет за собой унижения. Но эта же мудрость учит, что в час поражения следует умереть, а не подвергать себя насмешкам победителя. В час мира вы хотели войны; в час войны вы хотите мира. Возможно, что наш враг, который, как видно по всему, соединяет мудрость с храбростью, предпочтет мир случайностям битвы. Быть может, огонь заставит его покинуть остров и, если он хочет говорить, он заговорит тогда. В противном случае мы должны будем готовиться к битве, к смерти или к бегству.

Бледная лиловатая заря окрасила восток. Огонь пылал еще ярче, словно боясь наступления дня, который затмит его блеск, высоко поднимался, перескакивал по вершинам деревьев, ревел, как стадо буйволов, застигнутое хищниками, или издавал сухой и жесткий треск, напоминавший шум, производимый тучами саранчи, поедающей злаки. Пламя яркими спиралями обвивало толстые стволы, добиралось до листьев, которые сначала съеживались, затем вспыхивали и колебались от утреннего ветерка, как дневные бабочки или рои ос.

Становилось жарко; червоеды, тревожимые во сне, отодвигались все дальше к крайней оконечности острова. Вамирэх задумчиво смотрел на пожар. Его лодка и оружие были в безопасности. Элем спала в своем убежище. Маленькая обезьянка сидела, уцепившись за ветки; она не спала, как и ее хозяин, испуганная ярким светом и шумом.

Между тем огонь уничтожал уже толстые сучья, и головешки становились все крупнее. Они описывали короткие дуги, разгораясь на лету от движения воздуха, производимого их падением, и светя дрожащим блеском, подобно звездам. Во время падения они казались воздушными и легкими, но, опускаясь на землю, они с силой и треском ударялись, дробились, рассыпая вокруг себя яркие искры.

Пзанн развязал ноги пленника и разбудил Элем, чтобы она могла служить посредницей между ними.

— Спроси своего брата,— сказал он ей,— не думает ли он, что настал час заключить мир?

— Я не боюсь смерти,— ответил воин.

— Я знаю, что ты храбр,— возразил Вамирэх,— но того нельзя назвать трусом, кто спасает себя, спасая своих собратьев.

— Мои братья не побеждены!

— Да,— сказал Вамирэх,— но их только двое, а животные научились бояться нас.

Наступило продолжительное молчание; пленник погрузился в думу.

Заря загоралась ярче; нежная окраска лазури перешла в бронзовый цвет; кругом царил туманный полусвет, в котором выделялся только горизонт реки. Деревья, небо, низкие берега — все казалось необыкновенно свежим по сравнению с сухостью колеблющегося

огня. Вамирэху хотелось снова пуститься в путь по зеленой поверхности вод, подниматься вверх по громадной реке, с ее лесами, скалами, широкими устьями притоков, с ревом водопадов, с тихим журчанием маленьких каскадов, стремительным течением порогов, со светлыми, широкими проливами...

Между тем пламя оканчивало свое жестокое дело, бледнея в зарождающемся свете дня, то судорожно вспыхивая огромными языками, то расстилаясь по тонкой сети веток.

Вдали в глубине леса слышался лай убегающих собак, и эти звуки вывели пленника из задумчивости. Он видел, что Вамирэх догадывается об отступлении животных и понимает возможность взять верх над неприятельским лагерем.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он пзанна.

— Чтобы ты говорил с твоими братьями,— ответил Вамирэх.

Азиат поднялся и, направившись в сопровождении Вамирэха и Элем к берегу острова, испустил призывный крик своего племени:

— Ре-ха! ре-ха!

Вождь короткоголовых тотчас же вышел из-за прикрытия в сопровождении молодого воина.

— Наш брат в плену у человека неведомых стран?

— Да, он в плену.

— Хочет ли он от нас помощи или отмщения?

— Нет, человек с верховьев реки просит мира.

— Тогда пусть он развяжет твои руки, потому что мудрость требует, чтобы ты говорил об этом, будучи человеком свободным.

Восточный воин передал Вамирэху желание старика. Пзанн колебался с минуту, опасаясь измены, но затем, не говоря ни слова, развязал его узы. Пленник не двинулся с места и, храня серьезный вид, только поднял руки над головой.

XXII

Возвращение

В проходах среди островов, по широким светлым проливам лодка неслась вверх по реке, вздувшейся от ливней. Элем и крошечная обезьянка играли или спали в челноке, а Вамирэх работал веслами целые дни.

Мир с обитателями востока был заключен. Собаки снова удалились в бесплодные степи, окруженные лесами; бедные червоеды могли совершить свое переселение к великим озерам. Азиаты вскрыли себе жилы на руке, и их кровь смешалась с кровью Вамирэха. Старик от имени священных племен отказался от всяких враждебных действий, а Вамирэх обещал поддерживать мир от имени западных кочевников. Весной будущего года, в третий месяц после равноденствия, пзанны выберут тридцать предприимчивых охотников и пошлют их под предводительством Вамирэха навстречу такому же числу союзников с мудрым стариком во главе.

Поднимал ли ветер волны на реке, бороздил ли дождь поверхность воды, на которой подпрыгивали мелкие пузыри, челнок все

продолжал свой путь к западу, от зари до сумерек. Мычание оленей, крик мамонтов, рокочущий голос львов встречали человека-врага в его хрупком челноке, неслись за ним среди островов, под тенью деревьев, по широким, светлым проливам.

Вамирэх думал о червоедах, об их глубокой грусти в час расставания, об их тупых лицах, о лающих звуках, которыми у них выражался смех и плач, о выражении бесконечной благодарности в их глазах и о том, как они долго стояли подле него, прежде чем решились уйти. С вершины небольшого холма он послал им дружеский прощальный привет, на который они ответили своей жалкой походной песней.

Твердые в своем братском союзе, который один поддерживал их против крупных хищников и остальных людей, они уносили на руках своих раненых...

Неделя проходила за неделей среди островов и широких светлых проливов, иногда солнце обдавало своей горячей лаской, иногда поднимался ветер, суровый бич зимы, или же разражался бешеный шквал. Тогда приходилось останавливаться в бухтах или укрываться в пещерах, пока не прояснилось небо.

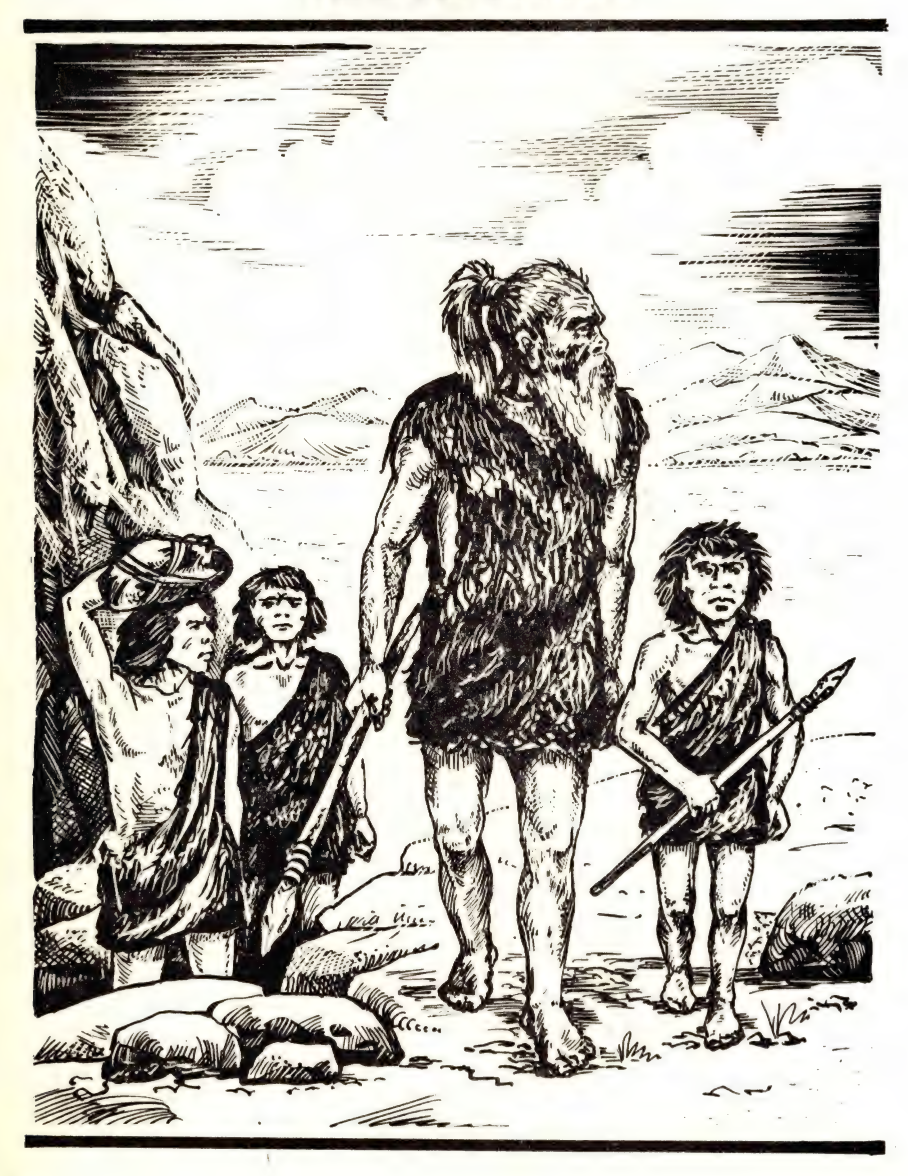
Грудь Вамирэха вздымалась от чувства гордости при мысли, что ему удалось победить коварство природы, нападения хищных зверей и хитрость человека. Он снова вспомнил, как Тах, старец, переживший сто двадцать зим, рассказывал при вечернем огне о разрушении гор, о трещинах в почве, о бездне, всосавшей воды великих озер. Он казался себе более великим, чем Гарм. В теплые вечера столетние старцы будут рассказывать историю его путешествия, и она заставит трепетать сердца юношей, когда они услышат о злобности пресмыкающихся, о свирепости хищных зверей, о лесном человеке, о новой стране, об Элем, о червоедах. И эти старцы скажут, что нужна непоколебимая воля, чтобы победить тоску по родине и ужас долгого одиночества.

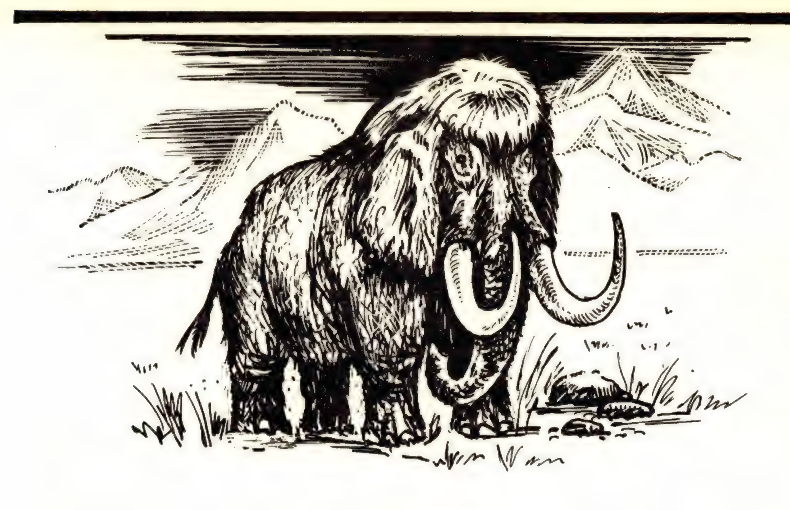
Небо все реже посылает ласковые солнечные лучи, все чаще разражаются жестокие ливни; река кажется то зеленой, то илистой; течение становится быстрее, опять попадаются пороги и водопады, челнок быстро несется вперед, и Вамирэх неутомимо правит веслом.

Уже чувствовалось приближение дождей. Но племя, укрывшись в пещерах высоких местностей, не покинет травянистых степей юго-востока до середины осени, и Вамирэх увидит своих родителей Зома и Намиру, своих храбрых братьев и свою сестру, прыгающую как козочка. И он, уважающий стариков, смиренно приведет к ним свою жену, дочь племени далекой страны.

Д'Эрвильи

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

ГЛАВА I

На берегу реки

В холодное, пасмурное и дождливое утро на берегу огромной реки сидел маленький девятилетний мальчик.

Могучий поток неудержимо мчался вперед: в своих желтых волнах он уносил сбившиеся в кучи ветви и травы, вырванные с корнем деревья и громадные льдины с вмерзшими в них тяжелыми камнями.

Мальчик был один. Он сидел на корточках перед связкой только что нарезанного тростника. Его худенькое тело привыкло к холоду: он не обращал никакого внимания на ужасающий шум и грохот льдин.

Отлогие берега реки густо поросли высоким тростником, а немного дальше вздымались, словно высокие белые стены, размытые рекою обрывистые откосы меловых холмов.

Цепь этих холмов терялась вдали, в туманном и голубоватом сумраке; дремучие леса покрывали ее.

Недалеко от мальчика, на скате холма, чуть повыше того места, где река омывала холм, зияла, точно громадная разинутая пасть, широкая черная дыра, которая вела в глубокую пещеру.

Здесь девять лет тому назад родился мальчик. Здесь же издавна ютились и предки его предков.

Только через эту темную дыру входили и выходили суровые обитатели пещеры, через нее они получали воздух и свет; из нее вырывался наружу дым очага, на котором днем и ночью старательно поддерживался огонь.

У подножия зияющего отверстия лежали огромные камни, они служили чем-то вроде лестницы.

На пороге пещеры показался высокий, сухощавый старик с за-

горелой морщинистой кожей. Его длинные седые волосы были приподняты и связаны пучком на темени. Его мигающие красные веки были воспалены от едкого дыма, вечно наполняющего пещеру. Старик поднял руку и, прикрыв ладонью глаза под густыми, нависшими бровями, взглянул по направлению к реке. Потом он крикнул:

— Крек! — Этот хриплый отрывистый крик походил на крик вспугнутой хищной птицы.

«Крек» означало «птицелов». Мальчик получил такое прозвище недаром: с самого детства он отличался необычайной ловкостью в ночной ловле птиц: он захватывал их сонными в гнездах и с торжеством приносил в пещеру. Случалось, за такие успехи его награждали за обедом изрядным куском сырого костного мозга — почетного блюда, приберегаемого обычно для старейшин и отцов семейства.

Крек гордился своим прозвищем: оно напоминало ему о ночных подвигах.

Мальчик обернулся на крик, мгновенно вскочил с земли и, захватив связку камыша, подбежал к старику.

У каменной лестницы он положил свою ношу, поднял в знак почтения руки ко лбу и произнес:

— Я здесь, Старейший! Чего ты от меня желаешь?

— Дитя,— ответил старик,— все наши ушли еще до зари в леса на охоту за оленями и широкорогими быками. Они вернутся только к вечеру, потому что — запомни это — дождь смывает следы животных, уничтожает их запах и уносит клочья шерсти, которые они оставляют на ветвях и корявых стволах деревьев. Охотникам придется много потрудиться, прежде чем они встретят добычу. Значит, до самого вечера мы можем заниматься своими делами. Оставь свой тростник. У нас довольно древков для стрел, но мало каменных наконечников, хороших резцов и ножей: все они обточились, зазубрились и обломались.

— Что же ты повелишь мне делать, Старейший?

— Вместе с братьями и со мной ты пойдешь вдоль Белых холмов. Мы запасемся большими кремнями; они часто попадаются у подножья береговых утесов. Сегодня я открою тебе секрет, как их обтесывать. Уже пора, Крек. Ты вырос, ты силен, красив и достоин носить оружие, сделанное собственными руками. Обожди меня, я пойду за другими детьми.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил Крек, склоняясь перед стариком и с трудом сдерживая свою радость.

Старик ушел в пещеру, откуда внезапно раздались странные гортанные возгласы, похожие скорее на крики встревоженных молодых животных, чем на человеческие голоса.

Старик назвал Крека красивым, большим и сильным. Он, должно быть, хотел подбодрить мальчика; ведь на самом деле Крек был мал, даже очень мал, и очень худощав.

Широкое лицо Крека было покрыто красным загаром, надо лбом торчали жидкие рыжие волосы, жирные, спутанные, засыпанные пеплом и всяким сором. Он был не слишком красив, этот жалкий

первобытный ребенок. Но в его глазах светился живой ум; его движения были ловки и быстры.

Он стремился поскорее двинуться в путь и нетерпеливо ударял широкой ступней с крупными пальцами о землю, а всей пятерней сильно тянул себя за губы.

Наконец старик вышел из пещеры и стал спускаться по высоким каменным ступеням с проворством, удивительным для его преклонных лет. За ним шла целая орда мальчуганов-дикарей. Все они, как и Крек, были чуть прикрыты от холода жалкими плащами из звериных шкур.

Самый старший из них — Гель. Ему уже минуло пятнадцать лет. В ожидании того великого дня, когда охотники, наконец, возьмут его с собой на охоту, он успел прославиться как несравненный рыболов.

Старейший научил его вырезывать из раковин острием кремневого осколка смертоносные крючки. При помощи самодельного гарпуна с зазубренным костяным наконечником Гель поражал даже громадных лососей.

За ним шел Рюг-большеухий. Если бы в то время, когда жил Рюг, человек уж приручил собаку, о Рюге непременно сказали бы: «У него собачий слух и нюх».

Рюг по запаху узнавал, где в частом кустарнике созрели плоды, где показались из-под земли молодые грибы; с закрытыми глазами распознавал он деревья по шелесту их листьев.

Старейший подал знак, и все двинулись в путь. Гель и Рюг гордо выступали впереди, а за ними серьезно и молча следовали все остальные.

Все маленькие спутники старика несли на спине корзины, грубо сплетенные из узких полосок древесной коры; одни держали в руках короткую палицу с тяжелой головкой, другие — копье с каменным наконечником, а третьи — что-то вроде каменного молота.

Они шли тихо, ступали легко и неслышно. Недаром старики постоянно твердили детям, что им надо привыкнуть двигаться бесшумно и осторожно, чтобы на охоте в лесу не спугнуть дичи и не попасть в когти диким зверям, не угодить в засаду к злым и коварным людям.

Матери подошли к выходу из пещеры и с улыбкой смотрели вслед уходящим.

Тут же стояли две девочки, стройные и высокие,— Маб и Он. Они с завистью смотрели вслед мальчикам.

Только один, самый маленький представитель первобытного человечества остался в дымной пещере; он стоял на коленях около очага, где посреди огромной кучи пепла и потухших углей слабо потрескивал огонек.

Это был младший мальчик — Ожо.

Ему было грустно; время от времени он тихо вздыхал: ему ужасно хотелось пойти со Старейшим. Но он сдерживал слезы и мужественно исполнял свой долг.

Сегодня его черед поддерживать огонь от зари до ночи.

Ожо гордился этим. Он знал, что огонь — самая большая дра-

гоценность в пещере; если огонь погаснет, его ждет страшное наказание. Поэтому, едва мальчуган замечал, что пламя уменьшается и грозит потухнуть, он начинал быстро подбрасывать в костер ветки смолистого дерева, чтобы вновь оживить огонь.

И если порой глаза Ожо заволакивались слезами, то единственным виновником этих слез был едкий дым костра.

Скоро он и думать перестал о том, что делают теперь его братья. Другие заботы удручали маленького Ожо: он был голоден, а ведь ему едва минуло шесть лет...

Он думал о том, что если старейшины и отцы вернутся сегодня вечером из лесу с пустыми руками, то он получит на ужин всего-навсего два-три жалких побега папоротника, поджаренных на угольях.

ГЛАВА II

Один из дней первобытных времен

Ожо был голоден, а его братья были еще голодней: ведь они долго шли на холодном ветру. Старейший всю дорогу шепотом и знаками объяснял им, как узнавать росшие по берегу водяные растения. В зимнее время, когда нет мяса, их мясистыми корнями можно с грехом пополам наполнить голодный желудок.

Он говорил, а его маленьких путников томило желание украдкой сорвать и проглотить дикие ягоды и плоды, которые каким-то чудом уцелели от морозов. Но есть в одиночку строго воспрещалось. Все, что находили, приносили в пещеру. Дети привыкли, что только в пещере, после осмотра старшими, добыча делилась между всеми. Поэтому они пересиливали искушения голода и опускали в мешки все, что собирали по пути.

Увы! Пока что им удалось найти только с десяток маленьких сухих яблок, несколько тощих, полузамерзших улиток и серую змейку, не толще человеческого пальца. Змейку нашел Крек. Она спала под камнем, который он повернул. У Крека была привычка: куда бы он ни шел, переворачивать по дороге все камни, какие были ему под силу.

Но если нашим путникам попадалось по дороге мало съедобного, то большие куски кремня во множестве валялись по склонам холмов. Мешки мальчуганов сильно потяжелели. Самые маленькие шли, согнувшись под своей ношей. И все-таки они изо всех сил старались скрыть свою усталость. Дети знали, что старшие привыкли молча переносить страдания и будут смеяться над их жалобами.

Дождь, мелкий град не прекращались ни на минуту.

Крек бодро шагал вслед за стариком, мечтая о том времени, когда он станет великим и славным охотником и будет носить настоящее оружие, а не маленькую детскую палицу. Пот градом катился с него, и немудрено: он тащил два огромных кремневых желвака.

За ним нахмурившись шли Гель и Рюг; их разбирала досада. Оба они, точно на смех, ничего не нашли за всю дорогу. Хоть бы рыбешку какую-нибудь поймали. Отыскали всего-навсего какого-то заморенного паука, такого же голодного, как и они.

Остальные брели как попало, съежившись и понурив головы. Дождь давно уже струился по их растрепанным волосам и впалым щекам.

Так шли они долго. Наконец Старейший дал знак остановиться. Все тотчас же повиновались ему.

— Вот там, на берегу, под навесом утеса, есть хорошее сухое местечко для отдыха,— сказал он.— Садитесь... Откройте ваши мешки.

Кто лег, кто присел на корточки на песок. Лучшее место под навесом мальчики предоставили Старейшему.

Крек показал старику все, что нашлось в мешках, и почтительно поднес ему маленькую змейку. Такой лакомый кусок, по его мнению, должен был достаться Старейшему.

Но старик тихонько оттолкнул протянутую руку мальчика и сказал:

— Это вам! Если нет жареного мяса, я буду жевать корни. Я привык к этому, так делали мои отцы. Посмотрите на мои зубы,— вы увидите, что мне часто приходилось есть сырое мясо и разные плоды и корни. Во времена моей молодости прекрасный друг — огонь, который все мы должны почитать, нередко надолго покидал наши стоянки. Иногда целыми месяцами, а то и годами, мы, не имея огня, натруждали свои крепкие челюсти, пережевывая сырую пищу. Принимайтесь за еду, дети. Пора!

И дети с жадностью набросились на жалкое угощение, которое им роздал старик.

После этого скудного завтрака, который только чуть-чуть утолил голод путешественников, старик приказал детям отдохнуть.

Они тесно прижались друг к другу, чтобы получше согреться, и сразу заснули тяжелым сном.

Только один Крек ни на минуту не мог сомкнуть глаз. Скоро с ним будут обращаться как с настоящим взрослым юношей,— эта мысль не давала ему заснуть. Он лежал не шевелясь и украдкой, с глубокой любовью и даже с некоторым страхом наблюдал за стариком. Ведь Старейший столько перевидал на своем веку, знал столько таинственных и чудесных вещей.

Старик, медленно пережевывая корень, внимательно, зорким и опытным глазом осматривал один за другим куски кремня, лежавшие около него.

Наконец он выбрал кремень, округлый и длинный, похожий на огурец, и, придерживая его ногами, поставил стоймя.

Крек старался запомнить каждое движение старика.

Когда кремень был крепко зажат в этих природных тисках, старик взял обеими руками другой камень, более тяжелый, и несколько раз осторожно ударил им по закругленной верхушке кремня. Легкие, едва заметные трещины пошли вдоль всего кремня.

Потом Старейший аккуратно приложил этот грубый молот к

обитой верхушке и навалился на него всем своим телом с такой силой, что жилы вздулись на его лбу; при этом он слегка поворачивал верхний камень; от боков кремня отлетали длинные осколки разной ширины, похожие на продолговатые полумесяцы, с одного края толстые и шероховатые, с другого — тонкие и острые. Они падали и рассыпались по песку, словно лепестки большого увядшего цветка.

Эти прозрачные осколки, цвета дикого меда, резали не хуже наших стальных ножей. Но они были непрочны и скоро ломались.

Старик передохнул немного, потом выбрал один из самых крупных осколков и принялся оббивать его легкими частыми ударами, стараясь придать ему форму наконечника для копья.

Крек невольно вскрикнул от удивления и восторга: он собственными глазами видел, как изготовляют ножи и наконечники для копий и стрел.

Старейший не обратил никакого внимания на возглас Крека. Он принялся собирать острые лезвия.

Но вдруг он насторожился и быстро повернул голову к реке. На его обычно спокойном и гордом лице отразились сперва удивление, а потом невыразимый ужас.

С севера доносился какой-то странный, неясный шум, пока еще далекий; порой слышалось ужасающее рычание. Крек был храбр, и все же ему стало страшно. Он попытался остаться спокойным и, подражая старику, насторожился, схватившись рукой за палицу.

Шум разбудил детей. Дрожа от страха, они повскакали со своих мест и кинулись к старику. Старейший велел им немедля забраться на вершину почти отвесной скалы. Дети тотчас принялись карабкаться кверху, ловко цепляясь руками за каждый выступающий камень, пользуясь каждой выбоиной в скале, чтобы поставить ногу. На небольшом уступе, неподалеку от вершины, они улеглись на животе, облизывая ободранные в кровь пальцы.

Старик не мог последовать за ними. Он остался под выступом скалы, и Крек упрямо отказался покинуть его.

— Старейший! — воскликнул он.— Неведомая опасность грозит нам, как ты говоришь. Ты любишь меня, и я не покину тебя. Мы вместе умрем или вместе победим. Ты непоколебим и силен, ты будешь сражаться, а я... если оттуда идут к нам злые люди или дикие звери,— я прокушу им печень.

Пока Крек, размахивая руками, произносил эту воинственную речь, грозный шум усилился. С каждой минутой он приближался к месту, где укрылись старик и ребенок.

— У тебя, Крек, глаза зоркие и молодые. Посмотри на реку. Что ты видишь?

— Небо потемнело от больших птиц. Они кружатся над водой. Наверно, их злобные крики и пугают нас.

— А на воде ты ничего не видишь? Посмотри еще раз. Птицы кружатся над рекой? Значит, они следуют за какой-то плывущей по реке добычей, выжидая, когда можно будет накинуться на нее. Но кто же это так страшно рычит и ревет? Я подниму тебя,— взгляни еще раз.

Но и на руках у Старейшего Крек напрасно всматривался вдаль.

— Что видно сверху? — крикнул старик детям, лежавшим в безопасности на скале, над его головой.— Говори ты, Рюг.

— Что-то огромное черное виднеется на белой глыбе далеко, посередине реки,— ответил мальчик.— Но что это — разобрать нельзя. Черное шевелится.

— Хорошо, Рюг. Не черный ли это широкорогий бык?

— Нет, это чудовище больше широкорогого быка! — воскликнул Рюг.

— Слушай, Старейший! — вскричал Гель.— Теперь не одно, а два черных пятна видны на белой глыбе, и оба они шевелятся; а возле них глыба совсем красная.

— Я вижу их! Я их вижу! — подхватил Крек, побледнев и задрожав всем телом.— Там два зверя, и оба огромные. Они на льдине, а льдина больше нашей пещеры. Они не двигаются. Сейчас они проплывут мимо нас. Вот смотри! Мы погибли!

Старейший поставил Крека на землю и обернулся к реке.

То, что увидел старый охотник, заставило его побледнеть от ужаса. Крек и остальные дети плакали и дрожали от страха.

По пенистым, мутным волнам, шум которых сливался с оглушительным криком бесчисленного множества хищных птиц, плыла, кружась и покачиваясь, гигантская льдина.

На льдине виднелся чудовищной величины слон-мамонт с косматой гривой. Задние ноги животного глубоко провалились, словно в западню, в трещину льда. Зверь стоял, с трудом опираясь передними ногами на края трещины; изогнутые клыки были подняты кверху, а из хобота, торчавшего, словно мачта, бил к небу непрерывный кровавый фонтан. Все тело зверя было залито кровью, струившейся из пронзенного брюха. Он рычал и ревел в предсмертных судорогах.

Рядом с ним лежал огромный косматый носорог, поразивший своим рогом мамонта,— лежал неподвижно и безмолвно, задушенный своим могучим врагом.

В ту минуту, когда чудовища проплывали на окровавленной льдине мимо Старейшего, гигантский слон страшно заревел и свалился на труп побежденного врага.

Земля задрожала от этого предсмертного крика. Эхо долго-долго повторяло его, а хищные птицы на мгновение словно замерли в воздухе.

Но затем они с новой яростью бросились на приступ ледяного плота, где покоились теперь два гигантские трупа. Коршуны и орлы накинулись наконец на добычу.

Глыба льда исчезла из виду, унося трупы страшных зверей. Старик обтер рукой пот с обветренного лица и позвал своих маленьких спутников.

Стуча зубами, еле ступая дрожащими ногами, бедняжки спустились к старику, руку которого все еще судорожно сжимал Крек.

Разве можно было теперь приниматься за работу? Урок изготовления кремневых орудий был отложен, и все в угрюмом молчании, опасливо поглядывая по сторонам, двинулись обратно к пещере.

Дети поминутно оборачивались и смотрели назад. Они все еще слышали шум летевших птиц. Им чудилось, что их настигает один из тех прожорливых зверей, которые, наверное, следовали за жуткой льдиной.

Но мало-помалу они успокоились, и Крек, улыбаясь, сказал на ухо Рюгу:

— Ожо завидовал нам, когда мы уходили. А теперь, пожалуй, будет рад, что ему пришлось остаться хранителем огня: ему не было так страшно, как нам.

Но Рюг покачал головой и возразил:

— Ожо смелый; он, наверное, пожалеет, что не видел этих чудовищ.

ГЛАВА III

Вечный враг

Дети без помехи вернулись домой до наступления ночи.

После страшного приключения, рассказ о котором заставил дрожать матерей и плакать маленьких сестер, родная пещера, жалкая и дымная, показалась детям уютным жильем.

Здесь им нечего было бояться. Кругом поднимались крепкие каменные стены, а яркий огонь нежно ласкал и согревал их.

Огонь — лучший друг человека: он побеждает холод, он отпугивает диких зверей. Но есть один враг, против которого бессилен даже огонь.

Этот вечный враг всегда подстерегает человека и несет ему гибель, стоит только перестать с ним бороться,— этот вечный враг, всегда и во все времена был врагом жизни вообще.

Имя этому неумолимому врагу, этому жадному тирану, который даже и в наши дни продолжает свои опустошительные набеги на землю и истребляет тысячи людей, имя ему — голод.

Прошло четыре долгих дня с тех пор как дети вернулись в пещеру, а охотники — деды и отцы — все еще отсутствовали.

Не заблудились ли они в лесу, несмотря на свою опытность? Или охота оказалась безуспешной? Или они напрасно рыскают до сих пор по лесу? — Никто не знал этого.

Впрочем, и Старейший, и матери, и дети привыкли к таким долгим отлучкам отцов. Они знали — охотники ловки, сильны, находчивы, и совсем не беспокоились о них. Оставшихся дома одолевали иные заботы: все запасы пищи в пещере иссякли.

Небольшой кусок протухшей оленины — остаток от прошлой охоты — съели еще в первые дни.

В пещере не оставалось ни кусочка мяса; приходилось приниматься за свежие шкуры, отложенные для одежды.

Маленькими плоскими кремнями с искусно зазубренными острыми краями женщины соскоблили шерсть и отделили жилки с тяжелых шкур. Затем они разрезали кожи на небольшие куски. Эти еще покрытые пятнами крови куски вымочили в воде и варили их до тех пор, пока они не превратились в густую клейкую массу.

Нужно заметить, что этот отвратительный суп варился без горшка. Изготовлять глиняную посуду люди научились гораздо позже, чем орудия из грубо обтесанного и обитого камня.

В пещере Крека воду кипятили в искусно сплетенных мешках — корзинах из древесной коры; такой мешок,разумеется, нельзя было ставить на горящие уголья; чтобы нагреть воду, в мешок бросали один за другим докрасна раскаленные на огне камни. В конце концов вода закипала, но какой мутной и грязной становилась она от золы.

Несколько корней, с трудом вырванных из замерзшей земли, были съедены.

Гель принес какую-то отвратительную рыбу. Это было все, что ему удалось поймать после долгих и тяжких усилий. Но и эту жалкую добычу встретили с радостью. Ее тотчас же разделили и тут же съели: рыбу даже не потрудились поджарить на угольях. Но рыба была небольшая, а голодных ртов много. Каждому досталось по крошечному кусочку.

Старейший, желая хоть чем-нибудь занять измученных голодом обитателей пещеры, решил раздать всем какую-нибудь работу. Об этих работах мы поговорим позже, а пока осмотрим пещеру.

Наше счастье, что мы можем проникнуть туда только мысленно. Иначе мы, наверное, задохнулись бы от ужасающего зловония и спертого воздуха, царивших в этом мрачном убежище первобытных людей.

Некогда почвенные воды вырыли в толще мягкой горной породы обширный глубокий погреб. Главная пещера сообщалась узкими проходами с другими, более мелкими пещерами. Со сводов, потемневших от дыма, свешивались сталактиты и падали тяжелые капли воды. Вода просачивалась повсюду, стекала по стенам, накапливалась в выбоинах пола. Правда, пещера спасала первобытного человека от свирепого холода, но это было нездоровое, сырое жилище. Обитатели ее часто простужались, болели. В наше время ученые нередко находят в таких пещерах вздутые, изуродованные кости.

Но вернемся в жилище Крека. Вдоль стен главной пещеры, на грязной, покрытой нечистотами земле, лежали кучи листьев и мха, прикрытые кое-где обрывками звериных шкур,— постели семьи.

Посреди пещеры возвышалась глубокая и большая куча пепла и сальных потухших углей, с краю она была чуть теплая, но посредине горел небольшой костер; Крек, дежурный хранитель огня, беспрестанно подбрасывал хворост, вытягивая его из лежавшей рядом связки.

Среди пепла и углей виднелись разные объедки и отбросы: обглоданные кости, расколотые в длину, с вынутым мозгом, обгорелые сосновые шишки, обуглившиеся раковины, пережеванная кора, рыбьи кости, круглые камни и множество кремней разной формы.

Эти обломки кремней — остатки обеденных «ножей», резцов и других орудий. Кремневые орудия очень хрупки, и они часто тупились и ломались. Тогда их просто бросали в мусорную кучу.

Первобытные люди, конечно, и представить себе не могли, что

когда-нибудь их отдаленные потомки будут рыться в кухонных отбросах, искать затупившиеся сломанные ножи, подбирать угольки их очага, чтобы потом выставить их в просторных залах великолепных музеев.

В этой первобытной квартире не было никакой мебели. Несколько широких раковин, несколько плетеных мешков из коры или тростника, нечто вроде больших чаш, сделанных из черепов крупных животных, составляли всю домашнюю утварь.

Зато оружия было много — и оружия страшного, хотя и очень грубо сделанного. В пещере хранился большой запас копий, дротиков и стрел. Здесь были острые каменные наконечники, прикрепленные к древку с помощью растительного клея, древесной и горной смолы или жил животных. Здесь были костяные кинжалы — заостренные отростки рогов оленей и быков; здесь были палицы — зубчатые палки с насаженными на них клыками животных, каменные топоры с деревянными рукоятками, кремневые резцы всех размеров и, наконец, круглые камни для пращи.

Но мы напрасно стали бы искать в пещере какого-нибудь домашнего животного. Ни собаки, ни кошки, ни курицы не было видно у очага, возле мусорных куч. В те далекие времена человек еще не умел приручать животных.

Крек никогда не видел и не пробовал ни коровьего, ни козьего молока.

И никто в те суровые времена, о которых идет речь в нашем рассказе, не видал и не знал, что такое колос ржи или ячменя. Никто, даже сам Старейший.

Быть может, он и находил иногда во время своих странствий по равнинам высокие, незнакомые ему растения, свежие колосья которых он растирал в руках, пробовал есть и находил вкусными. Наверное, он указывал на эти колосья своим спутникам, и те тоже с удовольствием грызли вкусные зерна.

Однако понадобились века и века, прежде чем потомки этих людей научились, наконец, собирать семена растений, сеять их возле своих жилищ и получать много вкусного и питательного зерна. Но Крек никогда в жизни не видел ни хлеба, ни зерновой каши.

Обитатели пещеры не могли похвастать большими запасами пищи. Охота и рыбная ловля, особенно в холодное время года, доставляли так мало добычи, что ее хватало лишь на дневное пропитание, и прятать в запас было нечего. Кроме того, пещерный человек был слишком беспечен, чтобы думать о завтрашнем дне. Когда ему удавалось раздобыть сразу много мяса или рыбы, он по нескольку дней не выходил из пещеры и пировал до тех пор, пока у него оставался хоть один кусок дичины.

Так случилось и теперь. Старшие ушли в лес на охоту только тогда, когда в пещере уже не оставалось почти ничего съестного. Немудрено, что на четвертый день их отсутствия обитатели пещеры начали глодать уже обглоданные раньше и брошенные в золу кости.

Старейший приказал Рюгу собрать все эти кости и перетолочь их на камне. Потом Рюг вооружился каменным скребком и принялся

соскребывать горькую обуглившуюся кору с побегов папоротника, собранных когда-то маленьким Ожо.

Девочки, Маб и Он, стойко, без жалоб и стенаний переносившие голод, получили приказание зашить рваные меха — запасную одежду семьи.

Одна прокалывала костяным шилом дырочки в разорванных краях жирных шкур, другая продевала в эти дырочки при помощи довольно тонкой костяной иглы, очень похожей на нашу штопальную, жилы и сухожилия животных. Они так увлеклись этой трудной работой, что забыли на время терзавший их мучительный голод.

Остальные дети, по приказу Старейшего и под его наблюдением, чинили оружие; даже из самых мелких кремней старик учил изготовлять наконечники для стрел.

Ожо, несмотря на суровую погоду, послали за желудями. Это было не слишком приятное занятие. Когда снег покрывал землю, на поиски желудей выходили опасные соперники человека — голодные кабаны.

Но Ожо не боялся встретиться с ними. Он не хуже Крека лазил по деревьям, и в случае опасности сумел бы вмиг вскарабкаться на ветки.

Впрочем, время от времени Рюг-большеухий выходил взглянуть, где Ожо и что с ним.

Рюг взбирался по тропинке, которая поднималась зигзагами от пещеры к вершине холма, и издали ободрял маленького братишку. В то же время он чутко прислушивался.

Но всякий раз ветер доносил до него только шум леса. Как ни настораживал Рюг свои большие уши, он не слышал шагов охотников.

День близился к концу, и никто уже не надеялся увидеть сегодня охотников. Постепенно всеми овладело тупое, мрачное отчаяние.

Чтобы как-нибудь подбодрить наголодавшихся обитателей пещеры, Старейший приказал всем идти в лес, на вершину холма, и, пока еще не наступила ночь, поискать какой-нибудь пищи.

Быть может, вместе со старшими дети скорее найдут в этом уже не раз обысканном лесу что-нибудь съедобное — натеки древесного клея, зимних личинок, плоды или семена растений.

Все безропотно повиновались приказу Старейшего; казалось, у многих пробудилась надежда.

Женщины взяли оружие, дети захватили палки, и все ушли.

Один Крек остался у костра, гордый оказанным ему доверием. Он должен был до самого вечера поддерживать огонь на очаге и поджидать возвращения маленького Ожо.

ГЛАВА IV

Долг и голод

Крек довольно долго сидел на корточках перед очагом, усердно поддерживая огонь и занимаясь ловлей отвратительных насекомых, бегавших по его телу. Внезапно у входа в пещеру, усыпанного мел-

кими камнями и ракушками, послышались легкие и быстрые шаги.

Крек повернул голову и увидел запыхавшегося Ожо. Глаза Ожо сияли от радости: он тащил за хвост какое-то животное вроде большой черноватой крысы.

Это была пеструшка, предок тех самых пеструшек, которые и теперь еще населяют равнины Сибири.

— Посмотри, это я ее убил,— кричал Ожо,— я один! Крек, я буду охотником!

Он бросил зверька к ногам брата и, не замечая, что, кроме Крека, в пещере никого не было, громко закричал:

— Скорей, скорей! Идите за мной! Сейчас же! Их еще много там, наверху. Мне одному их не догнать, но если мы пойдем все вместе, мы их переловим и поедим вволю сегодня вечером. Ну, живо!

— Не кричи так громко. Разве ты не видишь — все ушли в лес,— остановил его Крек.— Остался только один я. Что, ты ослеп, что ли?

Ожо оглянулся — брат говорил правду. Ожо растерялся. На пути домой он так ясно представлял себе, как все обрадуются его добыче. «Даже Старейший,— думал он,— похвалит меня». И вдруг — в пещере один Крек, да и тот чуть ли не смеется над ним.

Но надо было спешить, иначе великолепная добыча могла ускользнуть от них. И Ожо принялся торопить брата. Стоило только подняться к опушке дубового леса, чтобы убить много пеструшек. Крек встрепенулся и вскочил на ноги.

— Живей! — крикнул он.— В дорогу!

Принести в пещеру много пищи да еще в такой голодный день! Крек схватил тяжелую палку и бросился вслед за братом.

Но вдруг он вспомнил об огне и остановился в нерешительности.

— Иди же,— торопил Ожо с порога пещеры.— Иди, а то поздно будет. Я видел маленькую стаю у Трех Мертвых Сосен. Мы еще захватим их там, если поторопимся. Ведь я прибежал сюда бегом.

— А огонь, Ожо? — воскликнул Крек.— Смотри, он только что весело потрескивал, а теперь уже потухает. Ведь его все время нужно кормить.

— Ну, так дай ему поесть,— ответил мальчик.— Дай ему побольше еды. Мы не долго будем охотиться. Он не успеет всего пожрать, как мы уже вернемся.

— Ты думаешь, Ожо?

— Ну конечно. Мы дойдем до прогалины у Трех Мертвых Сосен и быстро вернемся назад. Вдвоем мы набьем много зверьков. И там, наверху, мы напьемся их теплой крови.

Бедный Крек колебался. Напиться теплой крови было очень заманчиво — голод так жестоко терзал его. Крек стоял и раздумывал. Пожалуй, Ожо прав: если подбросить побольше ветвей, огонь, наверное, не погаснет. Они скоро вернутся и принесут много еды. А в пещере все чуть ли не умирают от голода. Матери и сестры так измучены... Крек больше не колебался.

Он подбросил немного дров в огонь и в два-три прыжка нагнал Ожо.

Мальчики скоро добрались до вершины холма. Оттуда они пустились бежать к прогалине у Трех Мертвых Сосен.

Это место легко было узнать по трем громадным соснам. Они давным-давно засохли, но все еще стояли, протягивая, словно гигантские костлявые руки, свои голые ветви. Здесь, у сосен, мальчики увидели, что папоротники и высокая желтая трава у корней деревьев сильно колышутся. Это казалось странным, потому что ветер совсем стих.

— Вот они! — прошептал Ожо, дрожа и волнуясь, на ухо Креку.— Вот они... Это они колышут траву. Нападем на них!

Братья кинулись вперед с поднятыми палками и в несколько прыжков очутились среди животных, которые бесшумно двигались в траве. Мальчики стали наносить удары направо и налево, стараясь перебить как можно больше зверьков.

В пылу охоты маленькие охотники позабыли о времени и совсем не замечали, что творилось вокруг. Между тем в соседних лесах раздавался вой и рев. Тысячи хищных птиц, оглушительно каркая и крича, кружились над головами Крека и Ожо.

Изнемогая от усталости, еле шевеля руками, братья на минуту приостановили свою охоту. Оглянулись и прислушались. Со всех сторон до них доносился визг, вой. Повсюду, насколько хватало глаз, трава колыхалась и дрожала, словно волны зыбкого моря. Стаи пеструшек все прибывали. Вместо прежних сотен кругом были уже десятки тысяч зверьков.

Крек и Ожо поняли (им случалось и раньше,— правда, издали,— видеть нечто подобное), что они попали в самую средину огромного полчища переселяющихся крыс.

В приполярных тундрах даже и в наше время удается иногда наблюдать переселение житников и пеструшек. Ничто не может остановить движение этих мелких зверьков. Они преодолевают все препятствия на своем пути, переплывают реки и покрывают несметными стаями громадные пространства.

Положение Крека и Ожо стало не только затруднительным, но и опасным. Оживление первых минут охоты исчезло; его сменили страх и усталость. К несчастью, мальчики слишком поздно поняли, как неосторожно они поступили, бросившись очертя голову в стаю переселяющихся крыс.

Со всех сторон их окружали несметные полчища грызунов. Напрасно братья снова взялись за оружие: на смену убитым крысам тотчас появлялись новые. Задние ряды напирали на передние, и вся масса продолжала нестись вперед, словно живая и грозная лавина. Еще немного — и грызуны нападут на детей. Зверьки с отчаянной смелостью бросались на маленьких охотников, их острые зубы так и впивались в босые ноги мальчиков. Братья в испуге кинулись бежать. Но зверьки двигались сплошным потоком, ноги мальчиков скользили по маленьким телам. Каждую минуту дети могли оступиться и упасть.

Они остановились. Упасть — это умереть, и умереть страшной смертью. Тысячи крыс накинулись бы на них, задушили и растерзали бы их.

Но в эту минуту Крек взглянул на мертвые сосны, вблизи которых они стояли. Счастливая мысль внезапно пришла ему в голову: стоит добраться до этих могучих деревьев, и они будут спасены.

И маленькие охотники, несмотря на усталость и жестокие укусы крыс, снова пустили в дело свои палки. С огромным трудом им удалось наконец пробиться к подножию сосен. Тут Крек подхватил Ожо к себе на спину и ловко вскарабкался по стволу.

Несколько сотен зверьков кинулись было вслед за ними, но их сейчас же опрокинули и смяли задние ряды.

Крек посадил Ожо на один из самых крепких и высоких суков и, все еще дрожа от страха, огляделся вокруг.

Далеко-далеко, куда только ни достигал взгляд, земля исчезала под сплошным покровом черных и серых крыс. От высохшей травы не осталось и следа. Передние стаи все пожрали.

Стремительное движение пеструшек не прекращалось ни на минуту и грозило затянуться на всю ночь. Ожо, чуть живой от страха и холода, крепко прижимался к брату. Не то было с Креком. Едва он почувствовал себя в безопасности, как самообладание и смелость вернулись к нему. Он зорко оглядывался кругом и отгонял палкой хищных птиц, которые сопровождали полчища пеструшек. Эти птицы сотнями опускались на ветви мертвой сосны рядом с детьми, оглушая их своими дикими криками.

К ночи над равниной разостлалась пелена ледяного тумана. Но еще прежде, чем он успел сгуститься, мальчики заметили неподалеку от своего убежища громадного черного медведя.

Могучий зверь, попав в поток движущихся крыс, сам, казалось, находился в большом затруднении. Он яростно метался из стороны в сторону, поднимался на задние лапы, прыгал и жалобно рычал.

— Брат,— сказал Крек,— видно, нам не вернуться сегодня вечером в пещеру. Уже темно, ничего не разглядеть, но я по-прежнему слышу сильный и глухой шум. Это крысы. Им нет конца! Мы, наверное, останемся здесь до утра.

— Что ж, подождем до утра,— решительно ответил маленький Ожо.— У тебя на руках мне не холодно и не страшно, и я не голоден.

— Спи,— ответил Крек,— я буду тебя караулить.

Младший брат скоро заснул, а Крек сторожил его. С мучительной тоской думал он об огне, о нетерпеливом и прожорливом огне, который он так легкомысленно оставил без всякого призора. Огонь, конечно, погас, погас раньше, чем вернулись отцы или Старейший.

ГЛАВА V

Огонь погас

Что же делали остальные обитатели пещеры, пока Крек, разоритель гнезд, вместе с маленьким братом воевал с легионами пеструшек? Мы помним, что Старейший повел женщин и детей в лес на поиски пищи.

Едва они начали собирать сухие плоды буковых деревьев, как где-то далеко, очень далеко, в туманной дали, среди безлистных деревьев послышались глухие шаги.

Старейший, приложив пальцы к губам, приказал своим спутникам хранить глубокое молчание и стал прислушиваться. Но вскоре лицо его прояснилось.

Рюг-большеухий припал к земле и, зарывшись с головой в траву, вслушивался.

— Ну, Рюг? — спросил старик.

— Идут люди, много людей.

— Это наши. Тревожиться не о чем.

Крик радости вырвался у женщин и детей, но старик остановил их.

— Прислушайтесь! — Продолжал он.— Охотники идут медленно и ступают тяжело. Значит, они несут какую-нибудь ношу. Что они несут? Быть может, раненого? Или тащат на плечах тяжелую добычу? Сейчас мы это узнаем.

Звук шагов, между тем, с каждой минутой становился все явственнее и явственнее. Наконец вдали показалась группа людей.

Зоркие глаза женщин сразу распознали мужей и братьев.

— Это наши, наши! — закричали они.

При этом известии дети запрыгали от радости. Но Старейший сурово приказал им стоять смирно.

Затем он двинулся навстречу прибывшим, потрясая чем-то вроде начальнического жезла, сделанного из оленьего рога. Ручка его была покрыта рисунками, изображающими диких зверей.

Охотники приветствовали старика протяжными дружественными криками.

Они рассказали Старейшему о своих странствиях по лесам, а он поведал им, что за это время произошло в пещере.

Охотники принесли часть туши молодого северного оленя и половину лошади. Это было все, что им удалось добыть. Дичи стало гораздо меньше: уж очень много гонялось за ней охотников соседних племен. С такими охотниками повстречались обитатели пещеры и даже вступили с ними в бой. Но враги бежали после первой же схватки. Никто из жителей пещеры не погиб.

Только у некоторых охотников на коже виднелись царапины и ссадины, запекшиеся кровавые рубцы. Другие прихрамывали и шли, опираясь, вместо костыля, на сломанный сук.

Наконец охотники приблизились настолько, что можно было расслышать их голоса. Тогда матери подняли детей на руки и, храня молчание, почтительно склонились перед мужьями и братьями.

Прибывшие, несмотря на усталость, дружескими жестами ответили на этот безмолвный привет.

Старейший рассказал охотникам, что обитатели пещеры без малого четыре дня почти ничего не ели, и предложил тут же раздать всем по небольшому куску мяса, а остальное спрятать до завтра и испечь в золе.

Часть молодой оленины немедленно разделили на куски. Однако куски были неодинаковые: охотники захватили себе лучшие, а мате-

рям и детям достались похуже. Но они и этому были рады. Получив свою долю, они уселись подальше от мужчин.

Как только Старейший подал знак, все жадно накинулись на мясо, разрывая его руками и глотая огромные куски.

Старейший получил самый почетный и лакомый кусок — содержимое оленьего желудка. Это было отвратительное пюре из полупереваренных трав, но у охотничьих племен оно и поныне считается самым изысканным блюдом.

Старик старался есть медленнее, смакуя, как истый знаток, странное рагу, принесенное ему сыновьями. Но как только он замечал, что никто не глядит на него, он начинал совать в рот кусок за куском с безудержной прожорливостью самого жадного из своих правнуков. Старейший был голоден, и в эту минуту он не мог думать ни о чем, кроме еды. Разве не приятно было чувствовать, как утихает голод с каждым новым проглоченным куском? И он позабыл о двух отсутствующих на этом пиру — о Креке и Ожо. А ведь старик любил Крека больше других детей.

Но вот последние крохи были съедены, и люди начали подумывать о возвращении в пещеру. Охотники, сытые и усталые, заранее предвкушали ту блаженную минуту, когда они улягутся на теплой золе или на шкурах под сводами старой пещеры. Еды у них хватит на день или на два.

Такие беззаботные дни редко выпадали на долю первобытных людей. Такие дни — высшая награда и величайшая радость для тех, кто жил в непрестанной и жестокой борьбе со стихиями.

В эти дни полного спокойствия, бездействия, сытости люди набирались сил для новых охотничьих странствий, всегда опасных и трудных.

Они отдыхали после утомительных, долгих скитаний по лесам, где всегда можно было встретить свирепого зверя или попасть в засаду к враждебному племени. Лениво растянувшись на шкурах, охотники дремали или беззаботно болтали.

Чаще всего они толковали о приключениях, случившихся во время охоты, или вспоминали о встрече с редким животным, попавшимся в лесной чаще. У каждого находилось что рассказать и чем похвастать.

Иногда какой-нибудь охотник брал кость или плоский камень и на нем острым резцом выцарапывал охотничьи сцены, животных — словом, все, что запомнилось ему или удивило его. Конечно, эти рисунки на камне или кости были очень грубыми, неумелыми. Но порой первобытный художник так живо и верно изображал животных, что мы и теперь восхищаемся искусством этих далеких мастеров.

Охотники, утолив терзавший их голод, заторопились домой. Но они так устали, что подвигались вперед очень медленно.

Уже наступила ночь, когда они подошли к пещере. Обычно еще издали они замечали красноватые отблески пламени, озарявшие приветливым светом вход в их подземное жилище. Но на этот раз вход был погружен в глубокий мрак. Свет — веселый, бодрящий, ласковый свет — исчез.

Отряд остановился у подножия скалы. Старейшины стали совещаться.

«Что здесь случилось без меня?» — подумал Старейший и тихо сказал своим спутникам:

— Хранителем огня сегодня остался Крек. Предупредим его о нашем приходе.

Один из охотников взял костяной свисток, висевший у него на шее, и пронзительно свистнул.

Но никто не откликнулся.

— Значит,— прошептал Старейший, и суровое сердце его дрогнуло,— значит, Крек умер. Наверное, на мальчиков напали. Или они убиты, или уведены в плен каким-нибудь бродячим племенем.

— Нет,— возразил один из старейшин,— уже давно поблизости не встречался ни один чужеземный охотник. Крек и Ожо просто заснули.

— Поднимемся в пещеру,— сурово промолвил Старейший.— Если они заснули, они будут жестоко наказаны.

— Смерть им, смерть! — раздались свирепые голоса.

— Смерть, если, на горе нам, огонь погас! — Неужели они лишились огня? Сначала охотники лишь удивились и встревожились, заметив отсутствие красных отблесков у входа в пещеру. И только теперь бедняги ясно представили себе, какие страшные несчастья сулит им потеря огня.

Что за беда, если дети погибли,— ведь пользы от них мало, а кормить их все-таки надо.

Но если погас огонь — огонь-утешитель, который так весело потрескивал на очаге... Мысль об этом приводила в трепет самого мужественного охотника.

Если огонь умер, люди тоже умрут. Они знали, чувствовали это. Как они тосковали по огню во время своих охотничьих странствий! Но ведь тогда они разлучались с ним ненадолго. Но теперь... теперь огонь покинул их навсегда. Значит, они неизбежно погибнут.

Никогда они не попадали в такое ужасное положение.

Огонь, верный и жаркий огонь, жил в пещере много лет. Никто не знал, кто и когда занес огонь в их жилище...

Летом трава и деревья иногда загорались от молнии, падавшей с неба, как утверждали опытные охотники.

Но как быть зимой? Идти к соседям просить, как милости, горящую головню? Но чаще всего окрестные племена, укрывавшиеся по неведомым тайникам, сами сидели без огня, а те, у кого в жилище пылало благодетельное пламя, те ни за что не согласились бы поделиться этим неоценимым сокровищем.

— Вперед! — приказал Старейший дрожащим голосом.

Уже не раз Гель и Рюг доносили старейшинам, что стая громадных гиен, привлекаемая запахами гниющих отбросов, бродит по ночам около входа в пещеру. Только свет костра удерживал их на почтительном расстоянии.

Но теперь огонь угас, и эти отвратительные животные могли забраться внутрь пещеры, поэтому охотники поднимались по ступе-

ням молча и осторожно, с рогатинами наготове, оставив женщин и детей внизу, у подножия скал.

Но пещера была пуста, со стен ее веяло ледяным холодом. Охотники ощупью обшарили жилище; они перебирали угли очага, с надеждой ощупывали золу. В середине куча была еще тепловатой...

Напрасно Гель, бросившийся на золу ничком, дул изо всей силы, пытаясь разжечь тепловатые угли,— ни одна искорка не вспыхнула.

Огонь потух, потух навсегда, а Крек и Ожо исчезли! Эту зловещую весть принес Гель матерям и детям; Старейший послал его передать приказание идти в пещеру.

Наконец все собрались вместе. Никто не мог больше сдерживать громких рыданий. Кто упал в горе на землю, кто остался стоять. Но все они были потрясены, подавлены...

Когда прошел первый взрыв горя, измученные люди забылись тяжелым сном. Но и во сне они стонали и вздрагивали. Только Старейший, Рюг-большеухий и Гель-рыболов бодрствовали во тьме. Юноши должны были вплоть до самого рассвета сторожить вход в пещеру.

Всю ночь Старейший просидел возле холодного очага. Как возродить огонь, как вернуть его в пещеру? Но напрасно он рылся в смутных обрывках давних воспоминаний. Он был стар, его память ослабла и не могла подсказать ему, как искать спасения от мрака и стужи, воцарившихся отныне в пещере.

ГЛАВА VI

Осуждение

Когда серый рассвет медленно разогнал темноту, покрывавшую землю, Крек открыл глаза и немало удивился, увидев себя на дереве. Впрочем, он сразу все припомнил, взглянул на братишку, спавшего у него на руках, и быстро перевел глаза на равнину, расстилавшуюся под ними.

Все видимое пространство, вплоть до темной опушки леса, казалось безжизненной пустыней. Земля была совсем голой, нигде ни былинки.

Крысы исчезли, а с ними исчезла и опасность.

Крек растолкал брата, и оба мальчугана, продрогшие за ночь, быстро спустились на землю.

Они думали только о том, как бы скорей добраться до пещеры и отдать богатую добычу. Быть может, этим они вымолят себе прощение за долгое отсутствие.

Ожо беззаботно смеялся. Но Крек сознавал свою вину, и сердце его трепетало от страха.

Они подобрали убитых накануне животных и постепенно двинулись в путь. Спускаясь по тропинке с утеса, Крек разогрелся от быстрой ходьбы, но стоило ему подумать о своем проступке, как кровь холодела у него в жилах.

Рюг-большеухий первый услышал и увидел с порога пещеры

несчастных охотников, которых он считал навеки погибшими. Он предупредил Геля и кинулся им навстречу.

Дети тут же объяснили ему, что с ними случилось и почему они провели ночь в лесу.

— Да, конечно,— проворчал добродушный Рюг.— Вы хотели помочь нам всем. Старейший, быть может, простил бы вас. Но вернулись отцы, и гнев их беспощаден. Они нашли пещеру покинутой и огонь потухшим. Это твоя вина, Крек. Теперь вы погибли, несчастные!

— О Рюг! Что с нами сделают?

— То, что делают с оленями и лошадьми, когда их окружат и поймают.

— Нас убьют?

— Таков обычай.

Крек опустил голову на грудь. Ожо принялся горько плакать. Они понимали, что такое смерть.

— Спрячьтесь в лесу, подальше отсюда,— уговаривал Рюг детей, тронутый их горем.— Идите по направлению к восходу солнца и каждый день трижды стучите по стволам деревьев — поутру, в полдень и вечером. Я услышу вас, открою ваше убежище и принесу вам еду и одежду.

— Бежим!..— сказал Ожо, пытаясь увлечь Крека.

— Стойте!..— послышался вдруг совсем близко прерывающийся голос; это был голос Старейшего.

Рюг и дети, захваченные врасплох, упали на колени с мольбой протягивая руки.

— Гель сказал мне, что вы идете в пещеру и что Рюг побежал вам навстречу,— сказал старик.— Я пошел вслед за Рюгом. Я слышал, что вам советовал Рюг. Теперь уже поздно бежать. Я поймал вас. Наказание справедливо и заслуженно! Вас ждут! Идемте!

— Сжалься над нами, Старейший!..— молили дети.

— Ожо не виноват, отец! — горячо вступился за брата Крек.

Но старик, не слушая его, продолжал — на этот раз с грустью в голосе:

— Крек! Как я верил в тебя! Я любовался твоим мужеством, твоим послушанием, твоей ловкостью и находчивостью. Я сделал бы из тебя охотника, не знающего соперников. А ты? Что ты сделал? Ты убил нашего благодетеля, ты убил огонь. Ты обрек всех нас на смерть от свирепого холода. Ты должен умереть прежде всех.

— О Старейший, сжалься! Я узнал...

— Твоя вина слишком велика. Огонь, великий друг наш огонь, погас! И ты виноват в этом. Молчи, не оправдывайся. Это не поможет тебе. Иди за мной. А ты, Рюг, не проси меня за них. Вперед! Пусть наши охотники не увидят презренных трусов, которых не стоит даже выслушать.

Несчастные дети с замирающим сердцем спустились по той самой тропинке, по которой еще вчера подымались так весело.

От тоски и страха им стало жарко, но когда они вошли в пещеру, ужасный холод, сменивший былое тепло, сразу пронизал их.

Все были в сборе, но в пещере царила полная тишина. Глубокое

отчаяние заставляло всех клонить голову к земле и сдавливало им горло. Это было ужасно!

Мальчики ожидали услышать страшные проклятия. Они приготовились стойко перенести их, а вместо того... Это безмолвное отчаяние взрослых было ужаснее самых яростных угроз.

Вокруг потухшего очага сидели старейшины. Время от времени они почтительно притрагивались к золе, точно касались тела друга, в смерть которого не хочется верить. Волосы у них, обычно связанные в пучок на макушке, были теперь распущены и падали в беспорядке по плечам в знак глубокой печали. Многие плакали.

Слезы, катившиеся по щекам воинов, потрясли бедного Крека. Он понял, что погиб. Ожо, весь дрожа, искал глазами в глубине пещеры свою мать.

Но он не нашел ее среди женщин, неподвижно стоявших позади охотников. Тогда он сжал руку брата и закрыл глаза.

— Вот дети,— сказал Старейший.

Сдержанные рыдания послышались среди женщин.

— Пусть говорят, мы слушаем,— пробормотал начальник, самый важный после Старейшего.

Крек рассказал все, что с ними случилось, почему они не могли вовремя вернуться в пещеру. Он пробовал разжалобить стариков.

— Мы надеялись раздобыть много пищи для всех,— задыхаясь, закончил мальчик свой рассказ,— и только потому я покинул пещеру. Уходя, я позаботился о том, чтобы огонь не погас, а прожил бы до нашего возвращения.

— Огонь умер...— проворчал один начальник.— И пусть он будет отомщен!

Крек и Ожо растерянно озирались кругом. Дикие крики, взывавшие о мести, становились все громче и громче. Напрасно братья искали проблеска жалости на лицах старейшин и охотников. Все лица были искажены отчаянием и яростью, во всех взглядах светилась свирепая решимость.

Старший начальник встал, подошел к детям, схватил их за руки и громко крикнул:

— Старейшины говорят: огонь умер. Изменники должны тоже умереть. На колени! А вам, отцы, матери и дети, да будет их судьба уроком.

Он занес над головой маленьких преступников тяжелый каменный топор. Но Крек вырвался из его рук и упал на колени перед Старейшим.

— О Старейший! — воскликнул он дрожащим голосом.— Огонь умер, и я убил его; я заслуживаю смерти. Но ты... ты знаешь столько тайн, ты был другом Фо-чужеземца... Разве ты не можешь сделать то, что делал Фо-чужеземец?

— Фо-чужеземец?.. О чем ты говоришь? — пробормотал с удивлением старик.— Я забыл это имя.

— Старейший, ты не помнишь Фо-чужеземца? Он добрался до нашей пещеры весь израненный, полуживой. Он один уцелел после какого-то страшного боя. Начальники позволили ему поселиться

рядом с нами. Он прожил недолго. Он стал твоим другом, ты можешь сделать то же, что делал он.

— Что же делал Фо-чужеземец? — быстро спросил Старейший.— Я вспомнил теперь его, но я не знаю, что он мог сделать. Говори! А вы, сыны мои,— прибавил старик,— подождите наказывать его.

Мрачное судилище безмолвствовало, и это молчание было ответом на просьбу Старейшего.

Крек собрался с духом и, крепко прижав руку к сердцу, снова заговорил, обращаясь к старику:

— Ты позволил мне говорить, Старейший! Разве Фо-чужеземец не открыл тебе своей тайны? Так узнай же все, что я сам видел своими глазами.

— Что же ты видел, какие тайны открыл тебе Фо-чужеземец? Говори скорей, и пусть никто не осмелится перебить тебя.

— Однажды, Старейший,— начал свой рассказ Крек,— я бродил по соседним пещерам и, как всегда, переворачивал камни, чтобы найти каких-нибудь животных, которые часто прячутся под ними. Один камень оказался очень тяжелым. Я долго возился с ним. Но когда в конце концов я перевернул его, то нашел под ним странные, невиданные вещи. От удивления я вскрикнул. Фо-чужеземец услыхал мой крик и подошел ко мне. «Это мое,— сказал он.— Никогда не смей говорить о том, что видел, или я убью тебя!» Потом он прибавил: «Когда для меня наступит время уйти в ту страну, откуда никто не возвращается, я оставлю вещи Старейшему в благодарность за то, что он разрешил мне поселиться с вами. Но до тех пор пусть он ничего не знает. Молчи, ты в этом не раскаешься!»

«Впрочем,— сказал мне Фо-чужеземец,— раз ты открыл мое сокровище, то узнай, для чего оно служит». Он взял короткую очень твердую палку с дырочкой посередине, потом вставил в дырку конец маленькой палочки и принялся быстро вертеть ее между ладонями рук. Скоро из дырочки показались дым, потом пламя, оно зажгло сухой мох... Вот что я видел.

Пока Крек говорил, лица суровых воинов выражали величайшее удивление и напряженное внимание. Даже Старейший не в силах был сдержать волнение и сохранить невозмутимый вид.

Мальчик смолк. Старейший вздохнул полной грудью и сказал, точно самому себе:

— Крек, сердце мое полно радости и надежды. Фо-чужеземец умер, но не открыл мне своей тайны. Но теперь словно свет просиял в темной бездне моей памяти. Теперь я все понимаю. Тайну Фо знали мои предки, но сам я не был посвящен в эту великую тайну. Если ты сказал правду и мы найдем в пещере сокровища чужеземца Фо, мы будем спасены. Огонь снова оживет, веселый и ласковый, он снова будет оберегать нас. Быть может, тебя простят...

— Да будет так,— сказал старший начальник.— Пусть дети выйдут из пещеры и подождут под надзором Рюга.

Рюг, очень довольный в душе, уже хотел увести мальчиков, но Старейший снова обратился к Креку:

— Почему ты мне раньше не сказал об этом?

— Прости, если я худо сделал, Старейший,— ответил Крек,— но ведь я обещал молчать. Я думал — тебе давно известна тайна! Это было так давно, я забыл об этом. Хорошо, что я сейчас вспомнил о Фо-чужеземце. Иначе мне пришлось бы умереть.

— Что сталось с вещами чужеземца Фо?

— Не знаю. Я ни разу не осмелился пойти туда, где их нашел. Они, наверное, и теперь там, если только чужеземец не поломал их.

— Хорошо, Крек,— ответил старик.— Хорошо, надейся. И ты, Ожо, утри слезы. Рюг! Ты останешься с детьми. Понимаешь?

— Понимаю и повинуюсь.

Старейший с волнением, которое напрасно старался скрыть, поглядел вслед детям.

В наши дни очень многие дикари пользуются двумя палочками для добывания огня. При трении сухое дерево постепенно нагревается, начинает дымиться и в конце концов загорается.

Но в те незапамятные времена, когда жили Фо и Крек, только очень немногие люди умели добывать огонь трением. Эти счастливые избранники ревниво оберегали от всех окружающих свой драгоценный секрет: это давало им огромную власть над остальными людьми.

Без сомнения, Фо-чужеземец скрывал свою тайну, надеясь с ее помощью завоевать себе почетное место среди обитателей пещеры. Но огонь в пещере горел непрерывно, и Фо так и не представилось случая проявить свое искусство. Перед смертью он не успел открыть свой секрет Старейшему и, наверное, унес бы свою тайну в могилу, если бы Крек случайно не поднял камня.

Убедившись, что дети находятся неподалеку от входа в пещеру, старик вместе с сыновьями отправился к месту, где жил Фо-чужеземец.

Крек сказал правду: под камнем лежали разные вещи чужеземца — прозрачные камни, просверленные посредине, куски янтаря и агата и две драгоценные палочки. Старейший жадно схватил их и пошел обратно в пещеру.

Он сел, взял короткую твердую палку с дырочкой, положил ее под ноги, вставил в дырочку конец другой палочки и принялся быстро вертеть ее между ладонями.

Охотники обступили старика и не отрываясь следили за каждым его движением. Скоро из дырочки показался легкий дымок. Толпа охотников еще плотнее сомкнулась вокруг старика. Через головы и плечи друг друга неотступно глядели они на волшебные палочки. Наконец показался легкий дымок, и клочок сухого мха вспыхнул. Огонь воскрес!

Толпа ахнула, послышались восторженные восклицания. Старейший схватил клочки горящего мха и перенес их на очаг. Вскоре затрещали мелкие сучья.

Очаг ожил, и ожили сумрачные лица охотников. Кое-кто бросился к сваленным в беспорядке тушам — добыче последней охоты. Им не терпелось отведать горячего мяса. Но воины сурово остановили их.

— Еще не время,— строго сказал Старейший.— Огонь воскрес, в пещере снова будет тепло и светло. Теперь нам нужно решить, что делать с осужденными.

Между тем виновные молча, закрыв лица руками, сидели неподалеку от входа, ожидая приговора.

Рюг наблюдал за ними, не говоря ни слова.

Старейшины долго совещались. Наконец старик вышел из пещеры и направился к детям. Его морщинистое лицо было мрачно.

Рюг молча, с тревогой смотрел на старика, как бы спрашивая его о судьбе мальчиков. Старейший сказал:

— Огонь снова горит. Ожо может вернуться в пещеру. Его прощают, он еще мал.

— О, благодарю! — весело воскликнул маленький Ожо. Но сейчас же прибавил с отчаянием в голосе:

— А он, Старейший? Что же он?

Ожо повернулся к Креку, ласково гладя его по плечу.

— Креку дарована жизнь. Но старейшины вынесли такой приговор: кто хоть однажды изменил своему долгу, тот и позднее может снова изменить ему. Никто не может более доверять Креку. Он должен уйти. Пусть он уходит.

— Ужасно! — воскликнул Рюг.

— Молчи, Рюг. Старейшины решили: Креку дадут оружие, одежду и еду. Сегодня же до заката солнца он уйдет далеко отсюда.

Стон Крека прервал его речь. Старик тяжело вздохнул и продолжал:

— Вы с Гелем укажете изгнаннику дорогу к соседним племенам. Никто не хочет, чтобы он заблудился в лесу или сделался добычей зверей. Завтра на заре вы вернетесь в пещеру.

— О Старейший, это ужасно! — пробормотал Рюг.— Ведь Крек так молод...

— Молчи, Рюг. Как ты смеешь роптать! Даже мать Крека не осмелилась возражать. Молчи и сейчас же ступай к твоим повелителям. Они ждут тебя, чтобы дать последние указания. Ты, Ожо, иди за ним. Ну, убирайтесь!

Рюг молча повиновался. За ним, спотыкаясь, побрел и Ожо,— мальчик ничего не видел сквозь слезы.

— Старейший! — воскликнул Крек, когда они ушли.— Неужели я не увижу тебя больше? Никогда не увижу?

— Никогда, Крек, никогда. Но не забывай моих уроков и советов. Я сделал все, чтобы из тебя вышел ловкий, отважный и находчивый охотник. Ты должен мужественно встретить беду. Не плачь! Переноси несчастье храбро. Мужчина не должен плакать. Прощай!

Крек почтительно склонился перед Старейшим.

Когда он поднял голову, Старейшего уже не было. Бедный Крек, забыв последние наставления старика, упал ничком на камни и горько зарыдал, вспоминая мать, братьев и маленьких сестер, всех, кого он должен навсегда покинуть.

ГЛАВА VII

Изгнанник

Близился вечер.

Низкие черные тучи обволакивали небо. Временами накрапывал мелкий дождь. Холодный ветер, свирепствовавший весь день, утих, и полная тишина воцарилась в лесу. Ни один листок, ни одна веточка не шевелились на кронах гигантских дубов и буков. Только изредка тяжелая капля срывалась с верхушки дерева и со звоном разбивалась о нижнюю ветку или мягко падала на поросшую мхом землю. Внизу, между могучими стволами, было почти темно, и только привычный взгляд охотника мог бы различить какую-то маленькую фигурку, неслышно пробиравшуюся по зеленому мху среди необозримой лесной колоннады.

Это был Крек, несчастный изгнанник из родной пещеры.

Гель и Рюг проводили его, как им приказали, до опушки большого леса. Здесь они простились с Креком и вернулись обратно. Расставаясь с мальчиком, Гель передал ему последние наставления Старейшего: идти только при свете дня, направляясь в сторону полуденного солнца, и на ночь непременно забираться на дерево — так всего безопаснее. Но Крек, любимец Старейшего, зорко подмечал все, что происходило вокруг него, и, как все дикари, умел безошибочно определять направление. Он ничуть не боялся заблудиться в лесу, хотя был еще ребенком и находился вдали от родных.

Его тревожило совсем иное. Много опасностей таит лес, а что может сделать он один, как бы храбр и находчив он ни был? Вряд ли ему удастся добраться до одного из тех племен, к которым он направляется, чтобы просить у них приюта.

Эти мрачные мысли так взволновали Крека, что у него началась легкая лихорадка. Чтобы избавиться от нее, он на ходу вырывал и жевал лечебные коренья, как учил его Старейший.

Он шел в сгущающейся тьме, глядя в сумрачную даль и чутко прислушиваясь к каждому шороху, каждому звуку, изредка нарушавшему лесное безмолвие. То неожиданно и громко крикнет какая-нибудь птица, устраиваясь на ночлег, то заверещит мелкий зверек, попав в когти хищнику, то, наконец, с шумом упадет на землю шишка с могучей сосны.

И всякий раз Крек вздрагивал, останавливался и долго прислушивался. Но снова в лесу наступала глубокая тишина, и мальчик снова шел и шел вперед.

На плечах он нес небольшой запас провизии, а в руках крепко сжимал тяжелый топор с острым каменным лезвием. В поясе было зашито несколько кремневых ножей. Когда совсем стемнело, Крек остановился у подошвы громадной ели. Пора было устраиваться на ночлег. Крек недаром получил прозвище «разорителя гнезд»: через минуту он был уже на вершине дерева.

Он устроился поудобнее среди ветвей, достал из мешка еду и закусил. Крек не раз вздохнул, вспоминая Ожо; тот спал в пещере подле матери... Но усталость взяла свое, и Крек заснул.

Но отдыхал он недолго. Даже во сне чуткое ухо Крека уловило легкий шорох в ветвях огромного дерева. Мальчик тотчас проснулся и, сжимая в руке топор, стал тревожно прислушиваться.

Шорох повторился. Крек понял: он не один на дереве, у него появился какой-то сосед по ночлегу. Кто это мог быть?

Крек не знал, что ему делать. Спускаться вниз опасно: враг мог кинуться на него сверху. Попробовать подняться выше на гибкую верхушку,— быть может, неприятный сосед не посмеет последовать за ним?

Крек не знал точно, где укрылся враг, и боялся подставить ему для нападения бок или спину. Оставалось только одно: притаиться там, где он сидел, и приготовиться к бою. Бой, наверное, будет,— это подсказывало Креку чувство охотника.

Шорох повторился снова, еще раз и еще... И вдруг в просвете ветвей, на фоне ночного неба Крек заметил какую-то длинную тень. В ту же секунду мальчик перескочил на соседнюю ветку. Крек сам не знал, как это случилось: его воля не участвовала в этом прыжке. Его тело, повинуясь какому-то внутреннему порыву, само перенеслось на ближайшую ветку.

Все это длилось только один миг: тень прыгнула одновременно с ним; и на том месте, где он сам только что ожидал врага, Крек увидел своего соседа. Это была огромная рысь. Промахнувшись, зверь едва не сорвался с ветки и теперь висел на ней, уцепившись передними лапами и раскачиваясь всем своим длинным телом.

Крек поднял топор и со всей силы ударил могучего зверя по голове. Раздалось злобное рычание.

Крек снова замахнулся, но на этот раз удар скользнул по боку животного. Сильно качнувшись, рысь успела перескочить на соседнюю нижнюю ветку. Первая схватка между ловким мальчиком и свирепым зверем окончилась.

На дереве снова воцарилась тишина. Слышалось только прерывистое, хрипящее дыхание хищника. Рысь, видно, была тяжело ранена. Теперь Крек знал, что зверь находится под ним. Значит, можно было забраться повыше.

Но едва мальчик перескочил на ближайшую ветку, как сзади снова послышался шорох. Раненая рысь не хотела отказаться от добычи. Крек замер на месте. Зверь также притих. Крек ждал. Ни один звук не нарушал тишину ночи. Даже хриплого дыхания зверя не было слышно. Только изредка какой-то неясный шорох раздавался среди ветвей.

Тревога снова охватила маленькое сердце Крека.

Что затевал враг? Крек боялся пошевелиться. Так прошло довольно много времени.

Вдруг легкий шум раздался над головой мальчика, и тотчас огромное тело обрушилось на него сверху. Но Крек успел увернуться и укрылся за ствол. Он почувствовал только, как острые когти царапнули его руку выше локтя, и в тот же миг огромная лапа вцепилась в ветку совсем около него. Изогнувшись, почти вися на одной руке, не помня себя от страха, Крек изо всей силы ударил топором по лапе и услышал, как хрустнула под лезвием кость.

Удар был так силен, что Крек не удержал топора, и он полетел вниз. А вслед за топором, ломая мелкие ветки, среди града осыпающихся шишек, свалилась с дерева и потерявшая равновесие искалеченная рысь. Она тяжело грохнулась оземь. Обычно звери кошачьей породы легко падают и становятся на лапы. Рысь шлепнулась как тяжелый мешок: раны ее были серьезны, и она, обессиленная, рухнула на землю.

Сначала под деревом слышалась какая-то возня и подвывающее злобное рычание. Затем все стихло.

Дрожа от возбуждения и пережитого страха, Крек проворно взобрался на самую верхушку дерева. Он устроился понадежнее среди гибких, качающихся ветвей и первым делом достал из-за пояса самый большой из запасных ножей.

Теперь он снова был вооружен и мог спокойно ждать нового нападения. Но под деревом все было тихо, и в лесу воцарилось безмолвие.

Долго сидел так Крек.

Исцарапанная зверем рука сильно саднила, ему было холодно. Понемногу дремота начала одолевать его. Тогда он спустился пониже, и, угнездившись в развилине могучих ветвей, скоро заснул...

— Карр, карр,— надрывался огромный ворон, качаясь на ветке неподалеку от Крека.— Карр, карр!

Крек испуганно открыл глаза и не сразу сообразил, где он находится. Было совсем светло. Тяжелые тучи по-прежнему облегали все небо. Но ни дождя, ни ветра не было. Перегнувшись через ветви, Крек глянул вниз. Внизу, у голых корней дерева, в луже крови лежал труп его ночного врага. Какие-то пернатые хищники уже терзали его. Крек осмотрел руку. Несколько запекшихся рубцов указывали, где прошлись когти зверя. Рука слегка ныла, но Крек мог свободно двигать ею. Крек еще раз внимательно огляделся и спустился вниз.

Прежде всего он разыскал упавший во время ночной схватки топор, затем подошел к мертвой рыси. На голове ее зияла глубокая рана, правая передняя лапа была отсечена. Это было огромное великолепное животное. Встреча с таким зверем в ночную пору опасна и для взрослого охотника,— Крек имел полное право гордиться своей победой. Крек громко крикнул; это был крик торжества и победы. Он совсем позабыл о первом правиле всякого охотника — хранить в лесу глубокое молчание.

Ему ответили три далеких крика.

Удивленный Крек почувствовал, как у него забилось сердце. Но, вспомнив, что в лесу бывает эхо, он только засмеялся над своей ошибкой.

Однако следовало быть осторожнее, так поступил бы каждый истый охотник. Он схватил топор, подбежал к дереву, на котором провел ночь, прислонился к стволу и, насторожившись, быстро оглядел чащу, стараясь проникнуть взглядом в ее таинственную глубь.

Но вот опять до него донеслось три крика, на этот раз, как ему показалось, голоса раздавались ближе.

Это уже не могло быть эхо. Это кричали люди.

И в самом деле, спустя несколько мгновений в чаще послышался треск сухих сучьев под тяжелой ступней, шорох раздвигаемых ветвей, и два вооруженных подростка очутились как раз против Крека.

— Брат!..— закричали они.— Вот мы и пришли!

Ошеломленный Крек выпустил топор из рук и, весь дрожа от радости и изумления, скорей прошептал, чем сказал:

— Гель!.. Рюг!..

— Да, брат! Теперь мы тебя больше не покинем. Старейший позволил нам идти с ним и разыскать тебя.

— Старейший?..— растерянно повторил Крек.

— Да, да, Старейший,— внезапно произнес за ним знакомый голос.

Крек быстро обернулся и увидел в двух шагах от себя Старейшего с громадной волчьей шкурой на плечах. Он надевал ее только тогда, когда собирался в далекое путешествие. Он был в полном вооружении, а лицо его было разрисовано белыми полосами, сделанными мелом, как полагается начальнику племени.

В руках старик держал свой жезл из резного рога северного оленя.

Крек преклонил колени.

— Старейший! — сказал он.— Ты не покинул меня... Благодарю тебя!

— Помнишь, Крек, ты не оставил твоего престарелого наставника на берегу реки, когда на нас надвигались ужасные чудовища. Я вспомнил это и, видишь, я здесь. Я навсегда покинул пещеру. Я никогда не расстанусь с тобой и с этими двумя храбрецами — Гелем и Рюгом,— они упросили меня взять их с собой.

— Но что это? — продолжал старик, глядя на мертвого зверя, распростертого у корней ели.— Неужели ты убил его?

Предшествуемый Гелем и Рюгом, он приблизился к рыси, лежавшей на земле.

Пока Крек рассказывал о ночной битве, а Рюг-большеухий внимательно слушал, Гель вытаскивал из лыковых плетушек пищу для утренней трапезы.

Когда Крек кончил свой рассказ, все принялись за еду.

— Сегодня вечером,— сказал ему старик,— тебе не придется, как птице, забираться на ветку из страха перед дикими зверями. На ужин у нас будет жареное мясо. Я унес с собой «огненные палки». В пещере огонь долго еще не погаснет. А мы каждый вечер станем зажигать огонь и по очереди будем спать на земле под его надежной охраной.

После завтрака старик помог Креку снять шкуру с убитой рыси. Затем все двинулись в путь, в далекий, неведомый мир. Старик шел размеренным твердым шагом, а дети — легко и весело.

Первый день прошел для четырех друзей мирно, без всяких приключений, если не считать погони за маленькой лисицей; ее кровь охотники выпили на одной из остановок.

ГЛАВА VIII

В неведомый мир

За первыми днями пути последовало еще много других дней, то пасмурных и дождливых, то светлых от падающего снега; но солнце показывалось редко. Старейший с внуками все продолжал идти через леса, равнины и горы в сторону полуденного солнца.

Ни один день не проходил без того, чтобы Крек не получил от Старейшего или братьев какого-нибудь полезного урока.

Он научился распознавать крики, пение, свист, рычание,— словом, все голоса земли и живых существ, ее населяющих.

Природа была для него чудесной школой, а строгими учителями — нужда и лишения и иногда долголетний опыт Старейшего.

Крек узнал всякие хитрости и уловки, какие применяются на охоте за разными животными; умел ставить западни, осторожно обходить зверя, угадывать, в какую сторону кинется испуганное животное.

Он был моложе своих братьев, но бегал, прыгал, лазил, плавал и нырял гораздо лучше их.

Еле заметные следы животных, самые легкие царапины маленьких когтей где-нибудь на коре дерева никогда не ускользали от его острого взгляда.

Он умел подстеречь и схватить рыбу так же ловко, как Гель; слух теперь у него был не хуже, чем у Рюга, а обоняние так остро, что он издали мог предсказать, какое животное приближается к ним.

Но Крек никогда не кичился своим превосходством, не хвастался своими знаниями. Он всегда был готов учиться и внимательно слушался каждого слова Старейшего.

Это был все тот же скромный и терпеливый мальчик. Он попрежнему восхищался старшими братьями и глубоко почитал своего учителя. Правда, иногда Креку казалось, что старик ошибается, но это не могло поколебать уважения мальчика к престарелому наставнику.

Путешествие затягивалось, а погода становилась все хуже и хуже. Зима была не за горами.

Старик уже не раз подумывал о том, что было бы благоразумнее выждать наступления более теплых дней в каком-нибудь сносном жилище.

Но где найти жилье?

Построить хижину из ветвей, обложить ее толстым слоем земли? Но такая хижина не могла защитить путника от осенних дождей и свирепых зимних ветров.

И Старейший, невзирая на суровую погоду, все еще продолжал двигаться вперед. Ему хотелось найти какое-нибудь надежное убежище на зиму.

Но путь наших странников пролегал по равнине, где трудно было отыскать что-нибудь подходящее.

Как-то раз они попробовали устроиться на ночлег в большой яме, в лесу; это было заброшенное логовище какого-то животного.

Но в ту же ночь прошел сильный дождь, и воды соседнего болота внезапно разлились по равнине, затопив берлогу, только что превращенную в человеческое жилье.

Путешественники едва не утонули, захваченные водой во время сна. Чуть ли не вплавь спаслись они из этого негостеприимного убежища и бежали на равнину. Здесь провели они остаток ночи под проливным дождем и яростным ветром.

Но судьба наконец сжалилась над нашими странниками.

Однажды охотники преследовали какую-то дичь. Пробегая мимо невысокого холма, густо поросшего деревьями, Рюг заметил, что южный склон его круто обрывается к бурному ручью, протекавшему внизу. В обрыве зияла какая-то черная дыра, наполовину прикрытая вьющимися растениями.

Рюг тотчас направился к ней, обошел ее со всех сторон и внимательно осмотрел снаружи. Обрыв был сложен из пластов какого-то сероватого камня. Кое-где плиты обломились и лежали грудами, кое-где нависли над самой водой, образуя обширные навесы.

В одном месте черная дыра, откуда бежал маленький ручеек, вела далеко в глубь обрыва. У входа Рюг заметил огромную кучу слежавшегося мусора и несколько обугленных, полусгнивших коряг.

«Наверное, здесь когда-то жили люди»,— подумал Рюг.

И сейчас же прибавил:

«И люди будут жить здесь. Нам нужно как раз такое убежище. Здесь мы найдем защиту от дождей и снега».

Он обошел холм, чтобы убедиться, нет ли где-нибудь другого входа в таинственное подземелье. Но поиски его были напрасны: темное отверстие под обрывом, загороженное сеткой вьющихся растений, было единственным входом в пещеру.

Рюг осторожно раздвинул лианы и терновник, закрывавшие отверстие, и отважился заглянуть вглубь.

— Очень темно,— проговорил он,— но зато тихо.

Рюг пригнулся и, держа копье наготове, полез в подземелье.

Прошло несколько секунд, как юноша скрылся под камнями. Вдруг из пещеры послышался неясный треск, затем пронзительные крики и удары.

Еще мгновение — и в отверстии пещеры показался Рюг, запыхавшийся, забрызганный кровью, с обломком копья в руке; он перевел дух и со всех ног бросился бежать к тому месту, где мог находиться Старейший.

Между тем старик и мальчики начали уже тревожиться за Рюга.

Когда юноша подбежал к своим друзьям, он не сел, а упал около костра; он молчал и дрожал всем телом.

Старик и дети смотрели на него с удивлением.

— Что случилось, Рюг? — спросил Старейший.— Откуда эта кровь? У тебя оружие сломано! Что произошло?

— Люди... люди...— бормотал Рюг, мало-помалу начавший дышать спокойнее.

— Люди! Где? — вскричали охотники.

— Вон там, в подземелье. Они напали на меня в темноте. Я сражался во мраке, но мое копье сломалось, и я бежал. Надо было

предупредить вас об опасности и помешать вам попасть к ним в засаду. Сколько я их убил! Сколько я их убил! Много, очень много! Но их осталось еще больше.

Охотники все время прерывали рассказчика восклицаниями. Эта весть поразила их. Они были храбры, но и самые храбрые воины при вести о близкой битве становятся серьезными.

— Вставайте,— приказал Старейший.— Берите оружие. Идем навстречу врагу. Но почему они не преследовали тебя?

Мирные путешественники сразу превратились в воинов и в строгом боевом порядке двинулись к пещере.

Гель захватил с собою длинную горящую головню,— так приказал ему старик.

Они подошли ко входу в мрачное подземелье. Гель бросил туда свой горящий факел. Воины, потрясая оружием, разразились воинственными кликами. Они ожидали, что враг, сидевший в засаде, сейчас же яростно набросится на них.

Но вместо людей, с которыми так храбро сражался Рюг, из пещеры с пронзительным криком вылетели какие-то большие черные и рыжие существа.

Одни из них быстро улетели, исчезнув между деревьев, другие, раненые, попадали на землю.

Оказалось, что Рюг-большеухий в темноте принял за людей огромных летучих мышей.

Охотники осмотрели убитых зверей. Конечно, эти животные были не так страшны, как вооруженные люди, но никто не смеялся над испугом Рюга: в темной пещере их легко было принять за свирепых чудовищ.

Потом все вернулись к пещере.

Крек влез в нее, поднял головню, раздул огонь и, подбросив в костер сухой травы и веток, стал на пороге, ожидая, не появится ли еще какой-нибудь враг. Но внутри все было тихо, и, когда дым рассеялся, все забрались под каменные своды.

Пещера была низковата, но довольно суха и просторна. Маленький ручеек, выбиваясь из расселины в глубине пещеры, протекал вдоль стены. У входа виднелись следы древнего очага. Своды и стены были закопчены.

Видно, здесь некогда обитало какое-то не слишком многолюдное племя.

Старейший осмотрел пещеру, и она показалась ему подходящим убежищем от непогоды и от диких зверей. Было решено провести здесь остаток зимы.

В этот вечер охотники спали уже под кровом. В первую ночь почетная обязанность оберегать остальных и следить за огнем выпала на долю Крека.

Зима прошла быстрее, чем ожидали охотники. Жестокие морозы скоро сменились оттепелями и дождями. В морозные дни охота на оленей была более удачна, потому что эти животные отыскивали под снегом лишайники и мох.

Около жилища охотников протекала тихая, заросшая камышом речка. Когда наступили теплые дни и олени ушли к полуночным

странам, наши охотники начали бить по берегам реки кабанов, болотных птиц, выдр и других, более редких зверей. Одни звери были громадны, другие чуть побольше кроликов. Все эти звери и зверьки валялись в грязи, плавали, ныряли, отыскивая рыбу или корни водяных растений.

Однажды на охоте Крек сделал очень важное открытие.

На берегу реки лежали упавшие деревья. Они были настолько велики, что у мальчиков не хватало силы подтащить их к пещере. Рюг пытался расколоть их большим каменным топором, но из этого ничего не вышло. Каменный топор только скользил по твердому высохшему дереву. Так они и остались лежать на берегу, возле самой воды.

Животное, за которым охотился Крек, спряталось в нору, как раз под одним из этих стволов. Мальчик принялся расширять и расчищать руками и древком копья нору, а потом позвал на помощь Рюга.

В конце концов мальчики решили, что лучше всего откатить дерево в сторону, и тогда они, наверное, поймают зверька.

Берег довольно круто спускался к реке, и Крек с Рюгом без особого труда скатили бревно вниз; дерево с разгону упало в воду, разбрасывая целые фонтаны брызг. Сухой и крепкий ствол, тихо колыхаясь, поплыл по течению. Гель в это время купался; увидев скатившееся бревно, он бросился за ним вдогонку. Тащить тяжелое бревно было трудно, и Гель решил взобраться на него верхом, рассчитывая, что так ему легче будет направить его к берегу.

Гель рассчитал правильно. Сначала он плыл верхом на бревне по реке, а затем благополучно причалил к берегу.

Между тем Крек и Рюг, поймав зверька, решили отдохнуть и выкупаться. Недолго думая, они бросились в реку вдогонку за Гелем. Но Гель на бревне плавал гораздо быстрее их. Креку и Рюгу это показалось обидным, и они решили последовать примеру Геля.

Мальчики скатили в воду еще два бревна, и вскоре на реке показалась целая флотилия. На берег вышел Старейший; его привлекли веселые крики и возня ребят; он присел на траву и стал любоваться их играми.

Случайно бревно Рюга сцепилось своими крючковатыми сучьями с бревном Крека. Мальчики попробовали разъединить бревна, но это им никак не удавалось. Тут Крека осенила новая мысль.

— Давайте плавать вместе. Как много у нас места! Гель,— крикнул он,— подплывай к нам, садись вместе с нами!

Мальчики стали плавать втроем, кое-как управляя подобранными в воде палками.

Старейший окликнул их и приказал подплыть к берегу. Когда братья приблизились к берегу, старик сошел в воду и осмотрел их самодельный плот. Затем он велел детям наломать гибких ветвей и спустить на воду еще несколько стволов.

Потом Старейший, обрубив кое-где ветки, пригнал стволы поплотнее друг к другу и начал связывать их гибкими прутьями и ветвями лиан. Мальчики немедленно принялись ему помогать, и скоро неуклюжий, но зато очень прочный плот был готов. Он отлично

выдерживал тяжесть старика и мальчиков. Старейший остался очень доволен своей выдумкой.

Так как река текла по направлению к восходу солнца, то Старейший объявил детям, что часть пути они сделают на плоту. Плыть по реке легче и спокойнее, чем странствовать пешком.

Дети пришли в восторг от этой затеи. Тронуться в путь решили на следующий день.

Утром охотники срезали и подсушили над костром несколько длинных и крепких жердей, которые должны были служить для управления плотом.

Плот устлали связками камыша, перенесли на него весь запас провизии и свои убогие пожитки.

Затем Старейший торжественно взошел на плот и приказал Рюгу и Гелю вытолкнуть плот из прибрежных камышей на чистую воду. Мальчики не без волнения повиновались этому приказу, и скоро плот, тихо покачиваясь, поплыл посередине реки.

ГЛАВА IX

Озерные жители

Плыть легче, чем идти, и все же плавание на неуклюжем плоту утомляло наших путешественников. Все время приходилось зорко следить за тем, чтобы плот не опрокинулся. Целые дни проводили мальчики с шестами в руках, то отталкивая плывшие навстречу коряги, то проворно причаливая к берегу, чтобы избежать опасной встречи с каким-нибудь водяным животным, то снимая плот с мели и направляя его на середину реки. Наконец, на шестой день пути, обогнув крутой поворот, храбрые плаватели увидели вдали обширную равнину, окруженную туманными горами.

Река, по словам дальнозоркого Крека, словно терялась в этой равнине.

Старейший объяснил детям, что голубая равнина — это большое озеро, отражающее ясное небо.

Крек по своей привычке собрался было засыпать старика вопросами. Но Рюг внезапно вмешался в разговор и помешал ему.

— Я слышу какой-то шум,— сказал Большеухий.— Он доносится с правого берега, из-за леса. Не то топот стада оленей или лосей, не то стук камней. Прислушайся, Крек! Словно гигантские животные роют берег, или сыплются какие-то камни.

Крек, прислушавшись, сказал, что это ссыпают вместе груды камней.

— Говорите шепотом,— сказал старик,— а ты, Гель, передай мне мешок, он у тебя под ногами. Камни, наверное, кидают люди. Нам понадобится оружие, если придется сражаться, и подарки, если мы вступим с ними в переговоры. Я надеюсь, что незнакомые люди, увидев мои сокровища, встретят нас приветливо.

Старик развязал жилу, стягивавшую мешок. И в самом деле, вещи, хранившиеся в мешке, составляли по тем временам величайшую редкость. Старик недаром гордился ими. Тут были куски

горного хрусталя, агата, мрамора и желтого янтаря, обточенные и просверленные; из них низались почетные ожерелья. Были тут и пестрые раковины, попавшие из далеких стран, искусно сделанные наконечники стрел, куски красного мела для разрисовки лица, перламутровые шила, рыболовные крючки и иголки из слоновой кости.

Все эти сокровища старик собрал за свою долгую жизнь.

Дети рассматривали их, широко раскрыв глаза от удивления. Но им не пришлось долго любоваться драгоценностями. Надо было снова приниматься за шесты. Плот, подхваченный течением, быстро приближался как раз к тому месту, откуда раздавался шум, с каждой минутой становившийся все сильнее и сильнее.

Старик спрашивал себя, не слишком ли неосторожно с их стороны продолжать спускаться по реке на плоту, не лучше ли им высадиться и укрыться под привычную сень береговых лесов, когда Крек, дотронувшись до его руки, прошептал:

— Старейший, нас заметили... Я вижу вдали, на самой середине реки, каких-то людей. Они плывут на древесных стволах и делают нам знаки. Вон они!

— Теперь поздно скрываться. Поплывем к ним навстречу,— ответил Старейший. С этими словами он встал, поддерживаемый Гелем, и, в свою очередь, принялся подавать знаки рукой.

Через несколько минут плот путников окружили четыре плавучие громады,— таких никогда не видел ни Крек, ни Старейший. То были лодки, выдолбленные из цельных древесных стволов, заостренных по обоим концам. В этих лодках стояли люди и держали весла.

— Эти люди знают больше меня, но вид у них миролюбивый,— сказал Старейший, глядя с восхищением на незнакомцев и их лодки.— Быть может, они дадут нам приют. Надо постараться, чтобы нас хорошо приняли.

Он обратился к незнакомым людям с миролюбивой речью,а те смотрели на пришельцев скорее с любопытством, чем враждебно, и с видимым удивлением указывали друг другу на странный плот наших путешественников.

Гребцы в лодках, вероятно, не поняли речи старика: но приветливое выражение его лица, его спокойные, миролюбивые жесты, ласковые переливы голоса, несомненно, убедили их, что почетный старик и его молодые спутники не питают никаких враждебных замыслов. Лодки вплотную приблизились к плоту. Обе стороны обменялись приветственными жестами и улыбками.

Крек с жадным любопытством разглядывал прибывших. По своей одежде и оружию люди в лодках были очень похожи на людей, спустившихся к озеру на плоту.

Пока длилась церемония первого знакомства, лодки и плот продолжали плыть вниз по реке и скоро очутились против пологого песчаного берега. Тут нашим путешественникам открылось никогда не виданное, странное зрелище.

Недалеко от берега, по склонам холма, сплошь покрытого галькой и гравием, двигались взад и вперед вереницы людей. Одни

наполняли камнями кожаные мешки, другие сносили эти мешки к берегу и высыпали камни в лодки.

Грохот ссыпаемых камней слышали издалека Крек и Рюг.

Плот и лодки направились к берегу и скоро причалили. На берегу, на вершине холма, в широкой выемке, Старейший и мальчики увидали скелет громадного животного.

Чудовищный скелет отчетливо вырисовывался на голубом небе; казалось, длинные побелевшие кости держатся какими-то невидимыми связками.

Громадные плоские рога, усаженные остриями и зубьями, торчали по обе стороны могучего черепа, высоко поднимая свои разветвления. По-видимому, это был олень или, даже, вернее, лось. Когда-то, очень давно, течение прибило его труп к береговой отмели, много лет подряд река заносила его песком и галькой. Наконец река, прорыв себе более удобное русло, отошла в сторону. Труп остался погребенным в береговых холмах. Теперь люди, добывая песок и гальку, раскопали его могилу.

Старейший много раз в своей жизни охотился на лося и ел его мясо. Но такого громадного зверя он никогда не видывал; чудовищные останки этого свидетеля прошедших времен поразили его и мальчиков.

Между тем люди на холме продолжали свой тяжелый и непонятный для наших путников труд. Несколько человек отделились от толпы работавших и подошли к пришельцам.

По важной осанке, по уверенному виду, по украшениям волос, ожерельям и, наконец, по начальническим жезлам Старейший сразу признал в незнакомцах вождей племени и протянул к ним свои дары. Вожди милостиво, с достоинством улыбнулись, и между ними и стариком завязался длинный разговор при помощи знаков.

Старейший выразил желание найти для себя и своих юных спутников мирный приют в жилищах этого племени. Он поклялся, что они будут служить верой и правдой приютившим их людям. Быть может, со временем их примут в члены великой новой семьи, которую они нашли после длинного путешествия, такого опасного и тягостного.

Вожди не без труда поняли, что хотел сказать старик. Они смерили взглядом Геля, Рюга и Крека. Ловкие и смелые мальчики, видимо, понравились им. Они нуждались в сильных и смышленых работниках, чтобы закончить важную работу, начатую на берегу озера. И они согласились исполнить просьбу Старейшего.

Гель, Рюг и Крек почтительно склонились перед ними и принялись весело собирать гальку, не понимая еще, зачем и для чего они это делают.

Вожди сразу признали Старейшего равным себе человеком. Они усадили его рядом с собой и предложили в знак союза выпить вместе с ними речной воды, поданной в большой раковине.

Тем временем пироги нагрузили доверху. Все расселись по лодкам, путешественники снова поместились на своем плоту, и флотилия тронулась в путь к поселку туземцев.

Они вскоре достигли устья реки. Здесь началось озеро, без-

брежная гладь воды... Старейший и мальчики были поражены величавым простором озера.

Но вот путешественники выплыли в озеро, и перед ними открылось еще более чудесное зрелище. Справа от устья реки, довольно далеко от берега, виднелось много хижин, крытых тростником и обмазанных глиной. Хижины стояли на широком помосте из древесных стволов. Крепкие сваи, прочно укрепленные в воде, поддерживали помост.

Вода была так прозрачна, что наши путники могли заметить на дне озера, у подножия каждой сваи, громадные кучи галек и гравия.

Тут только они поняли, зачем жители поселка привозили издалека груды щебня и песку.

Прямые стволы деревьев, грубо обтесанные, не могли, конечно, глубоко войти в каменистую почву озера, а «бабы», которыми теперь забивают сваи, тогда еще не были известны. Чтобы прочно укрепить сваи на дне озера, у их основания насыпали громадные кучи камней.

Старейший и трое юношей с изумлением смотрели на эти дома на воде, где отныне им было суждено жить.

— В этих тростниковых пещерах,— сказал Рюг,— можно отдыхать спокойно. Кроме птиц, змей и пожаров, здесь нечего бояться.

Гель и Крек согласились, что здесь жить было гораздо приятней, чем в пещере.

Но к радости Крека примешивалась доля печали. Ему недоставало матери и сестер, Маб и Он. Как бы хорошо было, думал он, если бы на помосте, где стояли хижины, он увидел бы их знакомые фигуры. Что-то они делают теперь? Не забыли ли они его?

Но все кругом было так ново, так необычно, что грусть Крека быстро прошла. И когда лодки остановились у места, где сваи засыпали гальками, Крек снова развеселился. Он хотел теперь одного: как можно скорее доказать, что он трудолюбив, мужествен, сметлив и будет полезен новой семье.

Между тем на помосте теснились обитатели деревни, с удивлением рассматривая плот с чужеземцами. Они приветливо встретили пришельцев. Молодежь, всегда любопытная, внимательно осматривала одежду и оружие нежданных гостей.

Дружба между молодежью заключается скоро, и спустя несколько часов братья и озерные мальчики так подружились, словно они с детства знали друг друга.

Гель-рыболов сразу же стал работать вместе с водолазами — они попеременно поддерживали сваи в отвесном положении, пока их основание укрепляли камнями. Гель чудесно нырял и мог оставаться под водой очень долгое время.

Рюг присоединился к тем работникам, которые устанавливали сваи в воде, и очень быстро научился обтесывать и заострять концы древесных стволов с помощью длинного топора из шлифованного камня.

Старейший долго осматривал новые орудия. Эти полированные каменные топоры, наконечники копий и стрел были такими острыми, гладкими и красивыми. И, конечно, эти орудия были гораздо совершенней грубо обтесанных, кое-как оббитых орудий жителей пещеры. Старик радовался, что встретил племя, которое умеет строить такие чудесные дома и изготовлять такое прекрасное оружие.

Вечером, когда наши путешественники остались одни в новом жилище, большой и хорошо закрытой хижине, Старейший поделился с мальчиками своими впечатлениями.

— Дети мои,— сказал он,— я рад, что мы встретили людей, которые — я признаюсь в этом без стыда — знают куда больше, чем старейшины нашей пещеры, и чем я сам. Учитесь у них. Вы молоды и скоро научитесь всему, что знают эти люди. Они изобрели много хороших вещей, и живется им в этой мирной стране гораздо легче, чем нам в наших лесах. А мне в мои годы уже трудно переучиваться, хотя мне нравится все, что я вижу здесь.

— Старейший,— сказал Крек,— я видел, как они просверливают в топорах дыру для крепких деревянных рукояток. Для этого нужны костяная палка, песок и вода. На топор они насыпают мелкий песок, поливают его водой, затем с силою надавливают на него костяной палочкой и начинают его вращать. Все время они подсыпают песок и подливают воду. Сначала получается маленькая впадина, постепенно она становится все глубже и глубже и наконец превращается в дыру. Но как упорно и долго приходится им работать!

Старейший похвалил Крека за наблюдательность.

Первая ночь на озере прошла спокойно. С тех пор как путники оставили родную пещеру, впервые ни грозный рев животных, ни крики ночных птиц не прерывали их сна. Тихий плеск воды о сваи, казалось, убаюкивал их.

На другой день путники проснулись бодрыми и веселыми. Выйдя на мостки, соединявшие деревню с берегом, они увидели, что обитатели хижин давно уже встали и принялись за работу. Женщины жарили рыбу и мясо на очагах. Эти очаги были сложены из плоских камней, скрепленных илом, который под влиянием жара обратился в камень.

Быть может, именно вид этого обожженного ила и внушил позднее первобытным людям мысль лепить из него сосуды наподобие плетушек из коры и обжигать их на огне.

Старейший объяснил детям, что благодаря камню и илу деревянный помост не может загореться.

— Признаюсь,— сказал он,— я все время боялся, как бы в поселке не вспыхнул пожар и не погубил хижин. Но чудесные очаги из камней и ила отлично предохраняют поселок от пожара.

Внезапно громкие и хриплые звуки прервали этот разговор. Старейший быстро оглянулся: дети из поселка изо всех сил дудели в большие раковины. На их призыв работники, рассеянные по берегу и на пирогах, стали собираться к хижинам. Настал час

еды. Через несколько минут все собрались вокруг очага, и среди глубокого молчания вожди начали раздавать пищу.

Некоторое время слышалось только шумное чавканье и изредка — громкая икота.

С наслаждением уплетая маленьких мясистых рыбок с красными точками на спине, Крек вдруг заметил, скорей с изумлением, чем с испугом, неподалеку от очага двух зверьков с острыми ушами и длинным хвостом.

Зверьки сидели неподалеку от людей и жадно смотрели на мясо.

Животные, казалось, готовы были кинуться на людей, но никто не обращал на них внимания. Это удивило Крека, он тотчас встал, молча схватил свою палицу и собрался храбро напасть на зверьков. Но вождь племени догадался о намерении мальчика, сделал ему знак положить оружие и снова приняться за еду.

Вождь тут же кинул несколько костей животным, и те жадно накинулись на эту скудную подачку и ворча оспаривали ее друг у друга.

Старейший удивился не меньше Крека, но вождь объяснил им, что эти зверьки давно уже привыкли жить около людей.

Несколько лет тому назад, в холодное зимнее время, зверьки эти вышли из лесу и бродили возле лагеря. Должно быть, их мучил голод. Однажды кто-то бросил в них костью. Но зверьки не испугались, а подошли поближе и принялись глодать ее. Так продолжалось несколько дней подряд.

— Животные,— добавил начальник,— поняли, что их не убьют, что возле людей можно полакомиться костью, и остались здесь жить. Когда охотники преследуют оленя или какую-нибудь другую дичь, они бегут вперед и кружатся около добычи, подгоняя ее к охотникам. Поэтому мы не стали их убивать.

Старейший долго и с восхищением разглядывал зверьков, подружившихся с человеком. Он и не подозревал, что позже потомки этих зверей утратят дикий нрав и станут нашими верными помощниками и товарищами — собаками...

Покончив с едой, все улеглись спать. Но отдых длился недолго, вскоре все с новыми силами принялись за работу. Несколько охотников вместе с зверьками отправились в лес. С ними ушли Гель, Рюг и Крек. Оставшиеся принялись крепить сваи; женщины и дети скоблили шкуры, натирали их мокрым песком и жиром, чтобы сделать их мягкими и легкими.

Старейший и начальник поселка уселись возле очага и принялись изготовлять наконечники для стрел. Это были превосходные мастера. Из небольших кусочков кремня они выделывали тонкие и гладкие острия.

Стрелы с такими наконечниками могли тяжело поранить даже огромного лося и зубра.

Если вы будете в музее, остановитесь около коллекции оружия каменного века и поглядите на нее внимательно.

Сколько терпения, упорства, мастерства надо было затратить, чтобы превратить кусок бесформенного камня в гладко отшлифованный тонкий наконечник стрелы или тяжелый молоток.

У первобытных мастеров не было ни наших инструментов, ни наших станков, и все же они умели изготовлять те совершенные вещи, которыми мы любуемся теперь.

В то время как оба старика работали на помосте свайного поселка, Крек бродил по лесной чаще. Вдруг он услышал звук, словно кто-то раскусывает орех; треск шел с верхушки дерева. Быть может, это щелкал орехи какой-нибудь грызун? Крек присел за высокие сухие папоротники, чтобы скрыться от глаз животного, и взглянул вверх.

Мальчик изумился, когда на верхушке дерева он увидел не грызуна, а ноги какого-то человеческого существа!

Крек бесшумно, словно змея, зарылся в траву и, чуть дыша, стал выжидать, поглядывая на верхушку дерева.

Существо, щелкавшее орехи, с увлечением продолжало свое занятие. Это, видимо, и помешало ему расслышать шелест травы, раздвигаемой Креком. Наконец, оборвав все орехи на дереве, человек решил спуститься на землю.

Он проделал это бесшумно и очень ловко; у подножия дерева он перевел дух и быстро скользнул в чащу.

Он так и не заметил, не почуял молодого охотника.

Но Крек успел его рассмотреть. Этот человек не походил ни на одного из жителей поселка, с которыми Крек успел познакомиться.

Лицо у него было волосатое, а шею охватывало ожерелье из когтей медведя.

Кто же был этот незнакомец?

Крек вздохнул свободно после ухода человека с ожерельем, он был доволен, что отделался так просто. В первую минуту Крек хотел бежать в поселок, но, подумав, решил сначала выяснить, куда направился незнакомый охотник.

Крек кинулся вслед за незнакомцем. Мальчик быстро настиг его и, припав к земле, пополз за ним так близко, что видел, как медленно поднималась трава, примятая его ногами.

Запах тины и водяных растений, сначала едва заметный, потом все более и более острый, возвестил Креку, что они приближаются к берегу озера. И он не ошибся. Скоро к шелесту листьев и ветвей присоединился и плеск воды. Между деревьями и растениями падали полосы света, они становились все ярче и ярче.

У опушки леса Крек остановился. Он увидел, что незнакомец, ничуть не скрываясь, смело прошел по пустынному отлогому берегу и направился в чащу высокого тростника, окаймлявшего озеро. Пока он шел по берегу, над тростником внезапно появились черноволосые головы.

Крек пересчитал их, или, вернее, поднял по пальцу на каждую голову (доисторические мальчики не умели считать), и увидел, что черноволосых было столько, сколько у него пальцев на двух руках да еще один палец на ноге.

Крек очень хорошо рассмотрел незнакомцев и теперь больше не сомневался: эти люди не были жителями поселка на воде.

Он решил поскорее предупредить своих товарищей: ведь при-

таившиеся в камышах люди могли быть врагами. Крек немедля пустился в обратный путь. Он бежал по лесу уверенно, как хорошая охотничья собака, и осторожно, как опытный лесной бродяга.

Он скоро отыскал охотников из поселка. Это было как раз вовремя. Рюг и Гель уже беспокоились, не зная, почему опаздывал брат. Они просили товарищей подождать хотя бы еще немного.

— Мальчик скоро вернется,— убеждал Рюг,— я слышу его шаги, он недалеко отсюда.

Но охотники были очень недовольны. Они встретили запыхавшегося мальчика ворчанием. Однако новость, принесенная Креком, сразу же заставила их позабыть свое недовольство.

Охотники знали о соседних бродячих племенах гораздо больше, чем Крек и его братья. Поэтому, когда Крек описал им незнакомцев, они встревожились. Разрубив на части тушу убитого оленя, они взвалили куски мяса себе на плечи и поспешно двинулись к поселку.

Но на берегу озера их поджидала новая беда: двух лодок не оказалось на месте.

— Куда они девались?

На плоском илистом берегу виднелись борозды, оставленные лодками, когда их вытаскивали на сушу. Виднелись и борозды от двух исчезнувших лодок. Но как их спустили обратно на воду, понять было невозможно. Никаких других следов нельзя было заметить. Это было удивительно, но времени, чтобы расследовать таинственное происшествие, у охотников не было. Надо было как можно скорее добраться до дому. Охотники столкнули на воду оставшиеся лодки и, сильно взмахивая веслами, понеслись к поселку.

Причалив к помосту, охотники поспешили к хижинам вождей. Вскоре все вожди собрались вокруг очага. Они позвали Крека и приказали повторить все, что он раньше говорил охотникам.

Вожди слушали Крека с мрачными лицами. Затем они оживленно и долго совещались между собой. Наконец они обратились к Старейшему, который присутствовал тут же. «Мальчик смел и сообразителен», сказали вожди старику и поручили ему поблагодарить Крека от имени всех вождей.

— Не будь мальчика,— добавил старший вождь,— враги застали бы нас врасплох. Дикие лесные бродяги, что скитаются по берегам озера, могут напасть на нас. Опасность велика; но кто остерегается, тот силен. Эти бродяги давно не появлялись здесь, и мы решили, что они покинули нашу страну. Но, видимо, они скрывались в лесах и теперь замышляют напасть на нас.

Старейший простер свой жезл над головой Крека и ласково положил ему руку на плечо. Это была большая честь, и Крек был в восторге.

Настала ночь. Все наскоро подкрепили свои силы. Женщины и дети укрылись в хижинах. Люди в полном молчании готовились к защите поселка. Самые сильные охотники снимали подпоры у мостков, чтобы враг не пробрался с берега. Один отряд воинов затаился в укромных местах между хижинами. Другой — спу-

стился в пироги и залег в них. Пироги стояли вдоль свай, перед мостками. Сверху их прикрыли тростником, снятым с крыш. На главном помосте у очага был поставлен только один часовой. Этот почетный пост по приказу вождя занял Рюг. Все уже знали о его необыкновенном слухе. Лежа у костра, Рюг должен был прислушиваться к ночным шорохам и, если бы враг приблизился, предупредить вождей.

Рюг не имел права вмешиваться в битву. Как только на помосте завяжется бой, юноша должен был разжечь яркий огонь и неустанно поддерживать его.

В поселке воцарилась глубокая тишина. Все замерли на своих местах, чутко вслушиваясь в ночные звуки. Время тянулось ужасно медленно. Внезапно Рюг поднял руку.

— Они идут,— прошептал вождь, поняв движение Рюга.— Какие хитрецы,— прибавил он на ухо Старейшему,— ведь они нарочно дожидались конца ночи. Они думают, что перед рассветом сон всего сильнее одолевает человека и наши часовые могут задремать.

Кругом царила глубокая тьма и полное безмолвие. Только изредка вдали раздавался жалобный крик болотной птицы.

Рюг снова поднял руку и лег.

— Вот они! — сказал вождь.

И в самом деле, воины различили какой-то тихий и необычайный плеск, заглушавший по временам мерный и спокойный говор волн.

Мало-помалу этот плеск становился все яснее и яснее.

Приближались решительные минуты.

Рюг храпел. Его мирный и звонкий храп, наверно, подбодрял врагов и побуждал их смело подвигаться вперед. Враги заранее радовались, заметив, что часовой мирно спит. При свете сторожевого огня они могли отчетливо разглядеть беззаботно развалившегося на помосте человека. Часовой спал, вместо того чтобы вовремя заметить неприятеля и поднять тревогу.

Враг был уже близок, но воины поселка не могли различить ни одного звука, похожего на стук весел о воду. Наверное, пироги, украденные бродягами, или их плот вели искусные пловцы, сменявшие друг друга.

Пловцы подвели пироги к сваям с той стороны, где стояли лодки с укрывшимися под связками тростника воинами.

Один за другим нападающие полезли на помост. Они карабкались бесшумно, словно водяные крысы. Через мгновение над краем помоста показались черные головы. Широко открытые глаза врагов свирепо блестели при свете костра.

Наконец они взобрались на помост. С их смуглых волосатых тел струилась вода. Тот, кто шел во главе, показал своим товарищам на уснувшего Рюга и, взмахнув копьем, двинулся к спящему.

Но Рюг не спал. Притворясь спящим, он незаметно придвинул к очагу сухой валежник, облитый смолой: брошенный в костер, он должен был мгновенно вспыхнуть.

Вождь лесных разбойников подкрался к Рюгу, готовясь прон-

зить спящего копьем. Но смелый юноша быстро повернулся будто во сне и откатился в сторону. В тот же миг он ловко втолкнул в огонь сухой валежник, который вспыхнул теперь ярким пламенем.

Резкий свет ослепил чужого вождя, и он на мгновение остановился с поднятой рукой.

Это невольное замешательство оказалось для него роковым. Не успело его копье вонзиться в то место, где только что лежал Рюг, как воины поселка со всех концов помоста бросились и окружили высадившихся дикарей.

На помосте разгорелась ожесточенная битва. Защитники поселка сражались с отчаянной яростью. Удары дубин и палиц сыпались на обезумевших черноволосых, словно удары цепов на снопы хлеба.

Перед неприятельским вождем появился Крек и вонзил ему кинжал в грудь. Человек упал, Крек молча прикончил его.

Огонь пылал ярко, и Рюг без устали подбрасывал в очаг все новые и новые охапки сухого камыша и ветвей. Если какой-нибудь враг осмеливался слишком близко подойти к храброму мальчику, то Рюг, верный своему долгу, совал в лицо неосторожному горящую головню.

Лесные люди сражались храбро и не думали отступать. Если раненый падал на помост, он кусал своих противников за пятки.

Но скоро нападающие поняли, что им не одолеть защитников поселка. Их отряд был слишком мал, чтобы одержать победу над хорошо вооруженными и, главное, заранее приготовившимися к бою жителями поселка. Тогда враги отступили к мосткам, ведущим на берег. Но мостки оказались разобранными. В отчаянии они кинулись к пирогам, рассчитывая захватить их и бежать под покровом ночи.

Но и здесь их ждала неудача. Едва они добрались до края помоста, как воины, спрятанные в лодках, повскакали со своих мест и, потрясая оружием, оглашали воздух грозными, воинственными кликами.

Этого черноволосые не ожидали: они поняли, что окружены и погибли.

Кто не был ранен, бросился в озеро. За ними тотчас же кинулись вдогонку Гель-рыболов и другие искусные пловцы.

Иные, несмотря на тяжелые раны, продолжали стойко сражаться. Но таких было немного, и скоро все они полегли мертвыми на залитых кровью бревнах помоста. Это был конец боя.

Защитники поселка тут же расположились на отдых; одни осматривали свои раны, другие жадно пили холодную свежую воду.

Вдруг раздался громкий голос Рюга, юноша кричал женщинам, чтобы они поскорей тащили шкуры и мочили их в воде.

Вождь и Старейший во время боя хладнокровно подавали воинам оружие. Теперь они поспешно направились к Рюгу узнать, что произошло.

— Не стоит,— ответил большеухий мальчик,— сжигать все наше топливо. Надо поскорее затушить то, что было зажжено. Смотрите, у нас пол загорается!

И верно: поселку угрожала новая страшная беда — пожар.

Однако благодаря Рюгу удалось предотвратить и эту опасность. Женщины хватали шкуры, мочили их в озере и покрывали ими тлевший пол. Охотники таскали воду в сосудах из коры и заливали очаг.

Когда огонь удалось потушить, надо было позаботиться о раненых. Их разместили по хижинам и наложили на их раны повязки из свежих листьев и трав.

Трупы врагов побросали в озеро. Но прежде чем столкнуть в воду тело человека с волосатым лицом, которого убил Крек, вождь сорвал с него ожерелье из когтей медведя и надел его на шею мальчика.

— Ты заслужил это ожерелье,— сказал вождь,— и я дарю тебе его в знак благодарности моего народа.

Старейший положил руку на плечо Крека и сказал взволнованным голосом:

— Теперь ты воин, сын мой, и я доволен тобой.

На заре появился и Гель-рыболов: он плыл как рыба. Его лицо было рассечено от виска до подбородка каким-то острым орудием, но это не мешало ему улыбаться.

На вопрос Старейшего, где он так долго пропадал, Гель сурово ответил:

— Вместе с несколькими воинами я закончил под водой то, что вы начали на помосте. А чтобы тот, кто нанес мне эту рану, никогда не узнал меня по ней, я выколол ему глаза.

ГЛАВА X

Слепой вожатый

За этой страшной ночью последовал ряд спокойных и мирных лет, и жизнь в маленьком поселке на сваях не омрачалась никакими происшествиями.

За эти годы Крек не раз отличался своим мужеством, изобретательностью и ловкостью. Его часто хвалили, но он сумел остаться скромным, и поэтому все любили его, и никто не завидовал ему, как бы ни отличали его старшие. Каждый видел в нем бесстрашного защитника поселка, будущего вождя.

Гель и Рюг охотно признавали за ним первенство и любили его по-прежнему.

Старейший радовался, видя, как уважают его любимого ученика. Одно огорчало старика: он знал, что не доживет до того дня, когда резной жезл вождя перейдет в руки Крека.

Силы покидали старика, и он явно слабел. Он почти не сходил на берег и все свое время проводил у очага, беседуя с начальниками племени или занимаясь какой-нибудь легкой работой.

Когда же Старейший почувствовал, что конец его близок, он тайно поручил Гелю и Рюгу передать Креку в день, когда тот станет вождем, древний знак высшей власти — резной жезл из кости север-

ного оленя, которым сам Старейший честно и гордо владел почти сто лет.

После этого Старейший перестал выходить из своей хижины и через несколько дней умер.

Обычно жители свайного поселка хоронили своих умерших на дне озера, около самой деревни, засыпая их тела грудой камня и гравия. Но Старейший — вождь, он оказал племени много услуг. Поэтому в знак особого уважения его решили похоронить в земле.

Так и сделали. Старейшего торжественно похоронили далеко от озера, в спокойной, поросшей лесом горной долине. На похоронах кроме Крека с братьями присутствовали все вожди племени и отряд воинов. Над могилой набросали большую груду камней. Затем все отправились в обратный путь к уютным хижинам на озеро.

Крек и его братья шли молча, лишь изредка оглядываясь на исчезающие в тумане леса и холмы, те леса, среди которых покоился Старейший. Но остальные воины возвращались веселые, оживленно беседуя о своих делах. В те времена людям жилось слишком трудно, и они не могли долго грустить или радоваться.

Так и теперь: едва похоронив Старейшего, они уже ни о чем другом не думали, как о возвращении в родные хижины и о будущих охотах.

К ночи отряд вышел из лесу на открытую равнину. В эту минуту передовые воины-разведчики остановились.

Они увидели юношу и двух молоденьких женщин, сидевших на корточках на земле. Рядом с ними лежал какой-то человек, много старше их, который, казалось, только что умер или умирал. Трое незнакомцев изнемогали от усталости и перенесенных в пути лишений.

В нескольких шагах от старика в луже крови валялся труп медведя.

Разведчики криком предупредили шедших сзади. Воины вместе с вождем живо окружили несчастных.

Молодые женщины и юноша с трудом поднялись на ноги. Они взглядами и жестами умоляли пощадить их. Юноша обратился к вождю с речью. Но никто из озерных жителей не мог понять его слов. В эту минуту подоспел Крек. Едва слова незнакомца долетели до его слуха, как он вздрогнул и быстро оглянулся на братьев. На лицах Рюга и Геля отражалось такое же изумление и тревога.

Что же так взволновало братьев?

С тех пор как братья попали в озерный поселок, они быстро освоились с языком его обитателей и так привыкли к нему, что и между собой не говорили иначе как на озерном наречии. Но язык родной пещеры они не позабыли. Отдельные слова они еще помнили. И теперь они услышали их из уст незнакомца.

Юноша говорил на языке их родного племени!

В сумерках трудно было разглядеть лица и одежду этих несчастных. Но братья не сомневались, что перед ними беглецы с берегов их родной реки.

Они поделились своей догадкой с вождем, и тот приказал им немедля расспросить злополучных путников.

Пока они беседовали, воины разложили костер и предложили чужеземцам воду и пищу. Путники, измученные жаждой, накинулись на воду, но от еды отказались.

Попытались также влить хоть несколько капель живительной влаги в сжатые губы старика, лежавшего на земле, но старик был мертв.

Крек стал расспрашивать несчастных, внимательно вглядываясь при свете костра в их худые, костлявые лица, покрытые грязью и царапинами.

Молодые женщины молчали, видимо совсем изнуренные, говорил только юноша.

— Мы пришли издалека.— Так начал он свой рассказ.— Наша родина там,— и он указал рукой на темнеющий лес,— за этими горами и лесами. Там, в пещерах на берегу огромной реки, проживала наша семья. Нас было много, наши охотники были искусны, пещера была надежным приютом — мы не голодали и легко переносили суровые холода. Но вот две или три зимы тому назад поблизости поселилось чужое свирепое племя. Эти разбойники не только истребляли дичь в соседних лесах, но и нападали на наших охотников. Они устраивали засады возле нашей пещеры, похищали и убивали детей и женщин. Каждую ночь мы ждали нападения на пещеру. Мы не раз давали им суровый отпор. Но их было слишком много, и победить их мы не могли. Пришло время, когда почти все наши воины и охотники погибли в кровавой схватке с врагами. Оставшиеся в живых решили покинуть пещеру и, забрав женщин и детей, ушли искать спасения в лесах. Но враги гнались за нами, многих перебили или захватили в плен. Только я, эти женщины и этот старик спаслись от преследования. Мы шли, бежали куда глаза глядят, не останавливаясь ни днем ни ночью, и наши враги мало-помалу отстали. Тут только мы немного отдохнули. Этот старик взялся вывести нас к берегам прекрасного озера. Но путь был очень тяжел; старик был слаб; не раз он отчаивался и просил бросить его в лесу.

— Почему он просил вас об этом? — сказал Крек.

— Ему казалось, что он только обременяет нас, он был слеп.

— Слеп?

— Да, слеп. Он ничего не видел. Он был чужой нашему племени. Мы встретили его в лесу во время охоты. Он бродил в лесной чаще, умирая от голода. Откуда он, никто не знал. Наши вожди его подобрали и приютили.

— Приняли к себе слепого! На что он годен? — вскричал удивленный Крек.— Ваши вожди поступили не очень умно.

— Наши старейшины думали не так,— ответил юноша.— Они приняли слепого чужеземца потому, что он обещал, если ему сохранят жизнь, отблагодарить со временем за такую милость. Он обещал указать нам дорогу в неизвестную прекрасную страну, где тепло и много дичи, много вкусных плодов и кореньев. Там, говорил он, живется легко и привольно, и люди устраивают себе дома на воде.

«Так этот слепой видел наше озеро!» — подумал удивленный Крек.

— Слепой воин жил и кормился у нас, ожидая, когда наши

старейшины решатся, наконец, переселиться в другую страну. Но они слишком долго собирались... «Слепец много знает и полезен нам своими советами», говорил самый старый из наших вождей. И в самом деле, чужеземец знал и учил нас многим важным вещам.

— Значит, он сумел стать вам полезным, и вы были правы, оставив ему жизнь и приютив его у себя,— сказал Крек.

Крек, как и все первобытные люди, считал, что калек, убогих, обессилевших от болезней или старости — всех, кто стал тяжелой обузой для остальных,— надо изгонять, обрекая на гибель. Это был такой же долг, как помощь товарищу на охоте или отважная смерть в бою при защите родного очага.

Молодой чужеземец продолжал свой рассказ:

— Мы не бросили слепца, и я кормил его тем, что добывал на охоте. Он был добрым советником и опытным вожатым. Мы рассказывали ему о том, что видели и встречали на своем пути,— о небе и земле, о деревьях и растениях,— словом, обо всем. А он указывал нам, в какую сторону идти.

Путь был долгий и трудный. Слепой слабел с каждым днем. Он боялся, что умрет, прежде чем доведет нас до чудесной страны. И вот однажды вечером он рассказал, куда нам идти. Он заговорил о народе, с которым мы должны встретиться.

«Они, наверно, дадут вам приют, потому что вы придете к ним просителями, а не врагами,— сказал он и затем прибавил: — Когда-то я тайно бродил по их владениям; я был не один, и глаза мои еще видели солнечный свет. Много дней я следил за этими людьми. К ним я и веду вас теперь. Они мирно ловили рыбу на берегах озера, плавали по воде на древесных стволах, искусно выдолбленных внутри. Мы захотели овладеть их прекрасными жилищами, чудным оружием, великолепными лодками. Тогда мы могли бы спокойно спать и всегда иметь обильную пищу. Мы несколько раз пытались победить их. Но все наши попытки были тщетны! Эти счастливые люди умели постоять за себя. Наконец мы решили захватить их врасплох и напали ночью на сонный поселок. Но и это не удалось. Много наших воинов погибло в бою. Некоторые, и среди них я, пытались спастись, бросившись в темные воды озера...»

— Но вдогонку за ними кинулись победители,— подхватил Крек, с жаром перебив молодого чужеземца.— Вожатый должен был и это открыть вам,— прибавил он с усмешкой торжества.— Только один из беглецов остался живым. Как он спасся, я не знаю, но у него в схватке с нашим воином были выколоты глаза!

— Вождь, ты прав! — воскликнул юноша.— Я вижу, что попал к тем самым людям, о которых говорил мне старик. Вы как раз из этого племени, на которое он некогда напал. Вождь! — продолжал молодой человек твердым голосом, протягивая руки.— Делай со мной что хочешь, но пощади этих несчастных женщин! Я ваш пленник, но вашего врага уже нет в живых. Слепой и слабый, он умер как храбрый воин в схватке с медведем, который напал на него, пока мы ходили искать воду. Он был храбрец, и звали его Безглазым. Я сын вождя и меня зовут Ожо.

Крек и его братья вскрикнули от удивления.

— Ожо!..— повторили вместе три брата.— Ожо!

— Да, Ожо.

— Это он!.. Это брат!..— прошептали Гель и Рюг, сжимая руки Крека и дрожа от радостного волнения.

— Я тоже так думаю,— пробормотал Крек,— но,— прибавил он, верный своей осторожности,— быть может, это враг, его зовут именем нашего брата Ожо.

И, обращаясь к чужеземцу, Крек громко спросил:

— Кто эти женщины?

— Эти женщины мои сестры, дочери вождя.

— Их зовут?

— Маб и Он.

Едва эти слова сорвались с уст незнакомца, как его обняли чьи-то сильные руки, и он услышал приветливые восклицания.

— Ожо, Ожо! — кричал вне себя от радости Крек.— Разве ты не узнаешь меня, и Геля, и Рюга?

Не нужно описывать изумление Ожо при этих словах, оно понятно и без слов.

Маб и Он казалось, что они видят во сне, будто маленький Крек превратился в прекрасного молодого воина.

Затем Крек подошел к вождю, который прилег у костра, пока братья разговаривали с молодым незнакомцем. Крек рассказал ему, с кем они встретились, и почтительно просил его помиловать Ожо и сестер.

— Их привел сюда наш враг, но теперь он мертв. Ожо — ловкий, осторожный, преданный и честный юноша. Он будет усердно служить племени, которое примет его к себе. Я отвечаю за него,— сказал Крек.

— Если это так, Крек, я должен благодарить тебя,— сказал вождь,— ты даришь нашему племени нового полезного члена. Пусть будет по-твоему. Завтра я покажу нашим молодого воина.

Ночь прошла спокойно. Воины крепко спали, но Крек, Гель-рыболов и Рюг-большеухий, сидя у костра, наперебой рассказывали Ожо и сестрам, как они живут в поселке на озере. А Ожо еще раз повторил свой рассказ о последних годах жизни в пещере и гибели их семьи.

— Еще задолго до битвы, которая стала роковой для нашей семьи,— так закончил Ожо свою печальную повесть,— старейшины простили тебе, Крек, смерть огня и сожалели, что ты ушел...

Наступал рассвет. Вождь проснулся и приказал немедля двинуться в путь. Через несколько часов дети пещеры подошли к берегам прекрасного озера. Годы тяжелых странствий и горькой разлуки окончились для них навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

Э 92 Это было в каменном веке: Повести: Пер. с англ. и фр./Сост. Г. Г. Чернущенко; Худож. Ю. Т. Терещенко.— Мн.: Юнацтва, 1989.— 447 с.: ил.
ISBN 5-7880-0124-2.

В книгу включены повесть известного американского писателя Джека Лондона «До Адама», английского писателя-фантаста Герберта Уэллса «Это было в каменном веке», три повести французского писателя Рони Старшего «Борьба за огонь», «Пещерный лев», «Вамирэх» и «Приключения доисторического мальчика» Д'Эрвильи.

Эти произведения отличаются друг от друга индивидуальным стилем повествования, но их объединяет общая тема — жизнь наших далеких предков в каменном веке.

Э 4703000000—028 / М 307(03)—89 БЗ 2—89

ББК 84(0)

Литературно-художественное издание

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Повести

Составитель **Чернущенко** Геродот Гаврилович

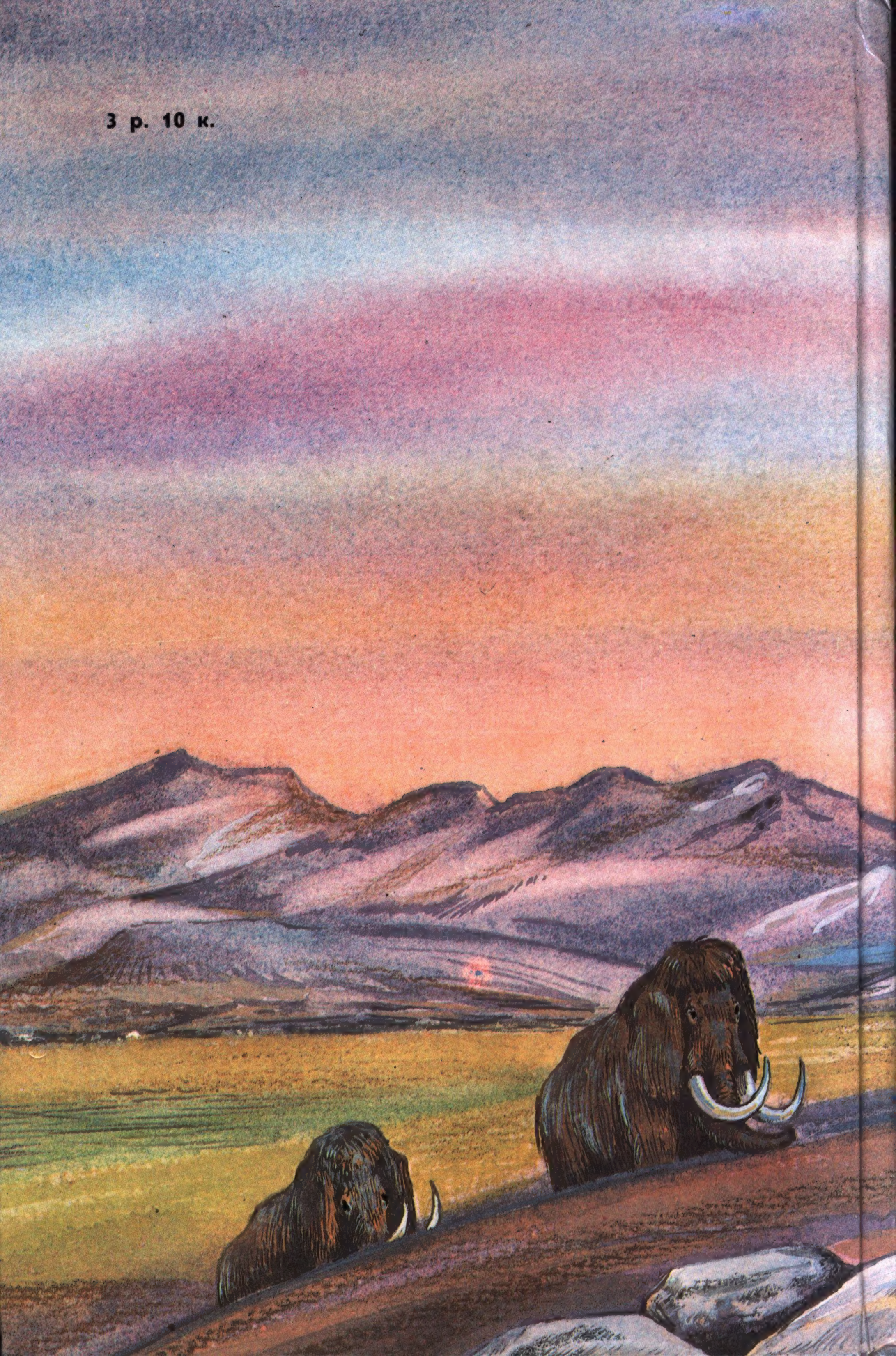
Ответственный за выпуск *Л. С. Мельник*
Художник *Ю. Т. Терещенко*
Художественный редактор *М. В. Чудников*
Технический редактор *Н. П. Досаева*
Корректоры *И. П. Василевская, Л. П. Стесик*

ИБ № 1316

Подписано к печати с диапозитивов 03.04.89. Формат 60×90 1/16. Бумага кн.-журн. Гарнитура Тип Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 28,0. Усл. кр.-отт. 56,50. Уч.-изд. л. 33,53. Тираж 1 050 000 экз. (3-й завод 200 001—350 000 экз.). Зак. 2384. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная 23.

3 р. 10 к.

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ